

Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History

National Academy of Sciences of Ukraine
Institute of Archaeology

THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY: PERSONS AND TRENDS

The Materials of International Conference devoted
to the 160-anniversary of V. V. Khvoyka
Kyiv, 5–8.10.2010

Nestor-Historia
Saint-Petersburg
2011

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

Национальная Академия наук Украины
Институт археологии

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ: ЛИЧНОСТИ И ШКОЛЫ

Материалы Международной научной конференции
к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки
Киев, 5–8.10.2010

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 930.26(470+571):069(091)
ББК 63.48(2)+79.13
И 90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
Проект № 10-01-14014r/U*

Редколлегия:

д.и.н. *Н.И. Платонова* (ответственный редактор),
д.и.н. *М.В. Аникович*, д.и.н. *Л.Б. Вишняцкий*,
к.и.н. *И.Л. Тихонов*, к.и.н. *С.В. Кузьминых*

И 90 **История археологии: личности и школы:** Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев (5–8.10.2010)). — СПб. : Нестор-История», 2011. — 360 с.

ISBN 978-5-98187-875-6

В настоящем тематическом сборнике представлены статьи российских и украинских ученых — участников Международной конференции «История археологии: личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки)», состоявшейся в Киеве 5–8 октября 2010 г.

Сборник открывает раздел, посвященный раскопочной и музейной деятельности В.В. Хвойки. В нем проанализирован вклад этого исследователя в отечественную археологию и музееведение и дается вполне объективная оценка результатов его деятельности.

Последующие разделы содержат публикации, посвященные историографии археологии, сформировавшейся ныне как самостоятельная область знания. В них затронуты проблемы теории и методологии исследований на различных этапах развития археологической науки, проблемы структуры археологических учреждений, подвергнуты анализу различные концептуальные подходы, историографические схемы и т. д. В ряде работ также поставлен вопрос о профессиональной этике археолога в современном мире.

Значительная часть статей основана на разработке архивных материалов. Они посвящены анализу научного наследия ученых XIX — первой пол. XX в. и уточнению их биографических данных. В отдельных случаях такие биографические исследования приводят к серьезным уточнениям современных представлений о ходе развития археологической науки прошлого.

УДК 930.26(470+571):069(091)
ББК 63.48(2)+79.13

ISBN 978-5-98187-875-6

9 785981 878756

© Институт истории материальной культуры РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции «История археологии: личности и школы: к 160-летию В.В. Хвойки» (5–8 октября 2010 года)

В конференции приняло участие 73 участника (российских — 22, украинских — 51) из 35 учреждений.

Конференция вела работу в составе двух секций «Парадигмы, концепции, подходы в археологических исследованиях», «Личность в истории археологии: наследие известное и неизвестное», а также двух круглых столов «Археологическое образование: формальный и неформальный аспект» и «Научные школы в археологии». Было заслушано 60 докладов. Прошли оживленные дискуссии.

Участники конференции с удовлетворением констатировали высокий интерес, проявляемый археологическим сообществом к таким проблемам, как развитие научных школ в археологии, смены парадигм и концептуальных подходов, а также к теории и методике археологических исследований. Подобные исследования конвергентно проводятся в различных научных центрах обеих стран, что отразилось в составе участников и тематике докладов.

Все это подтверждает насущную необходимость выделения подобных исследований в самостоятельное направление, которое нуждается в институционализации — создании соответствующих исследовательских подразделений в структуре ведущих научных учреждений а также постоянно действующих проблемных семинаров, объединяющих специалистов научно-исследовательских и образовательных учреждений.

В рамках конференции большое внимание было уделено проблемам высшего профессионального образования по специальности «археология». Были выявлены проблемные точки в преподавании археологии как специализации в условиях перехода на Болонскую систему образования. В связи с этим следует особо подчеркнуть фундаментальную роль археологической науки как базовой для всего исторического познания и ее исключительное значение в деле реконструкции первобытного прошлого. Поэтому выделение особой специальности «археология» ни в коем случае не должно сопровождаться ее отрывом от комплекса исторических дисциплин.

Помимо этого, в качестве рекомендаций на конференции были названы:

— внесение археологии в список специальностей бакалаврских и магистерских дипломов Российской Федерации;

— разработка и публикация учебных пособий по теоретико-методическим вопросам археологии, истории археологической науки для разных уровней образования;

— восстановление системы обменов и ознакомительных студенческих практик между крупнейшими образовательными центрами Украины и России как внутри стран, так и на межгосударственном уровне;

— привлечение специалистов из профильных академических, музейных и др. центров к преподаванию широкого круга как специальных, так и смежных дисциплин, необходимых для подготовки полноценных специалистов высокой квалификации на современном уровне.

Участники конференции выразили глубокую озабоченность распространением в обществе псевдонаучных (квазинаучных) концепций древней истории. Одним из основных путей решения этой проблемы они считают широкую популяризацию научных знаний об археологии и древней истории. В том числе: включение научно-популярной тематики в планы деятельности научных центров, создание соответствующих музейных экспозиций, выставок новых открытий и т. п.

Информация об истории археологической науки должна войти в глобальную сеть для обмена знаниями ученых разных стран.

Проведение следующей конференции планируется в Санкт-Петербурге в 2012 году. Предполагается посвятить ее к юбилею Ф.К. Волкова (Вовка).

Председатели Оргкомитета:

С украинской стороны:

академик, доктор исторических наук П.П. Толочко

С российской стороны:

доктор исторических наук Н.И. Платонова

От редактора

Международная конференция «История археологии: личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки)» состоялась в Киеве 5–8 октября 2010 г. и стала настоящей вехой в развитии археологической историографии на постсоветском пространстве. В ходе ее отчетливо проявилось, что в наши дни указанная дисциплина уже вполне сформировалась как самостоятельная область знания. Ныне она представлена достаточно широким кругом квалифицированных специалистов — как в России, так и на Украине.

Интерес к истории своей науки заметно возрос в наши дни и в среде археологов-практиков. Последнее нельзя не связать с наметившимся в последние годы пересмотром целого ряда методологических подходов и привычных схем. В целом, состояние современной археологии (и в первую очередь, ее разделов, ведающих материалами древнейших эпох человеческой истории) ныне можно охарактеризовать — в терминологии Т. Куна — как «преддверие научной революции». Подспудно идет формирование принципиально новой парадигмы. При этом, как обычно бывает, многие исследователи стремятся избежать нестандартных проблем и выводов, путем ухода в мелкотемье и бесконечное «накопление материала». Однако параллельно наблюдается стремление утвердить новые, достаточно радикальные решения накопившихся противоречий. В этом контексте обращение к истории археологической мысли прошлого — идей, концепций, научных школ, известных до последнего времени лишь весьма поверхностно — является важным инструментом в деле созидания будущего нашей науки.

В целом ряде докладов оказались подняты проблемы современной оценки раскопочной и музейной деятельности В.В. Хвойки, чей 160-летний юбилей отмечался участниками конференции. Хорошо известно, что в историографической литературе разных лет можно встретить весьма противоречивые суждения о качестве полевых исследований В.В. Хвойки — от панегирических до совершенно пренебрежительных. И то, и другое является крайностью, не отражающей истинного положения вещей. В докладах, прозвучавших на конференции, и в ходе их дальнейшего обсуждения вклад В.В. Хвойки в отечественную археологию и культуру был проанализирован вполне объективно.

В частности, рассмотрение полевой документации раскопок В.В. Хвойки на памятниках трипольской и черняховской культур, изученной в архивах и представленной на конференции М.Ю. Видейко, О.В. Шаровым и др., позволило наглядно убедиться в том, что исследования погребальных памятников велись Викентием Вячеславовичем на уровне, достаточно высоком для своего времени. Конечно, его зарисовки представляли собой несколько непривычный, «альтернативный» метод археологической фиксации, по сравнению с общепринятыми чертежами планов и разрезов. Тем не менее, в его варианте и этот метод оказывается весьма информативным, дающим детальные представления о раскопанных объектах. В частности, на рисунках Хвойки хорошо видно взаимное расположение предметов, которые в ряде случаев даже идентифицируются с конкретными находками, хранящимися в музеях. Тут же, на рисунках исследователем проставлялись отметки глубин залегания находок, приводились схематичные разрезы и т.п. Таким образом, качество раскопок В.В. Хвойки оказалось значительно выше, чем было принято считать ранее. Это в равной степени касается исследований им памятников трипольской культуры и культур полей погребений. Указанная тема подробно освещена ниже в публикации М. Ю. Видейко.

В тех случаях, когда раскопкам подвергались поселения со сложно построенным культурным слоем (палеолитическая стоянка, многослойное городище, мощные отложения древнерусского города и т. п.), профессиональная оценка исследований В.В. Хвойки не может быть столь однозначной. Конечно, порою и здесь его выручали интуиция, тонкая наблюдательность и цепкий взгляд художника. Однако, не имея ни школы, ни достаточного опыта раскопок такой степени сложности, он допускал немало ошибок, в том числе непоправимых.

Конечно, современным исследователям Десятинной церкви и прилегающих к ней участков культурного слоя древнего Киева сегодня остается только порадоваться, что от раскопок 1900–1910-х гг.

им остались не только зарисовки и описания В.В. Хвойки, но и изумительные по своей точности планы и разрезы Д.В. Милеева. Но стоит отметить и другое: прямое сравнение полевых методик Хвойки и Милеева, само по себе, не вполне корректно. Раскопки уровня Д.В. Милеева и его учителя Б.В. Фармаковского на рубеже XIX–XX вв. можно перечислить по пальцам — не только в русской, но и в мировой археологии. В. Дерпфельд, А. Эванс, Ф. Петри, Д.А. Клеменц, Н.Ф. Кащенко... этот список длинным не будет. Кроме того, нельзя не согласиться с В.А. Колесниковой: до того, как Викентий Вячеславович начал исследования на усадьбе доктора М. Петровского, Императорская Археологическая комиссия и не думала заниматься раскопками древнего Киева. Интерес ее к этому объекту, в значительной степени, был спровоцирован интересом к нему Государя, вызванным, в свою очередь, именно результатами первых работ В.В. Хвойки на Старокиевской горе.

В настоящем сборнике научному и культурному наследию В.В. Хвойки посвящен первый раздел, включающий биографический очерк, написанный В.А. Колесниковой, и три статьи, тематически связанные с его научным и культурным наследием. Статьи богато иллюстрированы, с целью создать у читателя исчерпывающее представление, как о полевой методике В.В. Хвойки, так и о его работе, связанной с Киевским Музеем древностей и искусств. Эта сторона деятельности В.В. Хвойки до сих пор не подвергалась серьезному исследованию. Между тем, она заслуживает самого пристального внимания и большой признательности — не только со стороны ученых, но и всех тех, кто, так или иначе, пользуется ныне плодами самоотверженного труда Викентия Вячеславовича.

Второй раздел сборника составляют публикации, отражающие современный взгляд на археологическую историографию и содержащие обсуждение ее насущных проблем. В них подняты вопросы о статусе и содержании археологической историографии как научной дисциплины, о современных тенденциях ее развития в России и на Украине (И.Л. Тихонов, И.В. Тункина), о научных школах в археологии (Л.С. Клейн). Здесь же помещены публикации, содержащие анализ методологических установок и перспектив отечественной первобытной археологии в историческом ракурсе (коллективная работа Н.И. Платоновой, М.В. Аниковича и Н.К. Анисюткина, статья С.В. Палиенко).

Стоит сказать несколько слов особо о статье Я.П. Гершковича, в которой поднята проблема широкого распространения на постсоветском пространстве так называемой «квазиархеологии». Суть проблемы заключается в том, что в наши дни, когда оказались отвергнутыми прежние советские исторические и социальные мифы, пустота стремительно заполняется новыми — политическими и националистическими. Археологические данные усиленно (и совершенно бесконтрольно!) используются ныне для обоснования спекуляций на исторические темы. Продолжают множиться ложные «открытия» и совершенно фантастические, безграмотные, псевдонаучные трактовки материалов... Доклад Я.П. Гершковича на указанную тему, озвученный на конференции, вызвал большой интерес и самое живое обсуждение. В связи с этим, был поставлен вопрос о необходимости разработки и принятия норм профессиональной этики археолога. С указанной темой близко перекликаются вопросы, поставленные в статьях О.М. Мельниковой и Е.В. Михайленко — о профессиональной социализации археологов в современных условиях и об уровне квалификации и ответственности специалистов в данной области.

Третий раздел сборника — наиболее обширный — включает работы, выполненные по архивным материалам, тематически связанным с археологией. Здесь широко представлены конкретные историографические исследования с анализом отдельных периодов и сторон деятельности известных и не слишком известных ученых. Приводятся новые данные, как об отдельных личностях, так и об археологических учреждениях, корпорациях и т. д. Наряду с чисто историческими, архивными исследованиями, присутствуют статьи с анализом археологических материалов — в историографическом аспекте. Наконец, последний, четвертый раздел сборника включает несколько интересных конкретно археологических разработок, тематически связанных с разными направлениями работ В.В. Хвойки.

Замечу напоследок: не все опубликованные статьи выполнены на одном уровне. Наряду с высокопрофессиональными исследованиями, в сборнике присутствует несколько, по существу, первых опытов начинающих ученых. Однако материалы и проблемы, затронутые в этих работах, так или иначе, представляют немалый научный интерес для археолога-историографа, и редколлегия искренне желает молодым авторам дальнейших творческих успехов.

Доктор исторических наук Н.И. Платонова

РАЗДЕЛ I

В.В. ХВОЙКА: НАСЛЕДИЕ ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Викентий Вячеславович Хвойка (1850–1914)

Викентий (Чеслав, Частослав) Хвойка родился в феврале 1850 г. в селе Семин на р. Эльбе. Его отец имел там небольшое хозяйство. Чеслав был первым ребенком в многодетной семье. Начальное образование он получил в народной школе в с. Семин, после чего поступил в коммерческое училище в г. Хрудиме, которое окончил в 1864 г. Позже В.В. Хвойка одно время жил в Праге, а в 1876 г. переехал в Киев. По каким причинам он покинул родину, точно не установлено. По свидетельству его ученицы В.Е. Козловской, Викентий Вячеславович не любил об этом говорить. Возможно, имела место некая романтическая история, но доподлинно ничего не известно.

В Киеве В. В. Хвойка вначале занялся репетиторством (преподаванием рисования и немецкого языка), позже — сельским хозяйством. Это последнее занятие оказалось весьма плодотворным и даже принесло ему награды на сельскохозяйственных выставках. Однако интерес к древностям, который, скорее всего, зародился еще в Чехии, привел к тому, что В. В. Хвойка начал заниматься исследованием «того, что уже давно прошло» (цитата из письма к отцу). Возможно, какое-то время он пытался совмещать оба вида деятельности, но уже с конца 1880-х гг. исследования и сбор древностей стали его главным занятием.

Первые упоминания об этом мы находим в письме В.В. Хвойки к отцу, датированном 1891 годом. В письме описываются планы работ на лето 1891 г.; из него же становится ясно, что автор к тому времени уже приобрел некоторый опыт в деле проведения археологических раскопок. Особенно его интересовали «следы наших славянских предков».

Осваивая новую профессию, В. В. Хвойка основательно занялся самообразованием. Имея колоссальную память, он постоянно пополнял свои знания изучением книг по археологии, древней и русской истории. Помогало и хорошее знание языков — немецкого и английского. Одновременно В.В. Хвойка стал часто навещать «толкучку» на Подоле, где продавали, в том числе, и предметы старины. Порою там удавалось найти весьма интересные вещи из раскопок. Тогда же В.В. Хвойка начал изучение Подольской части Киева в археологическом отношении (в то время сам он жил на Подоле в районе Куреневки). Именно его наблюдения привели к открытию в 1893 г. знаменитой ныне на весь мир Кирилловской палеолитической стоянки. Раскопки этого памятника, как и многие другие открытия В.В. Хвойки, стали важным событием в научном мире. По собственному выражению исследователя, его иногда называли «археологом-революционером».

Занявшись археологией вплотную, В.В. Хвойка начал собирать собственную коллекцию древностей. Частное коллекционирование было тогда широко распространенной практикой. За несколько лет В.В. Хвойке удалось составить весьма ценную в археологическом отношении коллекцию, собранную с полным знанием дела. Частично она состояла из предметов, происходивших из раскопок самого автора. От большинства тогдашних коллекционеров, просто собиравших интересные вещи, В.В. Хвойка

Рис. 1. Портрет В.В.Хвойки. Фото конца XIX в.

отличался научным подходом к оформлению своего собрания. Он вел точную регистрацию предметов, обозначал место их находки, наиболее интересные вещи зарисовывал. В 1894 г. эту коллекцию осмотрел Н.Ф. Беляшевский, который признал, что она представляет большой интерес, ибо отражает историю Киевской земли в хронологической последовательности.

К середине 1890-х гг. В.В. Хвойка был уже достаточно крупным знатоком древностей, хорошо известным в кругу специалистов — историков и археологов. Это определило его дальнейшую судьбу. В сентябре 1897 г. в Киеве было организовано Общество Древностей и Искусств, поставившее своей главной целью создание городского музея. Имея уже на временном хранении некоторое количество коллекций, Общество пригласило В.В. Хвойку на должность заведующего музеем, положив ему жалованье 600 рублей в год. С этого времени деятельность В.В. Хвойки всецело сосредоточивается на двух направлениях — музейной работе и археологических исследованиях — органично сочетавшихся и дополнявших друг друга.

С самого начала работы в Обществе он занялся приведением в порядок, систематизацией и каталогизацией коллекций, часть которых была добыта им

во время собственных раскопок. Проведение работы по упорядочиванию коллекций будущего музея позволило В. В. Хвойке уже в конце 1897 г. не только устроить первую археологическую выставку Киевского Общества древностей и искусств, но и издать к ней указатель. Следующая подготовленная В.В. Хвойкой выставка была открыта к XI Археологическому съезду в Киеве (1899 г.).

Открытие этой выставки, организованной В.В. Хвойкой в стенах еще недостроенного помещения, собственно, и явилось моментом настоящего создания Киевского городского Музея. В резолюции XI Археологического съезда по этому поводу сделан однозначный вывод — «трудом Б.И. Ханенко и В.В. Хвойки был открыт Музей».

В дальнейшем эта временная выставка, благодаря кропотливой и неустанной работе В.В. Хвойки, постепенно стала превращаться в постоянную экспозицию. Она размещалась в трех залах Музея, предоставленных в распоряжение археологического отдела. Эти расположенные анфиладой залы находились на первом этаже слева от главного входа в Музей (сегодня здесь находится коллекция иконописи Национального художественного музея Украины).

В первые годы работы Музея В.В. Хвойка, одновременно с подготовкой выставок, фактически исполнял там обязанности директора и занимался обустройством здания. С 1902 г., после назначения директором Н.Ф. Беляшевского, В.В. Хвойка занял должность хранителя археологического отдела. На этой должности он и трудился до конца своих дней.

Полевые археологические исследования, как уже говорилось выше, были неотъемлемой частью жизни В.В. Хвойки. Подобно многим профессиональным археологам, он не мог удержаться от потребности ежегодно выезжать в поле. Хронологический диапазон исследований В.В. Хвойки включает практически все археологические периоды. Открыв в 1893 г. уже упомянутую Кирилловскую палеолитическую стоянку, он вскоре отыскивает на тех же холмах следы новой археологической культуры, представленной углубленными жилищами с печками, остатками ракушек, необычной расписной керамикой.

Археологический материал, подобный обнаруженному в землянках, был найден В.В. Хвойкой несколькими годами позже, причем в большом количестве — в местности, расположенной по правому берегу Днепра между Киевом и р. Рось. На этом основании он сделал заключение, что новые памятники принадлежат носителям той же археологической культуры. Следует отдать должное В.В. Хвойке за такой вывод. Ведь, кроме уже известных ему землянок, он столкнулся здесь с совершенно иным типом памятников — остатками глинобитных построек, условно названных им «площадками». Культура, характеризующаяся этими памятниками, получила от него название трипольской — по самому богатому из своих местонахождений (см. статью М.Ю. Видейко в настоящем сборнике).

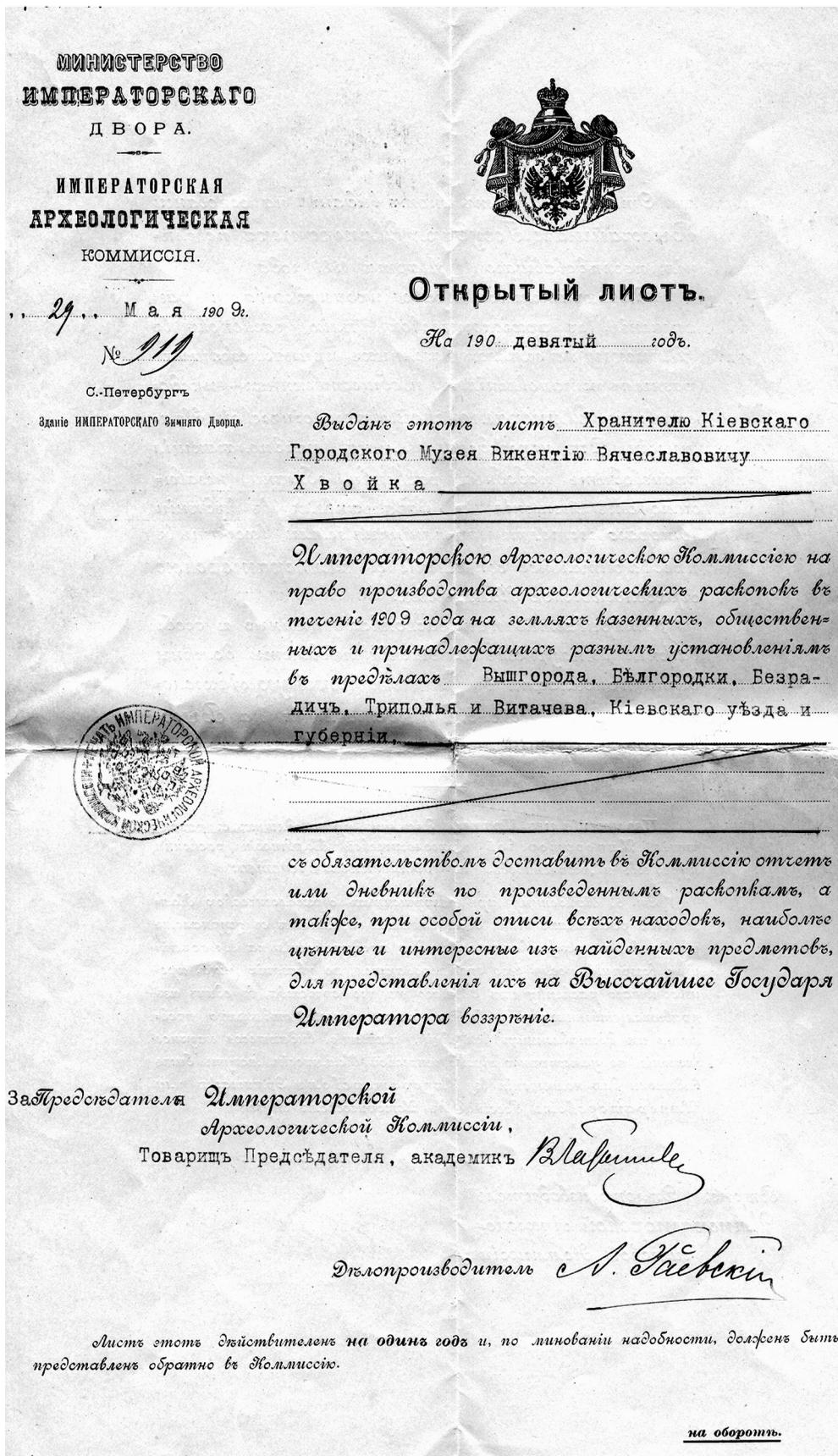

Рис. 2. Открытый лист, выданный В.В.Хвойке Императорской Археологической комиссией

Исследовал В.В. Хвойка и памятники бронзового и раннего железного века. Стоит особо отметить открытие и начало изучения им памятников зарубинецкой и черняховской культур, названия которых (как и трипольской) в дальнейшем утвердились в науке.

Немалый резонанс получили в свое время исследования В.В. Хвойки возле Десятинной церкви (на усадьбе М. Петровского). Они не только дали новый интересный археологический материал древнерусского («великокняжеского») периода, но и фактически инициировали дальнейшие широкие исследования этого участка территории древнейшего Киева — как современниками, так и последующими поколениями археологов. Не менее значимыми стали работы В.В. Хвойки по исследованию древнего Белгорода (поселок Белгородка), где ему удалось обнаружить храм и укрепления древнерусского времени.

Можно утверждать, что В.В. Хвойка обладал недюжинной интуицией и чутьем на новые места, перспективные для археологических исследований. Это свойство отнюдь не было мистическим. Оно основывалось на тщательной разведке территорий, на ежегодных исследованиях, разветвленной системе сбора информации о находках археологического материала и т. д. Судя по материалам личной переписки, В.В. Хвойка имел достаточно детальное представление об археологической ситуации на территории Среднего Поднепровья и использовал любую возможность, чтобы это знание улучшить. Например, проводя обзор деревянного сруба в с. Безрадиичи по поручению Императорской археологической комиссии, В.В. Хвойка находит там также углубленное жилище, захоронение, городище с валом и делает вывод о существовании в этой местности древнеславянского укрепленного поселения X—XIII вв.

Будучи приверженцем эволюционизма и имея возможность самостоятельно исследовать в Среднем Поднепровье памятники самых различных хронологических диапазонов, В.В. Хвойка сделал вывод о непрерывности развития населения данного региона. А являясь по происхождению славянином и имея заинтересованность, прежде всего, в поисках следов «наших славянских предков», он стал трактовать это население как славян, не слишком утруждая себя аргументацией и так очевидных (на его взгляд) вещей. Указанная концепция нашла отражение в итоговой работе В.В. Хвойки «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена».

Безусловно, подобный вывод является неправомерным с точки зрения современной археологической науки. Но на рубеже XIX—XX вв. он вполне мог рассматриваться как допустимая гипотеза, ибо базировался не только на личностных, но и на теоретических реалиях своего времени. Так или иначе, концепция В.В. Хвойки сыграла немалую роль в дальнейшем развитии научных представлений об археологии Среднего Поднепровья.

В.В. Хвойка был, несомненно, яркой и заметной фигурой своей эпохи. Это подтверждается его членством в целом ряде научных обществ Российской Империи, а также содержанием личных писем и перечнем респондентов, поддерживавших с ним переписку. Современники описывают его как человека очень скромного, мягкого и приятного в общении. Не имея семьи, археолог все свое время и силы отдавал любимой работе в Музее и на раскопках, где трудился и в последнее лето своей жизни. Умер он от чахотки в ноябре 1914 г. и был похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

Имя В.В. Хвойки вспоминают в последнее время довольно часто. К сожалению, это вызвано не столько уважением к самоотверженному исследователю, сколько той ажиотажной популярностью, которую приобрела сейчас открытая им трипольская культура. Стремясь подтвердить «научность» идеи о трипольских предках современных украинцев, В.В. Хвойке навязывают (совершенно неправомерно!) роль ее проводника. Вырванная из контекста, его теория об автохтонном развитии населения Среднего Поднепровья представляется как несомненное доказательство наличия прямых родственных отношений между трипольцами и украинцами. При этом не рассматриваются должным образом ни условия и обстоятельства возникновения концепции «автохтонного развития», ни ее современные научные оценки.

В Киеве на Куреневке есть улица, носящая имя В.В. Хвойки. В селе Триполье исследователю поставлен памятник, а в соседнем с. Халепье в 2009 г. открыт небольшой мемориальный музей. В октябре 2010 г. научная общественность Украины и России совместно провела в Киеве конференцию, посвященную памяти В.В. Хвойки — неутомимого исследователя, собирателя, просветителя.

В.А. Колесникова

*кандидат исторических наук, зам. председателя оргкомитета
Международной научной конференции «История археологии: личности и школы
(к 160-летию В.В. Хвойки)»*

«Ваши труды и хлопоты не будут забыты...» (культурно-просветительская деятельность В.В. Хвойки)

В.А. Колесникова

Институт археологии НАНУ. Украина, г. Киев

Настоящая статья посвящена малоизвестным аспектам деятельности В.В. Хвойки — музейной и просветительской работе, рассматриваемой в трех взаимосвязанных аспектах: формирование музейных экспозиций, экскурсионная работа, хозяйственно-административные дела.

В жизни В.В. Хвойки научная, экспедиционная и музейная деятельность были связаны неразрывно. Совпали во времени также становление городского музея и его экспозиции и становление В.В. Хвойки как музейного работника и просветителя. В тот период, когда исследователь начинал работать в области археологии, в городе еще не было общественного музейного учреждения. Вопрос о необходимости открытия Киевского городского музея имел долгую историю и начал серьезно обсуждаться в Киеве еще в 1888 г. Впоследствии задача строительства и функционирования музея стала главной целью создания Киевского общества любителей древностей и искусств.

Процесс выбора участка для строительства музея, определение проектов и сбора средств был достаточно сложным и длительным. В конце концов, городская Дума отвела под строительство участок на улице Александровской напротив парка «Шато-де-Флер». В.В. Хвойка с самого начала дела очень болел за все, что было связано с музеем. По свидетельству его ученицы В. Е. Козловской, он, прекрасно владея рисунком, даже «составил проект дома, стараясь использовать каждый кусочек грунта, отведенного городом для здания музея, и дать его залам больше света. Выбор пал на другой проект...» (Козловская, 1914: 53).

21 сентября 1897 г. состоялась торжественная закладка здания. Избранное место было и удачным, и неудачным одновременно: с одной стороны, здание музея, которое впоследствии считали одним из лучших в городе, органично вписалась в рельеф. С другой — использование площади, где недавно протекал ручей, не только привело к дополнительным расходам, но и повлекло за собой еще много проблем в дальнейшем существовании музея и работе его сотрудников.

Сбор коллекций будущего музея начался еще до строительства здания. Киевская городская Дума в 1894 г. определила «временное помещение для коллекций и различных предметов, которые должны поступить в музей..., отведя место бывшего помещения сберегательной кассы в городском доме на Крещатике...» (ЦГИАК. Ф. 442. Д. 1. Л. 64). Имеющиеся уже в значительном количестве древности нуждались в обработке, оформлении в виде экспозиции и научной организации хранения.

Круг знатоков древностей в конце XIX в. в Киеве был достаточно ограниченным. В.В. Хвойка не только входил в него, но и являлся на тот момент уже достаточно известным в научном мире специалистом. В его активе были полевые исследования, в том числе на Кирилловских высотах в Киеве, а также собственная коллекция древностей. Он сотрудничал с В.Б. Антоновичем, П.Я. Армашевским, другими отечественными и зарубежными специалистами. Активная деятельность В.В. Хвойки на ниве исследования древностей определила его дальнейшую судьбу как музейного работника.

Работа по формированию музейных экспозиций

В 1897 г. именно В.В. Хвойку пригласили на работу в только что созданное Киевское общество древностей и искусств на должность заведующего музеем Общества (Колесникова, 2004). Первым, с чего начал исследователь, обрабатывая коллекции, стало составление инвентарных книг, куда он записывал будущие музейные экспонаты. Книги содержат информацию о дате записи коллекции, инвентарные номера, присвоенные каждому предмету, их описание, количество, стоимость, отметки, от кого поступила коллекция и примечания. Они и сегодня являются ценным, а иногда единственным источником, которым пользуются археологи и музейные работники. Основу будущей археологической экспозиции музея составили коллекции самого В.В. Хвойки. Об этом свидетельствуют записи в инвентарных книгах о первых поступлениях археологических находок.

Проведение В.В. Хвойкой кропотливой работы по обработке коллекций будущего музея позволило ему уже в конце 1897 г. устроить первую археологическую выставку Киевского Общества древностей и искусств и издать к ней указатель (Указатель выставки... 1897). Указатель содержит описание коллекций по витринам, которому предшествует вступительная статья с краткой и доступной информацией

Рис. 1. Музей древностей и искусств. Открытка. Первые годы XX в.

о древнейшей истории Южной России. Предметы, размещенные на выставке, были получены частично от Императорской Археологической Комиссии, частично от частных лиц. Среди экспонатов выставки были и вещи из коллекции самого В.В. Хвойки.

Устраивая выставку, Киевское Общество древностей и искусств надеялось на сочувственное отношение публики «к первым попыткам того несомненно полезного дела, задачей которого является сохранение памятников южнорусской старины» (Указатель выставки, 1897: 6). И, действительно, выставка, о работе которой киевляне могли узнать из газетного объявления (ЦГАМЛИ. 648. Д. 5. Л. 3), вызвала в городе интерес. Продолжалась она довольно долго — по крайней мере, несколько месяцев. О закрытии выставки мы узнаем из письма К.В. Болсуновского к В.В. Хвойке, датированным мартом 1898 г., в котором подчеркивалось значение выставки и роли ее организатора: «Вы много сделали для нас, Киевлян, и мы искренне благодарны Вам за Ваши труды и хлопоты, которые не будут забыты истинными учеными и патриотами» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 57).

Опыт, приобретенный В.В. Хвойкой при подготовке первой выставки Общества, в значительной степени способствовал успеху следующей. Она хорошо известна как выставка, подготовленная к XI Археологическому съезду в Киеве.

Археологический съезд 1899 г. был значительным событием в научной жизни города. К съезду начали готовиться заранее. В городе планировалось открытие двух выставок — в университете и городском музее. Так на заседании Киевского отдела предварительного комитета по подготовке съезда говорилось: «Киевское общество древностей и искусств организует самостоятельную выставку в одном из залов недостроенного музея, где продолжают работы по обустройству ко времени съезда хотя бы одной части этого большого дома, на выставку поступят коллекции, принадлежащие Обществу и некоторые частные, как, например, коллекция первобытных древностей г. Хвойки...» (АЛЮР, 1899: 73).

При подготовке этой выставки В.В. Хвойке приходилось заниматься не только научной частью работы, но и решать целый ряд организационных вопросов. Он даже покупал оборудование, необходимое для размещения экспозиции (ЦГАМЛИ. Ф. 648. Д. 5. Л. 8). Организатор приложил немало усилий, чтобы достойно представить археологические коллекции количеством в несколько тысяч предметов. Все

они были не только должным образом расположены (чему способствовал и вкус Хвойки-художника), но и сопровождалась этикетажом (одних только ярлыков для экспонатов было приобретено 3050). Основу выставки составила коллекция самого В.В. Хвойки, насчитывавшей 2017 единиц различных археологических предметов. На выставке демонстрировались материалы, найденные исследователем при раскопках Кирилловской стоянки, а также коллекции из поселений новой культуры (которая позже получила название трипольской), расположенных в Киеве, Триполье, Жуковцах, Халепье, Стайках и Веремье. Предметы этих коллекций поныне хранятся и экспонируются в Национальном музее истории Украины.

Подготовка выставки стала настоящим испытанием для В.В. Хвойки. Ведь оценивать ее должна была не только непривычная к подобным зрелищам и потому непритязательная киевская публика, но и известные исследователи древностей. В.В. Хвойка с честью выдержал это испытание.

Выставка вызвала живой интерес со стороны участников съезда. В специальном сообщении, сделанном проф. В.Б. Антоновичем на заключительном заседании, отмечалось, что в Киевском городском музее размещалась довольно представительная выставка с интересными в научном отношении коллекциями В.В. Хвойки, Б.И. Ханенко, Общества древностей и искусств и др., организованная благодаря неустанному труду В.В. Хвойки, которая достаточно полно отразила прошлое Юго-Западного края (Антонович, 1899: 221). Не обошла своим вниманием музей и его выставку и председатель съезда графиня П. С. Уварова. Она выразила пожелание, чтобы Киевский музей древностей и искусств продолжал обустроиваться и процветать, чтобы богатые коллекции В.В. Хвойки, полученные в ходе раскопок «древнейшей в России палеолитической стоянки» и относящиеся к особой культуре конца каменного века, стали достоянием этого музея (Известия XI... 1899: 261).

Итак, важное для культурной жизни города дело — устройство городского музея — наконец, реализовалось. Немало усилий к этому приложил сам В.В. Хвойка. От выставки, организованной им в стенах недостроенного помещения, собственно, и начинается свой отсчет существования городского музея. В резолюции XI Археологического съезда по этому поводу был сделан однозначный вывод — «трудом Б.И. Ханенко и В.В. Хвойки был открыт музей» (Труды XI АС, 1902: 175–176).

Работы по строительству помещения музея завершились в 1900 г. Здание было признано «полностью законченным и безопасным для пользования им и для посещения публикой» (Ковалинский, 2003: 368). Однако проблема повышенной влажности в здании еще долго давала себя знать; на ее устранение было потрачено много времени и денег. Дренажные работы проводились в течение 1901–1907 гг. (НА НМУ. Ф, 1260: 2). Но, несмотря на это, уже в 1900 году Правление Киевского Общества древностей и искусств направило генерал-губернатору ходатайство о разрешении на устройство «в г. Киеве в доме Музея временной выставки археологических коллекций, принадлежащих Музею» (ЦГИАК. Ф. 442. Д. 159. Л. 1–2).

Подготовленная В.В. Хвойкой экспозиция, которую он в письмах называл то выставкой, то археологическим отделом, открылась в декабре 1900 г.: «В течение января и февраля в Киевском Музее Древностей и Искусств была открыта историко-археологическая выставка», — печаталось в марте 1901 года в очередном выпуске «Археологической летописи Южной России» (АЛЮР, 1901: 42).

К этому событию В.В. Хвойка также подготовил указатель предметов, представленных на выставке (Краткий указатель, 1900). Указатель стоил 10 копеек, и купить его посетители могли в кассе музея. В письме А.А. Спицыну, написанном сразу после открытия выставки, В.В. Хвойка сообщал: «В нашем Музее с 26.12. открытый для обозрения публики археологический отдел, считаю за честь и удовольствие сделать Вас в известной степени участником этого обзора, пересылая Вам краткий указатель предметов» (НА ИА НАНУ. Ф. 2 Д. 1082). Указатель содержал краткую аннотацию, описывающую хронологический принцип размещения предметов: 1. Каменный век; 2. Бронзовый век; 3. Эпоха, предшествовавшая переселению народов; 4. Эпоха переселения народов и славянская.

Указатель содержал также описание материала в витринах, на щитах и полках, расположенных в залах. Указывался автор раскопок и происхождение материала — частная коллекция, пожертвования и т. д. Таким образом, посетитель мог, пользуясь указателем, осматривать экспозицию даже без объяснений экскурсовода. Предметы, из которых состояла выставка, происходили преимущественно из раскопок в самом Киеве, а также в Киевской, Полтавской и других губерниях. Кроме коллекций, составлявших собственность музея, на выставке экспонировались предметы из частных собраний, главным образом, супругов Ханенко и В.В. Хвойки. По сравнению с предыдущей выставкой, здесь присутствовало немало новых предметов.

Выставка размещалась в трех залах музея, которые и впоследствии оставались в распоряжении археологического отдела. Эти расположенные анфиладой залы находились на первом этаже слева от главного

Рис. 2. Акварель В.В. Хвойки

входа в музей (сейчас здесь находится коллекция иконописи Национального художественного музея Украины).

Выставка пользовалась в городе бешеной популярностью. Несмотря на морозы и снежные заносы зимы 1901 г., толпы публики посещали музей. «Я очень желал бы, чтобы Вы теперь посетили нашу выставку. Что случилось бы с Вашими шутками об отсутствии публики? У нас теперь стены трещат от многолюдности, бывает по 500–600 человек в день, так что не хватает ни вешалок, ни рук...» — писал В.В. Хвойка в феврале 1901 г. в письме к И. А. Линниченко (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1087).

В 1902 г. увидел свет новый указатель археологической выставки (Краткий указатель... 1902). Это была уже доработанная и частично переработанная экспозиция. В нем описаны коллекции, отсутствующие в предыдущем издании. Дополнилось экспозиционное оборудование — кроме витрин и картонов, экспозиция теперь размещалась и в шкафах. Сама форма указателя также претерпела существенные изменения — автор дополнил его историческими справками, изложенными в доступной для неподготовленного читателя форме. Тексты разъясняли происхождение, функциональное назначение вещей, которые демонстрировались в экспозиции и отображали историческую картину прошлого. Таким образом, пользуясь указателем, посетитель мог не только рассматривать необычные вещи, но и понимать их назначение и представлять жизнь своих предков.

Новая выставка пользовалась большой популярностью у посетителей, что, само по себе, свидетельствовало о стабильном интересе к музею. Более того, «выставку в нашем Музее по желанию публики решено продлить еще на время», — отмечал В.В. Хвойка в апреле 1902 года в письме к Н.Е. Бранденбургу (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1123). Музей посещали не только киевляне, но и гости города: «Музей до сих пор открыт (существовала практика закрывать музей в период каникул — примерно на один летний месяц — В.К.) и постоянно посещается целыми массами экскурсантов, которые в большом количестве наезжают в этом году в Киев,» — писал В.В. Хвойка в июне того же года к Н.Ф. Беляшевскому (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1127).

Постепенно, от выставки к выставке, пополняя экспозицию новыми материалами, совершенствуя систему расположения экспонатов, дорабатывая методические указатели, В.В. Хвойка формировал экспозицию археологического отдела. Работа эта была завершена ко времени официального открытия и освящения музея (декабрь 1904 г.). Ю.А. Кулаковский, выступая с докладом на торжествах по поводу освящения музея, подчеркивал, что освящаются не голые стены, а уже заполненные залы. При этом

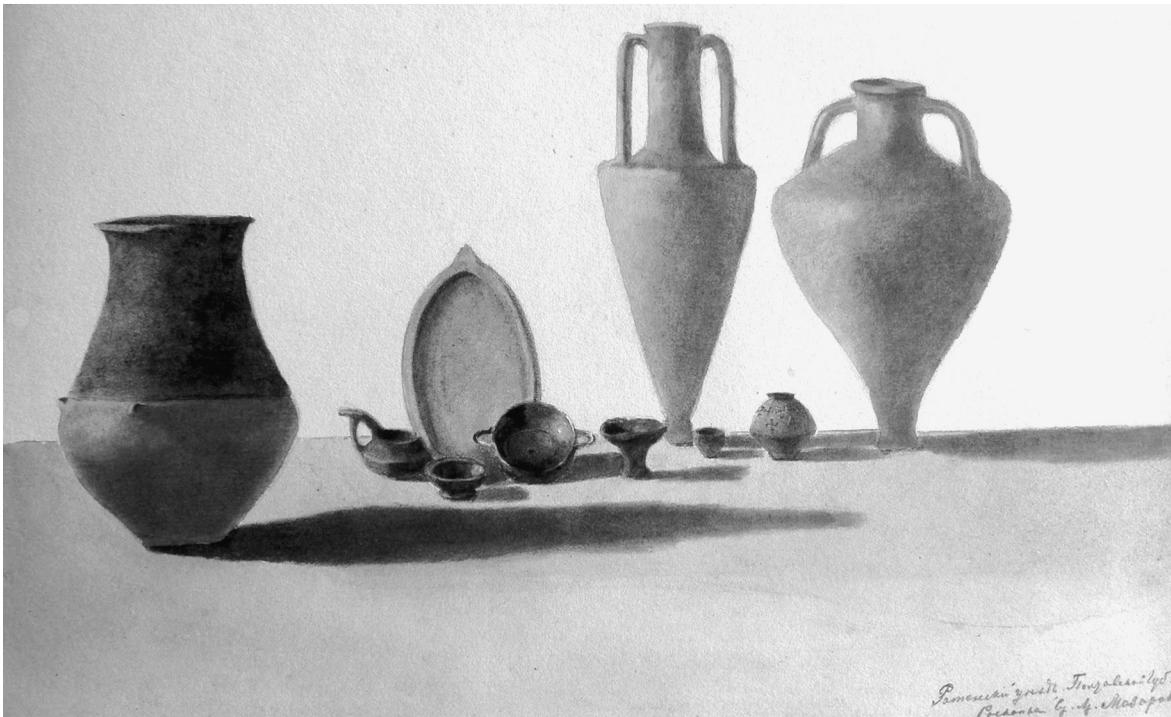

Рис. 3. Акварель В.В. Хвойки

он отмечал, что лишь экспозиция отдела древностей (т. е. археологического) имеет уже определенную целостность (Освящение... 1905).

Можно ли сегодня представить себе музейную экспозицию, созданную В.В. Хвойкой?

Визуальное представление об экспозиции археологического отдела дают фотографические материалы. Сохранилось несколько фотографий залов музея, в частности, того, в котором экспонировались материалы каменного века (преимущественно из Кирилловской стоянки) (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 108). Снимок показывает характер экспонированного материал — поразительно большое количество костей и гигантских челюстей мамонтов, орудий труда и т. д., приемы его экспонирования. Сформировать представление о музейной экспозиции помогают также отдельные фотографии материалов в витринах. Особенно важно то, что на них попадаются автографы самого В.В. Хвойки.

В начале 1910-х гг. экспозиция археологического отдела была достаточно богатой. Она размещалась в 75 деревянных витринах на точеных ножках, в 75 навесных витринах, и в 16 витринах—столиках, накрытых стеклом, на четырех щитах в рамках и на трех простых щитах, а также на 20 деревянных окрашенных полках. Большие окна залов были завешены белыми парусиновыми шторами (ГАК. Ф. 304. Д. 8. Л. 4).

Построение экспозиции археологического отдела музея можно считать вполне оправданным с точки зрения сегодняшних норм музейного дела. Хотя, конечно, в такой сложной работе, которую проводил В.В. Хвойка, были и определенные недостатки. Так, слишком художественное расположение материала приводило к смещению акцента с самого материала на зрительное восприятие композиции витрины в целом. Перегруженность планшетов предметами и не всегда правильное крепление вещей (например, довольно грубыми веревками), отсутствие логического распределения экспонатов — все это рассеивало внимание посетителей. Отмечая эти недостатки, следует помнить, что В.В. Хвойка работал в те времена, когда экспозиционная методика музейного дела была еще недостаточно разработанной. Учтем и личные предпочтения автора экспозиции. К последним, безусловно, следует отнести слишком большую любовь к художественному расположению материала. Как человек, хорошо рисовавший и имевший художественный вкус, В.В. Хвойка наполнял «художественностью» и созданные им экспозиции. Однако, выступая недостатком с методической точки зрения, последняя особенность построения экспозиции могла быть привлекательной для зрительного восприятия материала рядовым посетителем.

Кроме работы с экспозицией археологического отдела, В.В. Хвойка участвовал в подготовке кустарной выставки, устроенной в музее в 1906 г. (сохранилось его фото среди участников выставки). Он же

принял непосредственное участие в организации нумизматического отдела музея, был членом комиссии по организации отдела «Старый Киев».

Кроме работ по сбору, обработке, сохранению и экспонированию коллекций Киевского городского музея, В.В. Хвойка уделял внимание и другим музейным собраниям. Широко известен тот факт, что он был многолетним помощником Б.И. Ханенко в сборе его коллекции, передавал (не всегда бесплатно) материалы из своей коллекции в Московский исторический музей, а также посылал некоторые экспонаты для Западно-Чешского художественно-промышленного музея в г. Пльзень и другие музеи. Был В.В. Хвойка и членом Комиссии по устройству Военно-Исторического музея в г. Киеве (который впоследствии разместился в подвальном помещении городского музея). Благодарности за присланные предметы древностей высказывали В.В. Хвойке историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета (НА ИА НАНУ. Ф. 2: Д. 296), Саратовская и Одесская губернские ученые архивные комиссии (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 820. Л. 866), Музей древностей Херсонской губернии (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 827) и т. д.

Уже в конце жизни В.В. Хвойка активно помогал создавать кабинет (музей) археологии при Высших женских курсах. Он подарил Курсам коллекцию исторических древностей, состоявшую из 242 предметов. При этом В.В. Хвойка не только подобрал характерные образцы древностей, но также прекрасно смонтировал их, передав музею полностью готовую к экспозиции коллекцию. В.Е. Данилевич назвал этот дар «без сомнения, важнейшим событием в жизни музея» (Отчет... 1914: 3). Полученная коллекция вызвала восторг не только у В.Е. Данилевича, но и у всех присутствующих при этом профессоров, слушательниц и даже служителей Курсов. Администрация Курсов, которая перед тем без энтузиазма относилась к идее создания музея, после получения коллекции от В.В. Хвойки предложила обустроить нужные шкафы и витрины — и при этом не какие-нибудь, а дубовые. «Видите, как много я и мой музей должны Вам, дорогой Викентий Вячеславович,» — писал В. Е. Данилевич, выражая В.В. Хвойке благодарность за подарок (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 142). Кроме коллекции, В.В. Хвойка передал в дар курсам свои книги, в том числе и только что выпущенную книгу «Древние обитатели Среднего Приднепровья».

Отдавая должное такой подвижнической деятельности В.В. Хвойки, следует в то же время подчеркнуть один ее негативный аспект. Передача в дар различным учреждениям коллекций археологических предметов нередко приводила к разрозненности комплексов. В результате материал из одного памятника или даже отдельного археологического объекта имел разные места хранения. В дальнейшем это негативно отразилось на изучении коллекций.

Оценивая наследие В.В. Хвойки как одного из основателей и главного хранителя археологического отдела городского музея, нужно отметить научно-методический и просветительский аспекты его деятельности. Им была проведена работа по обработке огромного массива первичного материала, археологических артефактов, которые исследователь упорядочил, описал, паспорттизовал, частично ввел в научный оборот, благодаря чему они сохраняют актуальность и доныне. Была сформирована научно взвешенная музейная экспозиция. Выставки — и временные и постоянные — посещало множество людей разных социальных слоев, разного образовательного уровня. Именно на поднятие их культурного уровня и была направлена политика музея, которую воплощал в жизнь неумолимый В.В. Хвойка.

Экскурсионная деятельность

Основной задачей музейной экспозиции было нести в массы знания об истории родного края. Для этого музей пытался постоянно совершенствовать свою работу с посетителями. Политика городского музея была направлена на то, чтобы как можно большее количество людей могло его посетить. Как свидетельствует рекламная открытка музея, он был открыт для посещения ежедневно, кроме понедельника, с 10 утра до 3 часов дня. Входная плата составляла «30 к., для учеников — 15 к. Экскурсанты, учителя и ученики во время группового посещения пользуются бесплатным входом. По воскресеньям для учащихся, низших чинов, лиц рабочего класса и крестьян выдается 200 бесплатных билетов» (ЦГАМЛИ. Ф. 648. Д. 9). Для посетителей музея проводились экскурсии, которые зачастую вел лично хранитель археологического отдела. Экскурсии для посетителей музея проводились с начала его функционирования, причем, как уже упоминалось, большинство коллективных экскурсий были бесплатными. «Правом бесплатного осмотра Музея с 1 января по 15 июня с.г., со времени открытия археологического отдела пользовались:

— Местные, иногородние и иностранные ученые, занимающиеся исследованиями древностей Юго-Западной Руси.

— Воспитанники почти всех учебных заведений г. Киева, и мужских, и женских, в том числе студенты Киевской Духовной Академии, воспитанники Владимирского кадетского корпуса, военно-фельдшерской школы, ученики городских и приходских училищ, воспитанницы Киевского Института и т. д. в количестве свыше 2300 человек.

— Экскурсанты—учащиеся различных иногородних учебных заведений обоих полов, преимущественно из Полтавской губ. (18 учебных заведений), также из Виленской, Гродненской, Минской, Варшавской, Черниговской, Екатеринославской, воспитанники Тифлисского реального училища и Глуховского учительского института, числом более 3000 человек.

— Ученики рисовальной школы, бывшей школы Мурашко, и вообще художники и некоторые частные лица, занимавшиеся копированием картин.

Во время коллективных посещений «ученики обоих полов сопровождалась ближайшим начальством исключительно с целью надзора, администрацией Музея предоставлялись соответствующие объяснения», сообщал В.В. Хвойка в письме к Б.И. Ханенко (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1126).

Этот перечень наглядно демонстрирует, насколько заинтересовалась музеем и массово его посещала учащаяся молодежь не только Киева, но и других городов. Таким образом, постепенно достигалась главная цель существования музея — просвещение. На это и были направлены многочисленные экскурсии, которые подкрепляла и стимулировала сама возможность бесплатного посещения учреждения культуры.

Подтверждение того, что посетители действительно использовали предоставленные возможности, мы находим и в ежегодных отчетах музея, которые предоставляют детальную информацию о посещениях музея экскурсантами: за 1909 г. — платных 4039, бесплатных групповых 3097, единичных — 8800; за 1911 г. соответственно — 5531, 5035, 8800; за 1912 г. — 7561, 6434, 8800; за 1914 г. — 6671, 4635, 12000 (Отчет Киевского... 1910: 8; 1912: 14; 1913: 12; 1914: 11).

Эта впечатляющее количество посетителей сделало бы честь музейным заведениям и сегодня, не говоря уже о начале XX в.

Как уже упоминалось, экскурсии по отделам музея достаточно часто проводил лично В.В. Хвойка, с любовью относившийся к этому делу. Очень часто руководители различных учреждений обращались к нему с просьбой провести экскурсию и благодарностью за ее проведение. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, сохранившиеся в архиве исследователя. Такая популярность Хвойки—экскурсовода свидетельствовала о высоком мастерстве и качестве проведенных им экскурсий. Наверное, это было неудивительно для человека, который знал «в лицо» каждый экспонат, поскольку все они прошли через его руки — часто от момента добывания из земли во время раскопок, в дальнейшем через обработку коллекций к экспонированию материала в залах музея.

В.В. Хвойке было поручено произвести «объяснение экспозиции археологического отдела» и во время визита в музей императора Николая II (сентябрь 1911 г.). Император обратил особое внимание на предметы эпохи мамонта с резным орнаментом, на некоторые предметы скифской эпохи и находки славянского периода, а также на редкий образец византийского искусства — запрестольный крест, найденный В.В. Хвойкой при раскопках возле Десятинной церкви.

Известно, что В.В. Хвойка проводил экскурсии не только по залам музея. Не менее интересными и содержательными были его экскурсии на местах археологических раскопок. Жители Киева начали интересоваться исследованиями В.В. Хвойки еще во время раскопок на Кирилловской улице (1893 г.). Уже туда навевывались заинтересованные — и специалисты, и простые горожане, хотя в результате чрезмерное любопытство последних нанесло памятнику немалый вред.

Очевидно, наиболее известной среди полевых экскурсий была экскурсия членов XI Археологического съезда в места, где В.В. Хвойка открыл т.н. «площадки» — остатки археологической культуры, позднее названной им трипольской. Вот как повествует об этом хроника, помещенная в «Известиях XI Археологического съезда»: «11 августа ... члены археологического съезда, числом около 36 человек, совершили ученую экскурсию для проведения раскопок в местности, расположенной за 70 верст от Киева вниз по Днепру («Экскурсия... 1899: 136).

В поездку отправилось почтенное общество, практически вся элита тогдашней археологической науки. В.В. Хвойка выехал на место заранее и подготовил объекты для осмотра. Сначала члены съезда осмотрели остатки площадок возле с. Гребени Ржищевский волости Киевской губ., где «еще накануне экскурсии было подготовлено несколько обширных траншей, в которых были найдены весьма интересные остатки посуды и орудий труда человека, если не каменного, то начала бронзового века» (Экскурсия... 1899: 136).

После завершения осмотра этого памятника участники экскурсии сделали переезд на другое поле, где их ожидали подготовленные В.В. Хвойкой два раскрытых кургана, содержащих захоронения скифского времени. После обеда члены экскурсии направили к третьему месту раскопок, где так же осмотрели остатки площадок. При раскопках были найдены «две большие вазы с оригинальным орнаментом, добытые собственноручно председателем съезда П.С. Уваровой и председателем ученого комитета съезда профессором В. Б. Антоновичем...» (Экскурсия... 1899: 137).

Скупые строки хроники вряд ли в состоянии передать смысл того значимого для исследователя события. Ведь это была не просто экскурсия, которую он проводил! Это была экскурсия по местам раскопок фактически новых археологических объектов. И именно В.В. Хвойке, «скромному исследователю», как он себя часто называл, выпала честь познакомить весьма почтенное ученое общество с результатами своих исследований.

Собственно вышеупомянутая экскурсия заранее проиллюстрировала доклад В.В. Хвойки о его исследованиях в Поднепровье, произнесенный несколькими днями позже — 16 августа. Свое отношение к увиденному и услышанному присутствующие на заседании члены съезда выразили бурной овацией, которую они устроили В.В. Хвойке.

Большой интерес среди разнообразной публики вызвали раскопки В.В. Хвойки в Киеве возле Десятинной церкви на территории усадьбы М.М. Петровского в 1907–1908 гг., получившие широкую огласку и освещавшиеся в прессе. Во время исследований сюда навевались как простые горожане, так и люди более и менее опытные.

По словам самого исследователя здесь побывало «большое количество посетителей, которые и приезжали на мою раскопку, и приходили ко мне на квартиру» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 83).

"Раскопки посетили Великий князь Константин Константинович, профессор Кондаков, профессор Антонович и многие другие. Все в восторге. Буду счастлив, если сам смогу познакомить Вас с раскопками», — писал В.В. Хвойка в письме к П.С. Уваровой (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 33). Несколько позже председатель Московского археологического общества действительно «побывала дважды в Киеве, ...осматривала место раскопок, а также предметы. Осталась очень довольна и настаивала на том, что непременно нужно сделать доклад (на Археологическом съезде. — В.К.)» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 60). Большинство членов XIV Археологического съезда после его закрытия посетили Киев и ознакомились с результатами исследований. Среди посетителей был известный чешский археолог Й. Пич.

Эти проводимые в городе исследования, которые горожане могли увидеть собственными глазами, как ничто другое, стимулировало их интерес к познанию собственной истории.

Последним масштабным исследованием В. В. Хвойки, которое продолжалось в течение нескольких лет и на осмотр которого охотно прибывали различные экскурсанты, стало исследование Белгородки. Древнерусский храм, остатки оборонительных сооружений, интересный археологический материал никого не оставляли равнодушными. Исследования проводились преимущественно при финансовой поддержке и непосредственном участии Военно-Исторического Общества и поэтому именно члены этого общества, курсанты военных училищ, даже высокие военные чины, были среди первых посетителей. «Понедельник 13-го ... командующий войсками намерен выехать на автомобиле в Белгородку осмотреть раскопки» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 850). 0лСпешу сообщить Вам, что кадеты—экскурсанты с руководителями намерены прибыть на раскопки в воскресенье 27 сентября утром» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 833). Но не только военных интересовал этот памятник. За исследованиями следили и ученые. Место раскопок посетили А.А. Бобринский, академик архитектуры П.П. Покрышкин, художник—архитектор Д.В. Милеев, профессор А. В. Прахов, профессор Петербургского университета Д.В. Айналов, Б.И. Ханенко и др. (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 84).

Приезжали студенты—экскурсанты (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 837. Л. 125). Неоднократно навевались в Белгородку прогрессивные эмансипированные слушательницы Высших женских курсов. "Я желал бы осмотреть лично и показать моим слушательницам остатки древнего Белгорода. С этой целью ... приеду в Белгородку в сопровождении 10–15 девиц и 1–2 преподавателей. Буду весьма признателен, если Вы позволите нам осмотреть Ваши раскопки, ... объясните нам (по крайней мере, вкратце) найденное» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 835), — писал в записке к В.В. Хвойке В.Е. Данилевич. Посещение экскурсантами Белгородки подтверждают не только письма, но и несколько фотографий (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 84а).

Курсистки были заинтересованы настолько, что одна из них — будущий известный историк Н.Д. Полонская и дочь председателя Распорядительного комитета Военно-исторического Общества генерала Д.П. Меньшова — приняла участие в исследованиях и выступила на заседании Московского археологи-

ческого общества с докладом об археологических раскопках В.В. Хвойки в Белгородке. На основе доклада была подготовлена и опубликована большая иллюстрированная статья (Полонская, 1911).

Таким образом, вдохновенные рассказы В.В. Хвойки о древнем прошлом не только заинтересовывали слушателей и расширяли их знания и кругозор, но иногда были и определяющими в будущем выборе профессии, как это произошло в случае с Н.Д. Полонской и уже упоминавшейся В.Е. Козловской (тоже слушательницей Высших женских курсов), которая стала помощницей В.В. Хвойки в музее, а после смерти ученого сменила его на должности хранителя археологического отдела.

Наверное, исследователь смог в доступной форме, просто и понятно ознакомить и белгородских крестьян с целью исследований и важным значением открытых памятников. Благодаря этому большинство крестьян охотно позволяло ему проводить раскопки на своих усадьбах и огородах. Некоторые даже начали осознать, какие драгоценные святыни открываются перед ними, благодаря исследованиям.

Следовательно, можно проследить два направления экскурсионной деятельности В.В. Хвойки — залами музея и непосредственно на местах археологических исследований.

В музее под руководством В.В. Хвойки посетители имели возможность ознакомиться с историей родного края, проследить ее развитие от древнейших времен. Организованная В.В. Хвойкой экспозиция археологического отдела, который к тому же в значительной степени состояла из собственноручно добытых им материалов, наглядно знакомила с путем, который прошли в своем развитии наши предки.

Не менее важными были и посещения раскопок заинтересованными лицами и объяснения, которые давал В.В. Хвойка непосредственно на месте исследований. Здесь можно было ознакомиться с процессом исследования археологического памятника, почувствовать «вкус» старины, понять, что прошлое, история творилась не где-то, а именно здесь — в родном селе или городе. Собственно и сам приезд ученых из города, а тем более работа на раскопе были значительным событием в жизни крестьян. Это запоминалось на годы. Интересно, что в 1985 г. сотрудники экспедиции Института археологии НАНУ во время проведения разведки в с. Юшки Кагарлыкского района Киевской области встретили местного старожила Антона Исаковича Назаренко, который помнил раскопки В.В. Хвойки в Юшках 1903–1904 гг. (Мовша, 2003: 304).

Главным результатом объяснений и экскурсий, независимо от того, где они проводились, был рост культурного уровня, формирование в сознании граждан уважения к памятникам старины. Особенно это касалось простых граждан, для которых посещение выставок и музеев не было привычным. Можно было ожидать, что граждане, посетившие музей или побывавшие на месте раскопок, становились распространителями знаний о родной старине. Кроме того, это имело и воспитательное значение, поскольку вместо равнодушия к памятникам старины появлялся интерес к ним, а, следовательно, увеличивалась вероятность сохранения их для науки. И действительно, информированные жители сообщали об археологических находках в музей, внимательнее относились к остаткам археологических памятников, способствовали их сохранению, давали советы, помогая локализовать археологические объекты.

Не меньшее значение имело проведение В.В. Хвойкой экскурсий для учащейся и студенческой молодежи, которая приобретала и расширяла свои знания о родной истории, имея возможность пользоваться фондами и экспозицией музея в процессе обучения. Ученые, известные исследователи древностей, ознакомившись с открытыми В.В. Хвойкой памятниками, получали новую для себя информацию, включавшуюся в научный оборот.

Административно-хозяйственная деятельность

Как уже отмечалось, с 1897 г. В.В. Хвойка занял должность заведующего музеем Общества древностей и искусств, который стал зародышем будущего городского музея. После окончания строительства здания Городского музея В.В. Хвойка определенное время фактически продолжал исполнять обязанности его заведующего. Пребывание В.В. Хвойки в это время в должности заведующего подтверждает отчет Киевского Общества древностей и искусств, в котором зафиксирована должность заведующего музея с жалованьем 600 руб., а также — швейцара, двух служителей, дворника и истопника. Проект положения о Киевский музей древностей и искусств, датированный 1900 годом, отмечает:

«Общее заведование делами музея лежит на Правлении Общества.

...Для ближайшего заведования музеем и сохранение коллекций правлением Общества избирается директор Музея.... На должность директора Музея избирается лицо, которое закончило курс в высшем учебном заведении и к тому же специально знакомо с российскими древностями и историей.

Прим. Первое время на должность директора Музея может быть назначено лицо, не закончившее курс в высшем учебном заведении, но известное своими учеными трудами в области русской археологии...» (ЦГАМЛИ. Ф. 648. Д. 4. Л. 39, 41).

Вероятнее всего, эти пункты положения писались под конкретных лиц. Следовательно, именно такое лицо, «которое не закончило курс в высшем учебном заведении», но было известно «своими учеными трудами в области русской археологии» фактически и занимало первое время должность заведующего музеем. Да и сам В.В. Хвойка в письме к Д.Н. Анучину от 7 ноября 1900 г. отмечал: «Музей наш понемногу приводится в порядок, коллекции мои, приобретенные г. Терещенко, содержатся там, и постепенно приступаем к составлению систематического каталога имеющихся документов. Я занимаю в музее должность его заведующего, располагая небольшим штатом служащих...» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1077).

Именно поэтому одновременно с подготовкой выставок, проведением экскурсий и экспедициями В.В. Хвойка занимался обустройством здания музея, хозяйственными вопросами, вел учет всех затрат музея — счета, заработная плата, уборка, чистка дымоходов, заготовка дров и т. д. Проведение этих работ и подписи В.В. Хвойки на документах зафиксированы в записях расходов Общества (ЦГАМЛИ. Ф. 648. Д. 5).

Безусловно, дальнейшее обустройство здания музея было одной из главных забот В.В. Хвойки. В музее еще очень многое нужно было сделать, чтобы он стал не просто зданием, а «жилым музеем» — по выражению Б.И. Ханенко, — священным местом, куда должны стекаться все для изучения прекрасного и для поклонения красоте, чтобы потом, в жизни, понимать и любить красоту (Освящение... 1905: 9). Однако для превращения музея в «жилой музей» нужно было приложить немало усилий. «...Мы уже имеем достаточно парадный ход на две стороны. В это время мы обустроиваем и приводим в порядок нижний этаж, а вскоре возьмемся и за верхний, так что ко времени Вашего приезда, возможно, явемся во всеоружии...» — писал В.В. Хвойка в письме к И.А. Линниченко конце 1901 года (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1100). Соотнося площади музея и объемы необходимых работ с небольшим количеством его сотрудников, нетрудно представить, какую работу провел возглавляемый В.В. Хвойкой коллектив и что стоит за словами «обустройство и приведение в порядок». С 1902 года на должность директора был назначен Н.Ф. Беляшевский, а В.В. Хвойка занял должность хранителя музея.

Финансовое положение музея древностей и искусств в начале его деятельности трудно назвать стабильным. 8 декабря 1904 музей получил новое название и стал именоваться — Киевский художественно-промышленный и научный музей имени Императора Николая Александровича (Киевское, 1905). Церковное освящение и официальное открытие Музея состоялось 30 декабря 1904 (Кулаковский, 1905: 6). Правда, финансовое его положение от этого не улучшилось. «У нас в Музее все бы хорошо, если бы были деньги — но, увы, их нет, наш археологический отдел остался даже без самых необходимых каталогов, и это очень болезненно для меня», — писал В.В. Хвойка в письме (ИР НБУВ. Ф. 153. Д. 83).

В 1909 г. музей был передан в ведомство Министерства торговли и промышленности по учебному отделу, и подготовлен новый его устав (Устав... 1909). После этих преобразований материальное положение музея улучшилось, расширился штат, большей стала оплата: директор музея Н. Ф. Беляшевский теперь получал 2400 руб. в год, хранитель музея В.В. Хвойка — 1200 руб.

Независимо от подчинения музея, обязанности его хранителя были достаточно размытыми и, конечно, включали не только чисто научную работу. В.В. Хвойка продолжал вести Книгу поступлений, содержащей собственноручные записи и подписи хранителя музея о продаже билетов и каталогов (ЦГАМЛИ. Ф. 648. Д. 27). Исследователю приходилось продолжать заниматься и хозяйственными проблемами музея. Нередки были случаи, когда В.В. Хвойка сам ссужал займы музею определенную сумму, а уже упомянутая В.Е. Козловская утверждает, что поначалу, когда музей в материальном отношении был малоимущий, «Викентию Вячеславовичу приходилось платить по счетам и жалование служащим из своих скромных средств» (Козловская, 1917: 10).

Устоявшейся практикой для директора музея Н. Ф. Беляшевского было оставлять музей под опекой В.В. Хвойки на время своего отсутствия (как на несколько дней, так и на достаточно длительный период — пребывания на лечении, в экспедиции и т.п.). «Уезжая из Киева, имею честь передать в Ваше ведение Музей» (ГАК. Ф. 304. Д. 12, 14, 35, 103, 345; НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 2—30), — многочисленные записки такого содержания, адресованные В.В. Хвойке, свидетельствуют о том, что он достойно справлялся с этой работой.

Довольно часто различные поручения В.В. Хвойке поступали и от Б.И. Ханенко, который был председателем правления Общества, а после переподчинения музея — председателем Комитета музея. Богдан Иванович и его жена Варвара Николаевна всегда заботились о делах музея, где бы они ни были. Б.И. Ханенко интересовался музеем и тосковал по нему, даже находясь в Харбине. «Не имею от Вас из-

вестий и не знаю, что у Вас делается. Как ходит в музей публика и что ее интересует?» — писал он в письме к В.В. Хвойке (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 541, 542). Или к нему же из Гааги: «Беспокоюсь, как наш музей, не течет верхнее стекло, как обустроены рамы нижнего этажа, где были склады вещей? На зиму нужно все убрать...» (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 562). В.В. Хвойка входил в состав Комитета музея, на который по Уставу 1909 г. возлагалось общее заведование делами музея. В обязанности Комитета входило общее наблюдение за состоянием музея, особо важные дела управления музеем, составление правил устройства, управления музеем и использования его публикой, избрание директора, рассмотрение годовой сметы, утверждение годовых отчетов расходов и поступлений т. д. Кроме того, комитет должен был заботиться об организации лекций по разъяснению коллекций музея, публичных чтений и собеседований, а также осуществлять художественные и научные издания, которые отвечали бы задачам музея.

К В.В. Хвойке часто обращались за советами из музеев разных городов по организации экспозиции, высказывали просьбы о передаче экспонатов, приглашали на открытие выставок и музеев (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 705, 770, 771, 789, 805, 819, 826, 827). В кругу специалистов имя Викентия Вячеславовича Хвойки было авторитетным и значимым.

Исследователь очень болел за все, что было связано с музеем, который стал для него не просто работой, а семьей. Письма самого В.В. Хвойки и его респондентов доносят до нас созданную им в музее спокойную доброжелательную атмосферу. В музее проводились лекции для студентов, существовал «археологический кружок» (как его называл В.В. Хвойка) (НА ИА НАНУ. Ф. 2. Д. 1151), состоящий из постоянных сотрудников и круга лиц, причастных к музею. Благодаря личному энтузиазму и работоспособности, В.В. Хвойка привлекал к работе достаточно большое количество людей, чьими совместными усилиями и двигалось общее дело.

Таким образом, в число обязанностей В.В. Хвойки как администратора и хозяйственника входил целый ряд дел — не только в начале деятельности музея, но и в течение всего периода его работы. По свидетельству В.Е. Козловской, обустройство музея «вполне было возложено на него» (ГАОО. Ф. 153. Д. 321. Л. 8). Конечно, труднее всего было в начале функционирования музея, когда требовалось параллельно заниматься завершением строительства, текущими делами (от выплаты жалованья до чистки дымоходов) и одновременно формировать экспозицию. С назначением Н. Ф. Беляшевского директором этих хлопот поубавилось, однако и тогда немалое количество внутренних дел музея решалась благодаря усилиям В.В. Хвойки.

Таким образом, вклад этой неутомимой личности в дело становления и деятельности Киевского городского музея был весомым и разносторонним. Прежде всего, это научно-музейная работа: каталогизация и систематизация материала, нередко происходившего из собственных раскопок автора, разработка концепции и планов размещения экспонатов, формирование экспозиции, издание сопроводительных указателей. Научно-просветительская работа В.В. Хвойки — известного и опытного экскурсовода, базировалась на умении художественно отображать историческое прошлое и доносить историю родного края через посредство музейных экспонатов. Весомой была также организационная деятельность В.В. Хвойки, особенно на ранних этапах строительства музея и его экспозиций.

Все изложенное, на наш взгляд, убедительно доказывает большое значение деятельности В.В. Хвойки на ниве музейного дела и просветительства. Будучи человеком весьма скромным, не стремящимся к публичному признанию, В. В. Хвойка много лет отдал кропотливой, рутинной, ежедневной музейной работе. Результатом его труда стал стабильный интерес посетителей к музею. Это прямое свидетельство того, что музей успешно выполнил свои самые главные функции — воспитательные и просветительские.

Литература

- Антонович В.Б. 1899. Об археологических выставках, устроенных ко времени открытия съезда // Известия XI АС в Киеве 1–20 августа 1899 г. Киев. № 1–14. С. 212.
- Археологическая летопись Южной России. 1899.
- Археологическая летопись Южной России. 1901.
- Известия XI АС 1–20 августа 1899 г. 1899. Киев. В. 1–14.
- Киевское Общество Древностей и Искусств. Сведения о деятельности в 1904 году. // АЛЮР. Киев. 1904. № 1–2. С. 57–61.
- Кулаковский Ю. 1905. Киевский художественно-промышленный и научный музей Императора Николая Александровича. СПб.
- Ковалинский В. 2003. Семья Терещенко. Киев.

- Козловська В.Є.* 1914. Памяти В.В.Хвойки // Україна. Київ. С. 50–55.
- Козловская В.Е.* 1917. Светлой памяти В.В.Хвойки. // Отдельный оттиск из XXXIII тома ЗООИД. Одесса.
- Колеснікова В.А.* 2004. В.В.Хвойка та заснування археологічного відділу Київського міського Музею // Историчний журнал. Київ. № 10–11. С. 49–56
- Краткий указатель предметов, помещенных в Киевском музее древностей и искусств. 1900. Киев.
- Краткий указатель предметов, помещенных в Киевском музее древностей и искусств. 1902. Киев.
- Мовша Т., Корвін-Піотровський О., Бузян Г.* 2003. Розвідки трипільських пам'яток Правобережної Київщини (слідами Вікентія Хвойки) // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ. С. 299–306.
- Освящение и открытие Киевского Художественно-Промышленного и Научного Музея имени Императора Николая Александровича. 1905. Киев.
- Отчет Археологического Музея Высших Женских курсов в Киеве за 1912\13 и 1913\14 академические годы. 1914. Киев.
- Отчет Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Императора Николая Александровича за 1909 год. 1910. Киев.
- Отчет Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Императора Николая Александровича за 1911год. 1912. Киев.
- Отчет Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Императора Николая Александровича за 1912 год. 1913. Киев.
- Отчет Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Императора Николая Александровича за 1914 год. 1914. Киев.
- Полонская Н.Д.* 1911. Археологические раскопки В.В.Хвойко 1909–1910 годов в мест. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Москва. С. 47–66.
- Труды XI АС в Киеве 1899 г. 1902. М. Т.2. — С. 175–176.
- Указатель выставки Киевского общества Древностей и Искусств 1897 г. — Киев, 1897. — 86 с.
- Устав Киевского художественно-промышленного и научного музея имени Государя Императора Николая Александровича. 1909. Киев.
- Экскурсия членов XI Археологического съезда // Известия XI АС в Киеве 1–20 августа 1899 г. 1899. Киев. № 1–14. — С. 136–137, 163.

Полевые дневники Викентия Хвойки: история открытий археологических памятников и источник для исследований

М.Ю. Видейко

Институт археологии НАНУ, Украина, г. Киев

Деятельность многих исследователей со временем обрастает легендами, легенды затем превращаются в мифы, которые порой благополучно существуют до тех пор, пока по тем или иным причинам не понадобится заглянуть в архивные материалы. Сказанное в полной мере касается полевых исследований Викентия Вячеславовича Хвойки. В биографических трудах, вышедших в последнее десятилетие, были повторены старые заключения о «дилетантизме», неверной методике раскопок и прочих прегрешениях исследователя, которые имели место во время раскопок памятников трипольской культуры. В печатном виде эта характеристика появилась в тридцатые годы XX в., во времена, когда критика «буржуазных ученых» стала в трудах советских археологов столь же обязательной, как и ссылки на «классиков марксизма-ленинизма».

Впрочем, критика появилась не на пустом месте — В. В. Хвойке порой доставалось за ведение полевых работ еще от современников — Ф. К. Волкова, А.А. Спицына, Н. Ф. Беляшевского и многих других. Собственно, на их суждениях, вкупе с анализом научных публикаций, и строилась критика 30–40-х годов. Кстати, В. А. Городцов в своей неопубликованной статье под громким названием «Хлестаковы в Археологии» (над ней он работал в июне 1941 г.) тоже зачислил В. В. Хвойку в число отрицательных персонажей — как дилетанта, чей стиль и методы ведения археологических работ, по его мнению, не заслуживают высокой оценки (Белозерова, 2010: 694; илл.57). Стоит, правда, уточнить, что в данном случае скромный смотритель Киевского музея имени имп. Николая II попал в очень хорошую компанию — вместе с Г.А. Бонч-Осмоловским, Б. С. Жуковым и другими выдающимися учеными, тоже зачисленными В.А. Городцовым в «дилетанты».

Прежде всего, следует указать: к полевой практике В.В. Хвойки едва ли применимо слово «дилетант» в первичном его понимании, т. е. — занятие какой-либо деятельностью, например, наукой, искусством, ремеслом без профессиональной подготовки. Да, у этого исследователя не лежал в ящике стола диплом археолога, полученный в одном из университетов Европы. Однако подобного диплома не имели и многие его критики, включая В. А. Городцова, вообще не получившего высшего образования. В конце XIX — начале XX вв. получить профильное образование в Российской империи было невозможно по одной простой причине — в университетах страны, регулярно проводившей археологические съезды и даже имевшей Императорскую археологическую комиссию, попросту не было кафедр археологии. В 1899 г., на XI Археологическом съезде (том самом, на котором В. В. Хвойка впервые выступил с докладом о своих раскопках) в резолюцию был включен пункт с обращением к властям о важности создания подобных кафедр в ближайшем будущем. Это будущее, кстати сказать, наступило лишь после 1917 г. Так что лишь исследователи советских времен могли похвалиться в 1930-х гг. наличием профильного диплома. Однако принятый в те времена стиль критики — как личностей, так и методов археологической науки начала XX в. — кажется сегодня, мягко говоря, мало приличным и зачастую весьма непоследовательным.

Если исходить из понимания дилетантизма, как отсутствия глубоких знаний о предмете своих занятий, неизбежно сопряженного с ошибками, то и оно едва ли применимо к полевым исследованиям В.В. Хвойки. В те времена знания о предмете исследования приобретались преимущественно на практике, через изучение специальной литературы, общение с коллегами. Исследователь посвятил раскопкам древностей более 20 лет жизни, т. е. приобрел немалый опыт, имел, по свидетельству современников, прекрасную библиотеку. В его личном архиве сохранилась переписка с десятками специалистов (как из России, так и из многих европейских стран), причем на нескольких языках! Его информацию о раскопках использовали в научных трудах (а, следовательно, ей доверяли!) Хв. Вовк (Вовк, 1905: 1–20), Л. Нидерле, М. С. Грушевский — список можно было бы продолжить.

Полагая точкой отсчета хотя бы печатные труды по методике полевых исследований, вышедшие из под пера такого авторитетного ученого, как А. А. Спицын (первое издание 1903, второе — 1910 гг.), то несложно убедиться: на рубеже XIX-XX вв. в России попросту не существовало общепринятых правил в области изучения, к примеру, остатков построек трипольской культуры (Спицын, 1895; 1910). Подробно эта тема была рассмотрена в работе Н.Б. Бурдо (2007: 15–17). Те немногие исследователи, которые их раскапывали, имели на сей счет свое, собственное мнение и ожесточенно спорили о том, как следует

копать правильно. Это опять-таки в СССР, в те же 20–30-е годы начнут копать трипольские поселения по более-менее единой методике, при этом выдавая за свое ноу-хау наработки нещадно критикуемых предшественников 20–40 летней давности (Пассек, 1949).

Возникает вопрос: а можно ли попытаться спустя более чем сто лет получить более-менее объективную оценку результатов полевой деятельности того или иного исследователя? Чтобы ответить на него, вполне достаточно для начала вспомнить, по каким параметрам ныне в первую очередь принято судить о профессионализме того или иного исследователя в поле. Ответ прост: речь должна идти об отчете, в первую очередь о полевой документации — дневнике, чертежах, фотоснимках.

Есть основания полагать, что именно обращение к подобным архивным материалам, в первую очередь, даст возможность прояснить, пусть и спустя сто с лишним лет, хотя бы некоторые вопросы, возникшие в связи с научным наследием В. В. Хвойки. К счастью, такие материалы сохранились. К примеру, в Научном архиве Института археологии Национальной академии наук Украины хранится несколько общих тетрадей — полевых дневников В. В. Хвойки. Именно их изучение позволяет сегодня не только пролить свет на вопрос, а как же ученый раскапывал различные объекты, но и уточнить обстоятельства ряда важных находок, идентифицировать места раскопок — словом, сделать ряд открытий, не бесполезных как для истории науки, так и (во многом!) для современных исследований.

Вид страниц полевых дневников вполне соответствует современным представлениям и требованиям к такого рода документации (рис. 1–2). Они содержат сведения о дате и месте проведения работ, а также привязки к местности, описания объектов, данные о собственниках земельных участков и усадеб, где проводились раскопки. Особенно ценно наличие подробнейших зарисовок раскопанных объектов. Качество рисунков карандашом таково, что можно опознать отдельные находки — особенно керамические изделия. Показана глубина залегания, расположение близлежащих объектов.

При отсутствии в большинстве случаев фотофиксации, эти рисунки — порой единственный источник, подтверждающий дневниковые описания раскопанных объектов. Проблемы с фотофиксацией для раскопок столетней давности вполне объяснимы — от дороговизны аппаратуры и отсутствия средств на найм фотографа до сложности применения фототехники того времени в полевых условиях. Да и качество тех снимков, которые все-таки сохранились в архиве В. В. Хвойки и дошли до наших дней, не демонстрирует их особых преимуществ, по сравнению с рисунками. Тем более, их автор неплохо владел карандашом (есть сведения, что в первые годы пребывания в России В. В. Хвойка подрабатывал преподаванием, в том числе рисования).

В отдельных случаях вместо подробных рисунков составлялись схемы расположения предметов, которые впоследствии прорабатывались более подробно. Большинство записей сделаны на русском языке (кстати сказать, иностранном для В. В. Хвойки), каллиграфическим почерком, который великолепно читается и ныне. Ряд записей сделан на чешском, родном для исследователя. Создается впечатление, что он переходил на него, когда следовало срочно зафиксировать какой-то объект, находку и не было времени подбирать соответствующие слова.

Сравнение полевых дневников с публикациями указывает на то, что они были использованы при написании научных работ, а в особенности — для их иллюстрирования. Полевые зарисовки прорабатывались, преобразовывались автором в графику, пригодную для воспроизведения средствами полиграфии начала XX в. При этом они становились более выразительными, изменения касались незначительных деталей, не искажалась первичная картина, полученная в ходе раскопок. Разумеется, сравнение дневниковых зарисовок с публикациями представляет определенный научный интерес для уточнения тех или иных обстоятельств полевых исследований.

Наличие в архиве таблиц большого формата, выполненных на ватмане, демонстрирует процесс подготовки публикаций и иллюстрирования научных докладов, с которыми В. В. Хвойка выступал перед коллегами. Они содержат планы мест раскопок, полевые зарисовки процесса раскопок, отдельных объектов ит.п., помещенные в окружении комплексов находок — от орудий труда и статуэток до керамики. Некоторые из этих таблиц были затем опубликованы полностью (литографским способом), некоторые — по частям, в виде отдельных рисунков. Есть и такие таблицы, которые вовсе не попали в печать (рис. 2).

Сопоставление полевых зарисовок с описанием методики раскопок в печатных работах В. В. Хвойки позволяет снять с него обвинение в таком грехе, как раскопки трипольских площадок траншеями. Дело в том, что исследования проводились в условиях разгула «черной археологии», и не было гарантии в том, что расчищенные, согласно общепринятой методике, находки долежат в раскопе до утра. Ситуация, в которой археологам приходится работать в последние годы, в силу определенных обстоятельств,

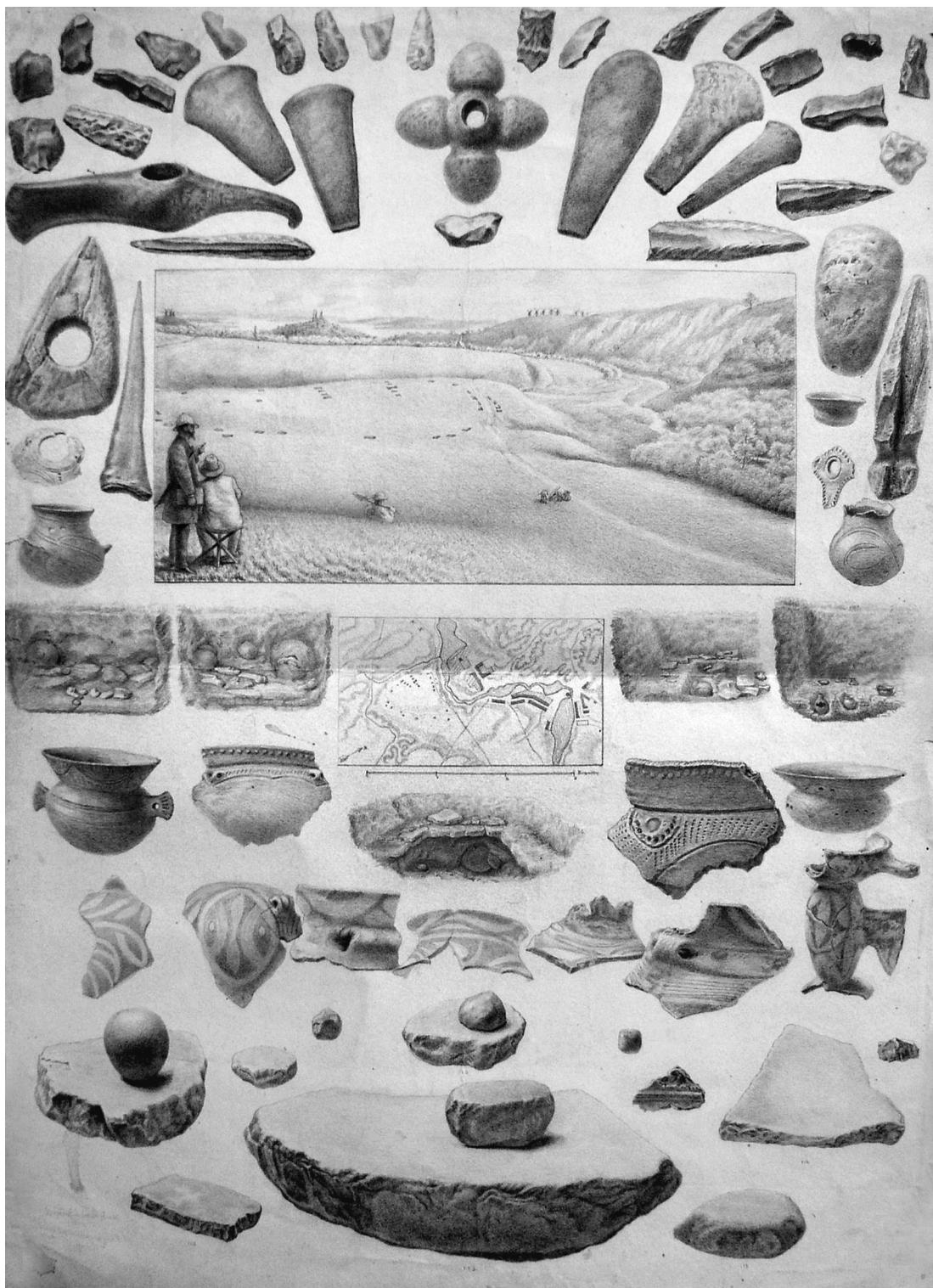

Рис. 2. Таблица с рисунками трипольских материалов, выполненная В.В. Хвойкой

оказывается схожей с описанной выше. Поэтому нашим современникам она вполне понятна. Не желая рисковать ценными находками, В. В. Хвойка раскапывал ровно столько, сколько можно было успеть за день (с разборкой и фиксацией). Ширина полосы составляла при этом более 2 м — что не соответствует, кстати сказать, современным представлениям о том, что такое «траншея». В другой раз снималась следующая полоса, вплоть до полного исследования объекта. Какие-то «площадки» при случае вполне

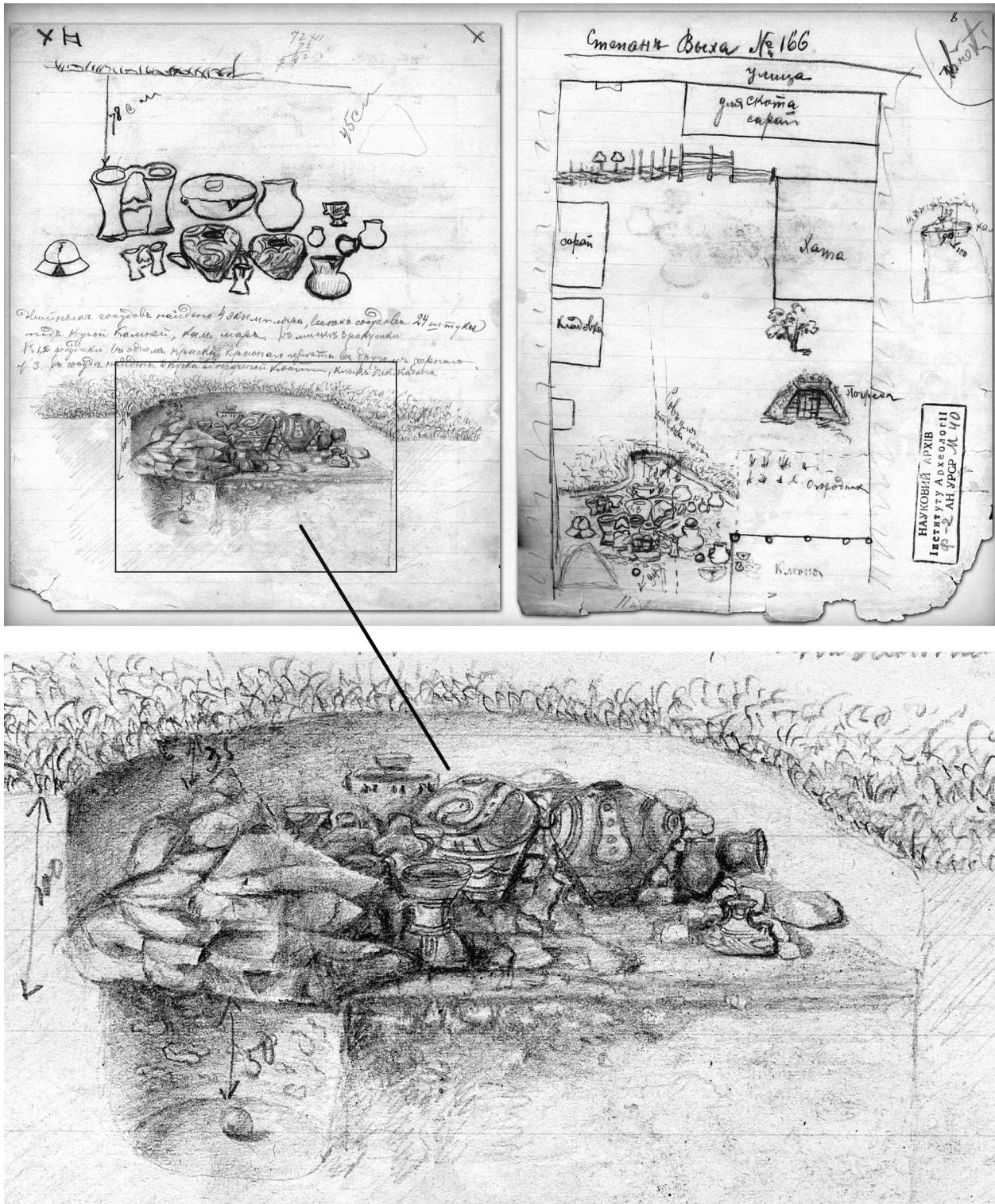

Рис. 3. Страницы из дневников В.В. Хвойки с полевыми зарисовками

могли остаться не докопанными, однако подобное сплошь и рядом можно встретить в практике раскопок тех же советских времен.

Изучение полевых дневников, в том числе в сравнении с наследием такого рода других археологов того времени позволяет прийти к выводу о том, что, по крайней мере, на поселениях трипольской культуры В. В. Хвойка вел раскопки на достаточно высоком уровне, вполне сопоставимом с научными

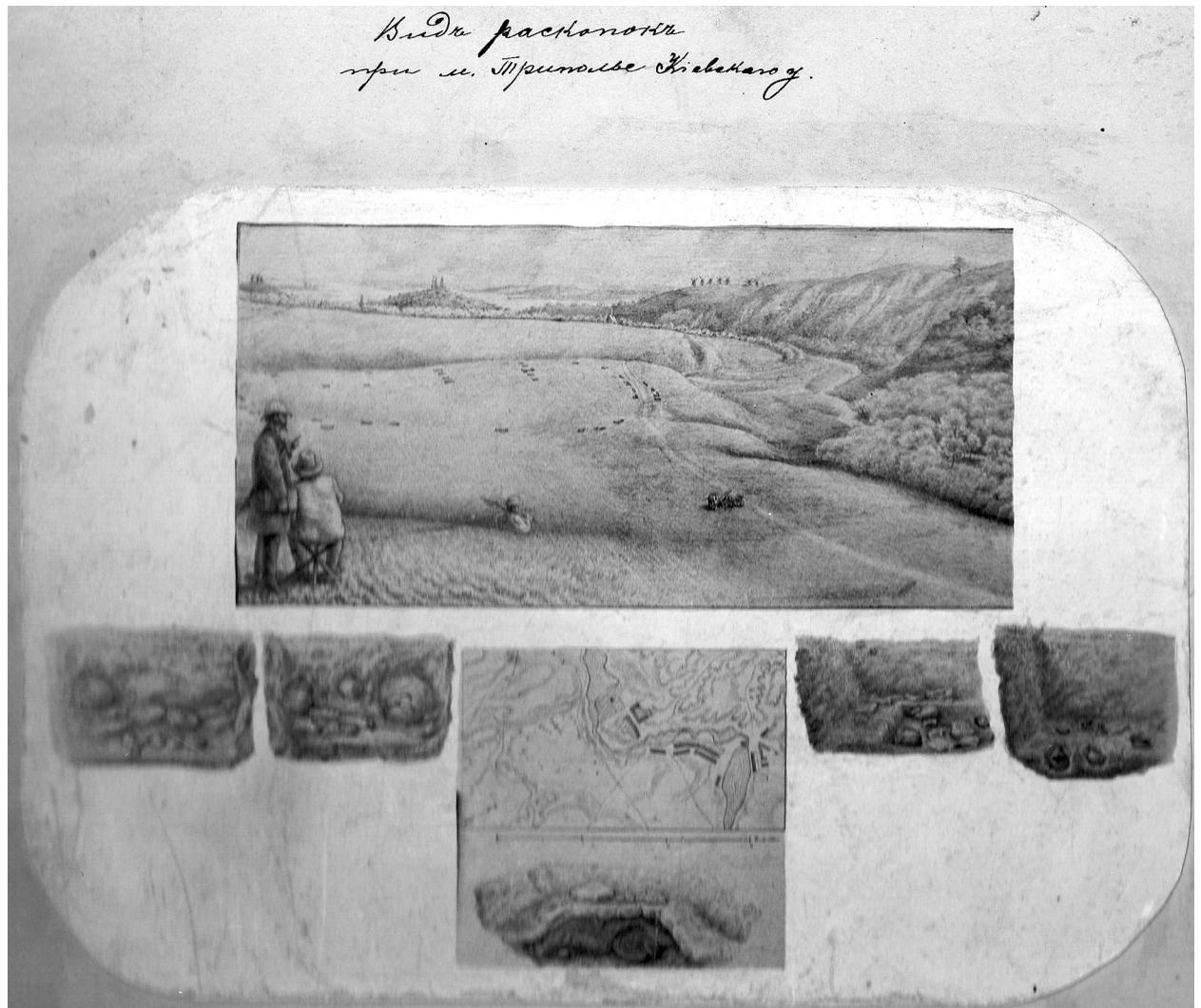

Рис. 4. Вид раскопок у с. Триполье (рис. В.В. Хвойки)

представлениями того времени относительно работ такого рода. Он уделял достаточно внимания фиксации объектов, как путем их словесного описания, так и многочисленных и точных зарисовок.

Одно время высказывались определенные сомнения относительно достоверности подобных зарисовок, особенно живописных групп сосудов, насчитывавших по несколько «биноклей», грушевидных осуди и крышек к ним и тому подобным вещам. Дело в том, что раскопки на других поселениях Поднепровья, проводившиеся в 1930–1960-х гг., ни разу не дали подобной картины. Однако в 2006 г., во время охранных раскопок на поселении этапа VI–VII (соответствует «культуре А» В. В. Хвойки) у с. Копачев в ур. Коломыйцев Яр удалось расчистить группу из двух «биноклей», двух грушевидных сосудов, кухонного горшка, нескольких мисок и крышек и иных изделий (Видейко, Бурдо, 2007:110–113). Картина была та же, что и на «сомнительных» рисунках В. В. Хвойки (рис. 3). Секрет «открытия» заключался, по видимому, в относительно большой (до 60 см) глубине залегания находок, не потревоженных, в силу этого, плугом при вспашке поля.

Описанные выше полевые дневники с несомненностью свидетельствуют о весьма серьезном отношении В.В. Хвойки, как к проведению раскопок, так и к процессу фиксации объектов трипольской культуры. Его полевая документация достаточно подробна и представляет собой полноценный источник для реконструкции процесса и результатов раскопок. Как ни парадоксально, но, благодаря наличию рисунков, с ними порою проще работать, чем с дневниками участников Трипольской экспедиции (раскопки у с. Халепье в ур. Коломыйщина, 1934–1939 гг.). А ведь, к слову, некоторые из них нещадно критиковали В.В. Хвойку за «дилетантизм». Кстати сказать, ни полноценных отчетов, ни комплектной

документации эти критики в научный архив так и не сдали — ни тогда, ни потом. Что, впрочем, не помешало, к примеру, Т.С. Пассек долгие годы считаться признанным авторитетом в области исследований трипольской культуры.

Полевая документация В. В. Хвойки вполне пригодна не только для восстановления «исторической справедливости» или достаточно подробной истории его полевых исследований. С течением времени возник ряд новых проблем, для решения которых старые дневники очень пригодились. К примеру, многочисленные находки из его раскопок порой оказывались в разных частных собраниях, музейных коллекциях. По ходу дела они порой «обрастали» инвентарными номерами, но данные о месте находки при этом могли быть утрачены. В итоге, когда большинство трипольских находок все же оказалось в фондах Национального музея истории Украины, возникло немало вопросов об их локализации. В этом отношении рисунки из дневника порой предоставляют уникальную возможность определить место находки с точностью не только до памятника, но порой и до объекта.

Некоторые рисунки небесполезны для установления мест расположения тех или иных поселений. Так, к примеру, в 2007 г. с большой долей вероятности удалось установить местонахождение эпонимного памятника у с. Триполье, в долине р. Красной — именно благодаря зарисовкам (Видейко, 2007: 32–33; рис. 4). И все благодаря подробнейшему рисунку В. В. Хвойки, несколько раз воспроизведенному в дневнике, а по нему — в ряде таблиц, в том числе с указанием названия места раскопок (рис. 3–4). Этот рисунок, к слову сказать, один из немногих содержит изображение самого ученого, своеобразный автопортрет на фоне панорамы места раскопок. Если на эпонимном памятнике трипольской культуры когда-то будет установлен памятный знак, то этот рисунок вполне достоин его украсить.

Изучение полевой документации В. В. Хвойки показало, что и сто лет спустя она может служить не только источником по истории науки, но и вполне добротным и ценным материалом для новых научных исследований. После него можно с полной уверенностью утверждать, что многие, уже ставшие, к сожалению, расхожей «истиной» обвинения ученого в дилетантизме, выглядят, при более добросовестном анализе, не вполне адекватными. О его работе и достижениях следует судить, в первую очередь, по документам, с полным, по возможности, учетом всех сопутствующих обстоятельств.

Литература

- Белозерова И.В. 2010. Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова в годы Великой Отечественной войны // Человек и древности. — М. С. 690–702.
- Бурдо Н.Б. 2007. В. В. Хвойка і дослідження трипільської цивілізації // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині Вікентія Хвойки. — Київ. С. 7–27.
- Видейко М.Ю. 2007. Місця археологічних розкопок В. В. Хвойки на трипільських поселеннях // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині Вікентія Хвойки. — Київ. С.28–38
- Видейко М.Ю., Бурдо Н.Б. 2007. Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між сс. Копачів та Перше Травня Обухівського району Київської обл. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. — Київ-Запоріжжя. С. 110–113.
- Вовк Ф.К. 1905. Вироби передмікенського типу в неолітичних становищах на Україні: Відчит на міжнар. археологічному конгресі 1900 р. у Парижі // Матер. до українсько-руської етнології. — Львів. — Т. 6. — С. 1–27.
- Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.—Л.
- Спицын А.А. 1895. Производство археологических раскопок. — СПб.
- Спицын А.А. 1910. Археологические раскопки. СПб.

Первый археологический опыт Викентия Хвойки

Т.Н. Радиевская, Н.Н.Беленко

Национальный музей истории Украины. Украина, г. Киев

В истории археологии Викентию Хвойке принадлежит почетное место. Исследователь стал первооткрывателем трех археологических культур — трипольской, черняховской и зарубинецкой. Он изучал памятники эпохи энеолита, бронзового и раннего железного славянского времени и Киевской Руси. Жизненный путь В.В. Хвойки был наполнен творческой деятельностью в археологии, которая дарила все новые и новые открытия. Однако его первый археологический опыт был связан с каменным веком¹, а именно с раскопками позднепалеолитической стоянки на Кирилловской улице в Киеве.

О древнейшей странице истории человечества — палеолите — в царской России того времени было известно сравнительно немного. В Западной Европе интерес к изучению памятников палеолита начался несколько ранее, еще в первой половине XIX в. С 1836 года французский археолог Э. Ларте исследовал пещеры Ле Мустье, Ориньяк, Ла Мадлен. Он предложил первую периодизацию каменного века на основании изменений фаунистических находок, которые были найдены в этих пещерах. Джон Леббок в 1865 г. в книге «Доисторические времена» дал научное определение двух этапов каменного века (палеолит и неолит). Дальнейшее накопление материалов позволило Г. де Мортилье в 1872 г. разработать новую периодизацию, в основу которой был положен уже технологические признаки каменных орудий (Формозов, 1983: 10).

В России уже в сер. XIX в. было известно достаточно много палеонтологических находок. Однако памятники палеолита еще не были открыты, что и стало поводом для утверждений некоторых западных ученых о незаселенности ее территорий в древности. Такая мысль была высказана на заседании Королевского общества северных древностей в Копенгагене датским археологом Й. Ворсо (1871 г.). О позднем заселении Восточной Европы, в том числе и территории Украины, писал также профессор Дерптского университета К. Гренвинг (Шовкопляс, 1992:10). Вплоть до 1860-х гг. в Российской империи не появлялось специальных работ о каменном веке, не было даже информации об открытиях такого рода в Западной Европе. В одном из параграфов «Устава о цензуре» 1826 г. провозглашалось: «Всякая вредная теория, таковая, как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном..., и тому подобные отнюдь не должны быть одобряемы к печатанию...» Эта тема была закрытой для печати.

Известный историк Н.И. Костомаров вспоминал один характерный эпизод, когда в 1874 г. участники III Археологического съезда посетили Софийский собор, протоиерей встретил их с вопросом о том, не пришли ли они сюда искать доказательств того, что происходит от обезьяны. «Мы не шагаем в такую даль...» — успокоил напуганного батюшку председатель съезда граф А.С.Уваров² (Формозов, 1983: 27).

На первых Археологических съездах проблемам палеолита, поискам памятников этой эпохи не уделялось соответствующего внимания. Так, в частности, не было проявлено должного интереса и к сенсационному открытию Федором Каминским Гонцовой стоянки на Лубенщине на III Археологическом съезде. Обсуждение докладов Ф.И. Каминского и К.М. Феофилактова ограничилось только одним вопросом, а именно: каким же образом обитатели стоянки разбивали кости мамонта (Борисковский, 1953: 13). Представители «официальной» археологии в России (Императорская Археологическая комиссия) в то время, по большей части, сосредоточивали усилия на изучении античных городов и степных

¹ Не исключено, что до этого В.В.Хвойка участвовал в раскопках курганов (см. очерк В.А. Колесниковой в настоящем сборнике). Но достоверных сведений об этом нет (ред.).

² Этот любопытный эпизод нередко использовался советскими авторами с целью показать «узость взглядов» и «дворянскую ограниченность» А.С. Уварова. Однако, если обратиться к публикациям того времени, то оказывается, что именно по просьбе графа, высказанной в письме к проф. К.М. Феофилактову, тот вплотную занялся вопросом о геологических условиях залегания стоянки Гонцы, открытой учителем Ф.И. Каминским. Первая презентация памятника происходила именно на III Археологическом съезде. Три года спустя, в 1877 г. А.С. Уваров сам откроет первую в Средней России палеолитическую стоянку Карачарово — и займется ее целенаправленным изучением. В 1879 г. его сотрудник И.С. Поляков обнаружит уникальное Костенковское скопление палеолитических памятников и уже в 1880 г. опубликует очень грамотный отчет о раскопках. Так что говорить о полном отсутствии интереса к палеолиту в России тех лет все-таки нельзя. Что же касается ответа А.С. Уварова на вопрос обеспокоенного (и явно не очень умного!) настоятеля собора св. Софии, то он свидетельствует, скорее, о такте и дипломатичности, необходимых любому хорошему организатору (ред.).

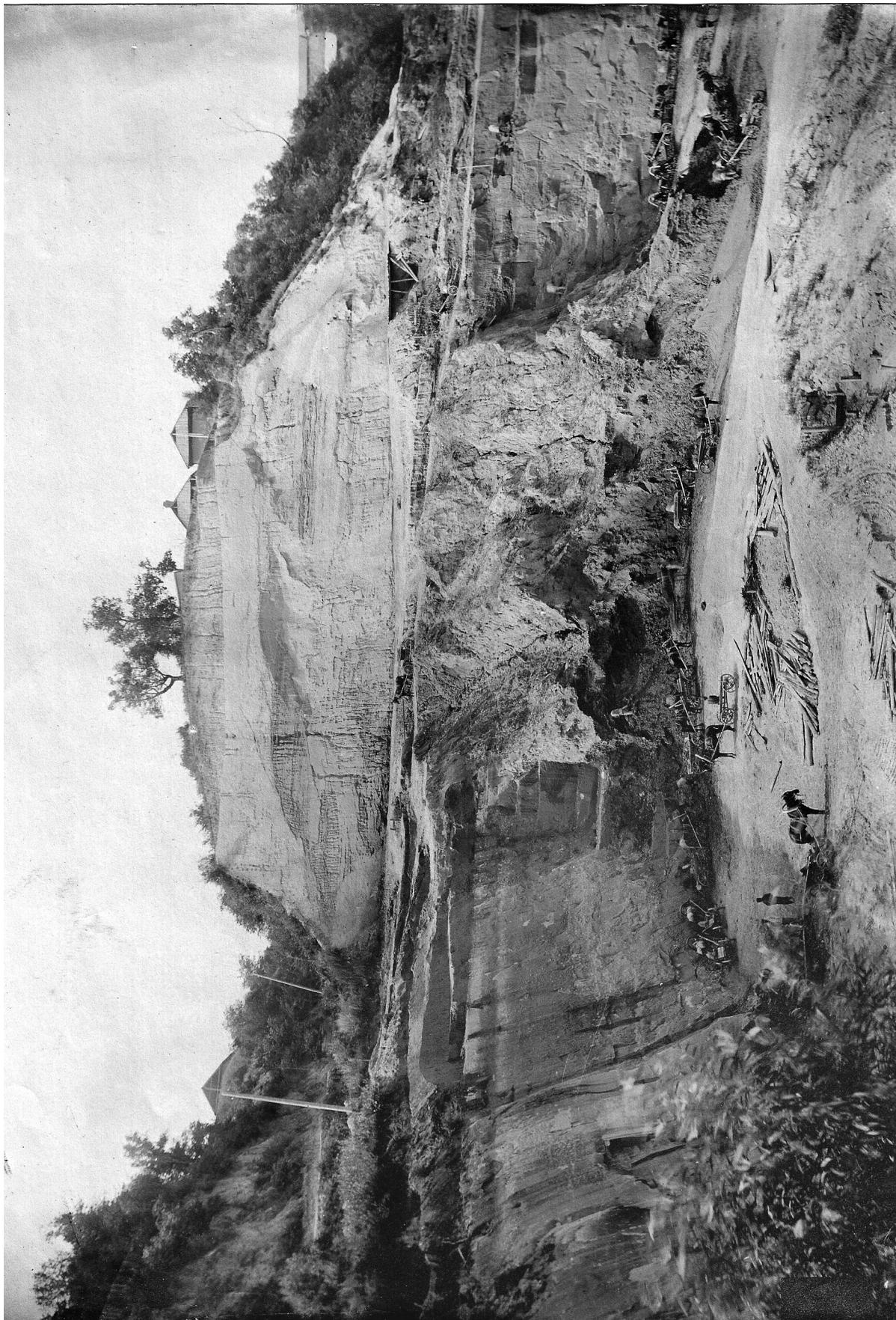

Рис. 1. Исследования Кирилловской стоянки. Фото конца XIX в.

скифских курганов Северного Причерноморья, занимались пополнением эрмитажных коллекций произведениями древнего ювелирного искусства.

Однако в конце августа 1893 г. произошло событие, которое сразу привлекло внимание к памятникам каменного века. Во время осмотра места проведения земляных работ на Подоле (по ул. Кирилловской № 59–61) Викентий Хвойка, внимательно рассматривая одно из пятен, на глубине 19 м, натолкнулся на бивень мамонта. О находке сообщили проф. В.Б. Антоновичу, который в 1878 г. принимал участие, совместно с А.С. Уваровым, в раскопках палеолитической стоянки Карачарово. В.Б. Антонович посоветовал обращать внимание на то, не найдутся ли возле костей обработанные камни. И действительно, через несколько дней раскопок, один из работников подал исследователю кусок кремня со следами оббивки рукой человека. В.В. Хвойка немедленно сообщил об этом В.Б. Антоновичу, который пригласил посетить место раскопок профессора П.Я. Армашевского (Хвойко, 2006: 27–28). Так началось исследование знаменитой Киево-Кирилловской стоянки, которая со временем вошла во все обобщающие труды по палеолиту Среднего Поднепровья и Восточной Европы в целом. Это были первые шаги В.В. Хвойки как археолога-исследователя.

Раскопки шли довольно успешно, однако всем первым находкам суждено было погибнуть. По сообщению В.В. Хвойки, из-за огромного количества костей и значительной глубины, где они были найдены, место исследований приобрело в глазах местных жителей какой-то фантастический характер. И вот в один праздничный день заинтересованная толпа людей, пришедших осмотреть раскопанные чудеса, несмотря на запрет сторожа, ворвалась в усадьбу, раскидала, побила находки и кое-что унесла с собой. Среди местного населения распространились слухи о добывании ископаемых костей с медицинской целью. Однажды В.В. Хвойка на месте раскопок встретил пожилую женщину, собиравшую кости и уверявшую, что ей известно их лечебное действие (Хвойко, 2006: 28).

Во время расчистки культурного слоя В.В. Хвойка обращал большое внимание на горизонтальное расположение находок, которые оставались *in situ* для представления целостной картины их расположения. Во время исследования Киево-Кирилловской стоянки В.В. Хвойка, по сути, впервые использовал методику вскрытия культурного слоя памятника широкой площадью. Такая методика отличалась от повсеместно принятой в то время «кессонной», когда исследователи обращали внимание, прежде всего, на стратиграфию, а не на планиграфию исследуемого объекта (Колесникова, 2007: 39). Лишь начиная с 1930-х гг., исследование широкими площадями получило широкое признание в палеолитоведении.

В конечном счете, В.В. Хвойке удалось выделить на Кирилловской стоянке два различных культурных слоя, а также предположить наличие там жилых конструкций. Артефакты им зарисовывались. К сожалению, будучи первопроходцем, исследователь упустил такой важный момент, как детальная фиксация слоя в плане. Не использовал он и фотографирование как метод фиксации, лишь иногда делал зарисовки по памяти (рис. 2).

Несмотря на весьма существенные методические недостатки, раскопки Киево-Кирилловской стоянки наглядно показывают талант исследователя. Если до этого времени археологические памятники раскапывались, как правило, с целью поисков предметов старины, то В.В. Хвойка подошел к исследованию стоянки с другой стороны. Археолог относился к ней как к историческому источнику, рассматривал памятник как древнее поселение и пытался восстановить картину жизни людей той эпохи. Так, анализируя обнаруженные артефакты, автор раскопок делает выводы о том, что «...человек того времени был существом разумным, он хотя бы в виде исключения, обладал наблюдательностью по отношению к окружающему и стремился к возможной передаче полученных им впечатлений...» (Хвойка, 1901: 754)¹.

Исследователь пытался найти ответ на вопрос о том, как наш предок добывал пищу, имея такие, как ему казалось, несовершенные орудия? Он предполагал, что вряд ли в ту отдаленную эпоху развитие человека было достаточным для изобретения столь сложного орудия, как лук. Далее В.В. Хвойка сфор-

¹ Нимало не умаляя, действительно, больших заслуг В.В. Хвойки, заметим все же, что стремление восстановить картину жизни человека каменного века на основе материалов из раскопок было характерно для многих русских археологов XIX в. Именно такую задачу ставили перед собой первые исследователи палеолита и неолита в России А.С. Уваров, И.С. Поляков, А.А. Иностранцев. Сходные требования выдвигал Ф.К. Волков (Вовк), обращавший большое внимание на контекст находок и условия их залегания. А в 1896 г. Н.Ф. Кашенко раскопал в Сибири, в предместье г. Томска палеолитическую стоянку широкой площадью — практически безупречно, с соблюдением всех требований археологической фиксации, которые стали общепринятыми лишь к сер. XX в. Вообще заниженная оценка отечественной дореволюционной археологии в современной историографии является наследием периода социологизма 1930-х гг. Тогда перед археологами была поставлена задача во что бы то ни стало доказать превосходство «советской» науки над «буржуазной», и многие всерьез в это поверили (ред.).

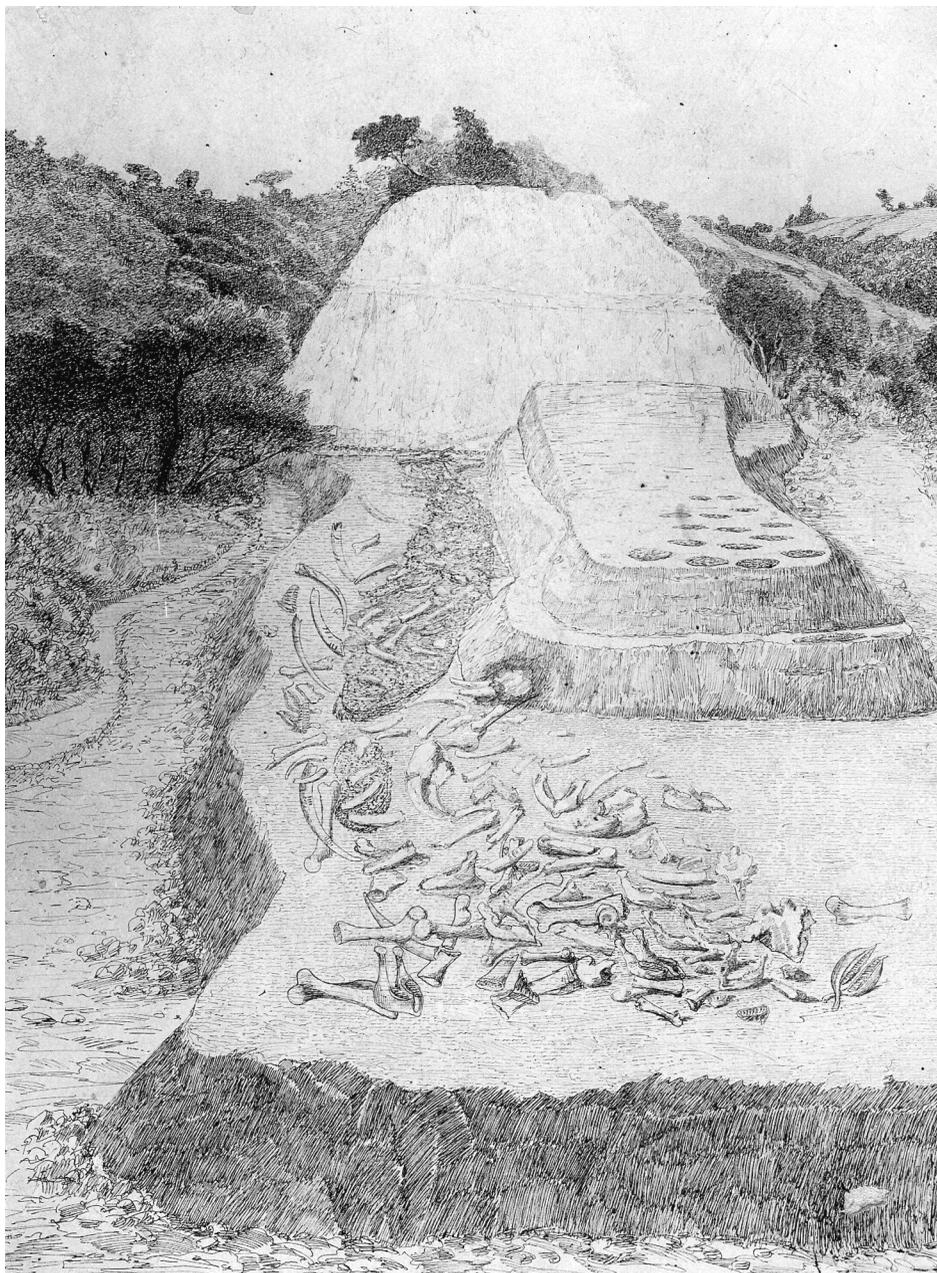

Рис. 2. Исследования Кирилловской стоянки. Рисунок В.В. Хвойки.

мулировал гипотезу¹, которая до сих пор рассматривается в науке, как одна из актуальных: «найденные кости представляют остатки животных, погибших естественной смертью вследствие разных случайностей или климатических переворотов, человек только воспользовался оказанной ему самой природой помощью...» (Хвойка, 1901: 751).

Этот способ добывания пищи, по мнению В.В. Хвойки, был самым легким и наиболее удобным и, возможно, чаще всего использовался палеолитическим человеком. Как известно, проблема реальной роли охоты на мамонтов в хозяйстве позднепалеолитических охотников и сегодня является объектом научных дискуссий. Так, например, В.И. Громов, допуская определенную роль охоты в палеолите, считал, что основным источником костей на памятниках были умершие или погибшие животные, которые

¹ В России эта гипотеза наиболее полно была сформулирована А.И. Кельсиевым. См.: Кельсиев А.И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. Труды МАО. 1883. Т. IX. Вып. 2–3. С. 154–180 (ред.).

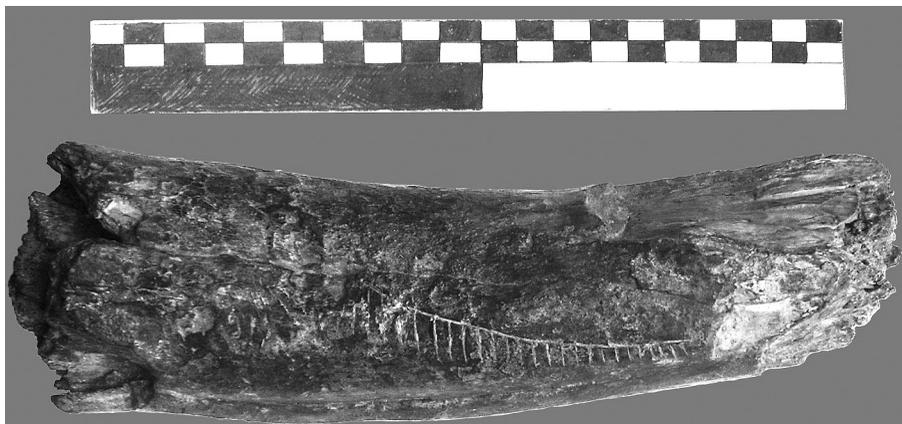

Рис. 3. Бивень мамонта с орнаментом в виде лесенки

Рис. 4. Фрагмент бивня со сложной зооморфно-орнаментальной гравировкой

хорошо сохранялись в условиях вечной мерзлоты. Большую вероятность собирания мамонтовых костей древним населением в местах естественной гибели животных предполагает О. Соффер (Громов, 1948: 481–502; Соффер, 1993: 107–109)¹.

Открытие Киево-Кирилловской стоянки вызвало значительный интерес. Многочисленные статьи, заметки, публикации появились в журналах, научной литературе (Антонович, 1900: 83–85; Армашевский, Антонович, 1895: VIII–IX). Памятник сразу же стал широко известен, как в России, так и за рубежом, в частности, благодаря интересным образцам первобытного искусства — фрагментам бивней мамонта с резьбой, которая напоминает «линейку» и «лесенку» (рис. 3) и фрагмента бивня со сложной зооморфно-орнаментальной гравировкой (рис. 4) (Беляшевский, 1900: 71; Волков, 1904: 16–25).

Стоянка исследовалась В.В. Хвойкой при участии В.Б. Антоновича до 1902 г. Геологические условия стоянки изучались К.М. Теофилактовым и П.Я. Армашевским (рис. 5) (Армашевский, Антонович, 1897: 21–23; Армашевский, 1902: 143). Определить часть костей помог профессор В.Б. Антонович, кремень — французский археолог Ж. де Бай, анализ ископаемых растений был сделан известным французским специалистом Рено (Вовк, 1899-б: 214). Таким образом, памятник исследовался комплексно.

На поселении было прослежено два культурных слоя. В нижнем слое, на глубине 20–22 м от поверхности, были выявлены мощные скопления мамонтовых костей (свыше 67–70), остатки очагов, кремневые изделия и бивни с резьбой. В верхнем слое, на глубине 13–14 м, было прослежено 20 округлых скоплений из кремня, пережженных костей, угля и золы диаметром 2 м и мощностью около 10–15 см

¹ Подробнее об этой дискуссионной проблеме см. статью Н.И. Платоновой, М.В. Аниковича и Н.К. Анисюткина в настоящем сборнике (ред.).

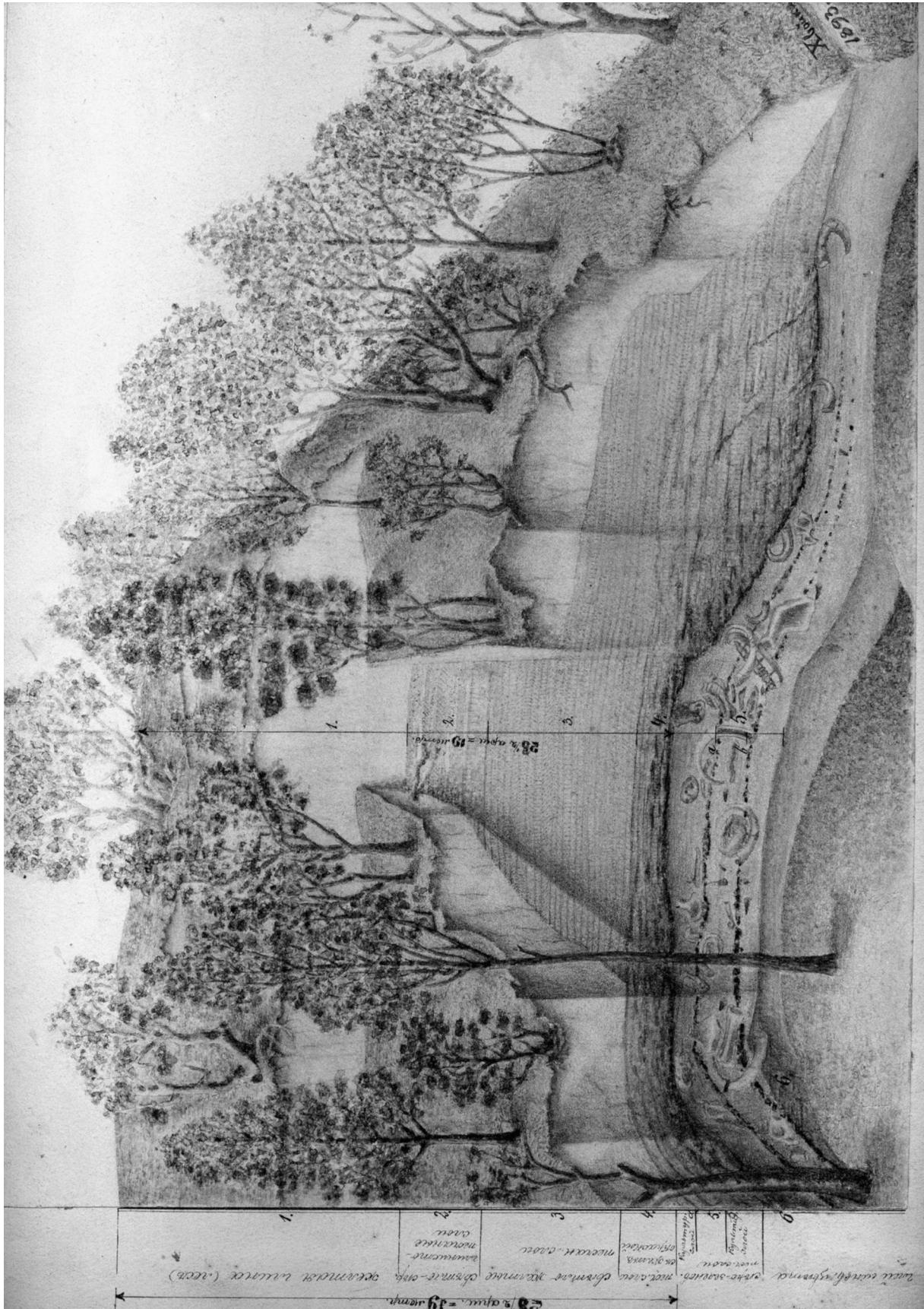

Рис. 5. Акварель В.В.Хвойки. Кирилловская стоянка. Стратиграфический разрез

(Береговая, 1960:132–133). И.Г. Пидопличко, анализируя рисунки В.В. Хвойки, предположил, что на поселении было не меньше четырех жилищ (Пидопличко, 1969: 40–41).

Первые исследования памятников палеолитической эпохи, безусловно, не обходились без недостатков и ошибок, как в датировании, так и в методике раскопок. П.Я. Армашевский и В.Б. Антонович считали Кирилловскую стоянку древнейшей на территории Российской империи (Вовк, 1899-а: 9). В.В. Хвойка также считал, что стоянка принадлежит к древнейшему периоду палеолитической эпохи (Хвойка, 1913: 3). Однако анализ стратиграфии стоянки, изучение особенностей кремневых орудий и западноевропейские аналогии уникальных предметов искусства позволили Ф.К. Вовку (Волкову) уверенно датировать нижний слой памятника «мадленским» временем (Вовк, 1899-а: 1–12, Вовк, 1899-б: 211–219; Волков, 1904: 16–25). Для нижнего слоя стоянки в дальнейшем была получена радиоуглеродная дата в Оксфордской лаборатории (по зубу мамонта) — 19.200 ± 250 (OxA–718) (Svezhentsev, 1993: 26; Синецын, Праслов /ред./, 1997: 56).

В.В. Хвойка исследовал Кирилловскую стоянку частями в течение 10 лет, поэтому общую картину вскрытой площади (около 10 тыс. кв. м) он восстанавливал также частями. Его незаурядные способности художника, по признанию самого исследователя, все же не смогли заменить фотографию. В.В. Хвойка ограничивался записями в своих дневниках, которые потом переносил в отчеты и статьи. Этим объясняется отсутствие детальных описаний слоев, незначительное количество вертикальных разрезов и планов, отсутствие точных данных о количестве находок. Однако необходимо помнить, что изучение палеолита только начиналось, а для В.В. Хвойки-археолога это были первые шаги.

Указывая на ошибки и недостатки исследований первых палеолитических памятников, в частности, Кирилловской стоянки, Ф.К. Вовк все же отдавал должное своим предшественникам. По его мнению, только благодаря любознательности и неутомимой энергии Викентия Вячеславовича, «...все содержимое этой, одной из редчайших не только в России, но и во всей Европе находок, не ушло на планировку какого-нибудь Афанасьевского яра или на постройку днепровской дамбы» (Волков, 1900: 133)

Интересна судьба коллекции материалов из Киево-Кирилловской стоянки. Именно артефакты этого памятника стали первыми экспонатами Киевского музея древностей и искусств (ныне Национальный музей истории Украины). Большая часть материалов коллекции (по данным Рукописного каталога Археологического отдела) поступила в 1897 г. как пожертвование тайного советника и почетного члена Киевского общества древностей и искусств Н. А. Терещенко из коллекции, приобретенной от В.В. Хвойки. 113 изделий из кремня были переданы Императорской Археологической комиссией в том же году. Изделия искусства (орнаментированные бивни a10/1, a10/3) поступили от Е.М. и А.Н. Терещенко в 1902 г. В 1936 г. коллекция пополнилась материалами, поступившими в музей из Археологического музея Высших женских курсов (дар В. Хвойки 1913 г.) и Музея древностей и искусств Императорского университета св. Владимира (пожертвование В.Е. Козловской 1916 г. (Радієвська, 2009: 11).

Незначительная часть материалов была отобрана французскими исследователями и вывезена во Францию. Ф.К. Вовк в своей работе о палеолитических находках на Кирилловской улице отмечает, что французские археологи сравнивали кирилловский кремль с мустьерской индустрией Франции (Вовк, 1899-а: 12). Исходя из этого, можно предположить, что французские ученые старались отбирать предметы, наиболее похожие, по их мнению, на мустье, и в результате отобрали не слишком характерные для стоянки образцы. Первая публикация материалов памятника также принадлежит Ф. К. Вовку. Это кремль из верхнего культурного слоя — 6 экз. из коллекции А. Годри и Ж. де Бая. Кроме того, 20 экз. изделий были нарисованы по фотографиям, присланным В.В. Хвойкой (Вовк, 1899-б: 219). Среди опубликованных Ф.К. Вовком изделий заслуживают внимания несколько пластинок, обработанных, по словам автора, тонкой ретушью. На эти находки обратил внимание Ф.К. Вовка профессор Парижской антропологической школы Адриан де Мортилье. Он датировал их более поздним временем — «тарденуазской» эпохой по классификации Габриэля де Мортилье (Вовк, 1899-б: 217–218).

Кремневые изделия, вывезенные во Францию, и сегодня хранятся ныне в Музее Национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Ле. Коллекция насчитывает 36 экземпляров. Среди них — нуклеус, скребок, пластины, отщепы (Яковлева, 2000: 96). К сожалению, вывезенные материалы до сих пор не опубликованы.

На рубеже 1930–1940-х гг. коллекцию материалов из Кирилловской стоянки, которая хранилась в Историческом музее (сейчас НМИУ) обработал П.И. Борисковский. Наиболее полно коллекция была опубликована в его обобщающей работе «Палеолит Украины» (Борисковский, 1953: 153–175). Автор изучил около 800 экз. находок. Хотя указанная публикация не свободна от некоторых недостатков (так,

например, на рисунках представлены отходы производства — нуклеусы, резцовый скол и т. д., которые автор определяет, как орудия труда), ее значение в истории коллекции оказалось исключительным.

После Второй мировой войны все кирилловские материалы, за исключением одного бивня с зооморфной композицией (а10/3), долго считались утерянными (Шовкопляс, 1952: 104). Но в 70-х годах XX в., усилиями сотрудников археологических фондов НМИУ Т.Г. Мовши и О.О. Якубенко, фактически депаспортизованная коллекция была возрождена для науки по старым шифрам (инвентарным номерам из Рукописного каталога Археологического отдела) и путем сличения с публикацией П.И. Борисковского. Научное определение комплекса было сделано М.И. Гладких. Сейчас в коллекции (а10) числится 624 единицы хранения. Незначительная часть материалов передана в Музей истории Киева и в Институт геологии. Среди орудий, как нижнего, так и верхнего слоев преобладают скребки на укороченных пластинах, боковые и угловые резцы. В коллекции имеются также фаунистические остатки мамонта — фрагменты черепа и нижней челюсти, зуб, позвонок, тазовая часть, левое ребро, бедренная кость. Наиболее характерные образцы кремневого комплекса, а также предметы искусства представлены в разделе I экспозиции «Каменный век на территории Украины». Они иллюстрированы оригинальными художественными работами В. Хвойки.

Современные исследователи считают, что материалы Кирилловской стоянки трудно использовать, как полноценный археологический источник. И все же значение первых исследований В.В. Хвойки, его первый археологический опыт нельзя недооценивать. Уже во время его первых раскопок проявились неутомимая энергия, энтузиазм, необыкновенная работоспособность, раскрылся талант В.В. Хвойки как ученого — первопроходца, наблюдательного и любознательного исследователя. В.В. Хвойка на практике применил метод раскопок палеолитических памятников широкими площадями, который получил широкое распространение лишь с начала 1930-х гг. Стоит подчеркнуть и его стремление рассматривать археологические памятники с исторической точки зрения. Присущие В.В. Хвойке историческая направленность исследований и комплексность в подходе к источникам, по мнению С.В. Смирнова, дали исследователям возможность в дальнейшем пересмотреть его же выводы и сделать шаг вперед на пути исследований отечественных древностей, которым В.В. Хвойка посвятил свою жизнь (Смирнов, 1989: 125).

Именно с открытия Киево-Кирилловской стоянки начался качественно новый этап изучения отечественного палеолита — этап, когда палеолитические памятники, открытые на то время, стали всемирно известными, к их изучению привлекались специалисты различного профиля. Сегодня Украина известна в научном мире огромным количеством памятников каменного века. Исследования В.В. Хвойки в области палеолита можно рассматривать как начало формирования источниковедческой базы. Они стали своеобразным фундаментом для становления отечественного палеолитоведения, для развития многочисленных научных школ.¹

Литература

- Антонович В.Б. 1900. Памятники каменного века, найденные в Киеве в течение трех последних лет // Труды Х АС. Т. 3. Москва. С.83–85.
- Армашевский П.Я., Антонович В.Б. 1895. О находке костей мамонта в Киеве совместно с кремневыми орудиями. Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей // Записки Киевского общества естествоиспытателей. Т. XIV, вып.1. Киев. С. VIII–IX.
- Армашевский П.Я., Антонович В.Б. 1897. Публичные лекции по геологии и истории Киева. Киев. С. 21–23.
- Армашевский П.Я. 1902. О стоянке человека палеолитической эпохи по Кирилловской улице в Киеве // Труды XI АС. Москва. Т. 2. С. 143.
- Береговая Н.А. 1960. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. № 81. С. 132–133.
- Беляшевский Н.Ф. 1900. Бивни мамонта с нарезками из стоянки на Кирилловской улице в Киеве // АЛЮР (апрель). С. 71–72.
- Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины // МИА. № 40.

¹ Авторы несколько преувеличивают значение открытия и изучения В.В.Хвойкой Кирилловской стоянки для истории палеолитоведения в Восточной Европе. До 1893 г. на территории Российской империи уже было известно около десятка палеолитических стоянок. Практически все они изучались комплексно учеными-естественниками. В 1892 г. в Москве прошла XI сессия Международного конгресса по доисторической антропологии и археологии. Для изучения палеолита, как России, так и Украины значительно большее значение имели работы Ф.К. Волкова (Вовка) и его учеников. См. об этом: Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб., 2008: 18–20 (ред.)

- Вовк Хв.* 1899-а. Передісторичні знахідки на Кирилівській вулиці у Києві. // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 1. Львів. С. 1–32.
- Вовк Хв.* 1899-б. Палеолітичні знахідки на Кирилівській вулиці в Києві (додаток до попередньої статті) // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 1. Львів. С. 211–219.
- Волков Ф.* 1904. Искусство мадленской эпохи на Украине // АЛЮР. Т. 1. 1903. Киев. С. 16–25. Табл. I–IV.
- Громов В.И.* 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Труды Института геологических наук. Серия геология. Вып. 64. № 17.
- Колеснікова В.А.* 2007. Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ.
- Пидопличко И.Г.* 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.
- Радієвська Т.М.* 2009. Палеолітичні колекції в археологічній збірці Національного музею історії України // Національному музею історії України — 110. Ч. 1. Київ. С. 9–18.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д.* /ред./ 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб. 141 с.
- Смирнов С.В.* 1989. Исторична направленість і комплексність археологічних досліджень В.В. Хвойки // Археологія. 3.С. 122–125.
- Соффер О.* 1993. Верхний палеолит Средней и Восточный Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва. С. 107–109.
- Формозов А.А.* 1983. Начало изучения каменного века в России. Москва.
- Хвойко В.В.* 1901. Каменный век среднего Приднепровья // Труды XI АС в Киеве 1899. Москва.т.1.С. 27–37.
- Хвойка В.В.* 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев. 2006. Кам'яний вік Середнього Придніпров'я — Палеоліт // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. Ч. 1. Київ. С. 27–37.
- Шовкопляс І.Г.* 1992 Вдалиі початок// Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею.Полтава.. С. 10–14.
- Яковлева Л.* 2000 Нові дані про археологічні колекції В. Хвойки з Кирилівської стоянки // АНТ. Київ. 4–6. С. 96.
- Svezhentsev Y.S.* 1993. Radiocarabon Cronology for the Upper Paleolithic sites on the East European plain from Kostenky to clovis. Upper Paleolithic-Paleo-Indian Adaptation. N.Y.L.

РАЗДЕЛ II

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ, КОНЦЕПЦИИ, ПАРАДИГМЫ...

«Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии)

И.Л. ТИХОНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург

В Санкт-Петербургском государственном университете традиция чтения курсов по истории археологии, восходит еще к началу XX столетия, когда эти сюжеты довольно подробно рассматривали в своих лекциях С.А. Жебелев и М.И. Ростовцев. Вся первая, причем большая, часть известного учебника С.А. Жебелева «Введение в археологию» именовалась «История археологических знаний» (Жебелев, 1923). Под таким же названием, уже в качестве отдельного предмета, этот курс вошел в учебные планы кафедры археологии исторического факультета Ленинградского университета со второй половины 1930-х гг. В то время его читали М.И. Артамонов, С.Н. Замятнин, П.И. Борисковский. В 1960-е гг. этот курс был разделен на две части: «Историю мировой археологии» стал читать Л.С. Клейн, а «Историю отечественной археологии» Г.С. Лебедев. После ареста и изгнания Л.С. Клейна в 1981 г., Г.С. Лебедев был вынужден добавить к истории российской археологии краткие экскурсы в историю европейской науки и в таком виде в 1992 г. издал его (Лебедев, 1992). Значительно расширенный и дополненный курс лекций Л.С. Клейна в двух томах, составляющих более 100 авторских листов, в настоящий момент выходит из печати в издательстве СПбГУ. С 1991 г. этот курс лекций довелось читать автору этих строк. В факультетском расписании этот предмет значится под названием «Историография археологии» и относится к первой странице учебного плана, т. е. является учебной дисциплиной для всего исторического отделения факультета. Однако по сложившейся традиции его читают отдельно на каждой кафедре в рамках ее специализации.

Сам термин «историография» имеет в русском языке несколько значений: 1). еще в XIX в. он был фактически синонимом терминов «история», «исторические исследования», так, например, Н.М. Карамзин официально именовался «историографом государства Российского»; 2). под историографией понимают совокупность научной литературы по какой-нибудь теме, проблеме, эпохе; 3) и наконец историография — это особый раздел исторической науки, который изучают ее (науки) историю.

Курс «Историография археологии» является по объему отведенных часов одним из самых обширных из числа читаемых студентам кафедры археологии. Последнее обусловлено чрезвычайно большим объемом изучаемого материала. Специфика современной археологии такова, что она, в отличие от большинства разделов исторической науки, имеющих хронологические или территориальные рамки, способна охватывать все исторические эпохи, начиная со времени появления человека, или даже его далеких предшественников, до сравнительно недавнего прошлого (XVIII—XX вв.). Географические ограничения также отсутствуют, поскольку к настоящему времени археологические памятники не выявлены, разве что, в Антарктиде.

Иначе говоря, в отличие от таких традиционных исторических субдисциплин, так антиковедение, медиевистика, новистика, отечественная история, различающихся изучением разных исторических периодов и регионов, археология, в силу своей методологической и, особенно, источниковедческой обособленности, оказывается чрезвычайно дифференцирована. При современном объеме материала и публикаций не может быть специалистов, одинаково квалифицированно разбирающихся в проблемах археологии каменного века, античных поселений в Северном Причерноморье и памятниках восточно-европейского средневековья. Соответственно, хорошо знать литературу по своим проблемам, а значит и плодотворно заниматься историографией палеолита или античной археологии могут только специалисты в этих областях. Поэтому, на наш взгляд, сам термин «историография» в археологии правомерно употреблять только по отношению к конкретным темам, проблемам, памятникам, группам памятников.

Можно говорить об историографии трипольской или черняховской культуры, историографии проблемы происхождения славян, подразумевая критический анализ (этим историография все-таки должна отличаться от библиографии) всей совокупности трудов по данной теме. Как правило, за рамками такого рассмотрения остаются все вопросы социальной истории науки, истории научных школ и направлений, биографии исследователей, история самоорганизации науки и организации научных исследований, а также история учреждений, взаимоотношений внутри научного сообщества и т.п. Во главе угла здесь стоит то, что было раскопано, изучено и написано нашими предшественниками.

Движение науки в таком случае предстает как совокупность раскопок и публикаций, а сами исследователи прошлого в виде неких абстрактных фигур. Причем степень абстрагирования оказывается иногда весьма высока. В иных публикациях доводится читать фразы типа: «В.В. Гольмстен *исследовал, писал*», т. е. авторы их даже не подозревают, что Гольмстен звали Вера Владимировна. Для подобных «историографов» предшественники оказываются не конкретными, реальными, живыми людьми, а некими абстрактными «авторами» публикаций. Такой подход можно назвать «квалификационной историографией».

Пожалуй, это наиболее часто встречающийся вид «историографических работ», представленный историографическими главами многочисленных диссертаций и монографий. «Квалификационными» их можно назвать потому, что, за редким исключением, они просто подтверждают, что автор ознакомился и освоил литературу по данной проблематике. Как правило, такие главы не ставят никаких аналитических задач и в большинстве случаев сводятся к немудреному краткому пересказу, кто и когда копал данный памятник, что он написал по этому поводу, к каким выводам пришел и т. д. Я вовсе не хочу принизить подобные работы, они действительно необходимы, поскольку источниковедение и историография являются важнейшими опорами любого исторического исследования. Как справедливо заметил Л.С. Клейн: «ни одну историческую проблему нельзя изучать без изучения исторической мысли о ней» (Клейн 2011: 5). Однако сами по себе, в отрыве от основных текстов диссертаций и монографий, эти главы, чаще всего, самостоятельного значения не имеют. Впрочем, это вполне понятно, так как у их авторов, занимающихся анализом собственно археологического материала, нет ни желания, ни времени для углубленных историографических штудий.

Понятия «история науки», «история археологических знаний» (последнее, как уже отмечалось выше, было введено в русскую науку С.А.Жебелевым в 1923 г.) оказываются более объемными, поскольку они должны включать в себя все перечисленные выше задачи. Не может быть общей «историографии археологии», но может быть общая «история археологической науки», которая, в отличие от историографии частных проблем, занимается изучением вопросов сложения и развития археологии как особой научной дисциплины. А здесь также могут быть различные подходы — можно изучать историю основополагающих идей и теорий, определения археологии среди других наук (Trigger, 1989; Платонова, 2010; Клейн, 2011), ее истоки и генезис, взаимосвязь с таким явлением европейской культуры, как антикварианизм (Schnapp, 1996), взаимосвязи с обществом через культуру своего времени (Формозов, 1961; 1979; 1986; 1990; 2004), процессы институционализации (сложения организационной структуры) науки (Веселовский, 1900; Бассаргина, 1999; Тихонов, 2003), историю развития отдельных разделов археологии (Тункина, 2002; Васильев, 2008; Руденко, 2008), историю археологического изучения и развития науки в отдельных регионах (Ковешникова, 1992; Константинов, 1992; Обыденнов, 1994; Алексеев, 1996; Бродянский, 2000; Матюшенко, 2001; Мосин и др., 2002; Бойко, 2002; Китова, 2007; Щавелев, 1997, 2002; Агафонов, Праздников, Спиридонова, 2009), наконец, историю научных школ (Gräslund, 1987; Мельникова, 2003-а, 2003-б, 2006; Пряхин, 1999).

Очень точно написал о возможностях разных подходов к изучению истории нашей науки И.С. Каме-нецкий: «Можно изучать историю коллекционирования и создания музеев, поскольку без накопления коллекций археология невозможна. Несомненный интерес представляет история возникновения и раз-

вития научно-исследовательских учреждений, что иллюстрирует процесс движения науки. Захватывающе интересна история археологических раскопок, показывающая постепенное наполнение древнейшей истории человечества конкретным содержанием, открытие исчезнувших цивилизаций. Практическое значение имеет история развития теоретической мысли, не говоря уже о постоянно волнующей борьбе идей на этом поприще. Несомненно, интересны биографии отдельных археологов, практически необходимо знакомство с ними, так как личность исследователя накладывает отпечаток на результаты его труда. Наконец можно сосредоточиться на истории законодательства, касающегося археологии, что отражает отношение общества к своему прошлому...» (Каменецкий, 2006: 3).

Следует учитывать и другое: понятия «археологические знания» и «археологическая наука» не являются полностью тождественными. Знания о вещественных памятниках прошлых эпох человечество накапливало в течение длительного времени, задолго до того, как они приобрели строгую форму научной дисциплины. Так некоторые историки археологии считают, что наукой она стала только к середине XIX в. после создания системы трех веков, хотя исследователи истории античной археологии вряд ли согласятся с этим постулатом. А палеолитоведение как особая отрасль стало формироваться не ранее второй половины XIX в.

Рабочие, много лет участвовавшие в раскопках Императорской Археологической комиссии на Керченском и Таманском полуостровах, или грабители курганов, активно действовавшие там же (иногда, к сожалению это бывали одни и те же лица), умели «читать землю» и определять этническую и хронологическую принадлежность погребений по внешним признакам зачастую лучше петербургских специалистов. И все же от этого они не становились учеными. Для любого научного знания характерны системность, сопряженность с другими отраслями смежных наук, обоснованность выводов, наличие собственных методов исследования и организационной инфраструктуры, включающей в себя печатные издания, государственные или общественные организации, систему подготовки кадров и т. д. В случае с археологией, еще одним важным критерием становится мотивация раскопок, поскольку научные раскопки преследуют цели получения максимальной информации об их объекте, в то время, как грабительские ограничиваются добычей вещей для последующей продажи или помещения в личную коллекцию. Правда, следует учитывать, что в XIX столетии, а тем более раньше способы «научных» раскопок зачастую мало отличались от грабительских. Археология того времени изучала, прежде всего, сами вещи или в лучшем случае их сочетание в комплексах, мало обращая внимания на контекст их нахождения в земле. Вообще было бы большой ошибкой рассматривать раскопки и публикации археологов прошлого с точки зрения соответствия современным критериям полевой методики. Куда правильнее соотносить их с общим уровнем своего времени, тогда сразу будет заметно присутствие неких новаций или наоборот архаичность.

В современной русскоязычной литературе по истории археологии представлены почти все вышеперечисленные жанры и подходы. Имеются общие обзоры истории науки, есть региональные и тематические обзоры. Отдельные монографические исследования посвящены началу отечественной классической археологии (Тункина, 2002), истории изучения палеолита и бронзового века (Илларионов, 1960; Васильев, 2008; Пряхин, 2008). Есть работы, содержащие анализ отдельных научных школ, а также развития теоретической мысли в археологии в разные исторические периоды (Платонова, 2010; Клейн, 2011). Значительно слабее в нашей историографии представлены публикации источников по истории археологии, здесь к изданному еще в 1978 г. сборнику документов по охране памятников старины (Охрана, 1978), можно добавить всего несколько эпистолярных (по большей части, монографических) публикаций.

Среди них чрезвычайно интересная и информативная переписка Д.Я. Самоквасова со многими российскими археологами (Археология, 2007). Изданы мемуары А.А. Иностранцева (Иностранцев 1998), Н.П. Кондакова (Кондаков, 2002), воспоминания С.И. Руденко о Ф.К. Волкове (Руденко, 2003) и документы его следственного дела (Жизненный... 93–145); мемуары П.С. Уваровой (Уварова, 2005), А.А. Бобринского (младшего) (Бобринской, 2003), Б.Б. Пиотровского (Пиотровский, 1995), В.Я. Кияшко (Кияшко, 2007), Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 2008), Л.С. Клейна (Клейн, 2010). Изданы дневники и записные книжки И.Е. Забелина (Забелин, 2001), дневник раскопок А.В. Адрианова в Урянхайском крае (Адрианов, 2008), довольно представительная выборка из подготовительных материалов А.А. Спицына к его лекционным курсам по археологии (Платонова, 2004). Готовятся к публикации мемуары В.Г. Дружина (Гайдуков, 2010) и письма А.А. Спицына (Тихонов, Бильвина, 2008).

В недостаточной степени представлена справочная литература, несмотря на дореволюционное издание Московского археологического общества (Императорское... 1915) и отдельные издания подобного рода биографических словарей Институтом археологии РАН в Москве (Институт... 2000; Институт... 2001), Государственным Эрмитажем в Петербурге (Сотрудники... 2004) и др. Остается актуальной

задача подготовки биографического словаря-справочника «Русские археологи». На Украине подобный справочник был издан еще в 1997 г. (Мезенцева, 1997), хотя и он, конечно, нуждается в дополнениях и некоторых исправлениях. В области ретроспективной библиографии очень важным подспорьем для истории археологии является указатель русской археологической литературы за 1900–1917 гг., подготовленный Т.Н. Заднепровской (Русская... 2003). Заметный пробел в библиографии отечественной археологии касается только последней четверти XIX столетия. Для изучения истории археологических исследований в Новгородской земле чрезвычайно полезен библиографический указатель «Археология Новгородской области» (Археология Новгородской... 2007).

Наконец, не следует забывать, что немало полезных сведений для истории археологии содержится в изданиях по истории близких дисциплин: этнографии, востоковедения, антиковедения. В качестве примеров можно назвать, переиздания трудов В.П. Бузескула по истории европейского и российского антиковедения (Бузескул, 2005; 2008) или издания научного наследия византистов, где содержатся обширные очерки о Н.П. Кондакове (Тункина, 1995), В.В. Латышеве (Тункина, 1999) и других ученых, основанные на изучении их архивов. В Биографическом словаре востоковедов (Милицанд, 2008) и сборнике очерков о репрессированных востоковедах присутствует немало имен археологов (Люди... 2003).

Особенно неважно, на наш взгляд, обстоят дела с качественной научно-популярной литературой, рассказывающей об истории археологии широким кругам читателей. Что появилось у нас в этом жанре после великолепной книги А.С.Амальрика и А.Л.Монгайта (Амальрик, Монгайт 1966), изданной полвека назад? Эту нишу и полки книжных магазинов заполнили всевозможные «Тайны» и «Загадки» археологии, написанные авторами, весьма от нее далекими. Чего только стоит переведенная с английского книжка эдакого «Фоменко» от археологии Брэда Стайгера «Археологические открытия, изменившие историю» (Стайгер, 2009). В аннотации на обложке утверждается, что автор всемирно известный археолог, но с точки зрения археолога-профессионала, содержание книги может быть оценено, разве что, по созвучию с именем автора, особенно, если заменить «э» на «е». К сожалению, в том же ряду можно назвать и книгу известного вятского историка В.А. Бердинских, посвященную истории кладоискательства в России. В первых ее главах содержится много полезной информации, извлеченной из архивных источников или старой провинциальной периодики, а вот последняя глава, по существу, является пособием для современных кладоискателей. Фактически солидаризируясь с ними, автор всячески пытается очернить профессиональных археологов. Например, там утверждается, что за бутылку водки у археологов можно приобрести почти любую находку! (Бердинских 2005: 197). Комментарии, как говорится, излишни...

Возвращаясь к научной литературе по истории археологии, можно чуть подробнее остановиться на двух жанрах: 1). «Институциональная история науки» т. е. история сложения и развития ее организационных структур. Начало этому жанру в отечественной историографии было положено еще в XIX в. работами по истории Русского, Московского и Одесского археологических обществ (Историческая записка... 1890; Веселовский, 1900; Юргевич, 1889). В советское время ограничивались очень «Краткими сообщениями», посвященными пятидесяти и шестидесятилетним юбилеями Института археологии. В современной историографии есть монографические исследования о Русском Археологическом институте в Константинополе (Басаргина, 1999), о развитии археологии в некоторых российских или украинских университетах (Тихонов, 2003; Мельникова, 2003; 2006; Археология... 2002; Скирда, 2000). Издан сборник материалов конференции, посвященной юбилею Казанского общества археологии истории и этнографии (125 лет... 2004). В 2009 г. вышла фундаментальная коллективная монография об Императорской археологической комиссии, подготовленная ИИМК РАН к 150-летию юбилею комиссии (ИАК... 2009). Совсем недавно появилась книга об истории археологии в Одессе (Охотников, 2010). Явно ждет своего освещения деятельность таких крупных археологических структур, как Русское и Московское археологические общества, Исторический музей в Москве.

К сожалению, в этом жанре появляются и не слишком удачные или просто никуда не годные публикации. В качестве примера последних назову книжку А.Н. Николаева, выпущенную в Нижнекамске в 2008 г., и его же автореферат кандидатской диссертации, посвященные Археологическим институтам в дореволюционной России (Николаев, 2008; 2010). Автор этих публикаций оказался вообще незнаком с современной историографией темы, за которую взялся. Источниковедческая база исследования также чрезвычайно скудна. И книжка, и автореферат содержат массу фактических ошибок и неточностей. Совершенно дезавуируется последнее пятилетие (1917 — 1922 гг.) в жизни институтов, когда, в действительности, шла серьезная их реорганизация. Ни разу даже не упомянуто, что в 1922 г. институты были не просто «ликвидированы» нехорошей советской властью, а преобразованы в Археологические отделения Московского и Ленинградского университетов. А чего стоит утверждение о том, что Московский Археоло-

логический институт опередил историко-филологические факультеты университетов в процессе подготовки магистров и «за период 1911–1915 гг. в МАИ 180 человек защитили магистерскую диссертацию!» Автору «монографии» и соискателю научной степени оказалось неизвестно, что в дореволюционной России *только университеты обладали правом присуждения научных степеней* по историко-филологическим наукам — как докторских, так и магистерских. Высказывания же типа «юристы-археологи» (с. 96), «культурные слои Приладожья» или «курганная культура с трупосожжением предшествовала могильной с трупоположением» (с. 79) свидетельствуют о полном незнании автора с терминологией и реалиями современной археологии. Налицо полное неумение соотносить писания авторов XIX в. с уровнем современных научных представлений, что является одной из немаловажных задач историографических исследований (Тихонов, 2011).

Серьезными недостатками страдают и разделы об Императорской археологической комиссии, Русском Археологическом обществе и Санкт-Петербургском Археологическом институте в книге доктора исторических наук М.Ф. Хартанович (Хартанович, 2006). Эта книга посвящена гуманитарным научным учреждениям Санкт-Петербурга XIX в. Она была выпущена в издательстве Санкт-Петербургского института истории РАН, под грифом Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, при поддержке грантов РФФИ и Санкт-Петербургского Научного Центра РАН. Но даже простое знакомство с оглавлением этого издания вызывает удивление — в нем отсутствует такой крупнейший центр гуманитарной науки в Санкт-Петербурге того времени, как университет. В одной из глав есть информация об Историческом и Юридическом обществах при Санкт-Петербургском университете, а вот о самом университете нигде нет ни слова. Хотя из четырех его факультетов три были гуманитарными! Вот уж воистину «pars pro totus»!

Разделы, посвященные деятельности археологических учреждений Санкт-Петербурга, написаны без привлечения существующей современной историографической литературы и значительной документальной базы, отложившейся, прежде всего, в архиве Института истории материальной культуры РАН. Говоря о Петербургском Археологическом институте, автор не смогла даже указать, когда и как закончилось существование этого учреждения, и была вынуждена поставить знак вопроса в общем списке гуманитарных научных учреждений Санкт-Петербурга (Тихонов, 2007).

Одним из самых значительных и наиболее широко представленных в литературе жанров историко-научного исследования является биографика. Из числа публикаций по истории археологии на ее долю приходится более половины книг и статей, которые, так или иначе, связаны с биографиями и научными трудами отдельных исследователей прошлых времен. Это совершенно закономерно, так как науку делают личности, а не сама она по себе развивается в ноосфере. Тем не менее, до сих пор актуальной остается замеченная А.А. Формозовым еще в 1975 г. ситуация, когда на русском языке есть почти десяток книг о Г. Шлимане (сейчас их стало еще больше!), и отсутствуют монографические исследования о многих крупнейших отечественных археологах (Формозов, 1975: 8). За истекшие тридцать пять лет появились монографические публикации и сборники статей, посвященные Б.В. Фармаковскому (Фармаковская 1988), В.А. Городцову (Наследие... 1988; Проблемы... 1991; Жук... 2005), М.И. Ростовцеву (Скифский... 1997; Парфянский... 2003), А.А. Спицыну (История... 2008), В.В. Гольмстен (Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007), Б.А. Латынину (Судьба... 2000), М.П. Грязнову (Степи... 2002), С.И. Руденко (Жизненный... 2004), В.И. Равдоникасу (Международная... 1994), М.И. Артамонову (Скифы... 1998; История... 1998), Ф.К. Волкову (Традиции... 1997), Д.Я. Самоквасову (Шавелев, 1998), В.В. Хвойке (Колесникова, 2007), Д.А. Клеменцу (Пигмалион... 1998), А.П. Окладникову (Конопацкий, 2001; Деревянко, Застельский, 2008), О.Ф. Вальдгауеру (Мавлеев, 2005), В.Б. Антоновичу (Ульяновский, Короткий, 1997), А.В. Адрианову (Дэвлет, 2004), А.Х. Халикову (Кузьминых, Старостин, Хузин, 1999), О.Н. Бадеру (Труды... 2008) и другим исследователям.

При обращении к биографике археологов, мы нередко сталкиваемся с таким явлением, которое можно назвать «фрагментарно-апологетической историографией», корни которой уходят может быть еще в традиции византийской агиографии, весьма усиленной советской идеологией. Не случайно Ю.М. Лотман в шутку предлагал популярную серию «Жизнь замечательных людей» переименовать в «Жизнь замечательных святых». При обращении к биографиям выдающихся ученых или деятелей культуры прошлого, всегда существует опасность некоего апологетизма по отношению к рассматриваемому персонажу, причем, чем крупнее фигура, тем больше эта опасность. Историограф волей-неволей попадает под обаяние идей и взглядов своего персонажа, и ему начинает казаться, что решительно все, что бы ни написал, ни сделал его герой, гениально и замечательно. Фрагментарность здесь заключается в том, что это рассмотрение происходит изолированно, вне соотнесения с общим уровнем науки своего

времени, вне контекста общей ситуации. В качестве примеров можно привести в целом хорошие, основанные на многочисленных документальных источниках, новосибирскую и петербургскую книги, посвященные деятельности Н.К. Рериха в археологии (Лазаревич, Молодин, Лабетский, 2002; ПРС... 1999). В заключении новосибирской монографии трех авторов мы читаем: «Н.К.Рерих внес поистине огромный вклад в археологическую науку как в сфере накопления археологических и этнографических источников, так и в области разработки методов исследования археологических объектов что, безусловно, ставит его в один ряд с выдающимися деятелями отечественной и мировой науки. Занятия археологией оказали большое влияние на тематику художественного творчества Н.К. Рериха и определили основное направление его общественной деятельности, связанной с пропагандой охраны историко-культурного наследия». Можно совершенно согласиться со второй фразой в приведенной цитате, а вот в чем заключается «огромный вклад» выдающегося художника в археологию, мне, признаться, не совсем понятно. Безусловно, Рерих был не только художником, но и мыслителем, и, возможно, одним из последних энциклопедистов, сопоставимым с титанами Возрождения, но... Разве Николаем Константиновичем были написаны фундаментальные труды по археологии? Проведены масштабные раскопки? Разработаны новые методы исследования, воспитаны ученики? Да нет, ничего этого не было!

Конечно, в некоторые периоды своей жизни Рерих активно занимался археологией. Копал он в начале XIX в. не хуже многих других, были у него интересные мысли. Безусловно, археология оказала значительное влияние на все его творчество. Но зачем делать из этой, без того выдающейся фигуры отечественной и мировой культуры еще и крупного археолога? Разве подобное «приукрашивание» добавит красок к портрету нашего великого соотечественника? А вот многочисленные поклонники учения Рериха, в том числе и его мистических составляющих, теперь будут ссылаться на авторитет авторов книги, среди которых известный российский археолог, действительный член РАН. Еще более не критически оценивают деятельность Н.К.Рериха в археологии авторы «Петербургского Рериховского сборника» (ПРС... 1999)

Наиболее часто подобные апологетические тенденции проявляются у авторов, которые сами археологами не являются и зачастую не очень представляют себе объективную ситуацию в археологии изучаемого периода, видя ее через призму восприятия своего героя. Так несколько публикаций сотрудницы Артиллерийского музея в Петербурге Л.К. Маковской основаны на изучении фонда Н.Е. Бранденбурга в архиве музея и добавляют немало новых сведений к биографии выдающегося военного историка и археолога. Но вот в одной из недавних ее статей опубликовано «Особое мнение некоторых из членов Императорского Русского археологического общества», написанное Н.Е. Бранденбургом по поводу притязаний Археологической комиссии на исключительное право выдачи открытых листов в 1888 г. (кстати, вполне оправданных!) (Маковская 2009). В предваряющем публикацию архивного документа тексте автор фактически дезинформирует читателей, выдавая частное мнение Бранденбурга за мнение всех членов общества. В действительности, эта записка Бранденбурга как раз и появилась на свет, потому что он оказался не согласен с официальным ответом РАО на запрос министра, в котором большинство членов нашло притязания ИАК вполне обоснованными, полезными для налаживания порядка в российской археологии и поддержало их (см. об этом: ИАК... 2009: 115–116). Соответственно, вывод Л.К. Маковской о том, что «Н.Е. Бранденбург защищал не особые привилегии отдельных членов научных обществ, он ратовал за благоприятные условия деятельности этих обществ в целом в интересах археологической науки» совершенно неправомерен. Вместо этого мы вправе заключить, что Н.Е. Бранденбург, как, впрочем, и некоторые другие крупные деятели отечественной науки, в силу личностных или ведомственных амбиций, личных взаимоотношений с ИАК и ее председателем, оказались не в состоянии понять своевременность и значимость мер, предпринятых комиссией в конце 1880-х гг. для развития российской археологии. Впрочем, подобный вывод ничуть не умаляет значение генерала Н.Е. Бранденбурга в истории российской археологии.

Довольно много работая с рукописным наследием А.А. Спицына, мне не раз приходилось поражаться тому, что выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, проработавший десять лет преподавателем классической гимназии (причем не истории, как полагают многие, а русского языка и литературы!), до конца жизни писал крайне тяжелым, неуклюжим стилем, а нередко с пунктуационными и даже орфографическими ошибками. Но... откуда было взяться легкости и изяществу стиля у крестьянского выходца, плохо учившегося в гимназии, особенно, по гуманитарным предметам. Гувернеров-французов, в отличие, например, от графа Бобринского, у него в детстве не было. В этом контексте становятся понятнее уничижительные отзывы о якобы серости и тупости Спицына в дневниках графа И.И. Толстого (Толстой, 1997: 259, 261, 588), для которого Спицын с его «стрелочками, горшочками, топориками» был бесконечно чужд. Между тем, объективная констатация

некоторых пробелов в образовании, которые, кстати, Александр Андреевич и сам признавал, никак не может умалить значение трудов одного из основоположников современной археологии!

Археология — дисциплина сравнительно молодая, быстро динамично развивающаяся, за 15–20 лет значительно обновляющая свои знания по отдельным проблемам, постоянно пополняющая, в отличие от письменной истории, фонд своих источников. На это последнее обстоятельство, как на главную причину пренебрежительного отношения археологов к истории своей науки, совершенно справедливо указывал А.А. Формозов еще три десятилетия назад (Формозов, 1975). Действительно до конца 1980-х гг. проблемы истории науки и историографии в археологии освещались несравнимо меньше, чем в таких близких ей научных дисциплинах, как история, этнография, ориенталистика. Подобные темы, хотя и не отвергались, но все же представлялись многим археологам чем-то третьестепенным, находящимся на обочине магистральных путей науки. В качестве примера могу сослаться на собственный опыт. Еще в 1980-х гг. я написал статью об Археологическом отделении Ленинградского университета 1920-х гг. и показал ее П.И. Борисковскому, учившемуся в это время. Мэтр советского палеолитоведения, сделав ряд очень ценных и полезных замечаний, в конце беседы поинтересовался, чем же я занимаюсь в археологии? Услышав в ответ про историографию, он был крайне удивлен. И это при том, что он сам в 1950-х гг. читал курс по истории археологии на кафедре археологии ЛГУ. Хорошо известно и скептическое отношение к историографии со стороны акад. Б.А. Рыбакова, многие годы возглавлявшего Институт археологии АН СССР.

Подобную ситуацию можно очень хорошо проиллюстрировать следующими данными: за период с конца 1930-х гг. до 1980 г. в СССР были защищены всего две докторских и четыре кандидатских диссертации по истории археологии. За десятилетие 1980-х гг. их количество составило 11, причем 5 из них пришлось на заключительный 1989 год. Последнее десятилетие XX в. дало уже 14 диссертационных работ, а первое десятилетие XXI века — 40 диссертаций, из которых 6 — докторские (см.: Приложение 1). Любопытные результаты дает и статистический анализ центров, в которых проходили защиты: Санкт-Петербург — 13; Москва — 9; Новосибирск, Барнаул — 6; Воронеж, Уфа — 4; Киев, Казань, Керморо, Ижевск — 3.

Это ли не убедительное свидетельство того явления, что, начиная с 1990-х гг., интерес к историографическим исследованиям в области археологии заметно возрос и за эти два последних десятилетия фактически сложилась в археологии целая отрасль, специализирующаяся на изучении различных аспектов истории своей дисциплины. О том же свидетельствуют и появление специализированных тематических сборников по истории археологии (История... 1990; Очерки... 1991; Очерки... 1998; Очерки... 2002; Санкт-Петербург... 1995; Из истории... 2008), а также сборников с большими историографическими разделами (Невский... 2004; Проблемы... 2004; ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ... 2007; Человек... 2010). Прошла целая серия специальных историографических научных конференций и в России, и в других европейских странах (Проблемы... 1992; Die Anfänge... 2006; Histories... 2004), или конференций, в которых проблематика истории и историографии науки играла существенную роль. Секции по истории науки стали непременным атрибутом крупнейших археологических форумов как российских (Всероссийские археологические съезды в Новосибирске и Суздале), так и международных (Annual Meetings of European Association of Archaeologists). Весьма симптоматичным фактом стало появление постоянной рубрики «Из истории науки» в ведущих российских периодических изданиях «Российская археология», «Археологические вести» и в международных журналах «Antiquity», «Stratum plus» и др.

Все это позволяет говорить о своеобразном «историографическом буме», произошедшем в отечественной и мировой науке за последние два десятилетия. В отечественных условиях, безусловно, немалую роль в этом процессе сыграла отмена идеологической цензуры и возможность открыто говорить и писать о фактах, неприемлемых для советской идеологии, например, о насильственном насаждении марксизма и репрессиях 1930-х гг. или о вкладе царствующего дома Романовых в развитие археологии в дореволюционной России. Но за пределами «железного занавеса» цензуры не было, а там тоже наблюдается «историографический взрыв» в археологии — и примерно с того же времени, что и у нас. На мой взгляд, одной из причин этого стало заметное увеличение армии профессиональных археологов, произошедшее как раз в это время. До 1980-х гг. было всего несколько центров подготовки археологов в СССР, в крупнейших столичных городах: Москве, Ленинграде, Киеве, Новосибирске. Впоследствии к ним добавились многочисленные кафедры в университетских городах Сибири, Урала — Поволжья, Дона, Центральной России. Количественное увеличение профессиональных археологов позволило обществу высвободить от производственного конвейера новостроечных экспедиций значительные научные силы. Начало 1990-х гг. также ознаменовалось резким сокращением финансирования полевой

деятельности, и опять-таки высвобождением части археологов от раскопок (май-октябрь), а затем от камеральной обработки полученных материалов и составления отчета (еще полгода).

И все же это второстепенные причины! Более значимые заключаются в том, что истории науки в целом в современном обществе стали уделять значительно большее внимание. Вероятно, это связано с изменением ее роли в современном техногенном обществе. Если раньше образ ученого представлял в виде неуклюжего, маргинального Паганеля, то ли ловящего бабочек, то ли раскапывающего курганы, то теперь ученый стал социально значимой и уважаемой фигурой, то ли мир спасающей, то ли наоборот, изобретающей нечто, могущее этот мир погубить. Увы, эта социальная значимость пока еще мало отражается на зарплате ученых современных России и Украины. Но в литературе и кинематографе образ археолога уже эволюционировал от рафинированных джентльменов Агаты Кристи или чудаковатого профессора из «Джентльменов удачи» до суперменов вроде Индианы Джонса или вооруженного до зубов героя фильмов о мумии.

Еще более значимая причина заключается в том, что после еще недавней эйфории «новой» или «процессуальной» археологии, появившейся в эпоху научно-технической революции и являющейся ее порождением, современная наука вновь сталкивается с ограниченностью возможностей познания археологического материала и отсутствием единой строго научной методологии. В странах бывшего СССР и Восточной Европы это совпало еще и с отказом от исторического материализма (в варианте догматического марксизма) как «единственно верной» теоретической основы исследований прошлого. Пересмотр представлений о прошлом и подходов к его реконструкции затронул археологию, конечно, намного меньше, чем например, новейшую историю. Тем не менее, он оказал определенное влияние на представителей поколения исследователей сформировавшихся в два последних десятилетия.

В итоге сложилась, в общем-то, обычная для развития научного знания ситуация, когда чтобы понять, куда и как двигаться дальше, необходимо оглянуться назад. Можно вспомнить известное высказывание В.О. Ключевского о том, что Россия до определенного времени развивалась исключительно экстенсивным путем, втягивая в себя все новые территории. Перефразируя выдающегося историка, можно сказать, что и наша археология до недавнего времени тоже развивалась в основном экстенсивным способом, привлекая все новые источники. А теперь, как видно, настало время подумать и об интенсивном пути развития, за счет внутренних резервов.

Еще в начале XX в. акад. В.И.Вернадский, всячески доказывая необходимость изучения истории науки, писал: «При крутом переломе понятий и понимании происходящего, при массовом создании новых представлений и исканий, неизбежно стремление связать их с прошлым. Часто это историческое изучение является единственной возможностью их быстрого проникновения в научную мысль и единственной формой критической оценки, позволяющей отличать ценное и постоянное в огромном материале этого рода, создаваемом человеческой мыслью» (Вернадский, 1981: 24). Ему же принадлежит емкая и лаконичная фраза, выражающая суть историко-научных исследований: «История науки может стать орудием достижения нового» (Вернадский, 1981: 242).

С этими мыслями Вернадского напрямую перекликаются и суждения автора одного из первых русских учебников по археологии С.А. Жебелева, считавшего, что в научном познании важны не создание какой-либо системы (и тем более догмы), а определение метода науки. Последний должен основываться не на априорных или идеальных построениях, а на конкретных и реальных, извлекаемых из самого характера дисциплины: «Наиболее надежный путь для этого — ретроспективный обзор того, что сделано в области той или иной науки в предшествующие теперешнему этапу ее развития. Ученый исследователь в уроках прошлого, в его положительных и отрицательных сторонах, короче говоря, в истории своей науки, всегда почерпнет для себя много полезного и живительного» (Жебелев, 1923: 31).

Г.С. Лебедев метко назвал необходимость такого ретроспективного взгляда «историографической рефлексией» и «рефлектирующей археологией», отметив его как отличительную черту нового этапа развития нашей науки (Лебедев, 1992: 4). В собственно исторической науке эти истины оказались осознаны почти изначально: не случайно же Геродота называют отцом не только истории, но и историографии! Поэтому историографическая тематика в исторических исследованиях является, наряду с источниковедением, одним из краеугольных камней всей системы исторического знания. Археология же, независимо от того, воспринимаем мы ее в качестве источниковедческой составляющей исторической науки, или как самостоятельную дисциплину, или как то и другое вместе — так же должна следовать этой истине. Тем более, специфика археологического изучения такова, что второй раз исследовать памятник или его раскопанную часть уже невозможно. Значит, информация о предшествующих раскопках и их авторах остается актуальной всегда, какой бы «старой» она ни казалась.

Приложение 1. Список диссертаций по истории и историографии археологии (в хронологическом порядке)

1. Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. Опыт историографии скифов. Харьков, 1947.
2. Илларионов В.Т. Опыт историографии палеолита СССР. Тезисы дисс. на соискание учен. степени доктора ист. наук. Л., 1948.
3. Архипов Н.Д. История становления и развития археологической науки в Прибайкалье. (XVIII в. — 1940 г.). АКД. М., 1973.
4. Моисеева Т.А. Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники. АКД. Воронеж, 1974.
5. Кохановский Г.А. Становление археологии и исторического краеведения Белоруссии в эпоху феодализма. АКД. Вильнюс, 1979.
6. Хабибуллин А.А. Изучение истории народов среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878—1917). АКД. Казань, 1979.
7. Демин М.А. История археологического изучения Алтая (дооктябрьский период). АКД. Новосибирск, 1981.
8. Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век южной Сибири: История идей и исследований: (XVIII — первая треть XX в.). АКД. Новосибирск, 1983.
9. Вергей В.С. Развитие археологической науки в БССР (1919 — 1939). АКД. Л., 1984.
10. Ключев Н.А. Развитие исследований в области археологии первобытного общества на юге Дальнего Востока СССР (2-я половина XIX в. — 80-е гг. XX в.). АКД. Владивосток, 1987.
11. Ганжа А.И. Историография проблемы «археологическая культура» в отечественной науке. АКД. Киев (Казань), 1988.
12. Миронова М.Г. Изучение истории Болгарии Русским Археологическим институтом в Константинополе. АКД. М., 1988.
13. Тункина И.В. Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX в.). АКД. Л., 1989.
14. Ковешникова Е.А. Археология Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. АКД. Кемерово, 1989.
15. Савельев Н.А. Неолит юга средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы). АКД. Новосибирск, 1989.
16. Абдукаримохунова Р. Ташкентская археологическая школа и развитие археологии Средней Азии: (Из истории сложения и развития археологии в советской Средней Азии). АКД. Л., 1989.
17. Эрлих В.А. Бронзовый век Западной Сибири. История исследований и идей. Советский период. 20-е — сер. 60-х годов. АКД. Кемерово, 1989.
18. Тихонов И.Л. Развитие археологии в Санкт-Петербургском — Ленинградском университете (1724—1936). АКД. СПб., 1993.
19. Китова Л.Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920—1930-е годы. АКД. Кемерово, 1993.
20. Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: по материалам отечественных архивов. АКД. СПб., 1994.
21. Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860—1920-е годы. АКД. Барнаул, 1995.
22. Мелешко Б.В. Научное наследие В.А.Городцова. АКД. М., 1996.
23. Скопинцева Г.В. Новосибирское и Барнаульское — Бийское Приобье в I — VIII вв.: История идей и исследований. АКД. Барнаул, 1996.
24. Солнцев Н.И. Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего Поволжья: (по материалам Нижегородской и Тверской губернских ученых архивных комиссий). АКД. Нижний Новгород, 1997.
25. Шилов С.Н. История археологического изучения Южного Зауралья :Вторая половина XVIII — 90-е гг. XX вв. АКД. Курган, 1997.
26. Угдыжеков Э.В. История технологических исследований керамики в археологии. АКД. Томск, 1998.
27. Вдовин А.С. История организации археологических исследований на территории Приенисейской Сибири XIX — 20-е гг. XX вв. АКД. Красноярск, 1998.
28. Оконникова Т.И. Формирование научно-исследовательских традиций в археологии Прикамья: 60-е гг. XIX в. — конец 40-х гг. XX в. АКД. Ижевск, 1999.
29. Лазаревич О.В. Археология в жизни и творчестве Н.К. Рериха. АКД. Новосибирск, 1999.
30. Работкевич А.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века. АКД. М., 1999.
31. Яминова С.А. История археологической мысли по проблемам бронзового века Южного Урала. 60—90-е годы XX века. АКД. Уфа, 1999.

32. Бойко А.Л. История изучения Недвиговского городища (дореволюционный период). АКД. Ростов-на-Дону, 2000.
33. Кантимерова Э.Ф. История изучения средневековой археологии Южного Урала: конец XVIII в. — 90-е годы XX в. АКД. Уфа, 2000.
34. Жукова А.В. Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея (на материалах экспозиции музея Москвы). АКД. М., 2000.
35. Архипов Н.Д. Археология Якутии: История, итоги и задачи. XVIII—XX вв. АДД. М., 2000.
36. Мандрик М.В. Юрий Владимирович Готье. 1873—1943 гг. АКД. СПб., 2000.
37. Борисенко А.Ю. Археологическое изучение Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. АКД. Новосибирск, 2000.
38. Скирда В.В. Археологічна наука у Харківському університеті (1805—1920 рр.) АКД. Київ, 2000.
39. Минеева И.М. История археологических исследований в музеях Южного Урала. АКД. Уфа, 2001.
40. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях (XVIII — середина XIX в.) АДД. СПб., 2002.
41. Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. АКД. Воронеж, 2002.
42. Мадалиев Н.А. История археологического изучения Южного Кыргызстана: Региональный источниковедческий анализ. АКД. СПб, 2003.
43. Шутелева И.А. Теоретико-методологические основы «новой археологии» и их оценка в современной науке. АКД. Уфа, 2004.
44. *Избаш Т.А.* Становление и развитие античной нумизматики Северного Причерноморья в России в XVIII — первой четверти XX вв.: АКД. СПб., 2004.
45. Медведев Н.А. Проблемы археологии и истории Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. АКД. Воронеж, 2004.
46. Мельникова О.М. Научные школы в археологии. АДД. Ижевск, 2004.
47. Горбунова Т.А. Палеоэтнология в изучении каменного века Сибири. АКД. Барнаул, 2005.
48. Селихов Е.А. Историография исследований средневековых погребальных комплексов Забайкалья. АКД. Улан-Удэ, 2005.
49. Игнатъева О.В. История собирания и изучения археологических коллекций пермского звериного стиля. АКД. Пермь, 2005.
50. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX вв. АКД. Ижевск, 2005.
51. Антонов В.А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли европейской России второй пол. XVIII — начала XX в. АКД. Н. Новгород, 2005.
52. Жукова Е.Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX — первой половине XX в. АКД. М., 2005.
53. Петрова О.С. Методы изучения массовых данных материалов археологических съездов (1864—1914). АКД. М., 2005.
54. Шмидт О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Евразии. АКД. Барнаул, 2006.
55. Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. АКД. Барнаул, 2006.
56. Стародубцев Г.Ю. Исследование археологических памятников Курского края в XIX—XX веках. АКД. Брянск, 2006.
57. Свешникова О.С. Историческая интерпретация археологического источника в отечественной археологии (конец 1920-х — середина 1950-х гг.). АКД. Омск, 2006.
58. Байтилеу Д.А. История изучения петроглифов Казахстана. АКД. Новосибирск, 2007.
59. Медведева М.В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии. АКД. СПб., 2007.
60. Торопова Е.В. Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII — начало XX в.) АКД. М., 2007.
61. Ермоленко Л.П. Развитие археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе: 20-е гг. XX в. — начало XXI в. АКД. Ставрополь, 2007.
62. Овчинников А.В. А.П. Смирнов как исследователь древней и средневековой истории Волго-Уралья. АКД. Казань, 2008.
63. Волков В.А. Археологическая деятельность научных обществ Нижнего Поволжья в конце XIX — начале XX веков. АКД. Саратов, 2008.
64. Евгеньев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в. АКД. Оренбург, 2008.
65. Длужневская Г.В. Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук). АДД. СПб., 2008.

66. Платонова Н.И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.) АДД. СПб., 2008.
67. Баукова А.Ю. Науково-дослідна діяльність Керченського історико-археологічного музею (1922–1988 рр.). АКД. Київ, 2008.
68. Снигирев Р. Библиейская археология. История науки и ее основные достижения. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени доктора богословских наук. 2008.
69. Палієнко С.В. Історико-культурний поділ пізнього палеоліту Східної Європи в радянському та пострадянському палеолітознавстві. АКД. Київ, 2009.
70. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае: 1860–1930-е гг. АКД. Барнаул, 2009.
71. Пахарева О.С. Французько-російське наукове співробітництво в галузі антропології у другій половині XIX — на початку XX ст.: АКД. Київ, 2009.
72. Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей». АКД. Воронеж, 2010.
73. Николаев А.Л. Деятельность Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов в 1877–1917 гг. АКД. Казань, 2010.
74. Федорченко О.С. Пізній палеоліт Північного Надчорномор'я та Надазов'я. Історія дослідження. АКД. Київ, 2010.

Литература

- Адрианов А.В.* 2008. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Подготовка к публикации О.Б. Беликовой. Отв. ред. В.И. Молодин. Томск: Изд-во Том. ун-та.
- Агафонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В.* 2009. История ярославской археологии. М.: Квадрига.
- Алексеев Л.В.* 1996. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. — 30-е годы XX в. Минск: Беларуская навука.
- Амальрик А.С., Монгайт А.Л.* 1966. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука.
- Археология... 2002 — Археология в российских университетах. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 16. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2002.
- Археология... 2007 — Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843 — 1911)/ Составление, вступительная статья и комментарии С.П. Щавелева. Курск, 2007.
- Археология Новгородской... 2007 — Археология Новгородской области. Вып. 1. Библиографический указатель/ Сост. Е.В.Торопова, Е.Е.Фролова. Науч. ред. В.Л.Янин. Великий Новгород: НовГУ, 2007.
- Басаргина Е.Ю.* 1999. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Бердинских В.А.* 2005. История кладоискательства в России. М.: Захаров.
- Бобринский А.А.* 2003. Граф Алексей Александрович Бобринский. 1852–1927. Сын об отце / Подгот. к публикации, предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб. С. 479–532.
- Бойко А.Л.* 2002. В поисках древнего Танаиса. Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ.
- Бродянский Д.Л.* 2000. Очерки истории дальневосточной археологии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Бузескул В.П.* 2005. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Коло.
- Бузескул В.П.* 2008. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М.: Индрик.
- Васильев С.А.* 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН.
- Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. М: Наука, 1981.
- Веселовский Н.И.* 1900. История императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846 — 1896. СПб.
- Гайдуков П.Г.* 2010. «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии// Российская археология. 2010. № 4. С. 136–142.
- Деревянко Е.И., Закстельский А.Б.* 2008. Тропой далеких тысячелетий. Страницы из жизни археолога и путешественника. Новосибирск: Инфолио.
- Дэвлет М.А.* 2004. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения), Кемерово.
- Жебелев С.А.* 1923. Введение в археологию. Часть I. История археологического знания. Петроград.
- Жизненный... 2004 — Жизненный путь, творчество и научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег/ От. ред. А.А.Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Жук А.В.* 2005. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: Изд-во ОмГУ.

- Забелин И.Е.* 2001. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во имени Сабашниковых, ИАК... 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия/ Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
- Из истории... 2008 — Из истории отечественной археологии. Вып. I. Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 2008.
- Илларионов В.Т.* Введение в историографию древнейшей истории. Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1960.
- Императорское 1915 — Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864—1914). Под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. Т. II. М., 1915.
- Иностранцев А.А.* 1998. Воспоминания (Автобиография). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова. СПб.
- Институт... 2000 — Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. Отв. ред. А.В. Кашкин. М., 2000.
- Институт... 2001 — Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2001.
- Историческая записка... 1890 — Историческая записка о деятельности Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890.
- История... 1990 — История археологических исследований Сибири. Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, 1990.
- История... 1998 — История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998.
- История... 2008 — История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А.А. Спицына. СПб., 2008
- Китова Л.Ю.* 2007. История сибирской археологии (1920—1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН.
- Каменецкий И.С.* 2006. Археология: История раскопок и историография. М.: МГУКИ.
- Кияшко В.Я.* 2007. Полвека археологии и еще кое-что... Азов: Азовский музей-заповедник.
- Клейн Л.С.* 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История.
- Клейн Л.С.* 2011. История археологической мысли. СПб: Изд-во СПбГУ (в печати).
- Ковешникова Е.А.* 1992. История археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX вв. Красноярск.
- Колесникова В.А.* 2007. Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ.
- Конопацкий А.К.* 2001. Прошлое великий следопыт: Академик А.П.Окладников. Страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кондаков Н.П.* 2002. Воспоминания и думы. М.: Индрик.
- Константинов М.В.* 1992. Исследователи древнего Забайкалья. Чита: Изд-во Читинского гос. пед. ин-та.
- Кузьмина Е.Е.* 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. Введение. С. 5—60.
- Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш.* 1999. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Мастер Лайн.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* 2007. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара:
- Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П.* 2002. Н.К. Рерих — археолог. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Лебедев Г.С.* 1992. История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Люди... 2003 — Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917—1991 / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Мавлеев Е.В.* 2005. Вальдгауер. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Маковская Л.К.* 2009. Памяти Николая Ефимовича Бранденбурга// Бомбардир. 2009. № 21. С. 38—44.
- Матющенко В.И.* 2001. 300 лет истории сибирской археологии. Т. I—II. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та.
- Международная... 1994 — Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса: Тез. докл. СПб., 1994.
- Мезенцева Г.Г.* 1997. Дослідники археології України: Енцикл. слов. — довід.—Чернігів: Сиверян. Мисль.
- Мельникова О.М.* 2003а. Пермская научная школа О. Н. Бадера (1946—1955 гг.). Ижевск.
- Мельникова О.М.* 2003б. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960—1974 гг.). Ижевск.
- Мельникова О.М.* 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск.
- Милибанд С.Д.* 2008. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: Библиографический словарь: в 2 кн. М.: Восточная литература, 2008.

- Мосин и др. 2002 — Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д., Боталов С.Г., Самигулов Г.Х. история археологии Южного Зауралья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2002.
- Наследие... 1988 — Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988.
- Невский... 2004 — Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / Отв. ред. А.Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Николаев А.Л. 2008. Археологические институты дореволюционной России: монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ.
- Николаев А.Л. 2010. Деятельность Санкт-Петербургского и Московского археологических институтов в 1877–1917 гг. Автореф. канд. дисс. Казань.
- Обыденнов М.Ф. 1994. История археологического изучения Урала XVIII — начала XX вв. Уфа.
- Очерки... 1991 — Очерки истории русской и советской археологии. Отв. ред. А.А. Формозов. М., 1991.
- Очерки... 1998 — Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М., 1998.
- Очерки... 2002 — Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А.Формозов. М., 2002.
- Охотников С.Б. 2010. Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею. Одесса.
- Охрана... 1978. — Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начало XX вв. Сборник документов. М., 1978.
- Парфянский... 2003 — Парфянский выстрел/ Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М.: РОССПЭН.
- Пигмалион... 1998 — Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб.: Лань.
- Платонова Н.И. 2004. Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб.: Изд. СПбГУ. С. 134–149.
- Платонова Н.И. 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.
- Петербургский Рериховский сборник (ПРС). 1999. Вып. II–III. Самара: Издательский дом «Агни».
- Пиотровский Б.Б. 1995. Страницы моей жизни. СПб: Наука.
- Проблемы... 1991 — Проблемы изучения древних культур Евразии /Отв. ред. Д.А.Крайнов. М.: Наука, 1991.
- Проблемы 1992 — Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. конф. Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб., 1992.
- Проблемы... 2004 — Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004.
- Пряхин А.Д. 1999. Археологи уходящего века. Воронеж.
- Пряхин А.Д. 2008. Днепро-донецкая лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX — начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ВГУ.
- Руденко К.А. 2008. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X — XX вв.: учебное пособие. Казань: РИЦ «Школа».
- Руденко С.И. 2003. Памяти Фёдора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) / подготовка к публикации и комментарии Н.И. Платоновой // Археологические вести. 10. СПб. С. 361–366.
- Русская... 2003 — Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900–1917. / Сост. Т.Н. Заднепровская. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Санкт-Петербург... 1995 — Санкт-Петербург и отечественная археология. Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб., 1995.
- Скирда В.В. 2000. Археологічна наука у Харківському університеті (1805–1920 рр.). Автореф. канд. дисс. Київ.
- Скифский... 1997 — Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.; РОССПЭН.
- Скифы... 1998 — Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Междунар. науч. конф. СПб., 1998.
- Сотрудники... 2004 — Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2004.
- Стайгер Б. 2009. Археологические открытия, изменившие историю. СПб.: Питер.
- Степи... 2002 — Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. Кн. 1/ Отв. редактор Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2002 .
- 125 лет... 2004 — 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Часть I. / Под ред. С.И. Валиулиной. Казань, 2004

- Судьба... 2000 — Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Сборник материалов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000.
- Тихонов И.Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Тихонов И.Л. 2007. Рец. на: Хартанович М.Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. история Вып. 1. 2007. С. 312–320
- Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. 2008. Эпистолярное наследие Александра Андреевича Спицына (проект издания) // История и практика археологических исследований: СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 12–20.
- Тихонов И.Л. 2011. Рец. на: Николаев А.Л. Археологические институты дореволюционной России: монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. 177с. // Российская археология. 2011. № 1. С. 174–176.
- Толстой И.И. 1997. Дневник 1906–1916 / Публикация Л.И.Толстой. СПб.: Европейский Дом.
- Традиции... 1997 — Традиции отечественной палеоэтнологии. Тез. докл. междунар. конф. посв. 150-летию Ф.К.Волкова (Вовка). СПб., 1997.
- Труды... 2008 — Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск V. Университет и историко-культурное наследие региона: сб. науч. тр. Пермь: Гос. пед. ун-т, 2008.
- Тункина И.В. 1995. Н.П.Кондаков: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 93–119.
- Тункина И.В. 1999. В.В.Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 172–288.
- Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука.
- Уварова П.С. 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М..
- Ульяновский В.Л., Кроткий В.А. 1997. Володимир Антонович: образ на тлі епохи. Київ: ТОВ «Міжнародна фінансова фгенція».
- Фармаковская Т.И. 1988. Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка.
- Формозов А.А. 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Наука.
- Формозов А.А. 1975. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // Советская археология. № 4. С. 5–13.
- Формозов А.А. 1979. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука.
- Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.: Наука.
- Формозов А.А. 1990. Русское общество и охрана памятников культуры. М.
- Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак.
- Хартанович М.Ф. 2006. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб.: «Нестор-История».
- Человек... 2010 — Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010.
- Щавелев С.П. 1997. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1: Предпосылки и становление региональной историографии. Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск: Изд-во КГМУ.
- Щавелев С.П. 1998. Историк русской земли: Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск: Изд-во КГМУ
- Щавелев С.П. 2002. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е — 1950-е гг.). Курск: КГМУ.
- Юревич В.Н. 1889. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей (1839–1889). Одесса.
- Die Anfänge... 2006 — Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich. (The beginnings of academic pre- and protohistoric archaeology (1890–1930) in European perspective) / Callmer J., Meyer M., Struwe R., Theune C (ed.). Rahden/Westf.: Leidorf, 2006.
- Histories... 2004 — Histories of Archaeology. Archives, Ancestors, Practices. Göteborg, 2004.
- Gräslund B. 1987. The birth of prehistoric chronology: Dating methods and dating systems in nineteenth-century Scandinavian archaeology. Cambridge, Cambridge University Press.
- ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ... 2007 — ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928 — 2004) / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Schnapp A. 1996. The discovery of the past. The origins of archaeology. London: British Museum Press.
- Trigger B. 1989. A history of archeological thought. Cambridge University Press.

Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине¹

И.В. Тункина

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Россия, г. Санкт-Петербург

Памяти Г.М. Бонгард-Левина (1933–2008), Г.С. Лебедева (1943–2003), Ю.Н. Литвиненко (1957–2009), Е.Я. Рогова (1951–2001), А.А. Формозова (1928–2009), А.Н. Щеглова (1933–2009)

Важной чертой становления самосознания отечественной археологии новейшего времени стало внимание к своему прошлому, историческая саморефлексия, осуществляемая силами историков, с одной стороны, и археологов — с другой (см. известные работы А.А. Формозова, А.А. Генинга, А.Д. Пряхина, Л.С. Клейна, Г.С. Лебедева и др.). Несколько десятилетий, с 1960-х гг. это направление исследований развивалось, главным образом, на основе опубликованной литературы исключительно трудами А.А. Формозова (Формозов, 1961; 1979; 1983; 1984; 1986; 1988; 1990; 1995; 2004-а; 2004-б; 2004-в; 2005; 2008), который сумел убедительно доказать, как «многое из созданного старой русской археологией органически вошло в фонд советской археологической науки» (Формозов, 1961: 126).

С эпохи «перестройки» история археологии превратилась в самостоятельную субдисциплину археологии (Тункина, 2002: 7) — так называемую *рефлексирующую археологию* (Лебедев, 1993: 4), главной источниковой базой которой стала не только и не столько предшествующая историография, сколько архивные материалы по истории науки. О влиянии книг А.А. Формозова на формирование и развитие этого направления свидетельствуют сборники статей в его честь и его памяти (Невский... 2004; Проблемы... 2004; Человек... 2010)².

В последние годы резко возрос интерес к истории различных разделов археологии и к ее выдающимся представителям XIX — начала XX вв. Издана коллективная монография по истории центрального государственного органа дореволюционной России в области археологии — Императорской Археологической комиссии (ИАК... 2009) и исследование об истории единственного гуманитарного учреждения той эпохи за рубежом — Русского археологического института в Константинополе (Басаргина, 1999). Появились обзоры истории отечественной археологии, как в национальном масштабе (Лебедев, 1992; Клейн, 1993; Алексеев, 1996; Васильев, 2008; Сорокина, 2008), так и исследования истории ее направлений (Лунин, 1979; Тункина, 2002), отдельных дискуссий (Нейхардт, 1982; Клейн, 2009), научных школ (Мельникова, 2003; Свердловская... школа Генинга... 2003; Научная... школа Голдиной... 2006; Платонова, 2006; Вузовская... Иркутская школа... 2009), традициям преподавания (Тихонов, 2003), реставрации (Вздорнов, 1986; Реставрация и наука... 2006; Кызласова, 1999; Мусин, 2006)³, музейного дела (Турьинская, 2001), истории изучения конкретных регионов (Мартынов, 1983; Белокобыльский, 1986; Ковешникова, 1992; Матюшенко, 1992; Археология Сибири... 1995-а; Археология Сибири... 1995 б; Триста лет... 2001; Марсадолов, 1996; Дэвлет, 1996; Балакин, 1998; Борисенко, Худяков, 2005; Китова, 2007; Оконникова, 2002; Соловьев, 2005; Аграфонов, Праздников, Спиридонова, 2009), а также отдельных памятников (Бойко, 2002; Медведенко, 2006; Зубарь, 2009) и феномене кладоскательства (Цыбин, 2001; Бердинских, 2005), которые, как правило, охватывают несколько десятилетий или даже столетий.

Отрадно, что большинство историко-научных исследований сегодня базируется на углубленном изучении архивных материалов, что характеризует новый этап развития рефлексирующей археологии. На наших глазах происходит отказ специалистов от безликих историографических обзоров и переход к публикации архивных первоисточников по истории археологии и смежных научных дисциплин. Всесторонне разрабатывается творческое наследие ученых: переиздаются их наиболее значительные работы,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00103 и РГНФ, проект № 08-01–91113а/У, программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Переработанный текст доклада на Международной конференции по истории археологии в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова (сентябрь 2009 г.) и на юбилейной конференции в ИИМК РАН, посвященной 150-летию Императорской Археологической комиссии (ноябрь 2009 г.).

² Критику последних книг А.А. Формозова (1995–2005 гг.) см.: Шер, Савинов, Молодин, Герасимова, Черных, 2006: 165–181; некролог об ученом см.: Андреева и др., 2009.

³ Сводку основных документов см. в кн.: Охрана... 1978.

извлекаются из архивов и публикуются труды, не опубликованные при их жизни по условиям «внешнего порядка» (см., например: Ростовцев, 1993; Жебелёв, 2007; Худяков, 2008; Классика самарского краеведения... 2008), полевые дневники (Козлов, 2003; Адрианов, 2008; Кипарисова, 2009), в том числе на языке оригинала и в русском переводе (Дюбрюкс, 2010), а также богатейшее эпистолярное наследие и мемуары виднейших деятелей отечественной науки (Иностранцев, 1998; Забелин, 2001; Пиотровский, 1995; 1997; Кондаков, 2002; Уварова, 2005; Клейн, 2010). Предпринимаются попытки воссоздать творческий путь археологов, издаются посвященные им биографические очерки¹ (правда, нередко носящие не научный, а скорее беллетристический характер²), а также библиографии (Кузьминых, Старостин, Хузин, 1999; Академик... 2002) и сборники документов (На пользу и развитие... 2005; Археология, история... 2007; Борис Борисович... 2008; Во главе... 2009).

Отрадно отметить, что во многих работах портреты археологов прошлого подкреплены анализом их научного творчества, подчеркивающих не только историографическую значимость трудов, но и представляющих перспективу намеченных ими путей исследования в актуальном контексте современной российской науки. Появились издания экспедиционного фольклора и воспоминания участников ряда экспедиций (Пыль золотая... 1994; Мы ехали сюда... 1999); Песенный фольклор... 2000; Археология и не только... 2002; Ксенофонтов, 2010; Вторая муза... 2003), являющиеся ценным источником для изучения археологической субкультуры новейшего времени. Таким образом, в центр историко-научных исследований в последние годы вернулся сам творец науки — конкретный ученый. Это не только представители академической и вузовской науки, но и музееведы, краеведы, коллекционеры древностей и археологи-дилетанты.

Появление серии историко-научных публикаций, базирующихся на анализе архивных документов, стало отправной точкой для качественного сдвига в отношении к дореволюционной историографии археологии и к осознанию того, что «золотой век» русской гуманитарной науки, на самом деле, падает на предреволюционные годы. К этому времени в России была создана собственная, одна из виднейших в мире, историко-филологическая школа, давшая толчок развитию древневосточной, классической, скифо-сарматской, кочевнической, византийской, славяно-русской, церковной, сибирской и среднеазиатской археологии. Именно тогда в трудах А.А. Спицына и В.А. Городцова были окончательно сформированы отправные теоретико-методологические представления отечественной археологической науки; впервые на конкретном археологическом материале была представлена единая картина исторического развития российских территорий Евразии.

Показательно, что к началу Первой мировой войны произошла синхронизация темпов и форм развития русской и западноевропейской археологии. По убеждению Г.С. Лебедева, глубину этого качественного сдвига в русской культуре, отразившегося на всех дисциплинах историко-филологического цикла (в том числе в археологии), потомки «не в состоянии оценить до сих пор» (Лебедев, 2003: 176, 178; см. также: Лебедев, 1992: 444).

На возобновленных ныне Всероссийских археологических съездах — I (XVII) в Новосибирске (2006 г.) и II (XVIII) в Суздале (2008 г.) — доклады по истории науки заняли достойное место. Если на новосибирском съезде историко-научная тематика была объединена в одной секции с теоретико-методическими вопросами археологии, то на суздальском ей была посвящена отдельная секция «Историография отечественной археологии». Почти в 140-летней истории Всероссийских археологических съездов она стала первой специальной секцией, посвященной истории отечественной науки. Этот факт — показатель определенного уровня российской археологии как научной дисциплины — ее зрелости, развитости и многогранности³.

Секция предложила оргкомитету следующего съезда, который должен собраться в Новгороде Великом, изменить ее название на более широкое — «История археологической науки», и констатировала, что в настоящее время ощущается дефицит справочных работ по истории науки, которые бы содержали достоверную и полную информацию о значимых фактах истории становления и организации научно-

¹ Не называя многочисленных биографических статей, некрологов, материалов конференций памяти ряда ученых, отмечу лишь отдельные монографии, часть которых включает публикации документов: Фармаковская, 1988; Чистотина, 1994; Шавелев, 1997; 1998; 2002; Бердинских, 2003; Фролов, 2003; Дэвлет, 2004; Лазаревич, Молодин, Лабетский, 2002; Жизненный путь... Руденко... 2004; Жук, 2005; Файбисович, 2006; Кызласова, 2006; Гаврилов, 2006; Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007.

² Константинов, 1992; 1997; Конопацкий, 2001; Сагалаев, Крюков, 2004; Черняков, 2006; Деревянко, Закстельский, 2008.

³ К сожалению, работа секции не нашла должного отражения в хронике съезда. См.: Гайдуков и др., 2009: 176.

го знания. Насущной необходимостью была признана разработка словника, принципов подготовки и написание текстов для биографического словаря отечественных археологов¹, подготовка монографий и справочных изданий по истории науки, в частности, по истории Императорской Археологической комиссии², историко-археологических обществ и Всероссийских археологических съездов, а также издание библиографии по истории археологии.

«В поисках человека» сегодня находятся различные научные дисциплины историко-филологического цикла (Архипов, 2002: 206–217; Мамонтова, 2005: 6–21). В числе их можно назвать антиковедение³, медиевистику и византистику (Архивы русских византистов... 1995; Рукописное наследие... 1999; Мир русской византистики... 2004; Кондаков... 2000; Мир Кондакова... 2004; Медведев, 2006), востоковедение⁴, славяноведение (Ашнин, Алпатов, 1994; Смирнов, 2001; Робинсон, 2004; Лаптева, 2005), этнографию (Репрессированные этнографы... 1999–2003; Соловей, 2004), фольклористику (Иванова, 2009) и пр., а также все направления археологии.

Рост объема фактических историко-научных данных заставляет поставить вопрос о *принципах и задачах ретроспекции* (Тункина, 2002: 8). Выработка определенных методик синтеза и осмысления разнообразных источников для построения исторических реконструкций с целью *объективации исторического знания* представляет собой актуальную проблему современной истории археологии.

Большинство историков науки следуют традиционным историческим приемам анализа и критики историографии, документальных и мемуарных источников. Лишь немногие специалисты стараются выйти за рамки общепринятой методологии и обогатить их достижениями многочисленных смежных дисциплин, в частности, науковедения, социологии и социальной психологии, помогающих уяснить характер и механизмы влияния различных внешних и внутренних факторов на эволюцию научного знания. Внутреннее единство развития научного знания очевидно — есть некий набор понятий, методов и концепций, являющихся общим достоянием науки, но при этом в определенных странах могут получить преимущественное развитие одни его части, в других странах и в другое время — другие.

Для России крайне важно изучение взаимоотношений археологической науки и власти — ведь достаточно очевидно определяющее влияние российских государственных и общественных приоритетов, в том числе геополитических целей правящей элиты, а также практических потребностей государства как на развитие науки в целом, так и на историю отдельных научных дисциплин и судьбы отдельных исследователей. Влияние государства в полной мере отразилось не только на истории «первенствующего» ученого сословия России — Императорской Санкт-Петербургской/Всесоюзной/Российской академии наук, но и на институциональной истории всей русской науки XVIII–XXI вв. (Наука и кризисы... 2003; Басаргина, 2008). Не менее интересна тема возникновения патронажа науки, появления в XIX в., расцвета в начале XX в. института меценатства и т. п.

Науковедческие концепции используются для радикальной переоценки явлений и процессов, происходивших в отечественной археологической науке, начиная с XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня. Один из таких новых методов — *историко-антропологический подход* — включает изучение «повседневного быта и нравов, краеведческо-фольклорную тематику, историю ментальностей», с целью «разглядеть сквозь время человеческое лицо науки» (Александров, 1994: 3–22; История и антропология... 2006). Историческая антропология науки затрагивает важнейшие аспекты историко-научных исследований и изучает исторический контекст развития научного знания — как жили и как живут ученые, каково значение того, что они делают, в той культуре, к которой они принадлежат, каким образом их повседневная деятельность связана с их взглядами. Говоря словами А.И. Герцена, она помогает разглядеть «человека в истории и историю в человеке». Таким образом, предмет историко-антропологического направления

¹ С моей точки зрения, образцом для создания биографического словаря археологов должно стать издание: Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А–Г; 1992. Т. 2: Г–К; 1994. Т. 3: К–М; 1999. Т. 4: М–П; 2007. Т. 5: П–С. Ряд биографических справочников об археологах содержат зачастую неполную и непроверенную информацию. См., например: Мезенцева, 1997; Мельникова, 2007; Рудий, 2007.

² Коллективная монография по истории Имп. Археологической комиссии в одном томе с приложением, включающем обзор архива ИАК, перечень материалов экспедиций и исследований и указатели, вышла в конце 2009 — начале 2010 гг. к 150-летию со дня ее основания. См.: ИАК... 2009.

³ Скифский роман... 1997; Парфянский выстрел... 2003; Фролов, 1999; 2006; Лурье, 2004; История и поэзия... 2006. Реакцию на эти книги см.: Fichman, 2006.

⁴ История отечественного востоковедения... 1990; История отечественного востоковедения... 1997; Куликова, 2001; Люди и судьбы... 2003; Памятники и люди... 2003; Русские военные востоковеды... 2005; Мясников, 2006; Вигасин, 2008; Милибанд, 2008; 2009.

в истории науки — изучение науки как совокупности форм повседневной жизни людей, именующих себя учеными (Александров, 1994: 3–5).

Историк археологии, желающий быть в своем деле профессионалом, должен осознать, что жизненный мир исследователей, живших в прошлых столетиях, коренным образом отличается от жизненного мира ученого XXI века. Ему необходимо понимание других культур и других форм жизни, *отказ от позиции разоблачителя науки прошлого* (Там же: 21), а заодно и от безоглядной критики явлений, происходивших в дореволюционной или советской археологии 1920-х–1990-х гг. Кстати, одним из ярких показателей непрофессионализма служит навязчивое подчеркивание несовершенства методики раскопок предшественников. В действительности, научные практики (и полевые, и кабинетные) совершенствуются постоянно.

Историки науки исследуют «жизненный мир» деятелей различных областей знания, и не только менталитет ученых, но и социальные практики, поддерживающие определенное мировоззрение, повседневные отношения научного учреждения, патронаж науки, разнообразные формы быта и научной жизни, изучают феномен «незримых колледжей»¹ и научных школ². Типичное для России противопоставление официальной, казенной, «не настоящей» науки и неофициальной «настоящей», восходит еще к «кружковой» организации повседневности XIX в. Оно особенно расцвело в советскую эпоху, ибо создавало и воспроизводило стереотипы поведения, которыми до сих пор живут русские ученые. Да, наука в России, в отличие от других стран Европы, всегда являлась предметом не только публичного (в пределах пространства научных учреждений), но и частного дискурса: научные, философские и политические споры «за чаем» (и не только) — чисто русское явление (Александров, 1994: 7). Неформальные семинары таких «незримых колледжей» (например, журфикусы «Свободной Академии» на квартире академика Н.П. Кондакова в Петербурге) всегда проводили границу между приглашенными и не приглашенными, и по своей природе неизбежно основывались на исключении «посторонних» коллег, являясь недолговечной и замкнутой формой научного быта.

Как и культуру в целом, научную преемственность (и прямую, и прерывавшуюся, т. е. «отложенную») можно представить, как некий объем информации, передающийся из поколения в поколение, как систему коммуникаций, растянутую не только во времени, но и в пространстве. Изменения в науке являются в значительной мере результатом нарушений в системе коммуникации, объясняющихся давлением различных социально-экономических, политических и культурных факторов — сменой политических режимов, войнами, революциями и т. п. Современные историки археологии пытаются проанализировать внутренние и внешние причины и следствия таких изменений и, в частности, выявить корни деформации принципов дореволюционного археологического знания, количественные и качественные изменения в науке в советское время, которые повлекли за собой ее самоизоляцию и потерю теснейших взаимосвязей с мировой наукой (Платонова, 2008; 2010).

Внимание ряда специалистов сфокусировано на социально-психологических портретах ученых и краеведов — внутреннем мире человека, его эмоциональной жизни, исканиях ума, взаимоотношениях с коллегами. Богатейшую информацию об этом дает эпистолярное наследие и мемуары предшественников. Но практически неизученными остаются вопросы повседневных отношений археологов, живущих в одной стране в одно и то же время, в частности, интеллектуальных связей в традиционной оппозиции — *провинция/центр*, научного соперничества, власти и подчинения в науке, дружбы, ученичества, различий «жизненных миров» — формы и образа жизни, определявших научные воззрения ученых.

Апологет историко-антропологического подхода петербургский науковед Д.А. Александров при изучении научных школ проводит прямую структурную аналогию между *нормальной* наукой Томаса Куна (Кун, 1975)³ и организованной преступностью. Научные школы и мафии рассматриваются им как сообщества, основанные на доверии. Структурно они действительно близки: неизбежен лидер, обязателен «первый ученик» и «ученик-диссидент» (триада «школа» — «ученичество» — «эпигонство»); «жизненные ряды» и научных школ, и мафий поражают если не единообразием, то подобием (Александров, 1998: 11–18).

¹ «Незримые колледжи» в области классической археологии, сложившиеся в Новороссийском крае в первой трети XIX в., рассмотрены в монографии: Тункина, 2002.

² Для истории отечественного языкознания, востоковедения и археологии важна монография: Алпатов, 1991. См. также ряд монографий, изучающих феномен научных школ в исторической науке: Мягков, 1988; 2000; Погодин, 1997; Михальченко, 1997; Корзун, 2000; Бычков, Корзун, 2001; Брачев, 2001; Шаханов, 2003; Ростовцев, 2004; Бон, 2005.

³ Критику концепции Т. Куна см.: Лакатос, 2008. См. также: Наука и научность... 2007.

Экспансия исторической антропологии в историю науки — процесс неоднозначный, противоречивый, сопровождающийся зачастую спорными и парадоксальными выводами.

Антропологический подход, продемонстрированный еще в книгах акад. В.П. Бузескула (рубеж 1920-х–1930-х гг.) (Бузескул, 2008; Тункина, 2008: 213–224), сознательно критиковался советской историографией как неприемлемый для марксизма. Однако сегодня он, пожалуй, отвечает новейшим стандартам истории науки. Не случайно в последние годы именно он вызвал к жизни целую серию биографических книг и справочников об историках различных специальностей и археологах (Портреты историков... 2000; 2004; Историки России... 2001; Чернобаев, 2005; 2009; Одеські історики... 2009).

Показательно, что аналогичный «антропологический поворот» происходит ныне и в украинских работах по истории археологической науки. Распад СССР привел к прекращению регулярного книгообмена и разрыву научных связей между российскими и украинскими учеными. Сегодня, к сожалению, мы крайне мало знаем об исследованиях наших украинских коллег, а они, в свою очередь, лишены возможности получать российские научные издания. Новые границы и сложная экономическая ситуация последних десятилетий лишила ученых независимой Украины возможности полноценной научно-исследовательской работы в федеральных и академических архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Это, в свою очередь, отрицательно сказалось на научном уровне публикуемых в последнее время на Украине исследований, опирающихся, главным образом, на провинциальный срез, на фрагментарно сохранившуюся источниковую базу местных архивов.

Редкими исключениями являются фундированные биографические исследования А.А. Пучкова (Пучков, 2004) и А.А. Непомнящего (Непомнящий, 2005; 2006; 2008), сфокусированные на социально-психологических портретах ученых и краеведов — внутреннем мире человека, его эмоциональной жизни, исканиях ума, взаимоотношениях с коллегами. Портреты исследователей подкреплены анализом их научного творчества, каждый герой представлен во всей многосложности, которую авторы стараются разглядеть сквозь строки архивных документов.

Таким образом, саморефлексия культурных систем современного человеческого общества в целом и исторической науки в частности переживает *антропологический поворот*. На мой взгляд, в истории классической археологии и антиковедения начало ему положил подвижнический труд академика Г.М. Бонгард-Левина и его младших коллег по поиску в различных странах и комплексному изучению архивных материалов об академике М.И. Ростовцеве (1870–1952), вылившийся в издание двух фундаментальных трудов — «Скифского романа» (1997) и «Парфянского выстрела» (2003).

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...». Эта крылатая фраза С. Есенина в полной мере применима к истории отечественной науки. По моему убеждению, должно пройти определенное время, чтобы осознать место самого Г.М. Бонгард-Левина в русской гуманистике рубежа XX–XXI вв. Один из рецензентов «Скифского романа», мой учитель Г.С. Лебедев (1943–2003) писал, что «соотношение внутринаучной рефлексии с конкретно-историческим постижением реальной истории, оценки и самооценки исследователя как субъекта исторического процесса... — новая, весьма масштабная методологическая проблема, боюсь, выходящая за пределы имеющейся научной парадигмы» (Лебедев, 2003: 183).

Действительно, формирующаяся на наших глазах рефлексирующая археология, рассматриваемая специалистами как одно из проявлений самопознания и самоосознания науки, возможно, в ближайшем будущем станет существенной составляющей археологии в целом. Превратится ли она в «коперниканский переворот» (Тропп и др., 2002: 123–128) в истории археологии, покажет время.

Литература

- Аграфонов П.Г., Праздников В.В., Спиридонова Е.В. 2009. История ярославской археологии. М.
- Адрианов А.В. 2008. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Подгот. к публик. О.Б. Беликовой; отв. ред. В.И. Молодин. Томск.
- Академик... Деревянко 2002: Академик Анатолий Пантелеевич Деревянко: Библиография / Отв. ред. В.В. Молодин; сост. Н.М. Шахматова. Новосибирск.
- Александров Д.А. 1994. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. № 4. С. 3–22.
- Александров Д.А. 1998. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга: К 275-летию Академии наук. СПб. С. 11–18.
- Алексеев Л.В. 1996. Археология и краеведение Беларуси, XVI в. — 30-е годы XX в. Минск.

- Алпатов В.М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М.
- Андреева М.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В., Сорокин А.Н., Коренько В.А. Александр Александрович Формозов (1928–2009) // РА. 2009. № 3. С. 183–186.
- Археология и не только: К 30-летию Сибирской археологической экспедиции Ленинградского дворца пионеров / Сост. С.Г. Васильев, А.В. Виноградов, А.А. Иконников-Галицкий; научн. ред. Г.С. Лебедев. СПб., 2002.
- Археология, история и архивное дело в переписке Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Составление, вст. статья и коммент. С. П. Шавелёва. Курск, 2007.
- Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. 1995 / Под ред. И.П. Медведева. СПб.
- Архипов И. 2002. История в поисках человека (О новых тенденциях в изучении российской истории) // Звезда. № 3. С. 206–217.
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. 1994. «Дело славистов» 30-е годы. М.
- Балакин Ю.В. 1998. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск.
- Басаргина Е.Ю. 1999. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.
- Басаргина Е.Ю. 2008. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков: Очерки истории. М.
- Белокобыльский Ю.Г. 1986. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований, XVIII — первая треть XX вв. Новосибирск.
- Бердинских В.А. 2003. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.
- Бердинских В.А. 2005. История кладоискательства в России. М.
- Бойко А.Л. 2002. В поисках древнего Танаиса (Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период). Ростов-на-Дону.
- Бон Т.М. 2005. Русская историческая наука (1880–1905): П. Н. Милюков и московская школа / Пер. с нем. СПб.
- Борис Борисович Пиотровский: Материалы к биографии / Гос. Эрмитаж; Сост. Ю.Ю. Пиотровский, Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. СПб., 2008 (Хранитель).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. 2005. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск.
- Брачев В.С. 2001. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб.
- Бузескул В.П. 2008. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв. Части 1–3 / Общ. ред., составл., вступ. статья, подгот. текста, коммент. и биогр. словарь-указатель И.В. Тункиной. М.
- Бычков С.П., Корзун В.П. 2001. Введение в отечественную историографию XX века. Омск.
- Варнеке Б.В. 2002. Материалы для биографии Н.П. Кондакова / Публ. И.В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб. Вып. 4. С. 72–152.
- Васильев С.А. 2008. Древнейшее прошлое человечества: Поиск российских ученых / ИИМК РАН. СПб.
- Вздорнов Г.И. 1986. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М.
- Вздорнов Г.И. 2006. Реставрация и наука: Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.
- Вигасин А.А. 2008. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.
- Во главе Императорской Академии художеств: Граф И.И. Толстой и его корреспонденты, 1889–1898 / Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. М., 2009.
- Вторая муза историка: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М., 2003.
- Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск, 2009.
- Гаврилов А.К. 2006. Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб.
- Гайдуков П.Г., Дэвлет Е.Г., Носов Е.Н., Шуньков М.В. II (XVIII) Всероссийский археологический съезд в Суздале // РА. 2009. № 3. С. 176.
- Деревянко Е.И., Закстельский А.Б. 2008. Тропой далеких тысячелетий: Страницы жизни археолога и путешественника. Новосибирск.
- Дэвлет М.А. 1996. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII — начало XX вв.). М.
- Дэвлет М.А. 2004. Александр Васильевич Андрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово.
- Дюбрюкс Поль (1770–1835). Собрание сочинений: в 2 т. / Поль Дюбрюкс; сост. и отв. ред.: д.ист.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева; Рос. акад. наук, Санкт-Петерб. фил. Архива РАН, Ин-т истории матер. культуры РАН. Du Bruix P. Œuvres / Archives de l'Académie des Sciences de Russie, Filiale de Saint-Petersbourg; Institut d'histoire de la culture matérielle de l'Académie des Sciences de Russie; Compilation et rédaction I.V. Tunkina; Préparation des textes I.V. Tunkina et N.L. Sukhachev; Traduction du français N.L. Sukhachev. 2 vols. Санкт-Петербург: Коло / Saint-Petersbourg Editions Kolo, 2010. Т. I: Тексты / Т. I: Textes. 728 с./р.; Т. II Иллюстрации/ Illustrations. 312 с./р.

- Жебелёв С.А. 2007. Археология и общая история искусства / Публикац. и коммент. И.В. Тункиной // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб. С. 146–176.
- Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. научн. ст. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2004.
- Жук А.В. 2005. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск.
- Забелин И.Е. 2001. Дневники. Записные книжки: мемуары / Ред. Н.П. Либкова; Авт. предисл. Н.А. Каргаполова. М.
- Зубарь В.М. 2009. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Симферополь (Мат-лы по археол., истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 6).
- Иванова Т.Г. 2009. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 гг. СПб.
- ИАК... 2009: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин; под общей ред. Е.Н. Носова. СПб.
- Иностранцев А.А. 1998. Воспоминания (Автобиография) / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.А. Прозоровского и И.Л. Тихонова. СПб.
- Историки России: Биографии / Отв. ред. А.А. Чернобаев. М. 2001.
- История и антропология. 2006. Междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков / Под общ. ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб. (Современные направления в исторической науке: Серия переводов. Т. 3).
- История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990.
- История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997.
- Кипарисова Н.П. 2009. Дневник работ по раскопкам Чебаркульской неолитической стоянки на берегу оз. Елового / Вступ. ст. В.С. Мосина // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск. С. 121–157.
- Китова Л.Ю. 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск.
- Классика самарского краеведения... 2008: Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; Науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Клейн Л.С. 2009. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб.
- Клейн Л.С. 2010. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб.
- Ковешникова Е.А. 1992. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX веков. Красноярск.
- Козлов П.К. 2003. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников. СПб. (Научное наследство. Т. 30).
- Кондаков Н.П. 2002. Воспоминания и думы / Сост., подг. текста и примеч. И.Л. Кызласовой. М.
- Конопацкий А.К. 2001. Прошлого великий следопыт (академик А. П. Окладников: Страницы биографии). Новосибирск. Кн. 1; 2009. М. Кн. 2.
- Константинов М.В. 1992. Исследователи древнего Забайкалья. Чита.
- Константинов М.В. 1997. Оракулы веков: Этюды об исследователях Сибири. Чита.
- Корзун В.П. 2000. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Омск.
- Ксенофонтов В.В. 2010. Березанский альбом: Стихи, песни, археологический фольклор / Научн. ред. И.В.Тункина. СПб.; М.: б.и.
- Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. 1999. Альфред Хасанович Халиков: Очерк жизни и научной деятельности. Казань.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. 2007. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара.
- Куликова А.М. 2001. Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1975; 2-е изд. М., 1977 (Переизд.: М., 2001; М., 2003).
- Кызласова И.Л. 1999. Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М.
- Кызласова И.Л. 2006. Николай Петрович Сычев (1883–1964). М. (Отечественная реставрация: Personalia).
- Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. 2002. Н. К. Рерих — археолог / Отв. ред., авт. предисл. В.Е. Ларичев. Новосибирск.
- Лакатос И. 2008. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.
- Лантева Л.П. 2005. История славяноведения в России в XIX веке. М.

- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.
- Лебедев Г.С. 1993. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. 11–13 декабря 1990 г. / СПбГУ. СПб. С. 4.
- Лебедев Г.С. «Скифский роман» и его герой: М.И. Ростовцев и его место в отечественной исторической науке // ВДИ. 2003. № 2.
- Лунин Б.В. 1979. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историографический очерк. Ташкент.
- Лурье Я.С. 2006. История одной жизни. СПб., 2004. История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исследование и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.
- Люди и судьбы. 2003. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917–1991 / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.
- Мамонтова М.А. 2005. Антропологические поиски современной отечественной историографии // Мир историка: Историографический сборник. Омск, Вып. 1. С. 6–21.
- Марсадалов Л.С. 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.). СПб.
- Мартынов А.И. 1983. Историография археологии Сибири. Кемерово.
- Матющенко В.И. 1992. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск.
- Матющенко В.И. 1995-а. Археология Сибири 1960-начала 1990-х гг.: Процессы развития. Омск.
- Матющенко В.И. 1995-б. Археология Сибири 1960-начала 1990-х гг.: Проблематика. Омск.
- Матющенко В.И. 2001. Триста лет истории сибирской археологии. Омск. Т. 1.
- Медведев И.П. 2006. Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб.
- Медведев Н.А. 2006. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж.
- Мезенцева Г. 1997. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник. Чернівці.
- Мельникова О.М. 2003. Пермская научная школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 7)
- Мельникова О.М. 2003. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 9).
- Мельникова О.М. 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской археол. экспедиции. Т. 15).
- Мельникова О.М. 2007. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX — начало XX вв.): Библиографический словарь-справочник. Ижевск.
- Милибанд С.Д. 2009. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: Библиографический словарь: в 2 кн. М., 2008. Кн. 1: А-М; Кн. 2: Н-Я. Дополнения и указатель. М.
- Мир Кондакова. 2004. Публикации, статьи, каталог выставки. М.
- Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2004.
- Михальченко С.И. 1997. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М., Брянск.
- Мусин А.Е. 2006. Вопиющие камни: Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.
- Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать / Сост. Е. Антипанова, Н. Кунина, В. Хохреков. СПб., 1999.
- Мяков Г.П. 1988. «Русская историческая школа»: Методологические и идейно-политические позиции. Казань.
- Мяков Г.П. 2000. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань.
- Мясников В.С. Квадратура китайского круга: Избранные статьи. В 2-х кн. М., 2006.
- На пользу и развитие русской науки / Ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов; отв. ред. А.Д. Столяр, Ю.В. Иванова. Новосибирск, 2005.
- Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб., 2003.
- Наука и научность в исторической перспективе / Под общ. ред. Д.А. Александрова, М. Хагнера. СПб., 2007 (Современные направления в исторической науке: Серия переводов. Т. 4).
- Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / СПбГУ, Музей истории ун-та, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. СПб., 2004; Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А.А. Формозова / ИА РАН. М., 2004.
- Нейхардт А.А. 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Непомнящий А.А. 2005. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, (Библиография крымоведения; Вып. 3).
- Непомнящий А.А. 2006. Подвижники крымоведения. Т. 1. Симферополь (Библиография крымоведения; Вып. 7).

- Непомнящий А.А. 2008. Подвижники кримведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. Симферополь (Биобиблиография кримведения; Вып. 12).
- Низовский А.Ю. 2001. Зачарованные клады России. М.
- Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2000.
- Одеські історики: Енциклопедичне видання. Одеса, 2009. Т. 1. (початок ХІХ — середина ХХ ст.).
- Оконникова Т.И. 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. ХІХ в. — 40-е гг. ХХ в.). Ижевск. (Мат-лы и исслед. Камско-Вятской экспедиции. Т. 5).
- Охрана памятников истории и культуры в России, ХVІІІ — начало ХХ вв.: Сб. док-тов. М., 1978.
- Памятники и люди / ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2003.
- Парфянский выстрел / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003.
- Песенный фольклор археологических экспедиций / Сост. С.В. Белецкий. СПб., 2000 (Дальнее прошлое Пушкиногорья. Вып. 6).
- Пиотровский Б.Б. 1995. Страницы моей жизни. СПб. (Изд. 2. СПб., 2009).
- Пиотровский Б.Б. 1997. Путевые заметки / Публ. Р.М. Джанполадян-Пиотровской. СПб.
- Платонова Н.И. 2006. Научные школы и направления в российской археологии 1880–1930-х гг. // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, Т. 2. С. 441–443.
- Платонова Н.И. 2008. История археологической мысли в России (последняя треть ХІХ — первая треть ХХ вв.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.
- Платонова Н.И. 2010. История археологической мысли в России (вторая половина ХІХ — первая треть ХХ вв.). СПб.
- Погодин С.Н. 1997. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.
- Портреты историков: Время и судьбы. В 4-х т. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1–2; М., 2004. Т. 3–4; 2000. 2010. Т. 5: Средние века. Новая и новейшая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов; [сост. В.Я. Головин]. Т. 1: Отечественная история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская; Т. 2: Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская; 2004. Т. 3: Древний мир и средние века / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. Т. 4: Новая и новейшая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов.
- Пучков А.А. 2004. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. Изд. 2, перераб., испр. и доп. СПб. (1-е изд.: Киев, 2000)
- Пыль золотая: Стихи и авторская песня / Сост. С.Б. Буйских. Николаев, 1994.
- Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. В 2-х вып. М., 1999–2003.
- Робинсон М.А. 2004. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.
- Ростовцев Е.А. 2004. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань.
- Ростовцев М.И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подг. текста, публикац. и коммент. И.В. Тункиной // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5: СКΥΘΙΚΑ: Избранные работы академика М.И. Ростовцева. С. 25–38.
- Рудий В.А. 2007. Видатні та маловідомі археологи України (Біографічні нариси). Львів.
- Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. 1999 / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб.
- Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь / Автор-составитель М.К. Басханов. М., 2005.
- Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А–Г; 1992. Т. 2: Г–К; 1994. Т. 3: К–М; 1999. Т. 4: М–П; 2007. Т. 5: П–С.
- Сагалаев А.М., Крюков В.М. 2004. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск.
- Скифский роман / Под ред. акад. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997;
- Смирнов С.В. 2001. Отечественные филологи-слависты середины ХVІІІ — начала ХХ вв.: Справочное пособие / Общ. ред. О.Н. Трубачева. М.
- Соловей Т. д. 2004. Власть и наука в России: Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (ХІХ-начало ХХІ вв.). М.
- Соловьев В.С. 2005. У истоков археологии Таджикистана (1813–1917 гг.). Елец.
- Сорокина И.А. 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула.
- Тихонов И.Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.
- Тронн Е.Э., Тронн Э.А. Антропологический поворот // Философский век. Альманах. Вып. 21: Науки о человеке в современном мире. СПб., 2002. Ч. 1. С. 123–128.
- Тункина И.В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (ХVІІІ — середина ХІХ в.). СПб.

- Тункина И.В. 2008. О судьбе книги академика В. П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX—начале XX в.» (к 150-летию со дня рождения) // ВДИ. № 4. С. 213—224.
- Турьинская Х.М. Музейное дело в России в 1907—1936 годы. М., 2001.
- Уварова П.С. 2005. Былое: Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. текста и писем, коммент. Н.Б. Стрижовой. М. (Тр. ГИМ. Вып. 144).
- Файбисович В.М. 2006. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.
- Фармаковская Т.И. 1988. Борис Владимирович Фармаковский. Киев.
- Формозов А.А. 1961. Очерки по истории русской археологии. М.
- Формозов А.А. 1979. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.; переизд.: М., 2000.
- Формозов А.А. 1983. Начало изучения каменного века в России. М.
- Формозов А.А. 1984. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., переизд.: М., 2001.
- Формозов А.А. 1986. Страницы истории русской археологии. М.
- Формозов А.А. 1988. Следопыты земли Московской. М.; 2-е перераб. изд.: Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.
- Формозов А.А. 1990. Русское общество и охрана памятников культуры. М.
- Формозов А.А. 1995. Русские археологи до и после революции. М.
- Формозов А.А. 2004-а. Историография русской археологии на рубеже XX—XXI веков (обзор книг, вышедших в 1997—2003 гг.). Курск.
- Формозов А.А. 2004-б. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.; 2 изд.: М., 2006.
- Формозов А.А. 2004-в. Рассказы об ученых. Курск.
- Формозов А.А. 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.
- Формозов А.А. 2008. Статьи разных лет. Курск.
- Фролов А.И. 2003. Алексей и Прасковья Уваровы — хранители московской старины. М.
- Фролов Э.Д. 1999. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.; Изд. 2, испр. и доп.: СПб., 2006.
- Худяков М.Г. 2008. История Камско-Вятского края: Избранные труды / Науч. ред., составл. М.В. Гришкиной, С.В. Кузьминых; Коммент. М.В. Гришкиной, С.В. Кузьминых, В.К. Семибратова, В.С. Чуракова. Ижевск.
- Цыбин В. 1994. Заговоренные клады и кладоискатели: Предания старины и новины. М.
- Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009) / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М., 2010.
- Черняков И.Т. 2006. Вікентій Хвойка (1850—1914). Київ.
- Чернобаев А.А. 2005—2009. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. В 2-х тт. Саратов, 2005. Т. 1: А-Л; Т. 2: М-Я; Т. 3: А-Я (доп.). СПб., 2009.
- Чистотина С.Л. 1994. Федор Иванович Шмит. М. (Забытые страницы культуры. Вып. 1).
- Шаханов А.Н. 2003. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М.
- Щавелев С.П. 1997—2002. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск, 1997. Вып. 1: Предпосылки и становление региональной историографии; Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1960-е — 1910-е гг.; 2002. Вып. 3: Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920-е — 1950-е гг.);
- Щавелев С.П. 1998. Историк русской земли: Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск.
- Fichman I.F. 2006. La science Russe de l'antiquité. Études historiographiques // Minima Epigraphica et Papyrologia. Ann. IX. Fasc. 11. P. 415—418.

Научные школы в российской археологии

Л.С. Клейн

Россия, г. Санкт-Петербург

Явление и понятие

Научная школа — понятие, всем ученым известное и трудно определимое (Школы... 1977; Secord, 1986; Servos, 1993). Ясно, что оно связано с научной коммуникацией, с организацией науки. В науке личный вклад ученого, его талант оказывается определяющим, и в то же время наука носит коллективный характер — без передачи знаний и без взаимодействия ученых успеха достичь невозможно. Вот научная школа — это и есть одна из форм организации устойчивых контактов между учеными, инструмент воспитания исследовательского стиля мышления (Ярошевский, 1977; Мягков, 2000) и, конечно, способ обеспечения научной преемственности (Сапрыкин, 1997; Ильин, 1998; 1999).

Но так как все эти функции можно осуществлять по-разному, в разных условиях научные школы обретают разный вид (Беньковская, 2002; Мельникова, 2003б: 20–23).

Можно объединять в научную школу учеников одного крупного ученого с их собственными учениками — так сказать, научное потомство гения. Основным критерием включения в школу окажутся взаимоотношения: учитель — ученик. Но очевидно, что не всякое сборище учеников вправе претендовать на звание научной школы, иначе школ было бы столько же, сколько преподавателей в вузах страны. Значит, нужно ввести критерии некоего методического или идейного единства и значимости результатов.

Можно воспринимать научную школу как сообщество ученых, объединенных единым стилем мышления, общими принципами и единой методикой. Здесь тоже личность научного лидера или двух-трех лидеров очень важна. Основным критерием включения в школу окажутся взаимоотношения: основоположник — последователь. Но приближаясь к понятию «незримого колледжа», научная школа окажется идентичной научному течению, что не очень хорошо: зачем дублировать понятия?

Можно объединять работников той или иной науки одного города (петербургская школа), одной страны (российская школа, немецкая школа), одного учреждения (академическая школа) и т. п. Словом, всякий раз, говоря о научных школах, нужно оговаривать, какой именно вид научной школы имеется в виду.

Я в данном рассуждении под научной школой буду понимать соратников и учеников (с их собственными учениками, т. е. научное потомство) одного или нескольких крупных научных лидеров, если все они объединены идейными и методическими установками важного значения в науке и большой специфичности. Работают ли они в одном учреждении, в одном городе, в одной стране или распределены по разным очагам — вопрос второстепенный.

Кроме личности лидера для формирования научной школы важны экономические ресурсы и благоприятная среда, а конкретными средствами формирования являются организационные формы распространения научного знания от лидеров к ведомым. Это кафедры и постоянные лекционные курсы, длительно существующие семинары, исследовательские лаборатории, в некоторых науках (в том числе археологии) крупные и многолетние экспедиции. В этих очагах и возникают научные школы.

Научные школы в России

В истории науки научные школы занимают очень видное место — по ним мы, в сущности, рассматриваем историю науки. В современности же в российской науке научные школы играют значительно более заметную роль, чем на Западе (Мирская, 2002: 9). «Чей ученик?» — наш обычный вопрос при знакомстве с ученым. Это связано с тем, что у нас студент учится, как правило, в одном вузе. Став ученым, он обычно всю жизнь работает в одном научном учреждении или вузе, сохраняя свои научные связи и вписанность в иерархию. А вот в США и Европе мобильность научных кадров очень велика: студенты и в старину меняли по несколько раз место обучения. Ученые работают на одном месте недолго — они часто переходят из университета в университет, это там обычный способ повысить ранг.

В 1960-е — 70-е годы понятие научной школы привлекло внимание советских ученых в связи с тем, что в СССР появилось науковедение. За последние два десятилетия в разных науках у нас резко возросла

разработка роли и значения научных школ. Литература о них стала обильной (см.: Куперштох, 2005). На мой взгляд, это связано с тем, что на это время пришлась гибель основных научных школ России по многим специальностям. Частично это связано с резким падением финансирования науки, частично — с отъездом лучших, наиболее востребованных в мире специалистов за рубеж на работу и на постоянное место жительства — как лидеров науки, так и наиболее способных молодых ученых. Тех, кто способен создавать и поддерживать школы, немного. Они все наперечет. А способная молодежь выбирает либо отъезд, либо другие профессии. Традиции пресекаются, школы тают. Естественно, в научные круги приходит осознание того, что теряется. Это попытки задержать, если не предотвратить гибель научных центров.

Первый сигнал об угрозе гибели научных школ России раздался в начале 90-х годов — это было письмо академика В. Е. Фортова и других ученых правительству. В 1996 г. была принята правительственная программа поддержки научных школ. По ней было поддержано 596 школ, из них в Москве 347, в Петербурге — 74. Произведен учет наличных школ в науке — выпущен справочник научных школ (Ведущие... 1998). Но захирение науки продолжилось. На науку у нас выделяется мало средств (в 70 раз меньше, чем в США), а престиж ученого крайне низок. Между тем, на Западе наука в центре общественного внимания, и престиж ученого очень высок (по социологическому опросу компании Харрис в 2008 г. профессия ученого там одна из самых престижных. Во всяком случае, ее там считают престижной 56% населения, у нас — 1%).

Речь не о гибели науки — в мире наука продолжает развиваться. Это упадок российской науки и гибель ее научных школ (Клейн, 2009г). Но, в конечном счете, из таких школ и состоит мировая наука. Если каждая страна, бездумно тратя свои ресурсы, будет надеяться на то, что науку сохранят другие страны, то человечество останется без науки и не выживет в столкновении с опасностями геокосмического порядка.

Школы в археологии

Археология — одна из тех наук, которые изучают опыт выживания человечества в таких столкновениях и опыт решения социобиологических проблем самоорганизации человечества в этих перипетиях. Никакая другая наука не может ее заменить. То, что делают археологи, никакой наглядной пользы в близком будущем не сулит, а между тем археология кует выживание человечества. Вспомним, что проверкой гипотезы о радиоуглеродном методе датирования послужила «кривая известных», основанная на данных археологии Египта.

Школа сохраняется до тех пор, пока живы и работают ее члены и пока они придерживаются основных интересов, принципов и методов, выработанных в этой школе — вне зависимости от того, продолжается это одно поколение или несколько поколений. Из вежливости мы нередко называем учеников и последователей крупного ученого его школой, но на деле это не всегда оправдано. Можно проследить двухвековую научную генеалогию крупных античных археологов (Клейн, 2007), но они не представляют собой единую школу, и не все создали свои школы. Известны однако школы К.Г. Гейне, Э. Герхарда, А. Бекха, Г. Бруна и А. Фуртвенглера, школа раскопок Э. Курциуса.

Несомненно, Марбургская кафедра первобытной археологии во главе с Г. Мерхартом стала в межвоенные годы центром создания научной школы, и 33 доктора наук, выпущенных Мерхартом и разъехавшихся по всей Германии и отчасти вне ее, составляют эту школу. Все они несут на себе четкий отпечаток марбургской школы. «Новая Археология» представлена двумя школами: школой Люиса Бинфорда («археологи закона и порядка») в Америке и школой Дэвида Кларка («аналитической») в Британии. Третье течение «Новой Археологии», изучающее саморегуляцию культур и обществ и называемое «серутанской археологией», имеет в своем составе таких выдающихся исследователей и профессоров как Кент Флэннери и Колин Ренфру, но вряд ли составляет школу или две школы. Этим «новым археологам» не хватает сплоченности и стереотипности исследований. Кент Флэннери был чересчур скептичен и подвержен саморефлексии для лидерства, а Колин Ренфру слишком часто менял свои взгляды и места преподавания.

Школы в российской археологии. В России научные школы археологии прежде всего связаны с такими именами, как Н.П. Кондаков и В.А. Городцов. Ученики Кондакова — археологи М.И. Ростовцев, Б.В. Фармаковский, И.И. Смирнов, искусствовед Д.В. Айналов, историк-востоковед Б.А. Тураев и другие развивали идеи Кондакова и придерживались его принципов подхода к исследованиям. Ученики Городцова — А.В. Арциховский, С.В. Киселев, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов и другие придерживались его принципов систематики, его стиля научного мышления и даже вместе подались к В.М. Фриче осваивать

марксистские нормы интерпретации. Питерский систематизатор археологии, А.А. Спицын, аналогичный Городцову по месту в науке, не имел такого количества видных учеников и школы не создал.

В Ленинграде в межвоенные годы возникла обширная палеоэтнологическая школа в археологии. Она сформировалась вокруг Ф.К. Волкова — в нее входили П.П. Ефименко, А.А. Миллер, С.И. Руденко и другие. Вокруг каждого из них сложилась своя школа. Ефименко возглавил советскую археологию палеолита, и его ученики (П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев и др.) развивали его эволюционную схему. В экспедиции Миллера сформировались такие исследователи, как М.И. Артамонов, Б.Б. Пиотровский, А.А. Иессен, Б.А. Латынин, Т.С. Пассек, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий и др. Многие из них унаследовали палеоэтнологическую закваску — большой интерес к проблемам этногенеза.

В Москве школе Городцова противостояла другая палеоэтнологическая школа — Б.С. Жукова, унаследовавшая многое от Д.Н. Анучина и выдвинувшая таких исследователей, как С.П. Толстов и Б.А. Куфтин, но она была рано раздавлена советской властью. Ее члены унаследовали от нее интерес к интеграции наук и «комплексным» (междисциплинарным) экспедициям.

Ближе к современности сохраняют влияние две обширные школы сибирской археологии: школа М.П. Грязнова и школа А.П. Окладникова. Школа Грязнова сформировалась в его крупной многолетней экспедиции на Енисей и на его занятиях в Ленинградском университете. Школа, созданная академиком Окладниковым, сформирована в его экспедициях и в возглавленном им новосибирском институте. Как бы ни критиковали Окладникова за неточную методику, школа, им созданная, живет и издает наиболее соответствующий мировым стандартам археологический журнал в России. Как ни странно, академики археологии (современники Окладникова) из обеих столиц — Б.А. Рыбаков и Б.Б. Пиотровский — заметных школ не оставили. Рыбаков — потому, что его основные концепции были дискредитированы еще до его смерти, а Пиотровский — вероятно, потому, что крупных концептуальных идей он не разработал, а его экспедиция на Кавказе считалась чересчур нацеленной на маленькую Армению. Не создал школы и мой учитель М.И. Артамонов — у него много учеников, но все они очень разные. В самом деле, что общего между Л.Н. Гумилевым и В.П. Шиловым, А.Д. Столяром и Г.И. Смирновой, В.Д. Рыбаловой и мною? И это естественно: Артамонов своих учеников мало школил. Оба они, Артамонов и Пиотровский, директорствовали подолгу в Эрмитаже, огромный музей отнимал у них много времени, и ученикам они не могли уделять достаточно внимания.

Не создал школы в Ленинграде и профессор М.К. Каргер, хотя был безусловно талантливым исследователем и отличным лектором. Он, однако, полностью адаптировался к советским условиям, а они состояли в том, что террор был постоянным, кампания за кампанией выкашивали опытных профессоров — то в связи с одним —измом, то с другим. Те, кто готовил себе смену, за это платились: при таких вспышках репрессий их навсегда заменяли их же подростками учениками. А Каргер своих учеников, как только они подавали надежды, тотчас от себя удалял как можно дальше, в глушь. И оставался незаменимым (Клейн 2009в).

О.М. Мельникова (2003а; 2003б; 2006) щедро раздает статус научных школ сообществам учеников О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной. Вероятно, раздаст его и ученикам других уральских исследователей. Реальны ли эти научные школы? Это зависит от того, что считать школой. Мельникова выделяет школы в основном по наличию большого количества учеников, их преданности учителю и объединению одной исследовательской программой — например, изучением Урала. Ни полнота археологического образования, ни общезначимость полученного знания, ни специфичность воодушевляющих идей не учитываются. Если об археологе говорят, что он прошел школу у Бадера в Молотове (Перми) или у Генинга в Свердловске (Екатеринбурге), то это означает, что он научился хорошо проводить разведку или хорошо копать (в этом смысле школа налицо), но определяет ли это его место в науке, его круг идей и его возможности?

А.А. Формозов (2005: 57) отзывался о самой влиятельной из этих школ — школе Бадера — сугубо скептически: «Бадер поощрял романтически настроенную молодежь и благодаря этому и в Москве и в Перми имел в экспедициях целый отряд помощников. Он любил говорить о своей школе. В действительности таковой не было. Студенты усваивали только азы полевой работы. Диссертации аспирантов руководитель визировал, не читая, и никто из них не развивал идеи учителя». Ну, Мельникова (2003б: 62–65) приводит сведения о том, что Бадер внимательно школил Генинга, правил его дипломную работу. Так что к азам полевой работы нужно прибавить и азы написания работ. Но, пожалуй, с передачей «идей учителя» дело обстояло действительно неважно.

Мне трудно сказать, сформировалась ли школа вокруг В.М. Массона. С одной стороны, он вел крупную многолетнюю экспедицию в Средней Азии и руководил сектором в ИИМК, читал лекции

в Ленинградском-Петербуржском университете, и у него много учеников. С другой, его ученики — разного образовательного уровня, из разных республик Средней Азии; многие из них оторвались и от него, и друг от друга в результате распада Советского Союза.

Личный опыт

Еще труднее мне оценить, в какой мере печать моего исследовательского стиля наложилась на моих собственных учеников. У меня были многолетние курсы лекций по методике исследований и семинары в Ленинградском университете, и, по крайней мере, по норманнской проблеме этот семинар оказал воздействие на ряд исследователей (подробнее описан в: Клейн, 2009а; 2009б). Некоторое свое влияние я могу видеть и на исследователях бронзового и железного веков, выходящих из Петербурга. Составляют ли они школу, вероятно, рано судить.

Должен оговорить, что формально я вообще не мог претендовать на создание собственной школы, потому что всё основное время своей преподавательской работы на кафедре археологии я был в небольших чинах и не имел права руководить диссертациями, только курсовыми и дипломными работами. Фактически же я помогал многим и в диссертациях, а мой проблемный семинар был, выражаясь «советским» языком, кузницей кадров.

Анализируя на склоне лет свои результаты, я могу заключить, что если мне и удалось в своей исследовательской и педагогической деятельности оказать некоторое воздействие на многих учеников, то это благодаря тому, что я вдохновлял их на научную смелость, вовлекал в свои собственные научные работы и не был ни авторитарным, ни ревнивым. Я не требовал неопровержимого признания моих заключений истиной в последней инстанции (мой ученик Е.М. Колпаков всегда выступал с полной критикой моих основных положений, но мы неизменно оставались в самых дружеских отношениях). Я всегда посылал своих учеников учиться одновременно у других археологов, совершенно иного склада (например, у И.И. Ляпушкина, М.А. Тихановой, З.А. Абрамовой и др.). В первом выпуске «Проблем археологии» (1968) отмечено участие большого коллектива студентов. В моей монографии «Археологическая типология» (1991) ряд глав сделан моими учениками (и помещен под их именами).

В итоге я вижу в работах Б.А. Раева и В.А. Дергачева явное влияние методов моей работы о Карбунском кладе (1964), в работах В.А. Бочкарева, А.Г. Козинцева, Е.М. Колпакова, Г.С. Лебедева, А.А. Ковалева и др. — отзвуки моей монографии о типологии, в работах Л.Б. Вишняцкого и Е.М. Колпакова — моей книги «Археологические источники» (1978). Это доставляет удовлетворение, тем более, что все это оригинальные исследователи, вовсе не мои эпигоны.

Некоторые мои ученики (Г.С. Лебедев и М.Б. Щукин в Петербурге, Б.А. Раев в Краснодаре) завели собственные многолетние семинары и имеют преданных учеников. Но им не повезло: формирование и выживание школ ныне наталкивается на общие препятствия — отсутствие средств, пресечение потока литературы, таяние кадров науки. К сожалению, изучение научных школ показывает, что этот важный инструмент распространения и преемственности научного знания — очень хрупкий феномен. Для их возникновения и поддержания жизни нужно сочетание целого ряда условий (некоторые я постарался здесь назвать). Школы чрезвычайно трудно сформировать и очень легко потерять. Многие мы уже потеряли, оставшиеся — на грани исчезновения.

Литература

- Беньковская Т. е. 2002. Научная школа: определение понятия. Виды научных школ. — Наука XXI века: проблемы и перспективы. Оренбург, ч. 3: 160–164.
- Ведущие... 1998. Ведущие научные школы России. Справочник. Москва, Наука.
- Ильин Г.Л. 1998. Научная школа как социальный институт и педагогический феномен. — Высшее образование в России, 4: 49–50.
- Ильин Г.Л. 1999. Научно-педагогические школы школа: проективный подход. Москва, Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.
- Клейн Л.С. 2007. Из истории научных школ и традиций античной археологии. — ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). Санкт-Петербург, Нестор-история: 121–138.
- Клейн Л.С. 2009а. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. Санкт-Петербург, Евразия.
- Клейн Л.С. 2009б. Проблемный семинар. — «Троицкий вариант», вып. 5 (24), 17 марта 2009: с. 14.

- Клейн Л.С. 2009в. Кадровая политика. — «Троицкий вариант», вып. 7 (26), 14 апреля: 14.
- Клейн Л.С. 2009г. Ave Caesar! — «Троицкий вариант», вып. 17 (36), 1 сент: 14.
- Куперштох Н.А. 2005. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения. — *Философия науки* (Новосибирск), 2 (25): 95–106.
- Мельникова О.М. 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск, Удмуртский гос. университет.
- Мельникова О.М. 2003б. Свердловская научная школа В.Ф. Генинга (1960 — 1974). Ижевск, Удмуртский гос. университет.
- Мельникова О.М. 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск, Удмуртский гос. университет.
- Мирская Е.З. 2002. Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы. — *Науковедение*, 3: 8–24.
- Мягков Г.П. 2000. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, изд. Казанского гос. университета.
- Наука... 2003. Наука, которую мы можем потерять: размышления о судьбах ученых в современной России. Москва, Логос.
- Сапрыкин Д. 1997. Научные школы и научное образование. — *Alma mater*, 5: 30–34.
- Формозов А.А. 2005. Человек и наука. Из записей археолога. Москва, Знак.
- Школы... 1977. Школы в науке. Москва, Наука.
- Ярошевский М.Г. 1977. Логика развития науки и научная школа. — *Школы в науке*. Москва, Наука: 7–97.
- Secord J.A. 1986. The geological survey of Great Britain as a research school. 1839 — 1855. — *History of Science*, 24: 223–275.
- Servos J. W. 1993. Research schools and their histories. *Research schools: Historical reappraisals*. — *Osiris*, 8: 3–15.

Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX вв.)¹

Н.И. Платонова, М.В. Аникович, Н.К. Анисюткин

Институт истории материальной культуры РАН. Россия, Санкт-Петербург

1. Введение

В настоящее время в археологии явственно обозначилась тенденция к принципиальному пересмотру всей, казалось бы, устоявшейся системы взглядов на палеолит и палеолитическое человечество. Отметим, что в основе своей эти взгляды всегда имели, преимущественно, умозрительный характер. Фактологические данные (собственно археологические материалы) выступали в качестве простых иллюстраций разных кабинетных конструкций. Между тем, именно в археологической науке исподволь созревали предпосылки, ведущие к подрыву самой основы конструкций такого рода. Одной из этих предпосылок явилась разработка и все более широкое внедрение экспериментально-трассологического метода исследования археологических материалов, начало которому положили работы С.А. Семенова 1930–1950-х гг.

Метод, разработанный С.А. Семеновым и его школой, позволил уяснить, что ни изготовление каменных орудий, ни работа ими вовсе не представляли собой столь сложных и трудоемких процессов, как было принято считать в кабинетной науке XIX — середины XX вв. (Семенов, 1957; 1959; 1968 и др.). Совершенно определенно была установлена высокая эффективность каменного инструментария. Оказалось, что «...человек в древности... не был заложником непосильного труда... Согласно экспериментальным данным, [он] был способен активно противостоять трудностям, жить в гармонии с природой, не становясь ее рабом...» (Волков, 2010: 54–55; см. также: Волков, 2000).

Все это резко контрастировало с умозрительными представлениями о «беспросветной» жизни первобытных охотников-собирателей, якобы всецело поглощенных выживанием и не имевших никакой возможности «поднять глаза к небу». Однако прежние представления оказались, на деле, очень живучими. Характерно, что многие палеолитоведы-типологи, работавшие в том же научном институте, что и С.А. Семенов (ЛОИА АН СССР, ныне ИИМК РАН), десятилетиями умудрялись «не замечать» и не осознавать самых очевидных выводов, вытекавших из экспериментально-трассологических и технологических исследований палеолитического инструментария. Впрочем, немудрено. Сам вождь мирового пролетариата выразился на этот счет совершенно недвусмысленно: «...Первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой... (курсив наш. — авт.)» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5: 103).

В мировой этнологической науке сер. — 3 четв. XX в. прослеживались, в общем, те же тенденции, что и в отечественном палеолитоведении. Априорные представления о тяжелой жизни охотников-собирателей, уходящие корнями в установки однолинейного эволюционизма, не были отвергнуты радикально. Но они все чаще становились объектом критики, под давлением новых этнографических данных (что, в свою очередь, инициировало пересмотр старых источников). Соответственно, появилось сомнение и в правомерности трактовки палеолита как низшей (во всех отношениях!) ступени развития, по сравнению с последующими эпохами.

Именно тогда было озвучено «еретическое» мнение, что все убыстряющийся прогресс технологий — это отнюдь не единственный, безальтернативный путь, по которому, так или иначе, следует все человечество, лишь в разном темпе (McCarthy & McArthur, 1960; Woodburn, 1968; Lee, 1969; Салинз, 1999). Сейчас указанный подход, продолжая оставаться еретическим в рамках «нормальной науки», тем не менее, приобрел себе немало сторонников — и за рубежом, и в России (см.: Артемова, 2008).

В целом, состояние современного палеолитоведения можно охарактеризовать — в терминологии Т. Куна — как преддверие научной революции. Подспудно идет формирование принципиально новой парадигмы. При этом, как обычно бывает, многие исследователи стремятся избежать нестандартных проблем и выводов, путем ухода в мелкотемье и бесконечное «накопление материала». Однако параллельно наблюдается стремление утвердить новые, достаточно радикальные решения накопившихся

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (рук. проекта М.В. Аникович)

противоречий. Так в последние годы полемика по вопросу о палеолите и палеолитическом человеке в этнологической и культурологической литературе периодически приобретает столь острый характер, что выходит за грань допустимых приличий и, вероятно, даже за грань науки, как таковой (см., напр.: Назаретян, 2010). В ходе этой полемики приверженцы противоположных трактовок получили «образные» определения — «соловьев палеолита», с одной стороны, и «певцов цивилизации», с другой (Там же).

Как будет показано ниже, оба подхода имеют глубокие корни в отечественной науке, восходя, практически, к самому началу исследований палеолита в России. В силу ограниченности объема данной статьи, мы не можем включить в нее детальный анализ современной полемики по указанной проблеме. Это дело будущего, преддверием которого и служит аналитический обзор, предлагаемый ныне на суд читателя.

2. Первые «соловьи палеолита»: бэрловская традиция

Истоки данной концепции следует рассматривать в русле научной традиции, сформированной в России середины — третьей четверти XIX в. акад. К.М. Бэр. Именно эта традиция безоговорочно доминировала на начальном этапе исследований в области антропологии, этнографии и первобытной археологии в России (1840–1860-е гг.). Заметным было ее влияние и в дальнейшем (см.: Платонова, 2010: 59–69).

Академик *Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр* (1792–1876) является в мировой науке одним из пионеров исследования Человека в естественно-историческом отношении (Бэр, 1851). В русской научной литературе он первым четко сформулировал: а) проблему «влияния внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (Бэр 1849); б) общий подход к археологическим памятникам каменного века как к своеобразным «документам» по истории первобытности (Бэр, Шифнер, 1862).

К.М. Бэра можно (с некоторой натяжкой) считать эволюционистом, но не дарвинистом. Идея эволюции в человеческой культуре была ему близка. Но он решительно ограничивал действие естественного отбора рамками одного вида и категорически не признавал его ключом к пониманию процесса «человечивания». Будучи фактическим создателем эмбриологии как науки, Бэр профессионально и последовательно проводил мысль о том, что *накопление мелких изменений никак не может иметь результатом «новое качество» — образование новых видов* (Бэр, 1865: 12).

Человека каменного века К.М. Бэр изначально воспринимал, как *полноценного человека*, отказываясь видеть в нем «переходное звено» от животного состояния к культурному. По его представлениям, «...человек сотворен нагим и беззащитным, но с оконечностями, вполне развитыми для изготовления орудий защиты, с мыслящим духом и даром слова...» (Бэр, 1863: 2).

Бэрловская традиция имела глубокое влияние на ученых, ставших фактическими первооткрывателями российского палеолита — А.С. Уварова и И.С. Полякова. Начало дебатов об уровне развития первобытного человека и его возможностях практически совпало по времени с открытием первых памятников палеолита на Русской равнине (1870-е гг.). Волею судеб, все эти памятники оказались позднепалеолитическими стоянками с большим количеством костей мамонта. В ходе дискуссии, уже на рубеже 1870–1880-х гг. обозначились две изначально противоположные позиции. Первая представляла обитателей стоянок, как охотников, вторая — как собирателей костей и пожирателей падали.

Начало дискуссии положило выступление *Алексея Сергеевича Уварова* (1825–1884) на IV Археологическом съезде в Казани в 1877 г. Именно тогда впервые прозвучала его трактовка Карачарова, как стоянки *охотников на мамонтов*. Изложение указанной концепции и попытки ее обоснования были произведены практически одновременно самим А.С. Уваровым (Уваров, 1881: 159–160) и его сотрудником и консультантом *Иваном Семеновичем Поляковым* (1845–1887) (Поляков, 1880: 26–34; 1882: 116–119). В основе гипотезы А.С. Уварова лежало допущение, что для охоты на мегафауну палеолитический человек использовал «ловчие ямы». Это предположение строилось по аналогии с этнографически известными способами ловли слонов в Юго-Восточной Азии¹.

¹ Ямный способ ловли слонов на мясо, действительно, существовал. Он был зафиксирован и описан уже во времена А.С. Уварова путешественником П. де Шаллю, применительно к экваториальной Африке (Chaillu, 1902: 183). Как показали позднейшие эксперименты, «...яму длиной три-четыре метра и глубиной в три с половиной-четыре метра пять-шесть человек могут вырыть летом в рыхлом речном аллювии за пять-шесть часов, пользуясь заостренными палками, ребрами мамонтов и остистыми грудными позвонками бизонов. Вытаскивать и относить землю в сторону можно в мешках из шкур...» (Верещагин, 1979: 145). Однако в условиях поздневалдайского оледенения, при наличии на глубине 1,5 м многолетней мерзлоты, подготовка такой «ловушки» становилась невыполнимой.

Почти одновременно с монографией А.С. Уварова из печати вышли работы И.С. Полякова, где также затрагивался вопрос о палеолитическом человеке и его основных занятиях. По целому ряду позиций И.С. Поляков уточнил первоначальную уваровскую трактовку. С методологической точки зрения, он привлекал историко-этнографические параллели правильнее, чем его старший коллега. В качестве аналогий им были выбраны охотничьи народы, жившие в условиях, приближенных к тем, что реконструировались по данным первых раскопок палеолитических стоянок Русской равнины. Общий смысл уточнения, внесенного И.С. Поляковым в концепцию Уварова, актуален и доныне: искусственные ловчие ямы не являлись обязательным атрибутом охоты на крупного зверя.

«Наши современники мамонта, живя в климате холодном, где господствовали зимы, изобиловавшие снегом, могли охотиться за мамонтом и его спутником носорогом весной, по насту, загоняя их в овраги, заполненные снегом, причем сами могли пользоваться лыжами. Одним словом, они могли располагать при охоте на больших млекопитающих теми двумя способами — ямами и промыслом по насту, который до сих пор господствует в лесной полосе Сибири и России, например, у Зырян и Остяков...» (Поляков, 1882: 118).

Ученый полагал: сходство может распространяться на целый комплекс признаков, в т.ч. и на характер домостроительства. Он радикально порвал с распространенной европейской традицией, представлявшей палеолитического человека как исключительно пещерного жителя: «...Первобытные обитатели эпохи мамонта, как в нынешней Воронежской губернии, так и около Карачарова, должны были представлять прообраз нынешних Остяков и Самоедов по их жилищу, так как они жили не в пещерах, а на открытом воздухе...» (Там же). С этих позиций И.С. Поляков трактовал стоянку Костенки 1, верхний слой (Костенки 1/1), как поселок палеолитических охотников, предположительно, состоявший из жилищ типа «зимних чумов остяков, самоедов и тунгусов» (Поляков, 1880: 33). Еще не располагая методикой, позволяющей зафиксировать при раскопках конструктивные элементы жилищ, он все же недвусмысленно определял т.н. «пепелища», как остатки, собственно, *жилого пространства* (Там же: 24). Эта гипотеза И.С. Полякова о характере палеолитического домостроительства явилась для XIX в. фатальным «забеганием вперед». Современники ее не заметили, а потомки не вспомнили — даже тогда, когда 50 лет спустя предположение Полякова блестяще подтвердилось, и на палеолитических стоянках оказались зафиксированы остатки жилищ (в том числе каркасных построек типа чумов)¹.

Принадлежа к поколению, уже захваченному веяниями социал-дарвинизма, И.С. Поляков безоговорочно принимал идею постепенного и неуклонного развития техники и технологий, нашедшую свое отражение в «системе трех веков». Однако при рассмотрении факторов, двигавших человеческую историю вперед, он без колебаний ставил на первое место не «постепенное развитие» и не «борьбу за существование», а *взаимодействие* народов и культур, их смешение: «...Если бы не посторонняя помощь, если бы не приток свежих сил извне, наши обитатели каменного века до сих пор ... продолжали бы свою жизнь в её более-менее первобытной форме...» (Там же: 401–402).

Одна особенность отличала И.С. Полякова и А.С. Уварова от их современников — приверженцев однолинейного эволюционизма, о которых речь пойдет ниже. Этой особенностью было своеобразное уважение к предмету своих исследований — первобытному человеку, воспринимаемому, вполне в бэровском духе, как полноценный человек — мыслящий и творческий. «Простота изделий» древнего человека лишь до некоторой степени отражала для обоих ученых «простоту нравов». В их работах мы не найдем сентенций о принадлежности тех или иных человеческих сообществ к «низшей ступени развития», «низшей расе» и т. д. Это стоит отметить хотя бы потому, что в западноевропейской (в частности, французской) антропологии 2 пол. XIX в. представление о высших и низших расах являлось чем-то само собой разумеющимся.

А.С. Уваров подчеркивал, что первобытный человек не довольствовался в быту предметами сугубо практической необходимости: ему были «не чужды понятия о красоте» (Уваров 1881: 33). Резким контрастом идее «человека-зверя», в очередной раз вошедшей тогда в моду, звучали и замечания И.С. Полякова о «сообразительности людей палеолитического периода», об «изяществе обделки» костенковских орудий и даже о «значительном культурном развитии», которого достиг палеолитический человек «на равнинах Европейской России» (Поляков, 1880: 34).

¹ Чуть позже, уже в 1890-х гг., попытку увидеть за скоплениями палеолитических остатков остатки жилищ предпринял В.В. Хвойка в ходе раскопок Киево-Кирилловской верхнепалеолитической стоянки (см. статью Т.Н. Радиевской и Н.Н. Беленко в настоящем сборнике). Однако эта его идея также не получила поддержки у современников.

Наиболее четко суть описанного подхода к материалам первобытной эпохи сформулировал *Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский* (1863–1919) — через 10 лет после выхода основных трудов А.С. Уварова и И.С. Полякова. По его мнению, система трех веков, конечно, позволяет определить *степень развития* человеческих коллективов, «но не со всех сторон, а, главным образом, в техническом отношении, ибо тот или иной характер материала и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полным показателем всестороннего развития данной социальной группы...» (курсив наш. — авт.)» (Лаппо-Данилевский, 1891: 13). Сегодня, когда объем наших знаний о палеолите возрос на несколько порядков, по сравнению со 2 пол. XIX в., эта формулировка, тем не менее, звучит вполне современно.

В дальнейшем, в силу целого комплекса причин, данная исследовательская традиция, если не вполне заглохла, то отошла в тень. В мировой науке XX в. надолго утвердилось представление о неуклонном, прогрессивном развитии от простого к сложному — во всех без исключения сферах человеческой культуры.

3. Концепция «палеолитического троглодита»¹ в археологии XIX — начала XX вв.

3.1. Первая формулировка: В.В. Докучаев

В конце 1881 г. один из крупнейших русских естествоиспытателей, основоположник современного почвоведения, а в ту пору магистр геологии Санкт-Петербургского университета *Василий Васильевич Докучаев* (1846–1903) выступил с докладом в отделении геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Предметом доклада стал весьма недоброжелательный разбор монографии А.С. Уварова «Археология России, т. 1. Каменный период» и, в первую очередь, тех ее разделов, где излагались результаты первых исследований отечественного палеолита.

Так, например, вся коллекция, собранная А.С. Уваровым в ходе раскопок Карачаровской стоянки, представлялась В.В. Докучаеву просто «массой кремневых осколков, найденных в Карачаровском овраге». Замечание исследователя о наблюдаемой «типичности» (т. е. серийности) форм орудий отметалось с ходу: «...граф Уваров считает их, *основываясь на форме*, типичными палеолитическими орудиями; я же признаю их таковыми только потому, что они найдены были тесно перемешанными с костями животных, встречены *массами* на небольшом пространстве и сопровождалась углем и расколотыми человеком костями... Кабы не «побочные обстоятельства», я и многие другие признали бы их за простые осколки кремня...» (Докучаев, 1882: 4).

Расправившись таким образом с развитой верхнепалеолитической индустрией Карачарова, В.В. Докучаев с той же безапелляционностью рассматривает авторский вариант интерпретации находок. «К еще менее понятным увлечениям... графа Уварова принадлежит мнение, будто человек палеолитической эпохи мог убивать мамонтов... Невольно возникает вопрос, чем же он ранил и убивал зверей? При помощи каких орудий он выкапывал ямы, достаточные для того, чтобы в них могли погибнуть мамонты и носороги? Насколько известно, в распоряжении палеолитического человека находились только — сук от дерева, простые гальки и осколки от кремня, причем величина этих последних обычно не превышала 4–5 дюймов. Ко всем этим орудиям присоединялись свои собственные пальцы и кулак... При помощи таких орудий едва ли и современный человек сумел бы одолеть даже обыкновенного волка и кабана...» (Там же, с. 7).

Из рассуждений В.В. Докучаева отчетливо видно: и образ жизни палеолитического человека, и его принципиальные возможности казались ему ясными априорно, вне зависимости от информации, которую давали карачаровские находки. Исходя из указанных представлений, ученый формулировал свой непреложный вывод: если люди палеолитического периода ели мясо крупных животных, то «исключительно падаль» (Там же). Так на русской почве было положено начало концепции, изображавшей палеолитического человека самым примитивным дикарем, трупоедом, неспособным даже охотиться.

3.2. Развитие концепции «палеолитического троглодита»: А.И. Кельсиев, Ф.К. Волков

В том же 1881 г. хранитель Политехнического музея в Москве *Александр Иванович Кельсиев* (?–1885) произвел раскопки на открытой И.С. Поляковым верхнепалеолитической стоянке Костенки 1. Его статья, вышедшая два года спустя, стала самым первым изложением представлений о стоянках, как

¹ Точный перевод термина «троглодит» — «пещерный житель». Однако здесь мы употребляем его в том уничижительном значении, которое в современной повседневной речи является наиболее распространенным.

о «мамонтовых кладбищах», постепенно утилизовавшихся людьми палеолитической эпохи (Кельсиев, 1883). В концептуальном плане эта работа весьма интересна.

Стоянка Костенки 1/1, где уже первые раскопки выявили огромные скопления костей мамонтов, представлялась А.И. Кельсиеву вообще не поселением, а лишь местом, где палеолитический человек находил себе пищу в виде замерзших туш этих животных. Места обитания людей палеолита ученый, в полном соответствии с господствующей традицией, связывал с меловыми пещерами.

«До сих пор неизвестно никаких данных, разъясняющих древние способы овладевать мамонтами. — утверждал он. — ...Мне кажется, что затруднение весьма упростится, если допустить, что катастрофы ледникового периода могли... губить и замораживать стада мамонтов, как это происходило в полярной Сибири; люди же палеолитической эпохи могли выбирать для поселков места, изобилующие... такими естественными запасами провизии, обеспечивающей вернее, нежели бродячие стада. *Подобно зверям и собакам, питавшимся оттаявшим трупом Ижиганского мамонта*, который был... описан Адамсом, и первобытные люди могли извлекать куски животных ... и упитываться мясом... Орудие человек брал в щепоть и скреб сырое, отчасти уже размягченное гниостью мясо в ту сторону, куда была обращена плоская сторона (скребка. — *авт.*), и поскребки, быстро скоплявшиеся на ней, клал в рот или прямо с кремня, или подхватывая их пальцами другой руки...

...Нахождение костей в разных пунктах... может быть истолковано так, что обитатели, в виду при-волья местности, исподволь меняли место еды, к чему они были вынуждаемы разложением брошенных остатков и удушливым запахом от них. Свежие куски от тех же оттаивающих трупов привлекались на другой пункт, и питание следовало в принятом порядке... По насыщении, орудия оставались или просто брошенными на землю, или увязнувшими в недоеденном мясе...» (Кельсиев, 1883: 22–24).

Очерченная в статье картина быта палеолитического человека живо характеризует воззрения самого автора на первобытность. Согласно им, палеолитический человек охотно «упитывался» падалью, что, видимо, и составляло его основное занятие. Мыслил и действовал этот троглодит исключительно примитивно. Он якобы даже не хранил свои орудия, а бросал их на месте, стоило ему удовлетворить сиюминутную потребность в этих предметах.

Трактовка стоянки, как «мамонтового кладбища», постепенно поедавшегося приходившими сюда людьми, для своего времени, безусловно, представляла собой оригинальную идею, подлежавшую обязательной разработке и проверке. В 1909 г. ее повторил Федор Кондратьевич Волков (*Вовк*) (1847–1918) в своем докладе о Мезинской стоянке, прочитанном в ИРАО. По его словам, «...скопление большого числа трупов мамонтов, носорогов и т.п., целых или уже в кусках, могли быть образуемы в углублениях береговых обрывов течениями, водоворотами или намывами рек; здесь трупы эти могли лежать долгое время замерзшими, ...и лишь впоследствии, когда отступление ледника открыло туда доступ человеку, могли быть найдены первобытным человеком, который начинал ими питаться, как современные песцы Северо-Восточной Сибири. Расчленив же такие тяжелые туши на части, а тем более перетаскивать их целиком, хотя бы и пользуясь водным путем, было бы первобытному человеку не по силам и не по средствам его примитивных орудий... (курсив наш. — *авт.*)» (Волков, 1913: 305–306). Свое мнение Ф.К. Волков подкрепил ссылкой на суждения европейских исследователей верхнепалеолитической стоянки Пшедомь (Моравия) (Там же: 306)¹.

Идейные истоки концепции «палеолитического троглодита» достаточно ясны. Это установки классического, однолинейного эволюционизма сер. — 3 четв. XIX в. Согласно им, палеолитический человек просто обязан был представлять собой примитивное существо, в котором преобладала животная природа. Сторонники этого направления трактовали науку о первобытности как «естественно-историческое введение» к собственно человеческой истории. В рамках его должно было осуществляться изучение человека на стадии «перехода от естественного, первобытного состояния к жизни общественной и культурной (курсив наш. — *авт.*)» (Анучин, 1900: 25–27). Этим «переходным периодом» от человека-животного к человеку «готовому» (термин Ф. Энгельса, см.: Соч., т. 20, с. 487–490) представлялся весь каменный век и особенно палеолит. Гипотетический «естественный человек», разумеется, изначально не знал ни Бога, ни закона, не владел членораздельной речью, не умел разводить огонь и т. д. Указанный комплекс представлений закономерно вытекал из самых основ эволюционистского мировоззрения.

¹ В связи с этим стоит уточнить: первые публикации этого памятника вышли в 1886 г. А.И. Кельсиев тогда был уже в могиле. Приоритет русского археолога в данном случае вполне очевиден, но в начале XX в. на него уже не ссылались.

3.3. В.В. Хвойка и его взгляд на палеолитического человека

На рубеже XIX–XX вв. сходные взгляды высказывал и *Викентий Вячеславович (Частослав) Хвойка* (1850–1914), который в 1893–1902 гг. проводил исследования Киево-Кирилловской верхнепалеолитической стоянки с большим количеством костей мамонта (см. статью Т.Н. Радиевской и Н.Н. Беленко в наст. сб.). В своем выступлении на Археологическом съезде в Киеве (1899 г.) он явно солидаризировался и с покойным А.И. Кельсиевым, и с Ф.К. Волковым: «...найденные кости представляют остатки животных, погибших естественной смертью вследствие разных случайностей или климатических переворотов, человек только воспользовался оказанной ему самой природой помощью...» (Хвойка, 1901: 751). Однако позднее исследователь решительно изменил свое мнение и заявил себя сторонником «охотничьей» гипотезы.

Книга В.В. Хвойки «Древние обитатели Среднего Приднепровья...» (1913) написана в популярном ключе, без ссылок и научного аппарата. Но в тексте ее первого раздела без особого труда можно распознать и скрытую полемику с А.И. Кельсиевым, и прямую поддержку высказываний И.С. Полякова¹. Из этого можно заключить, что, несмотря на «облегченный» жанр книги, автор, по ходу работы, детально прорабатывал научную литературу по теме.

Сама стоянка представлялась В.В. Хвойке (как и И.С. Полякову) сравнительно долговременным поселком, а ее насельники — сплоченными в «большие общества». «Главным занятием... древних обитателей являлась охота, сопряженная с большими трудностями... Для того, чтобы убить такое крупное животное, каким был первобытный слон или носорог, необходима была хитрость и ловкость, помогавшая загнать неповоротливое животное в лесную чашу, ... или направить его в глубокие овраги или топкие болотистые места, затянутые льдом и покрытые снегом, в которые животное проваливалось и таким образом попадало в руки охотников... Мясо, по-видимому, не употреблялось сырым в пищу, но жарилось на огне, что подтверждается как многочисленными кострищами, открытыми на стоянке, так и обгорелыми костями животных...» (Хвойка, 2008: 10–11).

Сложность положения исследователя заключалась в том, что, будучи человеком мягким и скромным, вдобавок, не имевшим высшего образования, он явно не решался вступать в жесткую полемику с ведущими учеными-первобытниками своего времени — такими, как тот же Ф.К. Волков или французские коллеги, посещавшие его раскопки и поддерживавшие с ним переписку. Видимо, с этим отчасти связано решение отказаться от первоначально задуманной «детальной разработки некоторых вопросов» и ограничиться кратким популярным очерком (Там же: 5), а заодно и полностью опустить в книге вопрос о палеолитических жилищах, обсуждавшийся в ходе раскопок стоянки. Тем не менее, в этой итоговой работе В.В. Хвойки отчетливо прослеживается стремление *последовательно опираться на археологические факты и только из них делать выводы*.

Так, например, исследователь отрицал наличие в верхнем палеолите лука (как потом оказалось — неверно). Однако главным доводом ему служило (вполне справедливо!) то, что пока «для этого не имеется никаких данных...» (Там же: 11). Отсутствие человеческих останков вблизи Киево-Кирилловской стоянки (а им было раскопано около 3000 кв. м) заставило его склониться к мысли, что, палеолитические насельники еще не обладали ни понятием о загробной жизни, ни представлениями о Божестве. Соответственно, их духовный облик представлялся В.В. Хвойке довольно бедным, несмотря на присутствие на стоянке предметов искусства — бивней со сложными орнаментально-зооморфными гравировками, которые он называл «несложной по рисунку резьбой» (Там же: 11–12)... Тут налицо явная недооценка того высокого уровня абстракции и символизма, который прослеживается в палеолитическом искусстве Киево-Кирилловской стоянки. Впрочем, подобная недооценка была на рубеже XIX–XX вв. обычным явлением, ибо правильно оценить уровень абстракции может только профессиональный психолог, а специальные исследования в этом направлении начались несколько позже.

В конечном счете, стоит отметить одно: заключения, сделанные В.В. Хвойкой по данным его раскопок, могли быть верными или ошибочными, но в основе их всегда лежал конкретный археологический материал, воспринимавшийся автором как источник для исторических реконструкций. В этом отношении исследователь Киево-Кирилловской стоянки, несомненно, примыкал к российской исторической школе палеолитоведения, развившейся на основе бэрвской трактовки материальных остатков как *документов* по истории первобытности.

¹ К сожалению, это не было отмечено автором современного научного комментария к первому разделу труда В.В. Хвойки (Рижов, 2008: 120–121).

4. «Советский» эволюционизм: теория «скачка»

4.1. Официальная доктрина

На рубеже 1920–1930 гг. в СССР был официально провозглашен курс на перевод гуманитарных наук «на марксистские рельсы». Производившаяся «перестройка» в полной мере затронула и археологию палеолита, исследующую самое начало и древнейшие этапы человеческой истории. Но, разумеется, та концепция, которой предстояло на многие десятилетия стать «единственно марксистской» (= единственно верной!), определилась не сразу. Никто из классиков марксизма не высказывался на данную тему исчерпывающе, напрямую. Их заметки, оставшиеся в черновиках, а также отдельные фразы из писем, в принципе, допускали неоднозначные трактовки. Поэтому в первой половине 1930-х гг. на эту тему завязалась дискуссия, в ходе которой, наряду с идеологическими ярлыками, политическими обвинениями и т. д., высказывались и достаточно неординарные мысли. К некоторым из них нам еще предстоит вернуться в следующем разделе, в связи с «концепцией прерывности» Б.Ф. Поршнева. Однако уже к середине 1930-х гг. указанная дискуссия завершилась вполне по-ленински: большинство ее участников было расстреляно, а все дискуссионные положения снялись сами собой.

Теперь никто из ученых уже не сомневался (по крайней мере, публично) в том, что «*проблема происхождения человека и общества с гениальной простотой была до конца разрешена марксизмом, при абсолютном исключении каких бы то ни было лазеек со стороны идеализма и поповщины*» (Равдоникас, 1939: 142). Соответственно, не подлежало критике и другое положение: «...изначально существующей материи присуще саморазвитие на основе борьбы противоположностей... — саморазвитие, являющееся непреложным законом...» (Там же).

В связи с этим, в концепцию «палеолитического троглодита» было внесено уточнение, которое представлялось ученым того периода исключительно важным. Оно заключалось в том, что переход от животного состояния к социальному — пусть даже самому примитивному — был не плавным, а «скачкообразным»:

«...Саморазвивающаяся материя проходит бесконечный ряд качественно различных состояний... Переход от одного качества к другому совершается в форме резкого изменения, в форме скачка. *Возникновение человека и человеческого общества является одним из величайших скачков в истории природы, когда биологическое качество переходит в качество наиболее высоко организованной материи — в качество общественное.*

Сущность этого скачка заключается в том, что человекообразные обезьяны — это высшее достижение развития живой природы... — когда-то, на грани третичного и четвертичного периода, ...начинают изготавливать искусственные органы — орудия производства. И тогда обезьяна становится человеком. Труд выделяет обезьяну из среды животных...» (Там же: 142–143).

Если исходить из определения основных характеристик научного познания, то все приведенные выше пассажи есть, в сущности, пустословие. Эти утверждения нельзя даже признать научной гипотезой, ибо *научная* гипотеза по определению обязана быть проверяемой. «...Неважно, чтобы научная теория взывала к здравому смыслу... Она может быть сколь угодно фантастичной и абсурдной, пока поддается проверке на уровне повседневного опыта. И напротив, прямое утверждение о природе Вселенной, которое нельзя проверить экспериментально, является чисто метафизической спекуляцией, а не научной теорией. Такие утверждения, как «Все существующее в природе материально...» или «Сознание есть продукт материи», принадлежат, конечно, к этой категории, независимо от того, насколько самоочевидными они могут показаться...» (Гроф, 1993: 31; см. также: Франк, 2007: 103).

Впрочем, в той форме, в какой марксистская концепция происхождения человека подавалась в советской литературе сер. 1930–1950-х гг., она вряд ли могла претендовать на статус не только научной концепции, но и метафизической — ибо провозглашала самое себя истиной в конечной инстанции. Это была своего рода антирелигиозная догматика. Но если за религиозным догматом стоит (хотя бы предположительно!) Божественное откровение, то что (или кто?) стоит за «догматом со знаком минус»? — На наш взгляд, отнюдь не «успехи естествознания».

В научном отношении важнее всего оказался не пресловутый «скачок», а признание того, что *вслед за ним начинается неуклонное прогрессивное развитие человека и его культуры*. «Важны были первые шаги, знаменующие переход к новому качеству; дальнейшее развитие шло по линии количественного нарастания...» (Равдоникас, 1939: 146). Археологов такой вариант вполне устраивал. Дальнейшее развитие науки показало, что «скачок», как таковой, совершенно никого не интересовал (тем более, никаких реальных данных на сей счет в археологии просто не существовало). А вот возможность изучать на конкретных материалах последующее «прогрессивное развитие» человечества открывало для палеолитоведов, действительно, широкие перспективы.

4.2. Научная практика

Уже ко времени публикации цитированного учебника В.И. Равдоникаса (1939) появились основания считать, что конкретные археологические материалы, полученные как для верхнепалеолитических, так и для более ранних мустьерских памятников, не вполне укладываются в концепцию «палеолитического троглодита». Стремительно увеличивающаяся источниковая база резко расширила возможности суждений о характере орудийной деятельности, наборе орудий и украшений, организации поселений, домостроительстве, погребениях и т.п. Выяснилось, что образ жизни в палеолите был несравненно сложнее, а развитие культуры — выше, чем представляли себе ученые XIX — начала XX вв. В результате вместо примитивного «пожирателя падали» в науке сформировался образ «великого охотника» палеолита (Замятнин, 1960: 97–98).

Показательно, что в популярной книжке П.И. Борисковского (1979), являющейся квинтэссенцией его основных представлений, сложившихся в конце 1930–1950-х гг., пресловутый «скачок» от животного состояния к человеческому оказался фактически затушеван. Соглашаясь с теми антропологами, которые единственным надежным критерием «человечности» признавали наличие/отсутствие орудий труда в едином контексте с антропологическими остатками, автор однозначно считал даже «олдувайского человека» именно *человеком*. При этом выявление его отчетливых морфологических отличий от ископаемых обезьян казалось П.И. Борисковскому малоперспективным: «...Морфологические показатели трудовой деятельности накопились лишь спустя очень большой промежуток времени, накопившись через многие поколения...» (Там же: 30).

Не покушаясь на «священную корову», то бишь на ленинский тезис о «первобытном человеческом стаде» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 48: 232), П.И. Борисковский должен был признавать, что человечество пребывало в таком состоянии вплоть до верхнего палеолита, когда «стадо» якобы сменилось родовой организацией. Но, с другой стороны, он же недвусмысленно указывал на принципиальные отличия людей нижнего/среднего палеолита от антропоидов.

Таких *принципиальных отличий* набиралось у него достаточно много. По мнению ученого, «...Люди этой эпохи обладали трудом и речью, изготавливали каменные и деревянные орудия, коллективно охотились... и собирали растительную пищу, имели стойбища, на которые периодически возвращались. Они ...совершенствовали свои орудия, ...начинали сооружать искусственные жилища, овладевали огнем...» (Борисковский, 1979: 167). Особо автор отмечает «уравнительное распределение» и взаимопомощь в коллективах неандертальцев (тут особенно показательны факты выживания людей после ампутации конечностей) (Там же: 166).

Нетрудно заметить, что в результате всего этого ярлычок «первобытное человеческое стадо» оказался приклеен социумам, вполне явственно демонстрировавшим (по археологическим данным) весьма сложные социальные отношения. Впрочем, сам этот «ярлычок» применялся в археологии, чем дальше, тем реже, а к 1980-м гг. практически исчез со страниц отечественных публикаций. В дальнейшем в среде палеолитоведов, реально работавших с археологическим материалом, стало вполне привычным отношение к объекту своих исследований — ископаемому человеку — именно как к *человеку*, а к продуктам его труда — как к результатам *человеческой деятельности*.

5. От троглодитов к «троглодитидам»: концепция прерывности

5.1. Предпосылки формирования концепции

В то время мало, кто замечал, что тенденция сближения палеолитического человека с «просто человеком» таила в себе серьезную угрозу для основы основ марксистской концепции первобытной истории. Подавляющее большинство археологов занимались своими собственными делами, далекими от философской проблематики — хронологией палеолита, разработкой методов анализа каменных орудий, стратиграфией и планиграфией стоянок и т. д. На протяжении 1940–1980-х гг. «борьба с буржуазным идеализмом» на практике беспокоила ученых все меньше и меньше. Набор дежурных цитат, свидетельствующих об идеологической лояльности, всегда был под рукой.

Не случайно первыми заметили «угрозу» не сами археологи, а люди со стороны — профессиональный революционер и «красный профессор» М.П. Жаков (1 пол. 1930-х) и известный историк-медиевист Б.Ф. Поршнев (1940-е — нач. 1970-х). Для них обоих приверженность марксизму была не пустым словом, а искренним убеждением, далеко не всегда согласовавшимся с официальной концепцией.

Имя М.П. Жакова долгое время было в науке совершенно забыто. Лишь недавно С.А. Васильев посвятил ему несколько строк в своей книге по истории отечественного палеолитоведения (Васильев, [2004]: 67). Между тем, это была очень неординарно мыслящая личность. Во всяком случае, его трактовки соответствующих высказываний классиков марксизма отличались оригинальностью. Именно Жакову принадлежит идея, что труду сознательному предшествовал в первобытности труд «инстинктивный», имевший еще животную природу, но, в конце концов, приведший к формированию качественно нового явления — человеческого общества и «готового человека» (Жаков, 1934-а; 1934-б).

«Археология должна установить путем анализа и опытов, — читаем мы в его ключевом труде, — какие именно орудия мы еще имеем право отнести к «дообщественному» состоянию человека, к условиям стадного существования синантропов или неандертальцев, и какие — к орудиям общественного, исторического человека, но объяснение появления человеческого общества надо искать не в появлении тех или иных орудий, а *во всей совокупности условий, приведших к замене естественных отношений стада общественными отношениями производства*. Весьма вероятно, что «скачок» от стада к обществу падает ... на один из переворотов в технике производства каменных орудий, так или иначе отраженных археологическими классификациями... Однако вовсе не обязательно связывать его с аморфными орудиями и даже с наиболее ранними «культурами» нижнего палеолита. Постоянное повсеместное употребление орудий при определенных повторяющихся обстоятельствах, предпочтение определенных форм и материалов, превращение, таким образом, орудий в одно из условий существования людей, ... — мыслимы еще и «накануне» возникновения отношений производства в стаях формировавшихся людей, стоявших выше всех животных...» (Жаков, 1934-б: 19–20).

Сколько-нибудь детально развить эти положения М.П. Жаков не успел. В какой степени его высказывания, действительно, отвечали мыслям классиков марксизма, мы сейчас уточнять не будем. Важнее другое: уже через год его работы получили в печати такой ярлык: «соединение механицизма и идеализма», ведущее «к своеобразной смеси взглядов правого уклона, троцкизма и социал-фашизма», а, в конечном счете — к «ревизии марксизма-ленинизма» (Сагацкий, 1935: 192).

Как известно, марксизм — не догма, а руководство к действию. Действия последовали незамедлительно. В 1936 г. «ревизионист и социал-фашист» М.П. Жаков исчез навсегда. Его разоблачителю А.П. Сагацкому, полковому комиссару и профессору Военно-политической академии, повезло чуть больше. В 1937 г. он был осужден на 10 лет, а по отбытии срока сослан на поселение (lists.memo.ru/d29/f61.htm). Разумеется, ни о каком развитии идей, высказанных М.П. Жаковым, в те времена не могло быть и речи. Возврат к ним стал возможен лишь в середине 1950-х гг., когда идеологические «вожжи» несколько ослабли — по крайней мере, в отношении первобытного общества.

5.2. Б.Ф. Поршнев и «концепция прерывности»

Борис Федорович Поршнев (1905–1972) — личность во всех отношениях незаурядная. Блестящий историк-медиевист. Эрудит, знакомый, в той или иной степени, с основами целого ряда естественных дисциплин. Человек, способный до самозабвения увлечься экстравагантной идеей (поисками снежного человека — предполагаемого «реликтового неандертальца»). Истово верующий марксист, выступивший, однако, с ревизией — если не самих положений, то общепринятых советских трактовок трудов «классиков» в разделе происхождения человека.

Его непростой путь в науке ныне детально освещен в биографическом очерке, опубликованном О.Т. Вите (2007). Его концепция происхождения человека, формировавшаяся на протяжении всей многолетней научной деятельности Бориса Федоровича, адекватно отражена в итоговой монографии, вышедшей в 1974 г. с купюрами, а в 2007 г. — без купюр. Здесь мы постараемся лишь в сжатом виде изложить и критически проанализировать поршневыские представления о палеолитическом человеке. Это тем более важно, что в последнее 10-летие указанные представления стали весьма популярны, много тиражируются в интернете и получили восторженное признание у ряда современных культурологов.

Отметим сразу: главной задачей Б.Ф. Поршнева было не просто создать новую концепцию происхождения человека и человеческого общества, а — создать подлинно материалистическую, марксистскую концепцию! Идеология изначально выдвигалась им на первый план. «Ленин не потому говорил об «инстинктивном человеке» и «первобытном стаде», — читаем мы в его итоговой монографии, — что он излагал на основе тех или иных археологических данных какую-то догадку, ... *а потому, что иначе с точки зрения материалистического мировоззрения и не может быть — иначе от него пришлось бы отказаться...* (курсив наш. — авт.)» (Поршнев, 2007: 365).

По словам своего биографа и популяризатора О.Т. Вите, Б.Ф. Поршнев «...был действительно ортодоксальным марксистом — сознательным, последовательным и убежденным». Но при этом он был «антидогматическим марксистом». «Марксизм не был для него прикрытием, открывавшим дорогу к научной карьере. ...[Он] всегда брал на себя смелость самостоятельно, не дожидаясь санкции Политбюро, решать, что является марксизмом. И никогда не отказывался от своих взглядов под влиянием политической конъюнктуры...» (Вите, 1998).

В отличие от подавляющего большинства советских археологов и антропологов, называвших себя марксистами, Б.Ф. Поршнев прекрасно понимал: задача вовсе не так проста, как кажется на первый взгляд. Его философский поиск в указанном направлении шел в том же русле, что и мысль М.П. Жакова — в первую очередь, подчеркивалось отличие «инстинктивного» труда от труда собственно человеческого, осознанного. «По мнению идеалиста, — указывал Б.Ф. Поршнев, — сначала возникает творческий разум, мышление как отличие человека от животного; затем мысль воплощается в труде, в орудиях труда как своих материальных выражениях. А раз так, идеалист согласен, чтобы все остальное в истории человечества объяснялось развитием орудий труда¹... Отсюда ясно, что признание древнейших форм труда «животнообразными» диктуется логикой материализма: только в этом случае тезис о том, что «труд создал самого человека», имеет материалистический характер...» (Поршнев, 2007: 365)

Итоговые построения Б.Ф. Поршнева могут быть сведены к следующему: история человечества в полном смысле слова начинается лишь с верхнего палеолита или, точнее, с финального мустье. Людям как таковым (семейству гоминоид) предшествовало особое семейство троглодитид. Именно его представители обитали на стоянках нижнего и большей части среднего палеолита. Говоря о них, Поршнев утверждал: «Все эти ... обезьянолюди ничуть не обезьяны и ничуть не люди. Они животные, но они не обезьяны...» (Там же: 78).

Однако, будучи еще животными, поршневские троглодитиды в то же время являлись противоположностью всем остальным видам животного мира, их «отрицанием» — по всем основным характеристикам (нейрофизиологическим, коммуникационным, комплексу прямохождения, наличию усложненных форм инстинктивной трудовой деятельности и пр.). По тем же характеристикам они являлись противоположностью и «готовому человеку», обладателю сформировавшейся второй сигнальной системы. Именно эта последняя, по Поршневу, обусловила развитие речевой коммуникации, социальной организации, производственных отношений и т. д., свойственных человеку и только ему. С возникновением указанных характеристик, пришедших на смену «первобытному стаду» (миру троглодитидов), происходит «отрицание отрицания».

В знаменитом каноническом наброске Ф. Энгельса «Роль труда...» Б.Ф. Поршнев подметил грубую логическую ошибку (о чем, конечно, не посмел говорить напрямую его предшественник М.П. Жаков): «...то, что подлежит объяснению, берется как посылка; труд отличает людей от животных потому, что у одного из видов животных появился труд...» (Поршнев, 1969: 87). У самого Поршнева, четко разделенного труд на «животнообразный» и осознанный, все как бы встало на свои места. Именно первый вид труда — тот самый, которым на протяжении сотен тысячелетий занимались троглодитиды, «создал» человека из животного, послужил главной предпосылкой формирования второй сигнальной системы.

Концепция Поршнева была названа им «концепцией прерывности», ибо ее автор со всей страстью отстаивал тезис о резком разрыве эволюционной постепенности при переходе от животного к человеку. Будучи ярким противником «антропоморфизации» животного мира, он писал: «Все поиски зоопсихологами элементарной однозначной грани между обезьяной и человеком, которая сводилась бы к прямому количественному или качественному переходу на следующий уровень, не увенчались успехом. Скорее эта грань приобретает все более осязаемую широту. И вот на смену не подтверждающейся гипотезе понемногу пробивается другая, по духу своему более дарвинистская: о существовании промежуточных уровней между условно-рефлекторной деятельностью животных и мыслительными функциями человека...» (Поршнев, 1966: 109). Таким образом, весь огромный период существования троглодитидов (т. е. весь нижний и почти весь средний палеолит), по Поршневу, может рассматриваться как конкретизированный «скачок» от обезьяны к человеку.

Несомненной заслугой Б.Ф. Поршнева является то, что он первым заметил несостоятельность привычной схемы развития первобытного общества, которая вошла во все учебники и воспринималась в СССР, начиная с конца 1930-х, как нечто само собой разумеющееся. Подводя итог, можно сказать:

¹ Было бы точнее сказать иначе: «идеалист может согласиться...», ибо далеко не всякий идеалист, действительно, будет согласен с подобным утверждением (прим. авт.).

у его теории есть одно бесспорное достоинство и один роковой недостаток. Достоинство состоит в том, что она максимально заострила противоречия и, по существу, опровергла традиционно принятую в науке трактовку определяющей роли труда в происхождении человека от животного. Нельзя не согласиться с ироническим замечанием Б.Ф., что адепты официальной доктрины «скачка» даже сами не подозревают, какую именно идею они «со священным негодованием» отстаивают от еретиков. На самом деле это идея о том, «что человек не произошел от обезьяны, а был создан из обезьяны, вопреки устаревшему мнению, будто он был создан из глины (курсив наш. — авт.)» (Поршневу, 2007: 248, прим. 6). В конечном счете, Б.Ф. Поршневу, действительно, создал внутренне непротиворечивую, логически целостную марксистскую концепцию происхождения человека. Недостаток же у этой концепции, на наш взгляд, только один: она противоречит фактам.

6. Концепция Б.Ф. Поршнева и современная археологическая наука

6.1. Вводные замечания

Надо отметить, что сам Б.Ф. Поршневу прекрасно осознавал умозрительный, спекулятивный характер своих построений, но подчеркнуто не считал его недостатком. Так излагая собственную гипотезу происхождения речевой коммуникации, автор оговаривал, что ее ключевое положение: «...не поддается проверке прямым наблюдением ни над детьми, ни над археологическими древностями, ни над этнологическими или лингвистическими «следами»...» (Поршневу, 2007: 442). Ну что ж, без спекуляций, в той или иной степени, не обходится ни одна наука. Но если вся система исключительно спекулятивна, не проверяема, она не может быть признана научной (см.: 4.1). Однако и тут существует свое «но»: то, что выглядело бездоказательным полвека и более назад, в свете новейших исследований может оказаться научным прозрением. Поэтому сейчас, когда минуло 40 лет со времени написания Поршневым его итоговой монографии, ее ключевые тезисы могут и должны быть проверены фактами на современном научном уровне.

С этой целью обратимся к данным археологии. Их исключительная ценность состоит в том, что, наряду с материалами палеоантропологии, они являются *непосредственными* свидетельствами древнейшего прошлого человечества. Причем, в отличие от антропологических, данные археологии несравненно многочисленнее и разнообразнее.

Поставив своей целью непременно следовать логике материализма и введя в науку понятие о троглодитах как прямоходящих приматах, изготовлявших орудия нижнего и среднего палеолита, Б.Ф. Поршневу обязан был опровергнуть те представления о палеолитическом человеке, которые прямо противоречили его концепции. Суть этих последних заключалась в том, что: а) человек нижнего/среднего палеолита был охотником; б) он изобрел огонь; в) его орудия свидетельствуют не только о труде, но и о мышлении. К середине XX в. эти представления прочно укоренились, как в советской, так и в зарубежной первобытной археологии. В своем очерке о Б.Ф. Поршневу О.Т. Вите без тени сомнения утверждает, что указанные «три мифа» были вполне доказательно «опровергнуты» его героем (Вите, 2007: 632). Значит, научное сообщество палеолитоведов просто не пожелало понять этого? Так ли?

6.2. Орудийная деятельность в нижнем и среднем палеолите: современное состояние проблемы

Объясняя феномен «инстинктивной трудовой деятельности» раннего/среднего палеолита, Б.Ф. Поршневу целиком и полностью сводит последнюю к имитативному рефлексу. Ни о каком творчестве или изобретениях, применительно к указанному периоду, с его точки зрения, говорить нельзя. «Главной причиной *долговременной наследуемости пропорций типов обработки камня* (sic! — авт.)» служит для него «непосредственная близость имитирующего к имитируемому индивиду» (Поршневу, 2007: 225). «...Высокоимитативный свидетель, наблюдающий серии... сменяющихся движений и получающихся предметных эффектов, повторял и усваивал... не отдельный маленький комплекс, а динамические стереотипы целых цепей действий и результатов, целые долгие комплексы операций с раскалыванием и обработкой камней. Следовательно, не он сам, а только классификатор-археолог расчленяет его действия на малые циклы по отдельности...» (Там же).

«Следовательно...»? А, собственно, из чего это следует? Неискушенный читатель, проглатывая написанное, просто не замечает, что за наукообразием терминов скрывается голословное, ничем не обоснован-

ное утверждение. В начале соответствующего раздела оно предлагается как тезис к обсуждению, в конце — как уже доказанный. Но... где, когда, при каких обстоятельствах Б.Ф. Поршневу приходилось наблюдать «динамические стереотипы» целых комплексов сложных, переменных, эффективных трудовых действий, которые были бы *совершенно неосознанными изначально*? В области психологии труда, к которой он апеллирует, подобные явления уж точно не зафиксированы, а снежный человек так и не пойман.

Примеры сложных динамических стереотипов из области животного мира, на которые ссылается автор (строительство птичьих и мышиных гнезд, брововые хатки и запруды, пчелиные соты и т.п.), представляют собой явления совершенно иного порядка. Там «работает» не только и не столько имитативный рефлекс, но, в первую очередь, информация, передаваемая генетически. Именно поэтому «труд» животных является, действительно, трудом инстинктивным. Но до генетической закодированности ниже- и среднепалеолитических технологий в организме их носителей, кажется, не договаривался еще никто. Так какие же у нас основания говорить об «инстинктивности» труда человека нижнего/среднего палеолита?

Б.Ф. Поршневу совершенно справедливо указывает на то, что «стереотипность... изделий нижнего и среднего палеолита в глазах психолога неоспоримо свидетельствует об автоматичности действий» (Там же: 226). Но автоматизм, в той или иной мере, присущ любым повторяющимся трудовым операциям (да и не только трудовым). Фиксация автоматизма, опять же, не означает, что мы имеем дело с действием, изначально не осознанным.

Не приходится сомневаться: имитативность в большой степени присуща и животным, и маленьким детям, и многим психотикам. Весьма вероятно и то, что данное явление (подражание взрослым в ходе обучения) имело место в палеолите. Ну и что? По Поршневу, «...косвенные данные как со стороны динамики этого явления в развитии обезьян, так и со стороны положения дел у человека *ведут к уверенности*, что ископаемые троглодитиды обладали максимумом имитативности... (курсив наш. — авт.)» (Поршневу, 2007: 223). Совершенно непонятно, в чем состоит источник уверенности? Элементарное правило науки: сумма косвенных данных не приравнивается к факту. Само существование «семейства троглодитидов» надо еще доказать. Между тем, современная археология способна привести по данному вопросу уже не косвенные, а самые, что ни на есть прямые данные, основанные на экспериментально-трассологических исследованиях. И эти данные никак не согласуются с утверждением Б.Ф. Поршнева, что между автоматизмом действий человека нижнего/среднего палеолита и «человека готового» якобы лежит пропасть.

Конечно, во времена Б.Ф. Поршнева наши представления о технологических особенностях орудий указанного периода были много беднее современных. Но уже тогда в науке появился и успешно развивался метод, позволяющий конкретно и доказательно, путем эксперимента и фиксации «следов» под микроскопом, реконструировать процессы раскалывания камня и производства изделий, а также характер использования и эффективность орудий в работе. Трассологический метод, разработку которого С.А. Семенов начал впервые еще в 1930-х гг., был поначалу встречен археологами-палеолитоведами с заметным скепсисом (см.: 1). В настоящее время он получил мировое признание. Особо подчеркнем: выводы трассологов базируются не на кабинетных построениях и фантазиях, а на конкретных экспериментальных разработках. Они, конечно, могут быть в чем-то оспорены, видоизменены и т. д., но только в рамках научного подхода, а не на базе умозрительных рассуждений.

Следует помнить: в природе не бывает двух абсолютно одинаковых галек или кремневых желваков. «...Индивидуальные особенности камня-заготовки в весьма значительной степени влияют на фиксируемые археологами цепочки операций. Но *проявляется это не сразу, а где-то в середине работы с камнем* (курсив наш. — авт.)» (Волков, 2010: 186). Отсюда следует важнейший вывод: работа с любым новым ядрищем требовала от мастера учета особенностей исходного материала — то есть, именно *творческого* к нему подхода, а вовсе не голого «обезьянничанья», на котором настаивает Б.Ф. Поршневу. Необходимость вариаций, изменения тактики расщепления периодически возникала на самых разных стадиях работы. Предусмотреть, «задолбить» все эти моменты заранее было практически невозможно. Разумеется, любому палеолитическому мастеру «приходилось держать в своем сознании определенный набор «наигранных комбинаций» и использовать опыт традиционного преодоления периодически возникающих стандартных затруднений» (Там же). Однако «автоматизм действий», возникающий при таких операциях, имеет вполне человеческую, а не животную природу.

Вот что представляла собой, к примеру, леваллуазская техника скола, широко (хотя вовсе не повсеместно!) представленная в ашельских и мустьерских индустриях и детально изученная современными археологами на материалах десятков и сотен памятников. В ней фиксируется целый ряд этапов или взаимосвязанных операций. Необходимо вначале подобрать кремневый желвак или гальку нужных размеров и оббивкой придать им определенную форму — подпрямоугольную или подтреугольную. Затем создается

т. н. «ударная площадка» с подготовкой точки удара — под определенным углом, близком к прямому. После этого готовится рабочая поверхность скалывания — чтобы получился скол заранее предопределенной формы, притом достаточно тонкий, с максимально протяженным, острым рабочим краем. Для этого поверхность обрабатывается целой серией направленных (центростремительных) ударов, убирающих неровности и отчетливо выделяющих поверхность будущего скола. Далее следует точными ударами снимать с подготовленного ядрища заготовки будущих орудий. Впоследствии их нередко использовали, как готовые орудия без всякой дополнительной обработки (леваллуазские пластины и остря). Но с тем же успехом полученный скол мог подвергнуться «вторичной обработке», существенно менявшей его первоначальную форму и превращавшей его в собственно, «орудие» (по археологической терминологии) — остроконечник, скребло, скребок, зубчатое орудие и пр.

Спрашивается: можно ли представить себе всю эту длинную, сложную, вариабельную цепь операций с кремнем — без целеполагания, без «идеального образа» будущего изделия в уме мастера? — По нашему мнению: нет. Техника леваллуа не просто очень сложна, это в полной мере творческий процесс, требующий ясного *осознания* ежеминутно возникающих новых задач и возможностей их решения... По мнению же Б.Ф. Поршнева: да, можно! О технике леваллуа он кое-что знал, но эти его представления, в сущности, сводились к тому, что «...от толстой кремневой заготовки откалывались пластинки. Последние обладали острым краем, были явно не рубящими и не колющими, а режущими инструментами...» (Поршнева, 2007: 287). Однако изготовление простых каменных орудий для резки мяса вовсе не требовало такой специфической, сложной техники. Заметим: древнейшие олдованские отщепы в массе своей обладали прекрасным режущим краем.

Вот лишь некоторые заключения, к которым пришел современный трасолог-экспериментатор П.В. Волков, стремясь ответить на вопрос, что же был «обязан знать человек, чтобы делать орудия из камня»? В результате он насчитал, как минимум, семь основных «областей знания», в которых палеолитические мастера были специалистами (Волков, 2010: 157–158).

В первую очередь, от них требовалось практическое *знание месторождений и свойств кремнистых пород* («где, что и как добывать; характеристики камня как материала для расщепления» и т.п.). Затем нужно было знать *способы подготовки сырья перед расщеплением* (имеются в виду: термическая обработка, искусственное насыщение породы влагой, способы хранения сырья и пр.). Далее очень большую роль играет *«оптимизация формы сырья для регулярного расщепления»* (т. е. понимание того, какой наиболее рациональной формы должен быть камень, когда с него скалывают стандартные заготовки орудий — и умение придать ему именно эту форму).

Четвертый и пятый «разделы», по Волкову — это знание того, *как следует воздействовать на камень* (удар, отжим, различного рода ретушь, удар через «посредники» различных типов и т. д.), а также *инструментарий расщепления* (свойства материалов отбойников, посредников, ретушеров). Действительно, результаты экспериментально-трасологических исследований убеждают, что уже с древнейших периодов (с ашеля, если не ранее!) техника скола как таковая отнюдь не представляла собой тупого битья камнем о камень, как это невольно представляется при чтении книги Б.Ф. Поршнева. В ней широко практиковалось использование разных отбойников, посредников и ретушеров — как твердых (кварцит, кварцитопесчаник, кремень и пр.), так и мягких (мергель, кость и пр.). Даже при изготовлении одного орудия — на разных стадиях операции — применение их варьировало.

Наконец, от мастера требовалось знать *особенности движения и отражения ударной волны в расщепляемом камне* и предвидеть их результаты на практике. Огромное значение также имело овладение *теорией и практикой аномалий* (преодоление трудностей дефектного сырья, способы исправления ошибок).

«И это только *области* знаний, что-то вроде оглавления устного «учебника» эпохи каменного века. — пишет далее П.В. Волков. — Причем — еще только для начальных классов. Настоящее же искусство, которое очень часто демонстрировали наши предки, начиналось, ... когда виртуозность мастера... выражалась в особой ритмике последовательности расщепления или в выработке гармоничных, вероятно, излюбленных пропорций изделий... Высочайшие взлеты мастерства фиксируются в артефактах не только позднего... палеолита, но и на самых ранних, древнейших изделиях человека...» (Волков, 2010: 158).

Завершая наш краткий обзор проблемы орудийной деятельности палеолитического человека, скажем несколько слов об «олдованской эпохе». До самого недавнего времени наши знания о ней были крайне скудны и фактически исчерпывались материалами, добытыми в Юго-Восточной Африке. Более того, ряд специалистов (включая многократно цитированного нами П.В. Волкова, да и самих авторов этих строк), были склонны видеть в данной индустрии, действительно, результат «инстинктивного»,

животного труда, для которого «явно не требовалось даже минимума человеческого интеллекта» (Волков, 2010: 230; ср. также: Семенов, 1989: 148)

Однако новые данные, полученные в последнее 10-летие, привели к качественному изменению объема и характера информации об этом древнейшем периоде истории человечества (см.: Амирханов, 2007; Деревянко и др., 2009; Щелинский и др., 2008 и др.). Теперь для олдованской эпохи уже явственно прослеживается усложненная модификация каменных индустрий. Более того, появились источники, свидетельствующие о *специфически человеческом отношении* к орудиям труда — уже в такие, казалось бы, невообразимо отдаленные времена, как период 1,5–1 млн л. н.

Работами этологов давно установлено, что высшие (и не только высшие) приматы могут применять и даже изготавливать для своих нужд примитивные орудия. Но вот *отношение* к этим орудиям у приматов и у человека весьма различно. Высокоразвитая обезьяна с успехом использует гальки, палки и пр. для удовлетворения сиюминутной потребности (достать плод, извлечь термитов, расколоть орех и т. д.). Но когда искомая цель достигнута, «орудие труда» совершенно перестает ее интересовать. Прямо противоположное отношение демонстрирует нам кварцевый отбойник, обнаруженный в 2008 г. на стоянке Айникаб–1 (Внутренний Дагестан), в контексте типично олдованской индустрии (чопперы, пики, скребла, ножи и пр.). Возраст этого слоя (11) по естественнонаучным данным составляет ~1,5 млн л. н. (Амирханов, 2007: 14–16)

По данным трасолога Е.Ю. Гири, всесторонне исследовавшего упомянутый артефакт, «...в радиусе, по крайней мере, 20 км никаких признаков присутствия кварца в горных породах... обнаружить не удалось. ...Единственным объяснением появления гальки в культурном слое стоянки остается считать факт принесения ее туда человеком...» (Гири, 2010: 92).

Последнее было осуществлено явно целенаправленно: место стоянки изобиловало кремневым сырьем. Здесь галька достаточно долго интенсивно использовалась как отбойник — для расщепления кремня и, в частности, для ударного ретуширования и обработки краев орудий. При трасологическом исследовании под микроскопом выявилась четко локализованная «рабочая часть» отбойника. На ней обнаружено более 500 достоверных следов использования. Эта цифра, безусловно, занижена, ибо, в силу ограниченной площади рабочей части (~3×5 см), следы ударов перекрывались и, соответственно, не поддаются полному подсчету. По авторитетному заключению Е.Ю. Гири, вероятность естественного происхождения указанных следов «практически равна нулю» (Так же: 93).

Суммируя эту информацию, мы приходим к выводу: данный кварцевый отбойник фиксирует специфически человеческое отношение к орудию труда. Налицо не сиюминутная нужда в нем, а целенаправленный выбор, хранение, транспортировка, длительное использование. Таким образом, вопреки безапелляционным утверждениям Б.Ф. Поршнева, в орудийной деятельности нижнепалеолитического человека, начиная уже с олдованской эпохи, явственно прослеживается специфика, отражающая особенность не животного, а именно *человеческого* поведения.

Однако, возможно, мы не учитываем серьезных отличий гипотетического «троглодитида» от обезьяны, и зафиксированные инновации вполне укладываются в концепцию «промежуточного звена»? В этой связи стоит рассмотреть другой «убийственный» аргумент Поршнева, призванный убедить читателя в животной природе обитателей ниже- и среднепалеолитических стоянок.

6.3. Еще раз о «техническом прогрессе»

В своем стремлении представить вымышленного троглодитида не человеком, а зверем, пусть и своеобразным, Б.Ф. Поршнева использовал арифметические выкладки, призванные наглядно показать, какими невообразимо низкими были темпы освоения технических инноваций в нижнем/среднем палеолите. Приводимые подсчеты, действительно, впечатляют — особенно, если подходить к ним с позиций «*Homo economicus*», европоцентриста, считающего технический прогресс единственным мерилем развития человечества.

Мы же попробуем взглянуть на проблему с другой стороны. Что, если сравнить темпы развития технологий не в Европе, а, скажем, в Австралии? Тут картина получится совсем не такой впечатляющей! По последним данным, Австралия начала заселяться около 60 тыс. л. н. По методике подсчета, предложенной Б.Ф. Поршневым, за этот период должно было смениться порядка 2000 поколений. Однако, судя по данным материальной культуры, вплоть до начала активного освоения континента цивилизованными англосаксами, нет практически никаких оснований говорить о сколько-нибудь серьезных «технических инновациях» в жизни местных охотников-собираателей. В их культуре не появилось даже лука и стрел

(видимо, потому, что австралийцы, подобно людям палеолита, практически не воевали между собой). Дротики с каменными наконечниками, копьеметалка и бумеранги — вот основной «набор» австралийского охотника. Набор весьма характерный — *все перечисленные орудия были изобретены еще в палеолите*. Кстати, вопреки распространенному мнению, бумеранги встречаются и на европейских верхнепалеолитических стоянках. Один из авторов этой статьи лично держал в руках прекрасный экземпляр костяного палеолитического бумеранга, происходивший из культурного слоя Макутовой пещеры (Польша).

Вернемся теперь к рассуждениям Б.Ф. Поршнева. С его точки зрения, за весь период среднего палеолита на Земле должно было смениться 4000–5000 поколений, а на «малейший сдвиг» (т. е. освоение технической инновации) приходится 200–300 поколений (Поршнева, 2007: 226). По мнению автора, это абсолютно «несоизмеримо с процессами индивидуального сознания и речевой информативной коммуникации. Тут перед нами явление этологического порядка» (Там же). Ну, что ж, по этой логике, австралийские аборигены — тоже не люди. И, вероятно, не умеют говорить?.. Вот только австралийские языки, тем не менее, существуют! Более того, по данным лингвистов, они очень сложны.

Так что возникшее противоречие объясняется отнюдь не слабым развитием индивидуального сознания и речевой коммуникации среди коренных австралийцев. В основе его лежит *уникальная специфика их мировосприятия* (см. напр.: Кабо, 2002). Очень долго она оставалась непонятной европейским ученым, искренне уверенным, что без совершенствования технологий немислимо «развитие вообще». Со своей стороны, мы рискуем предположить, что аналогичная специфика была присуща и палеолитическим сообществам.

Стоит оговорить, что несостоятельность аргументации Б.Ф. Поршнева и его последователей в данном вопросе отмечалась в последние годы не только нами. Настоящий раздел был уже вчерне написан, когда в книге А.П. Назаретяна (чьи взгляды на палеолит вообще-то весьма далеки от наших!) мы натолкнулись на вполне аналогичное рассуждение. По словам этого автора, «...говоря о «развитии» в палеолите, следует иметь в виду, что его динамика ненамного превышала динамику изменений в живой природе плейстоцена. Это дает основание историкам с картезианскими установками считать данный процесс сугубо биологическим, а ранних гоминид — исключительно биологическими популяциями [Поршнева, 2004; Куценков, 2001]. На мой взгляд, такой аргумент звучит сомнительно: почему скорость изменений должна служить решающим признаком культурного процесса, и какую именно скорость следует принять за критерий? Технологии австралийских аборигенов оставались практически неизменными 40 тыс. лет, а на некоторых близлежащих островах даже регрессировали... но давно не слышно, чтобы кто-либо отказывал им в праве считаться человеческими существами или субъектами социально-исторического процесса...» (Назаретян, 2007: 120–121).

6.4. Охотники или падальщики?

Поставив указанный вопрос ребром, Б.Ф. Поршнева заново, на ином уровне вернулся к проблеме, живо волновавшей еще первых исследователей палеолита (см. выше). Правда, к сер. XX в., в связи с накоплением новой информации, ответы на данный вопрос как бы утратили свою однозначность. И трупоядение, и даже каннибализм периодически фиксировались в самые разные периоды истории у самых разных народов — причем не только у «дикарей» или воображаемых «троглодитов», но и в цивилизованных сообществах. Сам Б.Ф. Поршнева весьма убедительно показал это на конкретных примерах. К его списку можно было бы присоединить и то, что происходило в Поволжье во время голода 1921/1922 гг., и ленинградскую блокаду. Однако до сер. XX в. никто из специалистов, писавших о палеолите, не подвергал сомнению саму *возможность* охоты в плейстоцене. Предполагалось, что «подбирание падали» являлось лишь одним из допустимых компонентов образа жизни и питания наших предков в ту далекую эпоху.

Б.Ф. Поршнева поставил вопрос по-другому. Его главной задачей стало: «вполне и безоговорочно исключить охоту» в нижнем/среднем палеолите, утвердить тезис о трупоядении не как о компоненте, но как о единственной основе жизнедеятельности троглодитов на протяжении сотен тысячелетий (Поршнева, 2007: 251). Какова же его аргументация? — В строгом смысле слова ее нет. Вместо нее мы видим все те же спекуляции на тему: охота невозможна, ибо «археоантропы» не имели функциональных и морфологических «новообразований» (т. е. орудий. — *авт.*) для умерщвления животных. Ну и, разумеется, пространные рассуждения о биоценозах — сами по себе, интересные, но не имеющие прямого отношения к делу. Там же, где автор пытается хоть как-то конкретизировать свои предположения, он немедленно впадает в ошибку, именуемую в науке некорректным обращением с фактами.

Рассуждая о биоценозах, Б.Ф. Поршневу выделяет четыре этапа в развитии плиоценово-плейстоценовой фауны, которые он жестко увязывает с предполагаемыми изменениями в поведении и развитии троглодитов (тоже предполагаемых). Первый этап (верхний плиоцен) характеризуется расцветом хищной фауны, с преобладанием подсемейства махайродов (саблезубых кошачьих хищников). По Поршневу, «высший примат, переходящий к плотоядению», внедрился в этот «перенасыщенный» фаунистический комплекс, как узко-специализированный падальщик — раскалыватель костей крупных животных, убитых махайродами. Именно для этого служили ему заостренные «олдовайские» гальки.

Второй этап — упадок хищников с полным вымиранием махайродов и, соответственно, расцвет травоядных (миндель и первая половина миндель-рисского времени). По мнению Б.Ф. Поршнева, «ключ к реконструкции экологической ниши» троглодитов данного периода (т. е. собственно: ашельского человека) лежит в области экологии. Оказывается, «археантропы» — это «околоводные животные». Они были жестко привязаны к водоемам, причем именно к тем их участкам, где течения образуют отмели. На них-то и кормились «троглодиты нижнепалеолитического времени», находя обильную пищу в виде падали, выносимой на отмель водой. Регулярность «поступления» добычи обеспечивалась обилием поголовья травоядных, при отсутствии хищников (Там же: 267, 273). Потому и ведущий тип каменных изделий ашеля — ручное рубило — представляет собой, по Поршневу, специализированное орудие для прокалывания шкуры и разделки трупов павших животных.

Третий этап — возрождение хищной фауны, с преобладанием пещерных хищников, соответствующий у Б.Ф. Поршнева концу ашеля — началу мустье. В этот период стоянки уже «не прикованы обязательно к берегам и устьям четвертичных водоемов, а сплошь и рядом сдвинуты... на водоразделы». Троглодиты теперь потребляют остатки добычи, «уже в той или иной мере раскромсанной зубами хищников». Если раньше на первом плане стояла задача вспарывать и расчленять ... целый труп, то теперь... доминирует задача резать само мясо» (Там же: 287). Это стимулирует развитие техники леваллуа.

Наконец, четвертый этап — новый упадок и вымирание хищников, сопоставляемый уже с заключительными этапами мустье и переходом к верхнему палеолиту. На этом этапе (или еще на предыдущем?) троглодиты вступают в сложные отношения симбиоза со многими видами животных, умело используя противоречия между ними. Отсюда один шаг до «готового человека».

Такова в самых общих чертах картина, очерченная Б.Ф. Поршневым — логически завершенная, совершенная картина постепенной эволюции и трансформации троглодитов. Но подкрепляется ли она хоть в малой степени фактическими данными? — На наш взгляд, нет.

Во-первых, возникает законный вопрос: на чем, собственно, держатся представления об ашельском человеке как об исключительном потребителе трупов утонувших животных? По утверждению самого Б.Ф. Поршнева, ключом к пониманию этого служит экология стоянок — *все они связаны с водоемами!* Последнее звучит странно. И в олдоване, и в ашеле, и в мустье решительно *все* памятники так или иначе были связаны с источниками воды (за редчайшим исключением в виде кратковременных путевых стоянок). Точно такая же ситуация сохранялась в верхнем палеолите. Сохраняется она и до наших дней. Не знаем, как гипотетический троглодитид, но человек без воды существовать не может.

Однако автор уточняет свою позицию. «...Нижнепалеолитические местонахождения приурочены к трем довольно специфическим орографическим ситуациям: во-первых, к излучинам или крутым изгибам горизонтального профиля русла, во-вторых, к главному изгибу вертикального профиля горных рек, т. е. стыку их падения со склонов и равнинного течения; в-третьих — к их устьям...» (Там же: 271–272).

На наш взгляд, приуроченность стоянок к устьям и излучинам водоемов, образующих отмели, отнюдь не свидетельствует о нацеленности их обитателей именно на «уловление падали». В конце концов, древнерусские города тоже ставились как раз в таких орографических ситуациях — на мысах, при впадении малых притоков, на крутых излучинах рек, в дельтах и т.п. Но трудно усомниться в том, что население этих городов время от времени охотились.

На самом деле у нас *нет ни малейших оснований выделять какой-то из периодов нижнего/среднего палеолита по такому признаку, как особое, отличное от всех остальных, геоморфологическое положение относимых к нему памятников*. Приведенное выше утверждение Б.Ф. Поршнева, что местонахождения раннего ашеля приурочены к орографическим ситуациям, отличным от тех, что имели место в финальном ашеле и мустье, попросту ошибочно (не говоря уж о том, что само разделение ашельских памятников на «ранние» и «поздние» более, чем зыбко!).

Ашельские стоянки встречаются практически везде. Они бывают и открытыми, и пещерными, в зависимости от условий рельефа. Они могут быть приурочены к берегам озер и крупных пресноводных водоемов (Большой Фонтан и Погребя в Молдове, Торгалык А в Туве, Олдувай/слои 3–5 в Африке

и пр.). Их фиксируют в большом количестве на морских побережьях — как, например, стоянки Айникаб и Дарвагчай в Дагестане (древний берег Каспийского моря), Яштух на Черном море в Абхазии, Богатыри и Родники в Приазовье. Аналогичным образом расположены стоянки Терра Амата (Франция), Эврон и Холон (Израиль), Бордж-Киннерит (Ливан), Боксгроу на берегу Ла Манша в южной Англии и т. д. При этом ничто не мешало ашельским памятникам локализоваться в верховьях небольших рек (Торральба и Амброн в Испании), в средних течениях рек (Сент-Ашель и Шелль во Франции, Меджибож на Украине), в устьях крупных речных артерий. Последний вариант представлен, например, ашельскими местонахождениями Рейна в Германии или стоянкой Аббевиль на севере Франции. Случалось даже, что стоянки обнаруживались на склонах и подножиях древних вулканов (Сатани-Дар и Джрабер в Армении) или даже в их кратерах (Кэрлих в Германии).

Приуроченность стоянок к излучинам и устьям рек, к образуемым ими обширным отмелям, описанная Б.Ф. Поршневым как характерная для *раннего* ашеля, имела место достаточно часто — но не только в ашеле (тем более, раннем), а в самые разные эпохи палеолита. К примеру, она очень показательна для серии позднемустьевакских памятников Пруто-Днестровского междуречья. И объясняется это отнюдь не приверженностью мустьевакского населения данной территории к поеданию падали, а, скорее, его специфическим «культурным выбором»: активным использованием крупных костей мамонта для строительных нужд. Последнее подтверждается археологическим анализом, который показал следующее:

1. Кости мамонта на стоянках представлены определенным набором частей скелета, мало продуктивных с точки зрения пищевой ценности (череп, нижние челюсти, лопатки, тазовые кости, бивни и т. д.). Прочие части скелетов, включая ребра, позвонки, пяточные кости и пр., единичны или отсутствуют вообще.

2. Кости мамонта имеют иную степень сохранности (как правило, худшую), по сравнению с костями других животных.

Из этого закономерно следуют выводы: а) кости появились на стоянках, как результат целенаправленных сборов на близлежащих отмелях; б) собирались именно кости, а вовсе не «свежие трупы», пригодные в пищу (Анисюткин, 2001; 2002).

Ранее нам уже приходилось говорить: мысль о том, что на самых ранних этапах своей истории человек, в частности, использовал в пищу остатки пиршеств хищников или мясо павших животных, в середине XX в. была далеко не нова. Эту идею разрабатывали и первооткрыватель Олдувая Л. Лики, и советский антрополог В.В. Бунак, и палеозоолог В.И. Громов, и многие другие. Действительно, прямых свидетельств именно охотничьей специфики образа жизни «олдованца» в науке не имеется до сих пор. Совместное залегание в культурном слое каменных орудий и костей крупных животных (в т.ч. толстокожих млекопитающих), наблюдаемое уже на древнейших местонахождениях, датируемых 2 млн л. н. и более, строго говоря, не является доказательством *охоты* на этих животных. Указанные материалы свидетельствуют лишь об умении утилизировать их туши при помощи каменных орудий.

Отсюда всего один шаг до идеи Б.Ф. Поршнева о полном *отсутствии охоты* в нижнем палеолите. И в археологии этот шаг, действительно, был сделан американским исследователем Л.Р. Бинфордом, всегда отличавшимся склонностью к экстравагантным, универсальным построениям. В начале 1980-х гг. он выступил с очередной глобальной реконструкцией образа жизни палеолитического человека в олдувайскую эпоху и в среднем палеолите Африки и Европы (Binford, 1981; 1984; 1985; 1987; 1988). Эта концепция получила, если не широкое признание, то широкую известность. Между тем, как справедливо заметил в своей работе С.А. Васильев, Л.Г. Бинфорд, сам того не ведая, «почти дословно повторил гипотезу Б.Ф. Поршнева о подбирании падали как основе жизнедеятельности древнейших гоминид» (Васильев, 1997: 29).

Суть концепции заключалась в следующем: набор костных остатков на памятниках означенных периодов отражает исключительно «подбор и расчленение падали». Человек довольствовался остатками трапез хищников, раскалывая кости, содержащие мозг. Таким образом, по Бинфорду, древнейшие гоминиды (не «троглодитиды»!) вообще не охотились сами, а потребляли остатки пищи других животных, не конкурируя в данной экологической нише с иными видами. Лишь с эпохи мустьевакский ученый допускал возможность активной охоты — но только на мелких животных. Тогда же, по его мнению, начались целенаправленное изготовление, перенос и использование каменных орудий. В 1990-х гг. эта гипотеза в несколько модернизированном виде была поддержана М.С. Стайнер (Stiner, 1994).

Ссылок на работы Б.Ф. Поршнева в публикациях западных ученых нет, хотя его статьи и выступления опередили идею Л.Г. Бинфорда, как минимум, лет на 20. Но мы склонны согласиться с С.А. Васильевым: американцы искренне не подозревали, что изобретают очередной велосипед, давно известный

в России. Справедливости ради, стоит отметить: при всем разительном сходстве построений Поршнева и Бинфорда, у них есть одно серьезное отличие. Концепция Бинфорда была изначально рассчитана на научную проверку. Она строилась не на кабинетных спекуляциях, а на соответствующих трактовках фактологического материала. Проверка не замедлила последовать — в виде постановки специальных тафономических и палеозоологических исследований на ашельской стоянке Амброн (Испания, провинция Сорма), в 150 км от Мадрида.

Этот хорошо известный памятник, впервые раскопанный Ф.-К. Хауэллом в 1961–1962 гг., содержал среднеашельскую индустрию и отличался обилием костей слона в культурном слое. Последние образывали скопления (одно из них представляло собой почти полный скелет одной особи) и специфические «вымостки». Большинство исследователей 1960–1980-х гг. сходились на том, что материалы памятников такого рода свидетельствуют об активной охоте на слонов уже в ашельское время. Ф.-К. Хауэлл и П. Биберсон даже предполагали, что на Амброне и однотипной с ней стоянке Торральба, расположенной по соседству, слонов убивали на месте стойбищ (Biberson, 1968: 260, 273–274). Л.Р. Бинфорд предложил альтернативную модель интерпретации, согласно которой ашельский человек использовал здесь остатки добычи, растерзанной крупными хищниками вблизи мест водоемов.

В 1993–2000 гг. на Амброне были проведены новые раскопки испанскими археологами под руководством М. Сантонья и А. Перес-Гонсалес. Целью исследований являлось уточнение стратиграфии памятника и получение аналитических данных для проверки двух противоположных трактовок. Произведенные тафономические исследования позволили категорически отвергнуть предположение Л.Г. Бинфорда. Следы погрызов хищников на слоновьих костях составили менее одного процента от общего количества зафиксированных следов (Villa et al., 2005: 243). С другой стороны, геоморфологическое положение стоянки в верховьях небольшой речки на Кастильском плато делает, мягко говоря, мало вероятной возможность сплава и выноса водотоком туш слонов, павших естественной смертью. Впрочем, заметим: *прямых* доказательств охотничьей деятельности обитателей стоянки тоже не было обнаружено. Так, может, таких свидетельств и вовсе нельзя найти? — Отнюдь!

6.5. Охотничье оружие

В своей книге Б.Ф. Поршневу не уставал подчеркивать, что предположение об активной охоте в нижнем/среднем палеолите «не связано ни с какими археологическими фактами, кроме факта совместного залегания... орудий с костями нижнеплейстоценовых животных» (Поршневу, 2007: 282–283). В действительности, такие факты есть. Наиболее весомые аргументы против поршневской концепции «плотоядных приматов-падальщиков», лежат именно в области исследования палеолитического инструментария. О некоторых, весьма выразительных находках подобного рода Б.Ф. Поршневу было известно. Но он предпочел отмахнуться от них с помощью не слишком убедительных отговорок (см. ниже). Это относится к тем редчайшим случаям, когда в геологических отложениях, вмещающих палеолитические остатки, сохраняется дерево.

Речь идет о находках окаменелых деревянных изделий (целых и в обломках), которые большинство исследователей палеолита склонны трактовать, как оружие — рогатины, метательные копья и дротики с преднамеренно обработанными (порой — обожженными) ударными концами. Одна из самых ярких находок такого рода была обнаружена в 1948 г. у пос. Леринген близ г. Вердена (Германия, Нижняя Саксония). Здесь при земляных работах в известковистом мергеле был найден скелет лесного слона (*Palaeoloxodon antiquus*). Между ребер его находилось копьё из тиса длиной 2,45 м. Острый конец копья был обожжен, а затем тщательно обработан кремневым орудием. Следы скобления прослежены по всему предмету, но наиболее интенсивны они у острия (Adam, 1951: 79–91, Vosinski, 1985: 31). Здесь же были найдены кремневые изделия — преимущественно технологические сколы, свидетельствующие об изготовлении прямо на месте недостающих орудий для разделки туши (впоследствии, видимо, унесенных отсюда вместе с частями добычи).

Слой с костями слона и артефактами датируется рисс-вюрмским межледниковьем, что соответствует финальному ашелю — раннему мустье (~125–115 тыс. л. н.). Данная находка изначально рассматривалась, как весьма красноречивое указание на охотничью специализацию ашело-мустьерского населения Европы.

Второе копьё из тиса (фрагмент) было найдено еще в 1911 г. в Англии (стоянка Клектон-он-Си), во влажных речных отложениях. Здесь было обнаружено острие длиной 38,7 см, с максимальным сечением 3,6 см. Эта находка значительно древнее лерингенской: указанные отложения относятся к периоду миндель-рисского межледниковья и датируются в интервале 420–360 тыс. л. н. Тем не менее, здесь,

как и в Лерингене, следы обработки (строгания) сохранились по всей видимой поверхности изделия. Обработка велась по свежему дереву, а слом произошел уже после его полного высыхания (Oakley et al., 1977: 13–18). Аналогичная находка (обломок остря, очень напоминающего клектонский) сделана и в Торральбе (Испания) (Freeman, 1978; 1994). Геологический возраст этого памятника обычно определяется как миндельский или финально-миндельский (Biberson, 1968: 252).

Огромный интерес представляют собой находки археологически целых деревянных изделий, происходящих из местонахождений северо-западной Германии (Шёнинген 2, Штутгарт-Бад Каннштадт, Бильцингслебен) (Thieme, 1999: 486). Все эти стоянки также древнее Лерингена. Наиболее информативными являются материалы из Шёнинген 2, где в слое 4 обнаружена целая серия из трех копий и одного дротика (?).

Данное местонахождение расположено на северной окраине немецкой среднегорной зоны Гарца, в восточной части нижней Саксонии. Это карьер по добыче бурого угля. Культурные слои с находками залегают под рисскими моренами в голштейнских (миндель-рисских) отложениях с датой ~400 тыс. л. н. Подстилают их миндельские отложения.

Копья изготовлены из стволов молодых елей, с которых были срезаны ветви и снята кора. Ель — материал менее прочный, чем тис, но зато более простой в обработке. Поэтому не было необходимости его обжигать, чтобы произвести приострение. Остря всех трех копий были тщательно обструганы (Thieme, 1996; 1997). Длина изделий составляет 2,2 м, 2,3 м и 1,82 м. Длина острий в первых двух случаях 6 см, в третьем — 2,5 см. Наибольшее сечение древка, соответственно — 4,7 см, 3,7 см, 2,9 см.

Вместе с копьями был найден двухконечный дротик — длиной 78 см, заостренный с обеих сторон. Длина его острий — 14 и 12 см, наибольшее сечение — 3 см. По предположению автора раскопок, указанные изделия предназначались для охоты на лошадей, чьи кости на стоянке абсолютно преобладают (Thieme, 1999: 470–486).

На соседнем местонахождении Штутгарт-Бад Каннштадт было обнаружено изделие, сохранившееся много хуже, но по типу совершенно аналогичное уже описанной серии. Оно изготовлено из полевого клена; длина его — 2,20 м, длина остря 4,5 см, наибольшее сечение 4 см. Деревянное изделие со стоянки Бильцингслебен (тоже плохой сохранности) имеет в длину 2,4 м.

Б.Ф. Поршневу были известны находки из Клектон-он-Си, Торральбы и Лерингена. В своей книге он подчеркнуто называл их «палками» или «обломками палок», которые троглодиты якобы использовали при разделке туш крупных животных — «наподобие лома». В частности, о Лерингене мы читаем у него следующее: «На счастье опубликовавший эту находку Адам сам исключил возможность толковать эту палку как метательное оружие — копье, ибо установил, что центр тяжести располагается ниже ее середины. Остающееся предположение об охоте на слона с помощью пики или рогатины слишком неправдоподобно: такое оружие годилось бы не для преследования убегающего животного, а лишь против надвигающегося на охотника, либо если последний подкрался под самое брюхо слона...» (Поршневу, 2007: 282).

«Слишком неправдоподобно», «невозможно», «исключено» и т.п. — подобные суждения относятся не к сфере науки, а к сфере обыденного сознания. Но вот что, действительно, неправдоподобно, так это представление о *слоне, убегающем от охотника*, вооруженного метательным копьем! Между прочим, факт, что при охоте на слонов с успехом использовалось не метательное, а именно *ударное, колющее* оружие — прекрасно подтвержден этнографическими описаниями. При такой охоте практиковалось нанесение зверю тяжелой раны копьем в область паха, причем охотник, обмазанный слоновьим пометом, действительно, подбирался под самое брюхо жертвы. Далее загонщики преследовали раненое животное до тех пор, пока оно не слабело, делаясь легкой добычей, или не умирало от потери и заражения крови. Указанный способ охоты на слонов был зафиксирован у африканских племен XIX — нач. XX вв. — пигмеев, итури, отик (Жермонпре и др., 2008: 107–108; см. также: Аникович, 2004).

И в Лерингене, и в Клектон-он-Си, и, вероятно, в Торральбе были найдены именно колющие, ударные орудия, тщательно обработанные не только у остря, но и по всей поверхности. Последнее становится понятным, если трактовать их именно как *оружие*, направленное против сильного и опасного зверя. Трактовка Б.Ф. Поршнева, согласно которой такими «палками» раздвигали ребра у мертвого слона, представляется очень натянутой. Ее искусственность стала особенно очевидной в свете германских находок конца XX в.

В отличие от лерингенской рогатины, у всех трех копий из Шёнингена *центр тяжести расположен в одной трети длины от остря*. Достигалось это за счет того, что заострялся более массивный конец ствола. По мнению целого ряда исследователей (см.: Thieme, 1997), такая схема центровки полностью соответствует современным нормам изготовления метательных копий. «...Баллистические характеристики копий указывают на активные способы охоты с применением метательного оружия...» (Лозовская, 2011-б: 7). Последнее вполне объяснимо, если мы вспомним, что подавляющий процент фаунистиче-

ских остатков стоянки Шёнинген 2 составляет дикая лошадь. Метательное оружие было необходимо при охоте на лошадей. Колющее, ударное оружие могло применяться при охоте на слонов и иных толстокожих.

К перечисленным древнейшим находкам деревянных изделий, сделанным на территории Европы, можно добавить серию предметов из Африки, обнаруженную в ашельском слое стоянки Каламбо Фоллз в Замбии (раскопки Д. Кларка, 1953–59 гг.). Культурный слой этого памятника вмещен во влажные отложения южного берега оз. Танганьика (Clark, 2001: 481–491). По характерным формам 12 предметов признано там изделиями человеческих рук. Среди них — булавообразное изделие, трактуемое как «метательная дубина или колотушка», «метательные плоские палки» (бумеранги? — *авт.*), палки для копания и снятия коры, а также ножевидные изделия и острия (Там же: fig. 8.1–8.5). К сожалению, из-за активного воздействия воды, на этих предметах трудно определить достоверные следы рубки, резания и т.п. Тем не менее, по заключению специалистов, они «...имеют признаки использования контролируемого обжига и скобления, а также намеренного уплощения» (Лозовская, 2011-б: 7).

Б.Ф. Поршневу не уставало повторять, что широкое использование древесины в нижнем/среднем палеолите — в первую очередь для изготовления орудий охоты — есть лишь плод беспочвенного фантазерства археологов. «Прежде это было только привлекавшей кое-кого умственной конструкцией. Раз оббитые камни не годятся для охоты, а охота мыслилась как нечто обязательное (иначе какие же это люди?), значит, надо было вообразить деревянное оружие охоты, просто не сохраняющееся в геологических наслоениях так долго, как камни... Растут и ширятся догадки о «деревянном оружии нижнего палеолита», для изготовления которого якобы и каменные орудия служили всего лишь рабочим инструментом...» (Поршнев, 2007: 282).

Однако новая информация, полученная в последние годы, «работает» отнюдь не на концепцию Б.Ф. Поршнева. «Растут и ширятся» не догадки, а археологические находки и основанные на их анализе адекватные гипотезы. Да, сам факт обнаружения дерева в палеолитическом культурном слое всегда уникален. Он имеет место лишь в исключительных случаях — там, где позволяют условия залегания под обширными торфяниками (северо-запад Германии) или во влажных речных/озерных отложениях (Клектон-он-Си, Каламбо Фоллз). Для всего периода палеолита «известно чуть более 30 деревянных изделий» (Лозовская, 2011-б: 7). То, что, *несмотря на это, мы имеем в Европе уже целую серию однотипных орудий*, говорит о том, что такие орудия (рогатины, метательные копья и дротики), действительно, получили в ашеле широчайшее распространение — не меньшее, чем ручные рубила.

Указанные изделия дополняются иными формами деревянных предметов. Помимо уже описанных африканских находок, упомянем три оригинальных изделия из толстых ветвей пихты, обнаруженные в нижнем слое стоянки Шёнинген 2 (слой 1). Длина их — от 17 до 32 см, ширина — 3,6–4,2 см. На их базальных (утолщенных) концах зафиксированы диагональные прорезы шириной 4–9 мм. По мнению автора раскопок, эти прорезы могли предназначаться для зажима кремневых орудий или пластин-вкладышей (Thieme, 1996: 382–383, abb. 5; 1997: 808). Если это так, то перед нами самые древние рукояти составных орудий.

Важнейшую, принципиально новую информацию о характере и степени распространения приемов деревообработки в нижнем/среднем палеолите дают нам экспериментально-трасологические исследования каменных индустрий. Они показали, что на ашельских местонахождениях, в т.ч. неоднократно упомянутой выше стоянке Клектон-он-Си, широко представлен инструментарий для обработки дерева. Материалы из раскопок этого памятника обрабатывались крупнейшим американским трасологом Лоуренсом Кили, сумевшим в 1970–80-х гг. усовершенствовать методику С.А. Семенова, путем использования мощного оптического микроскопа. Применение последнего позволило исследовать не только деформации рабочего края орудий, но и изменения микроструктуры рабочей поверхности камня, возникающие при контакте с различными материалами («микрозаполировки») (Keeley, 1980). Это заметно расширило возможности трасологического метода и, в частности, возможности его приложения к материалам древнейших эпох.

На стоянке Клектон-он-Си Л. Кили было выявлено 46 изделий с определяемыми следами износа (в основном, отщепов — простых и ретушированных, а также чоппингов, зубчатых и скребковидных орудий). На 23 из них обнаружались характерные следы, образующиеся при скоблении, строгании, пилении, а также следы сверления и рубки/обтески дерева. Сходные результаты были получены Л. Кили при исследовании материалов другой ашельской стоянки Англии — Оксн (Там же: 110–116).

Трасологический анализ каменных орудий показал также, что обработка дерева (рубка, пиление, скобление) производилась человеком и в значительно более древние, доашельские времена. В частности, следы от пиления были идентифицированы Л. Кили на двух отщепах (из 9 функционально

определимых) стоянки Кооби-Фора (Кения). Еще на одном отщепе из той же стоянки сохранились следы скобления. Возраст этого памятника ~2 млн. л. н. (Keeley, Toth, 1981: 464–465). В другом случае достоверные следы рубки дерева были обнаружены В.Е. Щелинским на чоппере из типично олдованской индустрии пещеры Аль-Гуза (Южная Аравия, раскопки Х.А. Амирханова). Четкие следы использования сохранились благодаря тому, что край изделия оказался покрытым известковым налетом (Амирханов, 2006: 90–93).

Что касается результатов экспериментально-трасологических исследований мустьерских памятников, то в настоящий момент они позволяют с полной уверенностью утверждать: в этот период обработка дерева применялась очень широко.

«Функциональные исследования, проведенные П. Андерсон-Жерфо для трех мустьерских стоянок Франции (Корбиак, Пеш де л'Азе I, IV), показали не только высокий процент орудий по дереву, но и появление своего рода специальных орудий для основных операций, скобления и строгания — зубчатых орудий и скребел [Anderson-Gerfaud, 1990]. Ей также удалось выявить микроследы от закрепления орудий в деревянных рукоятях. Близкие результаты получены В.Е. Щелинским для мустьерских памятников Кавказа (пещеры Таглар, Сакажиа, Монашеская) [Schelinskij, 1993]. Основными операциями также были резание-строгание и скобление, но использовались разные типы каменных орудий. По морфологии рабочих кромок автор реконструирует такие операции, как оскабливание стержневидных изделий типа копий или палок-копалок, выскабливание емкостей или широких пазов.

В позднем палеолите на использование древесины указывают не только данные трасологии. Например, деревянные копья из погребения детей в Сунгире реконструируются по вертикальному положению диска и распределению кремневых чешуек [Бадер, 1998]. Кремневый микроинвентарь указывает на широкое использование рукоятей и основ для наборных лезвий...» (Лозовская, 2011-а: 15–16; см. также: Щелинский, 1994; Anderson, 1980).

Таким образом, если основываться не на домыслах о поведении выдуманного «троглодитида», а на археологических фактах и их научном анализе, перед нами предстает вовсе не мифическое животное, а человек — сильный, смелый и умелый. Правда, по «внешним данным» он, видимо, несколько отличался от англосакса или славянина. Но по этому признаку от нас заметно отличаются и австралийские аборигены, и пигмеи, и бушмены, и многие другие народы Земли, которым как-то не принято (по крайней мере, в цивилизованной среде) отказывать в статусе *человека*.

6.6. Овладение огнем

Едва ли можно усомниться в том, что все животные, исключая одомашненных, смертельно боятся огня. Уже из одного этого факта можно сделать вывод: «приручение огня», овладение им, само по себе, свидетельствует не о животном, а именно о человеческом поведении.

Уже во времена Б.Ф. Поршнева было хорошо известно, что следы огня встречаются даже на древнейших памятниках, а уж в ашело-мустьерское время они распространены практически повсеместно. Как же увязать подобные факты с утверждением, что оставивший эти следы «троглодитид» — это отнюдь не человек, а животное, пусть и высокоразвитое?

Борис Федорович подошел к этой проблеме издалека, начав с вопроса: а как вообще появились следы огня на нижне- и среднепалеолитических стоянках? Со всей присущей ему энергией он принялся доказывать: первоначально, в течение многих тысячелетий *огонь на стоянках получался случайно, от ударов камня о камень*. Но для этого требовалось отвести сразу несколько серьезных возражений. Во-первых, надо было показать, что огонь вообще можно добыть ударом камня о камень, без использования пирита или железного кресала. Во-вторых, требовалось аргументировать возможность «случайного» присутствия трута или какой-либо его замены — в том самом месте, где производилась обработка камня. В-третьих, необходимо было опровергнуть изначальность приемов добывания огня трением (на что явно указывали этнографические данные). Со всеми тремя задачами Б.Ф. Поршнева блестяще справился в присущем ему ключе — умозрительных догадок, подаваемых, как непреложная истина.

Впрочем, по крайней мере, один его тезис, действительно, был подтвержден экспериментально: ударом камня о камень можно добыть огонь. Эксперименты были поставлены самим Б.Ф. Поршневым в 1954 г., при участии двух молодых сотрудников Костенковской палеолитической экспедиции, возглавлявшейся А.Н. Рогачевым. Путем упорной работы и тщательного подбора трутов, в ходе экспериментов, действительно, удалось добыть огонь ударами кремня о кремень (Поршнева, 2007: 340–342). Впоследствии это было подтверждено (хотя далеко не сразу!) экспериментами, проведенными сотрудниками

Трасологической лаборатории ЛОИА АН СССР. Первоначальные опыты, поставленные в 1960 г. в экспедиции, работавшей на Карельском перешейке, оказались неудачными. Как предполагал С.А. Семенов, это произошло за счет влажности воздуха (Семенов, 1968: 176). Важность указанного параметра, кстати, отмечал и сам Б.Ф. Поршневу, указывая, что в сухие жаркие дни или в хорошо протопленном, закрытом помещении «...возгорание (тление) трута достигалось сравнительно легко, ... а в другие дни безрезультатно затрачивались многие десятки ударов или даже вовсе не удавалось добиться ни одного возгорания...» (Поршневу, 2007: 341). В дальнейшем Экспериментальная археологическая экспедиция ЛОИА повторила свой опыт и добилась успеха. Однако, по оценке заведующего Трасологической лабораторией ИИМК РАН д.и.н. В.Е. Щелинского, лично участвовавшего в этих экспериментах, добыть огонь таким способом намного сложнее, чем трением дерева о дерево (устное сообщение В.Е. Щелинского, 17.07.2011).

Последнее хорошо иллюстрируется этнографически: в подавляющем большинстве архаических обществ высекание огня представляло собой более позднее явление, по сравнению с добычей его трением, и, как правило, подразумевало использование железного кресала либо пирита (железной руды). Традиционных же способов добывания огня известно три: «огневой плуг», «огневая пила» и «огневое сверло». Ныне все эти способы, так или иначе, успешно опробованы сотрудниками Трасологической лаборатории.

Экспериментальная практика показала, что первый способ — простой и быстрый, но требует очень больших усилий. По лежащей на земле деревянной дощечке с сильным нажимом водят концом деревянной палочки — как бы «вспахивают». Образуется узкий желобок, а в нем — древесный порошок и тонкая стружка, которая от нагревания при трении начинает тлеть. К ней подсоединяется легко воспламеняющийся трут и раздувается огонь. Этот способ применялся изредка австралийцами, тасманийцами, папуасами и некоторыми племенами Индии и Центральной Африки, однако и здесь, в целом, предпочтение отдавалось другим способам.

«Огневая пила» имеет много разновидностей, но все они сводятся к одному принципу: мягкий сухой кусок дерева, лежащий на земле, как бы «пилят» поперек волокон куском твердой древесины. При этом образовывался и возгорался древесный порошок (либо заранее подложенный трут). Данный способ употреблялся в Австралии, на Новой Гвинее, на Филиппинских островах, в Индонезии и в некоторых местах Индии и Западной Африки.

Высверливание — самый распространенный прием добывания огня. Он состоит в следующем. Небольшую дощечку с заранее выдолбленным углублением кладут на землю и зажимают ступнями ног. В углубление вставляется конец твердой палочки, которую начинают быстро вращать между ладонями, с одновременным нажимом вниз. Через несколько минут из углубления показывается дымок, а затем тлеющий огонек, который и раздувают при помощи трута. Этот способ был распространен, практически, во всех архаических обществах. В усовершенствованном виде к стержню сверху присоединялся упор, а с боков — ремень, который попеременно тянули за концы, приводя сверло во вращение. Присоединив к концам такого ремня небольшой лук, мы получим простейший механизм, довольно распространенный в первобытности: лучковое сверло.

А как же высекание огня ударами камня о камень? Как уже говорилось выше: хотя искра при ударе кремня о кремень образуется постоянно, превратить ее в огонь достаточно трудно, ибо искра эта — слишком короткая и сравнительно «холодная». В сущности, успех тут зависит от погодных условий и очень хорошо подобранного трута. При отсутствии последнего, «случайное» возгорание практически исключено.

Итак, принципиальную возможность получения огня ударами камня о камень Б.Ф. Поршневу успешно доказал экспериментально. Но дальнейший ход его рассуждений всецело был основан на свободном полете воображения, без сколько-нибудь серьезного обращения к фактам. Поскольку, с его точки зрения, «категория рационального изобретения ... не должна применяться к истории древнекаменной техники» (Поршневу, 2007: 348), всякое целенаправленное применение трута в процессе первоначального освоения огня человеком исключалось им полностью. Но ведь без трута ни о каком успешном высекеании огня говорить невозможно! С этим, казалось бы, неразрешимым противоречием Б.Ф. Поршневу справился настолько изящно, что, читая раздел его монографии, посвященный огню, мы невольно испытывали самое глубокое и полное восхищение.

Вначале автор указывает, что многие специалисты «считают изобретение трута таким сложным техническим достижением, о появлении которого в нижнем и среднем палеолите не может быть и речи» (Там же: 343). Однако, по его мнению, «трудность отпадает сама собой» (Там же). Дальнейший ход рассуждений таков:

«Самые близкие к человеку антропоиды... строят на каждую ночь гнезда на земле... **Значит**, предку человека этот гнездостроительный инстинкт тоже **должен был быть** присущ... Обезьяноподобный предок человека, ... **безусловно, должен был соорудить гнездо** весьма долговременное, относительно утепленное и умягченное... Что видит зоолог в зверином гнезде? ...а) сухой мох, нередко размельченный, б) листья и траву — сухие во избежание прения, в) мелкие сухие веточки и прутики, г) растительный пух, д) животные шерсть и пух... Все это утрамбовывается... **То же, несомненно, мы нашли бы** в гнезде палеоантропов и других троглодитид. ...Настилка состояла из большого или меньшего количества тех или иных перечисленных материалов... **А это значит**, что под ногами нашего предка находился трут... Древнейшие каменные орудия... выделялись **чаще всего** на месте потребления мяса, **т. е. на месте обитания**. Обезьяночеловек **разбивал и обивал кремни тут же, на этой настилке** или у ее края. Искры, **несомненно, ...возникали** на расстоянии в 1–10 см от нее... Они были для обезьяночеловека, в общем, нейтральны и привычны...» (Там же: 343–344). И далее: «...**как мы видели**, он [обезьяночеловек. — *авт.*] практически познакомился с огнем раньше, чем составил представление о его полезных и вредных свойствах... **Как мы убедились**, об «открытии» огня не приходится вообще говорить — он появился помимо воли и сознания троглодитид... (выделено нами. — *авт.*)» (Там же: 348).

В сущности, перед нами все тот же знакомый, дежурный набор заклинаний. Вначале перечень того, что *должно было быть* (хотя тому нет никаких свидетельств) или что мы *должны бы были найти* (хотя и не находим). А под конец: «как мы видели», «как мы убедились»... Вновь сумма предположений выдается за факт, за истину в последней инстанции.

В чем же мы должны убедиться? В том, что птицы или белки используют при строительстве гнезд перечисленные выше материалы? Но это интересно тем, кто занимается этологией белок и пернатых, а отнюдь не палеолитоведам. Или мы должны поверить, что гипотетические троглодитиды тысячелетиями использовали одно и то же место для сооружения подстилок, похожих на беличьи — и не слезали с них тоже тысячелетиями, упоенно выбивая искры из кремня? Но это смелое утверждение требует более серьезной аргументации. Ссылка на нижнюю пещеру Чжоу-коу-дянь решительно ничего тут не проясняет. Ленточная структура отложений характерна для заполнения *любого долговременного очага* — это азы полевой археологии. К тому же — и это главное — материалы раскопок Чжоу-коу-дянь загадочным образом исчезли в начале 1940-х гг., и любые заключения, сделанные по ним, попросту не проверяемы. При этом, по свидетельству П.В. Волкова, данное хрестоматийное местонахождение уже много лет недоступно для «посторонних» ученых. Есть ли новые материалы с места находок прежних — тоже неизвестно. По крайней мере, за пределы КНР информация «не просачивается» (Волков, 2010: 16). Само по себе, это весьма странно — ведь, по крайней мере, в последние десятилетия в Китае активно стимулируются исследования в области древнейшего палеолита. Почему же тогда информация о Чжоу-коу-дянь «засекречена»?

Что касается грота Киик-коба, которому Б.Ф. Поршневу также уделяет большое внимание, то, по современным данным, оба культурных слоя там значительно моложе, чем это представлялось автору раскопок Г.А. Бонч-Осмоловскому (и, соответственно — Б.Ф. Поршневу). Нижний культурный слой памятника трактуется сейчас, как микромустье зубчатое и относится к периоду раннего вюрма. Верхний слой определяется как кииккобинская фация микока или пара-микок. Его радиоуглеродная датировка ~30 тыс. л. н., однако некоторые исследователи ставят ее под сомнение, относя памятник к периоду ~55–40 тыс. л. н. (Смирнов, 1991: 137; Герасимова и др., 2007: 78). Т.о. это стоянка так называемого «пережиточного мустье», сохранявшегося в Крыму в те времена, когда на соседних территориях уже успешно развивались верхнепалеолитические технологии (Аникович и др., 2007: 195–202). Ни к ашелю, ни даже к раннему мустье оба культурных слоя Киик-кобы не имеют ни малейшего отношения. Что же касается «необычного» положения углистых остатков и их относительно равномерного распределения по площади пещеры, то сам Б.Ф. Поршневу дал этому в своей книге вполне правдоподобное объяснение.

Судя по видовому составу обугленных остатков растений, в обоих «жилых» слоях Киик-кобы был представлен, в основном, можжевельник. По предположению Б.Ф. Поршневу, «киик-кобинец и в раннюю, и в позднюю эпоху отбирал можжевельник из-за специфического запаха и обильного дыма», т. е. для дымокуров, чтобы отогнать комаров и мошкару (Поршневу, 2007: 351). Таким образом, налицо вполне рациональное использование свойств огня, а точнее — дыма. Причем же тут тление и самовозгорание «настилки»?

Современная археология располагает значительным количеством фактов, проливающих свет на использование огня в раннем/среднем палеолите. Следы огня в культурном слое, представленные либо сильно обожженными кремнями, либо угольками, либо тем и другим — известны, начиная с олдова-на (2,0–1,2 млн. л. н.). Это африканские памятники — Сварткранс, Кооби Фор, Чесованья, Олдувай, слой II, а также Галей в Эфиопии. Из числа древнейших стоянок со следами огня, обнаруженных за

пределами Африки, упомянем Гескер Бенот Яков в Израиле (~700 тыс. л. н.) и Прежлетице в Чехии (~650 тыс. л. н.). Доказать целенаправленный характер использования огня на стоянках указанного периода мы пока не можем. Можем только фиксировать его присутствие. Однако уже начиная с периода ~400 тыс. л. н., на целом ряде памятников зафиксированы четкие очажные конструкции. Таковы ашельские стоянки Франции — Терра Амата (где мы имеем очаги, обложенные по периметру камнями), Араго, Ориньяк 3, Бом Бон, а также Вертешсёллеш в Венгрии. Не исключено, что к той же серии относится локус 1 из Чжоу-коу-дянь, однако при отсутствии полевой документации судить о нем затруднительно (de Lumley, 2006: 149–154; см. также: Зубов, 2004: 163 и др.).

О знании свойств огня и рациональном их использовании в финальном ашеле, несомненно, свидетельствует неоднократно упомянутая нами находка рогатины с преднамеренно обожженным концом из Лерингена.

Остается открытым вопрос: каковы все же были древнейшие приемы добычи огня — трение или удар камнем о камень? Для Б.Ф. Поршнева ответ казался предельно ясным: «...при грубой обработке дерева никакого его воспламенения не получается, предполагать же в мустье тонкую столярную работу, тщательное выпиливание, выскабливание, приводящие к скоплению мельчайших горячих опилок, совершенно не мыслимо: эта техника родилась для более крепкого, чем дерево, материала, ... — для рога, кости, и, уже будучи освоенной, могла быть перенесена на дерево» (Поршнева, 2007: 355).

Между тем, как отмечалось в предыдущем разделе, применение техники пиления и скобления дерева теперь уже отнюдь не «предполагается», а достоверно фиксируется не только в мустье, но и в значительно более древние времена, даже в олдоване (Кооби-Фора, ~2–1,8 млн л. н.). Широкое распространение указанных приемов в ашеле достаточно хорошо документировано. Заметим, что в материалах Клектон-он-Си, датированных ~400 тыс. л. н., Л. Кили были идентифицированы не только следы скобления и строгания, но и *сверления* дерева (см. выше). Что же касается более поздней мустьерской эпохи, то тут количество источников, свидетельствующих о повсеместном развитии самых разных приемов обработки древесины увеличивается многократно.

Из этого следует, что представление о трении дерева о дерево как первоначальном способе добычи огня, по меньшей мере, более правдоподобно, чем его возникновение на основе ударной техники. Те аргументы против, которые имелись в период написания Б.Ф. Поршневым его книги, современной наукой отведены.

6.7. Некоторые итоги

Мы преднамеренно рассмотрели в критическом плане лишь «чисто археологическую» часть рассуждений Б.Ф. Поршнева. Во-первых, потому, что именно в этой области мы сами являемся профессионалами. Во-вторых, потому, что именно эта область является *базовой* для всех последующих рассуждений преисторика и палеопсихолога. Без адекватного, профессионального анализа источников, несущих информацию о палеолите, все дальнейшие рассуждения о палеолитическом человечестве попросту повисают в воздухе.

Итог таков: вопреки утверждениям О.Т. Вите и других апологетов Бориса Федоровича, «ниспровержение трех мифов» все же не состоялось. В результате развития археологической науки произошло прямо противоположное — ниспровержение ниспровержения или, если угодно, отрицание отрицания. Уже не общие рассуждения, а анализ фактического материала с помощью новых методов показал следующее: а) орудийная деятельность раннего/среднего палеолита неизбежно предполагает творческое начало и не может быть сведена к имитативному рефлексу; б) охота на крупных млекопитающих может считаться твердо установленным археологическим фактом, по меньшей мере, начиная с ашеля; в) овладение огнем и его целенаправленное использование также следует считать достоверно установленным фактом, по крайней мере, с ашеля (~400 тыс. л. н.). Для более ранних периодов (2 млн. — 400 тыс. л. н.) и то, и другое может рассматриваться как вполне правдоподобные гипотезы.

Завершая наше рассмотрение концепции Б.Ф. Поршнева, хочется подчеркнуть следующее: общий вклад его в науку о первобытности мы оцениваем весьма высоко. Его неординарный подход к проблематике становления человека и человеческого общества стимулировал и продолжает стимулировать научный поиск, равно, как и философское осмысление результатов, достигаемых в ходе этого поиска. Категорически не соглашаясь сегодня ни с одной из его основных посылок и выводов, мы, тем не менее, считаем: некоторые его догадки, до сих пор остающиеся незамеченными (как, например, тезис о «симбиозе» палеолитического человека с различными видами животных), заслуживают самого пристального внимания и научной разработки. Но это должно стать предметом отдельного исследования.

7. Ю.И. Семенов и «теория двух скачков»

Данная концепция традиционно и, в общем, справедливо связывается с именем философа Юрия Ивановича Семенова (род. 1929), в трудах которого в 1960-е гг. она обрела свой законченный вид. Впрочем, сам Ю.И. Семенов всегда подчеркнуто отрицал собственный приоритет, указывая, что ключевые положения данной концепции периодически излагались в трудах его предшественников еще во 2 пол. 1930-х — 1940-х гг. К числу таких предшественников он относит, в первую очередь, советских антропологов — Я.Я. Рогинского, А.Н. Юзефовича, В.В. Гинзбурга, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Левина, а также некоторых этнологов, не чуждых археологии, но никогда не занимавшихся напрямую палеолитом (А.М. Золотарев, С.П. Толстов).

В сущности, толчком к философскому оформлению теории двух скачков в советской науке стало то же самое, что инициировало разработку Б.Ф. Поршневым его концепции прерывности. Ю.И. Семенов, как и Б.Ф. Поршнева, был (и остается!) марксистом не только на словах, но и на деле. В 1950–1960-х гг. он, вероятно, совершенно искренне противопоставлял свои собственные взгляды концепциям «буржуазных ученых», всемерно стремившихся «опровергнуть принципиальные положения марксизма по вопросу о возникновении труда, человека, общественных отношений, ... доказать божественное происхождение человека, ... моногамной семьи, религии ... и т.п.» (Семенов, 1966: 6). «Подводные камни», которые скрывала в себе (при серьезном философском рассмотрении) теория одного скачка, были для него не менее очевидны, чем для Б.Ф. Поршнева. Но пути преодоления этих подводных камней мыслились Семенову иначе.

Согласно «теории двух скачков», «...в эволюции человека необходимо выделить *два* узловых пункта, *два* переломных момента. Первый и наиболее важный из них — это отмеченный началом изготовления орудий переход от стадии животных предшественников человека к стадии формирующихся людей, которыми являются питекантропы (и сходные с ними формы) и неандертальцы. Второй скачок — происшедшая на грани раннего и позднего палеолита смена неандертальца *Homo sapiens, являющимся подлинным, готовым человеком...* (курсив наш. — авт.)» (Там же: 22).

На поверхностный взгляд описанная теория очень близка концепции прерывности, однако, на деле, между ними существует принципиальное различие. В отличие от концепции Б.Ф. Поршнева, в теории двух скачков «...период формирования человека ... не выделяется и не противопоставляется периоду развития готовых людей, *формирующиеся люди не противопоставляются готовым...* (курсив наш. — авт.) (Там же: 21).

Научные истоки указанной теории, безусловно, лежат в области антропологии, а именно — исследований по антропогенезу 1 пол. — сер. XX в. В ходе их антропологи, чем дальше, тем больше отчаивались найти в своей собственной профессиональной сфере ответ на вопрос: где же проходит грань между «последней обезьяной» и «первым человеком»? В иной формулировке это звучит так: где оно, пресловутое «переходное звено»?

Так и не сумев его обнаружить, антропологи стали все более обращаться к совершенно чуждой их профессиональным интересам сфере палеосоциологии, реконструируемой отчасти по спекулятивным высказываниям, изредка мелькавшим в трудах классиков марксизма, отчасти — по археологическим находкам, трактуемым весьма произвольно. Как это ни парадоксально, но критерий *орудийной деятельности* (находки каменных орудий вблизи костей) и доныне считается в антропологии определяющим при отнесении обнаруженных останков к роду *Homo* (Зубов, 2004: 138–151).

Согласно Ю.И. Семенову, «...Антропологи лишь тогда оказались в состоянии выделить период формирования человека и определить его границы, когда они пришли к выводу, что человек не сразу возник как подлинно общественное существо, что изменения в общественном развитии человека невозможно свести лишь к смене этапов существования готового общества. Само развитие антропологической науки доказывало неотделимость проблемы формирования человека от проблемы формирования общества и необходимо приводило антропологов к выводу о существовании периода формирования человека, совпадающего с периодом становления общества. И такой вывод ими был сделан. С учетом всех достижений исторической и археологической науки и на основе обобщения фактического материала была создана так называемая теория двух скачков в антропогенезе....» (Семенов, 1966: 21–22).

Отметим сразу: поставленные здесь вопросы, строго говоря, лежат вне компетенции физической антропологии. Эта последняя отнюдь не располагает источниками для суждений об «общественном развитии человека». А вот морфологические различия ископаемых гоминид на уровне вида/подвида, действительно, фиксируются антропологами. Именно они интерпретировались в сер. — 3 четв. XX в., как стадийные, *отражающие этапы становления человеческого общества*. Однако уже в посл. четв. XX в. открытия в области палеогенетики показали необоснованность подобных трактовок. В настоящее вре-

мя, к примеру, можно обсуждать вопрос о «неандертальской примеси» в разных сообществах европейского верхнего палеолита. А вот «неандертальский этап» становления общества уже полностью отошел в область историографических легенд. О нем сейчас и говорить-то смешно...

Мы не будем рассматривать конкретно каждую из стадий, выделенных Ю.И. Семеновым. Отметим лишь общий для них, неизбежно произвольный характер. «Историческая и археологическая наука» в период оформления теории двух скачков явно не располагала научными методами, позволяющими строить хоть сколько-нибудь обоснованные палеосоциологические реконструкции палеолита. Потому изложенная Ю.И. Семеновым постановка проблемы и предложенное ее решение, в сущности, перевели эту последнюю из научной сферы в область умозрительных, метафизических спекуляций.

Впрочем, теория двух скачков была встречена в среде советских палеолитоведов вполне благосклонно. В сущности, с ней никто не спорил. Главная причина тому — та же самая, по которой археологическое сообщество в свое время приняло теорию одного скачка. Для подавляющего большинства археологов-практиков философские аспекты проблемы антропогенеза и степень их соответствия марксизму были, в сущности, безразличны. По большому счету, ни та, ни другая теории не мешали археологам работать, не призывали их заниматься этологией пернатых и белок, ловить «реликтовых неандертальцев», а также воспринимать основной предмет своих исследований — палеолитического человека и палеолитический социум — как чисто зоологические явления.

Первый скачок, по Ю.И. Семенову, означал «появление социальных закономерностей» в обществе эпохи палеолита, второй — «установление их полного и безраздельного господства». Коллектив «питекантропов и неандертальцев» (т. е. сообщество нижнего/среднего палеолита), хотя и назывался им по-ленински «первобытным человеческим стадом», однако все же не трактовался как чисто биологическое явление (Семенов, 1966: 22). У большинства советских археологов подобный подход не вызывал особого протеста.

Немаловажным оказалось и то, что, выделяя свои «ступени формирования человека», Ю.И. Семенов опирался, в первую очередь, на археологические периодизации, лишь придавая им социологическое значение. Этот последний прием в советской науке был далеко не нов и, при общей привычке советских граждан к «эзопову языку», тоже воспринимался ученым сообществом, как нечто, само собой разумеющееся. К примеру, когда в нач. 1930-х гг. археологам пришлось спешно «перестраиваться» на марксистский лад, В.И. Равдоникас и П.П. Ефименко, в сущности, проделали ту же операцию: взяли за основу хорошо известную периодизацию палеолита Г. де Мортилье — А. Брейля и «обрядили ее в марксистские бармы». Эта нехитрая подмена, как ни странно, позволила советскому палеолитоведению сохранять свою научную основу даже в самые «заидеологизированные» времена.

Однако, не мешая научной практике, теория двух скачков, в то же время, мало чем могла *помочь* ей по существу. Точнее, пока существовала печальная необходимость обязательно доказывать свою приверженность идеям марксизма-ленинизма, она вполне успешно осуществляла роль своеобразного «идеологического прикрытия». Но когда в конце 1980-х гг. в СССР пошел процесс деидеологизации науки, данная теория очень скоро оказалась забыта в сообществе профессионалов-палеолитоведов. Почему так случилось? — Главный недостаток теории двух скачков как философской концепции видится нам в ее изначальной *нелогичности*.

«Готовый человек» и «готовое общество» — что это такое? Появление некоего совершенного существа, над которым не властны законы биологической эволюции? А, собственно, почему, на каком основании эти законы вдруг перестали действовать? Что, *Homo sapiens* стал бессмертным или, на худой конец, сумел заметно продлить свою жизнь?.. Не вдаваясь в метафизические рассуждения по данному поводу, мы все же заметим: если последовательно применять к истории человечества основополагающий материалистический принцип «саморазвития материи по спирали и вверх», мы должны были бы тем самым начисто исключить представления о «готовом человеке» и «готовом обществе». Себя же рассматривать всего-навсего, как очередную ступень этого бесконечного движения. Иными словами: *Homo sapiens* со всеми его социальными институтами неизбежно должен смениться неким иным существом, обладающим качественно иными возможностями.

Подчеркиваем: так дело обстоит исключительно с *материалистических* позиций. В рамках идеалистических представлений есть возможность взглянуть на проблему иначе. Так, например, с христианской точки зрения (а также иудаистской и мусульманской), Человек, действительно, был и остается самым совершенным творением Бога. Из всех земных тварей это единственное существо, обладающее: а) свободой воли; б) способностью к творчеству. Земная же история Человека с начала и до конца есть результат грехопадения, совершенного в ином мире...

Однако на страницах этого издания мы меньше всего собираемся открывать дискуссию на подобную тему. Речь идет исключительно о *научном познании* и о соблюдении, в рамках этого познания, установленных

«правил игры». Напомним еще раз: научное обобщение может быть сколь угодно «безумным», с точки зрения здравого смысла, лишь бы оно не нарушало логической последовательности рассуждений и не противоречило фактам. Поэтому еще раз подчеркиваем: именно в марксизме понятие «готовый человек», введенное Ф. Энгельсом, выглядит явно неуместным, заимствованным из иной философской системы. Если оно и может быть увязано с фактами, то отнюдь не на материалистической основе. Именно это делает теорию двух скачков крайне уязвимой в логическом отношении.

Сказанное выше отнюдь не означает, что в 1990–2000-х гг. разработки Ю.И. Семенова по истории первобытного общества оказались преданы забвению. «Выпав» из сферы научного палеолитоведения (как и идеи Б.Ф. Поршнева), они оказались востребованными в сфере современной российской историософии, палеосоциологии и пр. Однако анализ современных концепций преистории и взглядов на палеолитическое человечество в России за последние 10–15 лет выходит за рамки настоящей работы. Как уже говорилось выше, настоящую статью можно рассматривать, как историографическую прелюдию к дальнейшему рассмотрению поднятых здесь вопросов — уже в современном контексте.

Литература

- Амирханов Х.А. 2006. Каменный век Южной Аравии. М.
- Амирханов Х.А. 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе: предварительные результаты. М.
- Аникович М.В. 2004. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
- Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. 2008. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.
- Анисюткин Н.К. 2001. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб.
- Анисюткин Н.К. 2002. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта // Археологические вести, № 9. С. 11–24.
- Анучин Д.Н. 1900. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на её задачи в России // Русский Антропологический журнал. 1900. Кн. 1. С. 25–42.
- Артемова О.Ю. 2008. Десять лет «первобытности» в постсоветской России // Этнографическое обозрение. 2. С. 139–156.
- Бадер О.Н. 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.
- Борисковский П.И. 1979. Древнейшее прошлое человечества. Изд. 2, перераб. и дополн. Л.
- Бэр К.М. 1851. Человек в естественно-историческом отношении. СПб.
- Бэр К.М. 1863. О древнейших обитателях Европы // Записки РГО. Кн. 1. С. 213–220.
- Бэр К.М. 1865. Место человека в природе // Натуралист. — 19–24 (отд. отд.).
- Бэр К.М., Шифнер А.А. 1862. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // Записки ИАН. Т. 1. Кн. 1.
- Васильев С.А. 1997. Концепция антропогенеза Б.Ф. Поршнева в свете данных новейших исследований // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Материалы научной конференции (Омск, 2–3 декабря 1997 г.). Омск. С. 28–30.
- Васильев С.А. [2004]. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее. — Stratum plus. 2001–2002. № 1. С. 21–170.
- Верещагин Н.К. 1979. Почему вымерли мамонты. Л.
- Вите О.Т. 1998. Творческое наследие Б.Ф. Поршнева и его современное значение / Русский Университет. <http://2lib.ru>
- Вите О.Т. 2007. «Я — счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории» и ее место в творческой биографии Б.Ф. Поршнева // Поршнева Б.Ф. 2007. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб. С. 576–706.
- Волков П.В. 2000. Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // АЭАЕ. № 4 (14). С. 30–37.
- Волков П.В. 2010. От Адама до Ноя. Археология для православных. СПб.
- Волков Ф.К. 1913. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Протоколы ОРСА РАО за 1909 год. ЗОРСА, т. IX. С. 299–306.
- Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. 2007. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. СПб.

- Гиря Е.Ю. 2010. Открытия олдована на Юге России в свете экспериментально-трасологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии. Сб. ст. к 60-летию Х.А. Амирханова. Махачкала. С. 88–113.
- Деревянко А.П., Аношкин А.А., Зенин В.Н., Лецинский С.В. 2009. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск.
- Докучаев В.В. 1882. Археология России. Каменный период. ТТ. I и II графа А.С. Уварова. 1881. Доклад В.В. Докучаева отделению геологии и минералогии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей 20 ноября 1881 г. // Труды СПб. общества естествоиспытателей XIII. Вып. 1. СПб. С. 1–54.
- Гроф С. 1993. За пределами мозга. М.
- Жаков М.П. 1934-а. К вопросу о генезисе человеческого общества // ПИДО. № 5. С. 29–45.
- Жаков М.П. 1934-б. Труд, техника и отношения производства возникающего общества // ПИДО. № 6. С. 9–45.
- Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. 2008. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу охоты на мамонтов // Замятинский сборник. Вып. 1: Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб. С. 91–112.
- Замятин С.Н. 1960. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Труды ИЭ АН СССР. Т. LIV. С. 80–108.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М.
- Кабо В. 2002. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга.
- Кельсиев А.И. 1883. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. Труды МАО. Т. IX. Вып. 2–3. С. 154–180.
- Куценков П.А. 2001. Начало. Очерки истории первобытного и традиционного искусства. М.
- Лаппо-Данилевский А.С. 1891. Вопрос о делении первобытной культуры на периоды — каменный, бронзовый и железный в современной археологии (краткое изложение реферата А.С. Лаппо-Данилевского) // Историческое обозрение. Т. IV. Отд. 2. С. 10–13.
- Лозовская О.В. 2011-а. Деревянные изделия стоянки Замостье–2 // РА. № 1. С. 15–26.
- Лозовская О.В. 2011-б. Деревянные изделия позднего мезолита — раннего неолита лесной зоны Европейской части России: комплексные исследования (по материалам стоянки Замостье–2. — Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб.
- Назаретян А.П. 2007. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.
- Назаретян А.П. 2010. Заметки о человеческой истории, о «соловьях палеолита» и о «совести питекантропов» // Историческая психология и социология истории. Т. 3. № 1. <http://www.socionauki.ru/journal/articles/126878/>
- Платонова Н.И. 2010. История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.
- Поляков И.С. 1880. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Академии наук // Записки ИАН. Т. XXXVII. Вып. 1. Приложение. С. 1–81.
- Поляков И.С. 1882. Исследования по каменному веку в Олонекской губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Зап. РГО по отд. этнографии. Т. IX. С. 1–167.
- Поршнев Б.Ф. 1966. Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. № 3. С. 108–119.
- Поршнев Б.Ф. 1969. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М.
- Поршнев Б.Ф. 1974. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.
- Поршнев Б.Ф. 2007. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб.
- Равдоникас В.И. 1939. История первобытного общества. Т. 1. Л.
- Рижов С.М. 2008. Коментарі до розділу палеоліт // Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Коментарі. Киев. С. 120–121.
- Сагацкий А.П. 1935. Труд и возникновение общества // ПИДО. № 1–2. С. 177–192.
- Салинз М. 1999. Экономика каменного века. М.
- Семенов С.А. 1957. Первобытная техника. М.–Л.
- Семенов С.А. 1959. Экспериментальные исследования первобытной техники // СА, 2. С. 35–46.
- Семенов С.А. 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.
- Семенов Ю.И. 1966. Как возникло человечество. М.
- Семенов Ю.И. 1989. На заре человеческой истории. М.
- Смирнов Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии. М.
- Уваров А.С. 1881. Археология России. Т. 1. Каменный период. М.
- Франк Ф. 2007. Философия науки. Связь между наукой и философией. М.
- Хвойко В.В. 1901. Каменный век среднего Приднепровья // Труды XI АС в Киеве 1899. Москва. Т.1. С. 27–37.

- Хвойка В.В.* 2008. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев (научн. изд., с коммент. на укр. яз. и илл.); Изд. 1: Киев, 1913.
- Щелинский В.Е.* 1994. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины) / Рукопись докт. дисс. Рукописный отдел ИИМК РАН. Ф.35, оп. 2-Д. № 527. СПб.
- Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Тутов В.В.* 2008. Раннепалеолитические местонахождения на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Материалы Международной конференции. Ростов на Дону.
- Adam K.D.* 1951. Der Waldelefant von Lehringen, eine Jagdbeute des diluviale Menschen // *Quartar*. Bd. 5, Bonn. P. 79–92.
- Anderson P.* 1980. A microwear analysis of selected flint artefacts from the Mousterian of southwest France // *Lithic Technology*. Vol. IX. № 2. P. 33.
- Anderson-Gerfaud P.* 1990. Aspects of Behaviour in the Middle Paleolithic: Functional Analysis of Stone Tools from Southwest France // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh Press. P.389–418.
- Biberson P.* 1968. Les gisements acheuleens de Torralba et Ambrona (Espagne). Nouvelles precisions. *L'Anthropologie*. 72. No 3–4. Paris. P. 241–278.
- Binford L.R.* 1981. *Bones, Ancient Men and Modern Myths*. Academic Press. New York.
- Binford L.R.* 1984. Faunal Remains from Klasies River Mouth. Academic Press, New York.
- Binford L.R.* 1985. Human ancestors: changing views of their behavior. *Journal of Anthropological Archaeology*. 4. P. 292–327.
- Binford L.R.* 1987. Were there elephant hunters in Torralba? // Nitecki M.H., Nitecki D. (Eds.), *The Evolution of Human Hunting*. Plenum Press. New York. P. 47–105.
- Binford L.R.* 1988. Etude taphonomique des restes fauniques de la Grotte Vaufrey, couche VIII. In: Rigaud, J. Ph. (Ed.), *La grotte Vaufrey. Mémoires de la Société Préhistorique Française*. 19. P. 535–564.
- Bosinski B.* 1985. *Der Neandertaler und seine Zeit*. Bonn.
- Chaillu P.* 1902. *Wild life under the equator*. — New-York&London.
- Clark J.D.* 2001. Kalambo Falls Prehistoric Site. Vol.III. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Freeman L.G.* 1978. The analysis of some occupation floors distributions from Earlier and Middle Paleolithic. In: Freeman, L.G. (Ed.), *Views of the Past*. Mouton, The Hague. P. 57–93.
- Freeman L.G.* 1994. Torralba and Ambrona; a review of discoveries. In: Corruccini, R.S., Ciochon, R.L. (Eds.), *Integrative Paths to the Past*. Prentice Hall, Englewood Cliffs, N J. P. 597–638.
- Keeley L.H.* 1980. Experimental determination of Stone tool uses: A microwear analysis. Chicago-London: The University of Chicago Press.
- Keeley L.H., Toth N.* 1981. Microwear polishes on early stone tools from Koobi-Fora. Kenya // *Nature*. № 293 (5832). P. 464–465.
- Lee R.* 1969. Kung Bushman Subsistence: An Input-Output Analysis // A. Vayda (ed.). *Environment and Cultural Behavior*. Garden City, N.Y.: Natural History Press.
- de Lumley H. 2006. Il y a 400 000 ans: la domestication du feu, un formidable moteur d'hominisation // *C.R. Palevol*, 5. P. 149–154.
- McCarthy F. D., McArthur M.* 1960. The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life // C.P. Mountford (ed.), *Records of the Australian-American Scientific Expedition to Arnhem Land*, Vol. 2: Anthropology and Nutrition. Melbourne: Melbourne University Press.
- Oakley K.P., Andrews P., Keeley L.H., Clark J.D.* 1977. A reappraisal of the Clacton spearpoint. // *PPS*. № 43. P.13–30.
- Shchelinskij V.E.* 1993. Outils pour travailler le bois et l'os au Paleolithique inferieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gestes retrouvés*. V. 5. Liege, 1993.
- Stiner M.C.* 1994. *Honor among Thieves. A Zooarchaeological Study of Neandertal Ecology*. Princeton University Press, Princeton.
- Thieme H.* 1996. Altpaläolithische Wurfspeere aus Schöningen, Niedersachsen. Ein Vorbericht // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. № 26. S. 377–393.
- Thieme H.* 1997. Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // *Nature*. Vol. 385. P. 807–810.
- Thieme H.* 1999. Altpaläolithische Holzgeräte aus Schöningen. LKR. Helmstedt. Germania // *Jahrgang 77*, 2. Halbband. Mainz am Rhein. S. 151–487.
- Villa P., Soto E., Santonja M., Pérez-Gonzalez A., Mora R., Parcerisas J., Sesé C.* 2005. New data from Ambrona: closing the hunting versus scavenging debate // *Quaternary International*. № 126/128. P. 223–250.
- Woodburn J.* 1968. *An Introduction to Hadza Ecology* // R. Lee and I. De Vore (eds.), *Man the Hunter*. Chicago: Aldine.

Историко-культурное деление позднего палеолита Восточной Европы: основные тенденции в развитии археологического познания и критерии культурной атрибуции памятников (к постановке проблемы)

С.В. Палиенко

Киевский университет туризма, экономики и права. Украина, г. Киев

Решение методологических проблем и разработка археологической теории начинаются с тщательного историографического анализа всего предшествующего развития науки. В частности, для палеолитоведения проблема историко-культурного деления является одной из ключевых — в процессе культурной атрибуции палеолитических памятников происходит переход от эмпирического к теоретическому уровню познания. Поэтому историография проблемы историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы будет отражать основные тенденции в развитии советской и современной постсоветской палеолитической археологии.

За последние 10 лет интерес к историографии отечественного палеолитоведения значительно возрос. Появились публикации, посвященные истории изучения палеолита отдельных территорий (Чубур, 2005; Федорченко, 2007-а, 2007-б), а также общие обзоры (Васильев, 2004-а: 21–170; 2008; Залізник, 2005: 5–13). Что касается проблемы историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы, то опубликованы результаты исследований этой проблематики для отдельных регионов: Среднего Подонья (Синицын, Сергин, Хоффекер, 2002: 3–9; Аникович, Попов, Платонова, 2008), Среднего Поднепровья (Палиенко, 2008-б: 5–10) и степной области (Палиенко, 2008-а: 3–16). При этом общие тенденции в развитии археологического познания в советском палеолитоведении 1920–50-х гг. достаточно полно проанализированы в указанных выше монографиях С.А. Васильева. Особенности историко-культурной атрибуции позднепалеолитических памятников Восточной Европы на интерпретационном уровне во второй половине XX — начале XXI вв. рассмотрены автором настоящей статьи (Палиенко, 2009-в: 42–49). Однако до сих пор остаются не изученными критерии, на основе которых исследователи группировали позднепалеолитические памятники, в этом направлении сделаны только первые шаги (Палиенко, 2010: 72–75). Поэтому цель настоящей публикации — обозначить ключевые проблемы в данной теме и, таким образом, наметить направление для дальнейших исследований.

Анализ научных публикаций, посвященных проблемам историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы, позволил автору выделить четыре периода, поделенные на ряд этапов (Палиенко, 2009-в: 42–43):

Первый и второй периоды — это время сложения советской школы палеолитоведения.

I период (1920-е гг.) — продолжение традиций дореволюционной российской археологии, пояснение локальных отличий наличием различных рас, а изменений в материальной культуре — их миграциями, что было типичным и для европейской науки того времени; из-за незначительного количества известных памятников присутствуют только общеевропейские схемы, а специальные теоретические работы отсутствуют.

II период (1930-е — конец 1950-х гг.) — переход советского палеолитоведения на марксистские методологические позиции, впервые ставится задача исследования социальной структуры палеолитического общества. На подходах к проблеме историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы это отразилось в появлении стадияльной концепции. В пределах этого периода можно выделить два этапа, которые отражают определенные особенности в подходах советских исследователей к проблеме историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы:

1 этап (1930-е — начало 1950-х гг.) — становление стадияльной концепции развития позднепалеолитической культуры как результат перехода советской науки к марксистской методологии; создание комплексных трудов по истории первобытного общества на основе археологических материалов, попытки создания социологической периодизации каменного века; появление отдельной теоретической статьи о стадияльности в палеолите; открытие и введение в научный оборот значительного количества новых памятников; усовершенствование общеевропейских схем деления позднего палеолита.

2 этап (середина 1950-х гг.) — дискуссия о возможности использования данных геологии для датирования памятников и выделения археологических культур (АК) в позднем палеолите; переход к выделению АК, в результате увеличения количества материалов и невозможности включения новых

памятников в старые схемы в рамках стадиальной концепции; появление первой региональной схемы историко-культурного деления позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района; отсутствие теоретических работ по указанной проблеме.

III период (конец 1950-х — начало 1990-х гг.) — время бытования в советском палеолитоведении концепции археологических культур. В пределах этого периода выделены следующие этапы:

1 этап (конец 1950-х — 1960-е гг.) — окончательное утверждение концепции археологических культур в советском палеолитоведении; полемика между А.Н. Рогачевым и П.И. Борисковским по этому вопросу; выделение отдельных историко-культурных областей (ИКО) позднего палеолита Восточной Европы; создание культурно-хронологических схем развития позднего палеолита отдельных регионов этой территории на основе новой парадигмы; дискуссия относительно «степной зоны» развития позднего палеолита; появление сугубо теоретических работ, рассматривающих содержание понятия АК; публикация обобщающих трудов.

2 этап (начало 1970-х — середина 1980-х гг.) — усовершенствование культурно-хронологических схем развития позднего палеолита отдельных регионов Восточной Европы, созданных на предыдущем этапе, за счет включения в них новых памятников и применения новых подходов; выход теоретических работ по проблеме критериев АК, содержания и соотношения понятий «АК», «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ), «этнокультурная общность» (ЭКО); публикация обобщающих трудов.

3 этап (середина 1980-х — начало 1990-х гг.) — уменьшение интереса исследователей к проблеме историко-культурного деления позднего палеолита Среднего Подонья, Поднепровья, Поднестровья; пик в деле создания схем развития позднепалеолитической культуры отдельных районов Юга Восточной Европы; разработка проблемы общих закономерностей развития позднего палеолита отдельных территорий или хронологических периодов; методологический кризис понятия АК.

IV период (начало 1990-х гг. и до нашего времени) характеризуется, как время внедрения в постсоветском палеолитоведении технокомплексного подхода к проблеме историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы. Методологические основы его разработаны Г.П. Григорьевым и М.В. Аниковичем. Одновременно наблюдается значительное уменьшение интереса исследователей к теоретическим проблемам, а в украинском палеолитоведении — практически полное отсутствие (за некоторыми исключениями) подобных публикаций. Происходит активное использование методов естественных наук для хронологической атрибуции памятников. Полностью отсутствуют обобщающие труды по позднему палеолиту территории Украины, России или Восточной Европы¹. Этот период также можно разделить на несколько этапов:

1 этап (первая половина 1990-х гг.) — разработка методологических основ технокомплексного подхода, его применение для построения культурно-хронологической схемы развития позднего палеолита Среднего Подонья; параллельное использование для культурной атрибуции памятников подходов и методов, характерных для предыдущей парадигмы; полное отсутствие теоретических работ украинских исследователей.

2 этап (вторая половина 1990-х) — дискуссия по проблеме восточного граветта; активное применение нового подхода к созданию культурно-хронологических схем развития позднего палеолита Среднего Поднепровья, Поднестровья и Юга Восточной Европы; исследование археологических особенностей разных археологических периодов позднего палеолита; полное отсутствие теоретических работ украинских палеолитоведов.

3 этап (начало XXI в. до нашего времени) — создание нескольких культурно-хронологических схем развития позднего палеолита Юга Восточной Европы; культурно-хронологическая атрибуция новых памятников других районов на основе концепции технокомплексов; создание на основе данных естественных наук хронологии памятников отдельных регионов Восточной Европы; полемика между М.В. Аниковичем и Г.В. Григорьевой о правомерности выделения Днепро-Донской ИКО; обобщение методологических разработок российских исследователей; практически полное отсутствие теоретических работ украинских палеолитоведов.

Для объяснения описанного выше развития археологического познания рассмотрим внешние факторы, обусловленные общественно-политической ситуацией, с одной стороны, и развитием не археологических методов исследования, с другой, а также внутренние факторы, связанные с разработкой археологической теории.

¹ При сравнительной редкости обобщающих работ такого рода, мы все же укажем некоторые из них, вышедшие в этот период: Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007, 336 с. (ТКБАЭ, вып. 5); Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб., 2008, 250 с. (ред.).

Что касается первого и второго периодов (1920 — 1950-х гг.) и стадийной парадигмы развития палеолитической культуры, то влияние внутренних и внешних факторов вполне детально и объективно рассмотрено в монографии С.А. Васильева. Можно согласиться с его общими оценками стадиялизма и советского палеолитоведения в 1930—1950-х гг.: «Период сложный и неоднозначный, но, благодаря ему, наша доистория заняла свое оригинальное место, по ряду причин опередив современные западные течения...» (Васильев, 2004-а: 74).

На развитие археологического познания в последующие два периода значительно повлияли внешние факторы. Либерализация общественных отношений в СССР в 1960-е гг. (хрущевская «оттепель»), а также брежневский «застой» привели, с одной стороны, к распространению в советском палеолитоведении некоторых западных идей, а с другой — к ослаблению применения марксистской методологии в археологии, перекосом советского палеолитоведения в сторону эмпиризма. Начиная с конца 1950-х гг., в советской археологической науке начинают применяться идеи французских исследователей Ф. Борда и Д. Сонневиль-Борд относительно использования типолого-статистического анализа каменного инвентаря для определения культурной принадлежности памятников, а немного позже — и представителя «новой археологии» — Д. Кларка. В 1970-е гг. их часто дорабатывали советские исследователи (Гладких, 1973: 15—21).

Необходимо обратить внимание на следующее: позднепалеолитические культуры начали выделять еще во второй половине 1950-х гг., однако методологические разработки, так же, как и дискуссии о смысле этого понятия, начинаются лишь с середины 1960-х. В конце этого десятилетия на кафедре археологии ЛГУ создается даже теоретический семинар по указанной теме (Клейн, Миняев, Пиотровский, 1970: 298—302). Стоит отметить: полемика велась тут, преимущественно, специалистами по другим периодам. Среди археологов 1960-х гг., изучавших палеолит, теорию АК разрабатывал только Г.П. Григорьев (Григорьев, 1966: 27—32). Теоретические публикации А.Н. Рогачева были посвящены общим методологическим проблемам первобытной археологии, которую он рассматривал как отдельную конкретно-историческую науку (Рогачев, 1967: 7—9).

Отсутствие детальной разработки теоретических понятий приводило к взаимному непониманию. Одним из примеров может служить дискуссия относительно возможности выделения промежуточной «степной зоны», где обе стороны совершенно по-разному понимали термин «зона». Подобная ситуация повторилась в конце 1990-х гг. с проблемой единой историко-культурной области охотников на мамонтов.

Накопление большого количества археологических материалов потребовало новых методов их обработки и, в частности, использования методов математической статистики. Этим объясняется интерес палеолитоведов начала 1970-х гг. к работам французских коллег, а также их собственные исследования в этом направлении (напр.: Гладких, 1973: 15—21). Это же стало причиной разработки в СССР археологической теории, и как следствие — привело к дискуссии относительно определения археологии как науки (Генинг, Захарук, Каменецкий и др., 1973: 6—10), длившейся со второй половины 1970-х по начало 1990-х. В это время создание теории «археологической культуры» ведется в более широком контексте общей археологической теории. Однако в археологии позднего палеолита эти идеи не получили в то время практического воплощения.

Теоретические разработки значительно отставали от стремительного накопления эмпирических данных. Если изучением проблемы историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы в 1960—1980-х гг. занимались более двадцати исследователей, то теоретические разработки присутствуют в работах только шести из них. Такую ситуацию можно объяснить общественно-политическими условиями в СССР того времени — с одной стороны, самосознанием археологов, особенно палеолитоведов, как романтиков, которые не очень-то интересовались философскими проблемами. С другой стороны — потребностями государства, главным образом, в полевых исследованиях, проводившихся в те времена в поистине грандиозных масштабах.

При этом следует отметить, что большинство теоретиков обучались еще в 1950-х — 1960-х гг. (а то и в 1930-х!), когда изучение марксизма еще не сводилось к формальному зазубриванию постулатов истмата и диамата и переписыванию стандартного набора цитат классиков. Именно в 1980-е годы происходит окончательное скатывание в эмпиризм и отход от марксизма, начавшиеся еще в 1960-е. Эти факты, на мой взгляд, опровергают тезис М.В. Аниковича о незначительном влиянии мировоззрения археолога на выбор методологической основы, влияющей в итоге на конечные результаты исследования (Аникович, 2007: 68).

Общественно-политическая ситуация в СССР в 1970 — 1980-х гг. способствовала увлечению западными идеями, что иногда определяло приоритеты в исследованиях советских ученых. Например, Е.С. Федорченко указывает на влияние работ сторонников процессуализма — Л. Бинфорда и Г. Фризонна — на распространение экспериментального метода в этот период (Федорченко, 2007а: 29). Впрочем,

здесь мы, возможно, имеем дело с параллельным развитием: когда перед учеными из разных стран стояли одни и те же проблемы, и в их решении они шли сходным путем¹. Поколение исследователей того времени перестает понимать марксизм как методологию, всё более сползая в эмпиризм и переходя на неопозитивистские и неокантианские методологические принципы. Так, М.В. Аникович прямо говорит о влиянии западных идей и свой переход в лагерь противников марксизма (Аникович, 2005: 488, 494).

Во второй половине 1980-х — в начале 1990-х гг. это проявилось в дискуссии о предмете и объекте археологии (более детально см.: Палиенко, 2009: 90–95). Главными ее участниками были Л.С. Клейн (отстаивал источниковедческий статус археологической науки), В.Ф. Генинг и Ю.М. Захарук (стояли на марксистских позициях и рассматривали археологию как науку о развитии древних обществ). Однако определение археологического материала как объекта археологии присутствовало в 1960–70-х гг. и в работах другого ленинградского исследователя — Г.П. Григорьева (Григорьев, 1969: 12–17).

Именно переходом к иной методологической основе можно объяснить тот факт, что понятие «путь развития», разработанное М.В. Аниковичем в 1990-е гг. для позднего палеолита, а до этого использовавшееся Г.П. Григорьевым для среднего, выступает аналогом понятия «технокомплекс» Д. Кларка. А понятие «археологическая культура» трактуется исследователем в обычном для европейской науки неопределенном ключе — как синоним «традиции», лишившись своей интерпретационной нагрузки, как ярлык для обозначения памятников с более или менее сходным инвентарем, на что и обратил внимание С.А. Васильев (Васильев, 2004-а: 130, 134). Следует отметить, что в своих теоретических разработках М.В. Аникович исходит из определения археологии как источниковедческой науки (Аникович, 1988: 90–96; 1989: 115–127; 2005: 488). Г.В. Григорьев хоть и отрицал, что археология ограничивается источниковедением, однако определил объект археологии как совокупность ископаемого материала в широком смысле слова (Григорьев, 1973: 42–43). При этом его методологические разработки, основанные на данном подходе, зашли в тупик во второй половине 1980-х гг. В итоге он пришел к выводу, что археологических культур в его понимании в позднем палеолите Восточной Европы не существовало, кроме одной костенковской (Григорьев, 1988: 13–15).

Далеко не все исследователи понимают термины «путь развития» или «технокомплекс» одинаково — тут повторяется история дефиниции «археологическая культура». Так, например, Л.Л. Зализняк предложил считать граветт, ориньяк и эпиграветт остатками блоков этнокультурной непрерывности (Зализняк, 2000: 4–11). Но никаких конкретных доказательств того, что культурная и языковая общность отображается именно в такой системе обработке камня, он не приводит. В современной Украине методологические работы по обоснованию нового технокомплексного подхода к историко-культурному делению позднего палеолита отсутствуют вообще.

Л.Л. Зализняк не является единственным сторонником этнической интерпретации сходства каменного инвентаря. Другой украинский исследователь Н.П. Оленковский считает, что выделенные им позднепалеолитические археологические культуры отражают древние этнические общности. В качестве обоснования он ссылается на теоретические разработки В.Ф. Генинга (Оленковский, 2002: 167–168).

До дискуссии о содержании понятия «технокомплекс» дело пока не дошло. Но во второй половине 1990-х гг. имела место полемика относительно понятий «граветт», «эпиграветт», «восточный граветт» и «восточный эпиграветт» — результат применения нового подхода на практике. В результате единое понимание проблемы так и не было выработано, что, впрочем, не мешает исследователям дальше работать с материалом. При этом терминологическая путаница только усиливается, что приводит к новым спорам. Так, на использование одинаковых терминов, но с различными значениями указывал М.В. Аникович, отвечая Г.В. Григорьевой, отрицавшей существование выделенной им Днепро-Донской историко-культурной области (Аникович, 2005: 502–504). С.А. Васильев считает недостаточное внимание исследователей к методическим и методологическим проблемам одной из особенностей советской, а теперь и российской археологии палеолита (Васильев, 2004-б: 164).

Выше речь шла об изменении подходов и разногласиях на интерпретационном уровне, а также о несогласованности научной терминологии. Но, кроме этого, существует еще проблема критериев. Ведь разные исследователи выделяют технокомплексы (как раньше — археологические культуры) на основании различных критериев. При этом для памятников позднего палеолита Восточной Европы до сих пор не существует единой номенклатуры каменных изделий.

¹ О развитии экспериментального метода в советской/российской археологии см. также статью Н.И. Платоновой, М.В. Аниковича и Н.К. Анисюткина в наст. сб. (ред.).

Начиная с 1950-х гг., можно выделить три основных подхода советских и современных исследователей к культурной атрибуции позднепалеолитических памятников на основе анализа каменного инвентаря. Зачастую описанные ниже методы применяются вместе (как, например, типолого-статистический и технико-типологический). Далее я, во избежание разночтений, привожу собственные определения терминам, которые использую в своих публикациях. Оговорю: эта терминология ни в коем случае не претендует на абсолютное значение.

Формально-типологический метод подразумевает, что решающим для культурной атрибуции является наличие/отсутствие на памятниках определенных типов каменных изделий. Применение этого метода на практике, включая теоретическое обоснование, можно найти в работах Г.П. Григорьева (Григорьев, 1966: 27–32; 1970: 43–63).

При обращении к *типолого-статистическому методу*, критерием отнесения памятника к той или иной АК служит соотношение типов каменных изделий. Большинство отечественных исследователей в качестве теоретического обоснования его применения ссылаются на работы французских исследователей — Д. Сонневиль-Борд и Ж. Перро (Черныш, 1959: 187, Кротова, 2000: 31).

Технико-типологический метод подразумевает, что для сравнения памятников между собой, кроме формальных типов, дается описание техники первичного расщепления и вторичной обработки. Именно на базе этого подхода А.Н. Рогачев и М.В. Аникович произвели культурную атрибуцию позднепалеолитических памятников Восточной Европы в соответствующем разделе «Палеолита СССР» (Рогачев, Аникович, 1984: 162–271).

Пока еще рано говорить о зависимости между результатами интерпретации и применяемыми методами, так как исследования продолжаются. Однако уже имеются предварительные результаты по культурной атрибуции памятников некоторых районов Восточной Европы.

Так при изучении позднего палеолита Среднего Поднестровья и сопредельных территорий выделение региональных отличий памятников соотносится с началом применения типолого-статистического метода. В то же время, переход к учету технологических характеристик материала не привел там к изменению общей парадигмы. И наоборот — технокомплексный подход оказался не связан с использованием новых методов анализа каменного инвентаря (Палиенко, 2010: 74). Подобная ситуация наблюдается и в исследованиях позднего палеолита Среднего Поднепровья и Юга Восточной Европы.

Для автора пока остается открытым вопрос по Костенковско-Борщевскому району. Изучение критериев культурной атрибуции позднепалеолитических памятников этого региона в советской и постсоветской историографии является темой дальнейшего исследования. Начиная с 1950-х гг., материалы памятников Среднего Подонья служили основой для апробации новых интерпретационных концепций — археологических культур и технокомплексов, которые затем применялись и при изучении палеолита других районов Восточной Европы (Палиенко, 2010: 5–6). Исследование динамики выбора критериев культурной атрибуции позднепалеолитических памятников разными исследователями, а также их взаимосвязь с интерпретационными концепциями и корреляция с конечными результатами, возможно, позволит в дальнейшем избежать прошлых ошибок при выработке критериев историко-культурного деления позднего палеолита Восточной Европы на основе социоисторического подхода (Палиенко, 2009-б: 121–122).

Литература

- Аникович М.В. 1988. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л. С. 73–98.
- Аникович М.В. 1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. № 4. С. 115–127.
- Аникович М.В. 2005. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. № 1–2. 2003–2004. Кишинев, С. 487–506.
- Аникович М.В. 2007. А.Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» // РА. № 4 С. 64–71.
- Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН, вып. 1).
- Васильев С.А. 2004-а. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum plus. 2001–2002. № 1–2. Кишинев. С. 21–170.

- Васильев С.А. 2004-б. Современное палеолитоведение и российская археология // Археолог: детектив и мыслитель. СПб. С. 157–166.
- Генинг В.Ф., Захарук Ю.Н., Каменецкий И.С., Клейн Л.С., Массон В.М. 1973. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР // ТД СПИПАИ 1972 года в СССР. Ташкент. С. 6–10.
- Гладких М.И. 1973. До методики типолого-статистичного аналізу пізньопалеолітичного кам'яного інвентарю // Археологія. № 9. С. 15–21.
- Григорьев Г.П. 1966. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности // Докл. на VII Междунар. конгрессе доисториков и протоисториков. М. С. 27–32.
- Григорьев Г.П. 1969. Совершенствование методики изучения палеолита в СССР // Теоретические основы советской археологии. Л. 1969. С. 12–17.
- Григорьев Г.П. 1970. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. М. С. 43–63.
- Григорьев Г.П. 1988. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: Тезисы докладов к советско-французскому симпозиуму. Л. С. 13–15.
- Григорьева Г.В. 2002. К вопросу о существовании Днепро-Донской историко-культурной области // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 63–67.
- Залізник Л.Л. 2000. Етнокультурні процеси у пізньому палеоліті та проблема епіграветту // Археологія. № 2. С. 4–11.
- Залізник Л.Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт Континентальної України. Кам'яна Доба України. Вип. 8. Київ.
- Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. 1970. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. № 2. С. 298–302.
- Кротова О.О. 2000. Граветтоїдні комплекси Північного Причорномор'я // Археологія. № 2. С. 30–37.
- Монгайт А.Л. 1967. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. № 1. С. 53–69.
- Оленковський М.П. 2002. Проблема пізньопалеолітичних археологічних культур // Сучасні проблеми археології: Збірка наукових праць. Київ. С. 167–168.
- Палиенко С.В. 2008-а. Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Півдня Східної Європи (історіографічний аспект) // Археологічні студії. Вип. 3. Київ–Чернівці. С. 3–16.
- Палиенко С.В. 2008-б. Проблема історико-культурного членування пізнього палеоліту Середнього Подніпров'я (історіографічний аспект) // Часопис української історії. Вип. 9. С. 5–10.
- Палиенко С.В. 2009-а. Дискусія щодо статусу археології в радянській науці (друга половина 80-х — початок 90-х рр.) // Часопис української історії. Вип. 11. С. 90–95.
- Палиенко С.В. 2009-б. Культурно-історичні реконструкції в пострадянському палеолітознавстві та деякі актуальні проблеми археологічної методології // С.Н. Бибииков и первобытная археология. — СПб. С. 120–123.
- Палиенко С.В. 2009-в. Проблема історико-культурного поділу пізнього палеоліту Східної Європи в радянському та пострадянському палеолітознавстві (кінець 50-х рр. XX ст. — початок XXI ст.) // VITA ANTIQUA. № 7–8. С. 42–49.
- Палиенко С.В. 2010-а. Критерии культурно-исторического деления позднего палеолита Среднего Приднестровья и сопредельных территорий // Пруто-Днестровский регион. Диалог культур: Сборник статей, посвященный 650-летию молдавской государственности и 300-летию со дня рождения Антиоха Кантемира. СПб. С. 72–75.
- Палиенко С.В. 2010-б. Матеріали Середнього Подніпров'я та Подесення як основа культурної диференціації пізнього палеоліту України // Сіверянський літопис. № 2–3. С. 3–8.
- Рогачев А.Н. 1967. Некоторые проблемы изучения палеолита Европы // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев. С. 7–9.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М. С. 162–271.
- Синицын А.А., Сергин В.Я., Хоффекер Дж.Ф. 2002. 120-лет исследования палеолита Костенок: традиции и тенденции // Костенки в контексте палеолита Евразии. Вип. 1. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 3–9.
- Федорченко О.С. 2007-а. Дослідження пізнього палеоліту Північного Надчорномор'я та Надазов'я у 70–80-х роках XX ст. // Магістеріум. Вип. 27. Київ. С. 26–31.
- Федорченко О.С. 2007-б. Перший етап польових досліджень пізньопалеолітичних пам'яток Півдня Східної Європи // Кам'яна Доба України. Вип. 10. Київ. С. 78–85.
- Чубур А.А. 2005. Деснянский палеолит: проблемы истории исследований, историографии и источниковедения. М.

Международная школа квазиархеологии: ее прошлое и предсказуемое будущее

Я.П. Гершкович

Институт археологии НАНУ. Украина, г. Киев

На фоне резких изменений экономических, политических, идеологических и, в целом, мировоззренческих реалий, по всему постсоветскому пространству стали широко распространяться лженаучные концепции — по-настоящему агрессивные. Здесь как будто витает выпущенный из бутылки злой и коварный джинн, который, меняя свои обличья, всегда приносит и, как можно предположить, принесет еще немало бед: сон разума рождает чудовищ.

Попробуем рассмотреть следующие вопросы, связанные с этим явлением:

- 1) каковы причины активности джинна вообще и, в частности, в его археологической ипостаси?
- 2) почему квазиархеологию можно рассматривать, как международную школу, и каковы ее особенности?
- 3) какие факты в ней использовались ранее и используются сейчас?
- 4) что должны делать профессионалы в создавшихся условиях?

Итак, по порядку.

Вопрос первый, констатирующий

Джинн распоясался вследствие катастрофического снижения престижа знаний, возрождения не только религии, но и «триумфального шествия неоязычества по просторам Евразии» (Шнирельман, 2001: 130). Устранены внешние, бюрократические регуляторы в виде государственной цензуры. Само по себе, это чаще хорошо, чем плохо, но, с другой стороны, оказался понижен порог личной, моральной, ответственности самих ученых — а вот это всегда плохо. Некоторые из них, не без личной корысти, используя традиционно наивную веру людей в простоту свершения открытий, нацелились на стремительный эффект и пиар через ложные сенсации, а особо честолюбивые еще и возомнили себя новой интеллектуальной и духовной элитой.

Значительно упал престиж гуманитарных наук, выдвинутых ранее, в СССР на передний край идеологической борьбы. Поражение в этой борьбе привело к отвержению прежних социальных и исторических мифов. Им на смену должны прийти новые (Осипов, 1998; Кэмпбелл, 2002: 17), но в нынешнем «третичном» виде они передают уже не просто представления о мире и происхождении всего сущего, а ставятся на службу политическим интересам (Rassamakin, 2002: 276; Gadjiev, Kohl, Magomedov, 2007: 119). Рациональное осмысление исторической последовательности, без мифологии и неизбежно порождаемого ею националистического мистицизма (Попович, 1998), отодвинуто ныне на задний план.

Прежняя мифология ушла, а процесс становления новой, иной системы идеалов и ценностей, продолжается. Он может оказаться бесконечным. И вот образовавшийся провал начал стремительно заполняться спекуляциями на исторические темы. Именно здесь археологические данные и оказались очень востребованными, они воистину стали цениться на вес золота. Появились разного рода меценаты, общественные и частные фонды, партии, которые готовы даже материально поощрять исследователей, но... при условии подтверждения выводов, обозначенных заранее. Противостоять такой опеке смогли далеко не все (Гершкович, 2005: 95–96). И вот в новых государствах нашлись или археологи, или обычные аматоры, писатели, поэты, политики, журналисты и другие «почитатели «метаисторического» жанра» (Шнирельман, 2004) или жанра «фолк-истори», готовые ублажать своих патронов и вдохновителей. В общем, как всегда, предложение стало порождением спроса, причем спроса не-малого.

Археологи бывшего СССР к нашествию квазиархеологии явно не готовились, наивно рассчитывая каким-то мистическим образом избежать ее развития. Но никаких шансов на это не было, хотя бы потому, что возникла она (и особенно ее этноцентристское направление!) не на пустом месте. Увы, даже сейчас, перед лицом уже свершившегося факта, чаще обращают внимание лишь на наиболее яркие примеры ложных открытий и подвергают критике отдельных, пусть даже самых типичных, их авторов (Кореняко, Кузьминых, 2007: 174–175; Залізняк, 2002; Отрошенко, 2007). Конечно, нужно и это, но этого явно недостаточно! Одна из очень коварных черт квазиархеологии состоит в прозрачности ее границ:

в ней действуют не только заведомые шарлатаны, но и, на первый взгляд, вполне уважаемые ученые, вольно или невольно вовлеченные в процесс.

В России это произошло с известным археологом Г.Б. Здановичем (Кореняко, Кузьминых, 2007: 175), а в Украине — с М.Ю. Видейко, одним из наиболее активных исследователей трипольской культуры. Последний часто, в зависимости от состава аудитории или потенциальных своих читателей (Отрошенко, 2009: 77) меняет принципиальные определения ("поселения" на «города» или «протогорода», «культуру» на «цивилизацию» и наоборот), а недавно весьма опрометчиво (или, может быть, закономерно?) стал одним из пропагандистов «луганских чудес» (см. ниже) (Видейко, 2005: 89, 91–94 и др.; 2008: 68–69).

Квазиархеология, как и лженаука в целом, объективно представляет собой особое социальное явление, формирование которого подлежит внимательному анализу. Ну, а пока, к сожалению, преобладает игнорирование или стыдливое замалчивание проблемы. Это обусловлено целым рядом обстоятельств. В первую очередь, среди них нужно назвать неразработанность или неприятие норм профессиональной этики (Кореняко, 2004: 28; Михайленко, 2009: 102–103). Очевидно также некоторое пренебрежение общепрофессиональной историографией и незнание примеров из истории мировой археологии, которых, в этом случае, никоим образом не может заменить традиционная историография по отдельным культурам, культурно-историческим общностям, периодам и, тем более, информационные обзоры результатов раскопок.

Истоки современной квазиархеологии уходят к тем далеким временам, XVI–XVII вв., когда бытовало представление о древних горшках, вырастающих из земли естественным образом (Raczkowski, 1996: 190), и когда для исторических реконструкций с успехом использовались библейские и мифологические сюжеты. Вполне понятно, что многие нынешние построения в области этногенеза, прикрывающиеся патриотической риторикой, поразительно созвучны этим суждениям более чем 400-летней давности. По сути, они — просто неизбежный результат той извечной борьбы за власть и влияние внутри и вне своих государств, которую всегда, и особенно в XIX–XX вв., вели все без исключения маргинальные общественные движения и политические радикалы, а сейчас и новые, по определению Е.Н. Черных, «маленькие фашисты» (Chernykh, 1995: 147).

Часто, ослепленные идеями мнимого исторического и/или расового превосходства, они не обращают внимания на то, что получают от квазиархеологии продукцию «второй свежести». Так произошло в Украине, где особо ловкие «борцы за идею» умудрились иметь финансовую и моральную поддержку у заведомых антогонистов, украинских и российских ультра-националистов (Залізник, 2002: 94–96; Отрошенко, 2007: 15).

Спектр конкретных квазиархеологических проявлений очень разнообразен и широк: поселения-гиганты трипольской культуры объявляются городами или протогородами (Видейко, 2008: 21–22, 27), обычные курганы — обсерваториями, а природные каменные образования с наскальными изображениями или даже без таковых — древними святилищами, архивами, библиотеками или рукотворными мегалитическими сооружениями (Кифишин, 2001: 61, 558–562; Шилов, 2002: 18–19, 64, 153 и др.; Клочко, 2007), превосходящими по древности, монументальности и совершенству строительной техники и Стоунхендж, и Трою, и египетские пирамиды, и т.п.

Очень часто на такие и подобные выводы обращают внимание идеологи и сторонники неоязычества. В 70-е годы прошлого века в Украине мало, кто знал, а из тех, кто знал, никто не увидел опасности в том, что сугубо археологическая трипольская проблематика привлекла основоположника украинского неоязычества, Родной Украинской Народной Веры, Льва Силенко, который выводил из трипольской культуры шумеров, древних украинцев, киммерийцев и других «ориан». В начале 90-х гг. памятники типа Каменной могилы в Приазовье стали центрами медитаций, местом массового паломничества разного рода экстрасенсов и колдунов. Нечто подобное произошло также с Аркаимом на Южном Урале, менгирами Хакасии, дольменами Северного Кавказа, а еще раньше со Стоунхенджем в Великобритании, который давно почитается местными неоязычниками, мнящими себя наследниками друидов (Chippindale et al., 1990).

Вне зависимости от того, знают ли своих предшественников творцы и любители Аратты и Орианы, «древнейшего в мире славянского города-обсерватории» или просто «великой обсерватории древности» Аркаима, тюркского происхождения христианства и тюркской основы шумерского языка, и т. д., и т. п. — все они по-прежнему, с неуываемой энергией доказывают связи своих народов с библейскими или до-библейскими. Борьба за первородство, древность и исключительность не имеет конца, а слово «цивилизация» постепенно становится применимым ко всем ярким археологическим культурам. В Украине

таковой, конечно, стала трипольская, попавшая в сферу внимания приверженцев, по Л.Л. Зализняку, «романтико-фантастической трипольской версии происхождения украинцев» (Зализняк, 2005: 98). Законы жанра суровы, поэтому следует помнить, что в нацистской археологии, помимо корней в доисторической антропологии, которая оказалась под влиянием расовой идеологии, были и корни в немецком национал-романтизме (т.н. «патриотическом антикварианизме»), развившемся из немецкой филологии и постепенно перешедшем от письменных источников к археологическим.

Как бы тривиально не выглядели такие сравнения, но объективно нынешнюю ситуацию по всему пространству бывшего СССР трудно не сопоставить с ситуацией в Германии конца XIX в., когда после ее объединения имело место беспрецедентное увеличение потока популярной и псевдонаучной литературы (Wiwjorra, 1996: 170) — уже тогда нередко антисемитской и одновременно неоязыческой, антихристианской, направленности (Шнирельман, 2001: 139; Отрошенко, 2007: 16–18). Со временем, усилиями профессора Г. Коссины, археология там была признана исключительной национальной дисциплиной, и хотя сам профессор лишь несколько лет не дожил до «светлого нацистского будущего», он стоял у истоков пропагандистской археологии нацистской Германии.

Заложенная Г. Коссиной традиция, в общем-то, простых решений этногенетических и даже геополитических проблем (например, во время обсуждения Версальского мирного договора 1919 г., профессор указывал, что Польша не может получить выход к морю, так как эти территории принадлежали германцам с железного века) оказалась очень живучей. Крайне упрощенное понимание древних культурно-исторических процессов и убеждение в легкости «чтения» археологических данных, которые используются для их реконструкций, всегда и везде были и остаются в основе квазиархеологии. Сейчас именно эта традиция проявляется в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке (Silberman, 1989), в континентальной Европе и повсюду на территориях бывшего Советского Союза (Jones, 1997: 3–11; Gadjev, Kohl, Magomedov, 2007).

Современные этноцентрические и этнополитические мифы направлены к прошлому и будущему, но полностью игнорируют настоящее (Шнирельман, 2000: 15). Само по себе, это чревато (рано или поздно!) региональными и межрегиональными конфликтами и войнами (Chernykh, 1995: 142; Kohl, Tsetskhladze, 1995: 149–50). Джинн свое дело знает.

Вопрос второй, аналитический

Поливариантность толкования археологических источников, особенно в части соотнесения древних археологических культур с современными народами (Толочко, 2005: 7–10), предоставляет широкие возможности для выдвижения самых фантастических и невероятных гипотез и теорий. В сферу интересов их создателей давно попали все континенты, включая Антарктиду, где идеологи Третьего Рейха искали, как и на Тибете, следы Атлантиды. Таким образом, международный характер квазиархеологии понятен. Намного сложнее с определением ее как своеобразной научной школы. Такое соотнесение может, по меньшей мере, помочь анализу явления.

В отличие от реальной школы, которая имеет своего руководителя и в которую входят, преимущественно, профессионалы (Рапацевич, 2005: 667–668), у квазинаучной единого сплоченного коллектива нет. В ее составе больше любителей и просто дилетантов, отсутствует лидер с какой-либо новой, уникальной и продуктивной исследовательской программой.

Консолидация этой школы происходит стихийно, независимо от осознания этого ее приверженцами; развитие идет не по спирали, т. е. не по нарастающей — от одного уровня знаний к другому, а по кругу, когда используемые факты могут быть разными, но основные выводы в том или ином виде повторяются. Отсюда частые конфликты, так как поделить поровну шумерское или арийское наследство невозможно, а на каждый прароссийский Аркаим находится своя трипольская, праукраинская, Аратта.

Мощным системообразующим фактором квазиархеологии является стремление решать **исключительно** глобальные культурологические и исторические проблемы, снобистски игнорируя четкую логическую процедуру, наработанные методы и рутинную обработку археологического материала.

Как предлагал известный биофизик, член-корреспондент РАН М.В. Волькенштейн, лженаучность устанавливается через произведение двух сомножителей: *степени невежества и уровня претензий*. А еще любая лженаука позиционирует себя от т.н. «официальной науки», где злостные, бесталанные, ангажированные конкуренты якобы не в состоянии постичь «истинное» знание и величие творцов этого знания. В археологии первым тревожным симптомом является необоснованное провозглашение (в соответствии с уровнем невежества) отдельных археологических памятников как имеющих мировое

(уровень претензий) или, в более скромном варианте, европейское значение. Чуть позже появляется патологическое стремление к сочинительству (Блейхер, Крук, 1995). В наиболее острой и запущенной форме это приводит к созданию грандиозных по замыслу и эклектичных по сути теорий, например, «новой теории истории» Ю.А. Шилова, которая «...снимает противоречие между наукой-религией-политикой, является альтернативой относительно марксистского “исторического материализма”...» (Шилов, 2007).

И, наконец, квазиархеология обладает возможностью саморазвития и развертывания, потому что археологические источники очень разнообразны, и их количество постоянно увеличивается.

Вопрос третий, напоминающий

В национал-социалистской Германии путь от насилия над археологическими источниками к насилию над народами оказался на удивление прямым. Там еще до прихода к власти нацистов велись поиски германского длинноголового антропологического типа, который бы отличался от иных, «патологических типов». Для доказательства существования такого сугубо немецкого типа, врач, помогавший антропологу в массовых антропологических измерениях, записывал более высокие показатели при измерении высоты и длины черепов исследуемых (Wiwiorra, 1996: 169). Не очень долгим оказался и путь от «чувственного восприятия» (Рассамакін, 1992: 126) причерноморских курганов к уже упомянутой новой теории истории, автор которой объявил себя (снова — уровень претензий) «Спасителем человечества» (sic!) и всех уже поделил по известному принципу «каждому — свое» (Залізник, 2005: 98; 2002: 96).

Подделка, домысел, фантазии — постоянные спутники квазиархеологии. Ее приверженцы не гнушаются недостоверными данными или же создают их сами. Недавно журнал «Archaeology» Американского археологического института опубликовал подборку наиболее известных мистифицированных артефактов.¹ Среди них названы: *идол смерти Фосета, подделки Берингера, тиара Сайтоферна, статуи этрусских воинов из музея Метрополитен Валам Олум* (якобы эпос индейских племен ленапе—делаваров), *саркофаг Геркулеса* из Таррагоны в Испании, *калаверасский череп* и *пренестийская фибула*.

Авторы и пропагандисты этих подделок (и многих других тоже) исходили из соображений личной выгоды, престижа и карьеры, будучи фанатиками своих представлений и убеждений. То же движет и представителями современной квазиархеологии, которые использовали — и раньше, и сейчас — удивительно близкие виды фальсификатов. Ведь явные параллели можно провести между Валам Олум и Велесовой книгой. А еще к ним можно добавить т.н. фризские хроники, Ура-Линда, мистификацию XIX в., представленную нацистскими идеологами как оригинальное произведение конца III тыс. до н. э. (Кондратьев, 2006). Наиболее активным пропагандистом этих хроник был профессор Герман Вирт, один из первых руководителей нацистской оккультной организации *Deutsches Ahnenerbe*. Он нашел в них подтверждение своей теории о полярном, арктическом, происхождении человечества. Недавно в Дагестане появилась т.н. «Албанская книга», призванная пересмотреть древнюю историю всего Кавказа и Закавказья, а у татар-булгаристов — свод летописей «История Джагфара». Надо думать, продолжение следует.

В квазиархеологии используются даже ложные монументальные комплексы. В XX в. они вошли в два близких, но разных по своей сути направления мистификаций. Первое — пародийная археология (Клейн, 2010: 11), которая предусматривает сооружение симулякров, имитаций, с целью привлечения туристов. Здесь современное происхождение объектов не скрывается, и до тех пор, пока это соблюдается, такое направление остается в целом безобидным, а для популяризации археологии, возможно, и полезным. Второе направление провозглашает в качестве древних культовых объектов величественные естественные образования. Тут разоблачения, казалось бы, заведомо неизбежны, но периодические сообщения об открытиях грандиозных мегалитических святилищ и храмов будоражат умы и воображение готовой к сенсации публики.

Именно в рамках второго направления в национал-социалистской Германии выделяли средства на изучение естественного скального образования Экстернштайн в Вестфалии (Mundhenk, 1980: abb. 1; 2). Его объявили дохристианским культовым местом, святилищем древних германцев, где, по преданиям, был распят, а потом воскрес древнегерманский бог Один (Вотан) (Wiedemann, 2007: 195). Интерес к Экстернштайну сохранился и поныне, и место его расположения, объявленное магическим, притягивает к себе приверженцев эзотерических знаний и... снова и снова неоязычников (Halle, 2009: 193—196).

¹ Доступна электронная версия этого журнала — <http://www.archaeology.org/online/features/hoaxes/>

В истории мировой археологии Эсктерштайн не одинок. В 60–70-х гг. прошлого века природные системы каменных блоков, напоминающих опоры колонн, стены и дороги, были найдены в Тасмании и на Карибах, вблизи берегов Бимини и Андроса. Совсем недавно активно обсуждалось открытие пирамид и сфинксов на Марсе (Feder, 2008: 220–223, fig. 7.12; 242–248). В 2005 г., получив доступ к космическим снимкам района Центральной Боснии, боснийско-американский подрядчик Семир Османогич, объявивший себя независимым исследователем пирамид Латинской Америки, заявил об открытии им в Високо, возле Сараево, рукотворной пирамиды Солнца высотой в 220 м, а рядом с ней — пирамид Луны и Земли возрастом около 12 тыс. лет.

Это сообщение облетело весь мир, вскоре начались раскопки, нашлись спонсоры, через СМИ было привлечено много волонтеров, финансовую поддержку оказали местные власти. Реакция же специалистов была однозначно отрицательной: журналистов обвинили в вопиющей безответственности, Османогича уличили в элементарной безграмотности и авантюризме, а в Интернете появился протест общественности с ходатайством закрыть его проект¹. Бывший председатель Европейской Ассоциации археологов, известный английский археолог, профессор Э. Хардинг, посетив Високо, заявил, что положение с охраной культурного наследия в Боснии после войны остается очень тяжелым, на охрану реальных памятников нет ни достаточных сил, ни средств, поэтому трата денег на подтверждение абсурдных теорий (а среди прочих — это утверждение о первенстве боснийской цивилизации) просто недопустима.

Фактически, одновременно с Боснией уже знакомый нам джинн принес вирус пирамидофилии в Украину. Вот уже несколько лет в средствах массовой информации распространяются слухи об удивительных новых археологических открытиях на Луганщине — Мергелевой гряде под г. Алчевском (Клочко, Парамонов, 2006; Клочко, 2007) и Краснодонской стене в г. Краснодон (Василенко, Ветров, Маничев, 2010: 241–264). Не только журналисты и местные чиновники, но и известные археологи начали представлять эти объекты как рукотворные памятники, конечно, мирового значения, заслуживающие включения в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Как и следовало ожидать, объявлено об открытии «древнейшего в Восточной Европе святилища солярного культа». В Институте памятниковоохраненных исследований Министерства культуры и туризма Украины составлен план «комплексного археологического памятника — Мергелева гряда», где представлены, наряду с курганами, грандиозные каменные стены, дороги и платформы². В то же время упорно не учитываются мнения оппонентов, и археологов, и геологов (Гершкович, Санжаров, 2007: 86; Удовиченко, Бритюк, 2008: 66–67), относительно естественного происхождения Мергелевой гряды, где есть лишь вполне обычные для этой местности курганы. Предложение о проведении независимой геологической экспертизы игнорируется из-за боязни получить отрезвляющий результат.

Вопрос четвертый, мобилизующий

Граница между квазиархеологией и настоящей наукой переходит там, где происходит подмена реальных археологических источников вымышленными или наполовину вымышленными, где телега исторического вывода оказалась поставленной впереди лошади непредвзятого спокойного изучения вещей, объектов и культур. Неутешительное, но долженствующее мобилизовать всех профессионалов предсказание заключается в том, что, увы, сколь долго будет существовать археология, столь долго параллельно с ней будет существовать и ее уродливое отражение. Возвращение злого джинна в бутылку зависит от наших моральных принципов, умения и желания видеть границы между наукой и лженаукой, учеными и шарлатанами. Или мы будем противостоять им и порождаемому ими мракобесию, или они — нам и реальному знанию. Третьего не дано.

Литература

Блейхер В.М., Крук И.В. 1995. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж.

Василенко А.И., Ветров В.С., Маничев В.И. 2010. О характере происхождения каменных объектов на окраине Краснодона // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Луганск. С. 241–264.

¹ <http://peticija.white.prohosting.com/eng.htm>

² <http://www.heritage.com.ua/institut/dijalnist/index.php?id=59> <http://www.spadshina.com.ua/index.php?sID=3&itemID=85>

- Відейко М.Ю.* 2005. Тема трипільської культури у сучасному «праісторичному» міфотворенні // *Археологія*. № 2. С. 89–103.
- Відейко М.* 2008. Україна: від Трипілля до антив. Київ.
- Гершкович Я.П.* 2005. Хранителі нелегальних старожитностей України // *Археологія*. №3. С. 91–97.
- Гершкович Я.П., Санжаров С.М.* 2007. Мергелева гряда — нова археологічна сенсація? // *Археологія*. № 4. С. 84–86.
- Залізник Л.Л.* 2002. Новітні міфи в індоєвропеїстиці Східної Європи // *Археологія*. № 4. С. 88–97.
- Залізник Л.Л.* 2005. Походження українців у лещатах імперських міфів // *Магістеріум*. Археологічні студії. Вип. 20. С. 94–100.
- Кифишин А.Г.* 2001. Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII–III тыс. до н.э. Т.І. Київ.
- Клейн Л.* 2010. Симулякры // *Троицкий вариант*. № 14 (58). С. 11.
- Клочко В., Парамонов В.* 2006. Мергелева гряда // *Памятники Украины: история и культура*. Научная газета. № 4. С. 144.
- Клочко В.И.* 2007. «Мергелева гряда» // *Искусство и религия древних обществ*. Луганск. С. 118–121.
- Кондратьев А.В.* 2006. Ведьмы, ритуалисты и мифологи в религиоведении Третьего рейха // *Религиоведение*. № 4. С. 3–20.
- Кореняко В.А.* 2004. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // *Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова)*. М. С. 36–47.
- Кореняко В.А., Кузьминых С.В.* 2007. Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения «проблемы Аркаима») // *РА*. №2. С. 173–177.
- Кэмпбелл Дж.* 2002. Мифы, в которых нам жить. Киев.
- Михайленко Е.М.* 2009. Проблема професійної етики у світовій та українській археології // *Археологія*. № 1. С. 102–108.
- Осипов Г.В.* 1998. Мифы уходящего времени // *Социологические исследования*. № 6. С. 3–14.
- Отрощенко В.В.* 2007. Деякі нюанси арійського міфу // *Магістеріум*. Археологічні студії. Вип. 27. С. 15–19.
- Отрощенко В.В.* 2009. Щодо користі цивілізаційної риторики // *Ранньоземлеробські культури Буго-Дністровського межиріччя: проблеми походження*. Матеріали міжнародної наук.-практичної конф. Умань. С. 76–82.
- Попович М.* 1998. Мифология и реальность украинского Возрождения // *Дружба народов*. № 5.
- Рассамакин Ю.Я.* 1992. До проблеми вивчення курганних споруд // *Археологія*. № 4. С. 121–137.
- Рапацевич Е.С.* 2005. Педагогика // *Большая современная энциклопедия*. Минск. С. 667–668.
- Толочко П.П.* 2005. Теоретичні проблеми вивчення давньої історії України // *Археологія*. № 2. С. 3–11.
- Удовіченко М.І., Бритюк О.О.* 2008. Геолого-археологічні особливості Мергелевої гряди // *Археологія*. № 2. С. 65–68.
- Шилов Ю.В.* 2002. Джерела витоків української етнокультури XIX тис. до н.е. — II тис. н.е. Київ.
- Шилов Ю.О.* 2007. Давня історія України в контексті світової цивілізації. Київ.
- Шнирельман В.* 2000. Ценность прошлого: этноцентрические исторические мифы, идентичность и этнополитика // *Реальность исторических мифов*. М. Аналит. серия. Вип. 3.
- Шнирельман В.А.* 2001. Назад к язычеству? Триумфальное шествие неоязычества по просторам Евразии // *Неоязычество на просторах Евразии*. М. С. 130–169.
- Шнирельман В.* 2004. Мифы современного расизма в РФ // МБПЧ (Московское бюро по правам человека. (antirasizm.ru/doc/publ_028.doc?ff64eda6be7c8c0a513b4f753d39ad99...))
- Черныkh Е.Н.* 1995. Postscript: Russian archaeology after the collapse of the USSR — infrastructural crisis and the resurgence of old and new nationalisms // *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. Cambridge. P. 139–148.
- Chippindale Ch. et al.* 1990. Who owns Stonehenge. London.
- Halle U.* 2009. Externsteine // *Voelkisch und national: zur Aktualität alter Denkmuster im 21. Jahrhundert*. Darmstadt. S. 195–213
- Feder K.L.* 2008. Frauds, myth, and mysteries. Sciences and Pseudoscience in Archaeology. New York.
- Gadjiev M., Kohl Ph. L., Magomedov R.G.* 2007. Mythologising the Remote Past for Political Purposes in the North Caucasus // *Caucasus Paradigma (Anthropologies, Histories and the making of a World Area)*. Berlin. P. 119–141
- Kohl Ph. L., Tsetskhladze G.R.* 1995. Nationalism, politics, and the practice of archaeology in the Caucasus // *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. Cambridge. P. 149–174.
- Jones S.* 1997. The Archaeology of Ethnicity. Constructing identities in the past and present. London.
- Mundhenk J.* 1980. Forschungen zur Geschichte der Externsteine. Band 1. Lemgo.
- Raczkowski W.* 1996. «Drang nach Westen»? Polish archaeology and national identity // *Nationalism and archaeology in Europe*. London. P. 189–217.

- Rassamakin Ju.* 2002. Die Archäologie der Ukraine: vom «entwickelten Sozialismus» zur «Selbstständigkeit» // Archäologien Europas. Geschichte, Methoden und Theorien. Tübingen Archäologische Taschenbücher. Band 3. New York, München, Berlin. S. 271–282.
- Shnirelman V.* 1995. From internationalism to nationalism: forgotten pages of Soviet archaeology in the 1930s and 1940s // Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology (ed. Ph. Kohl, C. Fawcett). Cambridge. P. 120–138.
- Silberman N.A.* 1989. Between Past and Present: Archaeology, Ideology and Nationalism in the Modern Middle East. New York.
- Wiedemann F.* 2007. Rassenmutter und Rebellin: Hexenbilder in Romantik, völkischer Bewegung, Neuheidentum und Feminismus. Würzburg. S. 195–199.
- Wiwjorra I.* 1996. German archaeology and its relation to nationalism and racism // Nationalism and archaeology in Europe. London. P.164–168.

Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет. Россия, г. Ижевск

Антропологизация исторических исследований привела к саморефлексии археологического и шире — исторического сообщества, как в историко-научном, так и в социальном плане. Возрос интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы профессиональной социализации, следствием которой выступает осознание археологом своей профессиональной идентичности. В процессе подготовки археологов должны быть получены не только разносторонние знания, но и сформированы компетенции, которые позволяли бы выпускникам вузов быстро включаться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять. Поэтому для формирования новых поколений археологов большое значение приобретают вопросы результативности профессиональной социализации, которая может быть исследована и в историко-научном контексте.

Безусловно, миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем археологическом сообществе, поскольку оно представляет собой объединение ученых, принадлежащих одной научной дисциплине. Вместе с тем, научное сообщество представляет собой не аморфную совокупность ученых. Одним из его значимых элементов выступают научные школы.

Именно они наиболее результативны в плане профессиональной социализации молодых археологов (Мельникова, 2003-а; 2003-б; 2006). Члены схоларного сообщества становятся референтной группой, которая оказывает значительное влияние на выбор усваиваемых норм и ценностей археологии. Это связано с тем, что важнейшей функцией научной школы является подготовка молодого поколения исследователей. Ученый — лидер научной школы и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников.

В процессе генезиса научной школы оформляется особая субкультура как система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых археологами. Она тесно связана с содержанием изучаемого археологического источника, решаемой научной проблемой, предлагаемыми путями ее решения, а также ролью, которую играют в обществе ее представители. В широком смысле в социологии профессиональные нормы научной деятельности включают в себя несколько позиций:

1. Стремление учёного к передаче своих результатов коллегам;
2. Восприимчивость к новым идеям, не поддающимся давлению со стороны научной моды;
3. Эрудиция и знание всех фактов, относящихся к области работы учёного;
4. Защита новых идей, но вместе с тем ученый не должен поддерживать необоснованные предложения;
5. Учёный должен публиковать материалы исследований в профессиональных изданиях и делать доклады на научных конференциях;
6. Исследователь должен уметь отстаивать свое мнение, опираясь на логику изложения фактов и аргументацию, а не на эмоции. При этом он должен находить в себе силы отказываться от гипотез, если науке становятся известны факты, их опровергающие. В рамках научной школы эти нормы приобретают определенную содержательную и личностную окраску.

Обучение в рамках научной школы выступает как средство профессиональной социализации, с помощью которого человек перенимает систему определенных навыков, знаний, опыта, моделей поведения. Социализация включает в себя и воспитание, и всю совокупность стихийных воздействий, оказывающих влияние на процесс становления неопита и его вхождение в научное сообщество. В научной школе актуально неформальное общение с коллегами; оно формирует не только представления о ценностях профессиональной деятельности: для молодого исследователя-студента важен человеческий аспект этих отношений. Поэтому следует отметить нравственную миссию научной школы.

Особую нравственную «нагрузку» несут лидер научной школы и ее интеллектуальное ядро. Чувство общественного долга, подвижничество, отношение к своей деятельности, увлеченность работой, преданность идеалам науки — все это, наряду с передачей собственного научного инструментария, является важнейшим фоном профессиональной социализации археологов. Исследованные мною археологические научные школы демонстрируют значимость личностных харизматических качеств лидера научного коллектива.

Важнейшим каналом социализации молодого археолога является археологическая экспедиция. Отметим, что, в отечественной археологии в 70-е гг. XX в. изменился социальный состав лиц, работающих в экспедициях. Это уже, как правило, не наемные работники, которые до революции или в довоенные годы составляли основную рабочую силу на раскопках, а студенчество. К тому же устоявшееся положение археологии как учебной дисциплины сделало в университетах обязательной археологическую практику. Теперь в экспедициях оказались представители разных субкультур: с одной стороны, практикант, жаждущий знаний, как правило, первокурсник или даже школьник, с другой — археологи-профессионалы.

Перелопачивая в прямом смысле пыль веков, молодой человек испытывает невиданные прежде эмоции, всегда сопровождающие в ходе раскопок уникальное и неповторимое прикосновение к истории. Эти эмоции, трудно вербализуемые через формальные термины, с неизбежностью ставят перед ним важнейшие и вечные человеческие вопросы: кто я таков? как я могу соизмерить себя с историей? И еще шире — в чем смысл бытия человека? Подобные вопросы, безусловно, требуют обсуждения и немедленного осмысления. Но нужен специальный текст для такого осмысления. Им стал текст археологической песни. Носителем этого текста, как правило, выступает старший коллега, которому можно доверять, а нередко и сам лидер научной школы. Для молодых, творчески активных людей диалог через песню, несомненно, делает привлекательной и науку. Археология — наука, достаточно скучная в своих собственных текстах, поднимается тут до уровня реальной истории, свидетелями, участниками и творцами которой являются студенты.

Особенности профессиональной социализации археологов как исследователей в рамках научной школы выражаются в развитии у студентов готовности к разным видам деятельности, основанным на высокой интенсивности межличностных коммуникаций и групповых формах работы. Это способствует формированию высокой адаптивности к различным формам деятельности, профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями. Поэтому не случайно практически все первые выпускники О.Н. Бадера в Пермском университете получили ученые степени кандидатов, а впоследствии докторов наук, сами стали успешными организаторами науки. То же можно сказать и о свердловских учениках В.Ф. Генинга. Об этом свидетельствуют и факты из истории археологической научной школы Удмуртского университета, члены которой защитили кандидатские и докторские диссертации по этой специальности. При этом ряд выпускников, освоив алгоритм исследовательской деятельности, получили ученую степень по другим научным дисциплинам (философии, истории, экономике).

Современная ситуация в обществе вынуждает искать новые способы адаптации схолярного археологического сообщества к социальным новациям. Неадекватные финансовые ресурсы на развитие полевых исследований и публикацию материалов негативно влияют на приращение источника, его изучение и введение в научный оборот (а именно в специфике источника и подходах к его изучению можно увидеть своеобразие археологических научных школ). Вследствие неадекватности затрат на производство нового знания и заработной платы страдает мотивация кадрового состава — и особенно начинающих исследователей. Отсутствие отработанных государственных механизмов социального заказа на подготовку археологов, прагматизм студентов, ориентированных на быстрое получение больших денег, проблемы трудоустройства затрудняют ныне адаптацию в профессии. Это разрушает сложившиеся еще в советское время механизмы в развитии археологических научных школ через научный кружок, археологическую экспедицию, специализацию по археологии, кафедре археологии.

Их разрушают и новые альтернативные формы профессиональной консолидации в виде виртуально складывающихся социальных сетей. С одной стороны, они позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения научной школы, расширять круг ее сторонников и формировать тем самым незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не все археологические школы активно позиционируют себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении играют как раз маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (каковыми можно назвать многочисленных черных археологов, имеющих свои сайты). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Очевидно, что научные школы должны осваивать новые ниши не только для пропаганды профессиональных норм в виде научных идей, методов исследования и их результатов, но и для пропаганды этических ценностей археологии.

В целом, как показывает опыт археологических научных школ, их миссия в профессиональной социализации неопитов состоит в формировании профессионального призвания, развитии профессионально важных качеств, профессиональной компетентности, профессионального мышления, профессиональной идентификации.

Литература

- Мельникова О.М.* 2003-а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера. Ижевск.
Мельникова О.М. 2003-б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга. Ижевск.
Мельникова О.М. 2006. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск.

Термин «профессиональный археолог»: уровень квалификации и ответственности

Е.Н. Михайленко

Институт археологии НАНУ, Украина, г. Киев

Термин «профессиональный археолог» широко используется в национальном законодательстве по проблемам охраны археологического наследия, но нигде не приводятся его чёткие критерии. Вопрос же этот крайне важен, так как даже формальные признаки должны очерчивать широкий круг фактических обязанностей и обязательств. Если же кто считает, что все решается на уровне личных представлений, то он глубоко ошибается: человек, севший за руль автомобиля без документов и опыта вождения, может считать себя водителем, но, фактически, он является потенциальным преступником.

10 декабря 2003 г. Украина ратифицировала «Европейскую конвенцию по охране археологического наследия (пересмотренную)» 1992 г. и взяла на себя обязательство «обеспечить, чтобы раскопки и другие потенциально разрушительные работы выполнялись только квалифицированными, специально уполномоченными на это лицами» (Європейська конвенція, 2006: Ст. 3). Этот принцип был перенесен в Закон Украины «Об охране археологического наследия» 2004 г., в котором говорится, что археолог — это «учёный, ... у которого есть соответствующее специальное образование и квалификация, профессионально выполняет археологические исследования с составлением научной отчетности и публикацией научных результатов» (Закон, 2004: Ст. 1). Статья 10 того же Закона гласит, что «право на проведение научных исследований археологического наследия предоставляется исключительно археологам, которые имеют практический опыт проведения археологических работ (раскопок, разведок)».

Такое внимание к профессионализму исследователей обусловлено новой тенденцией позиционирования археологических раскопок и шурфовок, как разрушительных и агрессивных методов исследования, применение которых следует доверять только самым опытным археологам и только с целью спасения объекта, отдавая предпочтение в археологической деятельности мерам сохранения памятников на местах.

Согласно украинскому законодательству, о квалификации археолога свидетельствует наличие у него Открытого листа, на основании которого он может получить Разрешение на археологическую деятельность. Но ни одним законом или положением не установлено официальных стандартов этой «соответственной квалификации», которыми должен руководствоваться Институт археологии НАНУ, выдавая исследователям квалификационные документы.

На сегодняшний день система предоставления Открытых листов в Украине требует усовершенствования в соответствии с современными тенденциями. На практике собственником Открытого листа на проведение археологических раскопок формально имеет возможность стать любой, у кого есть высшее историческое образование, две рекомендации от признанных археологов, кто ранее получал разрешения на разведки без права / с правом шурфовки, кто составил отчёты по произведённым работам, в соответствии с установленными требованиями и предоставил их вовремя в научный архив Института археологии НАНУ. Таким образом, археолог в Украине имеет возможность значительно «повысить» свою квалификацию всего лишь за один-два археологических сезона и получить право на применение разрушительных методов археологического исследования, не имея достаточного опыта.

Для реализации принципов Европейской конвенции 1992 г. перед странами-участниками возникла острая необходимость определения четких критериев профессиональных археологов. До сих пор общепринятых международных профессиональных стандартов не было. В основе проблемы лежит разный уровень развития археологической науки по странам, разное понимание обществом её роли и разное отношение к «аматорской» археологии, а также отсутствие ассоциаций профессиональных археологов, базового археологического образования и даже официального определения самого понятия «археолог».

В Великобритании, например, указанное понятие является довольно пространным: «археологи — это отдельная группа людей, которая выполняет широкую разнообразную деятельность, начиная от полевой практики до лабораторной работы, от информационного менеджмента до образования, от исследования специалиста до сохранения и экспонирования артефактов»¹. В США, где профессиональная археология развивалась довольно быстрыми темпами, предприняты попытки дать определение термину «профессиональный археолог», например, в программе Калифорнийского департамента лесничества

¹ <http://www.torc.org.uk/nos/index.asp>.

и пожарной безопасности. Там профессиональный археолог — это особа, которая имеет минимум степень бакалавра антропологии или археологии и трёхлетний профессиональный опыт исследования, написания научных работ или участия в программах по охране памятников либо программах управления культурными ресурсами¹. Техасский Административный кодекс «профессиональным археологом» определяет особу, у которой есть степень по антропологии, археологии или смежной дисциплине, при условии знания полевых археологических методов, процессов исследования, интерпретации, кто проводит их по призванию и главный доход получает от археологической работы (Texas Administrative Code: Ch. 26.5 (Art. 52: B)).

В 2006–2008 гг. Европейской комиссией был начат проект «В поисках археологов Европы», призванный выяснить занятость археологов в профессиональной сфере и препятствия для международной мобильности в рамках археологии среди двенадцати стран Европейского Союза, принимающих участие в этом проекте. Сразу же перед многими странами возникла проблема, кого именно включить в опрос. Среди главных условий этого проекта было принятие во внимание того обстоятельства, что критерий определения археолога сугубо по полученному профессиональному образованию уже не соответствует современным стандартам и должен учитывать не только полевых археологов, но и служащих предприятий (государственных и частных), археологов-исследователей, а также археологов, работающих музейными кураторами, учителями и т.п. (Aitchison, 2009: 10). В результате выделилось несколько групп археологов:

1. профессиональные археологи (высший уровень профессиональной иерархии);
2. профессионалы в научной сфере, которые не принимают непосредственного участия в раскопках; археологи-госслужащие на административных должностях;
3. специалисты по смежным дисциплинам, которые работают в сфере археологии; техники или технические работники на раскопках; неквалифицированные неоплачиваемые волонтеры, археологи-аматоры, чернорабочие.

Основными критериями определения профессионалов в большинстве стран были: уровень полученного образования; приобретённый опыт; следование морально-этическим принципам, членство в профессиональных организациях или должность в научно-исследовательском учреждении.

Относительно первого критерия системы национального археологического образования местами очень отличаются. В Бельгии, например, вообще не существует учреждений, где предлагается базовое образование по специальности «археология». Эта дисциплина изучается тут в пределах древней истории, истории искусства и классической филологии. Вследствие этого здесь на рынке труда до сих пор нет профессии «археолог» (Lodewijckx, Leuven, 2008: 9–10). Соответственно, нет тут и профессиональных организаций или ассоциаций. Ученые, которые работают в сфере археологии, обычно имеют степень по истории, биологии, антропологии, геологии, географии или другим смежным дисциплинам. Но они, по большей части, не принимают участие в археологических раскопках (Там же: 21).

В Словении тоже не существует единого значения понятия «археолог». Оно традиционно применяется в отношении тех, кто имеет, как минимум, диплом бакалавра археологии или археологического наследия (Pintari, Novaković, 2008: 13–14). В Великобритании нет специальных требований относительно базового археологического образования; археологией тут можно заниматься с любым другим базовым образованием. С другой стороны, степень бакалавра археологии могут иметь студенты, большинство которых вообще не планируют связывать с ней свою жизнь. В Великобритании археология — это дисциплина с довольно широким спектром заданий в историческом, социальном, этическом, теоретическом, научном и др. направлениях, и это дает возможность для появления новых специализаций, не связанных с археологическими исследованиями в традиционном понимании². Поэтому там профессиональных археологов выделить сложно.

Для устранения недостатков такой системы предусмотрена программа постоянного развития как для профессионалов, так и для аматоров. В соответствии с Национальными профессиональными стандартами, разработанными Археологическим форумом и Институтом полевых археологов (одной из главных археологических организацией Великобритании), начиная с 2009 г., обязательным требованием для всех членов Института является самостоятельное профессиональное усовершенствование и уделение каждые два года по 50 часов на образовательные программы с экзаменами по их окончании. Благодаря таким мерам, профессиональные археологи и все те, кто занимается археологическими раскопками, имеют возможность поддержать уровень своих знаний и компетентности.

¹ <http://www.indiana.edu/~e472/cdf/proginform/definitions.html>.

² <http://www.qaa.ac.uk/academicinfrastructure/benchmark/honours/archaeology.pdf>.

В Греции и на Кипре карьеру профессионального археолога можно начинать уже после получения диплома бакалавра археологии. Тем не менее, из-за большой конкуренции и ограниченного количества рабочих мест на Кипре, к примеру, существует большой спрос на последипломное образование и высокую квалификацию. Археологи, работающие в государственном Департаменте древностей, обязаны иметь: университетский диплом или квалификацию по соответствующей дисциплине (археология, филология, история, классика, Византия, Средневековье, традиционное/фольклорное искусство и т. д.); последипломную специализацию по археологии, если она не предусмотрена дипломом бакалавра; знание археологии Кипра, кипрских древних памятников и народного искусства; владение техникой археологических раскопок; очень хорошее знание греческого языка, хорошее знание английского и, желательно, другого европейского языка. Предварительный опыт, который соответствует стандартам на эту должность, а также умение работы с компьютером, принимаются во внимание как дополнительные плюсы, приветствуется также наличие публикаций (The case of Cyprus, 2008: 171–172). Кроме того, заявление на должность археолога Департамента древностей могут подавать только те, кто успешно сдал специальные государственные экзамены для госслужащих (греческий язык, один иностранный язык, и логическое мышление) (Там же: 195–196). Кроме того, 67% археологических организаций Кипра поддерживают дальнейшее профессиональное развитие персонала, признавая его важность для совершенствования знаний и компетенции. 60% организаций обеспечивают возможности для этого, а 20% — еще и условия для образования волонтеров (Там же: 87).

В таких странах, как США, Канада, Чехия, Словакия, Венгрия, Германия, получить работу археолога можно только после окончания магистратуры по археологии (или другой смежной дисциплины). В США, например, одним из условий зачисления в «Реестр профессиональных археологов» является диплом магистра, кандидата или доктора наук от аккредитированного учреждения по археологии, антропологии, истории искусства, классической истории или другой соответственной дисциплины с археологической специализацией. Необходимо также иметь выполненное археологическое исследование и отчет в форме магистерских тезисов или кандидатской диссертации (Long Application... Section 4). Членом Канадской ассоциации археологов тоже можно стать только при наличии диплома магистра или кандидата наук по археологии или смежной дисциплины и готовой диссертации (APA Membership...).

В Словакии археологические организации, которые имеют право выполнять археологическую деятельность, обязаны производить работы, привлекая только профессионально квалифицированных специалистов, окончивших магистратуру (Fottová, Staříková-Štukovská, Benediková, Michalík, 2008: 9, 16). После бакалавриата можно устраиваться на раскопки техническим работником или на должность археолога в региональный музей. Сложнее ситуация в Германии. В этой стране тоже нет официального определения термина «археолог». Археологами считаются лица с базовым археологическим дипломом университета. Там действует четкое иерархическое разделение профессиональных обязанностей. Раскопками руководят в основном учёные с дипломом доктора наук или их помощники кандидаты наук. Непосредственно археологические работы выполняют неоплачиваемые работники и меньшая группа оплачиваемых квалифицированных студентов (Krausse, Nübold, 2008: 9). Научная степень магистра или кандидата наук по до- или ранней истории, классической археологии или одной из других археологических дисциплин, а также специальное образование по методикам выполнения археологических раскопок являются минимальными условиями для получения должности руководителя археологических раскопок (Там же: 31). Существуют следующие требования к квалификации: 1) для государственного археолога: кроме диплома по археологии или завершеного образования по профессиональному выполнению археологических раскопок, необходимо иметь опыт их выполнения, знания о находках и их особенностях, сертифицированную квалификацию по восстановлению и техникам документирования; 2) для региональных, музейных и университетских археологов: университетский диплом по археологии или завершеное образование по профессиональному выполнению археологических раскопок, опыт их выполнения, степень кандидата наук. От университетских археологов требуется также участие в двух учебных раскопках (каждая по три недели) и стажировка на больших раскопках (восемь недель).

Коммерческие компании, нанимающие археологов на работу, удовлетворяются магистерским дипломом, но он должен быть по доистории или ранней истории; другие археологические дисциплины считаются недостаточными. Кроме того, требуется знание специфики археологического региона и опыт практической работы. В целом, в коммерческих компаниях 73% археологов не имеют степени кандидата наук, а доктора наук там вообще не работают.

Из-за большой конкуренции на должность исследователя в государственных археологических организациях, предпочтение отдается там работникам с кандидатским дипломом (Там же: 44–45).

Археологи, работающие в научно-исследовательских учреждениях — это исследователи, которые, кроме стандартного образования и многолетнего опыта выполнения археологических раскопок, имеют региональную специализацию и способны работать независимо (Там же: 29). Такие специалисты, как геологи, биологи, зоологи и др., при наличии научной степени, тоже считаются археологами и могут работать на раскопках в качестве эксперта, но не имеют права руководить археологическими исследованиями. Рабочие и технические специалисты раскопок археологами не считаются, потому что они, по большей части, не имеют специального университетского образования. Однако, несмотря на высокие профессиональные стандарты, программы постоянного профессионального развития в Германии не поддерживаются (Там же: 10, 44–45).

В Ирландии для получения лицензии на полевые работы исследователь с базовым дипломом по археологии должен доказать свою компетенцию во время интервью перед специальной комиссией. Эта система действует с 1930 г. и направлена на контроль, улучшение практики и профессиональных стандартов выполнения раскопок. Комиссия проверяет реальную компетенцию исследователя, оценивая её по следующим критериям: знание археологии Ирландии, опыт соответствующих археологических раскопок и техник обследования, умение идентифицировать археологические объекты; знание и опыт решения проблем их хранения и сохранения, анализ после раскопок, подготовка археологического материала к публикации, знание соответствующего законодательства. Позитивные результаты собеседования являются стартом карьеры профессионального археолога в Ирландии и дают возможность получения разрешения на раскопки. В дальнейшем система лицензирования действует таким образом, что для получения очередных разрешений нет необходимости прохождения процедур, связанных с повторной оценкой квалификации. В такой ситуации получение первой лицензии стало главной целью образовательного процесса ирландских археологов, которые, достигая, наконец, статуса лицензированного археолога, пренебрегают дальнейшим профессиональным развитием (Aitchison, 2003: 21).

Таким образом, титул профессионального археолога не всегда предполагает даже наличие базового диплома по археологии, но в тех странах, где существует нехватка рабочих мест или стремительно расширяется сфера археологической деятельности, все большее значение приобретают программы постоянного повышения квалификации.

Что касается опыта, которым должен обладать компетентный археолог, то единых стандартов тут тоже нет. В Ирландии для вступления в Ассоциацию профессиональных археологов достаточно иметь годовой опыт археологической практики, приобретенный после получения диплома по археологии. Это соответствует также «Внутренним профессиональным квалификационным стандартам для археологии» США и требованиям для вступления в «Реестр профессиональных археологов» (RPA). Кроме того, от профессионалов по доисторической или исторической археологии требуется один год опыта работы с полной занятостью по изучению археологических ресурсов соответствующего периода (Professional Qualifications Standards, 1983). Стать членом «Реестра профессиональных археологов» (RPA) могут лица, которые имеют минимум один год (пятьдесят две недели) полевого и лабораторного опыта, приобретенного в практиках минимум четырёхнедельной продолжительности, из которых минимум шестнадцать недель — полевой практики (не менее восьми недель на раскопках), шестнадцать недель в лаборатории и двадцать недель на должности ответственного наблюдателя за проведением раскопок/шурфовок, разведок и/или лабораторной работы. Опыт должен приобретаться под руководством зарегистрированного в RPA археолога, или такого, который соответствует всем требованиям RPA (Long Application...: Section 4).

В Канаде, согласно критериям Ассоциации профессиональных археологов Онтарио, профессионалом считается археолог, у которого есть минимум два года опыта археологических разведок, раскопок, опыт работы в лабораторных условиях, навыки разработки проектов и составления отчетов (APA Membership...). Требование двухлетнего опыта установлены и в Чехии (Czech Republic, 2008: 1). В России «Открытые листы» выдаются археологам, которые предоставили сведения о проводившихся в течении трёх последних лет археологических полевых работах, а также выданных ранее Открытых листах и выполненных отчетах (Положение, 2009: Ст. 4). В Греции такой опыт дает право на получение должности директора только спасательных раскопок, при условии своевременного предоставления ежегодного отчёта (Pantos, Papadimitriou, Kossyva, 2008: 86). В Голландии, по «Голландской системе контроля качества», исследователи с трёхлетним опытом работы соответствуют в иерархии профессиональных археологов нижней ступени из двух возможных. Высшую занимают те, у кого за плечами не менее шести лет опыта археологических раскопок после получения диплома и минимум шесть научных публикаций (Waugh, 2008: 13). В Словении же разрешения на проведение археологических исследований выдаются

лицам не менее, чем с пятилетним опытом на должности технического ассистента. Однако даже после получения лицензии за его работами наблюдает археолог, имеющий не менее десяти лет стажа, назначенный специальной комиссией (Pintari, Novaković, 2008: 15 — 16). В Греции пятилетнего стажа и двух научных публикаций вполне достаточно для получения должности руководителя систематических археологических раскопок (Pantos, Papadimitriou, Kossyva, 2008: 86).

В результате таких расхождений, профессиональные археологи одной страны не признаются таковыми в другой. Особенно, если речь идёт о тех, кто только начинает работать в профессиональной сфере.

Что касается морально-этических принципов археологов, то разработка стандартов практики и этического поведения получила довольно широкую поддержку за рубежом. В период зарождения рыночных отношений в археологии, когда она интенсивно настраивается на служение социальным нуждам, например, путём предоставления археологических услуг, её сугубо научная функция местами отходит на второй план. С целью предотвращения этого, а также для интеграции принципов охраны и сохранения археологического наследия, установленных Европейской конвенцией 1992 г., создаются современные профессиональные археологические ассоциации, призванные объединить археологов, направить развитие дисциплины в научное русло, повысить стандарты квалификации с учетом современных требований. В США это такие организации, как «Реестр профессиональных археологов» (RPA) и Археологический институт Америки (AIA), в Европе — Европейская ассоциация археологов (ЕАА), Институт археологов (IfA) в Англии, Институт археологов Ирландии и Голландская ассоциация археологов.

Кодексы этики, правила археологической практики и стандарты профессиональной квалификации — всё это является инструментами для выполнения поставленных задач. Они непрерывно совершенствуются и распространяются, как среди археологов, так и среди работодателей. Подписание соглашения соблюдать установленные правила стало обязательным условием для вступления в любую из этих профессиональных организаций. Эффективность такой меры уже доказана на практике. Ведь совершение действий, которые идут вразрез с этими правилами, приводит археолога к потере репутации, невозможности трудоустройства в общественном секторе или публикации материалов в научных изданиях, клеймо аматора в археологии.

Особенно позитивные результаты эта система получила, например, в США после создания «Реестра профессиональных археологов». Данная организация имеет специальную дисциплинарную комиссию по вопросам нарушения правил организации. Результаты расследований комиссии и вынесенные ею решения подлежат официальному разглашению и публикуются на официальном Интернет-сайте¹, в результате чего не только коллеги узнают, но и работодатели имеют возможность проверить репутацию особы, которую принимают на работу. С другой стороны, членство в Реестре является свидетельством надлежащей квалификации и все чаще становится условием для получения лицензии на археологические исследования.

В Европе наиболее активную деятельность по разработке профессиональных стандартов выполняет Европейская ассоциация археологов (ЕАА). Её кодексы этики и профессиональной практики адаптированы многими археологическими организациями Европы. На одной из ежегодных встреч Ассоциации было сделано определение «компетентного европейского археолога» в соответствии со стандартами Европейской конвенции 1992 г., а именно: признано, что это особа, которая «подписала кодекс профессиональной этики (например, Принципы практики ЕАА; признана компетентной и этичной одной из европейских профессиональных ассоциаций (это должна быть реальная проверка)» (Hinton 2001: 16). Следовательно, современные стандарты профессиональной археологии предусматривают членство в одной из профессиональных организаций и соблюдение кодексов этики и практики.

Принимая во внимание все сказанное выше и учитывая современный опыт зарубежных коллег, можно охарактеризовать профессионального археолога как особу, которая:

1. имеет высшее профессиональное образование (минимум диплом бакалавра археологии или другой дисциплины с дальнейшей специализацией по археологии);
2. приобрела под наблюдением признанного профессионального археолога полевой и лабораторный опыт выполнения археологических исследований и составления научных отчетов по проведенным работам;
3. имеет научные публикации и/или минимум завершённую магистерскую или кандидатскую диссертацию;

¹ Например, дело против Др. Гордона Такепа Мл.: http://www.rpanet.org/associations/8360/files/resources/members_tucker_report.html.

4. являється членом професійної асоціації і дотримується стандартів практики і кодексу археологічної етики.

Слід прийняти до уваги ці стандарти при удосконаленні національного законодавства по охороні археологічного спадщини і системи надання кваліфікаційних документів на археологічні дослідження. Уже зараз необхідно звернути більше уваги на розповсюдження Кодексу етики професійних археологів, який був прийнятий в 2006 г. в Інституті археології НАН України (Гершкович, 2005: 95; Дискусії..., 2006: 105–107), пропонуючи тим дослідникам, які звертаються в Полевої комітет за Відкритими листами, ознайомитися з ним і підписати його. За порушення Кодексу слід передбачити ефективні дисциплінарні заходи, в тому числі — відмова в подальшому наданні дозволу на археологічні роботи.

Література:

- Гершкович Я.П. 2005. Хранителі нелегальних старожитностей // Археологія. К. № 3. С. 91–97.
 Дискусії від редакції журналу «Археологія». 2006 // Археологія. № 4. С. 95–107.
 Європейська конвенція «Про охорону археологічної спадщини (переглянута)» // Правова охорона культурної спадщини. Збірник документів. Київ. 2006. С. 38–46.
 Закон України «Про охорону археологічної спадщини». 2006 // Правова охорона культурної спадщини. Збірник документів. Київ. С. 163–175.
 Положение о порядке выдачи разрешений (Открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия. 2009. <http://rosohrancult.ru/documents/detail.php?ID=73502>.
 Aitchison K. 2003. Training Needs in Irish Archaeology // Developing a Learning Framework for the Archaeology Profession. http://www.iai.ie/cpd/Training_Needs_Report.pdf.
 Aitchison K. 2009. Transnational report // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/DISCO_Transnational_Report.pdf.
 APA Membership Details. Membership categories. Professional. http://apaontario.ca/r_application.html.
 Czech Republic. National Report. 2008. <http://www.discovering-archaeologists.eu/final-reports.html>.
 Fottová E., Staříková-Štukovská D., Benediková L., Michalík T. 2008. Slovak Republic // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_national_SK_english.pdf.
 Hungary. 2008 // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_HUNGARY_English_final.pdf.
 Krause D., Nübold K. 2008. Germany // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/Disco-D-engl-korr-05-final.pdf.
 Lodewijckx M., Leuven K.U. 2008. The Labour Market for Archaeologists in Belgium in 2007–2008 // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_national_Belgium_English_final.pdf.
 Long Application for Registration. Field and Laboratory Experience. Section 4. <http://www.rpanet.org/displaycommon.cfm?an=1&subarticlenbr=7>.
 Pantos P., Papadimitriou A., Kossyva A. 2008. Archaeology Labour Market Intelligence: Profiling the Profession 2007-08 // Discovering the Archaeologists of Europe: Greece. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_EL_national_English.pdf.
 Pintari V., Novaković P. Slovenia // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_national_Slovenia_english.pdf.
 Professional Qualifications Standards. 1983 // Archaeology and historic preservation: Secretary of the Interior's Standards and Guidelines. http://www.nps.gov/history/local-law/arch_stnds_9.htm.
 Texas Administrative Code. Ch. 26.5. <http://www.thc.state.tx.us/rulesregs/rstate.shtml>.
 The case of Cyprus. 2008 // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_national_CY_english.pdf.
 Rules of Practice and Procedure for the Antiquities Code of Texas. 2007 // The Texas Administrative Code. Chapter 26. [http://info.sos.state.tx.us/pls/pub/readtac\\$ext.ViewTAC?tac_view=4&ti=13&pt=2&ch=26&rl=Y](http://info.sos.state.tx.us/pls/pub/readtac$ext.ViewTAC?tac_view=4&ti=13&pt=2&ch=26&rl=Y).
 Waugh E., K. 2008. The Netherlands // Discovering the Archaeologists of Europe. http://www.discovering-archaeologists.eu/national_reports/DISCO_national_Netherlands_English_final.pdf

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ: ИСТОЧНИКИ, ФАКТЫ, ЛИЧНОСТИ

Пам'яті Івана Григоровича Підоплічка — зоолога, палеонтолога, археолога

Т.В. Брязкало

*Інститут архівознавства Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського.
Україна, г. Київ*

Розвиток сучасної науки неможливо уявити без осмислення і усвідомлення досвіду минулого, аналізу надбань і досягнень попередньої епохи. Особливо актуальним звернення до історії стає в переломні епохи, коли йде активний пошук нових шляхів розвитку. В умовах поглиблення соціально-економічних реформ, що здійснюються в сучасній Україні, наука і техніка покликані сприяти виробленню нового менталітету, формуванню нової громадянської свідомості, зруйнувати старі стереотипи і догми. Це обумовлює нові підходи до дослідження наукового досвіду минулого. Саме в такі моменти важливо не втратити кращі традиції минулого, не забути імена тих людей, які в свій час визначали умови і напрямки розвитку вітчизняного суспільства, і науки зокрема.

Належне місце серед когорти всесвітньо відомих вчених належить Івану Григоровичу Підоплічку, академіку АН УРСР, доктору біологічних наук, зоологу, палеонтологу, археологу. Вклад вченого у розвиток сучасної науки важко переоцінити, він вимагає додаткових досліджень, можливо переоцінок і нового трактування, відповідно до сучасного сьогодення. Базою для такого ґрунтовного дослідження не лише діяльності, а і біографії вченого, є архівна спадщина Івана Григоровича Підоплічка, яка зберігається у Інституті архівознавства Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського, як фонд 139 «Підоплічко Іван Григорович». Формування фонду розпочалося з передачі частини документів з видавництва «Наукова думка». Велику частину документів на зберігання до Інституту архівознавства НБУВ передала дружини вченого — Ірина Павлівна. Загальний обсяг розсипу документів становив більше десяти метрів. Зважаючи на велику кількість документів, їх багатогранність і різноплановість, упорядники фонду систематизували їх за основними групами, а саме: наукові праці вченого та робочі матеріали до них, документи біографічні та про вченого, документи з діяльності, листування, фотодокументи, дарчі і зібрані матеріали. Відповідно до цього були сформовані 1360 справ, на які складено п'ять описів. Всі документи фонду є унікальним джерелом для вивчення не лише життя та діяльності вченого, а і для аналізу тогочасних реалій, вивчення основних тенденцій і закономірностей у розвитку вітчизняної науки.

Народився Іван Григорович Підоплічко 5 серпня 1905 р. у с. Козацьке Звенигородського району Черкаської області у багатодітній селянській родині. Навчання своє розпочав у сільській школі, згодом — у вчительській семінарії та на Вищих педагогічних курсах у м. Корсунь-Шевченківському, деякий

Рис. 1. Іван Григорович Підоплічка

час працював вчителем природознавства. Одночасно з викладанням виконував науково-дослідницькі роботи за завданням ВУАН та Київського Губернського земельного управління. Завдяки активній діяльності молодого вченого помітили і запросили на роботу до Станції захисту рослин Київського Губернського земельного управління на посаду інструктора по боротьбі зі шкідниками.

У 1925 р. на 3'їзді по захисту рослин у Харкові кандидатура Івана Григоровича отримала необхідну підтримку, і вчений був відряджений на навчання до Ленінградського Інституту прикладної зоології та фітопатології.

Повернувшись до Києва І.Г. Підоплічко працював на посадах асистента і спеціаліста відділу ентомології Київської сільськогосподарської станції.

У 1932 р. І. Г. Підоплічко вступив до аспірантури Інституту геології ВУАН до відділу стратиграфії і палеонтології. Керівниками його роботи були акад. В. В. Різниченко, акад. О.О. Борисяк і проф. В.І. Крокос. Робота вченого стосувалася вивчення четвертинної геології, зокрема питання походження лісу і, так званих, заледенінь. Для досконалого вивчення палеозоології хребетних Іван Григорович паралельно закінчує аспірантуру при Інституті зоології та біології ВУАН під керівництвом акад. І.І. Шмальгаузена за спеціаль-

ністю палеонтологія (ІА НБУВ, ф. 139, оп. 2, спр.7: лл. 2, 4, 18)

У вересні 1935 р. І.Г. Підоплічко успішно захистив дисертацію на тему «Сучасний характер і походження фауни ссавців УСРС» і здобув науковий ступінь кандидата біологічних наук. Наказом по Інституту зоології АН УРСР від 1 грудня 1935 р. І.Г. Підоплічка було затверджено на посаді старшого наукового співробітника відділу фауністики Інституту зоології АН УРСР (ІА НБУВ, ф. 139, оп. 3, спр. 22: лл. 1–2). Новаторські наукові погляди, новітні розробки і методи дослідження І.Г. Підоплічка згуртували коло колег-однодумців, яке згодом трансформувалось у групу палеозоології, керівництво якою І.Г. Підоплічко здійснював з 1938 р. і до кінця свого життя (Там само, спр. 35: лл. 4, 75)

Одночасно з кінця 1930-х років Іван Григорович розгорнув активну наукову, теоретично-практичну, педагогічну діяльність. У 1934–1941 рр. він працював на посаді старшого наукового співробітника Інституту археології АН УРСР, у 1939 р. став доцентом кафедри палеонтології та історичної геології Київського державного університету ім. Т.Г. Шевченка.

З початком Другої світової війни І.Г. Підоплічко, мав бути евакуйований як і більшість співробітників АН УРСР. У своїх спогадах вчений занотував: «Ми (вчені) мали бути евакуйовані, але побачивши що твориться навколо, зрозуміли, що наше місце на фронті». (Там само, оп. 2, спр. 58: лл. 1–2) 3 липня 1941 р. — І.Г. Підоплічко у складі діючої армії. Бойове хрещення вчений прийняв в кінці липня на Чернігівщині у боях під м. Прилуки. Нажаль військовий період у житті вченого маловідомий, лише деякі факти можна відновити ґрунтуючись на аналізі малочисельних документів того періоду, серед яких листи однополчан, колег вчених, замітки самого вченого, деяка документація, яку вчений ввів як штабний офіцер. З кількох автобіографій, листів, заміток і спогадів самого вченого відомо, що він пройшов важкий бойовий шлях від Сталінграда до Берліна. Одними з найцікавіших документів є світлини того періоду, серед яких фотографія, датована 8 травням 1945 р., на якій — майор І.Г. Підоплічко з бійцями на східцях Рейстагу. (Там само, оп. 5, спр. 8: 1–3). За свою службу вчений був нагороджений орденом Червоної Зірки та медалями. З листів і спогадів друзів-однополчан, колег, які відклалися у фонді, відомо, що і у воєнні роки Іван Григорович не полишив своєї наукової діяльності. При можливості він збирав необ-

хідний матеріал, проводив польові дослідження, відсилав зразки порід у тил, обмінювався з колегами результатами роботи.

Але І.Г. Підоплічко ніколи не забував і про сувору реальність. Працюючи при штабі, майор І.Г. Підоплічко проводив серед молодих бійців курси, де навчав молоде поповнення як поводитися при арт-обстрілах, атаках, бомбардуванні. За роки війни вчений за свою відданість, тактовність, працьовитість здобув повагу і шану серед друзів і однополчан, а завдяки збереженій епістолярній спадщини дізнаємося, що його бойове прізвище було «Академік», яке згодом виявилось пророчим. Після закінчення активних бойових дій майора І.Г. Підоплічка, згідно клопотання Академії наук України та РНК освіти, було демобілізовано для продовження подальшої роботи у Академії наук УРСР (АП НАНУ, ф. 251, спр. 31: л. 28)

Після повернення до Києва Іван Григорович активно включився у наукову і педагогічну роботу. Поряд із своєю основною роботою в Інституті зоології він працює у 1945–1947 рр. старшим науковим співробітником Інституту археології АН УРСР (ІА НБУВ, ф. 139, оп. 3, спр. 12: л. 1), з 1945 р. — доцентом Київського університету, згодом проректором з наукової роботи.

В 1951 р. вчений блискуче захищає докторську дисертацію на здобуття ступеня доктора біологічних наук, у 1952–1959 рр. займає посаду професора кафедри історичної геології КДУ. (Іван Григорович... 1976: 4)

З 1947 р. Підоплічко І.Г. очолює відділ палеозоології, протягом 1965–1973 рр. І.Г. Підоплічко був директором Інституту зоології АН УРСР. Його наукові роботи і організований ним палеонтологічний відділ заклали міцний фундамент для подальших досліджень у цій галузі. (Інститут зоології... 2005: 5)

У 1963 р. він став головою Музейної ради АН УРСР, що дало змогу ініціювати проект про створення єдиного музейного комплексу природничих наук.

Постанова уряду УРСР у 1966 р. про створення Центрального науково-природничого музею АН УРСР стала початком у роботі організації музейного комплексу. Музейні експозиції створювалися працівниками інститутів, під керівництвом Підоплічка І.Г., який ретельно і виважено відбирав колекції і експонати, слідкував за всіма видами організаційних робіт. З 1973 р. він став завідувачем Палеонтологічного і директором Центрального науково-природничого музею АН УРСР. Зали музею для широких кіл відвідувачів відкривалися поступово. З копії книги записів відвідувачів, яка відклалася серед документів фонду, видно, що музей став популярним не лише серед урядових делегацій різного рівня а й серед громадян усього Радянського Союзу. Цей документ можна взагалі вважати безцінним, оскільки з ряду причин в самому музеї книга відвідувачів даного періоду не збереглася. На сторінках можна прочитати і навіть відчувати ту атмосферу, що панувала на відкритті музею. «Можна пишатися, що ми маємо в нашій республіці археологічний музей, який не поступається кращим музеям світу. Високий смак, висока науковість, багатюща змістовність — на всьому відчувається ерудиція і любов творців музею» (ІА НБУВ, ф. 139, оп. 3, спр. 140: л. 32), цікавою є і такий запис «Археологический музей вызывает замечательные впечатления, воскрешая памятники культур нашей земли» і підписи — М.В. Келдиш, Президент АН СРСР, і Б. Є. Патон, Президент АН УРСР. (10: 24) За науково-методичне розроблення і створення Центрального науково-природничого музею творчий колектив науковців, очолюваних І.Г. Підоплічком, і колектив художників у 1970 р. отримали високу урядову нагороду — Державну премію УРСР у галузі науки і техніки.

Одночасно з науково-практичною діяльністю вчений веде активне громадське життя. З 1955 р. Іван Григорович очолив Комісію з охорони природи при АН УРСР, працював заступником головного редактора УРЕ, був членом редколегій численних журналів тощо.

Протягом 1966–1970 рр. — Іван Григорович займав посаду академіка-секретаря Відділення загальної біології АН УРСР, був членом Президії АН УРСР, у 1967 р. обраний академіком АН УРСР.

Все своє життя Підоплічко І.Г. вів активну науково-дослідну, практичну роботу, які відзначалися широтою наукових інтересів, професійним підходом до поставленого завдання. Не дивно, що науковий доробок І.Г. Підоплічка налічує понад 1000 друкованих праць, різнопланового характеру.

Не стало Івана Григоровича 20 липня 1975 р.

В силу специфіки вибраної спеціальності — палеонтології в своїй діяльності Іван Григорович опинився на межі ряду наук: зоології, палеонтології, геології, археології, археографії. Великий практичний досвід польового, лабораторного дослідника, глибока ерудиція, енциклопедичні знання, широкий кругозір, несамовита працьовитість і наполегливість дали змогу досягти значних результатів в даних галузях науки.

Поряд зі своєю головною спеціальністю і захопленням всього життя — зоологією Іван Григорович ще з юних літ захопився археологічними розкопками, пошуками закам'янілих решток тварин тощо.

Працюючи інструктором по боротьбі із шкідниками вчений багато подорожував по регіонами Київщини, Черкащини, Білоцерківщини, ведучи польові роботи, досліджуючи рештки тварин тощо. Фактично це був перший досвід молодого вченого у веденні експедиційних робіт. Щоденникові записи того періоду, з описами польових досліджень і констатацією результатів науково-дослідної та експедиційної роботи, яку молодий вчений проводив, зберігаються у фонді, датовані 1925–1926 рр. (Там само, спр. 4: лл. 4–10).

Працюючи в інститутах Академії наук, поряд з науково-дослідницькою і педагогічною, Іван Григорович захоплюється експедиційною діяльністю. У довоєнний період вчений брав участь у різноманітних експедиціях, які організовували Інститут зоології АН УРСР та Інститут археології АН УРСР, Маршрути експедицій простягалися по різних регіонах Радянського Союзу, на Кавказі, у Молдавії, у гирлі р. Єнісей та ін. Завдяки організованості вченого, повазі до порядку, особливо у всьому, що стосувалося документації, можна сказати навіть певній педантичності, на сьогодні у особовому фонді зберігається понад 40 щоденників і записів а також світлини, які досить повно висвітлюють експедиційну діяльність вченого та його колег у довоєнний період (Там само, спр. 165–175).

Після закінчення війни, повернувшись до мирного життя вчений активно включається в археологічні дослідження, які проводить на посаді наукового співробітника Інституту археології АН УРСР. Завдяки зібраним матеріалам і власним розробкам Іван Григорович працює над докторською дисертацією «Происхождение валунных отложений», яка написана на межі кількох наук: зоології, археології, палеозоології і ряду інших. У фонді відклалися унікальні документи того періоду — машинопис рукопису роботи, а також документи про підготовку до захисту, який планувався на 1948–1949 рр. (Там само, оп. 1, спр. 102, оп. 2, спр. 24). З ряду причин робота не була допущена до захисту, але вчений не спинився. Протягом наступних двох років ним була підготовлена робота «Основные черты истории фауны Европейской части СССР», яка була блискуче захищена.

За своє життя Іван Григорович здійснив понад 100 експедицій, відкрив багато давніх стоянок в різних регіонах (Чулатов, Гонці, Новгород-Сіверський, Добранічівка та ін.). І.Г. Підоплічка по праву вважають засновником археозоологічних досліджень в Україні.

Однією з унікальних знахідок є стоянки людини в Мізині і Межиріччі, археологічні розкопки цих стоянок велися протягом 50–70 рр. ХХ століття. І.Г. Підоплічко вперше реконструював пізньопалеолітичне житло (чи культова споруда), при будівництві якого були використані кістки великих тварин, переважно мамонтів. Ці реконструкції стали загальновідомими у всьому світі. Коли реконструкція Межирічського житла експонувалася у Японії, то виставка мала шалений успіх. Серед фотодокументів збереглися понад 60 фотознімків перебування І.Г. Підоплічка у Японії, зокрема у Токіо. І на сьогодні даний експонат один з найулюбленіших в експозиції Національного природничого музею НАН України. У фонді відклалися щоденники польових досліджень того періоду, у яких детально і скрупульозно, день за днем викладений хід робіт, занотовані всі знахідки а також схеми розташування тощо.

Одним із масштабних вкладів в розвиток науки, і археології зокрема, який здійснив вчений, є формулювання і обґрунтування так званої теорії антигляціалізму. За цією теорією в історії Землі не існувало періодів та епох, під час яких її поверхня в межах рівнини помірних широт була б вкрита льодом. Певне похолодання на території Східної Європи мало місце у палеонтологічний період, це пояснюється поширенням в її північній половині великого холодноводного басейну, залишками яких є сучасні Балтійське і Біле моря та Ладозьке озеро і інші озера. Ця теорія була детально і аргументовано викладена у чотири томній праці «Про льодовиковий період», які виходили протягом 1946–1956 років.

Така теорія фактично про відсутність льодовикового періоду в історії Землі викликала невдоволення у наукових колах і була відкинута більшістю дослідників. Але згодом ці погляди знайшли своїх прихильників і послідовників. З кінця 50-х років виходить ряд праць Підоплічка І.Г. присвячені даній теорії, і вони користуються популярністю, особливо серед практиків, інженерів-геологів, гідророзвідників, проектувальників та ін. На сьогодні у зв'язку із зміною клімату ця теорія набула нового дихання і нової аргументації.

Підоплічко І.Г. детально розробив і обґрунтував заснований на врахуванні поступового зникнення залишків органічної речовини (колагену) досить ефективний, так званий, колагеновий метод визначення геологічного віку кісток антропогенової епохи. Цей метод знайшов широке застосування у геології, зоології, археології для встановлення відносного і абсолютного віку фауністичного матеріалу, археологічних пам'яток, геологічних відкладів. Цінність методу у тому, що для одержання результатів можна досліджувати практично необмежену кількість матеріалів, що дозволяє перевіряти отримані результати і впевнюватися на показниках. У фонді відклалися ряд документів, які свідчать про широке застосування на практиці даного методу, за допомогою

Таким чином, життя і наукова діяльність Івана Григоровича Пидопличка є яскравим прикладом життя справжнього вченого, відданого науковця, справжнього практика, і талановитого теоретика. Його вклад в різні галузі науки, і археології зокрема, важко переоцінити, він потребує подальшого і ретельного вивчення. Архівна спадщина вченого є неоціненним джерелом для подальших наукових розвідок і досліджень.

Література

Іван Григорович Пидопличко. 1976. Київ.

Інститут зоології ім. І.І. Шмальгаузена. 75 років. 2005. Київ.

Памяти Ивана Григорьевича Пидопличко — зоолога, палеонтолога, археолога

Т.В. Брязкало

Развитие современной науки невозможно представить без осмысления и осознания опыта прошлого, анализа достижений предыдущих эпох. Особенно актуальным обращение к истории становится в переломные эпохи, когда идет активный поиск новых путей и возможностей развития. В условиях углубления социально-экономических реформ, которые происходят в современной Украине, наука и техника призваны стимулировать формирование нового менталитета, новой общественной мысли, переосмысления прошлых догм и стереотипов. Это обуславливает новые подходы к изучению научного опыта, лучших традиций прошлого, научного наследия тех людей, которые в свое время внесли посильный вклад в развитие современного общества.

Видное место среди плеяды всемирно известных ученых принадлежит Ивану Григорьевичу Пидопличко, академику АН УССР, доктору биологических наук, зоологу, палеонтологу, археологу. При всей значимости и известности, об Иване Григорьевиче написано недостаточно. Великолепной возможностью для детального изучения деятельности, биографии ученого является архивное наследие И.Г. Пидопличко, которое хранится в Институте архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (г. Киев), как фонд 139 «Пидопличко Иван Григорьевич». Общая россыпь документов становила более десяти метров; учитывая большое количество документов, их многогранность и разнообразие, было принято решение систематизировать их по основным группам: научные труды ученого и рабочие материалы к ним, документы биографические и про ученого, документы о деятельности, письма, фотодокументы, дарственные и собранные материалы. Соответственно было сформировано 1360 дел, на которые составлено 5 описей. Все документы фонда являются уникальным источником для изучения не только жизни, творчества и деятельности ученого, но и для анализа реальности того времени, изучения основных тенденций и закономерностей развития современной науки и техники, общества и отдельных личностей той эпохи.

Родился Иван Григорьевич Пидопличко 5 августа 1905 г. в с. Козацкое Черкасской области в многодетной крестьянской семье. После окончания сельской школы, продолжил свое обучение дальше в учительской семинарии, и получил квалификацию учителя природоведения. Работая в школе, одновременно вел активную научно-исследовательскую работу, за положительные результаты которой был зачислен на должность ассистента в Станцию защиты растений Киевского Губернского земельного управления. В 1932 г. И.Г. Пидопличко был зачислен аспирантом в Институт геологии Академии наук УССР, руководителями его работы были известные ученые В.И. Крокос, В.В. Ризниченко. Исследования молодого ученого касались изучения четвертичной геологии, особенно происхождения леса и так называемых оледенений. Именно с этого периода начинается увлечение Ивана Григорьевича археологией и раскопками остатков ископаемой флоры и фауны. Для глубокого изучения палеозоологии позвоночных ученый заканчивает аспирантуру в Институте зоологии Академии наук УССР. Активно принимает участие в экспедиционной работе институтов. В фонде насчитывается около 40 полевых дневников довоенного периода, в которых зафиксированы маршруты, исследования, находки и результаты проводимых экспедиций.

В 1935 г. ученый блестяще защищает диссертацию на тему «Современный характер и происхождение фауны млекопитающих УССР». С этого же времени он начинает работать в Институте зоологии, где за годы работы формирует вокруг себя круг соратников, который в дальнейшем трансформируется в группу палеозоологии, руководить которой Иван Григорьевич будет до конца жизни.

Одновременно с основной работой И.Г. Пидопличко развернул активную и разностороннюю научную, теоретически-практическую, педагогическую деятельность. На протяжении 1934–1940 гг. ученый работает на должности старшего научного сотрудника Института археологии АН УССР, с 1939 г. — на должности доцента кафедры палеонтологии исторической геологии Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Блестящую и стремительную карьеру прервала война. С началом военных действий Иван Григорьевич — на передовой. Боевое крещение он принял под г. Прилуки Черниговской области. К сожалению, о военных годах жизни ученого известно мало, здесь на помощь приходят те малочисленные документы, письма и фотографии, которые хранятся в фонде. За годы войны Иван Григорьевич дослужился до звания майора, прошел от Сталинграда до Берлина. Среди фотографий того периода есть одна, на которой майор И.Г. Пидопличко с офицерами запечатлен на ступеньках Рейхстага; она датирована им самим 8 мая 1945 г. После демобилизации ученый восстановился на всех прежних должностях довоенного времени.

В этот период Иван Григорьевич формулирует и доводит так называемую теорию антигляциализма, основным постулатом которой есть утверждение об отсутствии ледникового периода в истории Земли. Эту теорию ученый изложил в докторской диссертации «Происхождение валунных отложений». К сожалению, и сама теория, и докторская диссертация вызвали бурю критики и негодования; к защите работа допущена не была. В современном научном мире дана теория обрела второе дыхание и своих последователей среди археологов, историков, геологов, орнитологов¹.

В 1951 г. Иван Григорьевич подготавливает и защищает вторую докторскую диссертацию «Основные черты истории фауны Европейской части СССР», за которую он получил степень доктора биологических наук.

После этого И.Г. Пидопличко развивает активную научную и практическую деятельность. На протяжении 1965–1973 гг. он руководит Институтом зоологии, в 1963 г. — возглавляет Музейный совет АН УССР и инициирует работу по созданию единого музейного комплекса природоведческих наук. Музей открыл свои двери для массового посетителя в 1973 г., постепенно став одним из любимейших мест посещения киевлян и гостей города. Одной из жемчужин музейной коллекции явилась реконструкция позднепалеолитического жилища из костей крупных животных (в первую очередь, мамонта), найденного у с. Межиричи участниками экспедиции под руководством И. Г. Пидопличко.

В 1966–1970 гг. ученый занимал должность академика-секретаря Отделения общей биологии АН УССР, был членом Президиума, а в 1967 г. — был избран академиком АН УССР.

Всю свою жизнь И.Г. Пидопличко вел активную и плодотворную научную, теоретико-практическую деятельность. Научное наследие Ивана Григорьевича составляет свыше 1000 напечатанных работ разностороннего характера.

Сердце ученого перестало биться 20 июля 1975 г.

В силу специфики избранной им специальности — палеонтологии — деятельность Ивана Григорьевича протекала на стыке целого ряда наук: зоологии, палеонтологии, археологии, геологии. Большой практический опыт полевого, лабораторного исследователя, глубокая эрудиция, энциклопедические знания, широкий кругозор, работоспособность и настойчивость дали ученому возможность достигнуть результатов в каждой из них.

¹ Утверждение о «втором дыхании», будто бы обретенном ныне теорией антигляциализма, на наш взгляд, является несколько преувеличенным. Его стоило бы подкрепить ссылками на конкретные работы (ред.).

Конфликт профессиональных культур (к истории взаимоотношений В.А. Городцова и Геро Мергарта)¹

А.М. Буровский, Е.В. Детлова

Россия, г. Санкт-Петербург, г. Красноярск

Для археологии Германии фигура Геро фон Мергарта имела такое же исключительное значение, как и фигура В.А. Городцова — для русской. В.А.Городцов был «главой обширной московской школы» (Клеjn, 1999: 247), Геро Мергарт — основателем марбургской научной школы.

Для того, чтобы в 1920 г. получить работы В.А. Городцова, Г. Мергарт был вынужден из Сибири обратиться напрямую к автору. В личном архиве Мергарта в Марбургском университете сохранился ответ Городцова на эту просьбу, в котором автор с сожалением сообщает, что «*был бы очень рад выслать Вам все книги, какие Вы просите, но, к глубокому сожалению, ни одной из них у меня нет, так как их издания распроданы окончательно*» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо В.А. Городцова Геро Мергарту из Москвы от 25.05.1920).

Личная встреча ученых состоялась годом позже в Москве. Первые впечатления от общения с Городцовым — исключительно позитивные: «*Проф. Городцов встретил меня с большой сердечностью и в первую очередь поздравил с тем, что я смог использовать своё время в Енисейской губернии без помех со стороны приемницы Петербургской Археологической комиссии. ...Это тёплое чувство, когда тебя сердечно принимает такой компетентный старший зарубежный собрат по профессии...*» (АКККМ, ф. 1615. оп. 1. д. 372, л. 57–67. Письмо Геро фон Мергарта в Красноярский музей из Москвы от 25.07.1921).

Городцов дает высокую оценку деятельности Мергарта в Сибири в своем письменном заключении. В нем в частности отмечается, что «*работа д-ра Мергарта — «Beitraege zur Urgeschichte des Jenisseikreises» — заслуживает полного научного внимания, так как содержит освещение обильного материала, относящегося к глубокой древности. Эту работу следовало бы немедленно издать в Р.С.Ф.С.Р., но так как издание научных трудов у нас сильно затрудняется недостатком бумаги и других типографских принадлежностей, то очень желательно разрешение на издание её за границей, куда её следовало бы пропустить без задержек, так как она окажет честь России...*» (АМУ, ф. Г.Мергарта. Свидетельство, выданное В.А.Городцовым, 14.08.1921, г. Москва). Более того — Городцов предлагает Мергарту место в Историческом музее, если тот пожелает остаться в России (АКККМ, ф.1615. оп. 1. д. 372, л. 57–67. Письмо Геро фон Мергарта в Красноярский музей из Петербурга от 24.08.1921). Заурядному специалисту В.А. Городцов вряд ли сделал бы подобное предложение.

В Москве Г. фон Мергарт дважды выступает с докладом, посвященным енисейскому палеолиту, в «Обществе друзей Исторического музея» и Археологическом обществе. Именно выступлением Мергарта заложены будущие противоречия с Городцовым — по крайней мере, по трем пунктам. Во-первых, по вопросам датировки енисейского палеолита. Енисейский палеолит, начиная с открытой еще в 1884 г. Афонтовой горы, полностью разрушал сложившиеся на французском материалы схемы. В нем присутствовали вкладышевые орудия, а для производства каменных вкладышей — индустрия микропластинок. Но здесь же находились и грубые, массивные галечные орудия, каждое из которых оформлено 5–6, и даже 2–3 ударами. В дальнейшем исследователи писали о «сибирском мадлене» (Ефименко, 1938) и «енисейском ориньяке» (Ауэрбах, Громов, 1935), делая акцент именно на «местной специфике» памятников.

Доклады Геро Мергарта 1921 г. — одно из первых публичных обсуждений енисейского, а тем самым — неевропейского палеолита. Что характерно — все участники обсуждения правы и неправы одновременно: потому что енисейский палеолит — вообще не мадлен и не ориньяк, он никак не ложится ни в какие французские схемы. В 1960-е годы было отмечено, что «верхний палеолит — явление строго ограниченное по территории. Вне пределов Европы и Передней Азии есть либо самый конец верхнего палеолита (последние 2–3 тысячи лет его) либо элементы верхнего палеолита на всем протяжении выступают только в соединении с мустьерскими или ашельскими» (Григорьев, 1968: 18). Позже для палеолита вне Европы предлагали даже термины «посташель» (Васильев, 1992: 28–30) и отмечалось, что в Австралии нижний палеолит кончается только на рубеже плейстоцена и голоцена (Вишняцкий, 2008: 84–86).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00510а.

Для понимания того, что происходило в среде археологов 1920-х гг., почему и как поссорились Городцов и Мергарт, необходимо понять, какой невероятной сложности проблема встала перед ними. Никто из них не был готов к тому, что «эталонная» Франция — это, на самом деле, не эталон, а исключение из общего правила — пусть даже крайне интересное и наводящее на многие мысли. А «правило» представлено в виде «отклоняющегося», «неправильного», «локального» варианта — енисейского палеолита. Это сочетание несочетаемых в Европе признаков заставляли археологов еще более внимательно ставить вопросы геологии, условий обнаружения находок. Здесь источник еще двух принципиальных противоречий В.А. Городцова и Г. Мергарта — противоречий, конечно, профессионального, а не личного плана. Конфликт начался после того, как осенью 1921 г. Мергарт возвращается в Германию, публикует там ряд статей, а в 1926 г. его книга «Бронзовый век на Енисее» получает широкую известность и высокую оценку, как европейских, так и русских археологов.

В личном архиве ученого сохранились также черновики двух писем 1922 г., адресованных В.А. Городцову. Оба написаны с большой теплотой и сердечностью, особенно первое из них, которое Мергарт начинает не совсем для него обычно: первый абзац, в силу глубочайшего уважения к личности знаменитого археолога, он пишет по-русски, что дается ему совсем не просто:

«Глубокоуважаемый господин профессор!

Вы уже думали, что я потерялся и убежал с Вашими книгами. Совсем нет. Вот — живу, работаю. Женился! Плохо вижу одним глазом. Читать, писать только левым могу. Все-таки работа идет. Сегодня послал проф. Обермайеру рукопись по енисейскому палеолиту. Кажется, что придется печатать в Нью-Йорке по-английски. Но теперь извините, если я дальше пишу по-немецки. Довольно трудно по-русски, и Вы, пожалуй, все равно не легче понимаете. Скверно пишу...» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Геро Мергарта В.А. Городцову из Мюнхена от 16.05.1922).

Далее, перейдя на немецкий язык, Г. Мергарт убедительно просит В.А. Городцова писать ему и по возможности посодействовать в получении его книг. В финале письма он снова возвращается к воспоминаниям о радушии своего старшего коллеги, с которым тот принимал его в Москве, об оказанной тем помощи, и надеется на продолжение сотрудничества. Второе письмо следует всего полмесяца спустя. Третьего письма не последовало, т.к. на оба предыдущих Мергарт так и не дождался ни ответа, ни просимой им литературы. Книги Городцова позднее Мергарт получит от красноярцев (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Н.К. Ауэрбаха Геро Мергарту из Красноярска от 28.06.26). Чувствуется, что отношение корифея русской археологии к своему иностранному коллеге за это время кардинально меняется.

31 августа 1924 г., на объединенном заседании Коллегии Музея Приенисейского края и Совета ВСОРГО В.А. Городцов выступил с докладом, в котором подвел итог своим наблюдениям и охарактеризовал состояние сибирской археологии в целом. В нем он позволил себе несколько не вполне корректных замечаний в адрес австрийского археолога. Первое касалось датировки палеолита у с. Батени, о котором В.А. «раньше имел по рисункам Мергарта определенное мнение» и «склонялся датировать Батени Ориньяком» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Протокол совместного заседания Красноярского подотдела Русского географического общества и коллегии Музея Приенисейского края от 31.08.1924).

Само орудие Городцов пытался отыскать в Красноярске, однако «его не оказалось, так как рисунок был неверным. Или рисовальщик неправильно зарисовал, или...» (Там же). Оскорбительными для австрийского ученого прозвучали, как содержание фразы, так и форма, в которой она была высказана. О геологии енисейского палеолита было, в частности, сказано: «*Эти процессы: делювия и отложения лесса входят друг в друга. Мергарт совершенное не знал учение русской школы геологов о делювии, и в этом его ошибка как ученого*» (Там же). С этого времени и начинается период негативного отношения, если не прямой вражды В.А. Городцова к Г. фон Мергарту. Не оспаривая этого, попытаемся понять: были ли у Городцова объективные основания бросить эти обвинения? Разделим эти обвинения, и проанализируем их отдельно:

- 1) Обвинение в незнании и в непонимании археологического материала (об этом мы уже начали писать, и к этому нам придется вернуться).
- 2) Обвинение то ли в скверном умении рисовать, то ли в зарисовке несуществующего орудия.
- 3) Обвинение в плохом знании геологии.

Неточность рисунка

По поводу то ли неточного рисунка Мергарта, то ли исчезновения каменного орудия можно сказать так: рисунок — не фотография. Случается, одно и то же орудие, зарисованное двумя или тремя разными

ми исследователями, на рисунках выглядит несколько по-иному, и может быть интерпретировано, как разные орудия.

Таким образом, за загадочным исчезновением зарисованного орудия может стоять очень многое. В том числе есть и такая возможность: Городцов держал в руках зарисованное Мергартом орудие, но не узнал его.

Четвертичная геология

В 1920-е годы геология Сибири оставалась крайне плохо изученной. До сих пор оледенения и межледниковья Сибири и Европы лишь весьма условно соотнесены в рамках единой схемы, и эта схема различна у всех геологов-четвертичников — хотя бы в деталях (Кинд, 1974). Схема формирования террас Енисея была создана только через полвека после докладов Мергарта (Зубаков, 1972). Добавим к этому загадку происхождения лесса. Существует множество гипотез, которые можно, но глубоко некорректно, выдавать за истину в последней инстанции. У самого В.А. Городцова было ничуть не больше знаний о геологии енисейского палеолита.

Впрочем, у Городцова могли быть вполне реальные основания обвинить Мергарта в незнании «Учения русской геологической школы». Разумеется, Мергарт знал классическую схему Пенка и Брюкнера, разработанную в 1909 г. для древнего оледенения Альп (Penck, Bruckner, 1901 — 1909). Мергарт не мог не владеть этой информацией. Возможно, он даже чувствовал себя носителем передовых геологических идей: ведь схема Пенка и Брюкнера создана перед самой Мировой войной. Она могла и не успеть проникнуть в Сибирь. Но Мергарт вполне мог не знать последние разработки российских ученых Санкт-Петербурга, а именно — учения о фациях. Курс учения о фациях начал читать Дмитрий Васильевич Наливкин в Горном институте с 1915 г. Монография о фаціальности в геологии вышла заметно позже (Наливкин, 1962), но знакомство с этим учением прослеживается уже в статьях и книгах С.Н. Замятнина (Замятнин, 1937) и в классической монографии П.П. Ефименко (Ефименко, 1953).

В 1921–1924 гг. Мергарт мог не знать учения о фациях. Археологи еще ничего не писали об этом. Текстов пока не было. Другой вопрос, что большинство российских коллег готовы были извинить это маленькое невежество австрийцу, который, при всем желании, не мог пока что узнать о новом инструменте познания. А вот В.А. Городцов решительно ударил по больному, обвинив геолога Мергарта в незнании геологии.

Вопрос — почему он поступил так агрессивно и несправедливо?

Личностная составляющая и последствия

После ознакомления с протоколом заседания, возмущенный до глубины души Мергарт направляет сразу несколько писем в Россию: самому Городцову, требуя объяснений и извинений, в Красноярский Подотдел РГО и Красноярский музей с просьбой разобраться в ситуации. В архиве Мергарта в Марбурге сохранилась копия его обращения к Городцову. Имеет смысл привести текст письма полностью.

«Инсбрук, Австрия, университет, 5.V.25

Приват-доцент д-р Геро Мергарт

Г-ну В.А. Городцову

В Исторический музей в Москве

Ваше высокоблагородие!

На заседании от 31 августа 1924 г. Красноярского отдела Русского Географического Общества, протокол которого у меня имеется, Вы высказались по случаю следующим образом:

Также при неоднократном прочтении этого пункта я, полагаю, должен был понять, что возможность, на которую Вы намекаете, отмеченная в протоколе точками может означать лишь намеренную ложную передачу объекта, т. е. научную фальсификацию.

Если я ошибаюсь в этом мнении, то прошу Вас любезно это поправить.

Но если все же я понял Ваш намек правильно, то вынужден просить Вас письменно и четко взять назад этот чудовищный намек, который прозвучал на публичном собрании. В любом случае я прошу о точном объяснении, какой из моих рисунков считается вводящим в заблуждение, чтобы я, в случае, если Вы не решитесь на объяснение чести, со своей стороны смог бы предъявить дело в надлежащей форме специалистам для обсуждения.

Несмотря на это, любому специалисту, который внимательно читал мою работу о палеолите на Енисее, должно быть ясно, что фактически это не имеет значения, кажется, будто ли объекты и т.о. также

рисунки представляют шельские, ашельские или ориньякские или мустьерские формы, также должно быть ясно и то, что если бы фальсификация рисунков совсем и не вызывала интереса, то мне все же невозможно вообще не заметить хотя бы лишь и смутный намек на упрек в фальсификации, все равно, с несущественной ли стороны, или, как в этом случае, со стороны одного из известнейших специалистов России.

До сих пор я с неумещающей благодарностью вспоминаю о дружеском приеме, которым Вы удостоили меня в Вашем музее и, надеюсь, могу заключить из нашего знакомства, что здесь существует ошибка, которую Вы так быстро, как это возможно, захотите устранить.

Если, вопреки ожиданию, в течение следующих двух месяцев я не получу объяснения, то должен буду ради своей научной чести, предъявить это на суд наших профессиональных кругов.

Копия этого письма направлена в Красноярский Отдел» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Геро Мергарта В.А. Городцову из Инсбрука от 5.05.1925).

Подобных объяснений он требует и от красноярских коллег:

«Знаете, дорогой Аркадий Яковлевич, когда я прочел этот пассаж в протоколе, тогда я почувствовал разницу между мной и Вами. Я полюбил вас и думал, что Вы также вспоминаете об мне хорошо. Но мы оба ошиблись, мы — германцы, а вы — славяне. Т. е. разные. У нас немедленно встал бы человек и сказал бы: В.А., мы долго работали с Мергартом и уважаем его как честного ученого, который принесет любую жертву науке. Вы делаете намек, который затрагивает честь этого человека. Мы должны просить Вас обосновать Ваш намек или взять его обратно, т.к. Мергарт — наш коллега, и мы должны сохранять честь нашего Общества незапятнанной...».

Так сказал бы немец. Но вы промолчали, хотя, как я смею надеяться, никто из вас не принял слова Городцова всерьез» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Геро Мергарта А.Я. Тугаринову из Инсбрука от 5.04.25)

Если рассматривать ситуацию с точки зрения межкультурного общения, то в данном случае мы имеем дело с коммуникативным конфликтом, причиной которого является не различие языков, а «различие национальных сознаний коммуникантов» (Куликова, 2004: 28). В этом смысле в поведении В.А. Городцова прослеживается так называемый этноцентризм, порожденный восприятием и оценением явлений с позиции «своей» этнической общности, при котором зачастую «люди не осознают, что их образ жизни, поведение, ценностные ориентации и взгляды обусловлены собственной культурой, не являются универсальными, нормальными и само собой разумеющимися в других культурах» (Куликова, 2004: 28).

В.А. Городцов к 1924 г. имел не просто вес и авторитет в ученом мире, а был одним из тех, кого мы причисляем к живым легендам. В 1920-е гг. наблюдался расцвет его деятельности и влияния, ученый довольно успешно уживался с новым режимом, «был наиболее крупным ученым» и, по словам В.Ф. Генинга, вплоть до 1930 г. именно концепции В.А. Городцова считались «наиболее передовыми» (Генинг, 1982: 98). Помимо доминирующего влияния в науке Городцов обладал и административным влиянием, «оказался центральной фигурой и в университете, и в Историческом музее, и в РАНИОН...» (Формозов, 2006: 40).

С другой стороны, Г. фон Мергарт — человек с обостренным чувством чести, принадлежащий и по рождению, и по воспитанию, и по статусу к элите европейского общества. Ко времени конфликта о его достижениях уже было широко известно в Германии и Австрии. В России он снискал популярность как автор публикаций по сибирской древней истории и продолжал успешно работать на этой ниве, т. е. также представлял собой известную величину в научном сообществе Европы. Покровительственное, и, быть может, не всегда уважительное отношение к мнению своих учеников, которое продемонстрировал Василий Алексеевич, учитывая крайне серьезное внимание и к словам и делам и ответственность за них, свойственные немецкой ментальности, было истолковано Мергартом иначе, чем это подразумевалось в реальности. В свою очередь русские — не только рядовые обыватели, но и представители интеллигенции, ученые — спокойно реагировали и на гораздо более крепкие выражения в своей среде, недоумевая, что же могло так задеть их иностранного коллегу.

Сибирские ученые заняли в этом вопросе позицию, которую можно расценить неоднозначно. Смелости ознакомить австрийского коллегу с содержанием речи Городцова хватило только у А.Я. Тугаринова. В переписке с Мергартом он высказывает свое несогласие с позицией Городцова («я все больше и больше перестаю соглашаться с ним, он способен вносить в науку совершенно превратные представления» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо А.Я. Тугаринова Геро Мергарту из Красноярска от 8.03.1925), но не осмелился озвучить свои доводы публично. В примирительном ключе реагирует и официальный орган — Совет Красноярского Отдела РГО, который не усмотрел в заявлении Городцова ничего криминального и постановил, «что у присутствовавших на заседании не было повода сомневаться в научной

добросовестности Мергарта и слова проф. Городцова были поняты только как выражение разногласия в мнениях» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Выписка из протокола заседания Совета Красноярского Отдела РГО от 20.05.1925).

Из участников заседания 31 августа только С.А. Теплоухов пытался отчасти полемизировать с Городцовым. Г.П. Сосновский, работавший когда-то рука об руку с Мергартом, никак не обозначил своего мнения. Да и в регулярно отправляемых Мергарту письмах, никак не комментируя случившееся, он как о чем-то малозначащем пишет, что «...летом в Сибирь для осмотра наших раскопок приезжал проф. В.А. Городцов из Москвы. Он напечатал вновь переработанный курс «Первобытной археологии» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Г.П. Сосновского Геро Мергарту из Иркутска от 6.12.1924).

Так же неопределенна и позиция Н.К. Ауэрбаха. В частной переписке с Городцовым он пишет: «Я не знаю, что может наше общество ему ответить. Он просит выяснить, кто прав, Вы или он. Как мы можем это решать, если не имеем рисунка, который он Вам показывал?.. Меня эта история очень волнует. Косвенно я причинил Вам неприятность. Я это чувствую». (ОПИ ГИМ, ф. 431б ед. хр. 376. Письмо Н.К.Ауэрбаха В.А. Городцову из Красноярска от 27.04.1925)

Мергарту же он пишет несколькими днями позже: «Все Музейне очень сожалеют, что причинили Вам боль своей пассивностью при выступлении Городцова 30-VII 1924 г. Здесь сказалась разница между психикой русского человека и иностранца: русские часто говорят слова и не придают им значения; русские слушают такие слова и не видят в них то, что видят иностранцы, потому что знают, что это «слова». Я думаю, что Городцев не хотел бросить на Вас тень. Музейне ни на минуту не меняли своего мнения о Вас как о работнике, всегда и везде аккуратном, увлеченном и преданном науке. Вы получите по этому вопросу официальное мнение Географического О-ва...» (АМУ, ф. Г. Мергарта. Письмо Н.К. Ауэрбаха Геро Мергарту из Красноярска от 4.05.1925).

Характерно, что от самого В.А. Городцова ни объяснений, ни извинений, ни какой-либо иной реакции дожидаться не удалось. Складывается впечатление, что русский мэтр просто проигнорировал этот случай. При этом Городцов не забыл о Мергарте. Когда в 1926 году вышло самое известное из мергартовских произведений, «Бронзовый век на Енисее», Городцов, в отличие от восторженных отзывов других русских археологов о книге, высказывается довольно пренебрежительно:

«Г. Мергарт был военнопленным в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников.

Таким образом, он отнес древнейшую металлическую культуру Енисея к бронзовому времени (палеометаллов). На самом же деле она может относиться только к ранней поре неометаллической эпохи. Все просмотренные мною бронзовые кельты не ранее XIV века до н[ашей] эры. Мергарт даже [написано не отчетливо — С.К.] и эту культуру [написано не отчетливо — С.К.] уменьшает до (1000 л.) X в. ранее н[ашей] эры, а это совпадает с развитием культур неометалла, т. е. со временем, когда человечество было хорошо известно [т. е. знакомо — С.К.] с железом.

В общем работа довольно слабая и нужно удивляться, что за такую работу Мергарт получил в Германии звание доктора. Эта работа самое большое дает [т. е. дает — С.К.] право на кандидата к ученым степеням» (ОПИ ГИМ. Ф. 431, ед. хр. 197. Выписки и заметки по эпохе бронзы с зарисовками В.А. Городцова. 1920–1930-е гг.).

Знал ли Мергарт о столь нелестном отзыве со стороны В.А. Городцова — неизвестно. В своих мемуарах, законченных к 1925 г., Мергарт не упоминает о нем вовсе. Тем не менее, работать с книгами и материалами из России Мергарт хотел, и в 1925 г. он вновь обращается к Городцову за содействием (ОПИ ГИМ ф. 431 ед. хр. 458. Письмо Г.Мергарта В.А.Городцову от 9.01.1925). Ответа не было.

Попытка объяснения конфликта

Конфликт В.А. Городцова и Г. фон Мергарта настолько иррационален, что невольно хочется найти ему хоть какое-то осмысленное объяснение. Не получается. У Городцова полностью отсутствуют серьезные причины говорить, как о непорядочности Мергарта, так и о его низкой квалификации. Только в одном случае, возможно, Городцов «уличил» его в незнании учения о фациях. Но даже если наше допущение верно, это «невежество» — никак не основание бросать какие-то нелепые обвинения в незнании геологии.

Осмысливая конфликт, современные исследователи словно не замечают, что уважаемый мэтр очень низко оценил и квалификацию российских археологов Сибири. «Г. Мергарт был военнопленным

в Красноярске, где был дружественно принят в круг музейных деятелей и при помощи их изучил древности Енисея. Изучение было спешно и под руководством *довольно слабых в знании древностей Сибири местных работников*. Что называется, коротко и ясно. Городцов был единственным, кто предельно низко оценил до сих пор интересную работу Г. Мергарта, «Бронзовый век на Енисее». Кстати, как раз оценки Городцова просто принципиально неверны: в действительности «древнейшая металлическая культура Енисея» совершенно справедливо отнесена Мергартом к середине 2-го тысячелетия до Р.Х. Современные ученые дают ей датировки еще более ранние, чем давал Мергарт.

Так что мэтр был попросту несправедлив, и сам прекрасно понимал это. Что же произошло? Почему Городцов в своем поведении так далеко вышел за рамки не только элементарной вежливости, но и обычного коллегиального поведения? Почему он не ответил на несколько писем Мергарта, не прислал ему ни своих книг, ни оттисков статей? Это — несмотря на важность развития международных связей и важность поддержания отношений с Геро Мергартом с такой целью. Несмотря на то, что такие связи в 1920-е гг. не только не были опасны, но часто поддерживались властями (по крайней мере, не запрещались и ничем не грозили)?

Объяснить это можно только тем, что Г. Мергарт вызвал личное и очень сильное раздражение В.А. Городцова. Вероятно, он не вписывался в образ специалиста, подчиненного высшему авторитету. Тому, кто сам и по собственным представлениям будет определять, кто тут «слаб в знании древностей Сибири», а кто не слаб. С.А. Теплоухову В.А. Городцов приписал даже те заслуги, которых у него не было — чтобы «отобрать» эти заслуги у опального Мергарта.

Судя по поведению членов профессионального сообщества, Городцов действовал вполне в духе своего общества. И не случайно Городцов считается одним из основателей СОВЕТСКОЙ археологии с ее жесткой бюрократической иерархией. В этой иерархии огромной была роль «главархеолога», уполномоченного «правильно» истолковывать любые материалы, и обладавшего правом последнего слова в любом споре (Клейн, 1993).

Российские археологи признавали право «столичного» и к тому же «уполномоченного» археолога командовать «провинциальными», перенимали его самопальную терминологию (все эти «поры» и «неометаллические эпохи»), и если прямо не поддакивали — по крайней мере, не возражали ни против принижения профессионального уровня Мергарта, ни против обвинений в подлоге. Они не возражали и против оценок самих себя и своих российских коллег в недостаточной квалификации. На эту сторону высказываний Городцова, кстати, обычно не обращают внимания.

И для европейского археолога, и для россиянина досоветского периода такое поведение было и неприемлемо, и даже попросту психологически необъяснимо. Мергарт был отвергнут не лично Городцовым, а системой, которую он не понимал. Так мог погибнуть в Тибете британец, показавший пальцем на языческого идола в храме, или археолог в Сибири, ненароком присевший опорожнить кишечник в «священном» месте: например, на Шаманской горе острова Ольхон.

Геро Мергарт и сам скатывался до обвинений, порой граничащих с расизмом, нервничал, кричал и «обзывался». Его поведение невозможно назвать идеальным. Но ведь фактически он стал жертвой жестокой и примитивной системы научной бюрократии во главе с «главархеологом» Городцовым. И мы прекрасно знаем, что он не был расистом. Пройдет немного времени, и в Третьем Рейхе он потеряет работу, поскольку окажется не силах постичь всю глубину расовой теории. Но ведь немецкие археологи и правда вели себя совершенно иначе... не потому что они немцы, конечно, а потому, что они — носители другого типа сознания.

Нравственная оценка позиций сторон в конфликте и их «правоты» до сих пор зависит от отношения оценивающего к одной из цивилизаций. С точки зрения советского человека, «неправильна» как раз позиция Мергарта: надо было «понимать ситуацию», «идти на компромиссы», прогнуться перед «главархеологом», услуживать ему, чем только возможно. То, что большинство современных россиян не считают В.А. Городцова правым и испытывают смутное чувство вины, доказывает только, что мы все дальше от этой цивилизации

Но оценим последствия конфликта не с точки зрения жизни и судеб людей, их страданий и чаяний, а с точки зрения самой археологии. В результате одностороннего конфликта Городцова с «неуправляемым» Мергартом:

- Не только не были расширены, но разорвались перспективные международные связи.
- Мергарт не выполнил ту научную работу, которую хотел выполнить в российской археологии.
- На десятилетия остались неизвестными его книги о каменном веке и бронзовом веке Сибири, а также литература, которую он охотно предоставил бы коллегам.

— Российские археологи не получили многих советов, консультаций, рекомендаций, на которые могли бы рассчитывать.

Одним слово, науке — и российской в первую очередь, был нанесен существенный ущерб.

Литература

- Ауэрбах Н.К., Громов В.И.* 1935. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска // Палеолит СССР. ГАИМК.
- Васильев С.А.* 1992. Феномен сибирского позднего палеолита и его место среди культурных проявлений финальноплейстоценового возраста // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Краткое содержание докладов Международного симпозиума. Красноярск. С.28–30.
- Вишняцкий Л.Б.* 2008. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб. С. 84–86.
- Генинг В.Ф.* 1982. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев.
- Городцов В.А.* 1908. Первобытная археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М.
- Городцов В.А.* 1910. Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М.
- Городцов В.А.* 1914. Руководство для археологических раскопок. М.
- Григорьев Г.П.* 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.
- Ефименко П.П.* 1938. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Л.
- Ефименко П.П.* 1953. Первобытное общество. Киев.
- Замятин С.Н.* 1937. Палеолит Абхазии. Сухуми.
- Зубаков В.А.* 1972. Палеогеография Западно-Сибирской низменности в плейстоцене и позднем плиоцене. Л.
- Кинд Н.В.* 1974. Поздний плейстоцен. М.
- Клейн Л.С.* 1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* 2003. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть I. М. С. 6–9.
- Куликова Л.В.* 2004. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультуры: Монография. Красноярск.
- Наливкин Д.В.* 1955–1956. Учение о фациях. Изд. 3. Т. 1–2. М.—Л.
- Пряхин А.Д.* 2005. История отечественной археологии. Часть I: Русская дореволюционная археология. Воронеж.
- Формозов А.А.* 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.
- Формозов А.А.* 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.
- Klein Leo.* 1999. Vasilij Alexeyevich Gorodcov (1869–1945) // Encyclopedia of Archaeology. The Great Archaeologists. Vol. I. USA, pp. 247–262
- Penck A., Bruckner E.* 1901–1909. Die Alpen im Eiszeitalter, Bd. 1–3. Leipzig.

Участие Владимира Вернадского в исследованиях Гонцовской палеолитической стоянки

И.Н. Гавриленко

*Полтавский национальный технический университет им. Ю.Кондратюка.
Украина, Полтава*

Владимир Иванович Вернадский — гениальный ученый-естествовед, обессмертивший свое имя разработкой учения о ноосфере и биосфере. Одновременно он представлял собой выдающегося организатора науки, внесшего основополагающий вклад в такие дисциплины, как геология, минералогия, кристаллография, геохимия, био- и гидрогеохимия. Однако круг его интересов был значительно шире; блестящий многогранный талант одного из крупнейших мыслителей минувшего столетия в полной мере проявлял себя даже при беглом прикосновении к той или иной научной проблеме.

Досадно, что даже специалисты по археологии каменного века долгое время не были осведомлены о причастности ученого к изучению Гонцовской стоянки. Между тем, В.И. Вернадский не только лично осматривал памятник, но и посвятил отдельную работу геологическим условиям залегания тут остатков стоябища палеолитического человека. В силу разных обстоятельств эта работа не была вовремя издана и впоследствии оказалась утерянной даже ее автором (именно эти обстоятельства и привели к «выпадению» имени ученого из списка непосредственных исследователей Гонцов, а его творческого задела — из общего контекста изучения стоянки, причем, на многие десятилетия).

В литературе утвердилось мнение, что ученый впервые попал на раскопки памятника еще в 1891 г. и провел их вместе с пригласившей его известной меценаткой Е.Н. Скаржинской, тогдашней владелицей Гонцовского имения, содержавшей на хут. Круглик под г. Лубнами первый в Украине частный музей (Супруненко, 1995-а: 178–179; 2000: 25, 73, 105, 209; Кигим, Кондратенко, 2002: 21; Яковлева, 2003: 19; Кигим, 2008: 58; Самородов, Кигим, 2008: 14). Очевидно, такие утверждения порождены сообщением Е.М. Апанович, выдающейся исследовательницы истории казацких времен в Украине и биографа В.И. Вернадского, которая несколько раз писала, что именно тогда молодой ученый раскапывал и изучал палеолитическую стоянку в Гонцах (Апанович, 1987; 1988: 70; Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 23). Но отвечает ли это действительности?

В течение 1888–1894 гг. В.И. Вернадский был неизменным участником почвоведческих экспедиций В.В. Докучаева в Полтавской губернии. Однако его тогдашнее присутствие в Гонцах, и вообще на Лубенщине, опровергает анализ хорошо описанных в литературе маршрутов поездок исследователя. Так в 1890 г. он приступил к изучению почв Кременчугского уезда, но в следующем году финансирование данной тематики оказалось свернутым. Поэтому Владимир Иванович продолжил летние разведки территории уезда на собственные средства, обратив первоочередное внимание на проблемы геологического строения местности. Одновременно, проявляя присущий ему комплексный подход и разносторонность научных увлечений, Вернадский составил археологическую карту региона с обозначениями курганов и «каменных баб». Затем, уже в августе, совместно с Докучаевым он осуществил экскурсии к интересным в геологическом отношении местностям — в Полтавском, Хорольском, Кобелякском и Миргородском уездах (Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 22–23; Кигим, 1991: 5, 11, 12; 2008: 57, 58; Самородов, Кигим, 2008: 14).

О работах на стоянке, осуществленных еще весной 1891 г. самой Е.Н. Скаржинской, нам известно немного. Они были произведены на небольшой площади и обуславливались лишь потребностью сооружения погребя. При этом на глубине 2,5 м, в слое костной брекчии, пепла и угля были обнаружены изделия из кремня, кости мамонта и других животных (Супруненко, 1995-б: 184; 2000: 43, 105, 209).

Маловероятно, чтобы ради работ, которые длились, по-видимому, лишь несколько дней и имели побочное научное значение, из Московского университета был «выписан» приват-доцент кафедры минералогии В.И. Вернадский. Необходимости в этом очевидно не было, поскольку геологические условия залегания культурных остатков на памятнике изучал еще в 1873 г., по приглашению его первооткрывателя Ф.И. Каминского, профессор геологии Киевского университета К.М. Феофилактов, а результаты этих исследований были изданы достаточно подробно (Феофилактов, 1878). Следовательно, у Скаржинской вряд ли возникла бы мысль заручиться поддержкой профессионального геолога, который не имел никакого опыта археологических раскопочных работ. В случае, если бы подобное желание возникло, проще и целесообразнее было бы обратиться к кому-то из известных киевских специалистов-археологов, как

это и делалось постоянно (музей Скаржинской тесно сотрудничал, в частности, с Н.Ф. Беляшевским, В.В. Хвойкой, С.А. Мазараки).

Образованная помещица могла бы в этом случае ограничиться и собственными возможностями: к обустройству своего музея, где главное место отводилось археологическим экспонатам, она всегда привлекала достаточно компетентный и квалифицированный персонал. Правда, как раз на ту пору, 20 марта (1 апреля), ушел из жизни первый заведующий ее музеем Ф.И. Каминский. Однако и без него Скаржинская вполне могла справиться с надзором за сооружением погреба. Характер потенциальных находок был ей знаком по материалам предыдущих раскопок Гонцов; процедура осуществления полевых исследований — по участию в работах того же Каминского (Ванцак, Супруненко, 1995: 52–53; Супруненко, 2000: 60, 62, 105, 108).

Наконец, сам Владимир Иванович никогда не упоминал о своем пребывании в Гонцах в 1891 г. — ни в воспоминаниях, ни в дневниках, ни в автобиографии. В черновиках его статьи, посвященной геологии памятника, также отсутствует всякая информация подобного содержания. Поэтому можно признать сомнительным утверждение о появлении этого текста в результате работ в имении Скаржинской. Тем не менее, рассказывая о связях ученого с Естественно-историческим музеем Полтавского губернского земства, Е.М. Апанович сообщала, что в 1891 г. Вернадский передал в подарок только что созданному заведению археологическую карту Кременчугского уезда, несколько «каменных баб», перевезенных им в Полтаву, а также *«рукопись статьи о раскопках и изучении Гонцовской палеолитической стоянки»* (Апанович, 1987; 1988: 71; Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 23).

Архивная документация времен возникновения музея свидетельствует, что первые связанные со стоянкой экспонаты, действительно, появились в собрании заведения уже в 1891 г., однако подарила их музею Е.Н. Скаржинская (Каталог собрания Археологических и Исторических древностей Екатерины Николаевны Скаржинской / Сост. А.П. Зосимович, под ред. В.Б. Антоновича. — Рукопись, 1892 // Державний архів Полтавської області. Ф. 222. Оп. 1. Спр. 2–3; Каталог Археологического отдела. Т. I // Архів фондів Полтавського краєзнавчого музею). Никакой рукописью статьи первая гонцовская коллекция Полтавского музея не сопровождалась, как и соответствующие учетные записи — фамилией Вернадского.

Похоже, Е.М. Апанович, ставшая, в значительной мере, первооткрывателем темы «Вернадский и Украина», узнав о причастности выдающегося естествоведа к изучению Гонцов и подготовке им публикации на эту тему, все же не была осведомлена о нюансах достаточно запутанной дореволюционной истории исследований памятника. Не зная точного времени работ ученого в Гонцах, она соотнесла их с наиболее вероятным, по ее мнению, эпизодом — а именно с 1891 г., когда Вернадский осуществлял попутные разведывательные археологические работы в Кременчугском уезде.

Следующим по времени посещением Гонцов В.И. Вернадским часто считается лето 1901 г. Тогда, по заданию Полтавского губернского земства, он изучал на Лубенщине строение Висачкивского горба — интересного природного памятника, представляющего собой соляно-купольное поднятие, расположенное в речной долине вблизи места впадения в Сулу ее притоков Сулицы и Удая (Сытник, Стойко, Апанович, 1984: 20; Кигим, 2008: 58; Самородов, Кигим, 2008: 14). Как предполагается (Кигим, 1991: 12–13), воспользовавшись случаем, Вернадский заодно обследовал и широко известную в профессиональных кругах палеолитическую стоянку, научный потенциал которой оставался раскрытым далеко не полностью.

Уместно вспомнить, что в начале XX в. кроме Гонцов, которые, начиная с 1871 г., раскапывались разными исследователями (по большей части, любительски), со значительными перерывами и бессистемно, охватив в целом небольшую площадь, палеолит на Украине фактически был представлен лишь материалами Кирилловской стоянки в Киеве. Несколько обнаруженных и описанных на тот момент мелких местонахождений можно не брать во внимание. В других частях Российской империи карту археологических памятников эпохи палеолита также формировали отдельные точки, разделенные огромными неисследованными пространствами — Костенки I на Дону, Карачарово, Афонтова гора вблизи Красноярска, Иркутск и некоторые другие пункты. Что же касается Кирилловской стоянки, открытой в 1883 г. В.В. Хвойкой, то в течение 1893–1902 гг. она была исследована им достаточно полно. Благодаря этому удалось поставить и частично разрешить немалый перечень вопросов, связанных с жизнью человека в природных условиях позднего плейстоцена.

В.И. Вернадский интересовался результатами раскопок Кирилловской стоянки (Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 122), а тем более — Гонцов, расположенных на Полтавщине, с которой ученого связывали не только профессиональные, но и семейные отношения. Поэтому посещал он губернию и ее

административный центр достаточно часто. Это был не только интерес широко эрудированного человека к последним научным событиям. Кроме сугубо археологического значения, выявление памятника оказало ощутимое влияние на развитие других гуманитарных и естественных наук. В частности геологическое обследование Гонцов в начале 1870-х гг., а именно обнаружение там двух горизонтов морены, разделенных слоем лесса, сыграло большую роль в формировании ледниковой теории, представив доказательства неоднократности оледенений в Восточной Европе (Имбри, Имбри, 1988: 62).

Ученый, как видно из рукописи его статьи о геологии Гонцов и эпистолярного наследия (Листування В.І.Вернадського...), имел собственную профессиональную точку зрения на указанные проблемы, поэтому кажется вполне логичным его стремление при первой благоприятной okazji самостоятельно осмотреть памятник. Однако и в этом случае некоторые обстоятельства оставляют место для сомнений.

Предположение о посещении Гонцов В.И. Вернадским в 1901 г. основывается на его собственных воспоминаниях, записанных в августе 1937 г., то есть по истечении нескольких десятилетий с момента самих событий. Почтенному исследователю исполнилось тогда семьдесят четыре с половиной года. Приведем строки, которые имеют отношение к нашей теме, полностью: *«Интересовали вопросы, связанные с ископаемыми почвами. Точно место наших поездок не помню. [Один из] местных хлеборобов, по фамилии как будто Клименко (у меня записано), владелец имения, где находятся Гонцы, подарил музею участок земли, чтобы сохранить эту палеолитическую стоянку. Он произвел новые раскопки, и я сделал с ним и с Олеховским двухдневную, кажется, поездку в Лубны и в Гонцы»*. И несколькими строками ниже: *«В Лубнах я смотрел моренные отложения (две морены), в Гонцах раскопки чрезвычайно интересны. Для меня ясно, что мамонтовые бивни и кости были искусственно собраны человеком. Мне помнится, что описание этого разреза было мной оставлено в Полтавском музее»* (Вернадский, 1994: 230, 231).

Предыдущие и следующий абзацы этой части воспоминаний Владимира Ивановича указывают на политические и бытовые реалии периода национально-освободительной борьбы украинского народа в пределах февраля—апреля 1918 г. (Рада, движение хлеборобов, немецко-австрийское командование). Указанный диапазон четко очерчивается ввиду того, что Центральная Рада начала восстанавливать свою власть в Украинской Народной Республике при помощи немецкой и австро-венгерской армий в начале февраля 1918 г. Прекратила она свою деятельность 29 апреля в связи с гетманским переворотом Павла Скоропадского, поддержанного движением земельных собственников. Доподлинно известно, что в тот период (с конца ноября 1917 до 1 июня 1918 г.) семья Вернадских жила в Полтаве, а сам ученый достаточно плодотворно и много работал (Кигим, 1989: 85; 2008: 58; Полтавщина: 114; Самородов, Кигим, 2008: 17).

Вместе с тем, в тексте воспоминаний фигурируют известные ученому лица из числа сотрудников Полтавского музея, которые в 1918 г. здесь работать не могли. Так И.А. Зарецкий в 1915 г. выехал в Оренбург, где в дальнейшем и проживал (Выставка, 1990). М.А. Олеховский, первый заведующий Естественно-историческим музеем Полтавского губернского земства, на которого Вернадский прямо указывает как на своего спутника, умер в декабре 1909 г. (Власенко, 2003: 64). Настораживает и фамилия Клименко (в действительности Климова), причастного к организации раскопок в Гонцах В.М. Щербаковским (см. ниже). Возникает ощущение, что в памяти Владимира Ивановича «слились» воедино разные эпизоды посещения Гонцов — до 1909 г. вместе с Олеховским, в 1915 г. и, возможно, в 1918 г. Но, во всяком случае, предположение о визите ученого в Гонцы летом 1901 г. нуждается в дополнительном подкреплении фактическими материалами.

Если же иметь в виду, что Вернадский и Олеховский могли наблюдать осуществление раскопок памятника, то следует отметить, что в 1902 г. поселение осматривал геолог Н.И. Криштафович, а в 1904—1906 гг. раскопки с раскрытием достаточно большой площади провел приват-доцент медицинского факультета Университета св. Владимира в Киеве Р.И. Гельвиг. Осуществлены они были с окончательно не реализованной целью сооружения санатория; при этом их организатор не позаботился ни о документировании результатов работ, ни о сохранении находок (Криштафович, 1902; Щербаковський, 1919: 62; Городцов, 1926: 8, 9).

Вполне доказанным может считаться только осмотр Вернадским палеолитической стоянки и ее окрестностей в 1915 г. — во время работ экспедиции заведующего Археологическим отделом Естественно-исторического музея Полтавского губернского земства В.М. Щербаковского. Непосредственным импульсом к их развертыванию стало предложение члена Губернской земской управы и нового владельца этих земель Л.П. Климова вернуться к изучению древнего поселения, чтобы дополнить собрание музея. Управа согласилась. Результатом этого стали подготовительные раскопки, осуществленные Щербаковским в июне—июле 1914 г. (Щербаковський, 1919: 62; Городцов, 1926: 9), плодотворно продолженные в полевые сезоны 1915, 1916 и 1919 гг.

Лев Павлович Климов был зятем Скаржинской. Та, расставшись со своим мужем, генерал-майором кавалерийского запаса, богачом-коннозаводчиком Н.Г. Скаржинским, передала свои частные собрания музею в Полтаве и с 1906 г. вместе с дочерью Ольгой проживала в Италии и Швейцарии. Вернувшись в 1914 г. на Украину, с 1915 и до 1917 г. она жила в Круглике — с дочкой и ее мужем, в доме последнего (Ванцак, Супруненко, 1995: 43; Супруненко, 2000: 44, 46–47). До 1914 г. Л.П. Климов никак не мог выступить инициатором раскопок в Гонцах, не будучи собственником имения.

Решив, по результатам первого сезона, расширить масштаб работ, Полтавское земство в марте 1915 г. специально рассмотрело на одном из своих заседаний вопросы организационного обеспечения следующей экспедиции. В числе прочего было решено предложить взять участие в непосредственном изучении памятника квалифицированному археологу-первобытнику В.А. Городцову и геологу академику В.И. Вернадскому (Городцов, 1926: 9).

Кроме Вернадского и Городцова, в 1915 г. к изучению материалов в полевых условиях Щербаковский привлек других известных специалистов: археолога и антрополога Л.Е. Чикаленко, геологов акад. А.П. Павлова и Г.Ф. Мирчинка, палеонтолога М.В. Павлову (Щербаковский, 1919: 62).

Приезд В.И. Вернадского в Гонцы в 1915 г., кроме прямого указания В.М. Щербаковского, подтверждается также некоторыми другими фактами. В частности, уже неоднократно упомянутая геолого-стратиграфическая статья ученого (черновики) содержит на странице 20 его собственноручные подписи: «1915» и «Гонцы», расположенные над схематическими стратиграфическими чертежами.

Еще в разгар раскопок 1915 г. В.М. Щербаковский переписывался с В.И. Вернадским, обещавшим выполнить профессиональное геологическое описание стоянки, и предоставлял ему необходимую дополнительную информацию относительно стратиграфии.

Письмо от 8 июня сопровождалось планом раскопок «*в таком виде, в котором Вы* (то есть В.И. Вернадский — И.Г.) *его застали во время второго приезда*». К письму от 14 июня были приложены 4 фотографии со следующими подписями: «*Яма под костями мамонта. Сдвиг осадочных слоев*», «*Выемка образца из Сорочьей балки*», «*Глубокая яма в западной стороне раскопа*», «*Яма под костями мамонта со сдвигом*» (Кононенко, Супруненко, 1995: 173; Супруненко, 1995а: 181–183; Кигим, 2008: 60; Листування В.І. Вернадського...: 144–145).

Как видим, академик Вернадский, по крайней мере, дважды в ходе раскопок 1915 г. побывал на памятнике и впоследствии достаточно активно в письменном виде общался с полтавским коллегой по соответствующим вопросам. Остается только недоумевать, почему на момент написания собственной статьи 1919 г. Щербаковский очутился без выводов специалистов? Характеризуя стратиграфию стоянки, он вынужден был исходить из «*собственных измерений и размышлений*» (Щербаковский, 1919: 65, прим. 1). Сам же Вернадский неоднократно утверждал, что подготовленная им специальная статья по геологии Гонцов была передана в Полтаву.

К сожалению, результаты исследований В.М. Щербаковского изданы неполно и достаточно поверхностно. Детально осветить итоги изучения Гонцов ему помешали драматичные внешние обстоятельства: события Первой мировой войны, бурные годы национально-освободительной борьбы, наконец установление большевистской диктатуры. Окончательно отчаявшись, в марте 1922 г. он эмигрировал с советской Украины в Прагу (Франко, 1992: 57; Гавриленко, 2003: 57). Однако и в условиях вынужденной эмиграции ученый сохранил интерес к палеолитическим штудиям, о чем свидетельствуют его публикации на немецком языке. Одна из статей непосредственно посвящалась материалам Гонцов (Scerbakiwskij, 1926), и в ней исследователь тоже пользовался собственными стратиграфическими наблюдениями.

Последним возможным эпизодом посещения Гонцов В.И. Вернадским называется 1918 г. (Документи з історії... : 126). Так утверждал он сам — в приведенных выше отрывках из воспоминаний, записанных в 1937 г. (сомнительность некоторых связанных с этим обстоятельств уже отмечалась), а также в письме к И.Г. Пидопличко от 20.01.1939 г. В последнем случае ученый не был категоричным и вел речь о своих исследованиях Гонцов «*кажется, в 1918 или 1919 годах*». И в этот раз в тексте фигурировал Л.П. Климов: «*Мне помнится, что я был тогда там с владельцем Гонцов, если не ошибаюсь по фамилии Клименко, который выделил четыре десятины, как тогда государственную собственность*» (Листування В.І.Вернадського... : 145–146). Но, как помним, последнее событие датируется 1914 г. Не может служить подтверждением рассматриваемого визита и фраза из письма И.Г. Пидопличко к полтавскому журналисту В.И. Бабенко от 30.05.1974 г.: «*Наведася он в село Гонцы и в 1918 году*», поскольку, как следует из контекста, первый опирался только на слова академика Вернадского — «он мне говорил» (см.: Кондратенко, 1991: 127; Листування В.І.Вернадського... : 149–150).

Гонцовская проблематика продолжала интересовать выдающегося ученого и в дальнейшем — до последних лет жизни. Невзирая на большую загруженность, как собственно научными исследованиями, так и сопутствующими организационными делами, в 1926 г. он пытался своей авторитетной поддержкой спасти от уничтожения Полтавский краеведческо-исторический музей как научное заведение, вопреки планам превращения его в «общеобразовательный, социальный» (своеобразный политобразовательный кабинет). Последнее угрожало, в частности, распылением коллекций между школами и другими музеями.

Узнав о проблемах учреждения, Вернадский направил Всеукраинскому археологическому комитету при Всеукраинской Академии наук (ВУАН) справку о музее, а также обратился к секретарю ВУАН и своему близкому другу Агатангелу Крымскому с письмом, в котором утверждал: «*Это самое ценное собрание на Украине*», особенно отмечая важность гонцовских палеолитических материалов — части бывшей коллекции Скаржинской и из новых раскопок (Апанович, 1988: 71; Кигим, 2008: 60–61).

В 1935 г. исследования стоянки продолжил И.Ф. Левицкий при участии И.Г. Пидопличко и А.Я. Брюсова (экспедиция Института истории материальной культуры АН УССР и Государственного исторического музея, г. Москва). Вероятно, узнав об этих работах, Вернадский решил все же издать свою статью о геологии Гонцов, допуская, что его материалы не утратили актуальности, и попытался с помощью Пидопличко разыскать ее в Полтавском музее.

Одновременно Владимир Иванович в письме от 20.01.1939 г. предлагал молодому коллеге-палеонтологу, которого всячески поддерживал еще со времен учебы последнего в Ленинграде, воспользоваться случаем и определить возраст остеологических материалов из Гонцов химическими методами (по содержанию фтора), направив для этого определенное количество костей разных животных. Соответствующие разработки, считавшиеся Вернадским достаточно перспективными, осуществляла одна из лабораторий, ему подчиненных (Листуванья В.И. Вернадського... : 145–146; Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 122; Кигим, Кондратенко, 2002: 21). Хотя в дальнейшем подобная методика не получила распространения в практике датирования археологических материалов органического происхождения, идея исследователя через химический состав находок найти возможность установления их абсолютного возраста шла в ногу со временем, если не опережала его. Напомним, что радиоуглеродный метод был разработан американскими радиохимиками Либби, Андерсеном и Арнольдом в конце 40-х — в 50-х годах XX в.

Очевидно, не получив положительного ответа от музея, Вернадский в письме к полтавскому природоведу Н.И. Гавриленко от 8.05.1941 г. делился сожалением по поводу пропажи рукописи. В переписке же с почвоведом А.А. Яриловым 22.09.1944 г. Владимир Иванович высказал подозрение, что часть его рукописей была вывезена из Полтавского музея еще до немецкой оккупации, и предполагал, что эти документы попали в Прагу (Листуванья В.И. Вернадського...: 147–149). Несложно догадаться, что поводом для таких рассуждений стал выезд в эмиграцию В.М. Щербаковского. Однако осуществленный нами анализ соответствующих публикаций последнего, в том числе изданных за рубежом, и сравнение их с рукописью Вернадского указывает, что бывший сотрудник Полтавского музея вряд ли был знаком в деталях с разработками специалиста-геолога. Во всяком случае, он не пользовался вовсе его выводами относительно стратиграфии стоянки и ее окрестностей (Гавриленко, Кигим, 2008: 134–137).

Более правомерно считать, что окончательно упорядоченный, подготовленный к печати текст статьи (если он вообще существовал в таком виде) был утерян в годы гражданской войны, как это и предполагалось раньше (Апанович, 1988: 71; Кигим, 1989: 85).

Черновой вариант труда В.И. Вернадского о Гонцах удалось разыскать Е.М. Апанович в 80-х годах XX в. Рукопись, как ни удивительно, находилась в персональном фонде ученого, сформированном в архиве АН СССР (Сытник, Апанович, Стойко, 1988: 23). В настоящее время оригинал документа хранится в Архиве РАН, г. Москва (ф. 518, оп. 1, д. 332). Содержание дела образуют: рукопись статьи (19 листов) и вспомогательные материалы (12 листов), а также два упомянутых выше письма В.М. Щербаковского к В.И. Вернадскому в сопровождении вычерченного карандашом плана раскопок и 4 фото.

Авторское название работы неизвестно. Титульная страница рукописи содержит надпись, сделанную архивариусом: «*Вернадский В.И. Статья о рез-тах раскопок в с. Гонцы Лубенского уез-да и материалы к ней / 1914–1915 / автограф*», а также архивные учетные обозначения.

Учитывая все отмеченные выше обстоятельства, можно утверждать, что статья была написана В.И. Вернадским по результатам нескольких посещений Гонцовской стоянки в 1915 г., осуществленных по приглашению археологической экспедиции под руководством В.М. Щербаковского. Очертить точное время начала и завершения работы академика Вернадского над рукописью не удалось. Наи-

более вероятными среди всех названных в литературе дат и обстоятельств появления текста статьи представляются: 1916 г. (Кононенко, Супруненко, 1995: 176), или же Полтава 1918 г. (Супруненко, 2000: 105, 106, 334).

Публикация рукописи состоялась только недавно и имела по большей части мемориальный характер (Вернадский, 2008; Гавриленко, Кигим, 2008). Понятно, что содержание научного труда, впервые изданного приблизительно через 90 (!) лет после написания, не могло не утратить своей актуальности. Особенно устарела интерпретационная часть исследования (рассуждения о количестве и ходе оледенений, а также о сопровождающих их рельефообразующих и почвенных процессах). Проблемы, которые интересовали В.И. Вернадского в начале XX в., например, о хронологическом соотношении фаз последнего ледникового периода со временем существования стоянки палеолитического человека, успешно разрешены современной наукой. Тем не менее, список специалистов-естествоведов, которые в первой половине XX в. изучали стратиграфическую ситуацию на стоянке и в ее ближайшей округе, — Н.И. Криштафович, А.П. Павлов, Г.Ф. Мирчинк, И.Г. Пидопличко, В.И. Громов — по праву должен быть дополнен именем Владимира Ивановича Вернадского.

Литература

- Апанович Е.М. 1987. Академик В.И.Вернадский на Полтавщине // Первая Всесоюзн. науч. конф. по историческому краеведению: ТДиС. Киев. С. 264–265.
- Апанович О.М. 1988. Перший президент // Наука і культура. Україна: Щорічник. Вип. 22. Київ. С. 64–73.
- Ванцак Б.С., Супруненко О.Б. 1995. Подвизники українського музейництва: Григорій Кир'яков, Федір Камінський, Катерина Скаржинська, Гнат Стеллецький. Полтава.
- Вернадский В.И. 1994. Дневники (Октябрь 1917 – январь 1920) / Составители М.Ю.Сорокина и др. Киев.
- Вернадский В.И. 2008. О результатах раскопок в с. Гонцы Лубенского уезда и материалы к ней 1914–1915 (Публікація С. Кигим, І. Гавриленка) // В.І.Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава. С. 108–124.
- Власенко І. 2003. М.О. Олеховський. Музейна і педагогічна діяльність // Полтавський краєзнавчий музей: Збірник наукових статей 2001–2003 рр. Полтава. С. 61–65.
- Вывавкина Н.М. 1990. Из переписки И.А. Зарецкого // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини / Третій обл. наук.-практич. семінар. Полтава. С. 47–49.
- Гавриленко І.М. 2003. Вадим Щербаківський та дослідження Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ. С. 53–81.
- Гавриленко І., Кигим С. 2008. Участь Володимира Вернадського в дослідженнях Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки // В.І.Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава. С. 125–143.
- Городцов В.А. 1926. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Тр. отд. археологии РАНИОН. Вып. I. М. С. 5–40.
- Документи з історії Центрального Пролетарського Музею Полтавщини / Упорядник Супруненко О.Б. 1993. Полтава.
- Имбри Дж., Имбри К.П. 1988. Тайны ледниковых эпох. М.
- Кигим С.Л. 1989. В.І.Вернадський і Полтавський краєзнавчий музей // ТДіП Першої Полтавської наук. конф. з історичного краєзнавства. Полтава. С. 85–86.
- Кигим С.Л. 1991. В.В.Докучаєв, В.І.Вернадський та Полтавщина // Полтавський краєзнавчий: сторінки історії та колекції. Полтава. С. 5–20.
- Кигим С. 2008. В.І. Вернадський і Полтавський краєзнавчий музей // В.І.Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава. С. 57–64.
- Кигим С.Л., Кондратенко Т.К. 2002. Природничі колекції музею К.М. Скаржинської // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1. Полтава. С. 21–24.
- Кондратенко Т.К. 1991. Фонд Докучаєва В.В. і Вернадського В.І. у Полтавському краєзнавчому музеї // Полтавський краєзнавчий: сторінки історії та колекції. Полтава. С. 123–129.
- Кононенко Ж.О., Супруненко О.Б. 1995. Листи Вадима Щербаківського до Федора Вовка // Полтавський археологічний збірник: Пам'яті В.М. Щербаківського (1876–1957). № 4. Полтава. С. 167–177.
- Криштафович Н.И. 1902. Станции древнейшего палеолитического человека на территории Европейской России и их геологический возраст // Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 4. СПб. С. 133–134, 277.
- Листування В.І.Вернадського з питання розкопок Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки / Публікація С. Кигим. 2008 // В.І.Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава. С. 144–150. Полтавщина. Енциклопедичний довідник. 1992. Київ.

- Самородов В., Кигим С. 2008. Штрихи до Полтавського портрета академіка Володимира Вернадського // В.І. Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава. С. 8–28.
- Супруненко О.Б. 1995-а. З листування з Володимиром Вернадським // Полтавський археологічний збірник: Пам'яті В.М.Щербаківського (1876–1957). № 4. Полтава. С. 178–183.
- Супруненко О.Б. 1995-б. Перша колекція з Гінцівської стоянки // Полтавський археологічний збірник. Вип. 3. Полтава. С. 183–190.
- Супруненко О.Б. 2000. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К.М. Скаржинської). Київ–Полтава.
- Сытник К.М., Апанович Е.М., Стойко С.М. 1988. В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине: 2-е изд., испр. и доп. Київ.
- Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М. 1984. В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. Київ.
- Феофилактов К.М. 1878. О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на р. Удае Лубенского уезда Полтавской губ. // Труды III Археологического съезда. Т. 1. Киев. С. 153–159.
- Франко О.Е. 1992. В.М. Щербаковский — исследователь Полтавщины (по архивным материалам) // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. Вип. 2. Полтава. С. 55–58.
- Щербаківський В. 1919. Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 р. // Записки Українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Вип. I. Полтава. С. 61–78.
- Яковлева Л.А. 2003. Основні етапи досліджень поселень з житлами та іншими конструкціями з кісток мамонта басейну Дніпра (до 130-річчя розкопок Гінців) // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ. С. 18–42.
- Scerbakivskij V. 1926. Eine paläolithische Station in Honci (Ukraine) // Die Eiszeit. Band III. H. 2. Leipzig. S. 100–116.

А.И. Тереножкин — малоизвестные факты научной биографии (1930–1935 гг.)

М.В. Гречишкина

Харьковский национальный университет. Украина, г. Харьков

Говоря о современном состоянии изучения научного наследия Алексея Ивановича Тереножкина (1907–1981), доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом раннего железного века в Институте Археологии АН УССР, можно отметить значительный интерес к его деятельности. Это, в первую очередь, объясняется тем, что упоминание имени Алексея Ивановича, ссылки на его работы — сегодня почти обязательное условие для большинства исследований в области раннего железного века Восточной Европы. Интерес к личности Алексея Ивановича, его жизненному пути усилился после публикации части личных дневников и писем (Из жизни... 2006).

Эти источники личного происхождения являются ярким подтверждением того, что за любым открытием, направлением, монографиями, статьями — всегда стоит ученый. На него влияет и то историческое время, в котором ему приходится работать, и первоначальная теоретическая база, созданная предшественниками, и взгляды учителей, и множество объективных и субъективных причин и следствий, которые формируют неповторимую личность — как в науке, так и за ее пределами. Впрочем, даже после выхода этих материалов, едва ли можно говорить, что нам известны все исследования А.И. Тереножкина.

Стоит отметить, что историография научного наследия начала складываться еще при жизни Алексея Ивановича (Лесков, 1967:190–193). После смерти ученого (1981 г.), в различных изданиях появилось большое количество статей и заметок, посвященных его исследованиям и разработкам.¹ В основном, речь шла о вкладе А.И. Тереножкина в изучение скифского и предскифского периодов в Украине, в то время, как исследования в других регионах и по иным тематикам еще долго оставались вне поля зрения. Несмотря на то, что на сегодняшний день уже появился ряд работ, освещающих его научную деятельность в Саратовской области, в странах Центральной Азии, тем не менее, многие факты его научной биографии остаются малоизвестными. Если обратиться к публикациям об А.И. Тереножкине, можно обнаружить период его жизни, о котором мало что известно — это первая половина 1930-х годов. Скупые данные о ряде разведок и краткое упоминание экспедиции 1933 г. в Южное Приуралье — вот собственно и все, что было известно об этих годах его научной деятельности (Из жизни... 2006: 98–99). В настоящей работе мы попытаемся более подробно рассмотреть эти годы жизни ученого, соединив информацию из личных записей и архивные материалы.

События в жизни А.И. Тереножкина в первой половине 1930-х гг. были тесно связаны с началом учебы в Московском государственном университете. Поступление Алексея Ивановича в университет (1928 г.) и обучение там совпали с началом больших перемен в истории археологической науки. На рубеже 1920–1930-х гг. в стране вновь усилилось давление на академические кадры. Здесь последним актом стало ужесточение политики по отношению к научному сообществу, споры о самом предметном поле и границах археологии, террор против научных кадров, репрессии. Этому периоду посвящен ряд публикаций (Формозов, 2004), поэтому нет смысла в данной работе останавливаться на нем подробнее. Для нас любопытным является тот факт, что в изданной части личных записей Алексея Ивановича начисто нет воспоминаний об этих эпизодах, хотя, несомненно, ему все события были известны ему «изнутри».

Уже на первом году обучения у А.И. Тереножкина проявился довольно сильный интерес к древностям Центральной Азии. В дневнике он писал, что во многом это увлечение сформировалось под влиянием работ В.В. Бартольда. Можно предположить, что немалую роль здесь сыграл также М.В. Воеводский, с которым Алексей Иванович, видимо, познакомился в университете. Благодаря его поддержке, уже в 1929 г. ученый осуществил свою первую поездку в этот регион (Из жизни... 2006: 16). Михаил Вацлавович и ранее проводил там исследования. В этот год (1929) А. И. Тереножкин работал в составе экспедиции Антропологического института, по заданию Киргизского научно-исследовательского института, где также принимали участие М.В. Воеводский и М.П. Грязнов. В 20-х гг. XX в древности Центральной Азии были практически неизвестны археологам.

Интерес подогревали и исследования Н. И. Веселовского на Афрасиабе, и краткие известия военных, которые базировались там, начиная с присоединения данного региона к Российской Империи.

¹ К юбилеям ученого были проведены три конференции (1987, 1998, 2007 гг.). Материалы их опубликованы. Часть публикаций посвящена жизненному и научному пути А.И. Тереножкина.

Особенно большую роль сыграли исследования уже упоминавшегося выше В.В. Бартольда. Описав ряд средневековых городов Центральной Азии, собрав этнографический материал, он заложил основы уже дальнейшего более детального изучения (Массон, 2006: 6–8). Первые экспедиции молодых археологов, в числе которых был и А.И. Тереножкин, в своей основе были разведочными; раскопки занимали в них еще не так много места, как это будет в дальнейшем.

Проведя летний сезон в разведке по бассейну р. Чу, молодой археолог возвращается в Москву. Уже в октябре 1929 г. его принимают на работу в Московский исторический музей, на должность сотрудника 1-го разряда. Но в феврале 1930 г. все кардинально изменилось — Алексей Иванович был отчислен из университета. Дело в том, что отец ученого (умерший еще до Октябрьской революции) когда-то держал в их родном городе Пугачеве букинистическую лавку. И хотя после его смерти никто из семьи не продолжил дело, при поступлении в университет А.И. Тереножкин скрыл данные про деятельность отца. По законодательству (Конституция 1918 г., раздел IV, гл. 13, п. 65) он был сыном «лишенца», что значительно уменьшало шансы на поступление. Ученый просто побоялся, что его не зачислят. Но в переписке брат, видимо, по ходу дела упомянул о занятиях отца. Сосед по общежитию, узнав об этом, написал донос в соответствующие инстанции. Представляют интерес сами воспоминания А.И. Тереножкина об этом событии: «Сосед по общежитию Степка Юдин прочитал письмо брата Ивана, где тот писал о нашем социальном происхождении (из торговцев). Донес на меня. Из университета меня исключили как скрывшего происхождение. Ночь провели, ругаясь, стоя каждый на своей кровати. Вот ведь Бог шельму метит — какую фамилию дал...» (Из жизни... 2006: 12).

События, которые до этого не сильно касались молодого ученого, стали теперь его внутренними, наложившими отпечаток на работу мысли, направленности научных и жизненных поисков. Таких событий в дальнейшей жизни А.И. Тереножкина будет еще немало. В марте он был уволен из Московского государственного музея. В этот год пошатнулось и положение В.А. Городцова (Формозов, 1998: 194), одного из учителей А.И. Тереножкина, который, видимо, не смог помочь своему ученику. Через некоторое время Алексея Ивановича восстановили в университете распоряжением Главпрофобра Наркомпроса, как «давно порвавшего связь с родителем, имея уже большой стаж батрачества и общественной работы» (Из жизни... 2006: 15), но не на должности в Государственном историческом музее. Прискорбно, но именно в связи с отчислением и увольнением, ученый фактически был отчужден от начатых исследований в области археологии Центральной Азии.

Чтобы восстановить полную картину жизни А.И. Тереножкина в этот год, у нас пока недостаточно материалов. Известно, что он смог провести разведку по р. Талас, где не справился с картографированием больших городищ, а с октября 1930 г. по август 1931 г. работал заведующим в Алапаевском музее (Свердловская обл.) и преподавателем геологоразведочного техникума по политэкономии, истории партии и истории классовой борьбы. В дальнейшем он несколько раз сменил место работы — Московский областной краеведческий музей, Центральный совет общества пролетарского туризма и экскурсий в Москве (Из жизни... 2006: 98).

Не имея возможности самостоятельно продолжить исследования в бассейне р. Чу, он обратился за помощью к М.В. Воеводскому с просьбой провести дополнительные раскопки на поселении возле г. Фрунзе, открытом в 1929 г. Михаил Вацлавович заложил небольшой шурф, а найденную керамику передал А. И. Тереножкину. Будучи отстраненным от раскопок в Киргизии, ученый продолжает заниматься лабораторной обработкой уже полученных материалов. В 1932 г. Алексей Иванович делает небольшую заметку «от руки», которая сейчас хранится в его личном фонде в научном архиве ИА НАНУ (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 4, л. 26–27.). По мнению ученого, в ходе разведки 1929 г. он открыл поселение бронзового века, связанное с андроновской культурой. Такое внимание к нему было отнюдь не случайным — поселенческие памятники эпохи бронзы в Киргизии тогда еще не были известны. В дальнейшем А.И. Тереножкин пересмотрел культурную принадлежность памятника. В публикации материалов, которая вышла только в 1935 г., он кратко описывает это поселение (Тереножкин, 1935: 138–139). Однако уже в статье 1938 г., посвященной историко-археологической характеристике Киргизии и Казахстана, он не упоминает о нем, делая акцент на общей характеристике андроновской культуры (Тереножкин, 1938: 205–206).

В 1932–1933 гг. ученому предоставляется возможность работать в Южном Приуралье (Из жизни... 2006: 98–99). Так в 1932 г. он провел разведку по обоим берегам р. Урал от Уральска до станицы Мergenевской, находящейся недалеко от г. Лбищенска. Длина маршрута составила 300 км. А в 1933 г. он принимает участие в экспедиции под руководством Б. Н. Гракова в зоне проектируемых гидроэлектростанций в районах Орска и Магнитогорска. Основной задачей являлось составление реестра

памятников в районах будущих плотин — Губерлинской, Орской, Ирыклинской и Магнитогорской (Граков, 1935: 91).

Экспедиция работала со второй половины июля до конца августа. По итогам ее было зарегистрировано 168 курганных групп, в состав которых входили 838 погребений, 5 стоянок, 2 «обитаемые пещеры» и несколько отдельных находок. В личном фонде А. И. Тереножкина сохранилась неопубликованная работа «Татарские могилы около г. Орска», связанная с этими исследованиями (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 6). Его заинтересовали так называемые «каменные площадки», которые составляли свыше 30% от всех обнаруженных памятников (278 из 838). Интерес к ним был, видимо, вызван у ученого тем, что впервые такой вид памятников зарегистрировал М.П. Грязнов в 1926 г. (экспедиция антропологического отдела Казахской экспедиции АН). В 1930 г. Б.Н. Граков описал такие же группы уже в устье р. Тасты-Бутак. Так как детально они не изучались, то их назначение во многом оставалось для исследователей неясным, хотя по внешним признакам они считались памятниками позднего происхождения. В ходе экспедиции 1933 г. было раскопано 12 таких «площадок» в двух группах расположенных к югу от аула Худайберген, на левом берегу р. Урал (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 6, л. 1, 2).

Интересным является сам характер исследования ученого, стремление рассматривать конкретные памятники в историко-этнографическом контексте. На основании полученных материалов, А. И. Тереножкин пришел к выводу, что они могут являться погребениями рядовых кочевников XIII–XIV вв. степной полосы Юга Европейской части СССР. Впрочем, он допускал, что Орские могильники с каменными площадками могут относиться и к более позднему времени, и одним из свидетельств тому приводил находку монеты Абдул-латиф хана (ок. 1475–1517 гг. жизни) в раскопках Нефедово под Оренбургом. Еще одним фактом, подтверждающим это, ученый считал саму конструкцию насыпи — погребение совершалось не под курганами, что было обычным для XIII–XIV вв., а под «площадками» (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 6, л. 17).

В целом, А.И. Тереножкин отмечал, что в основе устройства «каменных площадок» лежала небольшая земляная насыпь овальной формы, обложенная по поверхности камнем. Ученый обращал внимание, что они разнообразны по виду. Но, несмотря на это, ввиду удобства в дальнейшей систематизации, Алексей Иванович не отказался от термина «каменные площадки», применительно ко всем памятникам данной категории. Его главным аргументом стало то, что этот признак является общим для всех.

Размеры могильных ям соответствовали возрасту покойников. Все детские и юношеские погребения не имели сопровождающего инвентаря. Исключение составляло одно погребение, где была найдена крупная бусина «с глазками». Не останавливаясь на описании материалов раскопок, можно отметить выводы, к которым пришел ученый. По его мнению, любопытным является факт наличия, как он называл «языческого обряда» в худайбергенских площадках. Его интерес был вызван тем, что уже с XIII в. среди населения Золотой Орды, особенно знати, широкое распространение получает мусульманство. По исламским канонам, погребальный инвентарь был запрещен. По мнению ученого, наличие последнего в исследованных памятниках указывало на незначительное проникновение религии в повседневную жизнь простого кочевого населения. К началу 1930-х гг. был уже накоплен определенный массив этнографической и исторической информации о поздних кочевниках в специальной литературе. Поэтому для изучения быта и обычаев населения степи XIII–XIV веков он проводил этнографические параллели с ногайцами XVI в., а от них вел линию к казакам (т. е. казахам. — *М.Г.*), которые позднее пришли на эту территорию. Ученый считал, что быт казахов не мог сильно отличаться от ногайского. «...Поэтому считаю вполне правомерным воспользоваться некоторыми историко-этнографическими данными о казаках, поскольку они могут отражать общее состояние и уровень религиозных верований ногайцев соседствовавших с ними и некогда вместе входившими в состав Золотой Орды». А.И. Тереножкин отмечал, что у казахов сохранилось много элементов в погребальном обряде, которые своими традициями уходят в период золотоордынского времени, предполагая, что эти обычаи были еще более широко распространены у ногайцев.

Четкие хронологические рамки Орских погребений, их этническая принадлежность остались не выясненными до конца. Их решение А.И. Тереножкин видел в дальнейших исследованиях. Наиболее перспективными, по мнению ученого, были кладбища около поселка Русло на правом берегу р. Ори, в бассейне Второй Магнитогорской плотины (возле свиноводческой фермы), на левом берегу р. Урал. Эти памятники, на его взгляд, являлись богатейшими источниками для изучения кочевого аула позднезолотоордынского или ранненогайского времени. Кроме того, он акцентировал внимание на необходимости систематизированных исследований памятников древних казаков (казахов), т.к. историко-культурные сведения указывали на возможность детального изучения их материальной культуры (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 6, л. 18).

По результатам экспедиции, Б.Н. Граков опубликовал отчет в известиях ГАИМК, где А.И. Тереножкин вместе с П.А. Дмитриевым упоминаются как сотрудники (Граков, 1935). В личных записях

Алексея Ивановича встречается заметка, которая, возможно, относится к этому событию: «Мелочей — их три: Граков, не подписавший меня в авторах ОРЕ (П) об экспедиции, а это напрасно... Пережито. Тем более, что к закату жизни стало так близко...» (Из жизни... 2006: 107). Взаимоотношения между этими двумя учеными, по воспоминаниям были всегда теплыми. Возможно, Б. Н. Граков «не подписал» его в авторах из-за недавнего отчисления и увольнения. Вполне вероятно, что ученый мог находиться под надзором, однако это всего лишь наше предположение.

А в 1934 г. А.И. Тереножкин и М.В. Воеводский вновь проводят разведку в Центральной Азии. Но теперь ими был избран уже другой регион — Хорезм, земли которого расположены в нескольких современных государствах. Здесь их интересовали античная эпоха. Хорезмийские памятники Левобережья Аму-дарьи были уже известны благодаря исследованиям А.Ю. Якубовского 1929–1930 гг. Что же касается экспедиции 1934 г., то А.И. Тереножкин вспоминал, что сами участники оценивали ее результаты негативно. Во многом это было связано с организацией экспедиции — не были четко поставлены цель и задачи исследований. Отдельного момента заслуживают сами раскопки — как писал впоследствии А.И. Тереножкин, главным объектом исследований они выбрали гончарные печи на городище Замахшар. Но при раскопках они не доходили до материка, останавливая их на слое наносного песка. Уже в дальнейшем, имея больше опыта работы в условиях полупустынь и пустынь, он отмечал, что ниже мог залегать культурный слой античной поры. (Из жизни... 2006:17–19). Тем не менее, интерес к этой древней историко-культурной области у него сохранился, и уже в 1936 г. ученый стал членом Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова. В 1937 г. он провел первые разведки в пустынном Правобережье Аму-Дарьи.

Возвращение в археологию Центральной Азии обозначилось также выходом в 1935 г. его статьи по результатам экспедиции 1929 г. Это самая ранняя научная публикация Алексея Ивановича, известная на сегодняшний день. Он опять активно готовится к изучению памятников Киргизии, планируя начать исследования в бассейне р. Чу. Это предполагалось сделать силами комплексной экспедиции под руководством В.А. Городцова. В ней, скорее всего, должен был принимать участие и А.И. Тереножкин. Сохранилось его обоснование актуальности изучения памятников этого региона (Архив ИА НАНУ. Ф. 27, д. 4, л. 23–25). Интересным является подбор аргументов: в научном плане Киргизия являлась очень перспективным регионом, подтверждением чему являлись результаты разведки 1929 г. Дописьменный период был практически неизвестен, не проводились целенаправленные исследования. Приводился и критерий «полезности» — исследования-де будут способствовать развитию экономики в этом регионе, изучению ее ресурсов. Кроме того, полученные данные могут быть использованы в деле перестройки хозяйства и культуры на социалистической основе. Но экспедиция 1935 г. так и не была осуществлена. В дальнейшем научные интересы А.И. Тереножкина сосредоточились на исследованиях археологических памятников Узбекистана, где он начал работать с 1937 г.

Заканчивая рассмотрение деятельности ученого в 1930–1935 гг., можно отметить, что здесь он проявил себя, в первую очередь, как полевой исследователь. Материалы его разведок, несомненно, пополнили существовавшую источниковую базу Центральной Азии и Южного Приуралья. Хотя работа «Татарские могилы возле г. Орска», написанная в этот период, так и не была опубликована, надо отметить в ней обилие идей и проблем, которые заслуживают внимательного изучения. Для нас важным является тот факт, что ученый одним из первых попытался начать изучение поздних кочевников степной полосы СССР на материалах раскопок, обозначил основные проблемы и предложил свой вариант их решения. Исследования этих лет могли бы стать прекрасным фундаментом для последующих исторических интерпретаций, но по неясным пока причинам А.И. Тереножкин не стал далее развивать эти направления, отдавая предпочтение археологии Узбекистана.

Литература:

- Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). 2006. Киев.
 Граков Б.Н. 1935. Отчет о работах // Известия ГАИМК. Вып. 110. С. 91–119.
 Лесков А.М. 1967. К 60-летию А.И. Тереножкина // СА. № 4. С. 190–193.
 Массон В.М. 2006. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.
 Тереножкин А.И. 1935. Разведки в бассейне р. Чу // ПИДО. № 5–6. С. 138–150.
 Тереножкин А.И. 1938. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. № 3. С. 204–215.
 Формозов А.А. 1998. Русские археологи и политические репрессии 1920-х–1940-х годов // РА. № 3. С. 191–206.
 Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.

Архив профессора А.Х. Халикова

Г.И. Дроздова

Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Россия, г. Казань

В научном архиве музея археологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ хранится личный фонд выдающегося археолога Среднего Поволжья и Приуралья, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Татарстан, заслуженного деятеля науки — Альфреда Хасановича Халикова (1929–1994).

Жизнь ученого оценивается совершенными им открытиями и научными трудами. Результатом деятельности А.Х. Халикова является открытие и исследование огромного количества археологических памятников на территории Среднего Поволжья. Более 30 монографий, около 500 научных статей, более 100 научных докладов, лекций. Не все задуманное ему удалось реализовать, многие мысли, планы, наметки остались в черновиках и неопубликованных работах.

Документальные материалы архива А.Х. Халикова, его богатейшее наследие, было передано 8 декабря 1994 г. в архив Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР его сыном Наилем Альфредовичем Халиковым в количестве 45 папок. В 2004 г. архив А.Х. Халикова был передан на хранение и обработку в Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, где была проведена научно-техническая обработка документальных материалов личного фонда ученого.

Фонд А.Х. Халикова условно можно разделить на 8 разделов:

1. Материалы по научной деятельности ученого.
2. Материалы по научно-организационной, педагогической, общественной деятельности.
3. Биографические материалы
4. Переписка
5. Дарственные надписи А.Х. Халикова другим лицам. Дарственные надписи других лиц А.Х. Халикову.
6. Документы разных лиц, отложившиеся в фонде.
7. Документы о А.Х. Халикове.
8. Материалы, собранные А.Х. Халиковым для своих работ и по интересующим его темам.

Для ознакомления с фондом А.Х. Халикова здесь будут даны краткие результаты научно-технической обработки материалов, находящихся на хранении в музее археологии Института истории им. Ш. Марджани Академии наук республики Татарстан.

Опись 1. Научно-исследовательские материалы.

1. Материалы студенческих лет (1 ед. хр.);
 2. Кандидатская диссертация и документы к ней (3 ед. хр. в 11 т.);
 3. Докторская диссертация и документы к ней (4 ед. хр. в 16 т.);
 4. Отчеты и материалы к ним (65 ед. хр. из них 6 ед. хр. в 16 т.);
 5. Материалы опубликованных монографий (23 ед. хр.; из них 2 ед. хр. в 8 т.);
 6. Материалы опубликованных статей (17 ед. хр.);
 7. Материалы неопубликованных монографий и статей (7 ед. хр., из них 2 ед. хр. в 12 т.);
 8. Статьи, опубликованные в периодической печати (газетах) (2 ед. хр.);
 9. Отзывы на кандидатские диссертации и авторефераты (1 ед. хр.);
 10. Отзывы на авторефераты и рукописи работ, представленных на соискание ученой степени доктора исторических наук (1 ед. хр.);
 11. Отзывы и рецензии на рукописи книг (1 ед. хр. в 2-х т.);
 12. Творческие материалы. Национальный музей Финляндии. Хельсинки (1 ед. хр.).
- Опись 1 содержит 126 ед. хр., из них 17 ед. хр. в 65 т.

Научная деятельность любого ученого начинается со студенческой скамьи. О студенческих научных работах А.Х. Халикова сохранились отзывы его научного руководителя — известного казанского археолога, старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории КФАН СССР, заслуженного деятеля науки Н.Ф. Калинина. Уже первая студенческая работа (Халиков, 1951: 115–123) продемонстрировала высокий исследовательский потенциал молодого ученого. В 1951 г. она была

отмечена премией Министерства высшего образования СССР. В эти годы определились научные интересы А.Х. Халикова.

Архивный фонд А.Х. Халикова содержит большое количество документов, связанных с работой над кандидатской диссертацией по теме: «История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы». К этой группе документов можно отнести следующие материалы: планы работы, планы-проспекты, выписки из литературы, зарисовки находок, документы к защите, отзывы и рецензии на работу, отзывы на автореферат диссертации, текст выступления на защите, три варианта диссертации как в рукописном, так и машинописном виде, выписка о присвоении А.Х. Халикову ученой степени кандидата исторических наук.

В рукописном фонде содержатся материалы по докторской диссертации «Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы», рукопись диссертации в 3-х томах. В дальнейшем она послужила основой для монографии «Древняя история Среднего Поволжья», которая была опубликована в 1969 г. (Халиков, 1969).

Материалы к кандидатской и докторской диссертациям были собраны в процессе раскопок памятников, а также в музеях и архивах страны, за рубежом. Ученым была изучена и использована практически вся существующая литература по данному вопросу. Собранные материалы представлены: рукописями и черновиками текстов диссертаций, их различными вариантами, статистическими таблицами по керамике и другим находкам, привлечены результаты остеологического анализа памятников, огромное число зарисовок находок, их фотографий, планов и чертежей. Весь этот материал тщательно обработан и проанализирован в его диссертационных исследованиях.

Наиболее ценным источником для археологов являются отчеты А.Х. Халикова и материалы к ним, по итогам археологических исследований целого ряда памятников широкого хронологического периода, начиная с эпохи палеолита и кончая поздним средневековьем. Их количество составляет 72 ед. хр. Часть их не опубликована, часть находится в архиве ИЯЛИ АН РТ; краткая информация о полевых исследованиях опубликована в «Археологических открытиях», в журналах «Советская археология» и др.

Кроме отчетов, полевой документации, характеризующих научно-исследовательскую деятельность А.Х. Халикова, в фонде содержатся черновые варианты его монографий, научных статей, материалы к ним. Наиболее важными материалами, на наш взгляд, являются неопубликованные по ряду причин монографии и статьи, представленные разнообразными вариантами рукописей. Отзывы на авторефераты диссертаций (50), рукописи монографий — вот показатель педагогического таланта ученого. Все это представлено рукописными вариантами и черновиками.

И, наконец, в данном разделе содержатся материалы газетных статей с информацией о конференциях и симпозиумах, популярные статьи об археологических находках и открытиях, собранные А.Х. Халиковым в процессе его научной деятельности.

А.Х. Халиковым неоднократно совершались поездки в Финляндию с целью сбора материала по коллекциям В.И. Заусайлова. Им были сделаны зарисовки материала, фотографии, а позднее сняты ксерокопии, особенно, это касается материала по Билярскому городищу. А.Х. Халиковым было отмечено 2000 археологических предметов эпохи средневековья, происходивших примерно из 150 пунктов бывшей Казанской губернии.

Опись 2. Научно-организационная, педагогическая, общественная деятельность А.Х. Халикова

Опись 2 включает материалы и документы о научно-организационной, педагогической и общественной деятельности ученого.

Она включает в себя следующие подразделы:

I. Научно-организационная деятельность:

1. Работа в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимов КФАН СССР (1 ед. хр. в 3-х т.);
2. Материалы научных конференций и симпозиумов, опубликованные и неопубликованные доклады и тезисы докладов (1 ед. хр. в 12 т.);
3. Материалы по созданию историко-архитектурных заповедников (1 ед. хр., в 2-х т.).

II. Педагогическая деятельность:

1. Деятельность в Казанском государственном университете. Лекции, отзывы на дипломы (2 ед. хр. в 4-х т.).

III. Общественная деятельность:

1. Дом Ученых (1 ед. хр.);
2. Методологические семинары (1 ед. хр.);

3. Деятельность в обществе охраны памятников (1 ед. хр.).
IV. Координация и связи с ближним зарубежьем (1 ед. хр.);
V. Координация и связи с дальним зарубежьем (1 ед. хр.).
Итого: во 2-й описи содержится 10 ед. хр., из них 5 в 21 т.).

Научно-организационные материалы охватывают период деятельности А.Х. Халикова в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова с 1951 г. по 1994 г. Он начал свою трудовую деятельность лаборантом под руководством Н.Ф. Калинина, будучи студентом КГУ. Более 30 лет А.Х. Халиков являлся зав. отделом археологии и этнографии института, о чем свидетельствуют: отчеты, планы работы за разные годы, черновики отчетов, написанные его рукой, а также результаты экспедиций на территории Среднего Поволжья, полученные им и сотрудниками отдела, договоры о совместных работах с соседними республиками (Марийской, Чувашской, Удмуртской), со странами ближнего зарубежья (Украиной), дальнего зарубежья (Болгарией, Венгрией, Финляндией и др.). Более 100 докладов, сохранившихся в рукописном виде, было подготовлено и прочитано ученым на научных региональных, всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах. Тематика его докладов весьма разнообразна — начиная с эпохи палеолита и кончая — поздним средневековьем.

О его блестящем таланте руководителя рассказывают письма в высшие инстанции, представления в дирекцию, в Президиум АН СССР, с просьбами оказать помощь в приобретении помещений, оборудования для экспедиций, транспорта (начиная с машины для экспедиции, кончая самолетом для аэрофотосъемки городища). Создание музеев (Билярского), государственных историко-архитектурных заповедников (Билярского, Болгарского, Иске-Казанского, Елабужского, «Казанский Кремль») — все это, в большей степени его заслуга. Работа по сохранению археологического наследия была одной из сторон деятельности ученого. Он возглавил работу по сплошному обследованию археологических памятников на территории республики. Эти работы были завершены в конце 70-х годов XX века. Результатом этого огромного труда стал свод археологических памятников Татарстана в 6 томах (Археологическая карта...1981; 1984; 1986; 1988, 1989, 1990), за что А.Х. Халиков и ряд сотрудников были удостоены звания лауреатов Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники.

Параллельно с работой в институте, А.Х. Халиков преподавал в Казанском государственном университете и был блестящим педагогом. Им была подготовлена казанская школа археологов, которая представлена в настоящее время коллективом ученых — кандидатами и докторами наук. Отзывы на авторефераты диссертаций (50), рукописи монографий — вот показатель педагогического таланта ученого. Все это представлено рукописными вариантами и черновиками. Кроме вышперечисленных материалов сохранились курсы лекций, разработанные им для университета, спецкурсы по этногенезу тюркоязычных народов и финно-угров, а также специальные курсы лекций, подготовленные для университетов Италии, Финляндии, Венгрии и др. стран.

Общественная деятельность ученого многогранна. А.Х. Халиков был заместителем председателя Татарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). При активном участии А.Х. Халикова готовились многие законодательные документы по охране и использованию памятников истории и культуры республики. А.Х. Халиков являлся председателем Дома Ученых, о чем свидетельствуют планы мероприятий, составленные им по работе с учеными, а также пропагандистская деятельность, которой он уделял большое внимание. По умению читать лекции среди населения ему не было равных.

Мало найдется ученых с мировым именем, с мировой известностью, обладающих такими способностями устанавливать контакты с международным научным миром (Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Англия, Финляндия, Япония, Турция, ОАР). Письма, статьи и монографии, опубликованные за рубежом, фотографии и рисунки находок из музеев, ксерокопии материалов из коллекции Заусайлова — все это является доказательством огромной работоспособности ученого,

Все материалы, собранные ученым на протяжении его жизни, представленные в рукописях, машинописных копиях, дают возможность оценить крупнейший вклад в археологию и историю Среднего Поволжья.

Опись 3. Биографические материалы А.Х. Халикова

Документы к биографии А.Х. Халикова содержат две группы материалов: личные документы ученого и документы профессиональной, служебной и общественной деятельности. К личным документам

относятся: диплом о высшем образовании (копия), диплом кандидата исторических наук (копия), справка об утверждении в ученом звании ст. н. с., аттестат ст.н.с. (копия), диплом доктора исторических наук (копия), личное дело чл.-корр., диплом член-корр. АН РТ (копия), личное дело профессора (копия), заграничный паспорт, почетные грамоты и др. документы.

К служебным документам следует отнести: списки публикаций за разные годы, его заметку «Как я пришел в науку», анкеты, справки, характеристики для поездки за рубеж, отчеты для переаттестации в связи с переизбранием на новый срок и пр. документы.

1. Личные документы (2 ед. хр.);
2. Прочие документы биографии (2 ед. хр.);
3. Фотографии (1 ед. хр.).

Итого: в 3-й описи содержится 5 ед. хр.

Опись 4. Переписка

Переписку А.Х. Халикова можно условно разделить на 12 групп документов:

1. Письма А.Х. Халикова адресатам (1 ед. хр.);
2. Письма в редакции (1 ед. хр.);
3. Письма в дирекцию, в Президиум АН СССР (1 ед. хр.);
4. Письма за рубеж (1 ед. хр.);
5. Письма неустановленным адресатам (1 ед. хр.);
6. Письма разных корреспондентов **А.Х. Халикову** (1 ед. хр.);
7. Письма из издательств (1 ед. хр.);
8. Письма из-зарубежья (1 ед. хр.);
9. Письма на татарском языке (1 ед. хр.);
10. Письма неустановленных лиц (1 ед. хр.);
11. Письма — сообщения о памятниках и отдельных находках (1 ед. хр.);
12. Письма дирекции, имеющие отношение к А.Х. Халикову. (1 ед. хр.);

Письма, касающиеся организационной, педагогической деятельности ученого, а также письма разнообразных конференций, симпозиумов, письма с отзывами помещены в соответствующих разделах.

Итого: в 4-й описи содержится 12 ед. хр.

Переписка А.Х. Халикова является дополнительным источником, раскрывающим научную, организаторскую, педагогическую деятельность ученого. Нами было просмотрено более 200 писем. География их довольно широка: 30 адресатов городов, 20 — деревень, 7 стран дальнего зарубежья: Болгария, Венгрия, Турция, Англия, Япония, США, Финляндия, ОАР. Мало найдется ученых с таким широким диапазоном адресатов. Это свидетельствует об огромном количестве научных контактов с учеными дальнего и ближнего зарубежья. Большая часть писем посвящена переписке о работе над статьями, монографиями, коллективными трудами. Среди них встречаются письма, написанными маститыми учеными: Н.И. Воробьевым, А.П. Смирновым, Б.А. Рыбаковым, Н.Я. Мерпертом и др. Хронология писем имеет широкий диапазон. Одно из первых писем датируется 12.07.1949 г. (письмо Н.Ф. Калинина). Основная масса писем на русском языке, но имеются — на татарском, английском, немецком, болгарском, финском, турецком и даже японском языках. Они ждут своих исследователей и являются показателем большой эрудиции А.Х. Халикова.

Опись 5. Дарственные надписи разных лиц А.Х. Халикову

1. В опись входят следующие материалы:
2. Отгиски, подаренные А.Х. Халикову (1 ед. хр. в 3-х т.);
3. Отгиски работ зарубежных авторов (1 ед. хр.);
4. Авторефераты диссертаций, подаренные А.Х. Халикову (1 ед. хр.).

Итого: в описи 5 содержится 3 ед. хр., 1 ед. хр. в 3-х т.).

Опись 6. Документы разных лиц, отложившиеся в фонде

Данная опись содержит материалы, собранные А.Х. Халиковым в процессе длительного периода его научной деятельности: доклады коллег, отгиски статей, статьи, биографические справки об археологах,

отчеты по полевым экспедициям, авторефераты диссертаций, работы других авторов, представленные ему на отзыв или рецензию, или для использования в тематически сходных работах, рисунки археологических находок, статьи, собранные для написания Свода памятников ТАСССР; материалы по Пензенскому краю, переданные М.Р. Полесских (с описаниями памятников, планами и картами), письма, а также работы зарубежных авторов, представленные отпечатками статей или самими статьями, газетные статьи других коллег, тезисы археологов с конференций и симпозиумов. Часть документов по Н.Ф. Калинин, Г.В. Юсупову, а также материалы научной деятельности его супруги — Е.А. Халиковой, составляют отдельные фонды, поэтому эти материалы будут рассматриваться отдельно.

Итого: опись 6 содержит 10 ед. хр., 1 ед. хр. в 3-х т.

Опись 7. Документы об А. Х. Халикове

Данная опись содержит материалы об ученом: отзывы об его деятельности, списки его трудов, составленные другими лицами, некрологи, материалы конференций, посвященные памяти А.Х. Халикова.

1. О Халикове А.Х. из газетных статей (1 ед. хр.);
2. Отзывы и рецензии других исследователей на труды А.Х. Халикова (1 ед. хр.);
3. (Отзывы без указания даты или автора) (1 ед. хр.);
4. Отзывы на работу «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья» (1 ед. хр.);
5. Конференции, посвященные памяти А.Х. Халикова (1 ед. хр.).

Итого: опись 7 содержит 5 ед. хр.

Опись 8. Материалы, собранные А.Х. Халиковым для своих работ и по интересующим его темам

1. Справки, написанные по разным темам (1 ед. хр.);
2. Тема: Происхождение татар Поволжья и Приуралья (1 ед. хр.);
3. Тема: Казань в творчестве А.Х. Халикова (1 ед. хр.);
4. Тема: Материалы к работе по «Ананьинской культуре» (1 ед. хр.);
5. Тема: Происхождение религии (1 ед. хр.);
6. Тема: История культуры древней Руси (1 ед. хр.).

Итого: в 8-й описи находится 6 ед. хр.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить огромную работоспособность ученого и его неограниченный вклад в древнейшую историю народов Среднего Поволжья и Приуралья. Его деятельность поражает масштабностью: работа в Институте АН, преподавание в университете, деятельность по созданию историко-архитектурных заповедников, активная деятельность по спасению и охране археологических памятников, его обширная переписка с учеными всего мира. Им была создана казанская школа археологов. Личный фонд А.Х. Халикова насчитывает 177 единиц хранения, из них 24 единицы хранения в 92 томах. Более подробное описание личного архива представлено в статье автора доклада в коллективной работе «Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель» (2009: 73–185).

Литература

- Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань. 1986.
Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань. 1984.
Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. Казань. М., 1981.
Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань. 1990.
Археологические памятники Восточного Закамья. Казань. 1989.
Археологические памятники Центрального Закамья. Казань. 1988.
Халиков А.Х. 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель. Казань. 2009.

Среднее Поднепровье в археологических исследованиях А.А. Бобринского (по материалам раскопок конца 1870-х гг. — начала XX в.)

Е.А. Елесина

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого. Украина, г. Черкассы

Алексей Александрович Бобринский (1852–1927) — известная фигура в отечественной и зарубежной археологической науке. Дореволюционная историография, представленная В.Б. Антоновичем (Антонович, 1896), Н.И. Веселовским (Веселовский, 1915), И.И. Толстым (Толстой, 1905) и другими учеными, внимательно следила за результатами археологических исследований А.А. Бобринского и оценивала их достаточно высоко. В советских условиях, в первую очередь, в связи с «классовой» идеологической доктриной, имя А.А. Бобринского оказалось сопряжено с клеймом «буржуазного ученого». Но, так или иначе, результаты его раскопок на территории Среднего Поднепровья продолжали служить научным базисом последующих археологических исследований (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980).

Современное изучение научного наследия А.А. Бобринского ныне происходит на постсоветском пространстве, однако до сих пор оно включает в себя целый ряд мало исследованных или вообще не исследованных вопросов. Их разработкой и анализом занимаются ныне С.С. Безсонова (Безсонова, 2002), А.В. Марченко (Марченко, 2003), И.Л. Тихонов (Тихонов, 2004).

География археологических исследований А.А. Бобринского охватывает разные регионы — Кавказ, Крым, Северное Причерноморье и др. Одним из них является Среднее Поднепровье, археологические памятники которого занимали едва ли не центральное место в научных интересах исследователя. Основными источниками для изучения археологической деятельности А.А. Бобринского на указанной территории являются материалы дневников и отчетов его археологических раскопок, опубликованные в различных изданиях, главное из которых представляет собой трехтомный труд «Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы».

В археологических исследованиях А.А. Бобринского в Среднем Поднепровье, а конкретно в Киевской губернии, выделяются два больших района, первый из которых территориально охватывает юго-восточную часть Черкасского уезда, а второй — центральную и восточную части Чигиринского уезда. Кроме того, ученым проводились раскопки на территории восточной части Звенигородского уезда, однако, по сравнению с вышеупомянутыми, они не были настолько масштабными, чтобы стоило выделять их в отдельный район.

Исследуя археологические древности Среднего Поднепровья, А.А. Бобринский предложил собственную периодизацию изученных им памятников. Он разделил всю систему на четыре периода. Первый из них получил название каменно-бронзового, второй — скифского (этот период разделялся на 2 эпохи — скифскую и неоскифскую). Третий период отражал эпоху, переходную между скифами и славянами, четвертый — славянскую эпоху. Работая над усовершенствованием этой периодизации, А.А. Бобринский позже откорректировал ее, выделив в 1901 г. уже пять эпох: энеолитическую, скифо-сарматскую, эпоху переселения народов, славянскую и великокняжескую (Тихонов, 2004: 107).

Археологические исследования А.А. Бобринского в Среднем Поднепровье были в основном сосредоточены вокруг местечка Смелы. Во второй половине XIX — начале XX вв. оно было центром одной волости и большого Смелянского имения, которое располагалось в пределах отдельных частей Черкасского и Чигиринского уездов. Начиная с 1838 г. владельцами Смелы были представители графской семьи Бобринских, а в 1898 г. в права совладения Смелянским имением вместе со своими братьями А.А. Бобринским и Г.А. Бобринским, а также дядей Л.А. Бобринским, вступил и А.А. Бобринский. Он, как и другие члены «смелянской» ветви рода Бобринских, очень любил это местечко и много времени проводил там, приезжая в поместье на период теплого времени года. Брат А.А. Бобринского Г.А. Бобринский писал ему в одном из писем: «Ах, как я бы хотел бы быть в Смеле! Как я тебе завидую! Эти ночи! Сама Смела! А мы все в этом ужасном Царском...» (Коваленко, 2009: 55). Одна из записей дневника молодого А.А. Бобринского ярко свидетельствует о его личной привязанности к Смеле: «Думал о смерти. Когда я умру, то желаю, чтобы меня похоронили в Смеле в большом саду» (Коваленко, 2009: 57).

С юных лет граф интересовался древностями, расположенными в этой местности. Это первое увлечение легло в основу дальнейшего серьезного научного интереса А.А. Бобринского к изучению археологических памятников Смелы и ее окрестностей. Подобную психологическую особенность удачно опре-

делил французский историк М. Ферро: «Образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь. Для каждого из нас это открытие мира, открытие его прошлого, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолетные размышления, так и устойчивые понятия о чем-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, остается неизгладимым» (Ферро, 1992: 13).

Фундаментальное археологическое исследование Среднего Поднепровья, а конкретно — Черкасского уезда, А.А. Бобринский начал в 1879 г. Именно этим годом датировано начало ведения им первого дневника раскопок, который вошел в первый том «Курганов...». Специфической чертой научных изысканий графа в этом районе было то, что объектами их выбирались преимущественно курганы, расположенные в бассейнах рек. Об этом свидетельствуют даже названия глав 3-х тома: «Курганы на правом берегу реки Серебрянки», «Курганы на левом берегу реки Тясмина» и т. д.

В 1879—1884 гг. А.А. Бобринский занимался раскопками курганов бассейна речки Серебрянки. На протяжении 1879—1883 гг. археологом были исследованы 11 из 30 курганов, расположенных на территории Смелянского имения между Серебрянкой и Ирдынским болотом. Остатки захоронений, найденные ученым в этих насыпях, не были датированы, а сами курганы он охарактеризовал как «старейшие памятники быта этой местности» (Бобринский, 1887: 10). Согласно выводам А.А. Бобринского, которые базировались на отсутствии в захоронениях бытовых вещей, железных предметов и керамики, а также наличии остатков кремневых орудий труда и охры, народ, который насыпал эти курганы, находился на низкой ступени своего развития (Бобринский, 1887: 29). Исследование курганов левого берега Серебрянки А.А. Бобринский продолжил в 1887—1888 гг. раскопками пяти курганов вблизи леса «Большой Деренговец». Один из них он датировал каменно-бронзовым периодом, остальные четыре — скифским (Бобринский, 1894: 3). Тогда же ученым был исследован могильник неоскифского времени, расположенный вблизи леса «Сокирное». Из тридцати осмотренных в нем курганов два содержали в себе захоронения, с которыми А.А. Бобринский, по его словам, еще не сталкивался в Среднем Поднепровье, а именно — глубокие подземные склепы (Бобринский, 1894: 5).

На протяжении 1882—1884 гг. в спектре археологических исследований А.А. Бобринского пребывали курганы правого берега Серебрянки. Два кургана из четырех обследованных были отнесены археологом к неолиту (Бобринский, 1887: 46). В 1904 г. правобережные археологические исследования бассейна Серебрянки оказались дополнены раскопками еще четырех курганов (Бобринский, 1901: 26).

В 1884—1885 гг. А.А. Бобринский проводил археологические раскопки на левом берегу Тясмина. Все курганы, расположенные там, ученым по территориальному принципу были разделены на две большие группы: курганы между урочищем «Холодный Яр» и селом Яблоновка и между Холодным Яром и селом Малосмелянка. Детальному изучению подверглись только те курганы, которые были выделены в первую группу. В ней археолог выделил отдельную подгруппу курганов, расположенных над Холодным Яром и содержащих один большой майдан в центре. Насыпи, окружавшие этот майдан, А.А. Бобринским разделил на 2 типа: соответственно, более древнего и менее древнего времени. К первому типу принадлежали 2 кургана, которые содержали небольшие и неглубокие ямы неправильной формы, полностью истлевшие скелеты с остатками красной краски в скорченном положении и мелкие отбивные камни (Бобринский, 1887: 67). Ко второму типу исследователь отнес 11 курганов. От первого они отличались своим внутренним строением, сохранностью захоронений, прямым вытянутым положением скелетов, отсутствием красной краски, наличием большого количества оружия и предметов быта (глиняной посуды, остатков деревянных вещей, следов ткани и одежды, предметов из камня, кости, стекла, железа, бронзы, серебра, золота, янтаря, халцедона) (Бобринский, 1887: 87—95).

Важным результатом исследований этой группы курганов стало то, что на основе сделанных в ней археологических находок А.А. Бобринский смог высказать некоторые предположения касательно исторических условий жизни древнего населения Среднего Поднепровья. Так анализируя одну из находок — цилиндр из халцедона — археолог пришел к выводу, что население это было достаточно богатым и имело крепкие торговые связи с иными народами. Приобщая сведения Геродота и Страбона, а также цитируя труд Е. Курциуса о греческих поселениях VI в. до н.э., А.А. Бобринский выдвинул гипотезу, что древнее население Смелы принадлежало к «смешанному» племени. «Природные посредники, переводчики и агенты греческих торговых домов», они были «ловкими, деловыми», в условиях Среднего Поднепровья жили по греческим обычаям, однако с течением времени язык их стал напоминать полугреческий, полускифский (Бобринский, 1887: 96—97).

Исследование отдельных курганов на левом берегу Тясмина продолжилось в 1887 г. раскопками 9 курганов из группы в 20 насыпей. 8 из 9 обследованных курганов А.А. Бобринский охарактеризовал

как принадлежащие к наиболее древним курганам Среднего Поднепровья. Хронологически он отнес их к каменно-бронзовому веку (Бобринский, 1894: 26). После годового перерыва раскопки левобережных курганов Тясмина возобновились и продолжались в 1889–1892 гг.

Еще одной рекой, по течению которой были организованы раскопки, оказался Ташлык. На правом его берегу А.А. Бобринским в 1887 г. были исследованы 4 кургана каменно-бронзовой эпохи (Бобринский, 1894: 33). Левый берег Ташлыка подвергся археологическому изучению в том же году. Ученый организовал раскопки 5 курганов, один из которых являл собой новый, ранее не исследованный А.А. Бобринским, тип захоронения: покойник был положен на материк и сожжен (Бобринский, 1894: 48). Кроме того, в 1889–1892 гг. А.А. Бобринский провел раскопки и четырех левобережных Ташлыцких курганов, расположенных вблизи с. Ковалиха. В них были найдены предметы, принадлежавшие разным археологическим эпохам. В связи с этим археолог высказал гипотезу, что поселение на этом месте могло возникнуть в энеолитический период, просуществовать весь скифский и сарматский периоды, однако в великокняжескую эпоху жизнь на нем прекратилась (Бобринский, 1901: 35). В 1888 г. А.А. Бобринский также исследовал курганы, расположенные по левому берегу небольшой речки Тенетинки.

Одним из важнейших центров, где сосредоточились раскопки А.А. Бобринского, стало местечко Смела. Возле подножия Юровой горы — возвышенности на северной окраине местечка — А.А. Бобринским была открыта мастерская каменного века по обработке кремневых орудий. Такое заключение ученый сделал в первую очередь на основе большого количества найденных каменных предметов, из которых многие носили следы обработки, точильного камня, около 3 тыс. осколков кремня разного размера, из которых около 1,5 тыс., могли быть классифицированы как орудия труда (ножи, скребки) и оружие (стрелы) (Бобринский, 1887: 124).

В 1893 и 1896 гг. А.А. Бобринский продолжил исследование этой стоянки с целью дальнейшей разработки своей гипотезы о том, что указанный памятник принадлежал каменному веку (Бобринский, 1901: 50). Следует отметить, что результаты раскопок у подножия Юровой горы вызвали значительный резонанс. В.Б. Антонович, например, дискутировал с А.А. Бобринским, считая, что найденных предметов недостаточно для того, чтобы относить это поселение к древнему каменному веку (Антонович, 1896: 9).

В 1885 г. А.А. Бобринским были обследованы курганы возле села Гуляй-Город. Комплекс представлял собой систему небольших курганных насыпей, тесно расположенных один возле другого. Из более, чем 400 курганов могильника ученый исследовал 20 (Бобринский, 1887: 99). В 1889 г. научные поиски в этом районе были возобновлены раскопками скифского могильника над правым берегом Тясмина, могильника близ села Чубовка, отнесенного А.А. Бобринским к сарматскому периоду, и нескольких курганов еще одного могильника, не давшего материалов для датировки (Бобринский, 1901: 41).

В том же 1889 г. А.А. Бобринский занимался раскопками группы курганов энеолитического периода вблизи села Гречковка (Бобринский, 1901: 55), которые были дополнены материалами нескольких курганов, обследованных графом в 1901 г. Один из них, на основе найденных человеческих захоронений, черепа и ступни которых были окрашены в красно-бурый цвет, мелких кремневых орудий самого простого типа и полном отсутствии предметов быта, А.А. Бобринский отнес к началу энеолитической эпохи (Отчет о раскопках, 1902: 27).

При раскопках возле села Константиновки А.А. Бобринский встретился с захоронениями, не совсем типичными для Черкасского уезда. В отличие от захоронений в глубоких ямах, исследованных ученым до этого, они были совершены на уровне материка или в неглубокой ямке. Над каждым захоронением была сделана очень широкая, пологая деревянная крыша из досок, которые сходились в центре, наподобие крыш круглых хат. Вещи, найденные на этих крышах, были в полной сохранности. Полемизируя с некоторыми археологами, которые относили данный тип захоронений к римской эпохе, А.А. Бобринский считал, что они более древние и сделаны до момента распространения на Среднем Поднепровье греческой культуры. Соответственно, поскольку эта последняя в IV в. до н.э. уже распространилась на эти территории, то указанные захоронения, по А.А. Бобринскому, датируются не позднее, чем V в. до н.э. (Отчет о раскопках, 1902: 36).

В 1889–1897 гг. вблизи села Малое Староселье ученым был исследован большой скифский могильник, который состоял из приблизительно 300 насыпей малой и средней величины, из которых А.А. Бобринский осмотрел 39 курганов (Бобринский, 1901: 13). Кроме этого, на протяжении длительного отрезка времени им обследовалось большое Староселицкое городище. Приступая к раскопкам, археолог ставил перед собой цель определить, искусственной или природной является та возвышенность, на которой расположено городище? На эту работу ученый потратил много силы и времени, но ответа так и не получил, за отсутствием всяких находок (Бобринский, 1901: 17).

А.А. Бобринским были также изучены материалы из 5 курганов, расположенных вблизи села Теклино. Один из них был могилой скифского вождя, возле которого были найдены золотой шейный обруч и 2 золотые бляхи с изображением ланей, причем последние натолкнули ученого на мысль о высоком статусе этого скифского воина (Бобринский, 1901: 21).

Особое внимание А.А. Бобринского, по ходу археологического исследования Среднего Поднепровья, привлекали подземные ходы, которые, согласно его данным, охватывали значительную часть Смелянского имения. В частности, ученым было отмечено их наличие вблизи Виноградского монастыря, возле села Гречковки, на Юровой горе и в центре самой Смелы. А.А. Бобринский отмечал, что существует подземная связь между местечком и Юровой горой (Бобринский, 1887: 23). В 1882 г. А.А. Бобринский исследовал пещерный комплекс «старого монастырища» Виноградского монастыря вблизи Смелы. Подземелье оказалось одноярусным лабиринтом сложного разветвления, в котором выделялось 5 помещений: подземная церковь, 3 кельи и помещение, назначение которого осталось не установленным (Марченко, 2003: 32). А.А. Бобринский отметил также сходство подземных ходов Виноградского и Мотронинского монастырей (Бобринский, 1894: 56). Кстати, исследование подземных комплексов последнего очень заинтересовало ученого, но он был вынужден прервать его: потолок ходов постоянно обваливался, и дальнейшее проведение подобных работ было опасным.

Раскопки археологических памятников Черкасского уезда в конце 1870-х гг. — начале XX в. вызвали большой резонанс. В 1902 г. Н.И. Веселовский так охарактеризовал состояние археологического исследования Черкасского уезда: » Кто из наших археологов не знает теперь местечка Смелы в Черкасском уезде Киевской губернии? Кто из лиц, сколько-нибудь интересующихся русскими древностями, не слышал этого имени? В короткое время оно сделалось чрезвычайно популярным. Смела положительно прославилась в археологическом мире. Слава упрочивалась за нею не потому, однако, что древности там находимые, выдаются из общего ряда чем-нибудь необычайным, вроде драгоценностей царских могил Герроса, или дивных памятников греческого искусства в Черноморьи, — нет, смелянские находки, хотя в некоторых случаях и имеют связь с только что названными, значительно скромнее последних; но им посчастливилось так, как немногим другим. Предметы могильного погребения древнего населения в среднем Приднепровье подверглись самому тщательному исследованию, и едва ли есть в пределах обширной Русской земли местность, за исключением лишь Пантикапея, Тамани и Херсонеса, которая была бы так полностью представлена в археологическом отношении, как окрестности Смелы. И что особенно поразительно: сделано это трудолюбием и энергиею одного лица...» (Веселовский, 1915: 113–114).

После издания 3-го тома «Курганов...» А.А. Бобринский продолжил публикацию дневников своих археологических раскопок в «Известиях...» Императорской археологической комиссии. Именно здесь, в первую очередь, граф отображал результаты исследований археологических памятников второго района своих научных поисков — Чигиринского уезда Киевской губернии.

В 1896 г. А.А. Бобринским были организованы раскопки большого майдана возле села Цветна, известного в археологической литературе под названием «Горгоны». Майдан являл собой систему круглых насыпей и кругообразных валов, в одном из которых А.А. Бобринский исследовал скифское захоронение. При скелете были обнаружены предметы: серебряные (чаша, пряжка), золотые (браслет, пряжка, пластинка, наконечник ремня, украшения одежды), костяные (цилиндрическая коробочка), железные (наконечники стрел, броня). В ходе дальнейших раскопок, на значительной глубине А.А. Бобринским были открыты высокие подземные ходы, назначение которых так и осталось не выясненным. Еще одной особенностью майдана было то, что «с высоты птичьего полета все насыпи майдана должны представлять подобие громадного паука» (Отчет графа, 1898: 214–215).

По выражению А.А. Спицына, методика проведения раскопок вблизи села Цветна, примененная А.А. Бобринским, должна была определить приемы дальнейшего изучения майданов, главным элементом которых должно было стать особо внимательное исследование существующих под майданами подземных ходов (Заседание, 1899: 34).

В 1901 г. А.А. Бобринский проводил раскопки вблизи села Грушковки. Там им были исследованы 10 курганов, которые характеризовались тем, что во многих из них были найдены захоронения разных эпох — энеолитическая и скифская. Недалеко от этого комплекса находилась еще одна большая группа курганов, которая называлась «Рядные могилы», поскольку они были вытянуты в ряд, близко друг к другу (Бобринский, 1902: 47).

Особенно плодотворными и результативными для исследований А.А. Бобринского в Чигиринском уезде стали 1903–1904 гг. На протяжении этого периода ученый исследовал 53 кургана разной величины.

Большой резонанс получили результаты исследования курганов, известных в археологической литературе под названием «Журовские». Первый могильник, исследованный А.А. Бобринским в этом комплексе, размещался в урочище Криворуково и был датирован V–IV вв. до н.э. Ученый заметил, что в восточной его части размещались исключительно мужские захоронения, а в восточной — преимущественно женские. С учетом этого, а также и того, что все захоронения были одновременными, был сделан вывод, что вблизи могильника находилась зимняя стоянка какого-то кочевого племени. Еще одной особенностью данного могильника являлось то, что в нем были захоронены исключительно знатные и богатые люди, вероятно, и вожди племени. Согласно гипотезе А.А. Бобринского, кочевники могли привозить туда за собой мертвых для захоронения. В этом условии кочевой жизни археолог видел и зарождение обряда сожжения трупов (Бобринский, 1905: 25).

Большой интерес вызвала находка в одном из Журовских курганов — греческий чернолаковый килик, найденный А.А. Бобринским летом 1903 г. Несмотря на то, что сосуд был разбит на 10 частей, ученый сумел реставрировать вещь в ее первоначальном виде. Эта находка вызвала дискуссию по поводу толкования и соотношения надписей на верхнем вогнутом краю килика: имен греческих божеств Врача и Дельфиния (Толстой, 1905: 46).

В 1905 г. А.А. Бобринский провел археологические раскопки двух групп курганов вблизи села Кошарки, из которых в первой были исследованы 4 кургана, а во второй — 3. 10 скифских курганных насыпей были исследованы в группе курганов возле села Турия в урочище Горобинец. Несмотря на то, что большинство курганов, с которыми столкнулся А.А. Бобринский на окраинах названных двух сел, были разграблены, археологу удалось собрать в них значительное количество предметов: украшений, оружия, конской сбруи, посуды (Производство, 1908: 77–78).

Что касается курганов, не подвергшихся разграблению, то такие А.А. Бобринский встретил в селе Вербовке. Один из них содержал могилу, огороженную большими гранитными камнями и плитами. Особенный интерес для ученого представлял орнамент первобытного типа, нанесенный на эти камни. Из 29 плит, осмотренных А.А. Бобринским, орнаменты были обнаружены на 17-ти. В размещении их не прослеживалось четкой системы. А.А. Бобринский высказал гипотезу о возможном первоначальном размещении каменных плит в доме покойного и их перенесении в захоронение после смерти хозяина (Бобринский, 1906: 15).

А.А. Бобринский был одним из первых археологов, который осмотрел Мотронинское городище, расположенное в Чигиринском уезде. Именно он впервые выдвинул предположение о том, что этот археологический памятник хронологически относится к скифскому периоду. До А.А. Бобринского, а это данные ученых начала XIX в., было принято считать, что сооружение валов, которыми было укреплено городище, производилось древними греками или варварами времен великого переселения народов. На основе тщательного исследования А.А. Бобринский составил план и детальное описание городища, его валов и курганного могильника (Безсонова, 2002: 22).

Кроме двух описанных основных районов раскопок А.А. Бобринского, некоторые, территориально менее масштабные, археологические исследования были проведены и за их пределами. Например, в 1888 г. А.А. Бобринский организовал раскопки в окрестностях местечка Шполы Звенигородского уезда. Там ученым были исследованы 15 курганов из могильника вблизи урочища Колонтаевка и выявлены 3 типа захоронений: обычные могилы в виде материковых ям, подземные склепы и могилы, в которых находились сожженные останки. Несмотря на разную конструкцию могил, все захоронения А.А. Бобринский датировал неоскифским периодом (Бобринский, 1894: 119). Предметом особенного внимания А.А. Бобринского оказались керамические находки греческой работы. В 1895 г. ученый продолжил археологические исследования в окрестностях Шполы и указал на сходство шполянских керамических изделий с трипольскими, найденными В.В. Хвойкой (Бобринский, 1901: 57).

Помимо работы по исследованию памятников Среднего Поднепровья, А.А. Бобринский предпринял немало усилий, направленных на охрану этих древностей. Последняя велась А.А. Бобринским в различных направлениях. Граф на собственные средства постоянно покупал различные случайные находки у местного населения. Сын А.А. Бобринского вспоминал: «Когда окрестные жители узнали, что мой отец интересуется древностями, к нему стали приносить множество предметов, которые мужики находили у себя в полях и огородах. Обыкновенно мой отец покупал их у крестьян, и, таким образом, скоро вся окрестность знала, что всякую находку можно принести моему отцу и получить больше денег, чем если бы эти предметы были проданы какому-нибудь мелкому торговцу» (Бобринский, 2003: 485). Покупки подобного рода иногда имели внушительные масштабы. Например, в 1896 г. в Чигиринском уезде А.А. Бобринский купил золотой предмет в виде птицы с кольцом в клюве, серебряную пряжку, золотую

подвеску в виде ведерка, украшенного эмалью, несколько колец, кнопок, розеток, лилий и крестообразных цветков (Производство, 1898: 89). В 1903 г. возле села Журовка ученый массово покупал находки из курганов, раскопанных крестьянами. Согласно подсчетам, А.А. Бобринский скупил более 350 предметов, изготовленных преимущественно из железа, бронзы, серебра и других материалов.

Следует отметить, что по личной инициативе графа найденные предметы затем попадали в фонды разных музеев. Так в 1902–1908 гг. А.А. Бобринский передал Киевскому музею древностей и искусств коллекцию, состоявшую из каменных, костяных, керамических и бронзовых изделий. Она включала 18 скифских зеркал, 10 бронзовых топоров, наконечники копий, браслеты, фибулы (Тихонов, 2004: 110). В 1904 г. А.А. Бобринский передал часть своих археологических коллекций основанному при его участии Киевскому художественно-промышленному музею. Часть вещей, преимущественно — глиняной посуды, добытой в ходе раскопок возле села Васильково в окрестностях Шполы, была передана Киевскому музею св. Владимира (Бобринский, 1901: 56).

В целом, раскопки, проведенные А.А. Бобринским на территории Среднего Поднепровья в конце 1870-х — 1910-х гг., стали базой, на которой основывалось подавляющее большинство дальнейших археологических исследований, проводимых в этом регионе. Исследовав археологические памятники Среднего Поднепровья, А.А. Бобринский не только расширил и обогатил знания об археологии этого региона, и особенно о курганах Черкасского и Чигиринского уездов Киевской губернии, но и активно способствовал их сохранению для будущих поколений.

Литература

- Антонович В.Б. 1896. Труды графа А.А. Бобринского по археологии Киевской губернии и вообще Южного края // Чтение в историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 10. С. 8–11.
- Безсонова С. 2002. Мотронинське городище // Пам'ятки України. № 2.
- Бобринский А. 1887. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 1. СПб.
- Бобринский А. 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб.
- Бобринский А. 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. СПб.
- Бобринский А. 1905. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки (Чигиринского уезда Киевской губернии) в 1904 году // Известия ИАК. Вып. 17. С. 77–98.
- Бобринский А. 1906. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 г. // Известия ИАК. Вып. 20. С. 1–16.
- Бобринской А.А. 2003. Граф Алексей Александрович Бобринской (1852–1927): Сын об отце // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. С. 479–532.
- Веселовский Н.И. 1915. Отзыв о сочинении графа А.А. Бобринского «Курганы и случайные находки близ м. Смелы». Том третий. Дневники раскопок 1889–1897 гг., СПб., 1901. // Протоколы общих собраний Императорского русского археологического общества за 1899–1908 годы. Пг. С. 113–125.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ: Сборник научных трудов. Киев. С. 30–63.
- Коваленко А.П. 2009. Земли родной минувшая судьба, или сказанье о Смелянщине. М.
- Марченко О.В. 2003. Нові дослідження печер Виноградського монастиря // Чотирнадцята наукова сесія Осередку Наукового товариства ім. Шевченка у Черкасах: Матеріали доповідей на засіданнях секцій і комісій. Черкаси. С. 31–33
- Отчет графа А.А. Бобринского, по исследованию майдана у с. Цветна (Чигиринского уезда, Киевской губ.). 1898 // Отчет ИАК за 1896 год. С. 213–218.
- Отчет о раскопках графа А.А. Бобринского в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 г. 1902 // Известия ИАК. Вып. 4. С. 24–50.
- Производство археологических раскопок и разведок в Киевской губернии. 1898 // Отчет ИАК за 1896 год. С. 88–90.
- Производство археологических раскопок в Киевской губернии. 1908 // Отчет ИАК за 1905 год. С. 76–78.
- Заседание 29-го января. 1899 // Протоколы заседаний Императорского русского археологического общества за 1897 г. СПб. С. 33–35.
- Тихонов И.Л. 2004. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник. СПб. С. 94–116.
- Толстой И. 1905. Врач и Дельфиний // Известия ИАК. Вып. 14. С. 44–53.
- Ферро М. 1992. Как рассказывают детям историю в разных странах мира. М.

Становление воронежской археологии: роль Н.Е. Макаренко

Е.Ю. Захарова

Воронежский государственный университет. Россия, г. Воронеж

Биографии и научной деятельности Николая Емельяновича Макаренко (1877–1938) посвящена обширная литература, как научного, так и публицистического жанра. В ней можно встретить и упоминания о пребывании Н.Я. Макаренко в Воронежской губернии (Макаренко, 1992: 25; Косикова, 1993: 6). Среди многочисленных публикаций есть лишь одна статья тезисного формата, посвященная собственно воронежским исследованиям Н.Я. Макаренко (Кожем'якин, 1990: 39–40), далеко не исчерпывающая данную тему. Результаты полевых изысканий Н.Я. Макаренко на отдельных археологических памятниках Воронежской губернии нашли отражение в научных трудах по соответствующей проблематике, что свидетельствует об их значимости и востребованности (Кирпичников, 1973: 26–29; Манцевич, 1973: 12–46; Афанасьев, 1984: 29, 36, 51; Плетнева, 1984: 14, 16–17; Березуцкий, 1995; Медведев, 1999: 90–128; Гуляев, 2010: 27–28; др.). В связи со сказанным, я считаю актуальным развернутый анализ археологической деятельности Н.Е. Макаренко в Воронежской губернии, результаты которого легли в основу указанной работы.

Работы Н.Е. Макаренко в Воронежской губернии охватывают достаточно короткий промежуток времени с 1905 по 1909 гг., в течение которого он трижды побывал на Воронежской земле: 3–27 июня 1905 г., 23 мая–11 июня 1908 г. и 1–12 июля 1909 г. Результаты работ, проведенных за время командировок, были изложены в отчетах, которые в краткой форме вошли в соответствующие тома отчетов Императорской Археологической Комиссии (Отчет ИАК за 1905 г., 1908: 84–86; Отчет ИАК за 1908 г., 1912: 163–165; Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг., 1913: 189–190), но параллельно были изданы и отдельными публикациями, в полном объеме (Макаренко, 1906; 1911). Впоследствии ученый уже не возвращался к анализу полученных материалов; воронежская тематика не закрепилась в сфере его научных интересов.

Все поездки Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию инициировал А.А. Спицын, который в эти годы интересовался воронежскими древностями, и сам там неоднократно бывал. В архиве ИИМК сохранилась подробная инструкция А.А. Спицына относительно целей первого приезда Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию:

III¹. Осмотреть и по возможности исследовать майданы в Валуйском уезде, расположенные по р. Уразовой (у хут. Соболевского — 3, у хут. Лобкова — 2, у хут. Герасимовки — 1, у хут. Шведунова — 2), между с. Уразовым и г. Валуйками, в Казацкой волости (различные местности) и близ слоб. Конопляновки. Исследование должно заключаться лишь в определении, не имеется ли на внутренних площадках майданов могильных обрзов?

IV. Произвести раскопки на месте находки в 1895 г. серебряных и медных вещей близ д. Колосковой Казацкой волости. Вещи найдены были в 5 саж. от р. Оскола, на лугу, распахиваемом уже в продолжении лет 20, на песчаной почве, ежегодно заливаемой разливом реки; некоторые из них носят следы пребывания на огне. Кажется, что при д. Колосковой имеется городище, которое также следует подвергнуть исследованию, до определения его культурного содержания.

V. Исследовать место находки в 1904 г. серебряных бляшек в хут. Гаевке близ слоб. Александровской. Вещи найдены детьми Зайцевыми в ямке.

VI. Сделать попытку разыскать могильник в имении г-жи Муравьевой на р. Осколе Бирюченского у. Старо-Ивановской волости, в котором найдены были в 1869 г. при костяке шлем, меч, золотые вещи и византийская монета. Место находки — постепенно разрушающийся овраг на отвержке Попова леса в 4 верстах от правого берега реки. Вещи найдены крестьянами дер. Столбищи Иваном и Филиппом Чеботаревыми (РА ИИМК. Ф. 1. 1905. № 70. Л. 2–2 об.).

Показательна дата этой инструкции — 30 апреля 1905 г. Той же датой отмечено официальное уведомление ИАК, направленное в Воронежскую Ученую Архивную Комиссию (ВУАК) и столь долгожданное для нее, о приезде самого А.А. Спицына в губернию (подготовлено им же. — *Е.З.*). Таким образом, был спланирован первый приезд профессиональных археологов в губернию.

Полевой сезон 1905 г. — это важный рубеж в истории становления воронежской археологии, поэтому я позволю себе подробнее остановиться на событиях этого времени. Дело в том, что после XII Археологического съезда, когда Воронежская губерния впервые попала в сферу интересов археологической

¹ Первые два пункта касаются Харьковской губернии — прим. авт.

общественности, Воронежская Ученая Архивная Комиссия (ВУАК) настойчиво просит столичные сообщества археологов начать здесь систематические раскопки с научной целью. Сами члены ВУАК были полны решимости изучать археологические древности края, но им не хватало ни профессиональных навыков, ни денежных средств. Еще в июне 1903 г. на Втором областном историко—археологическом съезде в Твери членами ВУАК Л.М. Савеловым и С.Е. Зверевым было получено принципиальное согласие А.А. Спицына начать в Воронежской губернии раскопки, о чем они с воодушевлением сообщили по возвращении в Воронеж на заседании комиссии (Журналы, 1908. С. XLV). Однако приезд его все откладывался, пока в ИАК не поступили сразу две богатейшие коллекции с территории Воронежской губернии: золотые, серебряные и железные вещи (датируемые по монете XI в.), найденные в захоронении с конем близ х. Гаёвка Валуйского уезда, а также золотые и иные вещи скифского времени из грабительских раскопок курганов у с. Мастюгино Коротоаякского уезда (Отчет ИАК за 1905 г., 1908: 94—97). А.А. Спицын решил выехать на место находок сам (РА ИИМК. Ф. 5. № 90. Л. 5) и привлечь к этому Н.Е. Макаренко, планировавшего на лето поездку в Харьковскую и Полтавскую губернии. Не случайно поэтому, что на себя А.А. Спицын взял обследование памятников в Коротоаякском уезде, а Н.Е. Макаренко поручил работы в Валуйском уезде (на границе с Харьковской губернией).

Последующие поездки Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию также планировались А.А. Спицыным, хотя уже не сопровождались столь подробными инструкциями. Работы 1908 г. проводились на тех памятниках, которые уже изучались раскопками или были осмотрены А.А. Спицыным. Наиболее интересующий его объект — Маяцкое городище — был уже единственным памятником, на котором Н.Е. Макаренко проводил работы в 1909 г. Подтверждением неусыпного контроля со стороны А.А. Спицына за работами на территории Воронежской губернии может служить тот факт, что на Маяцком городище в эти же годы (с 1906 по 1910 /?/) по открытому листу ИАК работали и члены ВУАК, которым, однако, после 1906 г. было запрещено (в отличие от Н.Е. Макаренко) вести раскопки на территории крепости, а дозволялось исследовать лишь прилегающую к ней площадь (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 5).

Из архивных материалов следует, что А.А. Спицын надеялся на продолжение Николаем Емельяновичем Макаренко работ на территории Воронежской губернии. Так в 1912 г. ему был выдан «Открытый лист», в том числе и для производства раскопок в Воронежском, Коротоаякском и Острогжском уездах. В сопроводительном письме А.А. Спицын писал: «Императорская Археологическая Комиссия, ввиду любезно выраженного Вами согласия, имеет честь покорнейше просить Вас произвести археологические раскопки в группе «Частые курганы» близ Воронежа, а также в иных местностях Воронежского, Коротоаякского и Острогжского уездов. Открытый лист на производство раскопок и талон на получение из кассы Министерства Императорского Двора назначенных Вам на раскопки 500 руб. при сем препровождаются» (РА ИИМК. Ф. 1. 1912. № 145. Л. 3). Однако из находящегося в этом же деле финансового отчета Н.Е. Макаренко следует, что в Воронежскую губернию он не приезжал (РА ИИМК. Ф. 1. 1912. № 145. Л. 10—26).

Теперь о содержании проведенных Н.Е. Макаренко работ на территории Воронежской губернии. В 1905 г. он последовательно исполнял полученные задания: после осмотра окрестностей Герасимовки там были проведены раскопки двух майданов и одного кургана (с 8 по 14 июня). В течение следующей недели — произведен осмотр окрестностей Уразова, Соболевского, Швыдунова, Демино. 22 июня археолог выезжал в Колосково, 25 июня — в Гаёвку, в самих Валуйках осмотрел место находки клада и приобрел медные браслеты, и по исполнении всех поручений 27 июня выехал из Валук в Харьков (РА ИИМК. Ф. 1. 1905. № 70. Л. 35—36).

За все время пребывания самые масштабные работы были организованы, как и следовало ожидать, в окрестностях Герасимовки. Были обследованы окрестности слободы на расстоянии до 20 км и установлено, что вся территория «наполнена насыпями в изобилии; как возвышенности, так и сравнительно низкие места покрыты курганами и майданами всевозможных форм и величин» (Макаренко, 1906: 29). Для раскопок была избрана группа майданов и курганов, расположенная примерно в 3 км к северо—востоку от слободы. В майданах были обнаружены погребения эпохи бронзы и средневековья (частью разрушенные, частью непотребоженные), что послужило еще одним аргументом в пользу интерпретации майданов в качестве разрушенных курганов. Напомню, что вопрос о природе майданов в это время активно обсуждался в археологической литературе. За год до проводимых работ вышла в свет работа В.А. Городцова, в которой была обоснована указанная выше точка зрения (Городцов, 1904: 29—39). А годом спустя на эту же тему высказался и А.А. Спицын, привлекая для аргументации своего основного вывода о происхождении майданов от промысла по выварке селитры на древних курганах прежде всего воронежские материалы: письменные источники (сообщения в Воронежских актах) и археологические данные об обнаруженных и раскопанных в губернии майданах (Спицын, 1906: 1—28).

Раскопанный же Н.Е. Макаренко в этой группе курган содержал единственное захоронение плохой сохранности без инвентаря, так что установить его культурную принадлежность ныне не представляется возможным. Попутно им было осмотрено кремневое месторождение «В Ярку», где собрана серия кремневых изделий: обломок ножа, заготовка долота, клин, тесло (рисунки или фотографии в отчете отсутствуют, дальнейшая судьба коллекции неизвестна).

Посещение других местностей Валуйского и соседнего Бирюченского уезда было вызвано потребностью в уточнении обстоятельств наиболее ярких находок, поступивших в ИАК. У деревни Колосково им было осмотрено место клада серебряных и медных вещей, найденных в 1895 г. — из категории т. н. «древностей антов» (оценка этих находок в системе аналогичных комплексов на современном уровне развития археологии содержится в работах: Щеглова, 1990: 162 — 182; Гавритухин, Щеглова, 1996: 53—57). Кроме того, в указанном местными жителями месте по левому берегу р. Оскол Н.Е. Макаренко заложил 5 траншей протяженностью около 21 м, при ширине 1,5 — 2 м (Макаренко, 1906: 34—35). К сожалению, каких-либо результатов они не дали. Затем им была обследована местность по левому берегу р. Оскол к северо-западу от села, где на песчаных холмах в изобилии обнаруживались фрагменты древней керамики, датированной исследователем от «периода скорченных костяков» до «русского времени» (Макаренко, 1906: 36), а в 2—3 км от села на правом высоком берегу Оскола в урочище «Городище» действительно был обнаружен, как писал Н.Е. Макаренко, «обширный по своим размерам (площадь осталась не измеренной. — Е.З.) городок, по-видимому, позднего периода четырехугольной формы с тремя валами и двумя рвами с промежуточными площадками между теми и другими» (Макаренко, 1906: 36—37).

У хутора Гаёвка были получены дополнительные сведения относительно уже упоминавшейся выше находки серебряных поясных и упряжных бляшек с золотой византийской монетой XI в. Оказалось, что все вещи были найдены при захоронении с конем (кости были зарыты находчиками, а затем отысканы Н.Е. Макаренко). В проложенной Н.Е. Макаренко в непосредственной близости от места находки траншее был открыт еще один костяк в положении лежа на спине, голову на северо-запад, с вытянутыми руками и ногами; на его правой руке был медный браслет (Макаренко, 1906: 38). Данный комплекс, впоследствии неоднократно анализировавшийся специалистами, получил неоднозначные оценки с точки зрения этнической принадлежности (Плетнева, 1958: 173, 178; Кирпичников, 1973: 26—28), но нельзя не согласиться с восторженным определением его в качестве шедевра международного класса (Кирпичников, 1973: 27).

Посетил Н.Е. Макаренко и урочище «Попов лес» в имении г. Муравьевой, где уточнил место и обстоятельства найденных при костяке шлема, кольчуги, пряжек и византийских монет VIII в. Им был осмотрен курган — место находки, а также близлежащий овраг на предмет обнаружения других погребений, но безрезультатно (Макаренко, 1906: 38—39).

Последней акцией этой поездки в губернию стала покупка в Валуйках трех медных массивных браслетов из клада, только что обнаруженного при строительных работах в городе на левом берегу Оскола. Клад был найден в небольшом глиняном горшочке, но остальные вещи разошлись по рукам рабочих (Макаренко, 1906: 39—40). Впоследствии эти вещи были переданы в фонды ИРИМ, в то время как остальные его находки поступили в Воронежский Губернский музей (РА ИИМК. Ф. 1. 1905. № 70. Л. 31, 33).

Следующий приезд Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию состоялся спустя три года. Он продолжил исследование тех памятников, которые в предыдущие сезоны изучал А.А. Спицын. Несколько дней Макаренко провел в с. Гольшевка Коротоаякского уезда, где обследовал обширное городище к юго-востоку от села. Тремя годами раньше его посетил А.А. Спицын, отметивший поздний характер большого городища (входит в систему укреплений XVI—XVII вв.), включающего в себя два небольших древних городка, относящихся ко времени, близкому боршевскому (Отчет ИАК за 1905 г., 1908: 84). Н.Е. Макаренко снял глазомерный план этого городища (Макаренко, 1911: 76), разделив в оценочных суждениях мнение А.А. Спицына: «Устройство части городища едва ли не относится ко временам колонизации московской Русью Слободской Украины и смежных земель» (Макаренко, 1911: 78). Впоследствии этот памятник не остался без внимания воронежских археологов. В 1949—1953 гг. именно Архангельское (Гольшевское) городище становится основным объектом археологических исследований экспедиции Воронежского госуниверситета под руководством А.Н. Москаленко (всего на памятнике вскрыто около 1300 кв.м). Памятник оказался многослойным, содержащим материалы эпохи бронзы, раннего железного века, боршевского времени, а также остатки русского стоялого острога, возведенного в 1653 г. (Москаленко, 1952: 103—106; 1956: 84—94; 1966: 209; Москаленко, Пряхин, 1964: 190—194).

В курганной группе у с. Мастюгино Коротоаякского уезда под руководством Н.Е. Макаренко было раскопано еще 5 курганов (до того два кургана раскопаны под руководством А.А. Спицына), давших

богатые вещевые комплексы и интересные погребальные сооружения скифского времени (Макаренко, 1911: 47–74). Впоследствии материалы раскопок Н.Е. Макаренко были переизданы А.П. Манцевич (Манцевич, 1973: 12–46), сам же могильник полностью раскопан Воронежским отрядом Лесостепной (Скифской) экспедиции ИА АН СССР под руководством П.Д. Либерова в 1957 — 1962 гг. Его материалы в полном объеме опубликованы (Пузикова, 2001: 47–123) и занимают приоритетное место при характеристике среднедонских древностей скифского времени.

Как уже говорилось выше, А.А. Спицын особое внимание уделял работам на Маяцком городище. Не случайно поэтому, что именно на этом памятнике сосредоточил свое основное внимание и Н.Е. Макаренко, организовавший там раскопки и в 1908, и в 1909 гг.

В течение первого полевого сезона был снят план городища и дано его подробное описание (Макаренко, 1911: 7–9), раскопана юго–восточная стена в средней ее части (ошибочно названа в отчете ю.–з. — *Е.3.*), частично раскопано «внутреннее четырехугольное пространство, окруженное небольшим валиком» (цитадель), исследована внешняя часть восточного угла крепости (Макаренко, 1911: 12–20).

Во второй сезон раскопками была изучена часть стены у ворот, внутренняя и внешняя часть стены у южного угла, заложена траншея на площади городища для определения состава и толщины культурного слоя, раскопаны две впадины на площади городища и десять впадин, расположенных за пределами крепости на поле, примыкающем к городищу с восточной стороны (Макаренко, 1911: 20–42). На всем протяжении полевых работ собирались и учитывались находки камней с рисунками, надписями и отдельными знаками, которых в общей сложности, судя по отчету, было обнаружено 31 (Макаренко, 1911: рис. 7, 12, 14, 16, 17, 19–22, 27–38, 42).

Материалы, полученные в ходе работ Н.Е. Макаренко, будучи документированными на должном для начала XX века уровне, в течение более чем полувека определяли представления ученых о салтово–маяцкой культуре на Среднем Дону. Они вошли в классические работы М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина по указанной проблематике, но с течением времени все больше ощущалась необходимость продолжения работ на этом памятнике на качественно ином методическом уровне. Не случайно поэтому, что с началом широкомасштабных работ на Маяцком комплексе памятников Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции (1975–1982 гг.) последовательно реализовывалась в том числе и задача исследования объектов, раскапывавшихся Н.Е. Макаренко. Результаты проведенных в этом направлении работ нашли отражение в соответствующих отчетах и публикациях. Рассмотрим их подробнее в порядке исследования Н.Е. Макаренко.

Внешний панцирь юго–восточной стены, раскопанный Н.Е. Макаренко на 21 м, состоявший в наиболее высокой части из 8 рядов кладки и достигавший высоты более 3 м (Макаренко, 1911: 11), к началу 1980-х гг. оказался полностью уничтожен (Архив ИА РАН. Р–1. № 9055. Л. 3). В ходе исследования цитадели (Н.Е. Макаренко почти полностью раскопал стены и совсем небольшую часть внутреннего пространства сооружения) было также обнаружено, что там, где проходила северо–западная стена цитадели (по отчету Н.Е. Макаренко), уже не фиксируется никаких строительных остатков. Что же касается каменного строения «*к*», то обломки его блоков были обнаружены, причем каменный развал полностью соответствовал опубликованному Н.Е. Макаренко плану. В ходе работ был околонтурен и край полуземлянки, вырубленной в меловой материковой скале, отмеченной на плане Н.Е. Макаренко под шифром «*к*» (Архив ИА РАН. Р–1. № 8154. Л. 4–5).

Восточный угол крепости повторно не исследовался. В 1909 г. Н.Е. Макаренко был исследован проем крепостных ворот и северо–западный торец примыкающей к ним стены. В отчете он отмечал, что лучше всего кладка стены сохранилась на внутренней стороне — до 7 рядов, в то время как на внешней стороне, судя по опубликованной фотографии, — на три–четыре ряда, так как отсюда местные жители больше всего брали камень для своих нужд. К сожалению, за прошедшие после раскопок Н.Е. Макаренко 70 лет северо–западный торец воротного проема почти полностью разрушился. При повторном исследовании было обнаружено, что от торца остались только три блока нижнего ряда (Афанасьев, 1984: 29), но в ходе зачистки стены в старом раскопе Н.Е. Макаренко все же удалось проследить конструктивные особенности крепостной стены на этом участке. Сам Н.Е. Макаренко зафиксировал тот факт, что стена была поставлена на древнюю дневную поверхность без фундамента, в ходе же дальнейших исследований выяснилось, что первоначально перпендикулярно направлению стены на землю укладывались доски. Была детализирована и структура забутовки между внутренним и внешним панцирями, внутри которой обнаружена специальная деревянная конструкция на глиняной площадке (Афанасьев, 1984: 32).

У южного угла юго–восточной стены крепости Н.Е. Макаренко обнаружил остатки каменной кладки, которая находилась на расстоянии 1,4–2,1 м от угла и располагалась перпендикулярно юго–

восточной стене, но «без признаков соединения с этой последней» (Макаренко, 1911: 24). Исследователь оставил эту кладку без объяснения. После работ 1979 г., в ходе которых удалось зафиксировать остатки этой кладки и исследовать их, авторами раскопок было высказано предположение о том, что это стена башенного выступа, а обнаруженная Н.Е. Макаренко в том же раскопе «ступенька» шириной и глубиной 0,35–0,54 м, вырубленная в скале на краю рва в 2–3 м от стены (Макаренко, 1911: 24), была соотнесена с остатками «постели» для него (Афанасьев, 1984: 54).

В 1982 г. повторные раскопки были предприняты и для детального исследования раскопанной Н.Е. Макаренко у внутреннего панциря северо–западной стены полуземлянки («ямка б» по его отчету). За прошедшие после раскопок 75 лет стены котлована полуземлянки разрушились на половину высоты. Тем не менее, пол и нижняя часть стен были зафиксированы заново, уточнены размеры постройки, по периметру зафиксированы столбовые ямки, обнаружен вход — коридор в восточном углу (Архив ИА РАН. Р–1. № 8946. Л. 20–24).

Н.Е. Макаренко изучал раскопками не только крепость, но и впадины («ямки») на поле, окружающем городище. Всего им было исследовано 10 ям, расположенных в различных местах поля. Под ними оказались, как писал Н.Е. Макаренко, вырубленные в меловом камне жилые помещения различных форм и размеров (Макаренко, 1911: 35). Сам исследователь по итогам раскопок десяти впадин сделал следующие выводы: ямы №№ 3, 5 оказались углублениями естественного происхождения; яму № 2 по форме и размерам возможно отнести к типу так называемых хлебных ям; в других ямах были зафиксированы различные конструктивные особенности (ямки в полу «для каких–либо хозяйственных надобностей», ямки — «гнезда столбов, поддерживавших крышу», канавки вдоль стен — «места для вставки подпорок — стенок» и др.), но ни в одной из них не было обнаружено «признаков костра, очага и иных принадлежностей обитания». Между тем сам исследователь именует их «землянками». Обратившийся впоследствии к анализу этих материалов И.И. Ляпушкин писал: «эту характеристику Макаренко несомненно следует рассматривать лишь в плане принадлежности всех вскрытых сооружений к жилищно-хозяйственным... Но в числе этих ям были безусловно и жилые в подлинном смысле этого слова. Яма № 6, возможно, является остатками жилища, но, к сожалению, уверенными полностью в этом мы быть не можем, так как сведения, приведенные Макаренко, не дают исчерпывающей характеристики. В частности, отсутствуют указания о каких–либо следах огня на полу (остатки золы, обожженность пола и т. п.) — этом одним из основных признаков жилища (Ляпушкин, 1958: 99).

Более подробно рассмотрены результаты раскопок Н.Е. Макаренко на селище С.А. Плетневой и А.З. Винниковым. Что касается уже упомянутой ямы № 6, то они также предполагают, что это остатки жилища, а отсутствие свидетельств, связывающих обе ямки с огнем, а также небрежную обработку стен и дна объясняют неоконченностью строительства (Винников, Плетнева, 1998: 135). Еще одним неоконченным жилищем С.А. Плетнева и А.З. Винников считают яму № 4 (Винников, Плетнева, 1998: 135). К категории жилищ ими отнесена яма № 1, хотя следов использования огня и здесь не зафиксировано. По мнению авторов, Макаренко их не заметил, или следов обжига не сохранилось (Винников, Плетнева, 1998: 133–135). Яма № 2 интерпретирована указанными исследователями как хозяйственная конусовидного типа (Винников, Плетнева, 1998: 136), яма № 8 соотнесена с категорией хозяйственных построек — погребов, о назначении других объектов исследователи не высказали предположений (Винников, Плетнева, 1998: 111). На мой взгляд, ямы № 7, 10 типологически близки выделенной А.З. Винниковым категории наземных хозяйственных построек (Винников, 1984: 120). Таким образом, после работ Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции полученные Н.Е. Макаренко материалы на селище с известной долей допущения стали составной частью исследованной площади.

Перед отъездом из Воронежской губернии Н.Е. Макаренко посетил Нижнедевицкий уезд, где в окрестностях с. Подвислое осмотрел торфяник — место находки серии каменных орудий и костей различных древних животных, в том числе мамонта. Сам он обнаружил там же фрагменты лепной керамики (Макаренко, 1911: 78–79).

Подводя итог анализу деятельности Н.Е. Макаренко на территории Воронежской губернии следует отметить, что на протяжении всех своих командировок он строго придерживался указаний, данных ему ИАК в лице А.А. Спицына. Программы работ были в полной мере выполнены, все работы проведены на должном уровне, отчеты оперативно опубликованы. Но эти материалы не увлекли исследователя, не стали базой для каких–либо последующих изысканий. Воронежские древности остались лишь эпизодом в его научной деятельности. К настоящему времени не увенчались успехом и мои поиски документов, которые указывали бы на контакты Н.Е. Макаренко с местными краеведами — археологами.

Литература

- Афанасьев Г.Е.* 1984. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище. Труды Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции. М. С. 26–56.
- Березуцкий В.Д.* 1995. Курганы скифского времени лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж.
- Винников А.З.* 1984. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции. М. С. 95–135.
- Винников А.З., Плетнева С.А.* 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.
- Гавритухин И.О., Шеглова О.А.* 1996. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно–исторический контекст. М.
- Городцов В.А.* 1904. Майданы // Древности. Т. XX. Вып. II. М. С. 29–39.
- Гуляев В.И.* 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.
- Журналы заседаний и отчеты ВУАК. 1904–1907 гг. 1908. // Труды ВУАК. Вып. IV. Отдел III. Воронеж. С. XLIV–LXXXVIII.
- Кирпичников А.Н.* 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.
- Кожем'якін А.В.* 1990. Воронежські дослідження М.О. Макаренко // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези доп. та пов. до наук.–практ. конф. Суми–Ромни.
- Косикова Е.В.* 1993. Возвращенное имя // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. Донецк.
- Ляпушкин И.И.* 1958. Памятники салтово–маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62: Труды Волго–Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.–Л. С. 85–150.
- Макаренко Д.Е.* 1992. Микола Омелянович Макаренко. Киев.
- Макаренко Н.Е.* 1906. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году. СПб.
- Макаренко Н.Е.* 1911. Археологические исследования 1907 — 1909 годов // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 43. СПб.
- Манцевич А.П.* 1973. Мاستюгинские курганы по материалам из собраний Государственного Эрмитажа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 15. Л. С. 12–46.
- Медведев А.П.* 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.
- Москаленко А.Н.* 1952. Архангельское (Гольшовское) городище // КСИИМК. Вып. 48. М. С. 103–106.
- Москаленко А.Н.* 1956. Раскопки на Архангельском городище в 1952 — 1953 гг. // КСИИМК. Вып. 62. М. С. 84–94.
- Москаленко А.Н.* 1966. Святилище на реке Воргол // СА. № 2. С. 203–209.
- Москаленко А.Н., Пряхин А.Д.* 1964. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону // Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М. С. 190–194.
- Отчет ИАК за 1905 г. 1908. СПб.
- Отчет ИАК за 1908 г. 1912. СПб.
- Отчет ИАК за 1909 и 1910 гг. 1913. СПб.
- Плетнева С.А.* 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62: Труды Волго–Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.–Л. С. 151–226.
- Плетнева С.А.* 1984. Маяцкое городище // Маяцкое городище. Труды Советско–Болгаро–Венгерской экспедиции. М. С. 3–19.
- Пузикова А.И.* 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.
- Спицын А.А.* 1906. Майданы // ЗОРСА. Т. VIII. СПб. С. 1–28.
- Шеглова О.А.* 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. науч. тр. Вып. 1. Курск. С. 162–204.

Переписка В.Т. Илларионова как источник по истории отечественной археологии 1930–1940-х гг.

Н.В. Иванова

*Нижегородский государственный педагогический университет.
Россия, г. Нижний Новгород*

Нижегородский историк Виктор Трофимович Илларионов (1901–1985 гг.) отличался широтой своих научных интересов. Перечень его трудов включает работы, посвящённые истории революционного движения в Нижегородской губернии, быту старообрядцев Поволжья, истории изучения древнего Китая, нижегородской археологии. Однако самый заметный след он оставил в разработке темы историографии палеолита СССР. Его диссертации «Ископаемый человек в историографии палеолита СССР» (1941) и «Опыт историографии палеолита СССР» (1948) вызвали дискуссии среди ведущих археологов 1930-х – 1940-х гг. Результатом многолетних исследований В.Т. Илларионова в области истории изучения палеолита стала книга «Введение в историографию древнейшей истории» (Илларионов, 1960). Отзываясь о его работе, крупный палеолитовед П.П. Ефименко признавал, что «в столь широком охвате история исследования ископаемого человека на территории СССР разработана впервые лишь В.Т. Илларионовым» (ЦАНО Ф. 6161. Оп. 1. Д. 104)¹. Значительная часть документов его личного фонда в ЦАНО, относится к первым послереволюционным десятилетиям — времени становления советской археологии, основы которой были заложены ещё в Российской империи целым рядом талантливых учёных.

Особый интерес представляет переписка В.Т. Илларионова, в которой оставили след заметные события, происходившие в отечественной археологии XX в. Это организация и реорганизация учреждений, связанных с археологическими исследованиями, изменения в отношении власти к исторической науке, археологии и краеведению; всплеск археологических работ в 1920-х — 1930-х годах, затем резкое их ограничение, развитие краеведческого движения и его упадок, запрет преподавания истории; стремление к объединению археологических сил страны на традиционных конференциях и съездах. В письмах отражены и происходившие в стране репрессии и военные годы, а также послевоенное возобновление широкомасштабных полевых работ.

В письме к В.Т. Илларионову своим мнением о преобразованиях в структуре археологических учреждений делился С.Н. Быковский. После того как в 1929 г. РАНИОН была закрыта, а археологов объединили в Московском Отделении ГАИМК, единым научным центром археологии считалась ГАИМК, однако, судя по переписке, это было не совсем так. В 1935 г. С.Н. Быковский писал В.Т. Илларионову: «Гаимк едва ли является в настоящий момент высшим археологическим учреждением СССР. Не так давно в Гаимке заседала комиссия по разрешению вопроса, как внедрить в работу этого учреждения археологию. Лучше было бы говорить о ГАИМК как об одном крупнейшем археологическом учреждении СССР², т. е. несколько мягче» (ЦАНО ... Д. 291).

Из писем мы узнаём и мнение В.А. Городцова, который пессимистично, отнёсся к преобразованиям 1937 г., когда археологи ГАИМК, МОГАИМК и Института археологии антропологии и этнографии были объединены в ИИМК. Опасаясь, что вновь созданный институт может быть расформирован также как и ИААЭ (в 1938 г.) он писал, что в состав нового института «Наряду с орлами вошли и пауки, успешные прицепиться к хвостам орлов. Прицепились Ефименко, Замятнин, Равдоникас и др. Названные пауки разложили ИААЭ и нужно думать разложить и вновь созданный институт, это очень тлетворные существа, опасные в обществе; ну да по русской пословице, «бог не допустит, свинья не съест». ИААЭ рассыпали на части, выделив археологов в Институт Истории Материальной Культуры, а антропологов — в трубу; пускай летят, куда хотят» (ЦАНО ... Д. 302).

¹ Далее при ссылке на архивный фонд В.Т. Илларионова, будет указываться только номер дела: «ЦАНО... Д. ...».

² ГАИМК могла считаться головным археологическим учреждением СССР уже хотя бы потому, что именно она осуществляла экспертные функции. Из письма С.Н. Быковского ясно одно: он был этим недоволен. В 1931–1932 гг. он сам являлся одним из руководителей ГАИМК и доказывал, что археология не может считаться самостоятельной наукой, не имеет своего предмета. В 1935 г. уже дули другие ветры: сверху поступило указание повернуться лицом к источникам, к исторической конкретике. Археология понемногу вновь обретала свои права. С.Н. Быковский, уволенный к тому времени из ГАИМК, работал в ИААЭ и проводил новую линию партии: «внедрял» заново то, что сам же недавно разрушал (ред.).

В письмах нашло отражение желание археологов 1920-х — 1930-х гг. возобновить традиции проведения систематических конференций и съездов. Известно, что В.А. Городцов, будучи председателем московского Комитета съезда, лично объехал города: Минск, Харьков, Тверь, Ярославль, Н.Новгород, Казань, Симбирск, Самару, Саратов, Уфу, Пермь, Красноярск, Иркутск и Минусинск. Как председатель нижегородского комитета содействия созыву I Всесоюзного археологического съезда, В.Т. Илларионов в письмах выяснял рабочие моменты его организации у В.А. Городцова, просил выслать инструкции и другие документы. В.Т. Илларионову писали организаторы съезда из различных краёв и областей. Сохранились письма учёного секретаря Уральского областного бюро краеведения Л.М. Каптерева. В 1929 г. он писал из г. Свердловска в Нижегородскую Археолого-Этнологическую комиссию о том, что Уральское бюро экспонировало рукописные археологические карты памятников Тобольской губернии, Прикамья, Урала и части Зауралья, план Горбуновского торфяника с неолитической стоянкой вблизи Тагила. В процессе подготовки к съезду была «составлена картотека по археологической литературе и доисторическим памятникам Урала, карта памятников доистории; разработаны тезисы доклада «Урал, как географическая среда возникновения и распространения первобытных культур» (ЦАНО ... Д. 328). Однако настрой Л.М. Каптерева по поводу созыва съезда был довольно пессимистичен. Он писал, что комиссия, созданная из археологов при Уральском бюро краеведения по подготовке к съезду «тихо скончалась», и подготовка съезда безуспешна. «У нас создалось убеждение, что при настоящей политико-экономической и культурной ситуации — созыв Археологического съезда — дело безнадежное, тем более, что лица, возбуждившие этот вопрос, кажется, ушли с наркомпросовской сцены. И мы пока махнули на съезд рукой» (ЦАНО ... Д. 328).

Археолог Б.В. Лунин, писавший В.Т. Илларионову из Ростова-на-Дону в 1931 г., считал, что к созыву съезда археологов «сами москвичи относились скептически», и что об организации съезда мало кому известно, «внимание общественности на нём не концентрируется» (ЦАНО ... Д. 337). Общее мнение участников подготовки съезда состояло в том, что далеко не все заинтересованы в его созыве, и обращения на места с призывом содействия организаторам не получили должного отклика. По мнению В.А. Городцова, Съезд не состоялся по вине ГАИМК. В.Т. Илларионов же был убеждён, что съезд не созван в соответствии с решениями партии и правительства, поскольку в тот период мог содействовать объединению работников, «чуждых, методологически, советской науке и советскому обществу, что и было продемонстрировано на двух археологических съездах, непродуманно созданных Археологическим отделом НКП РСФСР, центральной фигурой которых был В.А. Городцов» (ЦАНО ... Д. 104).

В 1920-х гг. в связи с оживлением археологической деятельности и с развитием краеведческого движения во многих городах были организованы местные археологические комитеты и комиссии. В Нижнем Новгороде действовала Нижегородская археолого-этнологическая комиссия. Одним из её членов был известный востоковед, профессор Восточного института, а с 1929 г. — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР А.Н. Самойлович. Он планировал проведение этнографических и лингвистических исследований в Нижегородской области и, заручившись поддержкой в работе НАЭК специалистов Русского Музея, писал В.Т. Илларионову в 1929 г. о своём согласии представлять интересы комиссии в научных учреждениях Ленинграда.

Планами о предполагаемых разведках близ г. Нижнего Новгорода делился с В.Т. Илларионовым и руководитель комплексных археолого-этнографических экспедиций по Центрально-Промышленной области Б.С. Жуков. Он давал рекомендации по обработке керамического материала, полученного в результате археологических работ, проведённых им в Нижегородской губернии в 1923 г. (ЦАНО... Д. 315). В 1920-х годах вместе с Б.С. Жуковым в Нижегородской губернии, вероятно, работал О. Н. Бадер. Позже, в одном из писем к В.Т. Илларионову он вспоминал Б.С. Жукова, у которого занимался на кафедре антропологии и считал себя его учеником. Он был уверен, что Б.С. Жуков «мог стать крупным учёным и одним из руководителей нашей науки» (ЦАНО... Д. 281).

Новости о своих археологических изысканиях в 1935 г. В.Т. Илларионову сообщал и С.Н. Замятнин. Он писал: «Я вернулся из экспедиции в Ленинград всего лишь 13 декабря. Три месяца работал в Абхазии. Результаты очень удачны — 20 новых местонахождений палеолита» (ЦАНО... Д. 318). Известно, что в 1930-е годы он провёл ряд успешных экспедиций, в результате которых обнаружил в Абхазии первые домустьерские местонахождения на территории СССР, предложил периодизацию верхнего палеолита Закавказья. В.Т. Илларионов готовил в то время к изданию книгу «К истории изучения палеолита в СССР» и, отметив в письме к С.Н. Замятнину быстрый рост научных исследований, предположил, что к тому времени, когда работа попадёт в печать, ему придётся на ходу дополнять рукопись новыми данными по палеолиту.

В 1935 г. о своих планах В.Т. Илларионову сообщал В.А. Городцов. Тогда он работал в Туркестане на р. Чу и на Кубани. Он писал: «26 мая я выезжаю на Кубань для раскопок одного Большого городища V-II вв. до н.э. Вернусь, вероятно, к августу» (ЦАНО ... Д.302). Вернувшись, он ответил на письмо В.Т. Илларионова, в котором сообщал: «Раскопки наши дали хорошие результаты. Добыта огромная коллекция, отправленная в АН в 34 ящиках. Много материала для освещения всего быта древних обитателей раскопанного городища. Многие восстанавливаются и реставрируются в отчётливых и ярких картинах. В общем, раскопки оказались очень удачными» (ЦАНО... Д. 302). В письме 1938 г., рассказывая о своих исследованиях, В.А. Городцов писал, что за последние 10 лет, он пять лет раскапывал Тимоновскую палеолитическую стоянку, два года — Ильскую палеолитическую стоянку и «установил, что в Ильской стоянке не одно, а три культурных наслоения: одно древнейшее времени солютре, а два других — времени мадлена и ни одного мустьерского штриха¹» (ЦАНО... Д.302). За этот же период он раскопал часть большого Елизаветовского городища, отчёты о котором напечатаны в издании Института Антропологии, Археологии и Этнографии.

С целью сбора материала для диссертации в 1940 г. В.Т. Илларионов обращался в целый ряд научных учреждений. Он интересовался историей формирования коллекций предметов периода палеолита Государственного Эрмитажа, и планами музея на предмет исследований этого периода эпохи камня. Об археологических работах на территории Белоруссии ему сообщали из Института Истории АН БССР (ЦАНО... Д. 143). В.Т. Илларионов получил информацию о раскопках К.М. Поликарповича и С.Н. Замятнина на палеолитических стоянках Бердыж в 1926–1928 гг. и 1929 г., Юровичи в 1929 г. и 1931 г., на эпилеолитической стоянке у деревни Гайковки под руководством К.М. Поликарповича в 1930 г., а также об археологические разведках.

Об активной научной работе, происходившей в стране в предвоенное время, говорит сообщение Б.Ф. Землякова о запланированном на май 1941 г. очередном пленуме комиссии по четвертичной стратиграфии и карте, который был организован совместно с комиссией ископаемого человека в Воронеже и сопровождался экскурсией по стоянкам². Об участии в Волжской экскурсии Международного геологического конгресса 1937 г. писал В.Т. Илларионову доктор геолого-минералогических наук, академик Белорусской АН палеогеограф Г.Ф. Мирчинк. Маршрут экскурсии проходил по Нижней и Средней Волге до Нижней Оки, изучался палеозой Окско-Цнинского вала и Москва-реки.

В письмах нашло отражение и то, что в начале 1930-х гг. начали издаваться археологические журналы — «Сообщения ГАИМК» (1931–1932 гг.), затем «Проблемы истории материальной культуры» (1933 г.) и «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1934–1935 гг.). В 1936 г. вышел первый номер издания «Советская археология». В.А. Городцов писал об этом В.Т. Илларионову: «Считаю необходимым сообщить Вам, что в Институте Антропологии, Этнографии и Археологии АН в Ленинграде, разрешено издание сборника «Советская Археология», для первого выпуска которого вербуются статьи и заметки. Если у Вас есть материал, сообщите о нём. Во главе издательства сборника стоит С.Н. Быковский. Цель сборника — публикация сведений о всех неизданных археологических находках и издание оригинальных исследовательских археологических работ. Примите, дорогой Виктор Трофимович, изложенное к сведению и при случае сообщите об этом знакомым археологам» (ЦАНО... Д. 302). Безусловно, выход первого выпуска альманаха «Советская археология» было заметным событием для археологов. Тогда было положено начало многолетнему археологическому изданию, которое сохранилось до наших дней.

О сложности отношений внутри научных учреждений и самих исследователей говорят письма, которыми обменивались В.А. Городцов, С.Н. Быковский и В.Т. Илларионов в 1935 г. Их объединяла одна задача — найти возможность публикации написанной В.Т. Илларионовым по совету В.А. Городцова критической статьи на книгу П.П. Ефименко «Дородовое общество» (1934). Самого В.А. Городцова дважды приглашали выступить с отзывом об этой книге. В первый раз — в Московском Отделении ГАИМК, а во второй — на историческом факультете МГУ. Он решительно отказался, утверждая, что работа не заслуживает серьёзной критики, но главным образом потому, что как он писал: «меня могли заподозрить в пристрастном отношении к человеку, который работает со мною в одной области знания» (ЦАНО... Д. 302).

¹ В настоящий момент достоверно установлено, что верхнепалеолитических слоев на Ильской стоянке нет, она целиком относится к среднему палеолиту. Говоря об ее многослойном характере, В.А. Городцов оказался прав (см.: Шелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920-х — 1930-х годов. СПб., 2005. С. 21–22) (ред.).

² Имеется в виду Всесоюзный Пленум по изучению четвертичных отложений, состоявшийся в мае 1941 г. в Воронеже (ред.).

Ознакомившись со статьёй В.Т. Илларионова, С.Н. Быковский был готов ему содействовать. Единственное, что смущало — это обстоятельство того, что В.Т. Илларионов был исключён из партии. Предупреждая неизбежные, в связи с этим, неприятности, как для автора статьи, так и для редактора, С.Н. Быковский выяснял: «Вы сообщаете, что состояли в рядах нашей партии, а затем были исключены. Правда, те аттестации, которые у Вас имеются от настоящего времени, характеризуют Вас с самой положительной стороны. Но всё же у меня остался недоумённый вопрос: что было причиной исключения? К этому естественно добавляется второй вопрос: принимали ли Вы меры в дальнейшем, чтобы восстановиться и каковы результаты» (ЦАНО... Д. 291). Ответа на эти вопросы в известных нам письмах нет.

Борьба за публикацию рецензии В.Т. Илларионова шла не один месяц. Но даже после того, как статья была подписана к печати редактором журнала «Советская этнография» С.Н. Быковским, публикация ее так и не состоялась. С.Н. Быковский даже был вынужден досрочно уехать в Ленинград из экспедиции В.А. Городцова, где, как писал В.А. Городцов, П.П. Ефименко, пользуясь его отсутствием, «повёл атаку против неё, добиваясь, чтобы статья не была напечатана. Вместе с тем он повёл атаку и против самого С[ергея] Н[иколаевича], черняя его и всячески дискредитируя» (ЦАНО... Д. 302). В результате был опубликован только краткий отзыв самого С.Н. Быковского (Быковский, 1935: 5), который сообщил В.Т. Илларионову, что П.П. Ефименко добился в ИАЭ снятия его рецензии¹. Это было санкционировано И.И. Мещаниновым, директором ИАЭ, через В.И. Равдоникаса (ЦАНО... Д. 291), поскольку книга П.П. Ефименко была признана достижением передовой советской науки.

В сентябре 1935 г. В.А. Городцов сообщал В.Т. Илларионову о ситуации, сложившейся в научной жизни Ленинграда: «из истории с Вашей статьёй, я делаю вывод, что там всё радикально изменилось. Имейте в виду, что критикуемый Вами, по-видимому, проходит в члены А.Н., а если это так, то в Ленинграде сразу изменятся настроения, и чёрное будет казаться белым и тогда ничего не сделаете» (ЦАНО... Д.302). Против рецензии В.Т. Илларионова возражал В.И. Равдоникас, бывший в те годы директором Института истории доклассового общества ГАИМК. С.Н. Быковский писал, что В.И. Равдоникас был представлен к степени доктора по инициативе П.П. Ефименко. В беседе с С.Н. Быковским он сообщил, что В.Т. Илларионов в переписке с П.П. Ефименко очень его расхваливал, просил фотографию, а теперь сводит с ним личные счёты, а С.Н. Быковский этому покровительствует. «Всё это, конечно, пустяки и мелочи, но совершенно очевидно, что П.П. Ефименко будет искать и каких-либо иных данных, чтобы Вас опорочить», — писал С.Н. Быковский В.Т. Илларионову. Далее он продолжал: «Устно мне передано, что П.П. Ефименко только что утверждён в степени доктора археологии Академией Наук, и «неудобно», что «какой-то местный краевед» его разносит. Мотив — непринципиальный и мелкоделаяческий» (ЦАНО ... Д. 291). По поводу критических статей развернулась «целая баталия», в результате которой рецензию В.Т. Илларионова с печати сняли.

Через три года после этих событий П.П. Ефименко предупреждал В.Т. Илларионова о сложностях при публикации научных работ. В письме 1938 г. он писал: «...Вы встретитесь с чрезвычайно большими трудностями при издании Вашего справочника. В этом я убедился на опыте при издании своей книги. Она до сих пор не вышла из-за того, что у меня были ссылки на таких авторов, как Брейль и пр. Сейчас издательству Академии предъявляются особенно строгие требования в смысле политической актуальности и проработанности текста издаваемых книг» (ЦАНО... Д. 314). Он считал, что В.Т. Илларионов не вполне ясно представляет политическую сторону вопроса и в своём отзыве на его работу «Ископаемый человек Восточной Европы и Северной Азии» замечал, что в ней «имеются ссылки на лиц, разоблачённых в качестве врагов народа, Петри, Жирмунский, Лявданский и др.» (ЦАНО ... Д. 104). Он обращал внимание на то, что в книге недостаточно показано то принципиально новое, что внесла советская археология в изучение первобытной истории, как марксистско-ленинская наука, ставящее её «на высшую ступень по сравнению с буржуазной наукой» (ЦАНО ... Д. 147). В свою очередь, в отзыве 1938 г. о книге П.П. Ефименко «Первобытное общество» В.Т. Илларионов отмечал высокую идейную направленность работы, обобщающей успехи советской археологии. По его мнению, это труд, в котором «впервые в мировой археологической литературе широко практикуются вопросы истории палеолитического периода на основе учения Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина» (ЦАНО ... Д. 302).

¹ Не приходится удивляться, что вокруг этой публикации шла такая интрига и борьба. Рецензия в центральном научном издании в сер. 1930-х гг. рассматривалась не как реплика в дискуссии, а как окончательное определение «соответствия» той или иной книги идеологическим требованиям. Выход развернутой отрицательной рецензии В.Т. Илларионова неизбежно означал бы для П.П. Ефименко начало проработочной кампании, со всеми ее последствиями (ред.).

П.П. Ефименко очень интересовался хранящимися в горьковском музее материалами по Сергачскому и Сейминскому могильникам, а также по Ветлужским городищам. В первую очередь, его интересовала керамика из сейминских погребений, сведения о которой были крайне скудны и противоречивы. В письме к нему, написанном в апреле 1938 г., В.Т. Илларионов предлагал П.П. Ефименко провести археологическую разведку в связи с так называемой «проблемой волжского палеолита». Эту работу он считал слишком ответственной для себя и предлагал П.П. Ефименко взять дело в свои руки. Он писал: «При этом для меня было бы совершенно достаточно сказатья самым младшим из Ваших помощников, работающим в бассейнах Оки и Волги полностью под Вашим руководством и по Вашим указаниям...» (ЦАНО... Д. 314). После войны П.П. Ефименко ждали в горьковском музее для работы с археологическими коллекциями, которые в составе музейных фондов были возвращены в г. Горький из эвакуации.

В письмах 1930-х — 1940-х гг. передана атмосфера идеологической и классово-политических дискуссий. Охватившие страну репрессии не обошли специалистов, связанных с археологией, в том числе и тех, с кем был знаком В.Т. Илларионов. В частности, в 1936 г. С.Н. Быковский был арестован и вскоре расстрелян. О тяжёлой обстановке в стране говорят высказывания В.А. Городцова. В 1936 г. он писал В.Т. Илларионову: «В настоящее время, в Москве и Ленинграде, силясь работать по-стахановски, люди науки и литературы мучают свои мозги и нервы, не замечая, что это уменьшает и ухудшает их продукцию. Все мои знакомые, да и сам я, стали какими то не в меру, а иногда и не по летам, суетливыми, мрачными и главное странно трусливыми. Все как будто боятся сказать не впопад слово. Да и, в самом деле, жутко. Вы, конечно, читали, как Бухарин отделал покойного М.Н. Покровского. Это ужас! А, ведь, Покровский был крупным идеологическим вождём. И если бы он был жив, то едва ли Бухарин и другие осмелились напасть на него. А теперь его хлещут как попало и по чём попало. К счастью, «Мертвые сраму не имут». Но если с Покровским так не церемонятся, то как же поступают с рядовыми работниками, если они в чём либо даже по нечаянности ошибутся? Беда! Сотрут в порошок! Так все про себя думают, бегут, суетятся, пишут, черкают, рвут, бросают, вновь пишут и в результате 0 (ноль)» (ЦАНО... Д. 302). Рассуждая о сложившейся обстановке, не называя имён, В.А. Городцов писал В.Т. Илларионову, что «самые злые гонители археологии в Ленинграде оказались преступниками-вредителями, свившими гнездо в ГАИМКе» (Там же).

Всё же положение исторической науки и археологии постепенно стало меняться. С 1934 г. после постановлений ВКП (б) и Совнаркома СССР восстановилось преподавание истории в школе, начали возрождаться исторические факультеты в московском и ленинградском университетах, открывались кафедры археологии (Постановление, 1934: 1) В 1937 г. В.А. Городцов по этому поводу замечал, что «открытое лет пять тому назад ГАИМКой гонение на археологов-вещеведов привело к изгнанию Археологии из сонма научных дисциплин и нужно было энергичное вмешательство Наркома просвещения, чтобы ввести Археологию обратно в этот сонм» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 117). Тем не менее, в письмах 1935–1936 гг. В.А. Городцов писал В.Т. Илларионову о Москве, где по части издания работ гуманитарных наук, «затишье и полная зависимость от Ленинграда» (ЦАНО... Д. 302). «В Москве научные работы идут тише, чем в Ленинграде. Москва, в отношении развития гуманитарных знаний, стоит на уровне областных второстепенных центров, хотя ожидание переезда АН СССР уже оказывает животворное действие» (Там же). Он сообщал о переменах, происходивших в персональном составе служащих в Академии Наук СССР. Так в ИААЭ предполагалось провести в штат 21 единицу служащих, теперь же происходит сокращение старых штатов на 11 единиц. В.А. Городцов говорил о том, что приоритет отдаётся техническим наукам в ущерб гуманитарным. «Новый непрременный учёный секретарь делает акцент на развитие научных естественно-исторических и технических знаний, тогда как его предшественник В.П. Волгин поддерживал гуманитарно-исторические знания. При Волгине была намечена к открытию кафедра Археологии; при Горбунове вопрос об этой кафедре снят с очереди и, по-видимому, положен под скатерть на долгое время» (Там же).

В письмах шла речь и о «школе Городцова», характеристику которой и разногласия в её оценке В.Т. Илларионов собирался дать в своей книге. В одном из писем 1938 г. В.А. Городцов писал В.Т. Илларионову: «Вы упрекаете меня, что за последние 10 лет я много вредил развитию Археологии»¹ (Там же). В.Т. Илларионов на это ответил, что ему больно читать «строки: «Вы меня упрекаете и выкидываете за

¹ Это письмо было опубликовано И.В. Тункиной по копии, сохранившейся в ЦГАИПД СПб (Тункина И.В. Эпизод в биографии В.А. Городцова: 1938 год // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А. Формозова. СПб., 2004. С 184–191). О последствиях отсылки указанного письма для самого В.А. Городцова см. также: Формозов А.А. К истории баллотировки В.А. Городцова на выборах в Академию наук СССР в 1938 г. //

борт русской археологии». Вы, Василий Алексеевич, конечно, видите, что я оказался между молотом и наковальней, поскольку недавно в руководстве археологией по линии Академии стояли одни, теперь другие, тогда как Вы представляете иное независимое течение» (Там же). Он выражал надежду на то, что В.А. Городцов сам охарактеризует свою школу или посоветует, как это сделать. В.Т. Илларионов был благодарен В.А. Городцову, что он взял на отзыв его труд по историографии палеолита СССР «Ископаемый человек Восточной Европы и Северной Азии». Он был убеждён, что «со стороны выдающегося учёного легче встретить объективную и деловую оценку, чем со стороны претендовавших на дачу отзыва молодых москвичей. Вот потому, несмотря на кажущийся Вам обидный для Вас лично материал, содержащийся якобы в моей книге, я, как Вы помните (об этом сообщал вам лично) указал в Издательстве Академии наук на Вас, как на единственного в столице Союза авторитетного учёного, к которому могла бы книга поступить для оценки» (Там же).

Время защиты кандидатской и подготовки докторской диссертации В.Т. Илларионова совпало с периодом Великой Отечественной войны. Ему писали из эвакуации и с фронта. Профессор Ленинградского университета М. И. Артамонов, бывший в те годы директором ИИМК, в 1943 г. сообщал в письме о том, что все, интересующие В.Т. Илларионова лица, пребывают в добром здоровье, кроме Г.А. Бонч-Осмоловского, скоропостижно скончавшегося в Казани 1 августа¹ 1943 г., П.П. Ефименко и С.Н. Бибииков находятся в Елабуге, В.И. Равдоникас — в Саратове, С.Н. Замятнин и М.М. Герасимов — в Ташкенте, В.И. Громов — в Москве, А.П. Окладников — в Якутске.

Примечательно, что, несмотря на тяготы военного времени, научная работа, по возможности, продолжалась, причём даже на фронте. Так декан географического факультета Горьковского университета геолог и почвовед А.С. Фатьянов писал В.Т. Илларионову с фронта в 1943 г.: «...я не думал, что институту удастся продолжать издательскую работу. ...всё свободное время посвящаю наброскам работы по четвертичным отложениям области» (ЦАНО... Д. 389).

Из письма С.Н. Замятина 1944 г. В.Т. Илларионов узнал также, что вывезенный из Ленинграда в марте 1942 г. в состоянии дистрофии он жил в Казани, а затем в Ташкенте, где читал лекции в университете по курсу «Основы археологии» и спецкурс по методике археологических исследований. В Узбекистане он пытался организовать полевые исследования по палеолиту, но провести полноценные работы помешала травма и отсутствие необходимых средств. С.Н. Замятнин сожалел, что не может продолжать свои работы, начатые в Ленинграде, так как «выезжая, два года назад, ни листа своих рукописей захватить не мог. Ежели моя библиотека и архив уцелеют (покамест, видимо они более или менее благополучны), то займусь приведением в окончательный вид ряды работ уже по приезду в Ленинград...» (ЦАНО... Д. 318).

Известны несколько писем 1944–1945 гг., написанных В.Т. Илларионову исследователем геологии палеолита В.И. Громовым. В.И. Громов сначала отказывался быть оппонентом и редактором диссертации по причине того, что в его квартиру хозяйственники из АН вселили целую семью, как он писал, «лишив меня не только рабочей комнаты, но и, урезав полагающуюся мне вообще жилую площадь» (ЦАНО... Д. 308). Затем он всё же взялся за рецензирование работы, уделив особое внимание геологической части. В ответ на просьбу В.Т. Илларионова о новых публикациях по палеолиту В.И. Громов сообщал о том, что его собственную диссертацию будут печатать после войны, что третья часть по палеолиту Крыма ещё не вышла, поскольку работавший над ней Г.А. Бонч-Осмоловский скончался в эвакуации и неизвестно, успел ли он подготовить её к печати. Ещё не окончилась война, но уже готовились и выходили очередные номера довоенных изданий — Бюллетеня Крыма, Вестника АН, Известий АН.

По окончании войны, собирая библиотеку для кабинета археологии горьковского университета, В.Т. Илларионов узнал от С.Н. Замятина, что в первую очередь обеспечивались книгами библиотеки городов, бывших под оккупантами. Фундаментальная библиотека Академии Наук, ИИМК, Институт Этнографии выделяли книги для Украинской и Белорусской Академий Наук. С.Н. Замятнин советовал искать книги у букинистов Ленинграда, так как к ним попадали библиотеки погибших в блокаду историков и археологов.

Возобновлялись археологические исследования, делались новые открытия и находки, проводились конференции, выходили книги, которые начинали печатать ещё до войны, например, том по палеолиту и неолиту Украинской ССР. На февраль 1945 г. уже было намечено археологическое совещание в Москве, о котором в январе П.П. Ефименко сообщал В.Т. Илларионову из Елабуги, откуда выехать по

ЕУХΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник, посвящ. памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 251–258 (ред.).

¹ Ошибка автора письма: Г.А. Бонч-Осмоловский скончался 1 ноября 1943 г. (ред.).

зимнему пути было невозможно (ЦАНО... Д. 314). В 1948 г. С.Н. Замятнин писал о Кавказском пленуме ИИМК и Эрмитажа, состоявшемся в Ленинграде, где главной сенсацией в области палеолита была «Богатейшая нижнепалеолитическая стоянка Богутлю в Армении, ... давшая многие десятки великолепных ручных рубил...» (ЦАНО... Д. 318). В 1951 г. он посылал В.Т. Илларионову оттиск полевого отчёта о поездке по пещерам Таджикистана, которую он предпринимал, будучи в эвакуации в 1943 г. С.Н. Замятнин считал, что его отчёт «даёт некоторое представление о разнообразных типах пещер Таджикистана», а также «содержит сведения о методике поисковых работ на палеолит, хотя и очень старые, но пока — единственные, имеющиеся в печати» (Там же). Это обстоятельство и побудило его послать оттиск, так как В.Т. Илларионов интересовался методикой разведок.

Широкие научные исследования предполагали новые публикации, за появлением которых старался следить В.Т. Илларионов. Поэтому тема обмена книгами и библиографическими сведениями постоянно присутствует в большинстве писем. Так, например, археолог, педагог и общественный деятель, ученый секретарь общества изучения Сибири Н.К. Ауэрбах ещё в 1929 г. вёл переписку с В.Т. Илларионовым об обмене литературой. А.А. Мансуров — автор ряда библиографических и методических изданий по археологии — сообщал в феврале 1941 г. о том, что ведёт текущую библиографию по археологии, составляет указатели по археологической литературе, просит прислать оттиск «в высшей степени интересной статьи «К истории изучения палеолита в СССР» (ЦАНО ... Д. 340). Б.В. Лунин — археолог, научный сотрудник Узбекской АН сообщал о новых публикациях. В популярной брошюре «Первобытные люди на Дону и Кубани» он давал сведения о новейших разысканиях палеолита в низовьях Дона, в том числе и о разведках С.Н. Замятнина.

С довоенного времени В.Т. Илларионов переписывался с П.И. Борисковским. В своей докторской диссертации, которую он защищал в 50-х гг., П.И. Борисковский ссылался на работы В.Т. Илларионова и предлагал ему ознакомиться с историографической главой. Он высылал В.Т. Илларионову свои книги — «Людина каменного віку на Україні» и «Начальный этап первобытного общества», сообщал о вышедших в Киеве в издании АН УССР книгах И.Г. Пидопличко — «О ледниковом периоде», часть 2, и «О климатах и ландшафтах прошлого» (Борисковский, 1940: 2; Борисковский, 1950: 3; Пидопличко, 1951: 6; Пидопличко, 1959: 7), о монографии П.П. Ефименко «Костёнки 1». Он писал В.Т. Илларионову о выходе в Париже в 1957 г. на французском языке второго палеолитического сборника «Материалы и исследования по археологии СССР» № 39 за 1953 г., а также книги П.И. Борисковского «Палеолит Украины» (Борисковский, 1953: 4).

В переписке нашли отражение важные для развития высшего образования и науки вопросы подготовки специалистов, в том числе предложение В.Т. Илларионова по введению специализации по историографии палеолита на базе Горьковского университета. Этот вопрос обсуждался на заседаниях сектора палеолита ЛОИА, где П.И. Борисковский был заведующим. Единства мнений достигнуто не было, поскольку авторитетные археологи высказывались против, «так как успешно заниматься историографией палеолита может лишь археолог-палеолитчик, а археологов-палеолитчиков в Горьком готовить трудно» (ЦАНО... Д. 350) П.И. Борисковский был готов дать свой положительный личный отзыв как профессора — доктора наук на предложение В.Т. Илларионова, который мечтал развернуть при университете исследования по историографии палеолита стран мира. Он просил дать рекомендацию от Института Археологии Горьковскому университету учредить аспирантуру по историографии Франции, Испании, Италии, США, Южной Америки, Англии и других стран. С такой же просьбой он обращался и к директору института археологии АН Украины С.Н. Бибикову.

Начинание В.Т. Илларионова в организации историографического центра в горьковском университете поддержал и А.П. Окладников, возглавлявший с начала 60-х годов Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР. Однако открыть специализацию по историографии палеолита в Горьковском университете не удалось.

Изучение материалов научной переписки В.Т. Илларионова даёт возможность расширить представления о том, как и в каких условиях, происходило становление и развитие отечественной археологии и истории древнейшего периода. Несмотря на то, что В.Т. Илларионов не стал учёным первого плана, фактически он прожил жизнь в науке, пропустив через себя и процесс её формирования. Собранные им материалы охватывают практически весь период существования советской археологии, начиная с 1920-х гг. и до 1980-х гг., но наиболее интересны архивные документы первых десятилетий становления археологии как науки в условиях новой власти.

Литература

- Постановление СНК СССР и ЦК ВКПб о преподавании гражданской истории в школах СССР // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 1. С. 3.
- Борисковский П.И.* Людина камяного віку на Україні. Киев, 1940.
- Борисковский П.И.* Начальный этап первобытного общества. Киев, 1950.
- Борисковский П.И.* Палеолит Украины // МИА. — 1953. № 40.
- Быковский С.Н.* Ефименко — Дородовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества, 1934г. // Советская этнография. — 1935. № 3. — С. 145–148.
- Пидопличко И.Г.* О ледниковом периоде. Ч. 2. Киев, 1951.
- Пидопличко И.Г.* О климатах и ландшафтах прошлого. Киев, 1959.

Синтетические археологические карты северо-западного Причерноморья: этапы развития и современное состояние

Д.В. Киосак

*Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова,
Одесский археологический музей НАН Украины Украина, г. Одесса*

Под синтетической археологической картой мы подразумеваем текст, имеющий непосредственной целью собрать информацию обо всех известных на данный момент времени археологических памятниках определенного региона, независимо от их культурно-хронологической атрибуции: всех периодов, которые на время составления текста считались «археологическими». Подобные каталоги памятников несут определенную пространственную информацию в виде топографической «привязки» археологических объектов и могут (хотя и не обязательно) сопровождаться картами-схемами. Каждый из таких сводов является продуктом своей эпохи, отражая взгляды тогдашнего общества на то, что относится к археологическим памятникам, а также структуру и организацию культурно-исторического наследия, способы ее охраны и уровень методики археологических исследований региона. Поэтому они составляют интересный предмет изучения для историка археологии.

Попытки сводки пространственной информации об археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья долгое время осуществлялись в пределах распространенных в конце XVIII — середине XIX ст. *историко-географических исследований*. Этот тип работы заключался в анализе сведений древних авторов о географическом расположении населенных пунктов, отдельных объектов, но и др., сравнении их с современной картой и локализации на ней упомянутых мест. Кажется, именно его имели в виду авторы первого устава Одесского общества истории и древностей (ООИИД), когда среди заданий организации приводили: «осуществлять критическое исследование сведений древних писателей о его местностях и выдающихся памятниках и отыскивать их следы в современности» (Устав... 1839). Особенного внимания среди них заслуживают работы такого рода, выполненные И.А. Стемпковским, Ф.К. Бруном, Е.Г. Муральтом и многими другими (Стемпковский, 1826; Муральт, 1850; Беккер, 1853; Брун, 1879–1880).

Первый же номер Записок ООИИД открывался работой именно такого типа — «Геродотова Скифия объяснена с помощью сравнения с местностями» Н.И. Надеждина. Автор во вступлении в этого труда четко формулирует требование в ходе изучения древней географии не ограничиваться лишь древними текстами, но изучать и топографию, и ландшафт, современный вида описанных предками местностей. «Любой памятник должен изучаться на своей родине, в непрерывном и непосредственном сопоставлении с ее живой настоящей природой,» — утверждал исследователь, выходя за рамки традиционной истории, требуя непосредственного знакомства с местностью (Надеждин 1844).

Достаточно быстро для выяснения расположения древних городов начали применять и другие типы источников. Во втором томе «Записок» вышла работа по изучению местоположения «древнего города Каркинита». После подробного анализа всех упоминаний этого города у древних авторов, ученый приводит сведения о монетах этого еще не локализованного города и использует их распространение для подтверждения своей гипотезы о том, где же был расположен Каркинит (Спасский, 1848).

Все же реконструкции географической ситуации были достаточно отличными и, если по каким-то отдельным пунктам существовало почти единое мнение, то другие вызывали многочисленные различные толкования. Природа этих противоречий заключалась в методологической ограниченности исследований историков XIX в. Прежде всего, не существовало средства проверки гипотезы — критерия истинности — определенных внешних сведений, которые отдавали бы преимущество одной линии аргументации перед другой. Сегодня таким критерием являются археологические раскопки. Именно они дают возможность проверить гипотезы по локализации античных городов и населенных пунктов. Вторая методологическая оплошность — это предположение об идентичности естественных условий прошлого и настоящего. Линия берега значительно изменилась с того времени, что засвидетельствовано, в том числе, и историческими источниками. Понимание этих предпосылок решения проблем для локализации древних местностей появилось лишь на заключительных этапах существования ООИИД, но все же не вылилось в целостную методологию. Так, благодаря раскопкам Э.Р. Штерна, удалось доказать, что античная Тира располагалась поблизости Аккерманской крепости. Этот тезис, который кажется сегодня аксиомой, был объектом жарких споров в канун работ Э.Р. Штерна. Именно в ходе их

стало понятным, что «нет сомнений в том, что это место [Аккерман] до конца античного мира было занято древним городом Тирасом» (Штерн, 1901). Прежде всего, такими свидетельствами является насыщенность культурного слоя, наличие богатой посуды и захоронений, концентрации тираских монет, эпиграфические свидетельства. С высоты точного знания, полученного в ходе раскопок, автор может осуществить новый критический обзор исторических источников.

По-видимому, именно под воздействием блестящих результатов этих работ, С.Д. Пападимитриу замыслил свой проект по розыску другого «яблока раздора» между интерпретаторами древних географов — города Одесс. Этот проект и первые результаты рекогносцировок на местности были представлены членам Общества на заседании (Пападимитриу, 1912). Выдающийся византиновед обратил внимание на необходимость археологических раскопок для окончательного решения проблемы локализации. Глубокий анализ письменных источников он дополнил непосредственным знакомством с местностью, о которой идет речь. Более того, ученый попробовал учесть и изменения уровня моря со временем. Все же, невзирая на эти методологические преимущества, проект по поиску «древней Одессы» оказался неудачным. В первую очередь, из-за отсутствия научных реконструкций береговой линии античных времен и архаичную методику раскопок.

Первые научные работы по массовому картографированию памятников археологии Юга Российской империи были обобщены в трудах А.С. Уварова (Уваров, 1853; 1856). При этом особенное внимание уделялось элементам ландшафта, которые имели древнее антропогенное происхождение: курганам, валам и городищам. Сборам массового материала с поверхности, которые составляют большую часть современной разведывательной работы в археологии, уделялось мало внимания; этот тип археологической разведки стал распространенным только с конца XIX в. Сами же разведочные работы достаточно часто определялись как «топографические исследования» (Отчет... 1841: 6).

Этапом в становлении методики археологической разведки стала принятая на III Археологическом Съезде по докладу Д.Я. Самоквасова «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер». Она содержала достаточно высокие требования к описанию топографической позиции достопримечательности, ее локализации на местности (Лебедев 1992). При этом все же сбору массового материала из неукрепленных поселений уделялось намного меньшее внимание, чем это принято в современной науке.

Среди многочисленных трудов, которые, так или иначе, использовали материалы археологических разведок, выделим несколько попыток составления синтетических археологических карт региона или его частей.

Подобный проект разработал и начал реализовывать В.И. Григорович. К сожалению, его смерть помешала успешному завершению этой идеи выдающегося слависта и историка (Мурзакевич, 1879). Тем не менее, накопленные им материалы стали основой для более поздних исследований. Нужно отметить, что А. Бертъе—Делагард в своем сообщении о розысках картографических данных в Генеральном Штабе постоянно обращался к указаниям В.И. Григоровича относительно этих материалов.

В течение нескольких лет своими средствами Общество способствовало «экскурсиям» А. Чиркова, который снял и начертил на 22 таблицах топографический атлас течения реки Днепр и на 11 — топографический план Днепровских порогов (в 1864 г.). Он также составил специальную карту северо-западной части Черного моря и реки Днепр, в пределах Новороссийского края, а также карту устьев Буга и Днепра для нанесения на них древних поселений и курганов.

Член Общества П.О. Бурачков издал карту древностей Новороссийского края, которая преимущественно опиралась на уже существующую литературу. Всего было занесено 25 пунктов каменного и бронзового века. Атрибуция большинства пунктов крайне дискуссионная. Проблема пространственной фиксации достопримечательностей была поставлена здесь в самом общем виде. Часто встречаются привязки с точностью до уезда. На представленной карте достаточно большого масштаба, местонахождения обозначены точками. При указанном масштабе каждая из точек отвечает кругу радиусом в 3–4 км (Бурачков, 1877).

Первой **синтетической картой** Северо—Западного Причерноморья современного типа следует считать труд В.Н. Ястребова «Попытка топографического обзора древностей Херсонской губернии» (ООИИД 1893; Ястребов, 1894) — достаточно полный обзор результатов разведывательных работ на то время (начало 1893 г.). Автор использовал имеющуюся литературу, две «метрики» относительно древностей Херсонского и Александрийского уездов разосланные губернатором, сведения о городищах Елисаветградского и Александрийского уездов, собранные земским статистиком А.А. Браунером, и опрос местной интеллигенции по почте. Автор и сам осуществлял полевые исследования, опросы местных обитателей и сопоставления данных из разных источников.

Структура работы достаточно полно характеризовала основные объекты поиска в ходе археологической разведки XIX века. Разделы труда включали: находки оружия и орудий, находки монет, менгиры, изображение и надписи на камнях, каменные бабы, находки древностей разного рода, мастерские и месторождения, находки костей и могил, пещеры и подземные ходы, дольмены, земляные валы, городища и поселки, курганы. Интересно сопоставить ее со структурой современных археологических региональных карт. Здесь большинство из определенных В.Н. Ястребовым категорий попадут в раздел «Отдельные находки», которым вообще придается меньшее значение в сравнении с поселениями и стоянками. Этот факт свидетельствует, что в позапрошлом столетии, большее внимание уделялось отдельным ярким находкам, а меньше — поселениям и стоянкам, маркирующим массовым материалом. Автор откровенно отмечает, что достоверные древности каменных и бронзовых веков в Херсонской губернии не известны, а греческие и варварские артефакты не так легко отличить друг от друга, потому изложение материала осуществляется в алфавитном порядке ближайших к месту находки населенных пунктов. К сожалению, в результате типографских трудностей, работа В. Ястребова вышла без карты и других дополнений (ООИИД 1894: 3).

Следующим трудом, который должен был бы являть собой сплошной обзор древностей Северо-Западного Причерноморья, стала работа В.И. Гошкевича. Сначала, имея целью обзор древностей края, ученый вынужден был расширить план труда с целью охраны памятников от кладоискателей. Значительная часть его синтетической карты вошла в известную просветительскую книгу (Гошкевич, 1902).

Топографические привязки в тексте В.И. Гошкевича оставались очень приблизительными. В большинстве случаев лишь назывался населенный пункт, около которого находился тот или другой археологический объект, какое-то число известных неукрепленных поселений.

Со значительными дополнениями и переработками материалы В.И. Гошкевича вошли в известный труд И.В. Фабрициус (Фабрициус, 1951). Опубликованные со значительным опозданием, они вышли уже во времена доминирования других взглядов на методику и цели археологических разведок.

Все же, информация о поселенческих памятниках в этих изданиях была достаточно ограниченной. Количество неукрепленных поселений и стоянок, известных в Северо-Западном Причерноморье на то время, оставалось небольшим, как в абсолютном измерении, так и по сравнению с другими категориями археологических объектов. Карты В.И. Гошкевича и И.В. Фабрициус фиксировали определенное переходное состояние изучения региона, когда методика современных археологических разведок уже в большей степени сформировалась, однако площадь, изученная таким способом, была еще очень и очень небольшой.

Действительно, именно в конце XIX в. начинаются систематические разведки по методике, близкой к современной — с подробным описанием местности в поисках массового подъемного материала с последующей топографической привязкой. Одним из первых к таким работам в Северо-Западном Причерноморье приобщился С.С. Гамченко. Будучи по профессии военным топографом, он уделял особое внимание профессиональной фиксации обнаруженных достопримечательностей, описанию их, геоморфологической позиции и составлению их топографических планов. Привязки С.С. Гамченко были много точнее более поздних приемов топографической локализации пунктов археологических находок вплоть до конца XX ст., поскольку он использовал точные направления в градусах (азимуты) от хорошо определенных ориентиров (Гамченко, 1909).

Развитие методики археологической разведки было обобщено в ряде итоговых трудов 1920–1930-х гг. Большинство из них были ориентированы на работников активно развивавшихся тогда краеведческих музеев. Особенный интерес для исследования представляют работы А.А. Миллера и А.А. Спицына (Спицын, 1927; Миллер, 1934; Мансуров, 1939).

На это время приходится первые региональные систематические разведки — экспедиции ВУАК, спасительной экспедиции БОГЕСа, Одесского археологического музея, Первомайского краеведческого музея. Их результаты в большой мере вошли в синтетическую карту И.В. Фабрициус (Фабрициус, 1951).

После Второй мировой войны археологические разведки Северо-Западного Причерноморья осуществлялись систематически целым рядом учреждений археологического профиля, как региональных, так и центральных. История этих исследований заслуживает отдельного анализа монографического характера. Нас интересует здесь аспект обобщения результатов этих работ в качестве синтетических археологических карт.

Интересной работой справочного характера был короткий список археологических достопримечательностей УССР (Коллектив... 1966). Здесь был очень удачно составлен библиографический аппарат.

Масштабностью среди целого ряда систематических археологических разведок края выделяются работы экспедиции Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова и Одесского археоло-

гического музея в середине 1970-х гг. Состоялось полное обследование территории Одесской области, порайонно, с фиксацией всех категорий археологических объектов. Разведывательными отрядами под руководством А.В. Гудковой, А.Г. Загинайло, Л.В. Суботина и В.Н. Станко были обнаружены сотни новых памятников, локализованы десятки уже известных до того местонахождений. Эти работы нашли свое отображение в справочнике (Гудкова и др., 1991). Характерно, что подобные предыдущие реестры послевоенной эпохи основной целью имели научное использование. Их приложение для потребностей охраны памятников могло быть лишь опосредствованным. Этот справочник же ставил себе целью как предоставить перечень памятников для их охраны, так и служить целям научного изучения археологических объектов.

Книга была построена по географическому принципу — по районам, при этом пользование ею облегчали указатели по археологическим периодам и категориям находок. Работа являла собой яркий пример реализации культурно-исторической парадигмы, доминирующей в советской археологии во второй половине XX в. Основной задачей признавалось определение культурной принадлежности обнаруженных памятников. Результатом картографирования становилось, прежде всего, определение ареалов археологических культур, их пределов, фактов наличия контактных зон и отдельных мест проникновения материалов инокультурного облика. Топографическая привязка давалась по направлению и расстоянию от современных населенных пунктов, расположенных в алфавитном порядке.

С тех пор значительные разведывательные работы проводились только по проекту составления Свода археологических достопримечательностей и во время подготовки больших новостроек (Дзиговский та ін., 2003). При этом были применены более точные, отличные от традиционных, способы фиксации результатов разведок. Так И.В. Сапожников указывал несколько опорных привязок для каждого объекта. И в самом деле, для того, чтобы однозначно зафиксировать точку на поверхности необходимо, по меньшей мере, две «засечки», а в случае фиксирования направлений и расстояний «на глаз», при нестабильности ориентиров не лишними будут три или четыре независимых привязки. В качестве топографической основы широко использовались планы землепользования, которые позволяли отмечать поселения в качестве полигонов, а не точек, более четко указывать их относительную позицию относительно населенных пунктов, лесополос, дорог и полей (Оленковский, 2008; Сапожников, 1989; 1989а).

Каждая синтетическая археологическая карта представляла собой синтез достижений своего времени. В них отражались возможности и ограничения археологической науки данного этапа развития.

Современный этап развития археологической науки делает особенно важным акцент на охране и использовании культурно археологического наследия — на том аспекте практической деятельности специалиста-археолога, который отражается в англо-американской традиции термином «менеджмент культурных ресурсов». Поэтому современная синтетическая археологическая карта такого, достаточно значительного, как по территории, так и по значению расположенных здесь памятников региона, как Северо-Западное Причерноморье, может быть реализована лишь в качестве геоинформационной базы данных. Последняя должна быть интегрирована в геоинформационную систему (ГИС). Точной фиксацией памятника следует считать только географические координаты углов полигона, в пределах которого находится археологический объект. Без наличия такой системы не могут быть решены на регулярной основе ряд фундаментальных проблем изучения и использования культурно-исторического наследия (Aston, 2002).

Прежде всего, не возможно однозначно обеспечить непрерывность процесса исследования памятника — постоянно появляются проблемы сопоставимости коллекций собранных разными исследователями, пространственного соотношения раскопов и шурфов разных лет.

Во-вторых, в условиях стремительного уничтожения памятников естественными и антропогенными процессами, их эффективная охрана возможна только при организации их регулярной инспекции — мониторинга. Мониторинг культурно-исторического наследия — систематическое наблюдение за состоянием и тенденциями изменения объекта указанного наследия. Физически он может быть организован лишь в случае точной топографической фиксации мест инспекции. В случае, если каждому выезду инспектора на местность должна предшествовать сложная поисковая работа по локализации объекта мониторинга, при небольшом количестве квалифицированных археологов в Украине систематическая охрана богатого культурно-археологического наследия страны становится в сущности невозможной.

Кроме того, на место достаточно стабильному землепользованию советских времен приходит намного более вариативная, переменчивая и гибкая система землепользования, когда целый ряд небольших самостоятельных хозяйствующих субъектов осуществляет разнообразную и слабо контролируемую деятельность на земельных участках, которые гипотетически содержат археологические памятники. Акты

изменения способа использования земель, а также субъекта ведения хозяйства и владения происходят в сегодняшних условиях все чаще. Для согласования их местная служба охраны памятников собственнo вынуждена каждый раз проводить выезд на местность с длительными, многодневными поисками памятников, которые должны были бы располагаться приблизительно в районе земельного участка, о котором идет речь в запросе субъекта ведения хозяйства. В случае каталогизации памятников как векторных объектов геоинформационной базы данных (полигонов), современные ГИС легко позволяют пространственный поиск археологических объектов в пределах и рядом с участком, отведение которого согласовывается.

Наконец, некаталогизированные археологические объекты не могут быть с определенностью взяты под защиту государства с присвоением им охранного номера. Да, достаточно легко представить себе защиту пойманных на горячем черных археологов, которая бы апеллировала к недостаточно точной топографической привязке объекта, защищенного правом. И в самом деле, если в 1,9 км к югу от определенного села ограблен курган, а в Реестр культурно—исторического наследства введен курган в 2 км от этого населенного пункта, как доказать, что грабители разрушили именно тот, который был взят под охрану?

Наличие этих проблемных вопросов, делает внедрение ГИС и каталогизацию археологических памятников региона в геоинформационную базу данных вопросами жизненного значения для всей отрасли охраны памятников культурно—исторического наследства. Кроме того выполнение указанных заданий открывает новые, достаточно широкие перспективы для научного исследования археологии и древней истории региона. В частности, устраняется необходимость громоздких указателей памятников. Большинство современных геоинформационных баз данных легко поддерживают поиск по археологическому периоду или культуре, типу памятника да еще по целому ряду параметров, что значительно облегчает атрибутивный анализ определенной совокупности археологических объектов (Kuna, 2004). Возможным становится статическое изучение систем расселения (Clarke, 1977). Мощные модули пространственного статистического анализа имеются как в лицензированном, так и в свободном программном обеспечении. В случае накопления достаточной выборки уже известных местонахождений открываются широкие перспективы для прогностического моделирования расположения памятников, которое позволит проводить эффективнее следующие археологические разведки (Connolly, Lake, 2006).

Составление синтетической археологической карты Северо-Западного Причерноморья в форме ГИС сталкивается с целым рядом трудностей. Проблемным является выбор программного обеспечения. Ведь, избрав программный продукт из-за ограниченных возможностей конвертации баз данных и карт из одного формата в другой, учреждение по охране культурно—археологического наследия вынуждено будет и дальше вкладывать средства в развитие именно этого продукта, попадая, таким образом, в типичную институциональную ловушку.

До сих пор в Украине отсутствуют в свободной продаже топографические карты крупных масштабов. Максимальный доступный масштаб 1:100000, что не достаточно для эффективной топографической основы для ГИС археологического направления. Большинство археологических объектов на такой карте можно изображать лишь в виде точек, а не как реальные площади (полигоны) (Nuapapper, 2006; Neustupný, 2007).

Даже наличие достаточно крупномасштабной карты не решает проблему ее перевода в векторный формат, без чего не могут быть реализованы полностью возможности поиска по расположению и статистического анализа топографической позиции.

Кроме того, появляется проблема пространственной фиксации уже известных памятников. Результаты масштабных разведок 1950—80-х гг. из-за принятой в то время системы привязок часто становятся слабо воспроизводимыми. Богатейшие коллекции, накопленные в это время, не имеют четкой пространственной привязки. Локализация чуть ли не каждого обнаруженного ранее памятника превращается в сложную исследовательскую проблему. Часто легче обнаружить новое местонахождение, чем точно локализовать уже известное.

Следовательно, длительная история археологического исследования Северо-Западного Причерноморья сформировала основу для каталогизации археологических памятников региона. Развитие информационных технологий позволяет выполнить это в принципиально новой, более эффективной форме ГИС. Значительные изменения в сфере землепользования, активизация грабителей археологического наследия делают переход к геоинформационным базам данных жизненно необходимым. В то же время, подобная каталогизация требует координации усилий научных коллективов разной специализации и значительных капиталовложений и может быть осуществлена только при государственной поддержке.

Архивные материалы и литература

- Сапожников И.В. 1989. Отчет о работах Буго-Днестровской новостроечной экспедиции АН УССР. Одесса. Архив ОАМ НАНУ.
- Беккер П.В. 1853. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена // ЗООИД. Т. 3, С. 416–469.
- Брун Ф.К. 1879–1880. Черноморье: Сб. исследований по исторической географии Южной России. Одесса: Ульрих.
- Бурачков П.О. 1877. Объяснение к археологической карте Новороссийских губерний // Отд. оттиск Биб-ка ОАМ НАНУ N. 3579-р, С. 1–11.
- Гамченко С.С. 1911. Археологические исследования 1909 г. в Подолье по Трипольской культуре // Рукопис. Биб-ка ЛОИА F2703.
- Гошкевич В.И. 1902. Клады и древности Херсонской губернии. Книга первая. Херсон.
- Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1991. Археологические памятники Одесской области (справочник). Одесса.
- Дзиговський О.М., Самойлова Т.Л., Смольянинова С.П., Ванчугов В.П. 2003. Археологічні пам'ятки Тілігуло-Дністровського межиріччя. Одеса.
- Колектив 1966. Археологічні пам'ятки Української РСР. Короткий список. Київ.
- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии 1700–1917 гг. СПб.
- Мансуров А.А. 1939. Методика составления археологической карты. М.
- Миллер А.А. 1934. Археологические разведки. М.
- Муральт Э.Г. 1850. Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. Т. 2. С. 129–146.
- Мурзакевич Н. 1879. Некролог В.И. Григоровича // ЗООИД. Т. 11. С. 443–446.
- Надеждин Н. 1844. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. Т. 1. С. 3–114.
- Оленковський М.П. 2008. Археологічні пам'ятки Іванівського району Херсонської області. Археологічна карта. Херсон.
- ООИД 1893. 271 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей 29 сентября 1893 г. Одесса: ООИД.
- ООИД 1894. 275 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей 16 февраля 1894 г. Одесса.
- Отчет 1841. Отчет о состоянии и действиях Одесского общества истории и древностей в 1840 г. Одесса.
- Пападимитриу С.Д. 1912. Местоположения древней Одессы. // ЗООИД. Т. 30.
- Сапожников И.В. 1989-а. Картографирование памятников каменного века в степях Дунай-Днестровского междуречья // История и археология Нижнего Подунавья (чтения памяти профессора А.И. Доватура) Тезисы докладов научно-практического семинара Рени. С. 10–11.
- Спасский Г. 1848. О местоположении древнего города Каркинита и об его монетах // ЗООИД. Т. 2(1). С. 20–38.
- Спицын А.А. 1927. Разведки памятников материальной культуры. Л.
- Стемповский И.А. 1826. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе. Отечественные записки (отд. отт). СПб.
- Уваров А.С. 1853. Собрание карт и рисунков к исследованиям Южной России и берегов Черного моря. СПб.
- Уваров А.С. 1856. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 2. СПб.
- Устав 1839. Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья УССР. Киев.
- Штерн Э.Р. 1901. О последних раскопках в Аккермане // ЗООИД. 23. С. 33–61.
- Ястребов В.М. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // ЗООИД. 17. С. 63–123.
- Aston M. 2002. Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History. London, New York: Taylor&Francis Group, Routledge.
- Clarke D.L. 1977. Spatial information in archaeology // Spatial archaeology. London — New York — San-Francisco: Academic Press, С. 1–32.
- Connolly J., Lake M. 2006. Geographical information systems in archaeology. Cambridge: University Press.
- Kuna M. 2004. Prostorová archeologie // Nedestruktivní archeologie. Teorie, metody a cíle. Praha: 379–444.
- Neustupný E. 2007. Metodá archeologie. Plzeň : Vydavatelství a nakladatelství Ale Čen k.
- Nuanapper L. 2006. Archaeological GIS in Environmental Impact Planning and Assesing // GIS and Archaeological Site Location Modeling. London New York Boca Raton: Routledge, С. 255–264.

История становления археологических структур Украинской академии наук

В.А. Колесникова

Институт археологии НАНУ. Украина, г. Киев

Датой основания первой археологического учреждения в рамках Украинской академии наук — «Комиссии по составлению археологической карты Украины» — является 1919 год. Хотя вполне обоснованной можно считать и более раннюю дату, поскольку в «Уставе Украинской академии наук в Киеве», утвержденном 26 ноября 1918 года предусматривалось направление знания «археология и ее вспомогательные науки» с должностью одного действительного члена Академии (Исторія Академії... 1993: 168).

Процесс развития Академии и становления ее структур происходил в сложный послереволюционный период смены властей и правительств. Однако, несмотря на эти обстоятельства, в мае 1919 г. Историко-филологический отдел Академии начал процедуру выбора четырех новых академиков, в том числе по археологии — Н.Т. Беляшевского. *«Кандидатура Беляшевского в академики по украинской археологии может вызвать кое у кого сомнения, т.к. действительно она, по сравнению с другими кандидатами необычна и следует откровенно сказать на первый взгляд... может показаться и не слишком обоснованной. У Беляшевского нет научной степени магистра и доктора, он не был профессором высшей школы, у него нет научных трудов достаточно широкого содержания, однако он заслуживает на то, чтобы избрать его в академики по кафедре украинской археологии, потому что сделал для нее очень много и есть надежда, что став академиком, он соберет вместе свои труды, переработает и дополнит их, а вместе с этим будет полезен Академии как организатор Археологического Кабинета.*

...Такой археолог-музеевед нужен нашей Академии, которая должна заложить и утвердить у себя Археологический кабинет и к которой теперь уже обращаются научные исследователи в области археологии с различными предложениями, а мы вынуждены отказываться, т.к. кафедра украинской археологии у нас была до сих пор вакантна.

Ак. Дм. Багаляй» (ИР НБУВ. Ф. 279. Д. 841).

На заседании I отдела УАН 22 мая 1919 г. под председательством Д. И. Багаляя, Н.Т. Беляшевский был избран в члены УАН, а 31 мая его единогласно избрало и Общее собрание УАН (1: 841). 10 июня 1919 г. он писал: «...я считал бы необходимым со временем... заложить при кафедре специальную Археологическую комиссию, придав ей характер исключительно научный» (ИР НБУВ. Ф. 279. Д. 841).

О точной дате создания «Комиссии по составлению археологической карты Украины» данных нет. «Сообщения о деятельности Украинской Академии наук в Киеве до 1 января 1920 г.» называют ее в числе девяти постоянных научных комиссий, организованных при Первом отделе. Судя по информации о работе комиссии за этот период, она фактически еще не развернула своей деятельности: Н. Т. Беляшевский готовил к печати некоторые работы, отбирал и систематизировал «материал для исследования быта княжеского периода на основе достижений археологии» (Исторія Академії... 1993: 229).

В комиссии поначалу было лишь два постоянных члена: Н.Т. Беляшевский и Л.Е. Чикаленко. Позднее к участию в работе комиссии присоединился Н.Е. Макаренко. В заседаниях комиссии (и соответственно, в ее работе) принимала участие В.Е. Козловская. Из сохранившихся протоколов заседаний комиссии известно, что планируемая археологическая карта должна была составляться не по территориальному принципу, а по периодам или культурам, каждому из которых должна была соответствовать отдельная карта. Был очерчен круг источников для проведения этой работы, утвержден формат карточки-описания, обсуждены и приняты к употреблению украинские археологические термины (ИР НБУВ. Ф. 279. Д. 805).

1920-й год был, очевидно, наиболее сложным для Академии вообще и ее археологических структур, в частности. В этот период в рамках Академии формально действовали две структуры — Комиссия по составлению археологической карты и Комитет по охране памятников старины и искусств (созданный в период денкинской оккупации). Главной задачей последнего была охрана памятников старины во время смен власти в Киеве. Позднее этот комитет превратился в Археологический (в связи с хроническим нездоровьем Н.Т. Беляшевского, председательствовал в Комитете профессор В.Ю. Данилевич).

Одной из задач комитета была реорганизация Киевского археологического института — учебного заведения по подготовке профессиональных исследователей. Необходимо было выработать детальный устав Института, программу обучения, пригласить преподавателей. Однако ни программной деятель-

ности, ни одного заседания в названном комитете так и не было (ИР НБУВ. Ф. 279. Д. 807). В декабре 1920 года В.Ю. Данилевич отказался от председательствования в Археологическом комитете.

Фактически в этот период деятельность археологических структур приходит в упадок. С одной стороны, это было результатом действия объективных причин — частой смены политической власти, недостатком жизненно необходимых вещей, отъездом многих сотрудников из голодного и холодного Киева. Пребывавший в это время в Киеве Н.Е. Макаренко так описывал тогдашнюю обстановку в письме к Б.Э. Петри: «...в буквальном смысле слова голодал и сидел зимой в комнате при 1–2t⁰. Все лекции велись в помещениях при нуле. Если бы Вы видели, как мы тогда одевались и вообще на что походили. Работу в эти годы, как видите, я вел не за деньги. Идея заставляла меня расходовать все свои силы...» (ЦГАОО. Ф. 263. Д. 61278). С другой стороны, отсутствовало реальное руководство археологическими структурами, обусловленное субъективными причинами. Поэтому со следующего, 1921 г. работу археологических структур пришлось, во многом, начинать как бы заново.

В январе 1921 г. Общее собрание Академии, в связи с отказом В.Ю. Данилевича возглавлять Археологический комитет, поручило профессору Н.Е. Макаренко и секретарю комитета А.(?) Моргилевскому созвать организационное заседание (Исторія Академії... 1993: 463). Вероятнее всего, Н.Е.Макаренко в это время фактически уже исполнял обязанности руководителя Археологического комитета, что фиксируется в отчете Академии за 1920 г. (Исторія Академії... 1993: 261).

Упомянутое организационное заседание состоялось 1 февраля 1921 г. Председательствовал на нем академик М.П. Василенко. Участники, заслушали доклад И.В. Моргилевского об истории организации комитета и его современном состоянии и обсудили организационные вопросы. Подчеркнув неудовлетворительное состояние археологического дела в Украине, участники поддержали предложение М.П.Василенко о предоставлении комитету функций административных и контрольных (по примеру бывшей ИАК). Также было принято предложение Н.Е. Макаренко о расширении сферы деятельности комитета на всю территорию Украины и предоставлении ему прав широкой издательской деятельности. К функциям комитета были отнесены археографические студии, исследования древней архитектуры и церковной археологии, охрана памятников старины и искусства. Главой комитета был избран Н.Е. Макаренко. На следующем заседании (5 февраля) были избраны местные члены Комитета, общим числом 14 человек.

Таким образом, вновь созданный Археологический комитет виделся его основателям, как структура, имевшая широкие функции и полномочия. Территориально его деятельность распространялась на всю Украину. Фактически, он мыслился как главная координирующая административная структура в области археологии и охраны памятников старины в стране. К тому же комитет позиционировал себя как достаточно независимая структура, о чем свидетельствовало даже его название: «Археологический Комитет *при* [курсив мой. — В.К.] Украинской Академии Наук». Можно было надеяться, что миновали времена организационного беспорядка, и появились перспективы для устойчивого развития археологической деятельности в Украине. Однако, к сожалению, эти надежды не оправдались. На этот раз помехой стали внутренне академические причины и неурядицы.

Очевидно, руководство Академии не очень устраивало избрание главой Комитета Н.Е. Макаренко, известного не только своими несомненными профессиональными знаниями, но и способностью отстаивать свою точку зрения, упорством, категоричностью и бескомпромиссностью. Возглавляемый Н.Е. Макаренко Комитет уже на первом заседании проявил самостоятельность и независимость, взяв на себя не характерные для организаций и комиссий УАН и не предусмотренные ее уставом административные и контрольные функции (Нестуля, 1997: 25). Возможно, были и еще какие-то, не отраженные в документах причины того, что Общее собрание Академии на заседании от 5 февраля 1921 г. утвердило кандидатуру Н.Е. Макаренко на посту главы Археологического комитета лишь при условии, что «после возвращения в Киев большого академика Н.Т. Беляшевского, он станет во главе Археологического комитета (Исторія Академії... 193: 463).

Такое вмешательство УАН в дела Комитета и, соответственно, ограничение его полномочий, негативно было воспринято его членами. После нескольких бурных заседаний Комитета, который категорически не соглашался с решениями Общего собрания, считая себя самостоятельной организацией, а не постоянной комиссией Академии наук, было решено выяснить все спорные вопросы на заседании с участием неопременного секретаря УАН А. Крымского. Однако компромиссное предложение А. Крымского о том, чтобы Н.Т. Беляшевский занимал пост Главы Комитета и осуществлял связь последнего с Академией, а Н.Е. Макаренко на посту Управляющего фактически вел бы дела Комитета, не нашло поддержки у членов Археологического Комитета. Шестью голосами против двух решено было прервать

научную деятельность структуры, поскольку «Комитет чувствует себя оскорбленным в связи с отказом утвердить на должности Главы того человека, которого он считал наиболее соответствующим для этих сложных обязанностей и что он не видит гарантии для нормального хода работы в современных условиях» (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 39. Л. 3).

Фактически в ответ на такую позицию Комитета, Общее Собрание вскоре утвердило новый состав этой структуры непосредственно на своем заседании, включив в него представителей разнообразных отраслей знаний, среди которых было семь академиков и шесть профессоров. Однако попытка таким образом объединить ученых, имевших совершенно разное представление о роли и функциях Археологического Комитета, не была успешной. Созданный по принципу басни И. Крылова Комитет был нежизнеспособным и не провел ни единого заседания (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 36).

Следующая попытка институционализации археологических структур в рамках Академии наук была связана с объединением Украинской Академии наук и Украинского научного общества. Это объединение началось в начале 1921 года по инициативе Наркомата просвещения, который чем далее тем более вмешивался в дела Академии. Законодательно это было закреплено в новом уставе Академии, которая должна была работать «на пользу коммунистическому обществу в соответствии с общими указаниями НКО» (Культурное... 1979: 191–193). В соответствии с проектом плана объединения, утвержденным Общим собранием УАН 30.05.1921 г.: «Секция археологическая отдела гуманитарных наук УНТ и археологический комитет сливаются в Археологическую секцию при Историческо-филологическом отделе УАН... Эта объединенная секция заново выбирает себе президиум. Археологическая секция ... выделяет из себя Археологический комитет, куда входят представители и от других отделов УАН и от всяких организаций Киева, заинтересованных в охране памятников старины, проведении раскопок и др.» (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 11). События этого периода лучше всего описаны в докладе Ф.И. Шмита:

«На основании вышеизложенного состоялось объединенное заседание Археологического комитета в составе, утвержденном 21.02.1921 г. и Археологической секции Научного общества... Собрание постановило поручить академику Ф.И. Шмиту разработать проект устава Археологической комиссии... На заседании 13 июля 1921 г. академик Ф.И. Шмит доложил свой проект устава, в соответствии с которым при ВУАН учреждается Археологическая Комиссия с организационными, консультативно-административными и контрольными обязанностями, с определенной программой деятельности и с такой конструкцией: во главе избранный пленумом Комиссии президиум из 3 человек и Совет, который состоит из пяти секций (археологической, материальной этнографии, архитектурно-монументальной, искусств и музееведения)... проект Устава был утвержден 1-м отделом Академии без изменений. С 9 августа 1921 года новая Археологическая Комиссия, руководствуясь этим Уставом, избрала председателем акад. Ф.И. Шмита, заместителем председателя академика Н.Т. Беляшевского, секретарем Н.Л. Эрнста и начала свою деятельность» (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 37).

Известный искусствовед Ф.И. Шмит был избран академиком и переехал из Харькова в Киев весной 1921 г. К этому времени у него был опыт не только преподавательской и исследовательской деятельности, но и опыт работы в ВУКОПИСе. Учитывая высокий профессиональный уровень и отсутствие ангажированности в делах, связанных с прежними неудавшимися попытками учреждения Археологической комиссии, он мог бы стать идеальным кандидатом на пост ее председателя. Казалось, наконец-то сложилась ситуация, в которой головное археологическое учреждение страны сможет начать стабильную работу. Имелось лишь два, но достаточно существенных момента, которые могли бы этому помешать: отсутствие у Ф.И. Шмита опыта археологической деятельности и негласное противостояние двух научных центров — Киева и Харькова.

Судя по количеству и разнообразию документов, разработанных, обсужденных и принятых Археологической Комиссией в течение лета 1921 г., ею была подготовлена законодательная база для организации стабильной и продуктивной работы Комиссии. Среди разработанных ею документов был, к примеру, «Циркулярный лист «Всем организациям и обществам, которые разрабатывают вопросы археологии и истории искусства, материальной этнографии и искусствоведения и заняты охраной памятников искусства, древности и природы». Целью Листа был сбор сведений обо всех существующих в стране организациях и обществах соответствующего профиля, их деятельности, составе, уставных документах, изданиях, заинтересованности в сотрудничестве с Археологическим Комитетом, возможности выполнения его поручений и т.п. (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 47–49).

По утвержденному Общим собранием Академии Уставу Археологическая Комиссия состояла из шести секций, которые имели свои задачи и функции, председателей и были объединены целью всеосто-

ронного научного «описания, изучения и издания памятников искусства, старины и природы а также разработки научных основ охраны этих памятников в границах УСРР, теоретической разработки вопросов, касающихся области материальной этнографии, археологии и истории искусств а также изучения вопросов теории и практики музееведения во всех его сферах (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 16).

Были созданы конкретные инструкции, регламентирующие работу отдельных секций, в том числе «Инструкция археологической секции Археологической комиссии». Она обозначила конкретные задачи Секции по сбору сведений о памятниках старины, их регистрации, исследованию, обработке археологического материала, организации научных конференций, издательской деятельности, популяризации археологического знания и т.н. (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 20). Был учрежден списочный состав Комиссии, включавший 33 члена. В том числе 15 членов Археологической секции.

Однако и эта, очередная попытка организовать деятельность главной археологической структуры не была успешной. Документы дают несколько противоречивые сведения о причинах такой ситуации. С. Нестуля отмечает, что помехой развертывания деятельности Археологической комиссии стали финансовые трудности и противоречия между членами комиссии. Те из них, кто ранее входил в секцию археологии и искусств УНТ, перейдя в УАН, стремились сохранить автономию комиссий Общества. Не получив на это согласия Академии, они вышли из Археологической комиссии, и она прекратила свое существование (Нестуля, 1998). Неоднозначно киевскими учеными была воспринята и личность Ф.И. Шмита, который одновременно занял несколько руководящих постов в Академии.

В результате, не видя возможности для нормальной деятельности в ситуации, которая сложилась, Ф.И. Шмит на заседании Пленума Археологической Комиссии 28.12.1921 г. заявил об отказе нести далее обязанности главы комиссии (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 3. Л. 78).

В конце 1921 г. официально прекращает свою деятельность и Комиссия по составлению археологической карты Украины (Исторія Академії... 1993: 296). Бывшая археологическая секция УНТ определенное время продолжает существовать как отдельная структура в рамках Академии, ведя преимущественно научно-популяризаторскую деятельность. Де-факто ею руководит К. Мельник-Антонович. Сведения о ее работе встречаются в отчетах Академии до 1924 г. включительно.

В январе 1921 г. была предпринята попытка иного подхода к решению вопроса о форме археологического учреждения в рамках Академии. На заседании Общего собрания ВУАН было постановлено «ликвидировать как академическую организацию Археологическую комиссию ВУАН и составить для СНК обоснованную докладную записку об учреждении в Киеве Академии материальной культуры» (Исторія Академії... 1993: 479). К сожалению, эта идея не нашла поддержки у правительства.

Очевидно, не особо рассчитывая на возможность реализации идеи создания Академии материальной культуры, и одновременно осознавая насущную необходимость координирующего органа в области археологии и охраны памятников, на том же январском заседании Общее собрание постановило: для чисто административных функций основать Археологический комитет. Особую важность это решение приобретало в ситуации ликвидации ВУКОПИСа. Таким образом, Академия наук в этой ситуации вынуждена была взять на себя охрану памятников искусства и старины.

6 февраля 1922 г. Общее собрание поручило академикам Ф.И. Шмиту, Н.Т. Беляшевскому и М.П. Василенко «создать комиссию /с правом кооптации нужных членов и специалистов/, чтобы такая комиссия выработала для Археологического Комитета устав и план организации» (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 13. Л. 16).

Фактически эту дату принято считать датой основания Украинского археологического Комитета, просуществовавшего далее более десяти лет. Со временем Комитет пополнил (а позднее и возглавил) академик О. Новицкий. Не смотря на ограниченные финансовые, административные и кадровые ресурсы, Комитет очень скоро завоевал несомненный авторитет, доказав своей деятельностью конструктивность идеи создания центра координации работы по охране и изучению памятников. Эта деятельность была законодательно признана Наркоматом Просвещения к середине 20-х годов, когда Археологический комитет получил статус Всеукраинского.

Таким образом, формирование и развитие головного археологического учреждения Украины в начале 20-х годов XX в. проходило достаточно сложно. Такие факторы, как общая нестабильность политической и экономической ситуации в стране, безусловно усложняли дело. Однако, на мой взгляд, более всего мешало этому процессу отсутствие предшествующей, более-менее сформированной структуры, которая вела бы последовательную организационную деятельность в области археологии (вроде ИАК или МАО). Сказывалось и отсутствие высшего учебного заведения (факультета, кафедры) соответствующего направления: фактически даже идея Археологического Института так не была реализована —

организованный в 1917 г., он просуществовал с перерывами до начала 20-х. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов отсутствие достаточного количества профессиональных исследователей и, главное, выраженного лидера, способного возглавить такое учреждение.

Литература

Історія Академії наук України. Документи і матеріали 1918–1923. 1993. Київ.

Культурне будівництво в Українській РСР. 1917–1927. 1979. Київ.

Нестуля С.І. 1997. Археологічний комітет Всеукраїнської Академії наук: етапи становлення. Полтава.

Нестуля С.І. 1998 Роль наукової та творчої інтелігенції в становленні Всеукраїнського Археологічного комітету (1917 — початок 30-х років) Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Запоріжжя.

М.Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы (из личного архива М. Ф. Болтенко)¹

А.Н. Колесниченко

Одесский археологический музей НАНУ. Украина, г. Одесса

Михаил Федорович Болтенко, выдающийся исследователь в области археологии, истории, лингвистики и эпиграфики. Его научная деятельность тесно связана с Одессой и Археологическим музеем. Родился Михаил Федорович 2 сентября 1888 г. в городе Осовец Гродненской губернии (ныне территория Польши). В связи с тем, что его отец был военным топографом, семья часто переезжала, и образование он получил в разных городах. В 1898 г. он поступил в гимназию г. Иркутска, далее продолжил обучение в г. Омске (1900 г.), г. Варшаве (1901 г.) и окончил свой гимназический курс в г. Одессе. В 1907 г. Михаил Федорович поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Новороссийского (Одесского) университета.

Еще со студенческих лет он серьезно заинтересовался археологией. Из его воспоминаний: «Введен был я в занятия археологией 19 сентября (по новому стилю) 1908 г. известным, конечно, Вам, Эрнстом Романовичем фон-Штерном... У меня в руках была книга В.В. Латышева «Греческие древности» с моими личными заметками на полях. Э.Р. был со мной в аудитории один, так как экзаменовал мне (авт.) последним. Он взял у меня из рук эту книгу, перелистал ее и, очевидно, обратил внимание на мои заметки в ней, спрашивал он меня очень недолго, после чего он предложил мне принять участие в работе над составлением нового каталога («Краткого указателя зал Одесского музея»)» (1: 25)². Этот каталог был издан в 1908 г. (Краткий указатель Музея Одесского Общества истории и древностей. 1908). Молодой студент с благодарностью принял предложение. Проявленные во время работы знания, самостоятельность и интуиция открыли для М.Ф. Болтенко двери в большую археологию. В июле 1909 г. его пригласили принять участие в раскопках на о. Березань в качестве помощника Э.Р. фон Штерна «...причем мне было поручено наблюдение за половиной рабочих (15 человек) и самостоятельное ведение дневника раскопа В³... конечно под общим руководством Э. Р.» (1: 21)

В 1912 г. под руководством учителя молодой исследователь проводит раскопки в античной Тире (г. Белгород-Днестровский) (3: 1–17). И с этого года по 1914 г. он принимает участие во всех проводимых Э.Р. фон Штерном раскопках (1: 20). Заслуги Михаила Федоровича были замечены, и в 1913 г. он был избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей.

15 декабря 1920 г. он был утвержден на должность хранителя-демонстратора Одесского музея, и уже с 1921 г. Михаил Федорович проводит самостоятельные раскопки на поселении Усатово-Большой Куяльник, дальнейшие исследования и результаты которых принесли ему мировую известность. Раскопки «усатовской — позднепервобытной культуры» Северо-Западного Причерноморья с перерывами продолжались до 1948 г. (Карышковский, 1960: 323). Плодотворная работа ученого в области археологии в 20-х годах получила широкое признание даже за пределами Советского Союза; он был избран членом-корреспондентом Берлинской Академии наук, а в 1927 г. стал действительным членом Немецкого археологического института (11: 2). Михаила Федоровича неоднократно приглашали на конференции и съезды, например, в Оксфорд, Барселону, Берлин, Лондон (13: 2) (Смирнов, 2007: 68, 77, 80)

В 1924 г. исследователь проводит полевые обследования на о. Березань, и уже в 1927 г. начинает там самостоятельные систематические раскопки (Болтенко, 1947: 43). Работы на острове М.Ф. Болтенко с перерывами продолжал до 1947 г. (1: 17). С 1924 г. он также участвует в Ольвийской экспедиции, а в 1931 и 1932 гг. был назначен ее руководителем.

В период с 1930 по 1932 гг. Михаил Федорович занимает должность директора музея, а с 1932 г. по совместительству работает на должности заведующего сектором «Рабовладельческого общества и отдела археологии» в научно-исследовательском институте им. Д.И. Багалея (г. Харьков).

В 1934 г. начинается трагический период в жизни ученого. 29 января в г. Харькове он был арестован и ложно обвинен в шпионской деятельности в пользу Японии. После «справедливого суда» его отправили

¹ Статья подготовлена в рамках совместного гранта РГНФ и НАН Украины №23/08-01–9113а/У

² Учетные обозначения рукописей могут измениться в результате полной обработки и инвентаризации личного архива М.Ф. Болтенко.

на 5 лет в Дальлаг (Смирнов, 2007: 59, 82, 85). Эти страшные события жизни не сломали Михаила Федоровича, и в 1939 г. он вернулся в г. Одессу, где возобновил работу в Историко-Археологическом музее. В период Великой Отечественной войны его эвакуировали из Одессы. Михаил Федорович продолжил свою научную работу в городе Байрам-Али (Туркмения), где находился Одесский университет. Там 8 апреля 1944 г. он успешно защитил диссертацию на тему: «Сказочные «муравьи» Геродота и историческая реальность» (1: 11). По возвращении в Одессу исследователь возобновляет свою научную деятельность, проводит археологические раскопки на территории сел Б. Куяльник, Усатово (Одесская обл.), Викторовка (Николаевская обл.), на о. Березань, публикует научные статьи (14: 1–3).

Одновременно с археологическими исследованиями Михаил Федорович много времени уделял и преподавательской деятельности. Он читал лекции в разных учебных заведениях Одессы, начиная с 1912 г.: в Одесской мужской гимназии М.С. Панченко (1912–1914 гг.), 5-й гимназии (1914–1920 гг.), в школе-клубе №11 (1920 г.), трудшколе №77 (возм. 1920–1924 гг.), Одесском государственном техникуме кинематографии (1926 — возм. 1933 гг.), Одесском государственном университете (1939–1959 гг.). Тяжелые годы ссылки, а также новая травля в 50-х гг. окончательно подорвали его здоровье, и 6 мая 1959 г. М.Ф. Болтенко не стало (Пам'яті М.Ф. Болтенко, 1959: 197).

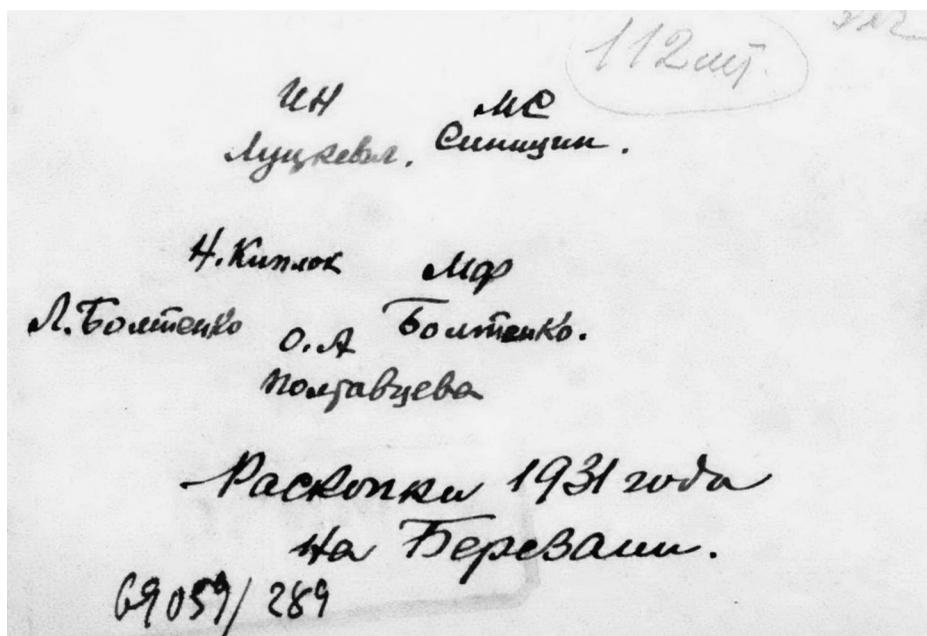
Деятельность М.Ф. Болтенко была очень многогранной, и охватить ее в одной статье не представляется возможным, да мы и не преследуем такую цель. В задачи работы входит рассмотрение истории археологических исследований на о. Березань, проводившихся под руководством М. Ф. Болтенко, по материалам архивных документов из НА ОАМ НАНУ.

Остров Березань расположен в северо-западной части Черного моря, он отделяет от моря общее устье двух рек — Днестра и Южного Буга. К северо-востоку от острова расположен Березано-Сосицкий лиман, образованный в результате слияния двух маленьких речек — Березанки и Сосик. Этот остров является интереснейшим археологическим объектом, с разными культурными напластованиями. Первые следы человеческой деятельности на острове относятся к эпохе бронзы, самый же насыщенный культурный слой связан с освоением острова греками (эта эпоха античной Березани охватывает период второй половины VII в. до н. э. — первой половины III в. н. э.), также зафиксированы следы человеческого присутствия в эпоху средневековья и нового времени вплоть до 1825 г. (Соловьев, 2005: 8). Несмотря на многолетние раскопки, начатые еще в XIX в., остается много спорных вопросов по истории античной Березани. В связи с этим, исследователи неоднократно обращаются к результатам работ своих предшественников. Одним из ценнейших источников информации для археологов является личный рабочий архив М.Ф. Болтенко, хранящийся в НА ОАМ.

Как уже упоминалось выше, археологические исследования на острове были начаты Михаилом Федоровичем в 1924 г., на что ссылаются и другие исследователи (Карышковский, 1960: 323; Петренко, 1989: 42; Соловьев, 2005-а: 35). Однако на сегодняшний день в архиве ОАМ не обнаружено сведений о производстве в этот год каких-либо раскопок. Из рукописей М.Ф. Болтенко следует, что весной 1924 г. ему пришлось вновь посетить остров Березань в качестве руководителя большой экскурсии из рабочих Одесского завода им. Розы Люксембург и частей войск Очаковского гарнизона. Его также сопровождал геолог В.И. Крокос. На острове Михаил Федорович обнаружил раскоп В⁸ в хорошей сохранности, а также свободную площадь, прилегающую к раскопам 1909 и 1913 гг. Эти обстоятельства привели исследователя к решению о необходимости продолжить раскопки (9: 1). Но только в 1927 г. была организована экспедиция для работ на острове. Раскопки продолжались с 31 июля по 8 августа. Кроме рабочих-землекопов, в состав экспедиции входили: жена Михаила Федоровича Е.Ф. Болтенко, ученик фото-кино техникума Н. Токочин, научный сотрудник Одесского Историко-Археологического музея Э.Г. Оксман и «один энтузиаст-учащийся средней школы Н.С. Абрамов (или Авраамов), тогда просто Коля» (9: 3; 16: 4). Задачей экспедиции являлось доследование раскопа «В⁸». Основными результатами работ 1927 г. было подтверждение находками предположений о проживании людей на Березани во II–III вв. н.э. (9: 10), а также объединение «между собой в едином плане раскопок... разные ранее разрозненные планы раскопок 1904–1913 гг. на главных участках «А¹» и «В⁸». Информация о раскопках 1927 г. в архиве ОАМ сохранилась в таких документах: статья Болтенко М. Ф. «Предварительный отчет о раскопках на о. Березани 1927 г.» (статья на немецком языке), работа М. Ф. Болтенко «О Березани в свете последних археологических раскопок (данные экспедиции 1927–1928 гг.)», описание находок Березанской археологической экспедиции 1927 г. Раскоп В⁸, описание фотографических отпечатков с Березанских раскопок 1927 г., общий план раскопок на о. Березань в 1927 г. Из материалов архива, находящихся в обработке: план раскопок на о. Березань 1927 г.; сводные планы раскопок 1904 г. по 1927 г.; фотоотпечатки раскопок 1927 г.

На фото: в первом ряду слева направо 3-й М.Ф. Болтенко, 4-ая О.А. Полтавцева, 5-ая Н. Киплок, 6-ая Л. Болтенко, второй ряд слева направо: М.С. Сеницын, И.Н. Луцкевич

Оборотная сторона фотографии с обозначением лиц на ней, подписано М.Ф. Болтенко

Рис. 1. Раскопки на о. Березань в 1931 г.

В следующем 1928 г. работы велись на раскопах «В⁸», «А», «Г» и «Е» (раскоп «Е» — траншея, на материке против о. Березань (15: 1—4). В состав экспедиции, кроме участников экспедиции 1927 г., входили Е.О. Прушевская, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, Е.П. Белен-де-Баллю, Г.Д. Штейнванд, А.Н. Зограф, а также зав. тех. части М.Ф. Чухпаненко (4: 116, 116 об.). Одним из главных результатов работ, по мнению исследователя, стало подтверждение находками на раскопе «Г» («гласисе» турецкого укрепления XVII в.), близости залегания древнерусского культурного слоя (5: 4). Фиксация хода

раскопок и найденного материала осуществлялась в полевых дневниках (НА ОАМ инв. №№: 59200–59202, 59207–59210), описях (НА ОАМ инв. №№ 59235–59240) и чертежах (НА ОАМ инв. №№ 59247, 59583, 59584). В рукописях М.Ф. Болтенко сохранились части дневников 1928 г.

В 1929 г. экспедиция была короткой. Работы продолжались на раскопе «В⁸», также был заложен новый раскоп «Ж», в турецком валу и на площади внутри него. В экспедиции принимали участие Г.П. Крысин, Т.Н. Книпович, А.П. Манцевич, Г.Д. Штейнванд, Н.С. Абрамов, Н.Н. Виркау, Сурке, Чистяков (6: 1). Среди основных результатов исследователь выделяет находки эллинистической керамики, первые для этого поселения (10: 15). Процесс раскопок 1929 г. в архиве ОАМ представлен такими документами: дневники (НА ОАМ инв. №№ 59203 — 59205), опись находок (НА ОАМ инв. № 59241), планы (НА ОАМ инв. №№ 59583–59586), фотоснимки.

В следующем году работы на острове были продолжены. По архивным материалам раскопок на о. Березань в 1930 г., а именно дневникам, в экспедиции принимали участие А.Н. Зограф, П.Ф. Силантьева, Е.П. Беллен-де-Баллю, Е.Прушевская, М.В. Сашевская, О.А. Полтавцева, Т.И. Фармаковская. М.Ф. Болтенко также упоминает М.Е. Фармаковскую, Н.Н. Виркау, М.М. Худяка, Г.Д. Штейнванд (12: 1). В 1930 г. работы проводились на раскопах: «В⁸», «И», «Р», «М» и «Г». Как отмечал сам руководитель экспедиции, огромное внимание было уделено исследованиям на раскопе «Г». На некоторое время были даже приостановлены работы на раскопе «В⁸», «не менее важном участке». «Как видно из дневников Е.О. Прушевской и О.А. Полтавцевой, я был почти прикован к этому участку, почему с дальнейшим разворотом работ на нем я увидел, что в виду его крайней сложности я не в состоянии уже с одинаковым вниманием следить за работой на нем и на очень важном раскопе «В⁸», который я хотел слить с раскопом «А¹», для окончательного решения вопроса о характере греческого поселения VI в. до н. э. (10: 19). Отчетность по экспедиции в архиве ОАМ представлена дневниками (НА ОАМ инв. №№: 59214–59221), описями находок (НАОАМ инв. №№ 59242–59245), фотоснимками. Среди материалов личного фонда М.Ф. Болтенко, находящихся в обработке, хранятся планы к дневникам П.Ф. Силантьевой, Е.О. Прушевской, и другие разрозненные чертежи разных раскопов.

В 1931 г. М.Ф. Болтенко было решено проводить работы только на раскопе «Г». «М.Ф. Болтенко поставил перед собою цель решить проблему постепенного заселения острова от пристани, к которой прилегает квадрат Г» (13: 14). В экспедиции принимали участие П.Ф. Силантьева, О.А. Полтавцева, Ю.И. Юнович, И.Н. Луцкевич, Ф.А. Козубовский, Ф.Н. Молчановский, Высочанский, Л.Д. Дмитров. В архиве ОАМ сохранились дневники (НА ОАМ инв. №№ 59223–59229), фотографический дневник (НА ОАМ инв. №59229), план раскопок на о. Березань 1931 г., составленный Ф.А. Козубовским (НА ОАМ инв. №57587), а также в личном архиве М.Ф. Болтенко — фото, планы и зарисовки раскопок.

После полевого сезона 1931 г. раскопки были прерваны на 15 лет. Работы на острове под руководством М.Ф. Болтенко возобновляются только в 1946 г. Исследователь столкнулся с многими трудностями. Так, например, во время Великой Отечественной войны были уничтожены дневники и сводный план раскопок на о. Березань 1931 г. Другие проблемы возникли уже на месте, когда обнаружилось, что за 15 лет поверхность острова изменилась до полной неузнаваемости (7: 8об). В состав экспедиции входили: сотрудница Ленинградского отделения Института материальной культуры имени Н.Я. Марра при АН СССР (ИИМК), О.А. Артамонова-Полтавцева, бывший сотрудник фотокинотехникума К.И. Боровиков (фотограф), старший преподаватель ОГУ Н.В. Измайлова (геодезист); из сотрудников музея И.В. Завьялова, П.О. Карышковский, Т. д. Чернявская (7: 2–4). Работы проводились на раскопе «Г», где были продолжены и в следующем 1947 году. В этот год М.Ф. Болтенко планировал большую экспедицию, но по непредвиденным обстоятельствам в состав квалифицированных участников входили только И.В. Завьялова и А.М. Тарадаш, а также А.А. Ширяев, Рудин и фотограф Гурский (8: 2–3). В связи с немногочисленным количеством участников работы проводились лишь на одном участке. В научном архиве ОАМ на основном инвентаре хранятся документы, касающиеся раскопок на о. Березань в 1946–1947 гг., они представлены дневниками (НА ОАМ инв №№ 69913, 69942), и описями находок (НА ОАМ инв. №№ 59471, 69943). Среди личных документов М. Ф. Болтенко есть планы, части дневников, документ с определением остеологического материала, рукопись с описанием Березанской экспедиции 1946 г., описи находок, отчет о проведении экспедиции в 1947 г. (часть организационная), тетрадь с зарисовками строительных остатков и разные фотоотпечатки хода раскопок. После 1947 г. археологических работ непосредственно на о. Березань под руководством М.Ф. Болтенко не проводилось, но в 1949–1950 гг. были произведены исследования берегов Березанского лимана (2: 1–15).

М.Ф. Болтенко немало лет своей жизни посвятил исследованиям на о. Березань, результаты которых были частично опубликованы (Болтенко, 1930а, 1930б, 1947, 1949, 1949а, 1954, 1960). Однако не всему задуманному было суждено осуществиться. В жизни Михаила Федоровича были трагические и тяжелые времена, препятствовавшие его деятельности. Но, разбирая его личный архив, мы видим многочисленные наработки, неопубликованные статьи, текст незащищенной докторской диссертации, тексты лекций и другие рукописные документы.

Среди огромного пласта работ выделяются и материалы к монографической работе на тему: «Остров Березань и его исследования», которые состоят из нескольких частей. В часть I-ую должны были войти исследования на острове по 1900 г. (изданы музеем в 2009 г.: Болтенко, 2009) и раскопки Э.Р. фон-Штерна (1904–1913 гг.). Также сохранились рукописи к части II-ой, об исследованиях под руководством самого М.Ф. Болтенко. Все эти материалы должны были войти в двухтомник «Остров Березань», издание которого предполагалось на 1948 г. Том I. «История исследования о. Березани и проблема его изучения» автор М.Ф. Болтенко; том II. «История острова Березани и материалы раскопок на о-ве Березани» (статьи разных авторов со вступительной статьей М.Ф. Болтенко); предполагалось также приложение с документами (дневники, планы).

Таким образом, мы видим, что документы из личного фонда М.Ф. Болтенко могут не только открыть для ученых, археологов неизвестные страницы исследований на о. Березань, но и лучше понять, а также прочувствовать личность самого Михаила Федоровича и дух того времени. Мы убеждены, что дальнейшее изучение и публикации его работ будут весьма полезными для исследователей.

Литература

- Болтенко М.Ф. 1930а. До питань про час виникнення та назву давнішої іонійської оселі над Бористеном (З Березанською-Ольбійських студій) // ВОКК. Секція археологічна. Ч. 4–5. С. 35–39
- Болтенко М.Ф. 1947. Стародавня руська Березань // Археологія. №1. С. 39–50
- Болтенко М.Ф. 1949. Розкопки на о. Березані в 1946 р. // АП УРСР. Т. II. К. С. 31–38
- Болтенко М.Ф. 1949а. Про назву острова Березань // ВОГУ. Т.2.
- Болтенко М.Ф. 1954. Значение острова Березань в совместной борьбе братских великого русского и украинского народов за Черное море против турецких захватчиков // Тр. ОГУ. Т.144., серия ист. наук. Вып. 4. Одесса. С. 163–173
- Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. Т.1/34. Одесса. С. 38–46
- Болтенко М.Ф. 2009. Остров Березань и его исследования. Часть I. Исследования по 1900 г. // МАСП. Вып. 9. Одесса. С. 321–380
- Карышковский П.О. 1960. М.Ф. Болтенко (1888–1959) // СА. №1. С. 323
- Краткий указатель Музея Одесского Общества истории и древностей. 1908. Одесса
- Пам'яті М.Ф. Болтенка. 1959. // МАСП. № 2. С.197–198
- Смирнов В. 2007. Раскопки цивилизации (по материалам архивно-следственного дела №23136-П Болтенко Михаила Федоровича) // Реквием XX века. Ч.4. Одесса. С. 59–88
- Соловьев С.Л. 2005. Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Том.1. Спб. С. 7–15
- Соловьев С.Л. 2005а. История археологических исследований на Березани // Борисфен-Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. Том.1. Спб. С. 31–40
- Boltenko M.F. 1930б. Vergangenheit der Insel Berezanij nach den Ergebnissen der letzten Ausgrabungen // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier. 1929. Berlin.

Источники

1. Болтенко М.Ф. Автобиография // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
2. Болтенко М.Ф. Археологические исследования берегов Березанского лимана в 1949–50 гг.
3. Болтенко М.Ф. Дневник раскопок в Аккермане, 1912 г. // НА ОАМ НАНУ. Инв. № 59258
4. Болтенко М.Ф. Заметки по истории исследования о. Березань // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
5. Болтенко М.Ф. Исследование острова Березани в советское время по новым путям (1928–1947). Часть III // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
6. Болтенко М.Ф. Материалы исследования о. Березань (разрозненные листы) // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.

7. Болтенко М.Ф. О Березанской экспедиции // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
8. Болтенко М.Ф. Отчет о проведении в 1947 г. Березанской археологической экспедиции (часть организационная) // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
9. Болтенко М.Ф. Продолжение исследования о. Березань в Советское время. Часть II-я // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
10. Болтенко М.Ф. Раскопки на о. Брезань // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
11. Болтенко О. М. Краткая биография М.Ф. Болтенко // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
12. Заметки по истории исследования о. Березани. Исследования М.Ф. Болтенко // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
13. Козубовский Ф. А. Дневник раскопок на о. Березань, 1931 г. // НА ОАМ НАНУ. Инв. №59227
14. Научно-исследовательская продукция доцента М. Ф. Болтенко и одесской группы археологии АН УССР за отрезок времени с 5. IX. —1944 г. по 10. VI. — 1949 г. // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.
15. О. Березань. Описание находок за 1928 г.: а) материк против о. Березань; б) раскоп «Е» // НА ОАМ НАНУ. Инв. №59239.
16. О. Березань. Исследования М.Ф. Болтенко // НА ОАМ НАНУ. Личный архив Болтенко М.Ф.

История исследования бондарихинской культуры в историографии эпохи поздней бронзы

А.В. Корохина

Институт археологии НАНУ. Украина. г. Киев

Процесс исследования памятников бондарихинской культуры (далее — БК), который начался во второй четверти XX в., можно условно поделить на несколько этапов, учитывая специфику исследовательских задач, состояние источниковой базы и уровень ее осмысления. Закономерной представляется зависимость исследований БК от общего состояния разработки проблем эпохи поздней бронзы Восточной Европы.

Первый этап (вторая половина 1920 — конец 1950-х гг.) охватывает период от начала документированных полевых исследований бондарихинских древностей до их осмысления в качестве самостоятельной культуры.

Впервые бондарихинские материалы были добыты в результате разведок Н.В. Сибилева во второй половине 1920-х гг. на поселениях в среднем течении Северского Донца (Старовинности...1928, табл. XXXVIII, 8, 9а-б), небольшими раскопками С.О. Локтюшева на поселении Кибикинское (Кибикинская дюна) на территории нынешней Луганской обл. (Локтюшев, 1930: 23–25)¹. В этот же период И.Ф. Левицким в Среднем Подонцовье проводились раскопки поселения Безлюдовка, грунтовых могильников Основа—2 и 12, обследование и сбор материала на поселении Мерефа (Буйнов, 1981: 9)². В бассейне Ворсклы бондарихинские материалы впервые были получены в процессе разведок Ю.М. Захарука и В.А. Товкачевского³.

Основным содержанием рассматриваемого этапа стало первичное накопление источников, однако отмечаются и первые попытки их культурно-хронологической интерпретации. Так И.Ф. Левицкий на основе сходства черт материального комплекса объединил исследованные им памятники Среднего Донца в «типа Безлюдовки» (Буйнов, 1981: 9) Материалы Кибикинского поселения С.О. Локтюшев датировал эпохой бронзы по периодизации В.А. Городцова (Локтюшев, 1930: 21–24).

Второй этап исследования БК начинается со второй половины 1950-х и длится до конца 1960-х гг. Его определяющими чертами становятся развертывание систематических полевых работ, выделение бондарихинских древностей в отдельную культуру, постановка и первые попытки решения ключевых проблем ее развития.

Выделению культуры предшествуют исследования в 1950-х гг. ряда памятников, результаты которых стали основой для осмысления бондарихинских материалов как отдельной культурной общности.

В 1950–1951 гг. раскопки на поселениях бондарихинского типа возле с. Большая Даниловка, Хмаровка, Мерефа, Основа проводит Б.А. Шрамко, который определяет их как «новую группу памятников предскифского периода на территории Левобережной Лесостепи» (Шрамко, 1954: 105–115; 1962: 119–122).

В 1951 г. Д.Я. Телегиным исследуется жилище земляночного типа на эпонимном поселении Бондариха—2 возле г. Изюм Харьковской обл. (Телегин, 1956: 77–81). Обобщив материалы, известные к тому времени в границах среднего течения Донца, исследователь выделил отдельную группу памятников «бондарихинского типа», которую датировал эпохой бронзы (Там же: 81–84). В тот же период Д.Я. Телегиным осуществляются раскопки поселения Студенок—5, где открыт комплекс углубленного жилища. Своеобразные материалы этого памятника, с одной стороны, рассматриваются как родственные бондарихинским, с другой — сопоставляются с материалами марьяновской культуры Деснинско-Сейминского Полесья (Там же: 75–77; Телегин, 1959: 74–77).

В 1953 г. В.А. Ильинской проводятся исследования поселения Малые Будки на р. Суле, материалы которых позволили выделить малобудковский культурный тип и соответствующий этап БК, а также поселений Бондариха—2 и Оскол—1, раскопанных широкими площадями (Ильинська, 1957: 53–61; Ильинская, 1959; 1961).

В бассейне р. Ворсклы Г. Т. Ковпаненко проводит раскопки на поселениях Хухра (1955 г.) и Ницаха (1960 г.), материалы которых сохраняют актуальность для решения вопросов взаимодействия

¹ Культурная атрибуция материалов проведена Д.Я. Телегиным (Телегин, 1956: 77, 81, 83).

² Культурная атрибуция материалов проведена Ю.В. Буйновым (Буйнов, 1981: 9–10; 1977: 214; 2006: 60).

³ Культурная атрибуция материалов проведена Ю.В. Буйновым (Буйнов, 1981: 10).

«бондарихинцев» с населением Среднеднепровского Правобережья (Ковпаненко, 1957; 1967: 13–33). На поселении Ницаха обнаружены материалы как малобудковского типа, так и развитой БК, которые соотносятся, по данным исследовательницы, как хронологические горизонты (Ковпаненко, 1967: 27).

В начале 60-х годов, обобщив накопленный археологический материал, В.А. Ильинская выделяет отдельную бондарихинскую культуру (Ильинская, 1961: 26–45). Лишь годом позже Б.А. Шрамко дает этой культуре независимую характеристику, используя, главным образом, результаты собственных полевых исследований (Шрамко, 1962: 121–129).

В 1960-х гг. отмечается сокращение масштабов полевых исследований БК. В этот период новые памятники открыты в результате разведок по Северскому Донцу (Телегин, Пузаков, Михеев, 1959/3-а: табл. VII, 1–5; VIII, 1–4; XI, 4; XIII, 4–7 и др.), Осколу (Михеев, 1961/24а: табл. II, 9–10; 13–14; V, 4–5; XII, 3–4; XXI, 1–2; 1962/28: табл. II, 29–30), в Поворсклье (Андриенко, 1965/71: 4–6). В.А. Ильинской и О.И. Тереножкиным обнаружен ряд бондарихинских поселений по течению Псла; по результатам их шурфовки подтверждена стратиграфическая последовательность отложений малобудковского типа и классической БК (Ильинская, 1969: 85–92). В 1968 г. Т.А. Шаповаловым начаты раскопки многослойного поселения Ильичевка на Среднем Донце с материалами БК (Шаповалов, 1976).

Необходимость определения места новой выделенной культуры в контексте позднебронзового века способствовало разработке ключевых проблем ее развития.

Первой обратившись к вопросу происхождения БК, В.А. Ильинская формулирует гипотезу об ее генетической связи с марьяновской культурой восточноукраинского Полесья. Последняя была представлена к тому времени эпонимным поселением на р. Сейме, которое исследовалось М.Я. Рудинским и Я. Морачевским в 1929 г. (Морачевский, 1929; Рудинский, 1929), а также материалами разведок Н.П. Амбургер (поселения Марьяновка, Алексеевка) (Амбургер, 1956: 197), раскопок Д.Я. Телегина (поселение Ивановка-Майоров Бугор–2) (Телегин, 1954: 23–26), С.С. Березанской (поселения Ивановка-Майоров Бугор–2, –3, Волинцево-Городок (Березанская, 1955: 111; 1957: 28). Родственность культур определялась на основе анализа керамического комплекса, который, по мнению В.А. Ильинской, демонстрировал прямое эволюционное развитие бондарихинской культуры из марьяновской, через посредство памятников малобудковского типа (Ильинская, 1961: 44–45). Завершение существования БК В.А. Ильинская связала с вытеснением ее носителей скифскими племенами на территорию лесной зоны, где ее носители приняли участие в формировании юхновской культуры раннего железного века (Ильинская, 1957: 14–27; 1961: 43–45; 1969: 94–101). Таким образом, марьяновская, малобудковская, бондарихинская и юхновская культуры рассматривались, как последовательные звенья развития одной этнокультурной общности, которые сменяли друг друга на протяжении эпохи средней бронзы — раннего железа (Ильинская, 1955: 107–108; 1957: 50–63; Іллінська, 1957: 17–25; Ильинская, 1961: 44–45).

Анализ материального комплекса позволил поставить вопрос о культурно-исторических связях бондарихинского населения с белогрудовско-чернолесской и срубной культурами (Ильинская, 1961: 31–33). В зависимости от синхронизации с указанными образованиями определяется и хронологическая позиция БК.

В.А. Ильинская синхронизировала материальный комплекс развитой БК с «первым этапом позднесрубной культуры», при этом указывая аналогии как среди материалов Сабатиновского поселения, так и в белозерских комплексах (Кардашинка, Новоалександровка, курган Широкий), а также — с белогрудовско-чернолесской культурой. Абсолютные даты БК определялись X–VIII или VII вв. до н. э. (Ильинская, 1961: 35–38). Б.А. Шрамко предложил даты VIII (или IX) — VII вв. до н. э. (Шрамко, 1962: 119, 125). Хронология малобудковского типа определялась предсабатиновским временем на основании датировки кельта из поселения Студенок–5, которое включалось в состав малобудковских памятников (Телегин, 1959: 77; Лесков, 1967: 104).

В середине 60-х гг. существенные поправки хронологической схемы эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья были предприняты А.И. Тереножкиным, который первым подошел к определению хронологии предскифских памятников региона, с опорой на центрально-европейскую хронологическую шкалу (Тереножкин, 1965). Малобудковский тип помещался исследователем в рамки сабатиновского времени (Там же: 73). Развитая БК синхронизировалась с белозерскими памятниками, первой ступенью чернолесской культуры и гальштатскими древностями типа Кишинев-Корлатень. Абсолютные даты указанной группы формирований определялись по аналогиям фибул широчанско-лукьяновского типа XI–IX ст. до н. э. (Там же: с. 75). Эти поправки поддержала В.А. Ильинская, которая все же доводила существование БК до начала VII в. до н. э. (Ильинская, 1969: 92–94).

Таким образом, на протяжении второго периода исследований была расширена источниковая база, что позволило выделить отдельную БК, выстроить общую схему ее развития, наметить основы периодизации и хронологии. Значительное влияние на дальнейшие исследования имело утверждение схемы т.н. «цепи культур» (Марьяновка — Малые Будки — Бондариха — Юхново), предложенной В.А. Ильинской, с опорой на анализ керамического комплекса. Наметилась тенденция к объединению проблематики исследований бондарихинской и марьяновской культур или рассмотрения их, как единого образования (Березанська, Іллінська, 1971: 365).

Характерной особенностью *третьего периода* (1970 — середина 1980-х гг.) становится быстрый рост источниковой базы вследствие развертывания работ новостроечных экспедиций.

Исследование ряда пунктов широкими площадями, которые дали важный материал для дальнейшего развития проблематики БК, в это время проведено Ю.В. Буйновым в бассейне Северского Донца. В 1975–1976 гг. им исследовалось поселение Великая Тополяха–1, где открыто два жилых комплекса и погребение БК (Буйнов, 1977: 273–274; 2008). В течение 1975–1980 гг. проводились раскопки поселения Тимченки, где выявлены материалы малобудковского типа и развитой БК (Буйнов, 1977: 273–274; Буйнов, Берестнев, 1978: 302–303; Буйнов, Грубник-Буйнова, Воловик, Петренко, 1979: 309–310), со временем интерпретированные как хронологические горизонты (Буйнов, 2006а). На окраине поселения в 1975–1979 гг. был исследован первый бондарихинский могильник, состоявший из двух групп грунтовых погребений. Всего раскрыто 43 «погребения», в которые включены как комплексы с остатками кремаций, так и без них (Буйнов, 1977а: 208–214; 2006: 61–62). В 1986–1987 гг. этим же исследователем продолжены раскопки на поселении Студенок–5, в результате которых исследованы еще два жилища (Буйнов, 2004-а: 144–150).

Широкие исследования были проведены в течение 1979–1984 гг. в зоне строительства Рогозянской ОС на поселениях Родной Край–1, Родной Край–3 и Фески–3 (Буйнов, Грубник-Буйнова, Воловик, Петренко, 1979; Буйнов, 1980; Буйнов, 1985; 1986). В особенности следует отметить исследования Ю.В. Буйновым и Е.Н. Петренко поселения Родной Край–1 (1978–1979, 1981, 1983–1984 гг.), где открыты отложения малобудковского и позднего этапов БК (по несколько комплексов сооружений для каждого горизонта, остатки зольника позднебондарихинского времени, грунтовое погребение).

В 1976–1977 гг. Б.А. Шрамко и Ю.В. Буйновым проводились раскопки городища Веселое–1 на р. Великий Бурлук, материалы которого датированы поздним этапом культуры (Буйнов, Дьяченко, Шрамко, 1978; Буйнов, 2005: 247–253).

Среди других исследований этого периода следует отметить: в бассейне Северского Донца раскопки поселений Травянское–1 (Буйнов, 1981: 13), Лиманское озеро (Дроновка) (Копыл, Татаринов, 1975: 357–358; Копыл, Татаринов, Меценко, 1976: 341; Татаринов, 1980: 280–283), Ильичевка (Шаповалов, 1976), Рай-Стародубовка (Клименко, 1981: 255–256; Клименко, Цымбал, 2005: 291–293), Орехово-Донецкое–4 (Горбов, Усачук, 2001); в бассейне Ворсклы — Луговое, Петровское (Михеев, Моруженко, Шрамко, 1975: 324–325), Любовка (Шрамко, 1974/49: 1–17), Малая Рублевка–2 (Берестнев, 1979/109: 252) и др.

Расширяется география полевых исследований, что привело к уточнению ареала культуры. Исследован ряд бондарихинских поселений в бассейне Среднего Дона — Шилово (Пряхин, 1969: 51; Винников, Пряхин, 1972: 79–80; Екимов, Беседин, 1980), Таврово (Тихонов, Екимов, 1983), Рыкань–2 (Матвеев, Медведев, Пряхин, 1978: 73; Матвеев, Екимов, 1980). Дискуссионной остается атрибуция добытых в этот период материалов поселения Копанище–2 на р. Тихая Сосна, которое А.Т. Синюк относил к позднемарьяновской культуре (Синюк, 1981: 110–113), С.И. Воловик — к малобудковскому типу (Воловик, 1995: 47), а Ю.В. Буйнов сопоставлял с материалами балымско-карташинского этапа приказанской культуры (Буйнов, 2004а: 151).

Группу памятников с культурой своеобразного типа исследована на левых притоках Днепра р. Орели и Самаре (поселения Бузовка, Гупаловка, Залинейное, Старая Игрень, могильник Залинейное), которые маркируют юго-западную границу бондарихинского ареала и отображают процессы взаимодействия носителей БК с населением белогородовско-чернолесской и белозерской культур (Ромашко, 1982; 1983; Беляев, 1984: 73–74; Ромашко, 1990: 51).

В теоретическом направлении наиболее заметной становится дискуссия о генетической связи бондарихинской и юхновской культур (Левенок, 1963: 79–80; Падин, 1966: 149; Третьяков, 1966: 156–161; Граков, 1977: 199). Б.А. Шрамко, опираясь на предшествующие наблюдения П.Д. Либерова (Либеров, 1962: 50, 55), делает попытку пересмотра гипотезы В.А. Ильинской с целью обосновать связь БК с племенами скифоидной культуры посульско-донецкого варианта (Шрамко, 1972: 153–163). Вместе с тем, Б.Н. Граковым высказывается мысль о возможности поиска генетических истоков БК среди культурных

общностей позднего бронзового века Волжского бассейна, в первую очередь — в поздняяковской культуре (Граков, 1977: 199).

В начале 1980-х гг. очередное обобщение данных по БК, учитывая расширенную источниковую базу, было осуществлено Ю.В. Буйновым (Буйнов, 1981). Исследователем предложена трехэтапная периодизация культуры (Там же: 130–143), разработаны вопросы ее культурно-исторических связей (Там же: 121–128), приведена характеристика хозяйства и материального комплекса, впервые предложена расширенная классификация керамики (Там же: 75–95). Сделана попытка расширения ареала БК на северо-восток к бассейну Средней Оки за счет включения в ее ареал ряда городищ этого региона, исследованных еще в 1930–50-х гг. А.Е. Алиховой (Алихова, 1959; Буйнов 1981: 9–10, 144). Принципиальное значение имело установление Ю.В. Буйновым синхронности малобудковского этапа с культурами белозерского горизонта (Буйнов, 1981: 131–132, 138), в частности, через уточнение Е.Н. Черныхом атрибуции «студенокского» кельта (Черных, 1976: 78–79).

Одновременно происходят существенные изменения в схеме развития срубной культуры. В литературе фактически утверждается выделение самостоятельных сабашиновской и белозерской культур (историографию вопроса см.: Шарафутдинова, 1986: 83–85; Отрощенко, 1986: 119; Гершкович, 2004). Ведется дискуссия относительно дальнейшего уточнения их абсолютной хронологии.

В.В. Отрощенко и А.И. Тереножкиным по центрально- и южноевропейским аналогиям обосновывается синхронизация белозерских памятников с горизонтами кладов периода НаА-НаВ1, что и определило верхнюю дату БК (Отрощенко, 1975: 202–203; Тереножкин, 1976: 208; Отрощенко, 1986: 148–152). На востоке белозерская культура синхронизирована с кобяковской, ранними этапами кобанской и кизил-кобинской культур (Отрощенко, 1986: 149–150). Такие «ранние» даты поддержала Г.И. Смирнова, которой проведена дальнейшая разработка вопросов уточнения хронологии культур эпохи финальной бронзы Северного Причерноморья (Смирнова, 1985). Отмеченные изменения происходят на фоне тенденции удревнения времени функционирования Европейской металлургической провинции (Черных, 1978: 257–261; 1981: 25) и, в частности, материалов ее северопричерноморских очагов (Гершкович, Клочко, 1987; Гершкович, Клочко, Евдокимов, 1987).

На *четвертом этапе* (вторая половина 1980-х гг. — современность) отмечается свертывание исследований БК, которое в особенности заметно по сокращению объемов полевых работ.

Важные данные к проблеме периодизации БК получены в результате раскопок Ю.В. Буйновым поселения Червоный Шлях–1 на Северском Донце в 1989–1990 гг., где открыты два разновременных жилых комплекса БК, датированные средним и поздним этапами культуры (Буйнов, 2003).

В 1989 и 1991 гг. Я.П. Гершковичем исследовались поселения Диброва и Глубокое Озеро–2 на Северском Донце. В частности, закрытые комплексы поселения Диброва представили дополнительные данные относительно синхронизации малобудковских материалов с белогрудовско-чернолесской культурой и постсрубным типом («северо-восточная», «западная» и «восточная» группы, по Я.П. Гершковичу) (Гершкович, 1990; 1998: 72–81).

В 1990–2000-х годы новые материалы БК получены в результате раскопок многослойных поселений и разведок в районе среднего течения Северского Донца, в границах Харьковской, Донецкой и Луганской областей (Иваницкий, 2004; Телиженко, Супрун, 2004: 208–220; Иваницкий, 2005; Кравченко, Цимиданов, Мирошниченко, Петренко, 2006: 226–227; Иваницкий, 2008; Любичев, Мызгин, Варачева, 2008: 6, 12; Любичев, Мызгин, Варачева, 2009: 6–7, 17, 34–36; Шрамко, Задников, 2009: 23), бассейне Дона (Мельников, 2002). В Поворсклье выявлены новые материалы синкретического бондарихинско-постсрубного типа (Гейко, 2003: 19–20).

На уровне диссертационного исследования была осуществлена попытка просмотра вопроса происхождения БК С.И. Воловиком (Воловик, 1995). Ее автор развивал идею Б.М. Гракова о возможности генетической связи БК с культурами эпохи поздней бронзы Волго-Очья и Волго-Камья, в первую очередь — поздняяковской (Воловик, 1995-а: 23–24; 1995: 147–186). С.В. Кузьминых, подвергая критике преимущественно методологическую сторону работ С.И. Воловика, отметил перспективность идей Б.М. Гракова для дальнейших исследований (Кузьминых, 1996: 99–100).

Следует отметить ряд новейших публикаций Ю.В. Буйнова, посвященных проблемам развития БК. Исследователь возвращается к гипотезе о генетической связи ее населения с марьяновской культурой. В частности, он выделяет «второй период» марьяновских памятников на территории лесостепной зоны Доно-Донецкого междуречья в качестве генетической основы малобудковского типа (Буйнов, 2000: 4–7; 2001). Автором настоящей работы, в свою очередь, высказаны критические замечания относительно этой гипотезы (Корохина, 2009; 2010).

Ю.В. Буйновым была также предложена новая интерпретация памятников типа поселения Студенок-5, которые рассматриваются как пришлый культурный компонент из региона Волго-Камья (Буйнов, 2004-а: 150–151; 2008-а: 48–50). Специальные работы посвящены вопросам культурно-исторических связей бондарихинского населения со срубной (Буйнов, 1999), лебедовской (Буйнов, 2004) и белогрудовско-чернолесской культурами (Буйнов, 2005). Поставлен вопрос относительно выделения бондарихинско-лебедовской «этнолингвистической» и культурно-исторической общности финального этапа эпохи бронзы (Буйнов, 2001: 16; 2004: 154). Касаясь проблемы финала БК, Ю.В. Буйнов опровергает возможность ее генетической связи со скифоидными памятниками посульско-донецкого типа (Буйнов, Гречко, 2005: 14–16; Буйнов, 2006: 47–48). Группу позднейших поселений в бассейне Северского Донца он синхронизирует с позднечернолесской, черногоровской и раннеананьинской культурами, отмечая, что их верхняя дата на современном этапе не может быть определена точнее середины или второй половины VIII в. до н. э. (Буйнов, 2006: 42–48).

Все больше внимание исследователей привлекают проблемы контактов археологических культур бронзового века в общеевропейском масштабе как отображение интенсивной системы культурных, экономических и идеологических связей древнего населения (Черных, 1983: 79). Участие носителей БК в этих процессах прослеживается через изучение ее проявлений в контексте контактных зон.

В.А. Ромашко рассмотрен вопрос развития БК в Предстепье Восточной Украины, в зоне ее контактов с носителями белогрудовско-чернолесской и белозерской культур Северо-Восточного Приазовья — Подонцовья рассматриваются раннебондарихинские памятники Я.П. Гершковичем (Гершкович, 1998; 2001). К этому же кругу проблем можно отнести дискуссию относительно происхождения лощеной посуды в памятниках эпохи финальной бронзы лесостепного Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца (Ромашко, 1998; Горбов, Усачук, 2001: 42–43; Гершкович, 1990: 57–59).

В целом, на современном этапе, несмотря на почти столетнюю историю полевых и пятидесятилетнюю — кабинетных исследований, ключевые вопросы развития БК требуют дальнейшей разработки. В связи с этим, актуальными представляются не только дальнейшее расширение источниковой базы, но и анализ уже добытых материалов, в особенности, коллекций памятников, базовых для этой культуры.

Литература и источники

- Іллінська В.А. 1957. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу // Археологія. Т. 10. С. 50–65.
- Алихова А.Е. 1959. Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник. Т. 2. С. 98–116
- Амбургер Н.П. 1956. Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі // АП УРСР. — Т. 6. С. 197–201.
- Андриенко В.П. 1965/71. Отчет о разведках в Харьковской и Полтавской областях в 1965 г. Харьков. НА ИА НАНУ.
- Березанская С.С. 1955. Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме // КСИА. № 4. С. 111–114.
- Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
- Березанська С.С. 1957. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі // Археологія. Т.11. С. 87–94.
- Березанська С.С., Іллінська В.А. 1971. Мар'янівсько-бондарихинська культура // Археологія Української РСР. К. С. 363–373.
- Берестнев С.И. 1979/109. Отчет о разведках и раскопках археологических памятников на территории Харьковской и Полтавской областей в 1979 году. Харьков. НА ИА НАНУ.
- Беляев О.С. 1984. Нові дані про бондарихинську культуру // Археологія. № 46. С. 73–80.
- Бочкарев В.С., Лесков А.М. 1978. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев. Т. 221. С. 23–26.
- Буйнов Ю.В. 1977. Исследования памятников предскифского периода в бассейне Северского Донца // АО 1976 года. М. С. 273–274.
- Буйнов Ю.В. 1977-а. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры // СА. №4. С. 208–216.
- Буйнов Ю.В. 1981. Бондарихинская культура. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Харьков.
- Буйнов Ю.В. 1999. Об этнокультурных взаимосвязях племен бондарихинской и срубной культур // ВХУ. № 441. Вип. 31. С. 6–16.
- Буйнов Ю.В. 2000. Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні // ВХУ. № 485. Вип. 32. С. 4–12.

- Буйнов Ю.В. 2001. О марьяновской линии этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. С. 15–16.
- Буйнов Ю.В. 2003. Поселення бондарихинської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // ВХУ. Вип. 35. № 594. С. 4–13.
- Буйнов Ю.В. 2004. Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей // ВХУ. № 633. Вип. 36. С. 145–158.
- Буйнов Ю.В. 2004-а. Итоги раскопок поселения Студенок–5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры // Древности. Харьков. С. 141–153.
- Буйнов Ю.В. 2005. Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимоотношений (по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине) // Древности. Харьков. С. 246–256.
- Буйнов Ю.В. 2005-а. Культурные комплексы поселения бондарихинской культуры у с. Родной Край на Харьковщине // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ. С. 110–112.
- Буйнов Ю.В. 2006. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. № 2. С. 39–50.
- Буйнов Ю.В. 2006-а. Поселення малобудківського типу доби пізньої бронзи біля с. Тимченки у басейні Сіверського Дінця // Археологія. №1. С. 42–47.
- Буйнов Ю.В. 2006-б. Поховальний обряд та поховальні пам'ятки племен бондарихинської культури // Археологія. № 4. С. 60–68.
- Буйнов Ю.В. 2008. Материалы позднего бронзового века из поселения Великая Тополяха–1 на Северском Донце // ВХУ. Вип. 40. № 816. С. 7–19.
- Буйнов Ю.В. 2008-а. Студенокская группа памятников финального этапа позднего бронзового века // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков. С. 42–55.
- Буйнов Ю.В., Берестнев С.И. 1978. Исследования в бассейнах Мжи и Северского Донца // АО 1977 года. М. С. 302–303.
- Буйнов Ю.В., Гречко Д.С. 2005. Некоторые итоги раскопок городища в урочище Городище (к вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры) // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя. С. 13–17.
- Буйнов Ю.В., Грубник-Буйнова Л.П., Воловик С.И., Петренко Е.Н. 1979. Новые данные о памятниках бондарихинской культуры // АО 1978 года. М. С. 309–310.
- Буйнов Ю.В., Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. 1978. Работы на новостройках Харьковской области // АО 1977 года. М. С. 303–304.
- Буйнов Ю.В., Корохина А.В. 2006. Позднебондарихинские комплексы в раскопе VII поселения Родной Край 1 // ВХУ. Вип. 38. № 728. С. 259–272.
- Винников А.Э., Пряхин А.Д. 1972. Раскопки Шиловского поселения // АО 1971 года. М. С. 79–80.
- Воловик С.И. 1995. Бондарихинская культура (проблема происхождения). — Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.
- Воловик С.И. 1995-а. К вопросу о сложении бондарихинской культуры // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков. С. 23–24.
- Гейко А.В. 2003. Розкопки на багатощаровому селищі Сердюки–1 // Проблеми історії та археології України. Харків. С. 18–20.
- Гершкович Я.П. 1990. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск. С. 57–59.
- Гершкович Я.П. 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. Донецк. № 7. С. 61–92.
- Гершкович Я.П. 2004. Парадоксы в историографии сабашиновской культуры // Stratum Plus. С. 598–607.
- Гершкович Я.П., Ключко В.И. 1987. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. К. С. 101–114.
- Гершкович Я.П., Ключко В.И., Евдокимов Г.Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии памятников Нижнего Поднепровья // СА. № 2. С. 142–158.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. 2001. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Донецк. Вип. 9. С. 15–45.
- Граков Б.Н. 1977. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.
- Екимов Ю.Г., Беседин В.И. 1980. К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 79–94.
- Иваницкий В.Р. 2004. Бондарихинское поселение Круглое 2 в среднем течении Северского Донца // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 3. С. 271–280.

- Иваницкий В.Р. 2005. Срубные черты на бондарихинской керамике поселения Клешня Первая–1 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 4. С. 274–278.
- Иваницкий В.Р. 2008. Поселение бондарихинской культуры Карьерное в Кременском районе на Северском Донце // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 8. С. 1–11.
- Ильинская В.А. 1957. О происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. № 70. С. 14–27.
- Ильинская В.А. 1959. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола // КСИА. Вып. 8. С. 80–84.
- Ильинская В.А. 1961. Бондарихинская культура бронзового века // СА. № 1. С. 26–45.
- Ильинская В.А. 1969. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // СА. № 2. С. 85–101.
- Клименко В.Ф. 1981. Исследования в Донецкой и Харьковской областях // АО 1980 года. М. С. 255–256.
- Клименко В.Ф., Цымбал В.И. 2005. Некоторые материалы к изучению бондарихинских поселений Подонцовья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. С. 290–294.
- Ковпаненко Г.Т. 1957. Поселения периода поздней бронзы и раннего железа поблизу Охтирки // Археология. Т. 11. С. 95–106.
- Ковпаненко Г.Т. 1967. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ.
- Копы А.Г., Татаринов С.А. 1975. Работы в Харьковской и Донецкой областях // АО 1974 года. М. С. 357–358.
- Копы А.Г., Татаринов С.А., Меценко В.Н. 1976. Работы Артемовского отряда // АО 1975 года. М. С. 341.
- Корохина А.В. 2009. До походження бондарихинської культури // Археологія. № 3. С. 13–18
- Корохина А.В. 2010. Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихинської культури // Археологія. № 1. С. 3–10.
- Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. 2006. Исследования археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца // АДУ 2004–2005 гг. Київ. Вип. 8. С. 226–230.
- Кузьминых С.В. 1996. О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк. С. 99–102
- Левенок В.П. 1963. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. № 3. С. 79–96.
- Лесков А.М. 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. М. С. 143–178.
- Либеров П.Д. 1962. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. №113. С. 5–85.
- Локтюшев С.А. 1930. Доисторический очерк Средней Донеччины (попытка построения краевой доистории). Луганск.
- Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. 2008. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2007 году. Харьков.
- Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. 2009. Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2008 году. Харьков.
- Матвеев Ю.П., Екимов Ю.Г. 1980. Поселение эпохи бронзы Рыкань–2 // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 94–102.
- Мельников Е.Н. 2002. Материалы финала эпохи бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж. С. 112–119.
- Михеев В.К. 1961/24а. Отчет о археологических раскопках и разведках в 1961 г. Харків. НА ІА НАНУ.
- Михеев В.К., Моруженко А.А., Шрамко Б.А. 1975. Исследования в бассейне р. Мерлы // АО 1974 года. М. С. 324–325.
- Михеев В.К. 1962/28. Звіт про археологічні розвідки у 1962 р. Харків. НА ІА НАНУ.
- Морачевський Я. 1929. Кераміка Мар'янівської стації // Антропологія. Т. 3. С. 191–202.
- Отрощенко В.В. 1975. Новый курганный могильник Белозерского времени // Скифский мир. Київ. С. 193–206.
- Отрощенко В.В. 1986. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. С. 117–154.
- Падин В.А. 1966. Юхновские поселения Средней Десны // СА. № 2. С. 137–149.
- Пряхин А.Д. 1969. Памятники позднего бронзового века в лесостепной Подонье // АО 1968 года. М. С. 51.
- Ромашко В.А. 1982. Поселение финальной бронзы-раннего железного века у с. Бузовка Днепропетровской области // Древности Степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). Днепропетровск. С. 54–60.
- Ромашко В.А. 1983. Поселение и могильник начала I тыс. до н. э. у с. Залинейное на Харьковщине // Древности Степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). Днепропетровск. С. 52–59.
- Ромашко В.А. 1990. Предскифские период в пограничье Лесостепи и Степи Днепровского Левобережья (XII — начало VII вв. до н. э.). Дисс. ...канд. ист. наук. Днепропетровск.
- Ромашко В.А. 1998. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ. С. 79–95.
- Рудинський М. 1929. Мар'янівська стація (з матеріалів експедиції понад Сеймом) // Антропологія. Т. 3. С. 179–191.

- Синюк А.Т. 1981. Стоянка Копанище–2 // Эпоха бронзы Восточно-Уральской лесостепи. Воронеж. С. 106–111.
- Смирнова Г.И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. № 4. — С. 33–62.
- Старовинності Ізюмини. 1928. Ізюм. Вип. 3.
- Татаринов С.И. 1980. Железоделательный горн бондарихинской культуры // СА. № 3. С. 280–283.
- Телегин Д.Я. 1953/8а. Отчет о работе неолитического отряда Левобережно-Сейминской экспедиции 1953 г. Киев. НА ІА НАНУ.
- Телегин Д.Я. 1959. Оскольская экспедиция 1955–1956 годов // КСИА. Вып. 8. С. 72–79.
- Телегин Д.Я., Пузаков Е.В., Михеев В.К. 1959/3-а. Отчет о разведках археологических памятников в районе Печенежского водохранилища на реке Северском Донце в 1959г. К. НА ІА НАНУ.
- Телегин Д.Я. 1956. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці // АП УРСР. Т. 6. С. 75–84.
- Телиженко С.А., Супрун А.В. 2004. Исследование многослойного памятника Зелена Горница–4 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 3. С. 188–229.
- Тереножкин А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. №1. С. 63–86.
- Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тихонов Б.Г., Екимов Ю.Г. 1983. Тавровское поселение заключительного этапа эпохи бронзы // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж. С. 138–144
- Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М-Л.
- Чередниченко Н.Н. 1986. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. С. 44–82.
- Черных Е.Н. 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Черных Е.Н. 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. Киев.
- Черных Е.Н. 1981. Клад из Констанцы и вопросы балкано-карпатских связей в эпоху поздней бронзы // СА. № 1. С. 19–26.
- Черных Е.Н. 1983. Проблема общности культур валиковой керамики а степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. С. 81–99.
- Шаповалов Т.А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. К. С. 150–172.
- Шарафутдинова И.Н. 1986. Сабатиновская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. С. 83–116.
- Шрамко Б.А. 1954. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца // КСИИМК. № 54. С. 105–115.
- Шрамко Б.А. 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б.А. 1972. Походження племен раннього залізного віку на території лісостепоного Лівобережжя України // Питання історії народів СРСР. Вип. 14. С. 153–163.
- Шрамко Б.А. 1974/49. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства водохранилищ и каналов в бассейне р. Мерлы а 1974 году. Харьков. НА ІА НАНУ.
- Шрамко И.Б., Задников С.А. 2009. Отчет об охранных археологических раскопках многослойного поселения в снт. Песочин (мр-н «Мобиль») Харьковского района Харьковской области в 2008 г. Харьков.

«Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е.Макаренко А.М. Тальгрону)

С.В. Кузьминых¹, А.Н. Усачук

*Институт археологии РАН, Россия, г. Москва,
Донецкий областной краеведческий музей. Украина, г. Донецк*

В рукописном отделе библиотеки Хельсинского университета (РОБХУ) в составе архивного собрания Арне Микаэля Тальгрена² (1885–1945) хранится обширная корреспонденция — 525 писем и открыток археологов различных стран, написанных А.М. Тальгрону (коллекция 230). Значительное количество писем — от многих археологов из России (позже — Советского Союза). Значение этого эпистолярного собрания трудно переоценить, учитывая непростой и противоречивый, а зачастую трагический период между двумя мировыми войнами для отечественной археологии.

Общий обзор писем. Большой объем корреспонденции в коллекции 230 принадлежит перу известного украинского археолога Николая Емельяновича Макаренко (1877–1938) — это 32 письма и 6 открыток, написанных и посланных с марта 1917 по сентябрь 1935 г. Вероятно, в архиве сохранились не все письма Макаренко. Судя по тексту письма №1 (11.03.1917 г.), можно предположить, что оба ученых уже писали ранее друг другу по поводу книг. Мотив пересылки книг звучит и в переписке 1920-х гг. Например, в письме №3 (5.10.1925 г.) Николай Емельянович благодарит Михаила Марковича «за присылку книг», а в письме №5 (15.01.1926 г.) пишет о том, что «засыпан» посылками книг из Хельсинки. Разумеется, посылка книг предварялась письмами-просьбами. В письме №3, кроме того, упоминается о встрече с Тальгреном в Киеве во время поездки последнего по СССР в 1924 г.³, а организация поездки и, в частности, встречи с Макаренко требовала предварительного решения различных вопросов и, соответственно, их обсуждения в письмах.

Обратим внимание еще на один источник: переписку А.М. Тальгрена с М.И. Ростовцевым. Последний весной (11.04.) и осенью (5.10.) 1925 г. благодарит финского коллегу за известия о фотографиях, которые должен скоро прислать Н.Е. Макаренко (Бонгард-Левин, Тункина, 1997: 506, 507), то есть Тальгрэн вел разговор о фотографиях в письмах с Макаренко до даты (5.10.1925 г.) первого письма «киевской» группы. Помимо всего этого, из сохранившихся писем Николая Емельяновича известно, что он послал Михаилу Марковичу четыре письма (декабрь 1927 г., 12.12.1931 г., 28.01. и в апреле (?) 1932 г.), которые в коллекции 230 отсутствуют⁴ (но учитываются нами при анализе переписки). Кроме того, 17 апреля 1933 г. Макаренко выслал Тальгрону бандероль с книгами, но судя по тому, что следом (19 апреля) написал письмо (№34), то, скорее всего, бандероль письмом не сопровождалась. Подобную ситуацию, но более четко, мы видим и в переписке 1934 г.: открыткой от 6 февраля (№ 36) украинский ученый уведомляет коллегу из Хельсинки об отправке днем ранее заказным письмом текста статьи о Мариупольском могильнике.

Письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрону можно разделить на три неравные группы.

Два письма (№№ 1–2) составляют первую — «петербургскую» — группу и написаны в марте и апреле 1917 г. из Петрограда.

Основное количество писем — 35 (№№ 3–37)⁵ — написаны между октябрем 1925 и мартом 1934 гг. Они составляют вторую — «киевскую» — группу и отражают большой период жизни Макаренко на Украине.

Последнее письмо (№ 38) («казанская» группа) написано в сентябре 1935 г. из Казани, где Николай Емельянович отбывал ссылку с конца 1934 г. (Звагельский, 1990б: 31; Граб, 1990: 29–31; Макаренко, 1992: 58, 60).

¹ Работа одого из авторов (С.В.Кузьминых) велась при поддержке РГНФ, проект 09–01–00510а.

² Или Михаила Марковича Тальгрена, как он представился своим русским коллегам еще в первую поездку в Россию в 1908 г. (Кузьминых, Сафонов, 2009: 152). Как свидетельствуют материалы коллекции 230 в РОБХУ, именно так обращались к финскому ученому не только археологи из России и СССР, но и близкие коллеги и ученики из европейских стран (Г. фон Мергарт, Э.Х. Миннз, Э. Лайд и др.) которые были столь же тесно связаны с археологией Северной Евразии.

³ См. подробнее об этой поездке: (Kivikoski, 1954: 105, 106).

⁴ Нет этих писем и в рабочем архиве А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии.

⁵ С отсутствующими четырьмя их 39.

Наиболее активно переписка Макаренко и Тальгрена происходила в середине — второй половине 1920-х гг.: на это время приходится 28 писем. Интенсивность переписки сначала растет, а потом держится приблизительно на одном уровне: 1925 — 2 письма; 1926 — 8; 1927 — 5; 1928 — 6; 1929 и 1930 — по 4 письма. Очевидно, встреча с финским ученым в Киеве в 1924 г., о которой мы упоминали выше, дала толчок к продолжению переписки. С 1931 г. интенсивность переписки падает. Вероятно, Макаренко стал реже переписываться не только с Тальгреном, но и с другими зарубежными корреспондентами. В письме Э.Х. Миннза М.И. Ростовцеву (12.11.1932 г.) читаем: «... *Из России мало известий. Старые корреспонденты падают. Новые не то. 27. X. умер Смолин. <...> От Макаренко давно ничего. <...>*» (Бонгард-Левин и др., 2003: 506).

В течение года Н.Е. Макаренко переписывался с А.М. Тальгреном нерегулярно. Анализ «киевской» группы писем показывает, что Николай Емельянович писал чаще в первые месяцы года, в основном зимой и весной: январем датируются 8 писем «киевской» группы, февралем и мартом — по 6, апрелем и маем — по 4. Только два раза он писал Михаилу Марковичу в середине июня и единственный раз послал открытку в конце августа из экспедиции из Ольвии¹: «*Дорогой Михаил Маркович! Как виноват я перед вами. Мне прямо стыдно. Я не мог своевременно выполнить несколько ваших просьб. <...> Помешало этому и то что я уже второй месяц сижу на раскопках в Ольвии вместе с Фармаковским. Тут много интересного. Открыты любопытные сооружения. Кроме этих работ собираюсь по окончании поехать в другие места. Буду в Киеве в первых числах сентября. <...> Да, в Одесском Музее имеется прекрасный клад бронзов. вещей, с каменными формами. Я заказал фотографии. Вам преданный Н. Макаренко*» (№10, открытка, 21.08.1926 г.).

В осенние месяцы письма в Хельсинки уходили реже: в сентябре — 2, в октябре и ноябре — по одному, но в декабре — уже 5 писем. Очевидно, увеличение переписки в конце года предвосхищает более интенсивную переписку с А.М. Тальгреном в начале чуть ли не каждого года киевского периода жизни Н.Е. Макаренко. Интересно сравнить ситуацию с его письмами В.А. Городцову за 1908—1931 гг.² Анализ писем показал, что в 1924—31 гг. Николай Емельянович отправил Василию Алексеевичу 7 писем, из которых на осень и зиму приходится 5 и только по одному на апрель и начало июня. Конечно, интенсивность переписки с Городцовым существенно меньше, чем с Тальгреном, но тенденция писать письма к концу года — началу следующего просматривается и здесь.

О содержании писем. «Петербургская» группа писем посвящена, прежде всего, вопросам книжного обмена между учеными и попытке Н.Е. Макаренко организовать поездку в Гельсингфорс. Интересна эмоциональная составляющая писем, позволяющая ощутить напряжение жизни сотрудников Эрмитажа после свержения самодержавия: «*Многоуважаемый Михаил Маркович, свершившиеся радостные события отвлекли меня, как и всех остальных, от своевременного и аккуратного выполнения своих обязанностей, среди которых была и посылаемая теперь моя глубокая благодарность Вам, за присланные Ваши работы <...>*» (№1, 11.03.1917 г.); «*<...> Никак не могу выбраться в Гельсингфорс. Мешает то одно обстоятельство, то другое. За последние две недели я имел лишь 2—3 дня без заседаний. Иногда в один день 2 заседания. Лично я принимаю участие лишь в занятиях по своей специальности, и то по горло занят. Все перестраивается заново, масса невыясненного, темного, запутанного. Старые порядки и власть так запутали все строение, что теперь с большим трудом приходится разбираться. Милльон этой власти проклятий!.. С ист. почт. и уважением Н. Макаренко*» (№2, 8.04.1917 г.).

В Гельсингфорс Николаю Емельяновичу выбраться так и не удалось. Известно, что в конце апреля 1917 г. исследователь был включен в состав Военно-археологической экспедиции Ф.И. Успенского и направлен на турецко-кавказский фронт в район г. Трапезунд для регистрации и изучения памятников искусства и старины (Білодід, 1989: 123; Макаренко, 1992: 29—30; Сотрудники... 2004: 103). Но и после возвращения в Петроград возможности куда-либо поехать у Макаренко не было. Представление по поводу трудностей и сильной загруженности сотрудников Эрмитажа в 1917 г. дают сохранившиеся протоколы заседаний Общего собрания музея (Пиотровский, 2000: 270—277). К обычным рабочим вопросам прибавились проблемы военного времени и переходного периода после крушения одной и попыток укрепиться другой власти: «*<...> доступ публики в Эрмитаж является преждевременным, так как отдельные группы лиц могут воспользоваться помещением музея для посторонних целей, т. е. для устройства собраний,*

¹ Здесь и далее текст писем Н.Е. Макаренко дается курсивом без исправлений и с присущей автору орфографией. Сокращения не восстанавливаются. Опущенные фрагменты текста отмечаются троеточием, заключенным в угловые скобки. Так же оформлены и фрагменты иных писем.

² Хранятся в ОПИ ГИМ, фонд 431, ед. хр. 415 (Самсонова, 1988: 71). Искренне благодарим И.В. Белозёрову за содействие в работе с архивом В.А. Городцова.

митингов и тому подобное <...> город еще не очищен от подонков общества, которые выпущены на свободу из тюрем вместе с политическими заключенными», «Эрмитажным коллекциям грозит серьезная опасность от бомб с цепелина, от разграбления чернью или немцами и, наконец, от пожара» (Пиотровский, 2000: 270–271). Из протоколов известно, например, об участии Николая Емельяновича в различных заседаниях и комиссиях, в эвакуации коллекций Эрмитажа в Москву: «Н.Е. Макаренко сообщил собранию частные подробности тех условий, в которых пришлось совершить поездку в Москву. Вагоны оказались грязными нетопленными, с выбитыми стеклами. На станции Бологое имела место попытка солдат занять места на тормозных площадках и буферах с целью доехать до Москвы. Юнкерам, сопровождающим поезд, с трудом удалось удержать солдат, пытавшихся силой захватить места» (Пиотровский, 2000: 271, 272).

Как уже упоминалось, «петербургская» группа писем Н.Е. Макаренко значительно уступает «киевской». Но прежде чем перейти к ним, остановимся на причинах переезда Макаренко на Украину и проследим вкратце жизненный путь ученого до осени 1925 г. — времени написания первого сохранившегося письма «киевской» группы.

Известно, что тяжелое материальное положение заставило Николая Емельяновича отправить семью из голодного Петрограда на Украину уже в июле 1918 г. (Макаренко, 1992: 34). Сам же он, захваченный идеей возрождения Украины, оказался в Киеве весной 1919 г. (Білодід, 1989: 125; Макаренко, 1990: 32). Свой переезд на Украину ученый кратко, но эмоционально описал в письме Б.Э. Петри, датированном концом 1920-х гг.: «<...> В 1919 году я выехал из СПб, в командировку на Украину. Тут меня захватило движение — украинизация. Вы знаете, я сам украинец. Казалось тогда, что действительно я могу быть полезным родине. Не подавая в отставку в Эрмитаже, я просто после окончания командировки, остался здесь. <...>» (Граб, Супруненко, 1993: 40, 41).

В Киеве Н.Е. Макаренко с головой погрузился в разнообразную деятельность как археолог, преподаватель, искусствовед (Білодід, 1989: 125, 126; Звагельський, 1990а: 25, 26; 1990б: 55, 58; Макаренко, 1992: 34–40). В письме Петри читаем: «<...> Целый ряд иных учреждений повесили мне на плечи. Работы за четыре года я выдержал столько, что уж теперь мне кажется такая нагрузка страшной. Круглый год работаешь как вол. <...> Было время и именно тогда, когда по полгода не платили, я читал в шести — семи высших учебных заведениях лекции. <...>» (Граб, Супруненко, 1993: 41). В 1920 г. Макаренко назначают первым директором музея Искусств ВУАН (ныне Киевский музей западного и восточного искусства) (Діброва, 1990: 42; Звагельський, 1990а: 26; 1990б: 55; Макаренко, 1992: 38). Однако в конце осени 1924 г. против него возбудили следствие. Дело было явно сфабриковано (Макаренко, 1992: 40, 41). Николай Емельянович был снят с должности и арестован в числе директоров различных музеев Украины и России (Звагельський, 1990: 26; Формозов, 2004: 45). Новая власть, начав репрессии в отношении гуманитарной интеллигенции в 1922 г., продолжила их теперь и в отношении музейных работников (Формозов, 2004: 45, 46). Судя по сохранившимся письмам Н.Е. Макаренко В.А. Городцову (24.04.1925 г.) и Б.Э. Петри (зима-весна 1926 г.), Николай Емельянович это понимал: «<...> В настоящее время я очутился в числе лиц навших жертвой похода против музейных деятелей. Начиная с Екатеринослава, где потрели изрядно Эварницкого, потом Полтавы (уволили директора) Чернигова (то же) и меня в Киеве уволили с места директора Музея. <...>» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 415. Л. 14); «<...> наконец наступает 1925 год, самый тяжелый для меня. В этом году <...> объявлено гонение на директоров музеев Украины. Вначале предали суду Эварницкого <...> предъявив чудовищные обвинения. Затем директора Полтавского музея — Рудинского, далее: только сместили основателя и устроителя Киевского музея — Беляшевского, наконец приняли за меня и также предали суду. <...> После меня предан суду директор Одесского музея Дложевский. Возмутительная наглая ложь, возмутительное обращение. Абсолютное отсутствие каких-бы то ни было данных, кроме одного желания водворить на месте свое лицо коммуниста <...>» (Граб, 1990: 30; Граб, Супруненко, 1993: 41, 42).

Ситуация с увольнением и арестом привела к тому, что в 1925 г. Макаренко оказался без постоянной работы и вынужден был перебиваться случайными заработками: «<...> сижу теперь «без определенных занятий», без службы, без куска хлеба. Ищу отверстие в которое бы мог выскочить из этой затхлой атмосферы да не так это в настоящий момент легко. Надежд пока никаких. <...>» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 415. Л. 14, 15); «<...> Целый год (1925) я снова голодал, не имея абсолютно никаких служеб. занятий» (Граб, 1990: 31; Граб, Супруненко, 1993: 42). Однако летом и осенью 1925 г. ему удалось провести археологические исследования (Макаренко, 1926а; 1926б; 1992: 42, 43; Звагельський, 1990б: 58). Первое киевское письмо Тальгрелу отправлено как раз вскоре после возвращения из экспедиции: «Дорогой коллега! Лишь недавно я вернулся с раскопок, пробыв там около двух месяцев. Эти работы поглотили меня окончательно. Все время я не мог уделить буквально ни одной минуты на какое нибудь другое дело. Я может быть слишком

увлекаюсь нашими задачами и отдаю им все свои силы и время. Это и было причиной того что получив от вас три посылки с книгами и одно письмо я только в настоящую минуту в состоянии ответить на письмо и послать вам мою глубочайшую благодарность за ценную для меня присылку книг. <...> Искр ваш Н. Макаренко. Киев, Терещенковская, 15. Р. С. За всякую посылку книг вам громадное спасибо. Это для меня истинное наслаждение» (№ 3, 5.10.1925 г.).

Уже в этом письме намечена основная канва последующего диалога двух ученых: книги. Вот несколько цитат из писем разных лет, где два специалиста ведут свой нескончаемый разговор: «Дорогой Михаил Маркович! Глубочайшее спасибо за присланную вами работу «Eurasia <...> La Pontide prescythique <...>». Получил ее 24/XI. <...> Удивляюсь Михаил Маркович как это у вас хватает и сил и возможности так скоро работать. Меня это приятно поражает. Мы вероятно никогда не дорастем до такой работоспособности. Мы умеем лишь заседать и просиживать по 5–6 часов в день над глупостями абсолютными. Сейчас наслаждаюсь вашей книгой. <...> На книге — «II», а какой же первый выпуск. Я никакого понятия не имею. <...> На днях у нас выходит сборник посвященный «Трипольской» культуре. Как только выйдет я пошлю вам. — Искр. вам пред. Н. Макаренко» (№11, 25.11.1926 г.); «<...> Получили ли вы «Трипільський збірник»?¹ <...>» (№ 13, 15.03.1927 г.); «Дорогой Михаил Маркович! Искренне спасибо вам за присылку IV^{го} тома «Eurasia <...>. Только что получил. Еще не успел окончательно познакомиться с содержанием. В современном моем тяжелом положении, единственную радость в моей жизни составляет всякая новая книга. <...>» (№17, 17(19?).05.1928 г.); «<...> На днях посылаю вам свой «Чернігівський Спас». Эта работа сейчас в брошюровке. <...> С искр. уважением Н. Макаренко» (№24, 16.03.1929 г.); «<...> Относительно книг. Я очень нуждаюсь в книге Salen'a о чем вы уже знаете и хотелось бы иметь книгу Taskenberg'a. О каких работах Fettich'a вы пишете. Я имею от него прекрасную работу «Das Kunstgewerbeder Avarenzeitin Ungarn» и только. Не знаю что он еще печатал. Очень бы просил Вас дорогой Михаил Маркович сообщать что еще вышло за границей относительно интересующего меня вопроса о так называемых готских древностях. К нам сведения доходят плохо. Извините ради Бога за беспокойство. Но Вы единственный к кому я могу обратиться с такой просьбой. <...>» (№ 29, 3.05.1930 г.).

В связи с книгами заметим, что в разное время мы, занимаясь сбором информации о Макаренко, разыскали некоторое количество книг из его библиотеки. Обстоятельный разговор о судьбе библиотеки ученого — отдельная тема; книги и сборники с его экслибрисами и подписями «всплывают» в Киеве (библиотека ИА НАНУ), Казани и Донецке (ср. Макаренко, 1992: 64, 65). Здесь нам бы хотелось указать только на несколько случаев: в библиотеке одного из авторов хранятся выпуски ESA (III, V и VI) с подписью «Микола Макаренко» и со следами наклеенных в свое время и сорванных позже экслибрисов Н.Е. Макаренко (кстати, сделанные чернилами подписи тоже пытались стереть — вероятно, после нового ареста ученого). Сборники были приобретены в 1970-е годы в Казани. В библиотеке донецкого археолога В.К. Граба хранится около десятка книг и оттисков из библиотеки Макаренко и, в частности, монография Н. Феттиха (Fettich, 1926), о которой сообщается в письме №29. В книге, помимо подписи «Микола Макаренко», есть пометка владельца: «Від автора. 21/II.27 р.». Добавим, что отголоски контактов Макаренко с Феттихом прослеживаются и позже: в той же библиотеке Гриба есть еще одна книга венгерского исследователя (Fettich, 1932) с экслибрисом и подписью «Микола Макаренко».

Другая важная тема диалога Н.Е. Макаренко и А.М. Тальгрена касалась готовящихся и посылаемых для издания в ESA статьях украинского ученого. Вот несколько цитат из писем: «<...> За предложение написать статью я весьма благодарен и с вашего разрешения пошлю вам кое-что. Буду благодарен за напечатание. Для меня было бы удобнее на французском языке. — <...>» (№ 9, 10.05.1926 г.); «<...> К одному из таких морально необходимых для меня явлений будет относиться появление сборника в честь мною искренне уважаемого, большого работника, подвергшегося большой травле антиморальных лиц, и большого знатока своего дела, моего учителя А. А. Спицына. Слава и честь вам за то что вы беретесь за дело, которым отметили многолетнюю полезную работу скромного труженика. Кого только мы не праздновали юбилей? Полезных, малополезных и совсем не полезных деятелей. А про Спицына мы крепко забыли. Хорошие соотечественники!.. Давно уже меня мучило это сознание. Но сделать что-либо мне не довелось. Я лично весьма вам благодарен за энергичную инициативу в этом вопросе. Издавайте сборник. Статью свою для него я пришлю. Будьте добры сообщите срок к каковому я должен буду ее доставить. Возможны ли иллюстрации?— <...> не скрою — я был бы рад если бы моя работа появилась на страницах прекрасной и важной по значению «Eurasia». Хотелось бы за недолгое время что мне осталось пребывать здесь хоть частично обработать на-

¹ Речь идет о сборнике «Трипільська культура на Україні», где помимо других, автором был и Н.Е. Макаренко (1926).

копившийся долгими годами материал, иногда действительно ценный. — <...>» (№18, 11.11.1928 г.); «<...> думаю, не поздно ли мне будет приниматься за свою статью в сборник в честь уважаемого Александра Андреевича. Ужас, но боюсь что я опоздаю. Это было бы для меня большой неприятностью. Хочу написать — и собрал неб. материал — о Гальштатте на Украине. Надо лишь сделать несколько фотографических снимков находящ. в Музее вещей. Для этого надо время пока я немного поздоровею. Будьте столь добры дорогой Михаил Маркович уведомите меня об этом. Не опоздал ли? И когда бы вы, если я не опоздал, назначили последний срок. Мне и неловко что я так неаккуратен и тягостно что работа очевидно, за краткостью времени остающейся после болезни, будет сокращена, скомкана и не будет иметь того вида каким бы хотелось приветствовать уважаемого человека, которому у нас так мало уделено внимания. <...> С искр. и глубоким товарищеским приветом Н. Макаренко» (№21, 17.12.1928 г.); «Дорогой Михаил Маркович! Завтрашней почтой посылаю вам для своей статьи в сборник в честь Спицына фотографические снимки. Не далее как числа 22 февраля высылаю и самую статью. Чувствую себя весьма виноватым перед вами за задержку статьи и за всякую медлительность. Но фотогр. снимки я получил лишь на днях. Так долго пришлось ждать. <...> С искрен. товарищ. приветом Н. Макаренко» (№22, открытка, без даты; штемпель: Киев. 20.02.1929 г.); «<...> С глубоким извинением за nepозволительное опоздание посылаю вам для сборника в честь А. А. С. свою работу. Пишу о связи скифской культуры с Гальштаттской. Очень боюсь что статья не в меру разрослась и вызовет ваше неудовольствие а далее — отставку за отсутствием места. В этом отношении прошу не стесняться и делать со статьей что вы найдете необходимым. Уведомление ваше о фотограф. снимках и рисунках получил. <...>» (№24, 16.03.1929 г.).

Цитируемые фрагменты нескольких писем отражают этапы подготовки статьи (Макаренко, 1930) для ESA-V. Макаренко, так уж случилось, в итоге «опоздал» со своей статьей в юбилейный спицынский сборник (ESA-IV), и Тальгрэн поместил ее, наряду с другими «должниками» (А.А. Захаров, А. Кузнецова, В.И. Громов и др.), в следующий том журнала.

Обратим внимание на своеобразный этикет, который используется и в наши дни, когда затягиваются сроки подачи работ (это знакомо всем археологам!) и безбожно превышает объем написанного. Макаренко предлагает делать с его статьей все, что угодно, предполагая даже «отставку за отсутствием места». На самом деле, редактор ESA дорожил каждой работой, присланной из СССР, поскольку само издание ежегодника задумывалось как научная серия именно по вопросам, разрабатываемым в археологии Северной Евразии (Kivikoski, 1954: 106–108; Салминен, 2007: 104)¹.

Обратимся вновь к письму Макаренко: «Дорогой Михаил Маркович! Ваше предложение страниц «Е. С. А» для моей будущей работы меня обрадовало. Я очень благодарен вам за такую честь и конечно поспешу воспользоваться вашей любезностью. У нас было бы невозможно сделать такую работу. Будьте добры продолжить вашу любезность, не отказать сообщить на какое количество листов я мог бы рассчитывать, а особенно, какое количество иллюстративного материала могли бы предоставить. Насколько я могу сейчас судить, по материалу, работа моя займет не менее десяти листов. Далее, когда я мог бы или должен доставить ее вам. В настоящий момент я занят несколькими маленькими, которые вынуждает писать нужда ибо они пишутся из за денег. Работа же о которой идет речь потребует у меня для окончательной отделки времени не менее до января 1931 года. <...>» (№28, 15.03.1930 г.).

Судя по этому и следующему письму (№29, 3.05.1930 г.), Макаренко в первой половине 1930 г. работал над большой статьей о «готских древностях». К сожалению, написать эту работу у Николая Емельяновича не получилось. Впереди ученого ждал Мариупольский могильник, который потребует массу сил и времени, затем курганы со «скорченниками», а следом — и арест. Забегая вперед, заметим, что в единственном письме Тальгрэну из ссылки он напишет: «<...> Очень немного продолжаю работать по древностям так наз. великого переселения народов. По этому вопросу материал собрал хороший <...>» (№38, 17.09.1935 г.).

Еще несколько писем: «Дорогой Михаил Маркович! Несколько дней получил от Вас приглашение принять участие в сборнике в честь Minns'a. Был очень рад возобновить прерванную переписку. Ведь сколько писем я послал Вам и не знаю на них никаких ответов. Пытаюсь этим вновь связаться с Вами. С боль-

¹ Ежегодник прекратил свое существование в 1938 г., когда Тальгрэн — в связи с развертыванием ширококомасштабных новостроечных раскопок в Советском Союзе — утратил контроль за их осмыслением (Kivikoski, 1954: 112); другой причиной стало резкое ухудшение его здоровья (Там же: 118, 119). Тимо Салминен (2007: 105) считает, что на прекращение издания ESA Тальгрэн пошел, когда научные контакты с советскими специалистами стали невозможными из-за политической ситуации в отношениях СССР и Финляндии, однако мы полагаем, что версия, изложенная Эллой Кивикоски, более правдоподобна.

шим удовольствием и нравственным чувством приму участие в сборнике в честь уважаемого мною ученого. Статью свою пришлю к определенному Вами сроку. Не хочу чтобы она опоздала как это было со статьей в честь Спицына. <...>» (№ 33, 28.03.1933 г.); «Дорогой Михаил Маркович! Вчера отправил почтой заказным свою статью о Мариупольском могильнике на англ. языке, думая что она может быть еще попадет в издаваемый сборник в честь Minns'a. Огорчен буду если уже поздно. Фотографические снимки к этой статье послал давно уже. Очень прошу известить меня получено ли Вами. Запоздание в пересылке не от меня зависело. Жду ответа. С искр. приветом Н. Макаренко» (№36, открытка, 6.02.1934 г.); «Дорогой Михаил Маркович! Корректуру и рукопись статьи получил. Завтра 25го отправляю обратно и то и другое, одновременно с этим письмом, заказными. Исправить необходимо: loose на loess (геологический слой: лёсс); charm на totem (ведь charm не тотемный знак); сделать соответственные исправления на 11^й странице как указано в корректуре; на стр. 10 подпись под иллюстрацией вместо VI надо LXXXVI; на стр. 13^й вместо pearl надо pear (грушевидный); на стр. 17ой печатного текста и 11^й рукописи пропущено 5 строк: *We assum that the culture of bone implements* <...>» если этот пропуск случайный — восстановите его, а если же Вы не находите мысль высказанную в этих строках правильной — вычеркните. Все остальное как будто бы правильно. <...> На полях слева приписка: «*“bobac” — наш степной грызун иначе байбак. Не знаю иное его название*» (№ 37, 24.03.1934 г.).

Эти письма и открытка отражают работу над статьей для ESA-IX — выпуска, посвященного Э.Х. Миннзу (Макаренко, 1934). Николай Емельянович знакомит в ней зарубежных коллег с раскопками уникального Мариупольского могильника, причем делает это на страницах журнала, редактор которого стал с 1929 г. персоной *non grata* в СССР после публичного осуждения развернувшейся в советской прессе травли академика С.А. Жебелева и его коллег, принявших участие в пражском сборнике памяти Я.И. Смирнова¹. Тальгрэн и редактируемый им ежегодник в начале 30-х гг. подверглись резкой политической критике в официальных изданиях ГАИМК (Худяков, 1931: 25–29; Быковский, 1932: 40–43). Известно, что большинство тальгрэновских корреспондентов из СССР после 1929 г. замолчали, но Макаренко принадлежал к числу тех немногих смельчаков, кто плыл против течения и не отвернулся от Тальгрэна (Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007: 103).

Из текста писем видно, что Николай Емельянович помогал Михаилу Марковичу в уточнении данных и в поиске иллюстраций к книге финского ученого о бронзовом веке Северного Причерноморья (Tallgren, 1926). В частности, Макаренко предпринял поиски и выслал Тальгрэну портреты Д.И. Эварницкого, Н.Ф. Беляшевского, В.И. Гошкевича (№7, 13.02.1926 г.)², уточнил даты жизни Б.И. Ханенко и Н.И. Петрова (№8, 10.04.1926 г.) и в этом же письме обратился к Михаилу Марковичу с советом и предложением: «<...> Если вы так щедры на иллюстрации то мне казалось бы не лишним было бы поместить и портрет Ек. Ник. Антонович-Мельник. Ей принадлежит не мало работ, правда мало опубликованных, что касается интересующих вас тем. Ее портрет мог бы вам послать. <...>». Мы выделили этот фрагмент письма потому, что Тальгрэн прислушался к совету и поместил портрет Антонович-Мельник в портретной «галерее» своей книги (Tallgren, 1926: Fig. 6).

Выше говорилось о том, что А.М. Тальгрэн дорожил каждой работой, присланной из СССР для публикации в ESA. Его обширная переписка с советскими коллегами тому свидетельством. Некоторые из полученных им статей явно «не дотягивали» до уровня журнала, и только благодаря Тальгрэну, как редактору, они увидели свет. Но все же было несколько случаев, когда Михаилу Марковичу пришлось отклонить ряд статей, в частности, Л.А. Динцеса — и сделано это было по инициативе Н.Е. Макаренко.

Обратимся к его письмам: «Дорогой Михаил Маркович! Сейчас из письма вашего к М. Я. Рудинскому узнал что во втором томе *E. S. A.* у вас будет помещена статья Динцеса. И на меня и на Рудинского и на всех остальных произвело это известие удручающее впечатление. Никто из наших археологов не ожидал такого любезного со стороны Финляндии отношения к тому лицу археология для которого особенно наша украинская необходима лишь постольку поскольку она помогает ему «выйти в люди». Прежде всего названное лицо не имеет никакого серьезного отношения к той дисциплине за которую взялось. Во вторых из Киева он уехал не только не признанный как археолог, но абсолютно ни с кем из археологов не умевший себя вести. Словом сейчас же у нас вырешено дабы я написал вам об этом. Что я и выполняю, предварительно извинившись перед вами что позволяю себе говорить на такие темы и беспокоить вас. — Как живете? Что не слышно от вас никаких известий? Искренне вам пред. Н. Макаренко» (№12, 14.02.1927 г.); » Глубокоуважаемый и доро-

¹ См. подробнее о «деле академика С.А. Жебелева»: (Тункина, 2000).

² А.М. Тальгрэн считал своим долгом поместить в книге портреты всех основных исследователей древностей бронзового века Северного Причерноморья (Tallgren, 1926: Fig. 4–22), в том числе и Н.Е. Макаренко (Там же: Fig. 9).

гой друг Михаил Маркович! Присланная вами корректура ст. г. Д. еще более убедила нас что наше решение просить вас не печатать эту статью было правильно. С чисто этических соображений академического характера и на сей раз просим не давать дальнейшего хода этой статье. Если было ему дозволено сделать фотографические снимки это не значит еще что ему было разрешено их обнародовать. Это уже второй случай что это лицо пытается обнародовать тот материал который обрабатывается другим лицом. Поэтому убедит. просьба статьи не печатать. Я и мои коллеги весьма и весьма извиняются перед вами за безпокойство причиняемое настоящим письмом и просьбой, но просим просьбу исполнить, во избежание неприятных последствий. — <...>» (№13, 15.03.1927 г.); «Дорогой Михаил Маркович! Вы доставили всем археологам Украины истинное моральное удовлетворение отказав печатать работу имеющую несомненную моральную нечистоплотность. Повторяю — это уже второй раз что эту особу останавливают на публикации чужих материалов. <...>» (№14, 3.04.1927 г.).

Сейчас, вероятно, невозможно узнать, как и почему не сложились взаимоотношения Н.Е. Макаренко и Л.А. Динцеса (1895–1948)¹. Последний во второй половине 1920-х гг. принадлежал к молодому поколению археологов. Известно, что Лев Адольфович закончил в 1920 г. археологическое отделение Киевского археологического института², затем сдал магистерские экзамены по археологии при I отделе ВУАК (1922–23) и начинал специализироваться по изучению Триполья. В 1920–24 гг. Динцес работал в КАИ, вел курс по трипольской культуре и практические занятия по эпохе раннего металла на Украине, завершил в эти годы исследование «Трипольская культура и ее орнамент», в котором по-новому поставил вопрос о хронологии и классификации памятников Триполья на Украине. Труд этот остался неопубликованным. Судя по переписке Макаренко и Тальгрена, он целиком базировался на чужих материалах, распорядиться которыми по собственному усмотрению Динцес не мог. В конце 1924 г., с потерей работы в КАИ, Лев Адольфович переехал в Ленинград, работал в 1924–28 гг. в Государственном Музейном фонде и в Эгейской комиссии ГАИМК, в 1928–30 гг. — аспирант ГАИМК.

Судя по письму М.Я. Рудинского (см. ниже), статья, отправленная Л.А. Динцесом в ESA, была посвящена трипольской проблематике. Начало этой истории неожиданно обнаружилось в письме М.Г. Худякова (17.09.1925 г.), благодаря которому состоялось заочное знакомство Динцеса с редактором ESA. Вот цитата из письма Михаила Георгиевича: «<...> один мой знакомый, археолог Динцес из Киева, просил меня спросить у Вас, не интересуется ли Вы Трипольской культурой, и нельзя ли у Вас напечатать маленькую заметку (страницы 2–3) об одной очень интересной головке от статуэтки из Трипольской культуры в Подольской губернии» (РОБХУ. Колл. 230–5). Судя по всему, Тальгрэн ответил Худякову согласием, после чего Динцес отправил заметку в Хельсинки (см. его письма от 8 и 18 декабря того же года; РОБХУ. Колл. 230–2). Финский исследователь, крайне занятый в то время подготовкой к изданию монографии о бронзовом веке Северного Причерноморья и редактированием ESA-I, более года держал паузу, и Динцес оставался в неведении: принята его заметка к печати или нет. Спустя год он решается окольными путями, вновь через Худякова, прояснить судьбу статейки³. В начале 1926 г. Тальгрэн подтвердил намерение опубликовать ее⁴, но в итоге эта заметка в ESA не вышла. Сеем предположить, что Тальгрэн, зная о научных разысканиях Динцеса, предложил ему опубликовать полноценную статью, и в итоге Лев Адольфович направил для публикации часть своего исследования об орнаменте трипольской культуры.

Тальгрэн, судя по многим прямым и косвенным данным, был в курсе всех хитросплетений отечественной археологии, в том числе и этических вопросов. Кроме того, будучи редактором журнала, он полагался не только на собственную оценку присланных текстов, но и справлялся о них у коллег, с кем у него сложились доверительные отношения. Макаренко, безусловно, принадлежал к их числу. Из приведенных выше цитат из его писем явствует, что он крайне отрицательно — в этическом плане — отнесся к статье Динцеса, равно как и к самой фигуре молодого исследователя. Тальгрэн на этом не остановился и после получения письма от Николая Емельяновича (№12, 14.02.1927 г.) справился по поводу статьи Динцеса у Рудинского. Это можно реконструировать по ответу Михаила Яковлевича (11.03.1927 г.), гораздо более спокойному, чем письма на эту тему Макаренко: «<...> P.S. Да, по поводу статьи Л. Динцеса. Я не ждал ее. Есть ли в ней указание на то, что материалы публикуются с согласия

¹ См. о его биографии и основных трудах: (Кузьмич, 2007).

² Институт был организован осенью 1917 г., а упразднен в августе 1924 г. (Нестуля, 1997: 47).

³ В письме от 26.11.1926 г. Худяков передает эту просьбу: «Динцес просил Вас спросить о судьбе его статейки» (РОБХУ. Колл. 230–5).

⁴ Свидетельством тому строка из письма Худякова (2.12.1926 г.): «Динцеса я сегодня же порадую Вашим сообщением» (Там же).

покойного Н.Ф. Беляшевского? Я знаю, что покойный собирался издать *Линци (Ильинцы по-русски)* и приготовил рисунки. Смерть помешала ему довершить начатое. В последних раскопках (1925 г.) принимал участие П.П. Куринный. Ему Н.Ф. и поручил окончание его дела: Вот все, что я считаю долгом сказать Вам по этому поводу. МР.» (РОБХУ, колл. 230–9).

В итоге, как мы знаем, Тальгрэн отклонил статью Динцеса. Та ли это статья, опубликованная им спустя два года в сборнике аспирантов ГАИМК (Динцес, 1929), сказать трудно, поскольку в рабочем архиве финского ученого нам не удалось отыскать ее первоначальный вариант. Вполне возможно, что редактор ESA вернул текст в Ленинград. Аспирантская работа Динцеса признана как «хорошее исследование о трипольском орнаменте» (Формозов, 1995: 56). Но по завершении аспирантуры Лев Адольфович отошел от археологии. А.А. Формозов считал, что не в последнюю очередь это произошло из-за репрессий в археологии вообще и чисток в ГАИМК в частности (1995: 43–57). Мы полагаем, что причиной тому послужила как раз этическая сторона исследования Динцеса о Триполье и неприятие его работы украинскими коллегами. В отрыве от Украины и в силу невозможности раскопок трипольских памятников, он, вероятно, не решился заниматься далее проблематикой Триполья. Увлечение орнаментом и искусством в целом привели Льва Адольфовича в Государственный Русский музей (1930–1942), где он проявил себя как организатор и заведующий отделом народных художественных ремесел. В эвакуации, в Елабуге, став сотрудником ИИМК (1942–46), он увлекся историей города (к сожалению, его труд об истории Елабуги так и остался неопубликованным). После войны ученый перешел на работу в Институт этнографии АН СССР (1946–48). Труды последних лет жизни связаны с изучением народного искусства Закарпатской области Украины.

Безусловно, Л.А. Динцес был незаурядным человеком, судя по его работам в различных областях истории, этнографии, литературы и искусствоведения, вышедшим и в киевский период его жизни (Динцес, 1922), и позднее (Динцес, 1936; 1951; Неопубликованные карикатуры ..., 1939; Маслова, 1978: 10), а также по отзывам современников¹. Эмоциональные строки писем Н.Е. Макаренко, возможно, сгущают краски, хотя на попытки как-то использовать чужой материал без разрешения авторов всегда остро реагируют в любом научном сообществе. Известно, что у Николая Емельяновича был сложный характер, взгляды свои ученый отстаивал решительно (Білодід, 1989: 126–127; Макаренко, 1992: 39), что не всегда способствовало его сближению с коллегами. Он не сработался, в частности, с П.П. Куринным и А.П. Новицким.

Кроме разговора о книгах, готовящихся статьях и ситуации с работой Л.А. Динцеса, в письмах «киевской» группы можно проследить отголоски различных дел, в которых принимал участие Н.Е. Макаренко. Во многих письмах (см. выше цитируемое письмо №3 — первое из «киевской» группы) затронут мотив только что или недавно прошедшей экспедиции: «... С началом летнего времени собираюсь заняться археологическими раскопками. Буду работать почти исключительно в области Трипольской культуры. <...>» (№8, 10.04.1926 г.); «<...> я уже второй месяц сижу на раскопках в Ольвии вместе с Фармаковским. Тут много интересного. Открыты любопытные сооружения. <...>» (№10, отрывок, 21.08.1926 г.); «<...> Я всего только недели две окончательно вернулся с раскопок. Выполнил три больших командировки. Сейчас сижу над обработкой добытого материала. Наиболее сложная работа была в Ольвии где я пробыл два месяца <...>» (№11, 25.11.1926 г.).

В 1926 г. Макаренко продолжал раскопки трипольских поселений Евминка (Макаренко, 1927; Рудинский, 1927: 11) и вновь открытого памятника Караганы (Макаренко, 1927а). В Ольвии же Николай Емельянович работал в экспедиции Б.В. Фармаковского как представитель ВУАК (Рудинский, 1927: 12; Макаренко, 1927б: 91). «<...> С I/VII собираюсь на исследования в Прилукский Округ на Полтавщине (это левобережье богато различными памятниками многих эпох). <...>» (№15, 15.06.1927 г.). Работы на Полтавщине в 1927 г. действительно дали разнообразный материал (Макаренко, 1927в: 106–117): от энеолита, бронзового века (Усачук та ін., 1995: 206, 207) и раннескифского времени (Звагельский, 1990б: 58) до XVIII–XIX вв. (Макаренко, 1927г: 212, 213; 1992: 45). «<...> До 20/VIII я был в грязелечебнице в Евпатории, потом на археолог. исследованиях в Луганске (Донецкий бассейн). Там заболел, не закончив работы и приехал поправляться в Киев, куда приехал I/IX. Лежу, не выхожу, но уже поправляюсь. Снова, поправившись, уеду на раскопки <...>» (№18, 11.09.1928 г.).

В свое время, занимаясь сбором материалов о Н.Е. Макаренко, мы охарактеризовали 1928 г. как «темный период» в жизни ученого (Усачук та ін., 1995: 212; ср.: Звагельский, 1990б: 58). Действительно, отсутствие постоянной работы, конфликты с руководством ВУАК, трагедия, связанная с гибелью сына

¹ См. литературу о нем: (Кузьминых, 2007: 690).

летом 1927 г., — все это наложило отпечаток на дальнейшую жизнь и деятельность Николая Емельяновича. Буквально по крупицам удается восстановить события 1928 г.: попытки добиться ассигнования на раскопки и противодействие руководства ВУАК в получении этих денег (Макаренко, 1992: 46–48), раскопки на Звенигородщине (Ф. ВУАК, №135), тяжелое внутреннее состояние ученого¹, болезнь и лечение в течение значительной части лета в Евпатории²; письмо М.С. Грушевскому (30.06.1928 г.) (Макаренко, 1992-а: 107, 108), попытка организовать раскопки под Луганском (Кузьминых, Усачук, 2008: 63).

На последнем эпизоде остановимся подробнее. Строки письма №18 подтверждают, что в начале августа 1928 г. Н.Е. Макаренко ездил в Луганск. Правда, в письме стоит дата пребывания в Евпатории «До 20/VIII <...>». Очевидно, это ошибка и следует читать: До 20/VII. Сохранилось письмо С.А. Локтюшева жене (5.08.1928 г.), в котором он сообщает: «<...> Вчера приехал из-под Дебальцево. Сюда приехал Макаренко и с ним ездили на рекогносцировку туда. Были в нескольких местах верст за 40 от Дебальцево. <...> 8 августа еду опять на дня три, где будем копать и совместно и отдельно <...>» (Усачук та ін., 1995: 210, 211). Как следует из текста письма №18, были начаты какие-то работы «и совместно и отдельно <...>», но Макаренко не закончил их из-за болезни. Его желание после выздоровления уехать снова в экспедицию, очевидно, не осуществилось. Во всяком случае, в отчете о работах за 1928 г. Локтюшев (1929) ничего не говорит об участии Николая Емельяновича в раскопках.

В сентябре-октябре 1930 г. Н.Е. Макаренко провел исследования ставшего впоследствии знаменитым Мариупольского могильника. Письмо № 30 мы приводим полностью, потому что оно является, на наш взгляд, началом осмысления автором только что полученного материала нелегких раскопок: «Дорогой Михаил Маркович! Давно не имею от вас никаких известий. Забыли меня. Я же не забыл Вас и пишу вот по какому случаю. Хочу если не похвастаться, то во всяком случае похвалиться своими археологическими работами, которые производил летом 1930 года. Думаю что они Вас не могут не заинтересовать. На берегу Азовского моря при устье р. Калмиус изследовал я необыкновенный могильник. На глубине ок. 1,50 м от поверхности, под обычной черной землей, в слое глины была длинная, около 28 метр. длиною при ширине ок. 2^х метров яма — полоса засыпанная ярко красною глиною. В ней лежало 124 скелета головой то на Запад, то на Восток. Только эти два направления и были. Сама яма длиною направлена была с Севера на Юг. Костяки лежали на спине, с протянутыми конечностями, иногда с руками положенными на таз. Лежали они близко один от другого, иногда один над другим в три ряда. На основании многих признаков, погребения произведены в разное время, на протяжении нескольких десятков лет, может быть и больше. При погребениях — обильный инвентарь из кремня и кости. Особую роль играют клыки дикого кабана и вырезанные из этого материала пластинки. Их очень много. Из кремня — изящные тонкие, длинные ножи, различной формы скребки, навертыши. Но ни одной стрелки. Несколько оббитых с боков клиньев но с прекрасно шлифованным лезвием. Из раковин бусы и бусы перламутровые разных форм. Кроме того бусы костяные. Из камня — порфирида великолепная привеска и клин. Из других камней — точилки. Инвентарь богатый, но немного однообразный. опишу одно из погребений: (видимо женское) костяк-на спине с протянутыми ногами и положенной одной рукой на таз, другой вдоль туловища, на голове — два клыка кабана, на шее тоже два клыка, на груди бусы из перламутра, на поясе ряд пластинок выпиленных из клыка дикого кабана, над коленями ряд таких же пластинок ниже колен — тоже, над ступнями такой же ряд. Все костяки небольшого размера, головы их очень маленькие. Долихоцефвалы. Костяки плохой сохранности. Нигде никаких признаков металла. Ни одной вещи керамической. Точно они не знали керамики. Материал совершенно необычный. Он имеет аналогию с могильником Витковского в Енисейской губ. (Тр. V Арх. Съезда) но и то отдаленную. У нас собираются издавать этот материал, но я скептик, едвали это состоится, а мне очень бы хотелось не затягивать издание, как обычно у меня затягиваются все мои работы.— Как Вы живете? Над чем работаете? Я, нынче совершенно отстранен от всяких служб. Без дела. Без службы. Не знаю куда себя приложить. Искр. Ваш Н. Макаренко» (№ 30, 25.01.1931 г.).

Разумеется, немногим позже увидели свет великолепная монография (Макаренко, 1933) и статья в ESA (Макаренко, 1934), но именно частным письмом в начале 1931 г. Николай Емельянович познакомил А.М. Тальгрена, а через него и многих зарубежных специалистов с уникальными материалами могильника.

Еще несколько цитат: «<...> За три последних года я увлекся культурой скорченников раскопал немало курганов и добыл весьма ценные данные. Что буду делать этим летом еще не знаю <...>. Крепко жму вашу

¹ См. письмо Н.Е. Макаренко В.А. Городцову (12.01.1928 г.) (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 415. Л. 21–22об); Звагельский, 1993: 3).

² См. рисунок «Евпаторія. Пляж санаторія ім. Сталіна 1928.27/VI, біля дачі Левицької» (Усачук та ін., 1995: 207).

руку Н. Макаренко» (№34, 19.04.1933 г.); «<...> Прекрасный материал собрал за несколько лет раскопок, в области скорченных костяков. — С искрен. пожеланиями крепко жму Вашу руку. Н. Макаренко» (№37, 24.03.1934 г.). В этих строчках нашли отражение разыскания, которые вел ученый в Донбассе в 1930–33 гг.: ведь помимо всемирно известного Мариупольского могильника, он исследовал под Мариуполем и Сталино (ныне Донецк) 22 кургана (Макаренко, 1930; 1931; 1933а; Усачук, 1990: 115–117; 1993: 46, 47; Божко, 1990: 40, 41; Свод данных ..., 2004: 69, 70; Кучугура, 2006: 296). К этому числу раскопанных курганов следует добавить также доследованный Макаренко полуразрушенный Камбуров курган в Мариуполе, где любительские раскопки велись еще в 1872 г. (Макаренко, 1933: 5; Божко, 1990: 40; Усачук и др., 2004: 29, 30; Кучугура, 2006: 296). Подавляющее большинство изученных погребений относились к эпохе поздней бронзы: «... один курган мав чотирі поховання мідно-бронзової доби (так звані скрючені кістяки)» (Макаренко, 1930: 3); «Всі поховання, всіх п'яти курганів, за винятком частини зіпсованого поховання в кургані ч. 1. належать до періоду, що досить відомий в археологічній літературі під назвою «скорчених» кістяків» (Макаренко, 1931: 4об). Как раз в 1933–34 гг., в числе других работ, Николай Емельянович готовил к печати статью «Розкопки скорчених поховань на західній околиці м. Маріуполя» (Макаренко, 1992: 56). То, над чем работал и о чем думал исследователь, как раз и отразилось в скупых строчках писем А.М. Тальгрена.

Обратим внимание еще на некоторые нюансы писем «киевской» группы. В 1925–26 гг. в нескольких письмах речь идет о фотографировании вещей из коллекции известного киевского коллекционера Ф.Ф. Кундеревича: «<...> Фотографирование вещей Кундеревича начнется на этой неделе. Старик вначале колебался ныне же разрешил фотографировать. Он благодарит вас за посылку книжки. — <...>» (№ 3, 5.10.1925 г.); «<...> Фотографиров. вещей Ф. Ф. неожиданно для меня приостановилось за отъездом нашего лучшего фотографа на службу в Москву. Он обещал сделать все фотографии. Теперь я остановился на другом, который свободен лишь по праздникам. Начнем скоро. <...>» (№4, 9.12.1925 г.); «<...> Снимки с вещей Фад. Фад. выслать могу не ранее конца января, т. к. фотограф уехал в Москву не закончив работы. — <...>» (№5, 15.01.1926 г.); «<...> Наконец идет съемка и уже около 20 вещей снято. С нашими фотографами никак не сладишь и я уже сам принялся за дело. <...>» (№7, 13.02.1926 г.); «<...> Посылаю ту часть снимков с вещей Кундеревича что имею. Некоторые негативы еще не напечатаны. У нас буквально кризис с фотографами. Из посланных снимков увидите как неряшливо работают. Я таких снимков не признаю. Лучшие снимки принадлежат мне. Я сам снимал <...>» (№8, 10.04.1926 г.).

Ситуация с фотографиями вещей из коллекции Ф.Ф. Кундеревича отражается и в переписке А.М. Тальгрена и М.И. Ростовцева. Из письма финского ученого (15.05.1926 г.): «<...> От Н.Е. Макаренко получил письмо, в котором он сообщает мне, что в Киеве теперь нельзя достать фотографа: тоже пластинок нет <...>» (Бонгард-Левин, Тункина, 1997: 510). В ответных письмах Михаила Ивановича читаем: «<...> Ничего не слышно о Макаренке? Обещал, но не прислал. <...>»; далее Ростовцев в нетерпении бросает: «<...> Думаю, что Макаренко просто не хочет давать фотографии. <...>»; правда, тут же поправляется: «<...> Возможно, впрочем, что большевики действуют так успешно в области промышленности и ввоза, что в России нет фотографических материалов. <...>» (Бонгард-Левин, Тункина, 1997: 508, 510).

Вспомнив о выдающемся русском историке, отметим, что в нескольких письмах Николай Емельянович передает через Тальгрена приветы и просьбы Ростовцеву: «<...> Будете писать Мих. Иванов. Ростовцеву — передайте мой искренний привет и просьбу и желание мое иметь его новую книгу *Iranians and Greeks in South Russia*, а если возможно и то другое что он опубликовал и о чем я может быть еще и не знаю. — <...>» (№ 3, 5.10.1925 г.); «<...> Если будете писать Мих. Иван. Р. может быть найдете возможным сообщить ему о моем сильном желании иметь его работы. Сообщите ему что мы не на столько богаты чтобы могли покупать ныне книги. — <...>» (№ 4, 9.12.1925 г.). Очевидно, Михаил Маркович не только передал Ростовцеву приветы и просьбы Макаренко, но и связал их адресами. Из письма Михаила Ивановича финскому коллеге (18.05.1927 г.): «<...> С Макаренко я списался, но пока получил только один том из публикаций, касающийся трипольской культуры. <...>» (Бонгард-Левин, Тункина, 1997: 511).

Н.Е. Макаренко и А.А. Спицын. Есть в письмах Макаренко Тальгрена два упоминания о Спицыне. Первый раз Николай Емельянович сообщает в Хельсинки: «<...> Сейчас у нас в Киеве сидит А. А. Спицын. Вчера и сегодня он сделал два доклада. Один о древностях Украины, другой о работах в России. Мы все ему очень рады. Вносит живую струю в нашу мертвую жизнь. Я рад его приезду особенно т. ч. давно не видел. <...>» (№ 6, 28.01.1926 г.).

Пленум ВУАК, состоявшийся 4 ноября 1925 г., рассмотрел среди прочих вопросов предложение М.Я. Рудинского о популяризации деятельности Комитета. В связи с этим уже в конце декабря 1925 г. состоялось пять сборов ВУАК, на которых многие археологи, в том числе и Н.Е. Макаренко, выступили

с докладами (Рудинский, 1926: 10, 11; Нестуля, 1997: 65). Через месяц, 27–31 января 1926 г., подобные многолюдные сборы были продолжены, причем на них по приглашению ВУАК приехал А.А. Спицын, который выступил с упоминавшимся в письме Макаренко докладами «Обзор украинских древностей и их характеристика»¹ и «Археология России»² (Нестуля, 1997: 65).

Второй раз о Спицыне Николай Емельянович пишет через четыре года: «<...> В ноябре 1929 г. был в Петербурге. Бедного А. А. уволили со всех учреждений. Человек еще полный сил и знаний, вынужден быть за бортом. Жалко. Он меня приютил во все время моего пребывания там. — <...>» (№ 27, 7.02.1930 г.).

Конец 1920-х гг. стал переломным для советской археологии — усиление тоталитаризма несло с собой не только разгром краеведения и сокращение сети музеев, но сказалось на судьбах многих археологов (Миллер, 1962; Клейн, 1993: 20–22; Формозов, 2004: 49–62; Тункина, 2008: 202, 203; Свешникова, 2009: 40–47 и др.). С середины 20-х гг. резкие перемены к худшему произошли в карьере Н.Е. Макаренко, о чем уже упоминалось выше. Не избежал проблем и его учитель. В 1924 г. А.А. Спицына отстранили от руководства археологическим кабинетом университета, а в ноябре 1927 г. перевели из профессоров на должность доцента (Тихонов, 2003: 156; 2008: 182, 183; Формозов, 2004: 52). Все это послужило причиной ухода Александра Андреевича из университета на пенсию (Тихонов, 2003: 156; 2008: 182, 183). На момент приезда Макаренко в Ленинград Спицын еще работал в штате ГАИМК, но уже был освобожден от заведования разрядом русской археологии; тогда же в его адрес прозвучали политические обвинения в «великорусском шовинизме» (Тихонов, 2008: 173). В декабре 1930 г. патриарха русской археологии уволили из ГАИМК «в связи с производственным планом 1931 г. и необходимостью усиления научного состава Академии в методологическом отношении» (Там же). Видимо, давление на ученого осуществлялось постепенно. И.В. Тункина не без оснований утверждает, что «от неумолимо надвигавшегося ареста Спицына спасла только смерть» (2008: 202).

В ноябре 1929 г. Н.Е. Макаренко последний раз виделся с А.А. Спицыным. Напомним, что в 1903–1905 гг. Николай Емельянович учился в Петербургском Археологическом институте, слушал лекции А.А. Спицына и всю жизнь считал его своим учителем (Макаренко, 1992: 18). Прекрасно владея пером, Макаренко как художник в свои петербургские годы иллюстрировал немало работ Александра Андреевича; им, в частности, выполнены рисунки к статьям «Предметы с выемчатой эмалью» и «Шаманские изображения» (Бич, 1948: 50). Вспомним и то, как в письмах А.М. Тальгрону Николай Емельянович пишет о статье в сборник в честь «<...> большого знатока своего дела, моего учителя А. А. Спицына ...» (№ 18, 11.09.1928 г.) или сообщает о том, что «<...> Через месяц заканчиваю печатать одну из работ. Ее посвящаю своему учителю А. Спицыну. <...>» (№ 33, 28.03.1933 г.). В последнем письме речь идет о готовящейся к выходу монографии «Мариупольський могильник», которую Н.Е. Макаренко посвятил памяти А.А. Спицына. В качестве эпиграфа к книге Николай Емельянович привел строки из письма учителя: «Ваш Мариупольский могильник — поразительное открытие, от которого я хожу уже несколько дней сам не свой... Какие из всего этого выйдут последствия, даже представить нельзя. Придется пересмотреть с новой точки зрения все наши древние культуры. Вот оно что ваш могильник! Чего стоит перед этим ускользнувший от вас скифский курган!.. А. Спицын. 1930.X.21» (Макаренко, 1933: 2).

«**Мариупольський могильник**»: судьба книги. Вспомнив о последней монографии Н.Е. Макаренко, обратим внимание на то, что в письмах А.М. Тальгрону содержатся интересные нюансы, связанные с выходом книги в свет. Можно проследить, как Николай Емельянович сообщает Михаилу Марковичу о разных этапах этого непростого дела: «<...> У нас собираются издавать этот материал, но я скептик, едва ли это состоится, а мне очень бы хотелось не затягивать издание, как обычно у меня затягиваются все мои работы. —» (№ 30, 25.01.1931 г.); «<...> Печатается уже предпоследний лист моего Мариупольского могильника. По выходе сейчас же вышлю Вам <...>» (№ 34, 19.04.1933 г.).

Казалось бы, книга должна скоро выйти, тем более что в выходных данных стоит «Київ. 1933». К примеру, В.Б. Звагельский указывает, что книга вышла осенью 1933 г. (1990-б: 58). Это ошибка. В монографии отмечено: «Здано до друкарні 16.IX.1932 р. Підписано до друку 14.IX.1933 р.» (Макаренко, 1933: 152). Дата сдачи книги в печать коррелируется с письмом № 34 (19.04.1933 г.), где говорится про печатание предпоследнего листа. Вторая дата свидетельствует о том, что книга на середину сентября 1933 г. находилась еще «в работе». Вот на этом этапе и произошла какая-то заминка, и монография

¹ Возможно, на базе этого доклада написаны две его статьи о неолите юга Украины (Спицын, 1927а; 1927б).

² Под этим названием известен лекционный курс А.А. Спицына, читавшийся им с 1922 г. для слушателей Археологического института, а затем студентов университета (Тихонов, 2008: 181, 182). Возможно, с какой-то частью данного курса Александр Андреевич и познакомил украинских коллег.

фактически появилась после марта 1934 г., о чем свидетельствуют следующие письма Тальгрёну: «<...> *Вскоре вышлю вам свою работу. Она уже напечатана и сброшюрована, ждет выхода в свет.* — <...>» (№35, открытка, 31.01.1934 г.). Через два месяца: «<...> *на выход в свет моего отчета уже напечатанного у меня нет надежды.* <...>» (№ 37, 24.03.1934 г.).

Еще через месяц (26.04.1934 г.) Н.Е. Макаренко арестовали, начались допросы, закончившиеся приговором — три года ссылки. Николай Емельянович задержался в Киеве на лето — принял участие в работе комиссии по вопросу сноса Михайловского собора (Макаренко, 1992: 58). Неизвестно, застал ли ученый выход своей книги (скорее всего — да). Но известно, что Тальгрёну из Киева Макаренко больше не писал и свою монографию не высылал. Это становится ясно из единственного письма «казанской» группы, которое мы, забегаая вперед, процитируем: «<...> *Понемногу заканчиваю свою большую работу об исследованиях в Донбассе и на Мариупольщине. Это книга размерами больше моего «Мариупольского могильника» (видели-ли ее?).* <...>» (№ 38, 17.09.1935 г.). То есть осенью 1935 г. Николай Емельянович не знал, дошла ли каким-либо путем до Хельсинки монография «Мариупільський могильник».

Археология на Украине в 1920-е — начале 1930-х гг. «Киевские» письма Н.Е. Макаренко отражают и некоторые детали археологических реалий того времени. Какие-либо события археологической жизни Киева переплетаются в письмах Макаренко с отголосками личных дел. Мы не говорим о болезнях, которые время от времени давали о себе знать и, конечно, мешали Николаю Емельяновичу полноценно работать: «<...> *Я лежу больной. Болит уже вторую неделю нога. Мучительные боли не дают нормально работать.* <...>» (№13, 15.03.1927 г.). Мы лишь упомянем об огромном горе, обрушившемся на Николая Емельяновича в августе 1927 г., когда трагически погиб его 17-летний сын (Макаренко, 1992: 46). Впрочем, в письмах к Тальгрёну Макаренко, как обычно, лаконичен и немногословен, когда говорит о невзгодах и своем горе. Только раз, летом 1928 г., разминувшись с Михаилом Марковичем в Киеве, Николай Емельянович, чрезвычайно огорченный этим, написал ему непривычно большое письмо и был более откровенен (№18, 11.09.1928 г.). Нас в письмах Макаренко интересует, как ощущается ученым общая атмосфера развития археологии на Украине в то время, как в них отражаются складывающиеся отношения к работе и коллегам. Кроме того, следует, на наш взгляд, подчеркнуть некоторые бытовые детали, попавшие в письма «киевской» группы, поскольку детали эти весьма красноречивы.

Как и ранее, мы постараемся соблюсти в повествовании хронологическую последовательность писем: «<...> *А жизнь-то все короче и короче, все меньше и меньше времени остается для работы. Такие мысли приходят в голову тогда когда из среды нашей кто нибудь уходит туда, в потусторонний мир откуда нет возврата. От нас ушел только недавно Н. Ф. Беляшевский <...> Его не стало в ночь с 20 на 21^е Апреля. Похоронили его в его хуторе, на берегу Днепра, возле Канева, недалеко от могилы Шевченка, на месте которое он раньше сам выбрал для себя и просил меня указывая это место года два тому назад, похоронить там. Одним археологом у нас меньше, к великому сожалению.* — <...>» (№9, 10.05.1926 г.).

Академик Н.Ф. Беляшевский (1867–1926) — известный украинский археолог, этнограф, искусствовед, музейный работник, действительный член ВУАК с момента его основания (Курінний, 1926: V–VII; Новицкий, 1927: 5; Листи..., 1995: 175; Попельницька, 2008 и др.). Известно, что уже к началу 1924 г. Беляшевский отошел от активной работы в Археологическом комитете ВУАН в связи с обострением тяжелой болезни (Нестуля, 1997: 11). Учитывая это, становятся более понятны те строчки письма, когда где-то в том же 1924 г. 57-летний Беляшевский показывает Макаренко место, выбранное им для собственного упокоения (сравни: Попельницька, 2008: 115).

«<...> *На днях читал ваше письмо к М. Рудинскому. Мы очень рады видеть вас в числе своих сочленов. И, знаете, Михаил Маркович, о чем думаем. Очевидно в этом году наше предприятие не удастся. Но, думаю что с будущего года мы найдем возможность предоставить вам средства приехать к нам и, или самостоятельно или вместе с нами заняться у нас раскопками тех культур на какие у вас имеется желание. Нам будет ваше участие в реальных практических работах весьма ценно.* — <...>» (№ 14, 3.04.1927 г.). В этом письме отражен процесс принятия решения об избрании финского ученого в действительные члены ВУАК. На заседании президиума Укрнауки (31.01.1927 г.) было утверждено решение ВУАК об избрании в действительные члены иностранных ученых: М. Эберта из Германии и Ю. Айлио и А.М. Тальгрёна из Финляндии, внесших значительный вклад в изучение древностей каменного, бронзового и железного веков Украины (Нестуля, 1997: 28).

В связи с этим процитируем письмо ученого секретаря ВУАК М.Я. Рудинского А.М. Тальгрёну (11.03.1927 г.): «*Глубокоуважаемый Профессор, Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо, за которое приношу мою глубокую сердечную благодарность, но на это были свои причины, и самая главная*

среди них — разрешение вопроса в центре возможности обратиться к Вам с предложением принять более близкое участие в работе Всеукраинского Археологического Комитета при Академии и стать его Действительным Членом. Вы знаете, с каким чувством глубокой радости мы приветствуем появление Ваших работ, посвященных древностям Украины и с каким нетерпением ждем издания следующих. При одном из наших свиданий в Киеве, я сказал Вам, что предоставление Вам необходимых для Ваших работ материалов я считаю своей обязанностью. Я не ошибусь, если скажу, что это чувство — чувство общее всем нам, украинским работникам в области археологии. Вот почему предложение об избрании Вас Д. Чл. ВУАК было встречено с чувством живой радости. Народный Комиссариат Просвещения в лице его органа по управлению научными учреждениями Украины — Упрнаука¹ — пошел навстречу ВУАКу в его горячем желании видеть Вас Д. Чл. ВУАКа. Мне, как Секретарю ВУАКа, поручена приятная для меня обязанность уведомить Вас об этом и просить сообщить мне о Вашем отношении к поднятому вопросу. Позвольте мне надеяться, что я буду иметь удовольствие получить Ваш ответ в недалеком будущем. <...>» (РОБХУ. Колл. 230—9).

В начале апреля Рудинский, очевидно, ознакомил Макаренко с ответом Тальгрена на это письмо, в котором последний выразил согласие стать действительным членом Всеукраинского археологического комитета. С некоторой задержкой секретарь ВУАК написал Михаилу Марковичу (30.06.1927 г.): «Глубокоуважаемый Профессор, Вы не можете себе представить, как мне обидно, что моя постоянная занятость и другие обстоятельства помешали мне ответить Вам на Ваше письмо сразу. А вместе с тем Ваше письмо с согласием принять членство в Комитете доставило мне самую горячую радость, радость потому, что Вы с настоящим увлечением характеризуете нашу страну, как одну из богатейших в археологическом отношении. <...>» (РОБХУ. Колл. 230—9).

Здесь мы прервем цитату и напомним, как в письме №14 (3.04.1927 г.) Н.Е. Макаренко говорил о возможном участии А.М. Тальгрена в археологических исследованиях на Украине. Очевидно, эту возможность для финского ученого как члена ВУАК Николай Емельянович обговаривал с М.Я. Рудинским не только как с коллегой, но и как с ученым секретарем Комитета. Отголосок подобных разговоров о приглашении Тальгрена чувствуется и в цитируемом письме Рудинского: «<...> Мне бы очень хотелось, чтоб Вы когда нибудь (было бы очень хорошо, если бы это состоялось в этом году) приехали б на Украину не только обрабатывать собранный в наших музеях материал, но и принимать участие в раскопках и изысканиях. <...>».

Продолжим разговор об археологических реалиях, оставивших след в «киевских» письмах Н.Е. Макаренко: «<...> В последние дни — большое горе нас постигло — покончил с собой Д. Щербаковский, которого вы знали по музею. Не выдержал клеветы, лжи и пр. гадости, которой его окружали Винницкий и Онищук. <...>» (№15, 15.06.1927 г.). Д.М. Щербаковский (1877—1927) — известный украинский археолог и этнограф, заведующий двумя отделами Киевского художественно-промышленного и научного музея (Листи..., 1995: 175), заместитель председателя Президиума ВУАК² 6 июня 1927 г. покончил жизнь самоубийством.

Как известно, детальное рассмотрение причин этого трагического поступка в литературе, посвященной истории украинской археологии, почти не проводилось. Существует целая папка материалов о Д.М. Щербаковском и его гибели, однако эти материалы не удалось обработать (Білокінь, 2005). Версия, поданная М.А. Миллером: «Партійні діячі до того зацьковували його, що не маючи виходу ... нав'язавши собі камінь на шию, кинувся в Дніпро» (Міллер, 1962: 119), эффектна, но звучит явно плакатно и неконкретно³. Очевидно, Миллер в какой-то мере опирается на довольно резкий некролог М.С. Грушевского, в котором тот писал: «<...> не лишилось далі інших форм протесту, як тільки ті, що практикуються в примітивних умовах життя: самогубством доказати завдану кривду! <...> дійсно неможливі обставини, в яких знаходився сей шановний, цінний, можна сміливо сказати — блискучий науковий діяч <...> довели його до самогубства як останньої форми протесту <...>» (цит. по: Білокінь, 2005).

Несколько больше информации не столько о причинах самоубийства Щербаковского, сколько о реакции научной общественности и непосредственно Макаренко на этот акт отчаяния содержится в небольшой работе В.И. Граба (1990: 30), в монографии Д.Е. Макаренко (1992: 44, 45) и статье С.И. Бе-

¹ Управление научными учреждениями Украины НКО УССР, сокращенно: Укрнаука (Нестуля, 1997: 11, 28, 68; 1997а: 73). Очевидно, здесь ошибка.

² В подписи к траурному портрету в сборнике «Коротке звідомлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік» стоит: «Віце-Президент Всеукраїнського Археологічного Комітету».

³ Кроме того, М.А. Миллер ошибочно указал год смерти Д.М. Щербаковского — 1928.

локоня (Білокінь, 2005)¹. Конкретные сведения приводит С.И. Нестуля (1997: 33), говоря о грубости, некомпетентности и вмешательстве в дела Щербаковского директора Всеукраинского исторического музея, доведшего таким образом известного ученого до акта отчаяния. С.И. Белоконь в своей яркой и насыщенной интересными данными работе пишет: *«Из-за внутримузеевских интриг нескольких дельцов Щербаковскому стало угрожать увольнение. В одном из его предсмертных писем можно прочесть: «Оставить Музей не имею сил, жить без Музея не могу». Он сам ушел из жизни»* (Білокінь, 2005).

Отметим, что исследователи не называют фамилии директора музея. Им был А. Винницкий, один из тех, кого Н.Е. Макаренко в письме А.М. Тальгрену обвинил в смерти Д.М. Щербаковского и повторил это через несколько лет на допросе (см. ниже). Заметим, что неумелое руководство Винницкого Всеукраинским историческим музеем отмечалось и в других источниках, например, в протоколах допросов ученика М.С. Грушевского, аспиранта научно-исследовательской кафедры истории Украины Н.М. Ткаченко: *«<...> Всякое событие внутреннего или международного порядка Ткаченко старался использовать в невыгодную для соввласти сторону. Как, например, можно указать на случай с проф. Щербаковским, который покончил жизнь самоубийством из-за того, что в Государственном историческом музее, в котором Щербаковский работал, создались благодаря внутренней склоке и неумелому руководству музеем со стороны директора его [Андрея Винницкого] чрезвычайно тяжелые для работы условия. <...>»* (Білокінь, 1999: 115)².

На наш взгляд, внутримузеевские интриги — не причина для столь радикального поступка, как самоубийство. С.И. Белоконь приводит сведения, что к делу травли Д.М. Щербаковского причастны органы власти, в частности ГПУ (Білокінь, 2005). Напомним, что старший брат Даниила Михайловича — В.М. Щербаковский был с 1922 г. в эмиграции (Курінний, 1995: 7), что, разумеется, в тогдашних условиях являлось большим минусом для всех оставшихся в СССР родственников. В связи с этим важно отметить, что именно Д.М. Щербаковский, как заместитель председателя Президиума ВУАК, выступил 3 февраля 1926 г. на пленуме Комитета с предложением расширить членство в ВУАК путем принятия действительными членами нескольких украинских ученых-эмигрантов, в том числе и В.М. Щербаковского, при условии, разумеется, возвращения этих ученых из-за границы. На пленуме ВУАК 17 ноября того же года эти вопросы вновь поднимались, однако 31 января 1927 г. на заседании президиума Укрнауки подобная инициатива ВУАК была отклонена (Нестуля, 1997: 28). Можно догадываться, как болезненно отразился этот отказ властей на состоянии Даниила Михайловича — за четыре месяца до рокового решения его уйти из жизни. Мы убеждены, что карательные органы держали Щербаковского в поле зрения — и не только из-за брата-эмигранта.

Показательно, что в деле М.Я. Рудинского, которого арестовали 2 апреля 1934 г., среди членов некой контрреволюционной организации фигурировал не только Макаренко (арестованный вскоре после Рудинского — 26 апреля 1934 г.), но и погибший почти 7 лет назад Щербаковский (Граб, 1991: 78). То есть материалы на Даниила Михайловича собирались давно, сохранялись старательно и использовались даже после его смерти. Свидетельством тому, например, то, что на допросе 22 мая 1934 г. Николаю Емельяновичу аукнулся июньский донос 1927 г., когда его спрашивали по поводу речи во время похорон Д.М. Щербаковского: *«Вопрос: — Как об[ъ]ясните Вы заключительную часть Вашей речи на могиле, где Вы заявили, что: «Палачи тебя замучили. Строить культуру приходится под руководством людей с окровавленными руками»? Ответ: — Я не помню точно фразы, но допускаю, что мог сказать подобное, так как был уверен, что смерть Щербаковского явилась следствием неправильной деятельности Винницкого — человека неопытного и некультурного. Вопрос: — Поручал ли Вам И[нститу]т книгознания подобного рода выступление? Ответ: — Нет, часть моей речи была проникнута моими личными настроениями, не отражавшими поручения И[нститу]та книгознания. Вопрос: — С кем Вы говорили об организации антисоветской деятельности, направленной к изменению существующего строя? Ответ: — Ни с кем я по вопросу об антисоветской деятельности не говорил»* (Білокінь, 2005).

¹ С.И. Белоконь приводит фрагмент речи, сказанной Н.Е. Макаренко на похоронах Д.М. Щербаковского. Речь Макаренко послужила основанием доноса на ученого: *«<...> За кілька днів, 27 червня представник харківської Укрнауки в Києві <...> Л.М. Левитський доповідав у ГПУ: «Під час похорону проф. Щербаківського я чув промову т. Макаренка, в якій, між иншим, він, звертаючись до труни покійного, зазначив: «Кати тебе замучили». На жаль, промову свою Макаренко виголошував дуже тихо, а я стояв позаду його, тому більш що-небудь почути мені не пощастило»* (Білокінь, 2005).

² Помимо А. Винницкого, Н.Е. Макаренко в смерти Д.М. Щербаковского обвиняет А.И. Онищука — этнолога, преподавателя, этнографа, сотрудника Музея антропологии и этнографии им. Ф.К. Вовка (Теодорович, 2002: 52, 64, 65, 67; 2002а: 11).

Вернемся к письму №18 (написанному после невестречи с А.М. Тальгреном) и приведем его значительную часть, которая почти не нуждается в комментариях. Заметим только, что конфликты Н.Е. Макаренко с руководством ВУАК, вспыхивающие уже в 1926 и 1927 гг., продолжились и в 1928 г. (Білодід, 1989: 127; Макаренко, 1992: 44, 46–48): «Дорогой Михаил Маркович! С искренним и глубоким сожалением читал ваших два письма оставленные вами для меня в Киеве. Как случилось что мы не виделись. Это такая горькая обида для меня! Ведь, вы знаете что видеться с вами для меня большой праздник. И этот праздник я невольно пропустил. Снова спрашиваю — как это могло случиться — просто не нахожу ответа. Повторяю — в настоящем моем положении, в положении человека забытого всеми, потерявшего весь интерес к жизни, к работе — встреча с вами меня бы оживила, вернула бы хоть частично к прежним интересам. В самом деле, едвали бы вы нашли во мне того Макаренко, которого вы раньше знали, кроме одного элемента в нем — большого уважения и любви к вам. Все остальное если еще не окончательно ушло то повидимому уходит.

Трудно, дорогой Михаил Маркович, передать вам все то, что показало бы вам меня в настоящее время в подлинном свете. Представьте себя человека, которого травят, издеваются, всеми способами мучают, который сидит в Киевской дыре уже пятый год без определенного положения (без должности), который никому не нужен, знания которого бельмо в глазах других, который не ко двору пришелся местным «знатокам», «профессорам». Все это я терпел, выносил, боролся, иногда не без победы. И наверно продолжал бы эту жизнь киевского ученого еще немало. Ибо у меня была цель жизни. Я жил для своего единственного сына Ора. Он был и целью моей жизни и украшением ее. Но... к моим страданиям кому то необходимо было прибавить еще горе, сильнее которого никто из творцов не выдумает не изобретет... Дорогого сына не стало... Я осиротел. И с тех пор, вот уже пошел третий год меня покидают силы, я не могу да и не хочу бороться с жизненными обстоятельствами. Не чувствую в том необходимости. С тех пор все чаще и чаще в голове гнездится упрямая мысль: какой смысл моей жизни? зачем жить? Украине, куда я переехал из идейных побуждений как оказалось я не нужен. Наука едва ли потерпит какой либо ущерб от того что я перестану писать и печатать никому не нужные статьи. Остается — личная жизнь. Но, в ней ничего привлекательного, ничего заманчивого и жизненного не вижу. Единственная цель немногочетней жизни своей вижу в увековечении, в том или ином виде, памяти безконечно дорогого для меня сына. Это одно что заставляет меня пока оставаться здесь, что дает надежду быть может увидеться еще с вами. Ни в чем остальном никакого интереса не вижу. — И, вот, не смотря на эти свои убеждения, мне помимо своего желания придется еще работать. Помимо желания — ибо убежден горьким пятилетним опытом в ненужности своего существования. Очевидно буду там работать где не буду считать либо бесполезным либо — морально необходимым сочту принимать участие, пока живу. <...>» (№18, 11.09.1928 г.); «<...> Ах, дорогой Михаил Маркович, если бы вы знали как тяжело у нас жить и работать, несмотря и на обилие и на значение наших сокровищ. — С искр. и глубоким товарищеским приветом Н. Макаренко» (№21, 17.12.1928 г.).

Незадолго до этого, 10 декабря, произошел очередной конфликт Н.Е. Макаренко с руководством ВУАК, связанный с попыткой перевести его в группу сотрудников с меньшей квалификацией (Білодід, 1989: 127; Макаренко, 1992: 48). Впрочем, письмо А.М. Тальгрону в конце 1928 г. перекликается с подобным же по настроению письму В.А. Городцову (12.01.1928 г.): «<...> не всякому приходилось жить на Украине. А это чего нибудь да стоит. Мне, например, семилетнее пребывание на родине стоит величайших жертв. <...> я абсолютно лишний человек и что мои работы и ничего не стоят и никому не нужны. Затем, лишь здесь я в первый раз в жизни доподлинно узнал что такое интрига, что за зверь клевета. <...>» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 415. Л. 22; Звагельський, 1993: 3). Из более поздних писем Тальгрону: «<...> Жить становится так тяжело что работам научным мало дается времени. Литературы же новой мы не знаем. Моральное состояние — ниже всякой критики.— <...>» (№24, 16.03.1929 г.); «<...> Обстоятельствами вынужден отказаться от всяких раскопок на Украине. Свою раскопочную деятельность вынужден перенести в Россию из Украины. Здесь археологическое дело в руках невежественных Новицких да Куринных. — <...>» (№ 25, открытка, 19.06.1929 г.).

В апреле 1929 г. Н.Е. Макаренко отказали в выдаче Открытого листа (Білодід, 1989: 128; Макаренко, 1992: 48, 49). Новый скандал привел к тому, что 4 июня он подал заявление о выходе из членов Комитета, которое президиум ВУАК удовлетворил 27 июня (Макаренко, 1990: 33; 1992: 50). Вот как комментирует это Николай Емельянович в письме В.А. Городцову (4.06.1930 г.): «<...> На Ваш вопрос что я предпочитаю делать летом могу ответить — в области археологии — ничего. Т. е. — не буду вести археолог. раскопок. Я, ведь, вынужден был отказаться от археологических раскопок на Украине, по причинам не от меня зависящим. В прошлом году наш Археологич. Комитет, точнее двое из всего состава А.П. Н[овицкий] и П.П. К[уринный] стоящие во главе Комитета написали в Укрнауку более чем нехорошую бумагу, с целью

дискредитировать мое имя и, более — обратить внимание некоторых органов государственной охраны на мою якобы противоправительственную деятельность. Из этого конечно ничего не вышло они были посрамлены. Но факт остается фактом, на который я мог реагировать лишь так как я сделал: просил не считать меня более в числе членов Археологического Комитета, а в Укрнауку написал, что до тех пор пока во главе Археол. Комитета стоят названные особы, я решительно отказываюсь работать на Украине в области практ. археологич. исследований. <...>» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 415. Л. 24, 24об; Макаренко, 1993: 61, 62).

В 1930–31 гг. Н.Е. Макаренко вынужден был преподавать в Одесском художественном институте (Макаренко, 1992: 53). Понятно, что в таких условиях вести научную работу в Киеве было чрезвычайно трудно (Макаренко, 1992: 53, 54). Из писем А.М. Тальгрену: «<...> Работается плохо. Вся энергия направлена на добычу куска насущного хлеба, а не творческую работу. Таковы условия. <...>» (№ 27, 7.02.1930 г.); «<...> Насколько я могу сейчас судить по материалу, работа моя займет не менее 10 листов. Далее, когда я мог бы или должен доставить ее вам. В настоящий момент я занят несколькими маленькими, которые вынуждает писать нужда ибо они пишутся из за денег. Работа же о которой идет речь потребует у меня для окончательной отделки время. <...> Теперь много времени уходит на лекции, чем я и живу, наукой заниматься приходится мало, не до нее. Кроме того, отсутствие литературы окончательно парализует работу. <...> Плохо живется. Недоедание сказывается все сильнее и сильнее. <...>» (№ 28, 15.03.1930 г.).

В связи с вырвавшимся признанием финскому коллеге «Плохо живется. Недоедание сказывается все сильнее и сильнее» приведем интересный документ, найденный В.Б. Звагельским, — письмо жены Н.Е. Макаренко А.С. Федоровой-Макаренко, написанное в первой половине мая 1930 г.¹ жене директора Сумского историко-художественного музея Н.В. Онацкой. В конце лета — начале осени 1929 г. Николай Емельянович проводил раскопки недалеко от Сум (Магура, 1930: 33), в которых участвовали его супруга, С.С. Магура, директор Сумского музея Н.Х. Онацкий и сотрудники этого музея (Звагельский, 1990в: 15; Магура, Звагельский, 1990: 37): «Дорогая Надежда Васильевна! Как живете? Здоровы ли Вы и все Ваши? Все праздники собиралась напомнить о своем существовании, но за болезнью мужа так и не удалось. В страстную субботу утром заболел «опять», вероятно, раз десятый за три последних года рожей на своей больной ноге. Пролежал 2 недели, праздники были очень печальные во всех отношениях. К нам никто, и на столе ничего. Пасхи пекли из Сумской муки (раскопчной, помните), из нее же пекла куличи и моя сестра, живущая за Петербургом. От их белизны глазам больно, но на вкус... Оставалось многого желая, почти без сахару и минимум масла. <...>» (Звагельский, 1993: 3). И из письма А.М. Тальгрену: «<...> Я прекратил раскопчную деятельность, точнее — принужден был прекратить ее. Принужден был отказаться от звания члена Археологич. Комитета до тех пор пока там будут сидеть те лица которые занимаются чем угодно, но не археологическими делами. Совершенно отказался от звания члена я и Данилевич. Отстранился от участия в делах комитета М. Рудинский и Антонович-Мельник. Всех разогнал своей деятельностью Куринный с Новицким. Что они делают если б вы знали!! Это ярые враги всякой археологии, но не враги своих личных дел. — Ну, извините. <...>» (№29, 3.05.1930 г.).

У Н.Е. Макаренко не сложились отношения с руководством ВУАК — главой комитета А.П. Новицким и секретарями ВУАК В.И. Барвинком и П.П. Куринным (Макаренко, 1990: 32, 33). Впрочем, археологическая жизнь Киева в 1920-е — начале 1930-х гг. не отличалась спокойствием (Макаренко, 1992: 39, 49–56; Нестуля, 1997: 36; 1997а: 61, 62). Заметим, что еще в конце 1927 г. именно Николай Емельянович заявлял о невозможности активно работать в археологическом отделе ВУАК, а В.Е. Данилевич и Е.Н. Антонович-Мельник отошли от дел (Нестуля, 1997: 36). Письмо №29 написано в начале мая 1930 г., когда Макаренко еще не знал, что впереди его в том году ждет звездный час Мариупольского могильника, что до начала раскопок со стороны руководства ВУАК последуют проволочки как с назначением Николая Емельяновича начальником экспедиции, так и с выдачей Открытого листа (Макаренко, 1992: 51).

Из следующего письма А.М. Тальгрену: «... Как Вы живете? Над чем работаете? Я, нынче совершенно отстранен от всяких служб. Без дела. Без службы. Не знаю куда себя приложить. Искр. Ваш Н. Макаренко» (№ 30, 25.01.1931 г.). Месяцем ранее (27.12.1930 г.) Н.Е. Макаренко, воодушевленный раскопками на Азовстали, подал докладную записку в Укрнауку по поводу продолжения работ в Мариуполе. В докладной, в частности, говорится: «<...> на терені одного з величезних сучасних підприємств — Азовсталі, що захопило значну територію поруч з м. Маріуполем, знаходиться де кілька важливих пам'яток культури древніших часів. Цим пам'яткам загрожує бути знищеним під час будівництва Азовсталі. Між цими па-

¹ Письмо не датировано, но дата более-менее точно определяется по тексту. В 1930 г. пасха пришлась на 20 апреля (страстная суббота соответственно — 19 апреля), плюс две недели, о которых упоминает А.С. Федорова-Макаренко — получается, что письмо написано не ранее 3 мая, а скорее всего, несколькими днями позже.

мятниками находився і той могильник неолітичної доби — єдиний в межах СРСР що було його досліджено мною протягом Серпня-Жовтня 1930 року і який являється величезним придбанням в галузі археологічної дисципліни. <...> Гадаю що з самої ранньої весни 1931 року необхідно приступити до дослідів зазначених пам'яток аби спасти їх від загибелі. Загибель їх лягла б чорною плямою стида й позору на тих хто пропустив би це. Досліди потрібно вести як перед будівлею так і вести спостереження на всій території під час будівництва. Коли б Укрнаука знайшла можливим доручити мені організацію спостережень на терені Азовсталі протягом зими, до початку робіт, я прохав би дати матеріальну змогу поїхати до Маріуполя тепер же. <...>» (НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 540).

Заметим, что Н.Е. Макаренко только что вернулся из сложной и тяжелой экспедиции, «вытянув» осенние раскопки огромного могильника (Макаренко, 1933: 10; Цвейбель, 1970: 130), но готов снова вернуться в Мариуполь! Отрицательный ответ на свою докладную записку он получил только 26 марта 1931 г. (Макаренко, 1931: 2). Затем последовали бюрократические проволочки. Открытый лист на раскопки в 1931 г. на Азовстали исследователь получил лишь в начале августа, деньги и того позже, и приступить к работе смог только 5 октября (Макаренко, 1931: 1, 2). За это время некоторые археологические объекты, которые Николай Емельянович пытался спасти, были уже уничтожены строительством (Макаренко, 1931: 1, 2; 1933: 7, 23, 24). Спустя два года он написал Михаилу Марковичу: «<...> *Работая усиленно, но болезни мешают. Моя нога все меня беспокоит и не дает работать. Лечение не приносит облегчения. Однако же до последнего времени каждое лето работаю до потери сознания. Приезжаю ежегодно с археологических работ весьма усталым и принимаюсь за кабинетную работу. Свету не вижу — как говорят. Хочется отдохнуть. В дополнение ко всему этому чувствую большую потребность в иностранной литературе по археологии. Знаю многое из вышедших изданий лишь по названию. Поэтому работа идет не так интенсивно.* <...>» (№33, 28.03.1933 г.).

1 марта 1932 г. Н.Е. Макаренко возобновил работу в ВУАК, а вместе с ним и В.Е. Данилевич (Макаренко, 1992: 54). Впрочем, это не помешало новым конфликтам с руководством Комитета. На очередном пленуме ВУАК (14.04.1932 г.) П.П. Куринной выступил с критикой в адрес большинства сотрудников Комитета, особенно отметив работы М.Я. Рудинского и Н.Е. Макаренко, как пример «*вражеской классовой идеологии в научной практике и издательской деятельности*» (Макаренко, 1992: 54, 55). Разумеется, это выступление сыграло свою роль в будущих арестах Рудинского и Макаренко.

После письма №33 Николай Емельянович написал из Киева Михаилу Марковичу еще четыре письма. В них обсуждаются в основном вопросы, связанные с завершением, вычиткой и отсылкой редактору ESA статьи о Мариупольском могильнике (Макаренко, 1934). Последнее киевское письмо (№37, 24.03.1934 г.), как раз с корректурой данной статьи, цитировалось нами выше.

Письмо из казанской ссылки (№38) — последнее, написанное Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрону, — напоминает по стилю подобные письма «киевской» группы. Как в большинстве своих писем, Николай Емельянович немногословен: «*Дорогой Михаил Маркович! Получил письмо подписанное Вами и Моора¹. Сердечное спасибо Вам за память. Оно меня порадовало несказанно. Оказывается я еще не всеми забыт. Спасибо, спасибо! Как жаль бесконечно что я не мог Вас видеть!... Сижу в Казани уже год. Работать по своей специальности не могу. Нет для этого ни того материала над которым я работал, ни тех условий какие необходимы для работы. Положение отвратительное. Литературы новой здесь по нашему предмету совсем не выписывают. Что делается в любимой мною археологии — мало знаю. Вообще начинаю отставать в знаниях. Вышел-ли X вып. ESA также не знаю. Если бы прислали, был бы чрезвычайно благодарен. И вообще за всякую присылку был бы чрезвычайно признателен.*— <...> *Понемногу заканчиваю свою большую работу об исследованиях в Донбассе и на Мариупольщине. Это книга размерами больше моего «Мариупольского могильника» (видели-ли ее?). Очень немного продолжаю работать по древностям так наз. великого переселения народов. По этому вопросу материал собрал хороший. — Что делается в Киеве — не знаю.— В последнее время очень часто болею. Лежал даже в клинике — оперировали. Живется тяжело.— Еще раз — глубокое и искреннее спасибо. Ваш Н. Макаренко»* (№38, 17.09.1935 г.).

¹ Речь идет о Харри Альбертовиче Моора (Harri Moora) (1900–1968) — эстонском археологе, ученике А.М. Тальгрена; см. о нем подробнее: (Шмидехельм, 1969: 220–223; Lang, 2006: 23–26). В 1935 г. Моора совершил длительную поездку по Советскому Союзу, во время которой ознакомился с постановкой археологических исследований и археологическими коллекциями в музеях Ленинграда, Москвы, Минска, Киева и других городов. К этому времени относятся его первые личные контакты с советскими археологами (Шмидехельм, 1969: 221; Харри... 1970: 12). К сожалению, Харри Моора не мог застать в Киеве Н.Е. Макаренко, отбывавшего ссылку в Казани. Но хорошо зная о нем и его судьбе от Тальгрена (и, возможно, от некоторых из киевских коллег) воспользовался случаем выразить Макаренко свое почтение и поддержку, подписав это письмо.

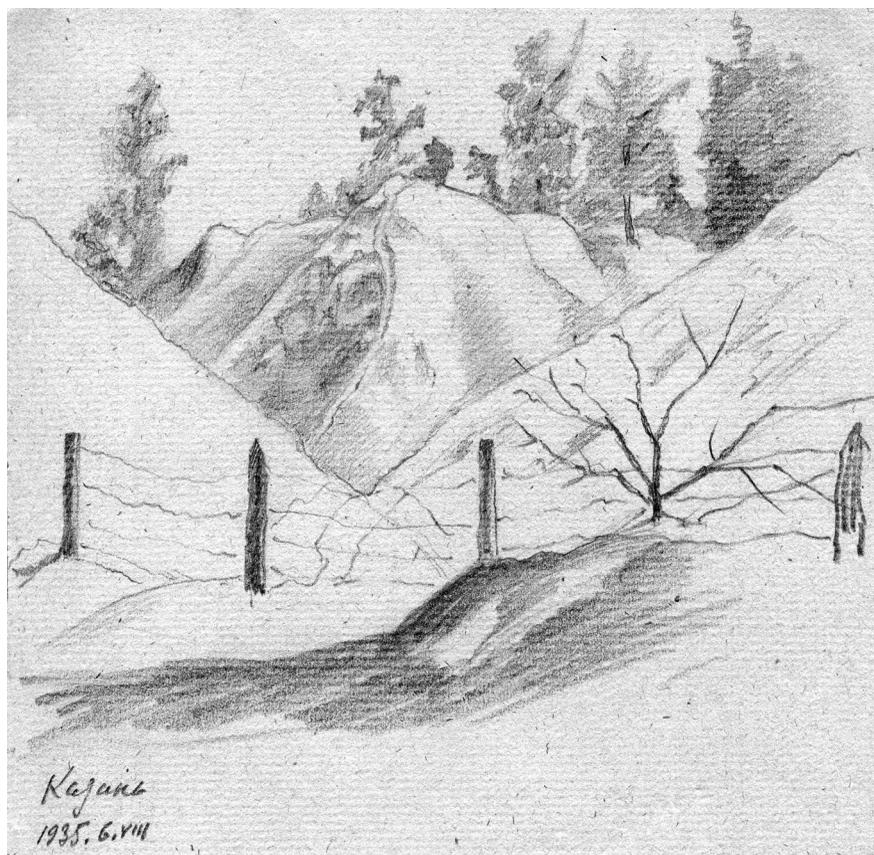

Рис. 1. Казанская «Швейцария» за колючей проволокой.
Рис. Н.Е. Макаренко. Карандаш, бумага. Хран.: ДОКМ

За скупыми строками письма просматривается начало трагедии. Прав А.И. Белодед, заметивший, что ссылка в Казань — первый шаг к уничтожению Н.Е. Макаренко (Білодід, 1989: 130). Действительно, слишком масштабная фигура ученого не давала возможности карательным органам проявить себя сразу во всей красе. К тому же репрессии в стране еще не достигли своего апогея. Был выбран иной путь: сначала «убрать» Макаренко из Киева, затем, если потребуется — и из Казани. Место ссылки Николай Емельянович выбрал сам (Макаренко, 1992: 58).

Данные о казанском периоде жизни Н.Е. Макаренко недостаточны и противоречивы, особенно о местах работы ученого (Білодід, 1989: 130; Звагельський, 1990а: 27; Макаренко, 1992: 60). Письмо А.М. Тальгрену не дает какой-либо новой информации о работе ученого в Казани, но передает ощущение атмосферы, в которой тот жил и работал. Кроме того, в письме четко указывается, над чем Николай Емельянович трудился: близилась к завершению большая работа о раскопках в Донбассе в начале 30-х гг. Выше упоминалось, что еще до ареста в 1934 г. Макаренко готовил в Киеве к печати статью «Розкопки скорчених поховань на західній околиці м. Мариуполя». В Казани исследователь, очевидно, привел в порядок данные о всех своих раскопках в Донбассе в 1930–1933 гг. К сожалению, рукопись «размерами больше <...> «Мариупольского могильника»» затерялась¹.

Обратим внимание на фразу из казанского письма: «Как жаль бесконечно что я не мог Вас видеть!..». Все всякого сомнения, это отголосок поездки А.М. Тальгрена в СССР в 1935 г. По ее следам Михаил Маркович опубликовал в ESA-X большой обзор «Археологические исследования в Советской России» (Tallgren, 1936: 129–170), в котором «содержатся его путевые заметки, информация о коллекциях и музейных собраниях, комментарии о выставках, отчеты о раскопках и обзоры литературы, новости о судьбе российских археологов, разнообразные личные впечатления» (Kivikoski, 1954: 110), в том числе и о посеще-

¹ Во всяком случае, среди некоторого количества книг и других материалов Н.Е. Макаренко, попавших из Казани в Сталино (Донецк) в 50-е гг. прошлого столетия, никаких рукописей нет. Возможно, следы ее могут отыскаться в Казани.

нии Киева (Tallgren, 1936: 138). Среди новостей о судьбах российских археологов сообщается о смерти А.А. Миллера, С.А. Теплоухова и Б.С. Жукова; неведомой остается для Тальгрена судьба многих других ученых — Боровки, Фабрициус, Грязнова, Яворницкого, Козловской, Рудинского, Захарова; в этом перечне и имя Н.Е. Макаренко (Там же: 149). Не встретив в музеях и университетах многих своих репрессированных коллег, Тальгрэн вновь публично осудил советский режим: «Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями?» (Там же).

Будучи в Киеве, А.М. Тальгрэн мог узнать казанский адрес и написать Н.Е. Макаренко, который в ответном письме жалеет, что в это время его нет в Киеве. Михаил Маркович мог написать Николаю Емельяновичу и после отъезда из Киева, уже из Минска, где он был как раз вместе с Харри Моора (Там же: 138)¹, молодым профессором университета Тарту.

Говоря о настроении казанского письма Макаренко, приведем еще один своеобразный и яркий документ — рисунок самого ученого, выполненный незадолго до казанского письма Тальгрэну. В альбоме Н.Е. Макаренко, хранящемся в фондах ДОКМ², есть рисунок, датированный 6 августа 1935 г. (рис. 1). Комментарии излишни: да, в Казани Николай Емельянович мог свободно жить и даже преподавать, но рисунок (а чуть позже и письмо А.М. Тальгрэну) показывают, как он ощущал эту «свободу»! Конечно, была надежда на то, что испытания закончатся и после ссылки можно будет вернуться к нормальной жизни, тем более что в Казань приехала жена Анастасия Сергеевна, и жили они в отдельной квартире (Макаренко, 1992: 62). Но карательная система редко выпускала тех, кто уже попал в ее жернова: 24 апреля 1936 г. Н.Е. Макаренко снова был арестован (Звагельский, 1990: 31; Макаренко, 1992: 62) и за «контрреволюционную работу и клевету в отношении вождя ВКП(б) и руководителей правительства» (Макаренко, 1992: 62) осужден на три года лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях (Звагельский, 1990: 31; 1990б: 60; Граб, 1990: 31; Косиков, 2001: 41). Место отбывания наказания — Томск, исправительная трудовая колония №2. 15 декабря 1937 г. наступил последний акт трагедии: Н.Е. Макаренко арестован как участник «кадетско-монархической повстанческой контрреволюционной организации «Союз спасения России»», судим, приговорен 25 декабря к расстрелу и 4 января 1938 г. — расстрелян (Звагельский, 1990: 31; 1990б: 60; Граб, 1990: 31; Макаренко, 1992: 63).

Слова, брошенные в сердцах в 1917 г. в адрес старой власти, оказались пророческими по отношению к власти новой — «Милльон этой власти проклятий!..».

Литература

- Білодід О.І. 1989. Про Макаренка М.О. // Археологія. № 1. С. 120–131.
- Білокінь С.І. 1999. Київська школа акад. М.С. Грушевського // УІЖ. №5. С. 110–118.
- Білокінь С. 2005. Спогади Данила Щербаківського про Г. Нарбута // <http://bilokin.myslenedrevo.com.ua/biostud/scerbakivskyj.html>.
- Бич О.И. 1948. Архив А.А. Спицына: (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. Т. X. С. 21–52.
- Божко Р.П. 1990. Исследования Н.Е. Макаренко в Приазовье (1930–1933 гг.) // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 40–41.
- Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. 1997. Письма М.И. Ростовцева А.М. Тальгрэну // Скифский роман. М. С. 501–515.
- Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. 2003. Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза // Парфянский выстрел. М. С. 477–544.
- Быковский С.Н. 1932. Археология и политика: (По поводу недоразумений проф. А.М. Тальгрэна) // СГАИМК. №7–8. С. 40–43.
- Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. 2001. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА. № 3. С. 123–131.
- Граб В.И. 1990. Дело Н.Е. Макаренко // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 29–31.

¹ Был ли Моора вместе с Тальгрэном в Киеве, осталось для нас неизвестным.

² Об истории альбома см.: (Усачук та ін., 1995). Мы предполагаем, что на пейзаже изображен вид со стороны р. Казанка на овраги т.н. казанской «Швейцарии», на мысах которой расположены известные археологические памятники — городища Казанка 1 и 2, а за ними — старое Арское кладбище.

- Граб В.І. 1991. Справа М.Я. Рудинського // Полтавський краєзнавчий: сторінки історії та колекції. Полтава. С. 76–83.
- Граб В.И., Супруненко А.Б. 1993. Из эпистолярного наследия Н.Е. Макаренко // Донецкий археологический сборник. Вып.3. Донецк. С. 36–45.
- Діброва Г.В. 1990. Вклад М.О. Макаренка в розвиток музейної справи на Україні // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 41–43.
- Динцес Л.А. 1922. Врубель в Киеве // Отблески. № 2. С. 11–17.
- Динцес Л.А. 1929. Прочерченный трипольский орнамент культуры А // Сборник [аспирантов ГАИМК]. Вып. 1. Л. С. 15–26.
- Динцес Л.А. 1936. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. М., Л.
- Динцес Л.А. 1951. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры древней Руси. Т. II. М., Л. С. 465–491.
- Звагельський В.Б. 1990. Дослідник історії України М. Макаренко // Питання археології Сумщини. М-ли наук. практ. конф. Суми. С. 21–33.
- Звагельський В.Б. 1990а. Нові матеріали про миколу Макаренка (розшуки 1988–1990 рр.) // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 23–29.
- Звагельський В.Б. 1990б. Хроніка життя і діяльності М. Макаренка // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 53–60.
- Звагельський В.Б. 1990в. М.О. Макаренко і Н.Х. Онацький: (З історії археологічних дослідів на Сумщині) // Музейна колекція та художнє життя Сумщини: проблеми і перспективи вивчення. Тези допов. та повідомл. наук. конф., присвяченої 70-річчю утворення Сумського художнього музею. Суми. С. 15–17.
- Звагельський В. 1993. Нове про професора Миколу Макаренка // Червоний Промінь. 18 грудня. № 51.
- Клейн Л.С. 1993. Феномен советской археологии. Санкт-Петербург.
- Косиков В.А. 2001. История исследования археологических памятников Донбасса. Донецк.
- Кузьминых С.В. 2007. Динцес Лев Адольфович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 7. Київ. С. 690.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. 2009. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж. С. 145–162.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. 2007. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара.
- Кузьминых С.В., Усачук А.Н. 2008. Письма С.А. Локтюшева А.М. Тальгрену // Краеведческие записки. Вып IV. Луганск. С. 59–65.
- Курінний П. 1926. Академик Микола Біляшівський // Трипільська культура на Україні. Вип. I. Київ. С. V–VII.
- Курінний П. 1995. Вадим Щербаківський (з нагоди 70 років життя). Полтава.
- Кучугура Л.И. 2006. История исследования древностей Приазовья: Глава 1 // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. Мариуполь. С. 294–302.
- Листи Вадима Щербаківського до Федора Вовка. 1995 / Публ. Кононенко Ж.О., Супруненко О.Б. // Полтавський археологічний збірник. Число 4. Полтава. С. 167–177.
- Локтюшев С.А. 2009. Отчет о научно-исследовательских работах в полевой сезон 1928 года // Археологічне надбання С.О. Локтюшева (до 130-річчя від дня народження). / Краєзнавчі записки. Вип.V. Луганськ. С. 350–366.
- Магура С. 1930. Археологічні досліді на Сумщині року 1929-го // Хроніка археології та мистецтва. Ч.1. Київ. С. 33–36.
- Магура Т.І., Звагельський В.Б. 1990. М. Макаренко і С. Магура // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни. С. 35–39.
- Макаренко Д.Є. 1990. Життя на вітар науки // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи. Тези допов. та повідомл. до наук.-практ. конф. Суми, Ромни, 1990. С. 31–33.
- Макаренко Д.Є. 1992. Микола Омелянович Макаренко. Київ.
- Макаренко Д.Є. 1992а. Епістолярна спадщина М.О. Макаренка // Археологія. №4. С. 101–108.
- Макаренко М. 1926. Етюди з обсягу трипільської культури // Трипільська культура на Україні. Вип.І. Київ. С. 165–186.
- Макаренко М. 1926а. Халеп'є (Досліді 29/VII–15I/X 1925 року) // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за археологічні досліді року 1925 (з каталогом звідомної виставки). Київ. С. 33–50.
- Макаренко М. 1926б. Досліді на Остерщині // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за археологічні досліді року 1925 (з каталогом звідомної виставки). Київ. С. 61–66.

- Макаренко М. 1927. Євминка // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 84–87.
- Макаренко М. 1927а. Карагани (Карахани) // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 88–89.
- Макаренко М. 1927б. Ольбія // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 90–105.
- Макаренко М. 1927в. Археологічні дослідження та розшуки на Прилуччині // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 106–117.
- Макаренко М. 1927г. Фотознімки М. Макаренка на території Прилуччини // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 212–213.
- Макаренко М. 1930. Короткий звіт за археологічні дослідження на терені Сталінської округи в році 1930^{мв} // НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. №327/19.
- Макаренко М. 1931. Відчит про роботу археологічної експедиції по дослідженню території «Азовсталі» біля Маріуполя, на протязі осені 1931 року // НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. № 539.
- Макаренко М. 1933. Маріупільський могильник. Київ.
- Макаренко М. 1933а. Опис речей, що знайдено при розкопках в 1933 році на Озісталі // НА ІА НАНУ. Ф. ВУАК. №539а.
- Макаренко Микола. 1993. Короткий звіт за археологічні дослідження в Сумській окрузі за рік 1929-й / Вступ., публікація та примітки В. Звагельського // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Мат-ли польового істор.-арх. семінару. Суми. С. 61–70.
- Маслова Г.С. 1978. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.
- Міллер М. 1962. Доля українських археологів під Советами // Збірник на пошану українських учених знищених большевицькою Москвою. Париж, Чікаго. С. 112–126.
- Неопубліковані карикатури «Искры» и «Гудка»: 1861–1862 годы. 1939 / Вступ. ст. Л. Динцеса. М., Л.
- Нестуля С. 1997. Становлення Всеукраїнського Археологічного комітету ВУАН (середина 1920-х років). Полтава.
- Нестуля С. 1997а. Археологічний комітет Всеукраїнської Академії наук: етапи становлення. Полтава.
- Новицький О. 1927. Діяльність ВУАК'у в р. 1926 // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 3–5.
- Пиотровский Б.Б. 2000. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.
- Попельницька О.О. 2008. М.Ф. Біляшівський — перший директор Національного музею історії України // УІЖ. №2. С. 100–118.
- Рудинський М. 1927. Археологічні дослідження року 1926 // Коротке звітлення Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 7–15.
- Салминен Т. 2007. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // АЭАЕ. №1 (29). С. 100–110.
- Самсонова О.И. 1988. Сокращенный вариант описи архива В.А. Городцова // ТГИМ. Вып. 68. С. 63–73.
- Свешникова О.С. 2009. Советские археологи в поисках первобытной истории. Историческая интерпретация археологических источников в советской археологии 1930–1950-х гг. Омск.
- Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке. 2004 // Археологический альманах. №14 / Авторы-составители: Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. Донецк. С. 56–109.
- Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917. Библиографический справочник. 2004. СПб.
- Спицын А.А. 1927а. Донецкий неолит // Известия Центрального бюро краеведения. №5. С. 173–174.
- Спицын А.А. 1927б. Південно-руський неоліт (Южно-русский неолит) // Юбіл. збірник на пошану акад. Д.І. Багалія. Київ. С. 251–263.
- Теодорович А.Ю. 2002. Історико-краєзнавча діяльність установ історичного профілю Всеукраїнської Академії наук в 20-х роках ХХ століття: Дис. ... канд. іст. наук. Переяслав-Хмельницький.
- Теодорович А.Ю. 2002а. Історико-краєзнавча діяльність установ історичного профілю Всеукраїнської Академії наук в 20-х роках ХХ століття: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк.
- Тихонов И.Л. 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.
- Тихонов И.Л. 2008. Триада деятельности А.А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований. М-лы Междунар. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. члена-корр. АН СССР, проф. А.А.Спицына. СПб. С. 163–184.
- Тункина И.В. 2000. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб. Вып. II. С. 116–161.
- Тункина И.В. 2008. А.А. Спицын и Готская группа ГАИМК // История и практика археологических исследований. М-лы Междунар. научн. конф., посвящ. 150-летию со дня рожд. члена-корр. АН СССР, проф. А.А.Спицына. СПб. С. 199–203.

- Усачук А.Н. 1990. Н.Е.Макаренко: срубные материалы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. научно-практич. конф. Луганск. С.114–117.
- Усачук А.Н. 1993. Раскопки Н.Е. Макаренко и В.М. Евсеева на территории Донецка // Донецкий археологический сборник. Вып. 3. Донецк. С. 46–52.
- Усачук А.М., Горбов В.М., Звагельський В.Б. 1995. Невідомий альбом малюнків Миколи Макаренка // Полтавський археологічний збірник. Число 3. Полтава. С. 199–214.
- Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. 2004. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. №14. Донецк. С. 13–55.
- Формозов А.А. 1995. Русские археологи до и после революции. М.
- Формозов А.А. 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.
- Харри Альбертович Моора (2.III.1900 — 2.V.1968). 1970 // Studia archaeologica in memoriam Harri Moora. Tallinn. С. 11–16.
- Худяков М.Г. 1931. Финская экспансия в археологической науке // СГАИМК. №11–12. С. 25–29.
- Цвейбель Д.С. 1970. Микола Омелянович Макаренко: (До 40-річчя відкриття Маріупольського могильника) // УІЖ. № 8. С. 128–130.
- Шмидехельм М.Х. 1969. Памяти Х.А. Моора // СА. № 3. С. 220–223.
- Kivikoski Ella. 1954. А. М. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. Pp. 77–121.
- Lang V. 2006. The History of Archaeological Research (up to the late 1980s) // Archaeological Research in Estonia 1865–2005. Tartu. Pp. 13–40.
- Makarenko N. 1930. La civilisation des Scythes et Hallstatt // ESA. T. V. Pp. 22–48.
- Makarenko N. 1934. Neolithic man on the shores of the Sea of Azov // ESA. T. IX. Pp. 135–153.
- Fettich N. 1926. Das Kunstgewerbe der Avarzeit in Ungarn / Archaeologia Hungarica. T. I. Budapest.
- Fettich N. 1932. Der Zweite Schatz von Szilágysomlyó / Archaeologia Hungarica. T. VIII. Budapest.
- Tallgren A.M. 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / ESA. T. II. Helsinki.
- Tallgren A.M. 1936. Archaeological Studies in Soviet Russia // ESA. 1936. T. X. Pp. 129–170.

Вклад С.С. Гамченко в изучение памятников Тшинецкого культурного круга

С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко

Институт археологии НАНУ. Украина, г. Киев

Круг научных интересов Сергея Свиридовича Гамченко — артиллерийского офицера, известного археолога — был очень широким: от палеолита до памятников Киевской Руси (Кузнецова, Линка, 1963: 13–15; Ляшко, 2004: 113–114; Потупчик, Потупчик, 2008: 59–61). Среди его научного наследия, к сожалению, в большинстве случаев не опубликованного, есть и памятники эпохи бронзы.

В научном архиве Института археологии НАН Украины хранится рукопись С.С. Гамченко, посвященная его исследованиям на Воляни в 1924 г. (Архив Гамченко, № 46) (рис. 1). В этот год экспедицией археологического отдела Волянского музея был проведен колоссальный объем работ на Коростенщине и Житомирщине. Среди памятников, которые были подвергнуты раскопкам — курганный могильник, расположенный на левом берегу Случи напротив с. Колодажное Дзержинского района Житомирской области, на землях этого же села (Архив Гамченко, № 46: 66–94)¹ (рис. 2). Ближайшим населенным пунктом на этом берегу реки, к югу от памятника, является с. Войцеховка (ныне — Колосовка) Полонского района Хмельницкой области, от которого могильник получил название, закрепившееся в литературе — Войцеховский.

Приведем далее описание Войцеховского могильника в рукописи С.С. Гамченко:

«[с. 66 (79)]² На NO от д. Войцеховки, в 1,5 км от нея, в ур. Запуст, на порубах последнего времени чернолесья (50–70 лет), усматривается узкий мыс легкого ската возвышенности (WWS-OON направления), ширина сечения площади 2^x горизонталей которого с WWS (конец верхн. горизонталей) не превосходит 120 м и на OOS (Примерно за 45 м до закругления нижней горизонталей) отвечает приблизительно 55 м. Участок мыса между крайними (верхна и низа) очертаниями горизонталей в середине склона почти 2/3 плоский и имеет N-S седловину [с. 67 (81)] (50 x 20 м). Мыс окаймляют: с SSO рогатки ложбинка (90–60 м ширины, глубиною до 3 м), с NNW широкая (100–150 м), глубиною до 4^x м одиночная ложинка, соединяющиеся на OON, у края нижней горизонталей, с дальнейшим, то узким, то широким, полого-разветвленным наложением совмещения ложбины-лощины, с выходом на левобережье Случи. Ложбина имеет ряд малых (30–50 м, при глубине 0,5–1 м) болотцев, начинающаяся в WWS ее ветвь, которые, окружая мыс с OON, продолжают по общему тальвегу ложбины-лощины с NNW, где протекает болотистый ручеек, дающий магистральный выход на левобережье Случи. Магистраль верха мыса, по высоте в пределах 0–3 м, с понижением на уровень седловинки до 1,5 м. Мыс — явление лапчатого сползания поледникового лёссового плато с аллювиальными ложбинами, лощинами, ручейками, — остатками разветвлений былых овражных систем левобережья Случи эпохи аллювия. На доледниковом репере выходы докембрийского гнейсо-гранита. По этому мысу, на срединной его полосе и на боковых пологих его скатах, начавшись на 35 м выше (WWS) OON оконечности верхней горизонталей, и не доходя до той-же оконечности нижней его горизонталей на 45–50 м, расположена группа из 16^{ти} курганов (...). Группа эта, названная исследователем по ближайшему населенному пункту (Войцеховка), Войцеховской группой, удалена от Случи на 2 км в направлении на SSO, в удалении от нея на 0,5 км, группа из 3^х курганов, на SO в расстоянии 0,25 км, группа из 4–5 курганов, на OON в удалении на 340 м, группа из 7^{ми} курганов и на NNW, в расстоянии 145 м, группа тоже из 7^{ми} курганов. Все курганы этих групп, как и других соседних групп побережий Случи, по внешности, идентичны с [с. 68 (82)] Войцеховской группой. Эта курганная группа в плане грубо-трапециодальна, о 9^{ти} углах из которых 2^{ва} выходящих или острых, 4^{ре} выходящих — тупых и 3^{ри} входящих тупых. Вершины острых углов составляют курганы №№ 10 и 5. Вершины тупых углов — выходящих №№ 13, 2 и 1 и входящих №№ 14, 4 и 8. Седловинка делит группу на 2^{ре} подгруппы: WWS из 8^{ми} курганов (№№ 9–16) и OON тоже из 8^{ми} (№№ 1–8). В 1^й подгруппе центральное место занимают курганы №№ 9 и 12. Во второй подгруппе как-бы доминирующую роль играют курганы №№ 7 и 8 (Для №№ 4–6) и № 1 (Для №№ 2 и 3), хотя № 3 имеет тяготение и к № 7, как № 4 к № 1. Общее

¹ В настоящий момент все архивные материалы С.С. Гамченко, посвященные Войцеховскому могильнику, подготовлены к печати авторами настоящей публикации.

² Без скобок указан номер страницы, проставленные в рукописи С.С. Гамченко; в скобках — работниками архива Института археологии. В приведенных цитатах сохранено правописание оригинала.

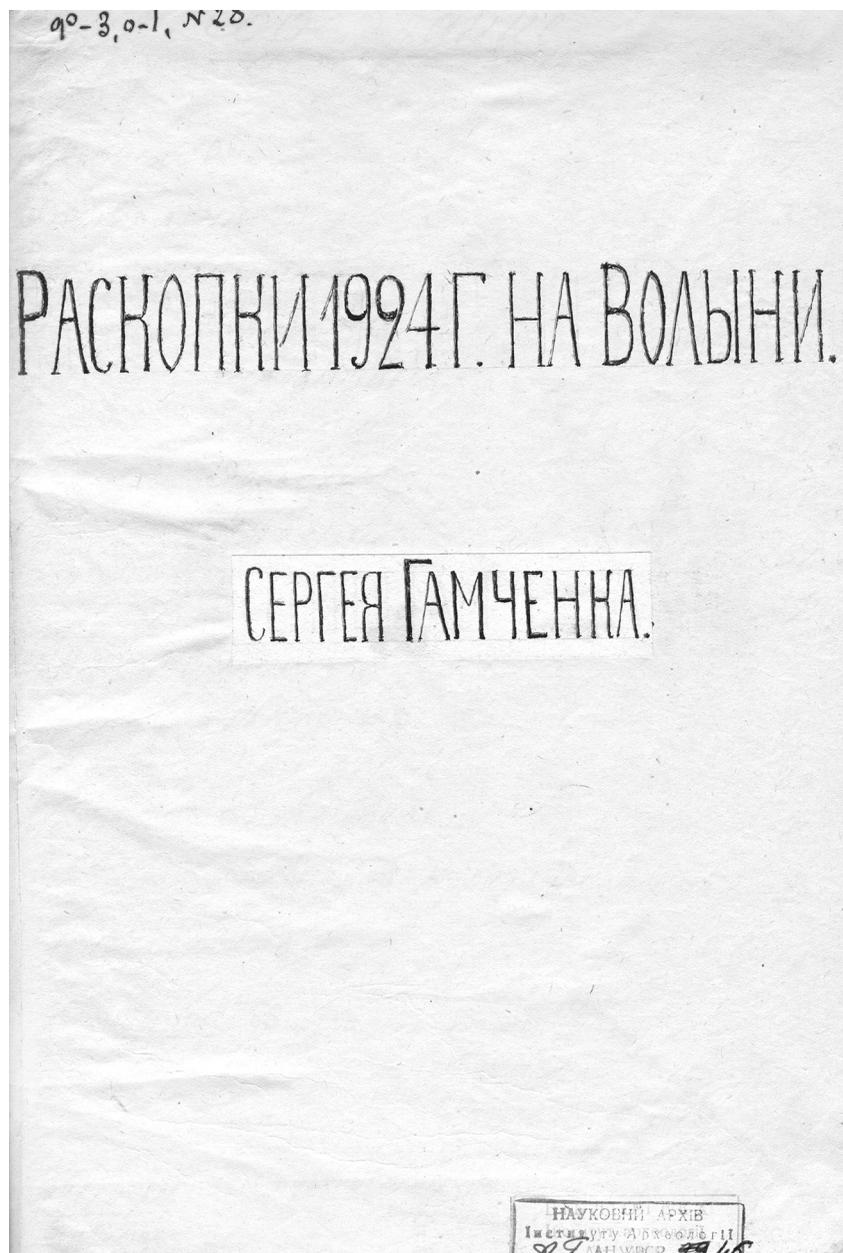

Рис. 1. Титульный лист рукописи С.С. Гамченко

протяжение группы с WWS на OON около 150 м и с SSO на NNW 70–80 м. Стороны трапециодального плана: № 10 — № 13 = 65 м, № 13 — № 2 = 45 м, № 2 — № 1 = 25 м, № 1 — № 5 = 40 м, № 5 — № 16 = 70 м и № 16 — № 10 = 70 м.

Курганы Войцеховской группы, как и курганы групп SSO, SO, OON, NNW и других соседних идентичных групп побережий Случи, по внешности и в зависимости от размеров диаметра по останцу и высоты, могут быть поделены на три типа: бóльшие (Диам. 65–50 м, выс. 2,5–1,5 м), средние (Диам. 50–40 м, выс. 1,5–0,5 м) и мéньшие (Диам. 40–30 м, выс. 0,5–0,25 м), а по соотношению высоты к диаметру останца: 1:30 (бóльшие), 1:45 (средние), и 1:70 (мéньшие). Курганы круглого плана. Четыре кургана (№№ 16, 8, 15 и 1) несколько иного плана: №№ 15 и 16 овальные, а №№ 1 и 8 в плане восьмерка или шестерка. По профили: бóльший или мéньший отрезок шара, хотя и полных боков, но спрямленных, вершина более или менее округленно-плоская (плана не дает). Кругом кольцевой ровик, по ширине приближающийся к [с. 69 (83)] размерам диаметра основания насыпи и по глубине не превосходящий

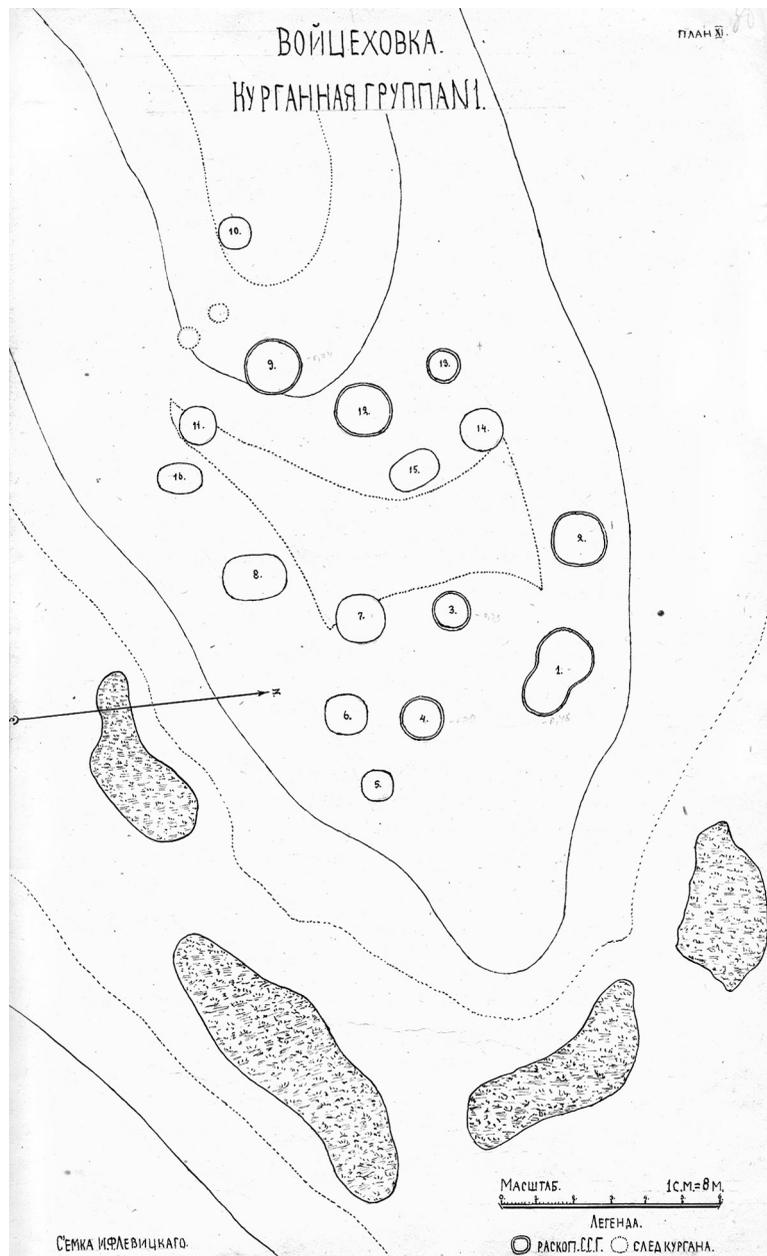

Рис. 3. План группы №1 Войцеховского могильника

С.С. Гамченко — Е.Ф. Лагодовской (Лагодовская, 1949: 62–77)¹. Однако за пределами публикации остались схематичные планы курганов погребений, приведенные в рукописи С.С.Гамченко (рис. 4–6). Значительный интерес представляют также черновики (рис.7) и полевая опись, позволяющие уточнить место нахождения ряда изделий, приведенных на фотографиях в рукописи, однако не упомянутых в ее тексте, в частности — бронзовых браслетов (Лысенко Св., 2005: 209–214).

В 1949 г. отрядом Волыно-Подольской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в составе Е.Ф.Лагодовской, Ю.Н.Захарука и П.И. Завады было раскопано еще 6 курганов первой группы (Лагодовська, Захарук, 1956: 69–74). Таким образом группа № 1 Войцеховского могильника оказалась исследованной практически полностью. Все курганы этой группы содержали погребения

¹ Следует отметить, что Е.Ф. Лагодовская принимала непосредственное участие в работе экспедиции Волинского музея; она упоминается среди участников исследования курганов в ур. Гремяче под Житомиром в июле 1924 г. (Гамченко, 1924: 49, 50, 51, 52, 57, 58).

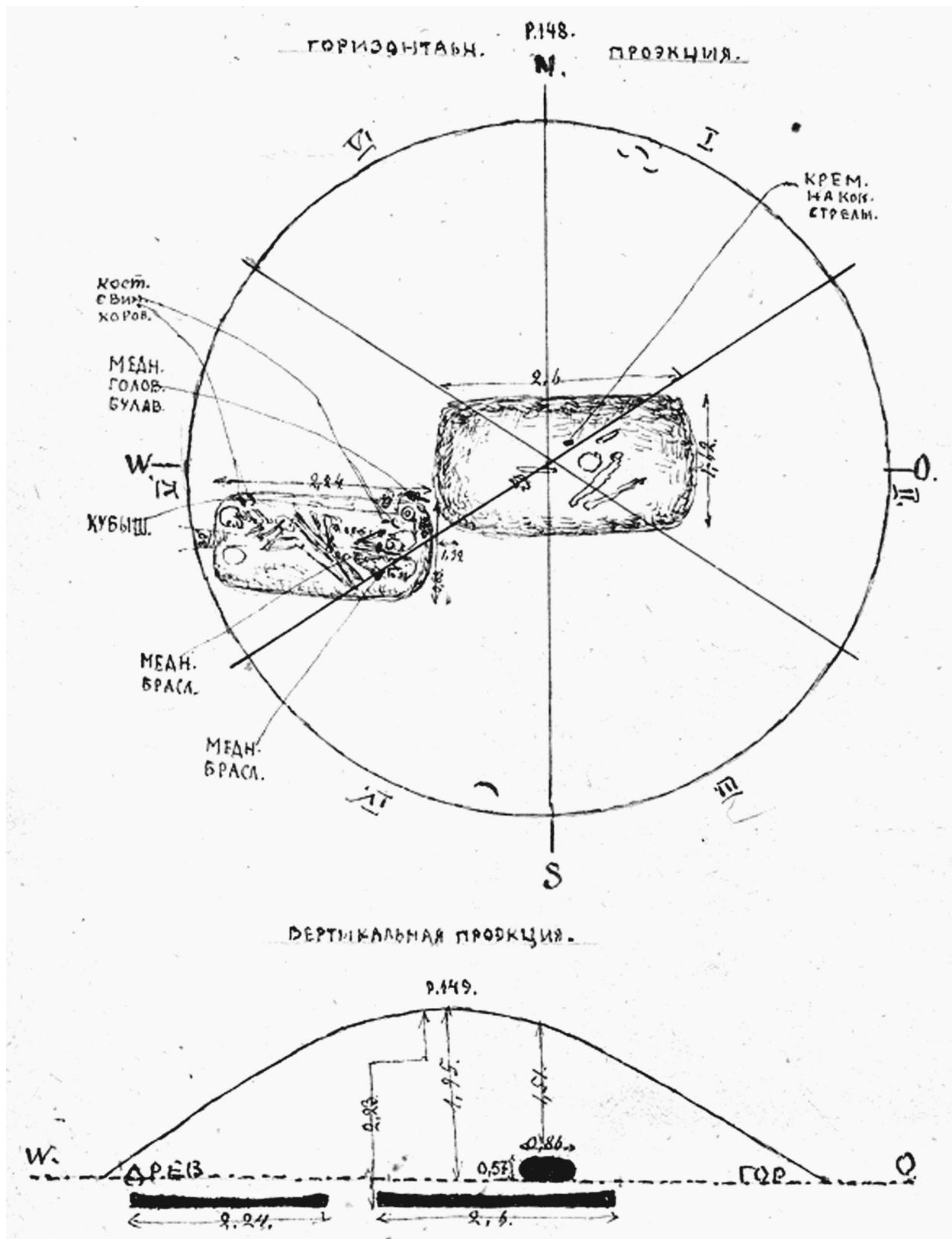

Рис. 5. Войцеховка, группа №1, курган №5 (по плану № 12)

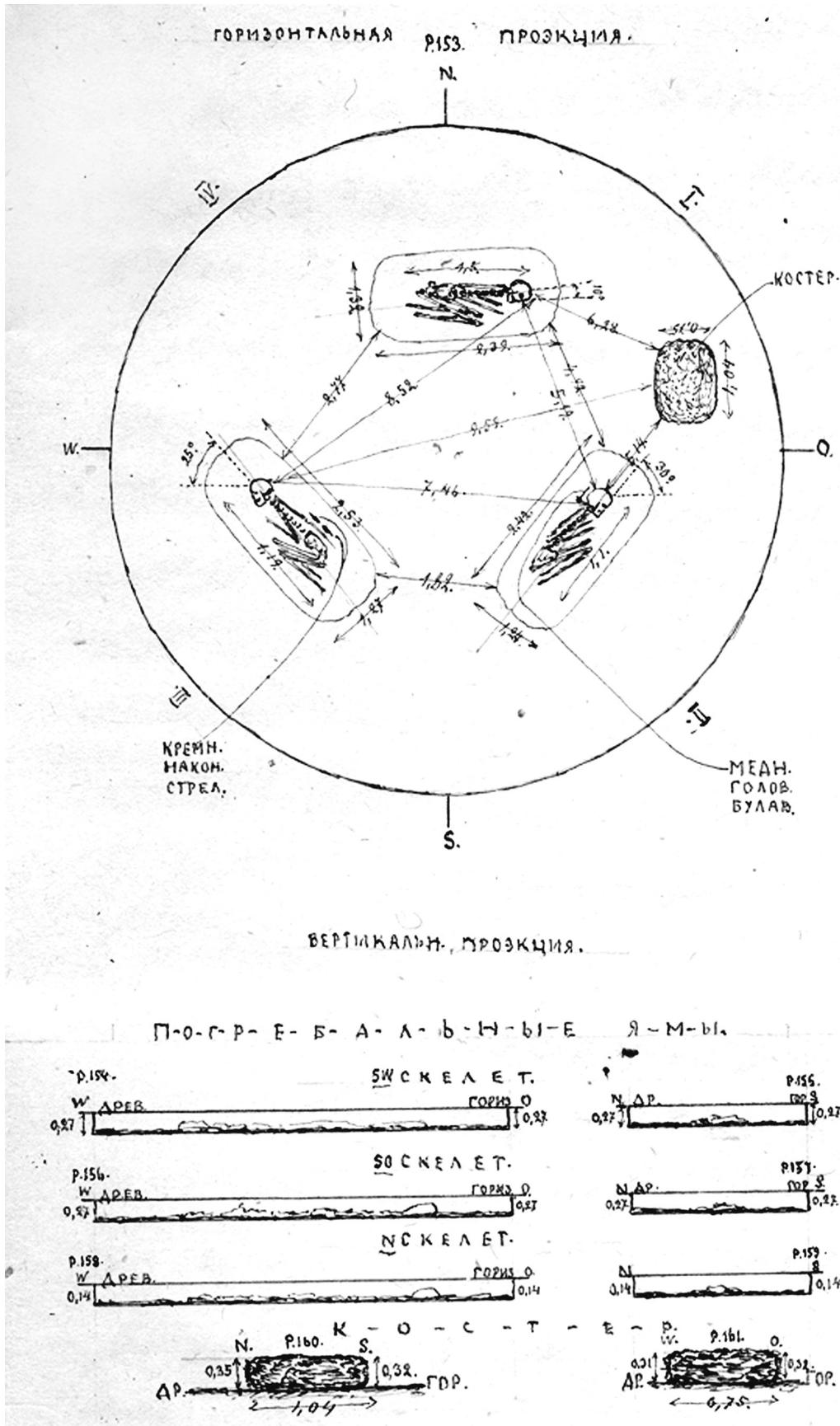

Рис. 6. Войцеховка, группа №1, курган №6 (по плану №9)

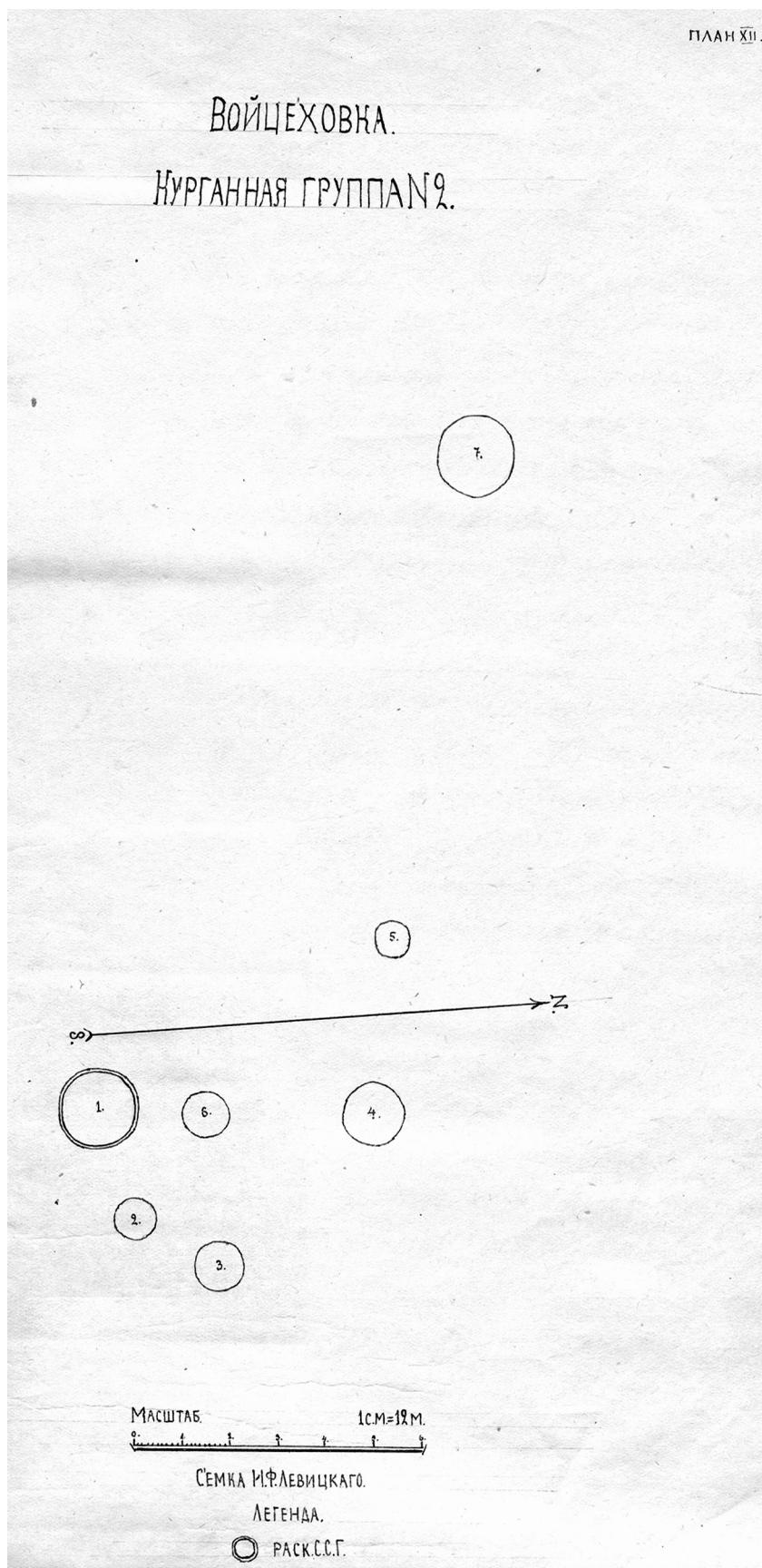

Рис. 8. План группы № 2 Войцеховского могильника

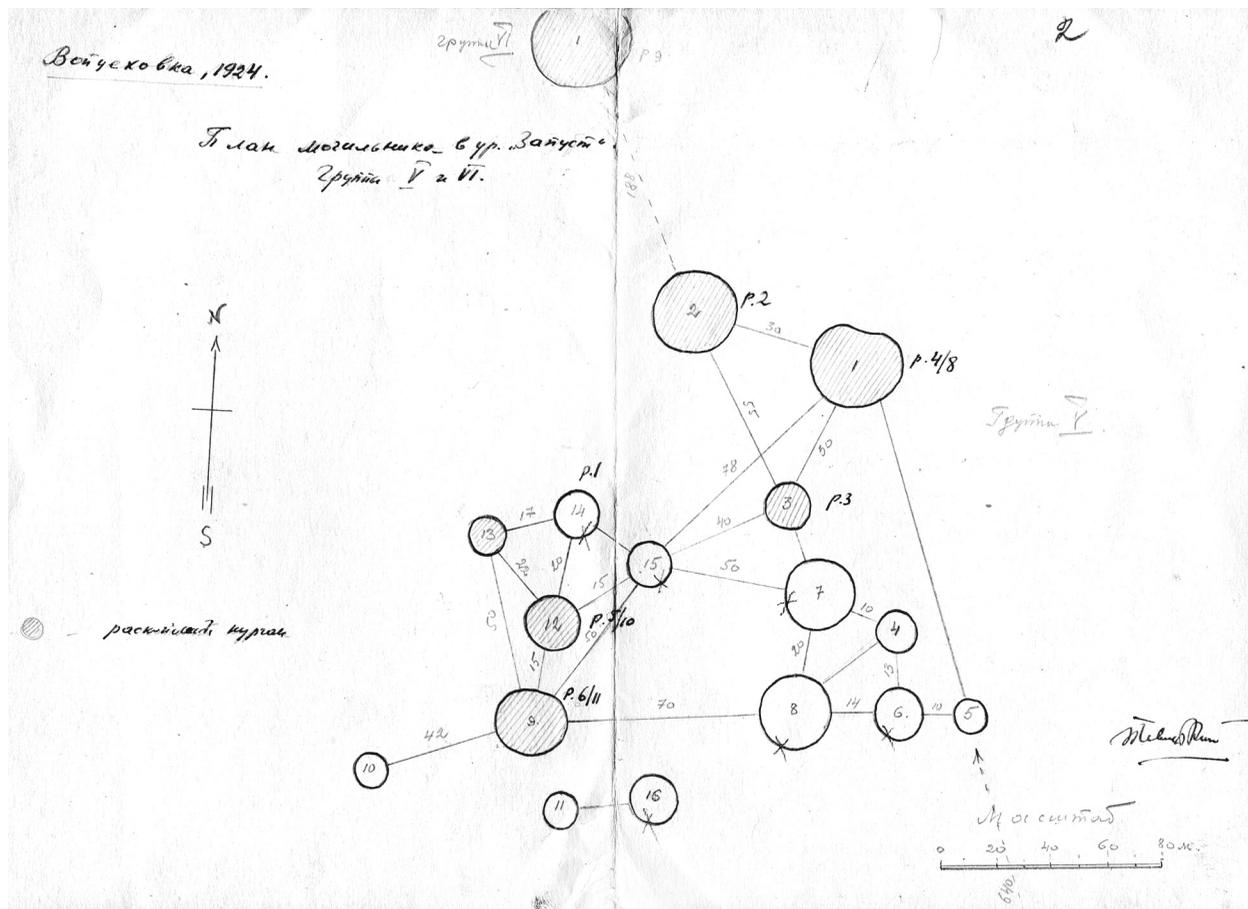

Рис. 9. Курганы групп №1(V) и 2(VI), раскопанные в 1924 г.

черепки кубышки (описанного типа) и красные черепки двуконусного сосуда (Трипольская культура), найденные в I и IV секторах. На той-же глубине оказались: осколок кости быка (I сектор, около подошвы) и костер (В центре). На глубине 1,06 м черепки кубышек и корчаг (описанного типа) продолжались в I, II, V, VII и VIII секторах. Еще на глубине 0,51 м, с Q (Почти у центра), найдены: кусок гнейсовой плитки (0,08 x 0,14 x 0,06 м) и осколки бедра и лопатки быка. На глубине 1,24 м: одиночные черепки таких-же сосудов, как и выше, во II-V секторах и усмотрено погребальное пятно (SW-ON направления) коричнево-черного цвета, расположившееся в середине насыпи. На глубине 1,95 м был низ погребальной ямы, опущенной до лесса. Кости скелета этого погребения были растянуты, некоторые (например часть длинных костей) приподняты, другие опущены (Верхняя часть скелета), иные сдвинуты сползанием насыпи (локтевые, лучевые, лопатки), вообще растяжение скелета оказалось к Q и сдвиг нижней половины произошел с поворотом к S (от NO) почти на 50°. Впечатление: скелет лежит на правом боку, в скорченном положении, по линии SW-NO (голова от SW). На глубине 0,98 м буро черно — пятно [с. 93 (113)] костра (0,85 x 1,09 x 0,26 м) знаменовалось угольками и золою, с заметным сползанием на SW и SO. Сверху костра и внизу было по куску гнейсо-гранита. На глубине 0,85 м, в SW части насыпи, вблизи подошвы, находился скелет мушины [так в оригинале. — изд.], лежавший на правом боку, в скорченном положении, с уклоном от W-O к N-S (голова от W) на 30°. Кости этого скелета были тоже растащены, особенно ножные. Земля перед этим костяком (слой выше уровня постели), под ним и вокруг него была окрашена в коричневый цвет перегноя. Трупное или погребальное пятно усматривалось с глубины 0,83 м. Кости обоих скелетов в сильно разрушенном (особенно центрального) состоянии. Части центрального скелета наблюдались на степени почти полного разрушения, т[ак] к[ак] части SW скелета лучше сохранили формы и были еще крепче. Суждение. Центральный скелет погребен в погребальной яме, опущенной до верхней поверхности лесса. Когда яма была засыпана, устроено культовое кострище. Костяк положен в скорченном положении, на правом боку (головую на SW?). Характерно отсутствие сосудов! Трудно предположить, чтобы те черепки, которые найдены в насыпи, могли быть остатками

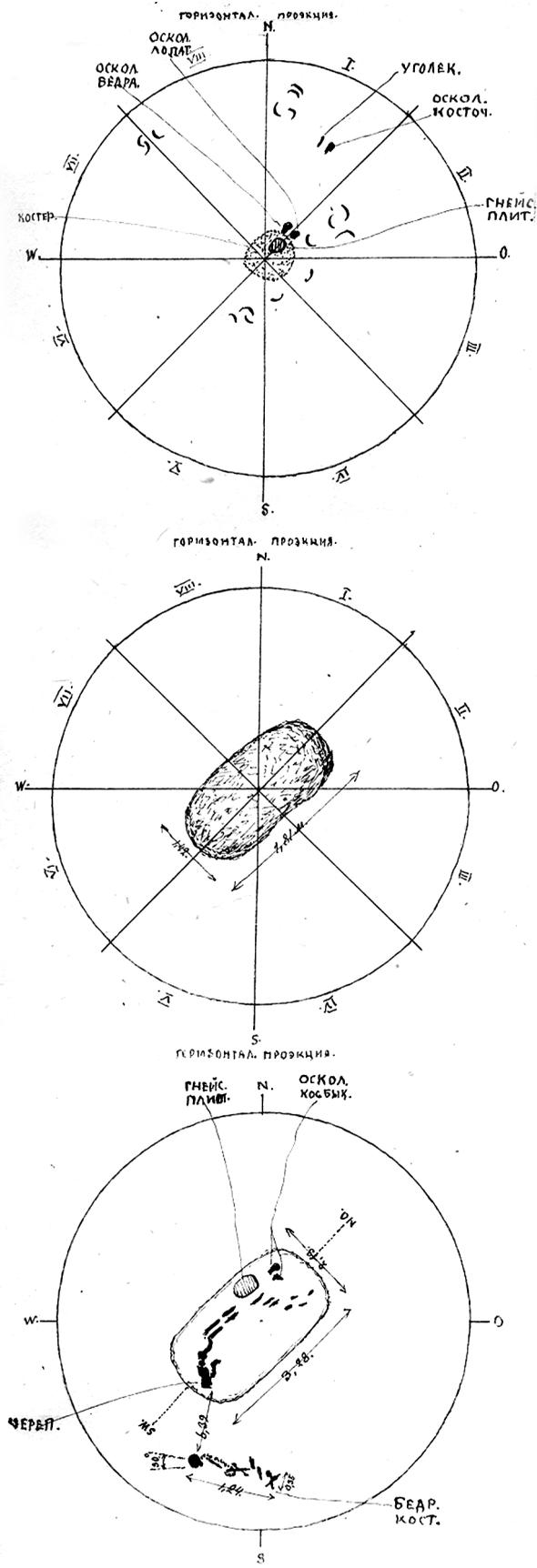

Рис. 11. Войцеховка, группа № 2, курган № 1

Рис. 12. Курганы в окрестностях с. Колодяжное

культурных сосудов (кубышки, корчаги). Был ли какой-либо инвентарь не удалось выяснить (земля была влажно-вязкая [с. 94 (114)] и темного цвета, который скрадывал и затемнял наблюдение). На SW от мушны центра выполнено погребение мушны на правом боку, в скорченном положении, с уклоном от W-O к N-S (голова от W) на 30°. Погребение этого, если допустить, что оба погребения одновременны (строение насыпи этому допущению не противоречило), выполнено на присыпке. И при этом скелете, как и обычно для соподчиненных скелетов, инвентаря не открыто. Не имеется оснований утверждать чтобы оба рассматриваемые погребения не были одновременны. Осколки костей были, видимо, сопряжены с костром, несомненно культурного значения. Сотрудничали: И.Ф. Левицкий и за плату артель рабочих из Колодяжне и Войцеховки» (Архив Гамченко, № 46: 91–94).

В «суждении» С.С. Гамченко отмечает отсутствие сосудов при погребенных. Однако при описании кургана, кроме трипольской керамики, встреченной в насыпях всех раскопанных курганов Войцеховского могильника и попавшей в них из слоя расположенного тут поздне трипольского поселения (Лагодовская, 1954: 86–89), обнаружены фрагменты «кубышек и корчаг» тшинецкого типа, аналогичных найденным в погребениях и насыпях группы № 1 указанного могильника. Отметим, что в первой группе также далеко не все погребения содержали инвентарь. При этом описание характера насыпи, положения и ориентации погребенных в группе № 2 вполне соотносится с описанием погребений группы № 1. Таким образом, нам представляется, что раскопанный курган группы № 2 также может быть отнесен к тшинецкому культурному кругу.

По состоянию на 1924 г. только на левом берегу Случи зафиксировано около ста курганов, образующих 16 курганных групп, а также одиночные насыпи. В архиве С.С. Гамченко среди черновиков сохранилась карта расположения курганных групп у с. Колодяжное, составленная И.Ф. Левицким (Архив Гамченко, № 47). Группе № 1 Войцеховского могильника по рукописи С.С. Гамченко на этой карте соответствует группа V, а группе № 2 — группа VI (Рис. 12).

Можем предположить, что Войцеховский могильник тшинецкого культурного круга занимал весь мыс, образованный изгибом р. Случь, а курганы группы № 1, содержавшие бронзовые изделия и значительное количество керамики, представляют собой его центральную — возможно элитную — часть. Для подтверждения или опровержения данного тезиса планируется возобновление полевых исследований памятника.

Литература и источники

- Архив Гамченко — Раскопки 1924 г. на Волини Сергея Гамченка // Научный архив ИА НАНУ. Ф. С.С. Гамченко. Д. 46–48.
- Архив Лагодовской — Материалы к исслед. Войцеховских памятников // Научный архив ИА НАНУ. Ф. Е.Ф. Лагодовской. Д. 34–35.
- Березанская С.С.* 1972. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.
- Кузнецова С.М., Линка Н.В.* 1963. Научный архив С.С.Гамченко // МИА, № 108. М. С. 13–15.
- Лагодовська О.Ф.* 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині // Археологія. Т. II. Київ. С. 62–77.
- Лагодовская Е.Ф.* 1954. Войцеховское поздне трипольское поселение // КСИА. Вып. 3. Киев. С.86–89.
- Лагодовська О.Ф., Захарук Ю.М.* 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VI. Київ. С. 69–74.
- Лысенко С.С.* 2005. Многоспиральные браслеты из Войцеховского могильника // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. Київ-Фастів. С. 209–214.
- Ляшко С.М.* 2004. Гамченко Сергій Свиридович // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 2. Київ. С. 113–114.
- Потупчик М.В., Потупчик М.Є.* 2008. Археологічні дослідження на Вінничині 1920-х — першої половини 1940-х років ХХ ст. // Подільська старовина. Вип. IV. Вінниця. С.53–72.

Особенности автобиографий 1920–1930-х гг. (на примере автобиографий исследователей украинского археологического наследия из фондов Института Рукописи НБУВ)

С.Н. Ляшко

Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского. Украина, г. Киев

В толковых словарях «автобиография» определяется, как описание своей жизни. Позиции почти всех энциклопедических и литературоведческих определений совпадают в главном: автобиография — литературоведческий жанр, связанный с личностью и одновременно являющийся фактом истории и культуры социума. Русский философ Л.П. Карсавин, уделивший исторической критике автобиографии значительное внимание, отмечал, что она принадлежит художественному творчеству, историческим трудам, а также виду научного источника и научных исследований, в которых автор рассматривает, исследует и оценивает собственно свое развитие с соответствующей точки зрения (Карсавин, 2007: 110–111). К этому в целом сводятся взгляды на автобиографию историков и литературоведов. Исследование автобиографии как научного и культурологического феномена имеет достаточно большую традицию и историографию (Хубач, 1970). В Украине традиции автобиографического жанра в первой половине XVIII в. заложило произведение священника и наместника березанского Ильи Турчановского «Житие и страдание свое в память детям своим и внукам и всему потомству» (Автобиографическое... 1885: 318–332).

В источниковедческой классификации автобиографии, наряду с дневниками, мемуарами, эпистолярным, относят к источникам личного происхождения и связывают с историческими источниками и источниками биографики. Среди биографических источников им принадлежит особая роль как первоисточникам (Кулешов, 2008) и оригинальным источникам, которые содержат сведения, современные событиям или идеям, с которыми они связаны и несут в себе большой познавательный ресурс. Уровень информативности автобиографических источников тесно связан с личностью автора, его образованием, местом в общественно-политической жизни и целью написания. При исследовании автобиографических источников у исследователя отсутствует проблема, являющаяся общей для других исторических источников — проблема авторства биографического повествования. Как отмечает автор «Интеллектуальной автобиографии» Поль Рикер, в автобиографиях «...не существует дистанции между главным персонажем повествования и самим рассказчиком, который говорит “я”, т. е. пишет от первого лица» историю собственной жизни, привлекая для этого самые важные, или те события, которые соответствуют цели создания автобиографии (Рикер, 2002: 3).

Автобиография ограничена датами рождения и написания и соответствующими культурно-историческими процессами и событиями. Как произведению, ей присущи индивидуальные сюжетная, тематическая канва, форма и стиль изложения. Как любой рассказ о том, что уже произошло, автор избирательно подходит к событиям и фактам, что делает информацию субъективной. Еще одно противоречие заложено между взглядом автора в прошлое и временем написания, между тем, что происходит и что уже произошло, в оценке событий (Рикер, 2002: 3). По своему содержанию она имеет несколько контекстов¹. Через творческий акт самопознания и самовоспроизведения личности автобиография отражает особенности менталитета, духа исторического времени, эпохи и т. д. При изучении автобиографии перед исследователем всегда возникает проблема достоверности и объективности информации.

По признаку — цель написания автобиографии можно условно разделить по содержанию и форме на автобиографические произведения, интеллектуальные автобиографии, Curriculum vitae, служебные автобиографии. Выбранные нами для презентации автобиографии известных украинских деятелей науки и культуры — Е.Н. Антонович-Мельник (1859–1942), В.Е. Данилевича (1872–1936), С.С. Гамченко (1859–1932), А.П. Новицкого (1862–1934), хранящиеся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, можно отнести к типу служебных автобиографий.

¹ Например, по известным причинам, украинский писатель Олесь Гончар в официальных документах и автобиографиях указывал иное место рождения (настоящее — с. Ломовика поблизости от Днепропетровска) и имя (настоящее — Александр).

Автобиография Екатерины Николаевны Антонович-Мельник (НБУВ, ИР. Ф. X, д. 4817, лл. 1–7)¹ не имеет указания на дату написания. По совокупности признаков ее можно отнести к 1929–30 гг., времени работы автора в системе Всеукраинской академии наук (ВУАН). Язык автобиографии — украинский. Существенным для исследователей жизни и научного наследия ученого является начало документа, в котором она четко указывает свою фамилию как Антонович-Мельник Екатерина Николаевна² и отмечает, что она является второй женой В.Б. Антоновича.³

Автобиографический текст можно условно разделить на следующие смысловые блоки: а) место и дата рождения, социальное положение, образование; б) работа, связанная с восстановлением и сохранением памяти В.Б. Антоновича: литографирование лекций профессора; археологические раскопки в качестве ассистентки В.Б. Антоновича; подготовка к изданию сочинений В.Б. Антоновича на украинском языке (ответственный редактор)⁴; устройство выставки «Памяти В.Б. Антоновича»; в) раскопки автора по поручению Императорского Московского археологического общества с указанием региона, культурной принадлежности памятников, информации об опубликованных материалах; участие в археологических съездах, подготовка выставок; г) трудовая деятельность в археологическом музее Университета св. Владимира, в ВУАН (заведующая библиотекой I отдела, сотрудник различных комиссий, сотрудница ВУАК); е) перечень научных обществ, членами которых она имела честь быть; ж) перечень опубликованных работ, рецензий, переводов. Автор указывает, что ее отец был врачом, оставляя за скобками дворянское происхождение, имя и отчество отца (Николай Матвеевич), известного на Екатеринославщине общественного деятеля в области земской медицины, обходит молчанием свою учебу в Швейцарии, свободное владение европейскими языками.

В Институте рукописи хранятся две автобиографии Василия Ефимовича Данилевича, историка, археолога, нумизмата, ученика В.Б. Антоновича, коллеги Е.Н. Антонович-Мельник. Автобиографии написаны в форме *Currículum vitae* в разное время, имеют сугубо официальный характер и содержат преимущественно сведения о научной, преподавательской деятельности, участии в научных обществах.

Первая автобиография написана в 1914–1915 годах во время работы В.Е. Данилевича в должности приват-доцента Университета св. Владимира (НБУВ, ИР. ф. 29, д. 145, лл. 1, 2), на русском языке, в соответствии с существующими тогда традициями — от третьего лица. Автор кратко сообщает о дате и месте рождения, получении гимназического и высшего образования, круге интересов (русская история, археология, нумизматика) и первых существенных научных достижениях. Перечисляются служба преподавателем истории в Баку, Ревеле и Харькове, приват-доцентом в Харьковском университете (1903–1907). Киевский период отмечен получением должности приват-доцента Киевского университета по кафедре древней русской истории (курсы доисторических древностей, географии, археологии, источниковедения, историографии и т. п.) и преподаванием на Высших женских курсах. В документе перечисляются также участие в археологических раскопках (год проведения раскопок, место расположения памятника), археологических съездах, членство в различных научных обществах исторического направления.

Вторая автобиография В. Е. Данилевича написана на украинском языке в начале 1920-х годов во время работы в должности профессора в Киевском институте народного образования (НБУВ, ИР. Ф. 29, д. 146, л. 1). Она повторяет сведения, изложенные в предыдущей автобиографии, но более компактна по форме. В ней В.Е. Данилевич подробнее перечисляет должности, названия учебных заведений, в которых он работал, причины перехода из одного в другое. Они связаны с поисками возможностей подготовиться к защите диссертации и профессионально заниматься историей Украины. Существенным для понимания интереса к украинской истории является информация о влиянии на его становление как историка профессоров П.В. Голубовского, В.С. Иконникова, Д.И. Багалея и, особенно, В.Б. Антоновича, учеником которого он считал себя всегда. Отдавая дань памяти учителю, вместе с Е.Н. Антонович-Мельник он работал над подготовкой к изданию его творческого наследия. «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (1896) сделали его имя известным в научных кругах. Однако тяжелое материальное положение, неизлечимая болезнь не позволили талантливому историку своевременно защи-

¹ Еще одна автобиография Е.Н. Антонович-Мельник хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве (ф. 832, оп. 198, д. 254).

² Авторы современных историко-биографических исследований часто указывают ее фамилию как Мельник-Антонович Е.Н.

³ Около 20 лет до смерти своей жены (1902 г.) В.Б. Антонович прожил с Е.Н. Мельник в гражданском браке.

⁴ Из шести томов свет увидел только первый том (1932).

тить магистерскую диссертацию. В автобиографиях В.Е. Данилевич не указывает свои научные работы и темы, которые всю жизнь интересовали его как историка.

Содержание и отбор биографических фактов во второй биографии отражают политику Советского государства в отношении научных и педагогических кадров и интеллигенции в целом, процесс перехода к «единой трудовой школе», политику украинизации (украинский язык документа). Акцентируется на подготовке учеников (среди его учеников — археолог В. Е. Козловская), которые преподают в вузах и служат в украинских научных учреждениях. Лояльность к новой политической власти подчеркивается такими фразами как: «При Советской Власти работаю с 1917 г.», заменой названий Петербургских научных обществ на «Ленинградские». По неизвестным нам причинам автор не освещает свою деятельность в Киевском археологическом институте, Комитете по организации всенародной библиотеки Украины и другую научную и общественную деятельность.

Curriculum vitae Сергея Свиридовича Гамченко (НБУВ, ИР. ф. 279, № 815) составлена в 1928 г. на украинском языке во время работы во Всеукраинском археологическом комитете ВУАН. Состоит из указаний на: а) дату и место рождения, социальное положение семьи (бедная), национальную принадлежность (украинец); б) образование; в) археологическую деятельность; г) музейную деятельность; д) участие в научных обществах в Украине, России, за рубежом; е) работу в ВУАК. Более половины текста автобиографии посвящены описанию археологической деятельности автора: раскопкам, перечню публикаций, а также подготовленных по материалам исследований археологических памятников к печати научных статей, участию в археологических съездах.

С.С. Гамченко был одним из наиболее профессионально подготовленных сотрудников ВУАК. Кроме физико-математического и исторического образования в Киевском (1876–1880) и исторического образования в Московском университетах (1881–1882), он получил археологическое образование в Петербургском археологическом институте (1911). Практическую деятельность начал под руководством В.Б. Антоновича в 1878 г. раскопками вблизи Житомира. В автобиографии С.С. Гамченко четко формулирует сферу своих интересов в археологии: «... главным образом, древним бытом и искусством, посредством поиска оптимальных методов раскопок могил, культурных слоев (стоянок, пещер, городищ, некрополей, гробниц и отдельных памятников различных культур)», о чем свидетельствуют названия некоторых его работ: «Археологічні першоджерела, їх реєстрація та способи і засоби їх охорони» (1915, 1925).

Акцентируя на событиях (окончил Киевскую гимназию..., поступил в Киевский университет... (1876–1880), в Московском университете (1881–1882) слушал курс...), автор скрывает такие факты своей жизни, как обучение и одновременное окончание Киевской военной гимназии, физико-математического и исторического факультетов Киевского университета св. Владимира (вечерние отделения), окончание в Москве военного Третьего Александровского училища с параллельным посещением лекций на историческом факультете Московского университета. Во время службы в Петербурге (подполковник, 1904–1911) он окончил Петербургский археологический институт и защитил диссертацию «Дюнные неолитические стоянки на берегу финского залива». В годы Первой мировой войны в чине «генерала по приказу» служил в Казани. С 1878 г. он успешно совмещал военную службу с археологией. С.С. Гамченко окончил военную службу в 1918 г. и до самой смерти занимался археологической деятельностью, преимущественно на Волини и Киевщине. Во Всеукраинской академии наук с декабря 1927 г. он занимал должность председателя ВУАК.

В Институте рукописи хранятся три автобиографии историка русского и украинского искусства, известного шевченковеда, организатора науки и охраны памятников, академика ВУАН Алексея Петровича Новицкого. Автобиографии написаны в 1920–1930-е годы.

Первая (Curriculum vitae Алексея Петровича Новицкого) короткая автобиография (НБУВ, ИР. Ф. 279, д. 1, л. 1–3) написана, очевидно, в связи с избранием А. П. Новицкого действительным членом ВУАН — академиком по кафедре украинского искусства в июне 1922 г. Язык документа — русский. Автобиография охватывает московский период деятельности ученого: а) работа в библиотеках Российского исторического музея и училища «Живописи, Ваяния и зодчества», подготовка и издание каталога «Художественная галерея Московского публичного и Румянцевского музея» (1889); б) редакторская деятельность в «Русском художественном Архиве», преподавание на «Курсах по истории искусств и литературы», подготовка и издание монографии «История русского искусства» (1903); в) общий перечень работ, вышедших до 1919 г.; г) заведывание фундаментальной библиотекой в Феодосии (май 1919 — ноябрь 1920), работа в коктебельском отделе народного образования (до июня 1922).

Вторая автобиография (также Curriculum vitae) написана на украинском языке в конце 1922 г. и имеет небольшое приложение (НБУВ, ИР. Ф. 279. Д. 1. Л. 4–9). Самая большая по объему, она дополняет

и уточняет фактами предыдущую биографию (секретарская и редакторская работа в редакциях «Сборник русских архитекторов и инженеров», комитете Московского архитектурного общества; предложение от издательства «Книжное дело» подготовить первую в России «Историю русского искусства»), вводит в текст документа имена из окружения А.П. Новицкого (профессора А.И. Кирпичников, С.В. Новаковский, академик А.Н. Веселовский, П.М. Третьяков, историк И.Е. Забелин и др.).

Украинский язык второй автобиографии ученого, вместе с помещенным в нее «украинским сюжетом», позволяют предположить украинские корни А.П. Новицкого.¹ В контексте московского периода, особую ценность приобретает фрагмент, связанный с участием А.П. Новицкого в жизни украинского общества, в частности, украинской секции Общества славянской культуры, основание кружка «Кобзарь», подготовка к юбилею Т.Г. Шевченко (1911),² участие в создании журнала «Украинская жизнь»,³ устройство Первой выставки украинских художников в Москве (1916) и т. д. По поручению Научного Общества им. Шевченко (Львов) им была подготовлена статья о Шевченко — художнике,⁴ за которую он был избран действительным членом этого общества. Статья положила начало Шевченкиане Новицкого, а самого автора сделала одним из ведущих шевченковедов своего времени. По поручению Украинского совета (1917) А.П. Новицкому поручили составление списка украинских исторических ценностей, «хранящихся в музеях и церквях Москвы» и указателя украинских материалов, хранящихся в архивах Москвы. Переехав в Украину, А.П. Новицкий органично вписался в контекст украинской исторической науки. В приложении к автобиографии, которое относится к киевскому периоду жизни (1922–1934), приведен перечень занимаемых им в ВУАН должностей (Председатель Комитета по охране памятников старины и искусства, Председатель Секции искусств при кафедре Искусствоведения др.) и достигнутых результатов.

Третье жизнеописание А.П. Новицкого (НБУВ. ИР. Ф. 279. Д. 1. Л. 9–12) по фактическому материалу совпадает со вторым документом, но более короткое. Оно датируется концом 20-х годов XX века (Федорова, 1997). Факты, имеющие отношение к киевскому периоду жизни, занимают восемь строчек. Документ дополнен информацией о дате бракосочетания, именем и отчеством жены (Юлия Ивановна⁵) и датами рождения жены и дочери Марии.

Подводя итог содержательной части автобиографий, обратим внимание на следующее. Е.Н. Антонович-Мельник, В.Е. Данилевич, С.С. Гамченко, А.П. Новицкий являются представителями одного поколения украинских историков, жизнь которых проходила в общих координатах социально-культурного пространства. Они начинали жизнь, получили высшее образование, профессию, сформировались как ученые в исторических условиях Российской империи, а вторая половина жизни пришлась на советский период. Представленные модели автобиографий сложились в условиях доминантной идеологической партийно-советской системы.

Е.Н. Антонович-Мельник, В.Е. Данилевича, С.С. Гамченко, А.П. Новицкого сближает происхождение (дворянское, кроме С.С. Гамченко), получение исторического образования в Университете св. Владимира в Киеве (кроме А.П. Новицкого), научная школа В.Б. Антоновича (кроме А.П. Новицкого), научные интересы, связанные с древней историей (древности, археология, охрана памятников и др.), участие в ведущих научных обществах России как объективный компонент приобретения профессионализма, культурное и научное окружение, место работы — Всеукраинская академия наук. Автобиографии написаны в Киеве, приблизительно в одно историческое время. По содержанию и функциональному назначению они приближаются к служебным документам.

Автобиографии написаны в произвольной форме. Текст автобиографий можно условно разделить на содержательные или хронологические блоки, охватывающие важнейшие для авторов события и факты. Их объединяет, на наш взгляд, общая цель — несмотря на почтенный возраст, доказать свой достаточный профессиональный статус, необходимый для работы в научном учреждении и получения зарплаты, что было гарантией выживания в тяжелых условиях существования ВУАН (Полонска-Василенко,

¹ А.И. Бонь в монографии «Академік Олекса Петрович Новицький: наукова та громадська діяльність» (К., 2004) указывает на происхождение рода А.П. Новицкого в начале XVII в. от древнего старшинского рода, родоначальником которого был «охочеконный» полковник И.Ф. Новицкий.

² На выставке экспонировались графические и живописные работы Т.Г. Шевченко. А.П. Новицкий является автором «Каталога Шевченковской выставки в Москве по поводу 50-летия со дня его смерти» (М., 1911).

³ Журнал «Украинская жизнь» выходил в Москве в 1912–1917 гг. В нем А.П. Новицкий опубликовал статьи «К вопросу об украинском стиле», «По поводу статьи «Український архітектурний стиль» и др.

⁴ «Шевченко як маляр» (ЛНВ, 1911, т. 54, с. 78–84).

⁵ 17 октября 1893 г. А.П. Новицкий женился на дочке известного юриста И. Остроглазова — Юлии Ивановне.

1993: 19–27). Поэтому в них акцентируется приобретение профессионального образования и дальнейшая карьера историка (археолога, искусствоведа). Научно-практическая и разнообразная творческая деятельность авторами автобиографий передается через перечень публикаций, участие в научных обществах, которые выступают одним из критериев профессиональной успешности человека. Через самохарактеристику научных работ авторы пытаются утвердить право на признание в научной среде своих исследований. Акцентирование своей деятельности после 1917 г. является попыткой подчеркнуть адаптацию к новым социальным реалиям и развитию исторической науки в Украине.

В то же время в автобиографиях скрываются генеалогические сведения, принадлежность или симпатии к ряду политических течений, участие в определенных событиях и т. д. Причины этого заключаются в существующих социально-политических и социально-культурных реалиях в Украине того времени. Эти причины довольно точно определил как «отрезки эпох» их младший коллега — В.П. Петров, который начал научную работу в комиссиях ВУАН в 1919 г. и был знаком с автобиографами (термин Л. Карсавина). Его автобиографии (НА ИА НАН Украины. Ф. 16, оп.1, д 267; там же, личное дело В.П. Петрова) также содержат много контекстов, над которыми продолжают работать исследователи его жизни и научного творчества (В.П. Петров, 2008). Он писал: «Время уплотнилось ... Каждый человек числит за собой несколько жизнеописаний. Одно имя стало явно недостаточным для человека. Тождество имени более не соответствует изломам эпох. Над всем господствует эпоха. Функция человека в одной эпохе одна, в другой — другая. Смена эпох определяет непостоянство личности. Никто из нас не имеет собственной биографии, ибо его биография принадлежит оттенкам эпох, которые существенно отличаются друг от друга» (Петров, 1946 : 8).

Жизнь и творчество Е.Н. Антонович-Мельник, В.Е. Данилевича, С.С. Гамченко, А.П. Новицкого попали в сферу научных и биографических исследований в конце XX в. (Шовкопляс, 2000; Руденко, 2009; Девилье, 2003; Нестеренко, 2000; Бонь, 2004) Автобиография Е. Н. Антонович-Мельник (Автобиография, 2003) и одна из автобиографий А.П. Новицкого (Федорова, 1997) введены в научный оборот, прошли начальный этап источниковедческого изучения и приобрели статус исторического источника. Представленные автобиографии остаются объектами источниковедческого анализа и источником получения нового знания о жизнедеятельности ученых, а также о самих источниках, поскольку современная историческая наука основана не только на достижениях предшественников, но и на переосмыслении оригинальных источников и на их основе создании новых знаний.

Литература

- Автобиографическое сочинение южнорусского священника первой половины XVIII в. // Киевская старина. 1885. Т. XI. К. С. 318–332.
- Автобіографія Антонович-Мельник Катерини Миколаївни, нештатного постійного співробітника Постійної комісії для складання Біографічного словника діячів України // Постійна комісія УАН–ВУН для складання Біографічного словника діячів України. 1918–1933. Київ. 2003. С. 227–232.
- Бонь О. 2004. Академик Олекса Новицький : наукова та громадська діяльність. Киев.
- Віктор Платонович Петров (Домонтович) у документах та спогадах сучасників // Українська біографістика. Київ. 2008. Вып. 4. С. 306–442.
- Девилье М.А. 2003. Рукописний фонд історика та археолога Василя Юхимовича Данилевича як джерело дослідження творчого та життєвого шляху вченого // Рукописна та книжкова спадщина України. К. Вип. 8. С. 150 —174.
- Карсавин Л. 2007. Философия истории. Москва.
- Кулешов С. 2008. Документознавство // Спеціальні історичні дисципліни. Київ С. 211–218.
- Нестеренко В.А. 2000. Археологічні дослідження С.С. Гамченко на теренах Волині // Житомирщина на зламі тисячоліть. Житомир. С. 328–330.
- Петров В.П. 1946. Історіософічні етюди // МУР: Мистецький український рух. Сб. II.
- Полонська-Василенко Н.Д. 1993. Українська Академія наук. Нарис історії. Киев.
- Рікер П. 2002. Інтелектуальна автобіографія. Любов і справедливість. Киев.
- Руденко Г.Г. 2009. Життєвий та творчий шлях К.М. Мельник-Антонович // Історія і культура Придніпров'я: Невідомі і маловідомі сторінки. Дніпропетровськ. Вып. 6. С. 121–129.
- Федорова Л. 1997. З життя академічних кіл Києва 20-х років (За листами з архіву академіка О.П. Новицького // Хроніка 2000. Київ. № 17/18. С. 277–280.
- Хубач В. 1970. Биография и автобиография. Проблема источника и изложения. Москва.
- Шовкопляс Г.М. 2000. К. М. Мельник-Антонович (1859–1942) // Музейні читання. Київ. С. 6–13.

Роль Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К.Ф. Смирнова в разработке проблем бронзового века степной зоны Евразии

Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев

Оренбургский государственный педагогический университет. Россия, г. Оренбург

В 1956 г. на территории Оренбургской области начала свою многолетнюю деятельность Южно-Уральская (Оренбургская) археологическая экспедиция (далее — ЮУАЭ) Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова. Организация работы, исследовательские планы ЮУАЭ ежегодно варьировались. В составе экспедиции работали научно-исследовательские отряды, возглавляемые М.Г. Мошковой и Э.А. Фёдоровой-Давыдовой. Особым подразделением, организационно отнесённым к структуре ЮУАЭ, был Еленовский отряд (руководитель — Е.Е. Кузьмина). Основной задачей экспедиции являлось «изучение истории и культуры древних скотоводческо-земледельческих племён медного и бронзового веков (III—II тыс. до н. э.) и кочевников — сарматов, а также раскопки на основании государственного законодательства об охране исторических памятников, подвергающихся ограблению или распашке» (Смирнов, 1964: 17).

В результате масштабных работ, охвативших бассейн рек Илека и Бузулука и восточные районы области, был получен богатейший археологический материал, в том числе и по различным периодам эпохи бронзы. Достаточно успешным было исследование памятников ямной, срубной, андроновской культур. В историографической литературе, однако, до настоящего времени проблематика бронзового века в работах экспедиции К.Ф. Смирнова не была предметом специального изучения, наибольшее внимание уделялось раннему железному веку (РЖВ), чем и обусловлено написание настоящей статьи.

Но прежде чем анализировать основные итоги работ ЮУАЭ, надо остановиться на том, какова же была исследовательская картина в области эпохи бронзы Южного Приуралья к началу работ экспедиции К.Ф. Смирнова. Базисной концепцией степной бронзы являлась «городцовская триада» (ямная — катакомбная — срубная культуры), и многие сопредельные Южному Приуралью с запада регионы были отмечены наличием исследованных и интерпретированных памятников звеньев данной триады. Так, территория древнеямной культуры была в 1920-е годы расширена работами П.С. Рыкова, П.Д. Рау, В.В. Гольмстен до пределов Поволжья. В степном Оренбуржье, однако, комплексов данного времени выявлено не было. «Белым пятном» оставалась длительное время и эпоха средней бронзы данного региона. Лучше изучены были к началу 1950-х гг. памятники поздней бронзы Южного Приуралья. Касается это, прежде всего, памятников андроновского типа на востоке Оренбургской области. Открытие таких произошло в 1920-е годы работами М.П. Грязнова, а в 1930-е годы новые материалы были получены в ходе новостроечных экспедиций Б.Н. Гракова и Г.В. Подгаецкого; Б.Н. Граковым же был исследован эталонный Кожумбердынский могильник (Грязнов, 1927; Граков, 1935; Подгаецкий, 1940; Кривцова-Гракова, 1947). Всего к началу работ ЮУАЭ на территории восточных районов Оренбургской области было исследовано около 20 комплексов андроновского типа. Срубные же памятники только начинали открываться и изучаться, что связано с деятельностью К.В. Сальникова, раскопавшего у с. Погромного два кургана срубной культуры (Сальников, 1950). Поселения же поздней бронзы — как срубные, так и андроновские — были абсолютно не изучены.

Таким образом, к моменту начала работы в Оренбургской области Южно-Уральской (Оренбургской) экспедиции ИА АН СССР когнитивная картина в области изучения эпохи бронзы характеризовалась большим количеством «белых пятен» и научных проблем, решить которые предстояло сотрудникам ЮУАЭ. При том, что основной задачей Южно-Уральской экспедиции было исследование сарматских курганов Южного Приуралья, К.Ф. Смирновым была поставлена и другая задача — «поиски поселений и раскопки курганов эпохи бронзы» (Архив ИА РАН. Р-1. № 1686. Л. 1). Изучение памятников эпохи бронзы стало самостоятельным направлением деятельности ЮУАЭ, особенно в связи с работами отряда ГИМ (Э.А. Фёдорова-Давыдова) и Еленовского отряда (Е.Е. Кузьмина). В результате было исследовано значительное число погребальных памятников (442 погребения) ямной, срубной и андроновской культур (*табл. 1*). Наиболее значимые результаты деятельности экспедиции связаны, прежде всего, с раскопками могильников эпохи бронзы на западе и юге области, андроновских могильников, поселений и рудников в Домбаровском районе (работы Еленовского отряда).

Изучение памятников ранней бронзы

В 1956—1957 гг. в ходе раскопок могильников Увак и Близнецы (Соль-Илецкий район) впервые в степном Южном Приуралье были исследованы погребения с обрядом, типичным для ямной культуры: скорченные окрашенные охрой костяки в глубоких грунтовых прямоугольных ямах со следами перекрытий из жердей или плах (Смирнов, 1965: 156). В 1960 году Увакский могильник был раскопан отрядом ГИМ под руководством Э.А. Федоровой-Давыдовой, в 9 из 11 исследованных курганов основные погребения относились к ямной культуре. При раскопках могильника впервые были сделаны находки медных орудий — ножа и литого двухбушкового молотка (погребение 4 кургана 12), что позволило автору работ датировать ямные погребения Увакского могильника началом III тыс. до н. э. (Фёдорова-Давыдова, 1971: 55, 59).

В 1963—1964 гг. ямные погребения были обнаружены в курганных группах близ хутора Барышников и села Герасимовка (Герасимовка I, II) на левом берегу р. Киндели (Новосергиевский район) (Моргунова, Турецкий, 1998: 3—16; Фёдорова-Давыдова, 1971: 56). В кургане 7 могильника Герасимовка I было найдено сплошное деревянное колесо с выступающей втулкой, что позволило сделать вывод о наличии колёсного транспорта у древнеямных племён. Н.Я. Мерперт подчеркивал, что это самая восточная находка колеса в древнеямной культурно-исторической общности, предшествующая по хронологии находкам на Дону и в Приднепровье (Мерперт, 1974: 120).

В 1956—1970 гг. Южно-Уральской экспедицией было исследовано 30 ямных погребений, тем самым была создана значительная источниковая база по проблеме ямной культуры. Полученные материалы были опубликованы в статьях руководителей экспедиции (Смирнов, 1965; Фёдорова-Давыдова, 1971), где впервые были поставлены ключевые проблемы истории и археологии эпохи ранней бронзы приуральских степей — о характерных чертах погребального обряда ямной культуры, о датировке исследованных погребений, о характере хозяйства и металлургического производства племен эпохи ранней бронзы. Так, в частности, Э.А. Федоровой-Давыдовой, опиравшейся на заключения анализа, проведённого Е.Н. Черных, был сделан вывод о том, что именно ямные племена Приуралья начали разработку Каргалинских месторождений. Приуральские памятники ямной культуры были отнесены автором к концу III тыс. до н. э. В результате работ ЮУАЭ восточная граница ямной культуры была отодвинута на восток.

Окончательная интерпретация полученных экспедицией древнеямных материалов состоялась в работе Н.Я. Мерперта «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья». Ученый выделил среди памятников Приуралья четыре обрядовые группы, соотнеся их с первой и второй хронологическими группами Нижне-Волжского района. При этом Н.Я. Мерперт отметил, что локальной особенностью приуральских памятников является положение погребенных на правом боку. По мнению Н.Я. Мерперта, именно Волжско-Уральский вариант был первоначальным очагом формирования древнеямного культурно-исторического единства. Именно здесь в III тыс. до н. э. сложился один из древнейших очагов подвижного кочевого скотоводства, ставший экономической основой формирования ямной культурно-исторической общности с ее специфическим погребальным обрядом. Особенную роль в этом сыграл приуральский вариант, представленный памятниками бассейна рек Илек и Кинделя, исследованными Южно-Уральской археологической экспедицией (Мерперт, 1974).

Изучение памятников синташтинского типа

В 1973 году ЮУАЭ при раскопках кургана 25 Ново-Кумакского могильника были открыты погребения синташтинского времени, содержавшие в том числе бронзовые изделия — нож с листовидным клинком и плоским черенком и плоское тесло. К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина в публикации материала (фактически первой публикации памятников синташтинского типа) поставили вопрос о выделении новокумакского хронологического горизонта, предшествующего андроновской культуре и датируемого второй четвертью II тыс. до н. э. Основным типом погребений для данного комплекса являлись захоронения в больших могильных ямах скорченно на левом боку или на спине, сопровождающиеся плоскодонными орнаментированными геометрическими узорами сосудами, металлическими изделиями и ритуальными захоронениями голов и ног крупного рогатого скота и костями барана (Смирнов, Кузьмина, 1977).

Авторы публикации поставили вопрос о генезисе новокумакского культурного типа, указывая на значительную роль в нем западного импульса (полтавкинская и катакомбная культуры), а также установили наличие генетической связи между новокумакскими и алакульскими памятниками, прослеживаемой в технике изготовления и орнаментации керамики, формах ножей и тёсел, типах украшений

(Смирнов, Кузьмина, 1977). В дальнейшем обработка массового материала, полученного при раскопках серии памятников на р. Синташта в Челябинской области, позволили развить идеи, высказанные К.Ф. Смирновым и Е.Е. Кузьминой, и обосновать выделение синташтинской культуры.

Изучение памятников поздней бронзы

Погребения, давшие массовый материал по культурам эпохи поздней бронзы, были изучены Южно-Уральской экспедицией в Сорочинском, Новосергиевском, Соль-Илецком, Орском районах Оренбургской области. При этом срубные многомогильные комплексы были изучены преимущественно на западе области (Новая Белогорка, Герасимовка, Шиханы, Перевозинка), а андроновские памятники — в центральных и восточных районах (Увак, Пятимары, Хабарное, Новый Кумак и т. д.).

К сожалению, некоторые материалы исследований до сих пор не опубликованы или опубликованы не полностью, в частности, такие памятники, как Герасимовка I (курганы 11–15), Новая Белогорка, Перевозинка, Кара-Бутак. Тем не менее, некоторые аспекты изучения эпохи поздней бронзы нашли отражение в серии публикаций Э.А. Федоровой-Давыдовой и Е.Е. Кузьминой.

Ключевой подмеченной особенностью изученных памятников является наличие комплексов, иллюстрирующих взаимопроникновение срубной и андроновской культур. Так, в погребальном обряде срубного Новобелогорского могильника присутствуют признаки андроновской культуры (использование камня в погребальных конструкциях, алакульские формы сосудов). И наоборот, в андроновском Хабарнинском могильнике алакульская керамика с пышной орнаментацией сочетается с баночными срубными сосудами (Фёдорова-Давыдова, 1964: 85, 89–90).

Раскопки памятников позднего бронзового века на территории Оренбургской области дали ценный археологический материал, на основе которого стало возможным делать выводы о культурных связях племен Приуралья эпохи бронзы, о социальной дифференциации и хозяйственном укладе срубного и андроновского обществ. Результаты раскопок ЮУАЭ памятников эпохи бронзы Южного Приуралья были проанализированы Э.А. Фёдоровой-Давыдовой в ее диссертационном исследовании «Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы». (Архив ИА РАН. Р–2. № 2586) К сожалению, диссертация Э.А. Федоровой-Давыдовой не была издана как монографическое исследование, хотя отдельные материалы и выводы этой работы были опубликованы.

Э.А. Федорова-Давыдова выделила три локальные группы памятников поздней бронзы Оренбургской области:

- 1) восточная группа — памятники Орского и соседних с ним районов: каменные кольца и курганы с каменными кольцами по основанию, в которых покойники захоронены скорченно на левом боку головой на запад — юго-запад.
- 2) центральная группа — памятники в среднем течении р. Илек (Соль-Илецкий район) — сочетание признаков срубной и андроновской культур с преобладанием андроновских черт.
- 3) западная группа — могильники смешанного срубно-андоновского характера в правобережье Урала (Герасимовка I и III), Тоцком и Сорочинском районах (Новая Белогорка). (Фёдорова-Давыдова, 1973а: 86–87)

Э.А. Федорова-Давыдова классифицировала все основные категории погребального инвентаря памятников эпохи бронзы: керамику, орудия труда, предметы вооружения, украшения, сопоставив их с ближайшими аналогиями, что позволило с большой степенью достоверности датировать исследованные ЮУАЭ срубные и андроновские памятники. Выводы Э.А. Федоровой-Давыдовой можно свести к следующим положениям:

- начало алакульской культуры относится к XVI в. до н. э.;
- федоровские и алакульские могильники синхронны, между ними нет генетической связи, как считалось ранее;
- влияние пришлых федоровских племен в Южном Приуралье сказалось в погребальном обряде могильников кожумбердынского типа;
- срубные и алакульские племена Южного Приуралья и Западного Казахстана сложились на близкой основе, которой могли быть племена ямной культурно-исторической общности;
- в хозяйственном укладе носителей андроновской и срубной культур преобладало скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей), известно было и земледелие;
- общество позднего бронзового века характеризуется развитыми патриархально-родовыми отношениями, с возникновением имущественного неравенства.

(Фёдорова-Давыдова, 1973а: 152; Архив ИА РАН. Р–2. Д. 2586. Л. 213–225)

Таким образом, Э.А. Федорова-Давыдова фактически пересмотрела периодизацию андроновской культуры, предложенную К.В. Сальниковым на материалах Кипельского селища. Ею была высказана мысль о сосуществовании федоровских и алакульских памятников и удревнена нижняя граница алакульской культуры.

Многие из положений Э.А. Федоровой-Давыдовой были подтверждены в ходе работ в 1959–1966 гг. на востоке Оренбургской области (Домбаровский район) Еленовского отряда Южно-Уральской экспедиции. Сотрудниками отряда были исследованы андроновские могильники Атакен-сай, Ушкатты I, II, III, Купухта, Шандаша I, II, Байту I, II, Кожумберды I, Турсумбай I, II, III, Еленовский I, II, поселения Шандаша, Ушкатты, Турсумбай, мастерская Ушкатты (табл. 2). При этом материалы данных памятников рассматривались через призму комплексного изучения древнего металлургического центра, базировавшегося на медных проявлениях Еленовского и Ушкаттинского рудников.

Итоги работ Еленовского отряда в Домбаровском районе нашли отражение в серии публикаций Е.Е. Кузьминой по проблемам своеобразия южноуральского варианта андроновской культуры.

В статье «Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры» Е.Е. Кузьмина, проанализировав особенности погребального обряда андроновских могильников (конструкция погребальных сооружений, орнаментация керамики и т. д.), подразделила их на три типа, соотносимых с тремя хронологическими этапами:

- 1) могильники середины II тыс. до н. э. (тип Ушкатты I), для которых характерна высокая роль камня в погребальном обряде, в инвентаре — керамика со сложной геометрической орнаментацией, немногочисленные украшения;
- 2) могильники третьей четверти II тыс. до н. э. (Байту I и II), заключающие в себе промежуточные, переходные черты от ранних к поздним памятникам;
- 3) могильники последней четверти II тыс. до н. э. (Атакен-сай, Шандаша), которым присущи значительные следы срубного влияния в погребальном обряде. (Кузьмина, 1964: 125–140)

Е.Е. Кузьминой на материалах памятников Еленовского микрорайона были также отслежены признаки имущественного неравенства у андроновских племён: изучены могильники верхушки андроновской знати, характеризующиеся большими земляными курганами с каменной обкладкой, крупными могильными ямами, жертвоприношениями животных, богатым инвентарем (керамика, бронзовые и золотые украшения, орудия труда). (Кузьмина, 1964: 133)

В ходе работ Еленовского отряда ЮУАЭ было проведено комплексное обследование Еленовского микрорайона андроновской культуры, были изучены могильники и относящиеся к ним поселения, были выявлены следы древнейших металлургических мастерских, металлопроизводства на поселениях, что позволило сделать выводы о наличии на данной территории крупного металлургического центра позднего бронзового века. Авторы раскопок восстановили занятия андроновского населения Еленовского микрорайона (скотоводство, земледелие, металлургия, гончарство), выявили наличие здесь социального неравенства. Е.Е. Кузьмина проследила эволюцию погребального обряда племен эпохи поздней бронзы, что позволило ей сделать значимые для археологической науки выводы о соотношении срубной и андроновской культур в Южном Приуралье, об эволюции андроновской культуры.

Работы Э.А. Фёдоровой-Давыдовой и Е.Е. Кузьминой, базирующиеся на результатах полевых исследований подразделений ЮУАЭ, были несомненным событием в археологии эпохи бронзы. Благодаря им начался пересмотр периодизации андроновской культуры, предложенной К.В. Сальниковым на материалах селища Кипель (федоровская, алакульская, замараевская ступени), был удревнен алакульский этап, показан характер взаимных контактов срубной и андроновской культур, отразившихся в погребальном обряде. В дальнейшем некоторые из положений Э.А. Фёдоровой-Давыдовой и Е.Е. Кузьминой были подвергнуты пересмотру; в частности, определена роль синташтинской культуры в генезисе алакульской, Г.Б. Здановичем предложена иная схема соотношения алакульской и фёдоровской культур. (Зданович, 1988)

Таким образом, в 1950–1970-е годы Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедицией были получены самые разнообразные и репрезентативные материалы по культурам бронзового века Южного Приуралья, что, безусловно, было значительным шагом вперёд в изучении этой эпохи в регионе и способствовало ликвидации «белых пятен» во многих проблемах. Итоги работ экспедиции были проанализированы и интерпретированы такими учёными, как Н.Я. Мерперт, Э.А. Фёдорова-Давыдова, Е.Е. Кузьмина, в результате чего был решен ряд ключевых проблем истории и археологии эпохи бронзы приуральских степей:

1) Открытые в Оренбургской области древнеямные памятники были включены как приуральская локальная группа в Волжско-Уральский вариант ямной культуры, на основе которого, по мнению Н.Я. Мерперта, происходило формирование ямной культурно-исторической общности.

2) Впервые в Южном Приуралье были открыты памятники синташтинской культуры (новокумакский хронологический горизонт по К.Ф. Смирнову, Е.Е. Кузьминой), что позволило по-новому взглянуть на хронологию степных культур Приуралья и в дальнейшем, в результате интерпретации Синташтинского комплекса в Челябинской области, заполнить лакуну средней бронзы на Южном Урале.

3) Принципиально новую трактовку получил вопрос соотношения федоровской и алакульской культур поздней бронзы. В работах Э.А. Федоровой-Давыдовой и Е.Е. Кузьминой была последовательно доказана датировка начальных этапов алакульской культуры XVI в. до н. э., и поставлен вопрос об одновременном сосуществовании, а не преемственности, федоровских и алакульских памятников.

4) Была продолжена разработка проблемы соотношения и взаимовлияния срубной и андроновской культур, начатая еще М.П. Грязновым, Г.В. Подгаецким и К.В. Сальниковым. Работы Еленовского отряда ЮУАЭ (Е.Е. Кузьмина) и отряда ГИМ (Э.А. Федорова-Давыдова) показали наличие в Оренбургской области трех территориальных групп памятников эпохи бронзы (западной, центральной, восточной), для которых характерна различная степень смешения черт погребального обряда срубной и андроновской культур.

Многие из высказанных положений в дальнейшем подверглись дополнению, критике, пересмотру, что обусловлено самим развитием археологической науки, тенденцией обогащения ее проблемного поля новыми концепциями и моделями, а также появлением новых комплексов, позволявших делать принципиально новые выводы. Но в любом случае познавательный импульс в исследовании эпохи бронзы степного Южного Приуралья, связанный с деятельностью экспедиции К.Ф. Смирнова, является одним из наиболее значимых феноменов во всей истории изучения бронзового века данного региона.

Литература и источники

- Граков Б.Н. 1935. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Ч. 2. М.-Л. С. 91–118.
- Грязнов М.П. 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Вып. 2. Л. С. 172–221.
- Зданович Г.Б. 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск.
- Кривцова-Гракова О.А. 1947. Кожумбердынский могильник. (Выдержки из дневника раскопок) // Труды ГИМ. Вып. XVII. Археологический сборник. М. С. 165–169.
- Кузьмина Е.Е. 1964. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М. С. 121–140.
- Кузьмина Е.Е. 1965. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. 1965. № 4. С. 40–51.
- Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 1998. Курганная группа у хут. Барышникова // АПО. Вып. 2. Оренбург. С. 3–8.
- Подгаецкий Г.В. 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. №1. С. 69–82.
- Сальников К.В. 1950. Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного // СА. № 13. С. 311–319.
- Сальников К.В. 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Смирнов К.Ф. 1964. Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области // АЭБ. II. Уфа. С. 16–23.
- Смирнов К.Ф. 1965. Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М. С. 156–159.
- Смирнов К.Ф. Отчёт о работе Чкаловской экспедиции ИИМКАН СССР, ГИМ и Оренбургского краеведческого музея 1957 года. Архив ИА РАН, Р–1. № 1686.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Фёдорова-Давыдова Э.А. 1964. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. II. Уфа. С. 84–92.
- Фёдорова-Давыдова Э.А. 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М. С. 46–60.
- Фёдорова-Давыдова Э.А. 1973а. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. С. 133–152.

Фёдорова-Давыдова Э.А. 1973б. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. С. 165–173.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Дисс. ... к. и. н. (на правах рукописи). Архив ИА РАН. Р–2. Д. 258б.

Таблица 1.

Памятники эпохи бронзы, исследованные Южно-Уральской археологической экспедицией (за исключением работ Еленовского отряда)

Памятник	Год, автор работ	Публикация
Ямная культура		
Увак 1/1, 2/5, 4/2, 5/6, 6/3, 7/3, 8/2, 10/3, 11/5, 12/4, 13/1, 14/1	1957, 1960. К.Ф. Смирнов 1960. Э.А. Фёдорова-Давыдова	<i>Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.</i> Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994. <i>Смирнов К.Ф.</i> Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 156–159.
Близнецы 2/4, 3/3, 4/3	1957. К.Ф. Смирнов	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 46–60.
Барышников 1/1, 2/2, 3/6, 4/1, 5/1	1963. К.Ф. Смирнов	<i>Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.</i> Курганная группа у хут. Барышникова // АПО. Вып. 2. Оренбург, 1998. С. 3–8.
Герасимовка I 1/1, 2/1, 4/2, 5/2, 6/2, 7/1	1964. К.Ф. Смирнов	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 74–80.
Герасимовка II 1/3, 2/2		<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 46–60.
им. Свердлова 0/3	1968. С.А. Попов	<i>Попов С.А.</i> Работы в Оренбургской области // АО–1968. М., 1969. С. 144–145.
Тептяри 10/1	1970. С.А. Попов	<i>Попов С.А.</i> Работы в Оренбургской области // АО–1970. М., 1971. С. 177–178.
<i>Всего исследовано 30 погребений в составе 30 комплексов</i>		
Синташтинская культура		
Новый Кумак 25/1–8, 11–14 ¹	1973. К.Ф. Смирнов	<i>Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.</i> Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 8–18.
<i>Всего исследовано 12 погребений в 1 комплексе</i>		
Андроновская культура		
Увак 3/2,3, 15/1–18,21	1957, 1960 К.Ф. Смирнов 1960. Э.А. Фёдорова-Давыдова	Материал не опубликован
Близнецы 1/6, 5/2, 6/1	1957. К.Ф. Смирнов	<i>Фёдорова-Давыдова Э.А.</i> Андроновское погребение XV–XIII вв. до н. э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры) // Труды ГИМ. Вып. 37. Археологический сборник. М., 1960. С. 56–59.
Новый Кумак 4/1,2, 26/2, 27/1, 30/1, 31/1, 32/1 ²	1958, 1959, 1962. М.Г. Мошкова	<i>Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А.</i> Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. 1964. № 101. С. 135–141.
Хабарное I к. 1–26, Хабарное II к. 1, 2	1959. Э.А. Федорова-Давыдова	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 133–152.

¹ Нумерация К.Ф. Смирнова.

² Нумерация М.Г. Мошковой.

³ Нумерация К.Ф. Смирнова.

Продолжение таблицы 1

Памятник	Год, автор работ	Публикация
Пятимары I 1/1, 3/1, 7/1,2,4	1960. К.Ф. Смирнов	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Погребения эпохи бронзы могильника Пятимары I // Ежегодник ГИМ. 1965–1966. М., 1970. С. 55–61.
Мечет-Сай 4/1–3, 5/1,2	1957, 1961. К.Ф. Смирнов	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 165–173.
Барышников 3/1, 5/3	1963. К.Ф. Смирнов	Материал не опубликован
Кара-Бутак I (поселение)	1965, 1966. М.Г. Мошкова	<i>Мошкова М.Г., Попов С.А., Смирнов К.Ф.</i> Раскопки в Оренбургской области // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 114–116.
Кара-Бутак I к. 1–4	1965, 1966. М.Г. Мошкова	
Новый Кумак 10/2, 20/1,7,8, 22/1, 23/1,2,4 ³	1972, 1973. К.Ф.Смирнов	Материал не опубликован
Новый Кумак («курганы у котельной») I/1, II/1,2	1971. К.Ф. Смирнов	Материал не опубликован
<i>Всего исследовано 133 погребения в составе 56 комплексов и одно поселение</i>		
Срубная культура		
Новая Белогорка 2/1–37,39–41, 3/1–6, 4/1–3	1957. К.Ф. Смирнов 1958. Э.А. Федорова-Давыдова	<i>Фёдорова-Давыдова Э.А.</i> К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. II. Уфа, 1964. С. 84–92.
Герасимовка I к. 3, 8, 9/2, 11–15	1964. К.Ф. Смирнов	<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 74–80.
Герасимовка III 1/1,3–6, 2/1–3		<i>Федорова-Давыдова Э.А.</i> Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 165–173.
Шиханы 7/1,2, 8/1–5, 17/1	1966, 1967. К.Ф. Смирнов	Материал не опубликован
Перевозинка 2/1–28,30,32	1967. К.Ф. Смирнов	<i>Смирнов К.Ф., Попов С.А.</i> Работы в Оренбургской области // АО–1967. М., 1968. С. 113–114.
им. Свердлова 4/1,2, 11/1,2, 16/1–4	1968, 1970. С.А. Попов	Материал не опубликован
<i>Всего исследовано 201 погребение в составе 20 комплексов</i>		

Таблица 2.
Памятники андроновской культуры, исследованные Еленовским отрядом ЮУАЭ

Год	Памятник	Публикация	
1959	Ушкаттинский рудник	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. 88. 1962. С. 84–92.	
1959, 1960	пос. Ушкатты II	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // ВАУ. Вып. 2. 1962. С. 9–13.	
1959, 1960	мог. Атакен-сай к. 6, 8, 37, 41, 43, 44, 46, 47	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 121–140.	
1960	мог. Ушкатты I к. 3, 12, 15, 24, 25, 30, 33, 37–39		
1961	мог. Байту I к. 4, 7	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. 1964. № 98. С. 100–106.	
	мог. Байту II к. 8, 9, 12		
	мог. Шандаша к. 13, 18, 21, 28, 33, 38–40		
	мог. Купухта к. 2–5, 7, 9		<i>Кузьмина Е.Е.</i> Купухта — могильник андроновской знати // КСИА. 1963. № 93. С. 96–105.
	поселения Купухта, Байту		<i>Кузьмина Е.Е.</i> Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. 1965. №4. С. 40–51.
1961, 1962, 1965	пос. Шандаша	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. 1964. № 98. С. 100–106.	
		<i>Кузьмина Е.Е.</i> Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. 1964. № 98. С. 100–106.	
1962	мог. Турсумбай I к. 2, 6, 7, 11	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. 1964. № 98. С. 100–106.	
	мог. Турсумбай II к. 5, 6, 8, 14, 17–20, 20А, 21, 23, 26, 28		
1965	мог. Кожумберды I к. 1–8	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. 1969. № 115. С. 124–132.	
1966	поселения Ушкатты I, III, Турсумбай	<i>Кузьмина Е.Е.</i> Еленовский микрорайон андроновской культуры // АО–1966. М., 1967. С. 113–114.	
	мог. Турсумбай III к. 20, 26, 27, 31		
	мог. Ушкатты III к. 7		
	мастерская Ушкатты		
<i>Всего исследовано 88 погребений в составе 67 комплексов, 7 поселений, рудник и мастерская</i>			

Взаимодействие одесской и киевской школ археологов (XIX — начало XX вв.)

А.Е. Музычко

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. Украина, г. Одесса

Понятие «научная школа» иногда используется историографами в территориальном смысле, то есть как группа ученых, работающих в одном городе в рамках определенной специальности или тематического направления (археология, украинистика, русистика, славистика, византистика и т.п.). В таком смысле уже в источниках конца XIX — начала XX вв. фигурировали понятия «Московская», «Петербургская», «Казанская», «Киевская» и «Одесская» научные школы историков. Весьма непросто наполнить эти понятия конкретным содержанием, в частности, выделить членов школ, сгруппировать их по определенным тематическим срезам, в связи с тем, что в университетских центрах происходила циркуляция кадров, сложными были отношения в среде микрогрупп ученых, большинство гуманитариев сочетали в себе черты историков, археологов, литературоведов, этнографов и т.п.

Целью этой статьи является выявление основных линий сотрудничества между представителями «Киевской» и «Одесской» школ археологов в конце XIX — начале XX вв. Первая из них ассоциируется прежде всего с именами В. Антоновича, Н. Беляшевского и В. Хвойко, вторая — антиковеда Э. фон Штерна и его учеников. Собственно, лишь последняя школа представляла в Одессе школу археологов в узком смысле, профессиональных специалистов, практиков. Но в этой статье мы воспринимаем научную «школу» в широком, территориальном, смысле, а также как группу ученых, в творческом наследии которых проявились археологические интересы. Собственно, это самый адекватный путь для изучения периодов, когда понятия «археология», «археолог» часто трактовались как синонимические истории и историку, а подготовка узкопрофессиональных специалистов находилась лишь в зачаточном состоянии. Поэтому в несколько необычной для большинства историографов манере, стержневой частью нашей статьи являются связи между классическим историком (но частично и археологом), профессором Иваном Андреевичем Линниченко и Викентием Вячеславовичем Хвойко.

Проблема сотрудничества одесских и киевских археологов привлекала внимание в историографии главным образом в контексте исследования биографий отдельных фигур (Бачинский, 1960; Мисечко, 2006). Наибольший вклад в комплексное освещение темы принадлежит киевскому археологу и историку археологии И.Т. Чернякову (Черняков, 2006; Черняков, 2008). Источниковая база этой статьи является традиционной для подобных тем, прежде всего предусматривая использование переписки и работ ученых.

Истоки сотрудничества между киевскими и одесскими археологами восходят к первой половине XIX в., когда и происходило становление традиций местных школ археологов в контексте собирания и сохранения предметов старины, первых археологических раскопок. Первым ярким свидетельством сотрудничества между одесскими и киевскими специалистами можно считать контакты между одесситом, преподавателем истории в Ришельевском лицее, Н.Н. Мурзакевичем и киевским митрополитом Евгением Болховитиновым. В переписке они обсуждали проблемы археологических раскопок (Левина, 1999; Письма... 1888). В 1839 г. по инициативе Н. Мурзакевича было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД) — в дальнейшем ведущий центр одесских археологов. Идея основания общества была поддержана первым ректором Киевского университета М. Максимовичем. В 1874 г. Н. Мурзакевич был делегатом на Третьем Археологическом съезде, который состоялся в Киеве. Одесский историк председательствовал на заседаниях III отделения съезда («Памятники искусства и художеств»). С конца 1830-х гг. в Одессе работал один из первых воспитанников Киевского Университета св. Владимира В.А. Линовский (1818—1863). В 1842 г. его избрали действительным членом ООИД. Статьи ученого в «Записках» ООИД с описанием археологических памятников Южной Украины и Киевщины, были одними из первых подобных публикаций на страницах первого научно-исторического издания Одессы (Линовский, 1844-а; 1844-б).

Открытие в Одессе в 1865 г. Новороссийского университета (НУ) существенно повысило потенциал местной науки, в частности, в области археологии. В тесной связи с НУ находилось ООИД, так как многие члены последнего принадлежали к профессуре. Главным эпизодом в сотрудничестве киевских и одесских археологов во второй половине XIX — начале XX в. был VI Археологический съезд, состоявшийся в Одессе в августе 1884 г. Активное участие в съезде приняли В. Антонович, действи-

тельный член ООИД с января 1874 г., и его жена Екатерина Мельник. В 1883 г. он посетил Одессу и передал в музей ООИД коллекцию приблизительно в 1000 монет. На заседаниях съезда В. Антонович прочитал доклады «О средствах для усиления археологических коллекций в университетских музеях», «О раскопках курганов, произведенных в поречье Днестра, Буга и Ингула» (материалы этих раскопок демонстрировались на стендах выставки во время съезда), «О скальных пещерах в бассейне Днепра», а Е. Мельник — «Следы мегалитических построек на севере Херсонской губернии». В работе съезда принял участие также преподаватель Университета св. Владимира антиковед Ф.Г. Мищенко. Регулярные обзоры «Записок Одесского Императорского общества истории и древностей» появлялись на страницах «Киевской старины».

Еще более активизировались взаимоотношения между двумя центрами археологии в Украине в конце XIX — в начале XX вв. Заслуга в этом принадлежит прежде всего одесским профессорам И. Линниченко, Эрнсту фон Штерну и его ученику Б. Фармаковскому и киевлянину В. Хвойко. Одесские специалисты заинтересовались раскопками В. Хвойко памятников энеолитического и древнерусского периодов. Особенно теплые отношения сложились между В. Хвойко и И. Линниченко. Вероятно, в частности, ученых сближало то, что в археологии они в значительной мере были любителями, даже патентованный доктор исторических наук, профессор, а с 1913 г. и член-корреспондент РАН И. Линниченко. Интерес к археологии возник у И. Линниченко еще в годы обучения в киевской гимназии под влиянием увлечения приключенческими и детективными романами. Они воспитали у него, по его словам, «стремление к авантюрам» (ГААРК. Ф. 538, оп. 1, д. 59, л. 1, 3). В более научную форму археологические интересы И. Линниченко были облечены во время его обучения во второй половине 1870-х гг. в университете Св. Владимира прежде всего под влиянием уже упомянутого профессора В. Антоновича. В. Антонович читал археологические спецкурсы, выступал с соответствующими докладами в Историческом обществе Нестора-Летописца, заседания которого регулярно посещал И. Линниченко. Уже после смерти киевского профессора в 1908 г. И. Линниченко подробнее остановился на его археологическом наследии в докладе на 14 археологическом съезде в Чернигове и заседании Одесской «Просвіти» (Линниченко, 1911-а: 346–360).

Бывший ученик вспоминал, что в составе группы студентов он выезжал на археологические экскурсии В. Антоновича возле села Триполье. Он чрезвычайно высоко оценил археологические исследования В. Антоновича, считая их наиболее качественными в его творческом наследии. И. Линниченко особенно подчеркивал, что взгляды киевского археолога соответствовали наилучшим образцам тогдашней археологической науки. В конце 1880-х гг. И. Линниченко одним из первых среди учеников В. Антоновича приступил к полевым археологическим исследованиям. Однако, своим главным «крестным отцом» или «демоном-искусителем» в археологии он считал другого известного археолога — Д.Я. Самоквасова. Д. Самоквасов пригласил И. Линниченко посетить раскопки курганов времен бронзового и начала железного веков в Роменском уезде Полтавской губернии (Линниченко, 1889).

Летом 1898 г. И. Линниченко вел раскопки в Киевской губернии в Триполье, Роменском уезде Полтавской губернии, в селах Волховцы и Большие Будки. Если первое путешествие имело лишь ознакомительный характер с раскопками В. Хвойко, то другие раскопки были продолжением предыдущих исследований В. Антоновича, Д. Самоквасова, С. Мазараки и самого И. Линниченко. Одесский археолог начал с небольших насыпей, рассчитывая приступить к раскопкам более крупных. Он раскапывал курган по методу, который предложил В. Хвойко: «в насыпи делается крестообразная яма, которая постепенно суживается одним или несколькими уступами на противоположных по диагонали концах креста. При таком способе раскопок всегда можно захватить боковые камеры, а уступы служат упорами, которые поддерживают стенки насыпи, оберегая курган от обвалов». В курганах И. Линниченко нашел склеп, украшения, скелеты и горшки. Обстоятельства не позволили ему продолжить раскопки и он отложил их до лета 1899 г. (Линниченко, 1900: 10–16). В письмах к В. Хвойко И. Линниченко сообщал о своих раскопках, интересовался раскопками киевского археолога. Переписка между учеными свидетельствует, что их отношения отличались глубоким взаимным уважением (ГАОО. Ф. 153, оп. 1, д. 450 (Письма В. Хвойко к И. Линниченко 1901, 1902, 1912; Научный архив института археологии НАНУ. Ф. 2. Д. 203–233, 234, 235 (Письма И. Линниченко к В. Хвойко 1898–1913 гг.)).

В 1900 году по представлению И. Линниченко В. Хвойко был избран в члены ООИД. Позднее В. Хвойко был избран в почетные члены Одесского библиографического общества при НУ, основателем и главой которого был И. Линниченко. В 1901 году Киевское общество древностей и искусств по представлению В. Хвойко единогласно избрало И. Линниченко и Э. фон Штерна своими почетными членами (ГАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 229. Л. 20).

С конца XIX в. и до смерти В. Хвойко в 1914 году И. Линниченко исполнял миссию популяризатора его археологических достижений, полностью разделяя его взгляды (в частности, об автохтонности трипольцев). И. Линниченко прочитал доклады о результатах раскопок В. Хвойко на заседаниях Московского археологического общества, ООИД, Археологических съездах (Линниченко, 1901-а: 203–206; 1901-б; 1901-в; 1909; 1911-в), в Одесском историко-филологическом обществе при НУ, Императорской археологической комиссии и Императорском военно-историческом обществе (ДАОО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 602. Л. 23–24). Он поддерживал идею В. Хвойко об основании исторического музея в Киеве (Линниченко, 1911-б). И Линниченко считал, что он лишь выполнял роль присяжного историографа и интерпретатора результатов археологических исследований В. Хвойко и С. Мазараки. Однако общение между учеными не было односторонним. Они совещались, дополняли мысли друг друга. Поэтому, несмотря на общепризнанный авторитет В. Хвойко, И. Линниченко также нужно отдать должное в археологических открытиях, которые прогремели на весь мир в конце XIX — начале XX вв. Совместные доклады и статьи И. Линниченко и В. Хвойко вызвали интерес, в частности, со стороны выдающегося украинского историка М.С. Грушевского. Он отметил чрезвычайно важное значение открытий В. Хвойко и публикаций В. Хвойко и И. Линниченко для изучения древнейшей истории Восточной Европы. В то же время он упрекал ученых за отсутствие основательного издания результатов раскопок, неполноте их сообщений (Записки Наукового товариства... 1902).

Очевидно, как профессор университета И. Линниченко не мог не заботиться о передаче своих знаний ученикам. В университете он никогда не читал специальные археологические курсы. Однако, в письме к В. Хвойко в 1908 году профессор упоминал, что свои первые лекции по истории он по обыкновению посвящал археологии, в частности, рассказывая о киевских раскопках. Время от времени он просил киевского археолога прислать ему в Одессу оригинальные находки или фотографии (Отчет... 1911). В 1900 г. И. Линниченко одобрил идею устройства в университетах археологических музеев. Вскоре он стал заведующим археологическим музеем при историко-филологическом факультете НУ, таким образом, развивая идею, которую высказал в упомянутом докладе на археологическом съезде в Одессе В. Антонович (Отчет... 1913: 69–70; Письма... 1888: 66). Музей не получал финансирования от университета, держась на энтузиазме профессора. Отъезд в Германию Э. фон Штерна, смерть В. Хвойко, совпавшая с началом Большой войны, привели к затуханию связей между одесскими и киевскими археологами, которые активизировались уже в новых исторических условиях.

Итак, взаимодействие между киевской и одесской археологическими школами было важным фактором становления этих школ в XIX — начале XX вв. Главнейшую роль в укреплении этих связей сыграли одесситы Н. Мурзакевич, Э. фон Штерн, И. Линниченко и киевляне В. Антонович и В. Хвойко. Привлекает внимание, что среди них были как археологи-специалисты, так и любители, что отражало сложный процесс становления археологии как научной дисциплины.

Литература

- Бачинский А.Д. 1960. В.В. Хвойка (1850–1914). Материалы к биографии // Записки Одесского археологического общества. Т. 1 (34). С. 361–364.
- Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Т. 45. Кн. 1. Львів, 1902. Бібліографія. С. 1–2.
- Левина Р.Ш. 1999. Митрополит Евгений и Н.Н. Мурзакевич // Археологические Вести. СПб. № 6. С. 479–488.
- Линниченко И. 1900. Археологические исследования летом 1898 года // ЗООИД. Т. 22. Протоколы.
- Линниченко И. 1889. 29 декабря. Археологические раскопки в Полтавской губернии // Газета Гатцука.
- Линниченко И. 1901-а. Находка орнаментированных костей мамонта // ЗООИД. Т. 23.
- Линниченко И. 1901-б. О раскопках В. Хвойко в Киевской губернии и С.А. Мазараки в Полтавской губернии летом 1897 года // Древности. — Т. 18. — [доклад 1898 года]. — С. 131.
- Линниченко И. 1901-в. Раскопки Хвойки // ЗООИД. Т. 23. С. 68–77.
- Линниченко И. 1909. Разрешение вопроса о загадочном знаке на монете св. Владимира // Древности. Т. 22. С. 190–191.
- Линниченко И. 1911-а. В.Б. Антонович // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. Т. III. Москва.
- Линниченко И. 1911-б. 4–6 мая. Исторический путь и городские музеи // Новое время.
- Линниченко И. 1911-в. О раскопках В. Хвойко в Киеве у Десятинной церкви // Труды XIV археологического съезда в Чернигове. — Т. III. — М., — С. 68 (Протоколы).
- Линовский В. 1844. Гробница Овидия // ЗООИД. Т. 1.
- Линовский В. 1844. Курганы и валы в Киевской губернии // ЗООИД. Т. 1.
- Мисечко А.І. В.Б. 2006. Антонович та Одеса // Мисечко А.І. Український рух в Одесі наприкінці XIX — початку XX ст. Одеса. С. 65–73.

Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1910. 1911. — Одесса.

Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1912. 1913. — Одесса.

Письма высокопреосвященства Евгения митрополита Киевского к Н.Н. Мурзакевичу 1834—1837 г. 1888.
Киев; Одесса.

Черняков І. 2006. Вікентій Хвойка (1850—1914). Київ.

Черняков І.Т. 2008. Археологічні зв'язки Одеси та Києва у ХІХ та на початку ХХ ст. // Краткие сообщения
Одесского археологического общества. Одесса. С. 24—29.

Музей (кабинет) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (1921–1933 гг.): научно-исследовательская и музейная деятельность в области археологии

А.С. Пудовкина

Киевский университет им. Тараса Шевченко. Украина, г. Киев

В российской археологии первой трети XX в. выделяется особая «палеоэтнологическая школа», которая стремилась теснее связать археологические исследования с комплексом естественных наук. В основе развития палеоэтнологического направления в российской археологии лежала традиция изучения памятников каменного века учеными-естественниками с помощью методов, которые подсказывала им их основная специальность. К числу таких ученых принадлежали: А.А. Иностранцев, В.В. Докучаев, И.С. Поляков, К.С. Мережковский и другие. Однако ключевыми фигурами этого научного направления были Д.М. Анучин и Ф.К. Вовк (Волков), оставившие целую плеяду учеников (Платонова, 2008). С точки зрения основателей и учеников «палеоэтнологической школы» антропология, понималась, как отрасль естественнонаучного знания, целью которой было изучение Человека.

Учитывая широкий характер предмета антропологии, в ней выделяли самые разнообразные направления последней — зоологическая (изучала место человека среди других млекопитающих), анатомическая (анатомические особенности человека различного возраста, пола, рас, занятий), физиологическая (физиологические особенности человека), доисторическая или палеоэтнология (происхождение и развитие человечества в физическом и бытовом отношениях во времена, предшествовавшие появлению исторических свидетельств), этнологическая (народы, их этнический состав и происхождение), этнографическая (формы быта и их развитие), социологическая (история и законы возникновения и развития человеческих общественных групп и отношений) (Волков, 1915). Идея основания в Украине учреждения, которое бы проводило комплексные антропологические исследования в таком понимании, принадлежала Ф.К. Вовку, который еще при жизни завещал все свое творческое наследие (рукописные материалы, научный архив, библиотеку, коллекцию доисторических предметов) в научных целях некой специально созданной научному учреждению г. Киева. По мнению Ф.К. Вовка, подобное учреждение могло носить название антропологической лаборатории или антропологического института и в своей деятельности должно было совмещать проведение научных опытов в сфере антропологии, касательно территории Украины и преподавательскую работу в этой области (Історія Академії... 1993: 141). Соответствующее учреждение, получившее название «Музей антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка» было основано 29 марта 1921 года при Украинской Академии наук в непосредственном ведении Общего собрания Академии (Історія Академії... 1993: 467).

Деятельность Музея антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка, определившего своей главной целью научно-исследовательскую работу, неоднократно становилась предметом научных изысканий историков науки и исследователей научного наследия Ф.К. Вовка. В частности, принципы организации и научные исследования этнологического отдела учреждения (впоследствии Музея этнологии им. Ф.К. Вовка) рассматривали в своих работах Г.А. Скрыпник (Скрипник, 1989) и В.К. Борисенко (Борисенко, 2002). Научно-теоретическая деятельность сотрудников Музея (Кабинета) антропологии и этнологии и развитие идей научной школы Ф.К. Вовка в области антропометрических исследований изучались в работах О.Г. Таран (Таран, 1999; Таран, 2003) и А.С. Пахаревой (Пахарева, 2009). Отдельным предметом исследования стали архив и библиотека Федора Кондратьевича, которые были научной основой организации Музея антропологии и этнологии (Черновол, 2009; Черновол, 2009а). Вместе с тем, археологическая деятельность научного учреждения, в частности проведение полевых исследований (рекогносцировок, разведок, раскопок памятников каменного века), лабораторно-камеральная обработка полученного материала, систематизация, каталогизация, монтаж артефактов, консервация, выставочная работа, просветительская деятельность в области доистории и геологии, до сих пор не являлась предметом научных изысканий в области истории развития отечественного археологического знания.

После основания Музея антропологии и этнологии его главой стал ученик Ф.К. Вовка — Александр Алешо, который непосредственно занимался перевозкой научного наследия учителя из Петербурга в Киев. Постоянными научными сотрудниками Музея стали Анатолий Носов и Антон Оныщук. Первоначально он состоял из трех отделов: антропологии, этнологии и доистории (палеоэтнологии); отдельно была организована научная библиотека с архивом и фотолабораторией (Бюлетень Кабінету, 1925: 6). Первые два от-

дела фактически были объединены, т. к. в то время Музей не имел возможности обеспечить должность заведующего отделом доистории. Весной 1922 года А.Г. Алешо умер, и Кабинет возглавил Анатолий Носов.

31 марта 1922 Музей был переименован в Кабинет антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка. Изменение названия носило формальный характер и не повлияло на ранее заявленный спектр научных интересов организации. В тот же период были сокращены штаты Кабинета до четырех должностей, а фотолаборатория выделена в специальную академическую структуру. Штатными сотрудниками института долгое время были только Анатолий Зиновьевич Носов, Антон Иванович Оныщук, Евгений Александрович Дзбановский и Лидия Савовна Шульгина (ЦГАВОВУУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 1167. Л. 29 об.).

Первые годы работы Кабинета можно определить как организационный период, который предвещал научные изыскания его сотрудников. Активная исследовательская работа в отделах Кабинета началась с 1923 года. В то же время, изменения в подчинении и в структуре научного центра происходили в течение всего времени его существования. 2 октября 1925 г. на Совместном заседании Академии наук Украины было решено предоставить каждому отделу Кабинета самостоятельность, для того «чтобы Украина имела себе в них при Академии Наук два давно нужные отдельные крупные учреждения: одно институт Антрополого-этнологический, второе — Музей Этнографический» (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 29). В 1926 г. была создана специальная Комиссия по разделению Кабинета антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка в составе Н.П. Василенко, А.М. Лободы и О.П. Новицкого (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 30). Следствием деятельности Комиссии стало преобразование в 1927 году отдела антропологии и доистории в отдельную институцию, во главе которой, как и во главе отдела этнологии, стоял назначенный от ВУАН Комитет. В 1928 году отдел антропологии и доистории был переименован в Кабинет антропологии им. Ф.К. Вовка (ИР НБУВ. Ф. Х. Д. 18639). 17 октября 1929 г. на заседании историко-филологического отдела Всеукраинской Академии наук на запрос Президиума ВУАН о распределении между Отделами учреждений, находящихся при Совете Академии, было принято решение передать Кабинет антропологии во II (Физико-математический) отдел ВУАН (Історія Академії, 1998: 38). Согласно этому решению в структуре отделов ВУАН от 27 апреля 1930 г. Музей антропологии и этнографии им. Ф.К. Вовка находился в подчинении президиума Физико-математического отдела Академии наук (Історія Академії, 1998: 69). В 1933 году согласно постановлению II отдела ВУАН Кабинет антропологии вошел в новообразованную Секцию истории материальной культуры (Архив Президиума НАНУ. Протокол 9. Л. 27). С этого времени Кабинет антропологии прекращает свою самостоятельную деятельность. В 1934 году юридическая реорганизация завершилась физическим устранением ведущих сотрудников учреждения — большинство археологов и антропологов были репрессированы по обвинению в «буржуазном национализме».

Археологические исследования в Музее (Кабинете) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка проводились в отделе доистории (позже Кабинете антропологии) и касались, главным образом, памятников каменного века. Основой отдела стали археологические коллекции Федора Кондратьевича Вовка и его учеников. Среди них преобладали материалы раскопок в с. Мезин на Черниговщине (Бюлетень Кабінету, 1925: 10), например, коллекция остеологического и кремневого материала Л.Е. Чикаленко (собранный при раскопках 1916 г.) из собраний Украинского научного общества в Киеве. Поступили в отдел и другие личные коллекции, например, материалы И. В. Львовского — каменные топоры-молоты, пряслица, небольшие сосуды, фрагменты керамики, гвозди, планы городищ и другое (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436). Активная деятельность, направленная на обработку, систематизацию и упорядочение существующих коллекций началась с 1924 года. Этот факт непосредственно связан с началом работы в Кабинете Михаила Яковлевича Рудинского, который с конца 1924 г. числился нештатным сотрудником учреждения. Именно благодаря ему, Кабинет антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка во второй половине 1920-х гг. развернул активную археологическую деятельность. Свою работу М.Я. Рудинский начал с упорядочения Мезинской коллекции. Первой задачей, которую поставил перед собой исследователь, был сбор сведений и различных данных о судьбе коллекции, уточнение местонахождения ее отдельных частей. В течение 1924 г. М.Я. Рудинский выяснил, что недостающий палеонтологический материал из раскопок Ф.К. Вовка в с. Мезин находился в университетском музее в Москве, куда часть палеонтологической коллекции была передана профессором Ф.К. Вовком для определения. Полученные сведения позволили приступить к систематической работе над материалами из раскопок в с. Мезин и регистрации коллекции. Основной целью и результатом проделанной работы должен был стать так называемый «Мезинский сборник», который, по задумке М.Я. Рудинского, содержал бы «наиболее полный комплекс палеолитической эпохи на территории Украины» (Історія Академії... 1998: 80–81). Осуществление поставленной задачи растянулось во времени, главным образом из-за недостаточного финансирования. Лишь в 1931 г. удалось частично опубликовать Мезинский палеолитический комплекс в формате альбома выставки.

В 1925 г. М.Я. Рудинский — нештатный сотрудник Кабинета антропологии и фактический руководитель подотдела доистории — начал активные полевые исследования на территории Украины. Михаил Яковлевич осуществил несколько экскурсий-разведок по Киевщине (*маршруты Киев — Васильков — Будаевка (Боярка) — Васильков — Киев; Киев — Трахтемиров — Зарубина Гора — Трахтемиров — Киев*), Кременеччине (*Киев — Кременчуг — Старый Орлик — Кабаловые хутора — Старый Орлик — Киев*), Полтавщине (*Киев — Полтава — Мачехи — Полтава — Киев*), Черниговщине (*Киев — Новгород-Северский — Боровичи — Лесконоги — Новгород-Северский — Кудлаевка — Мезин — Разлета — Райгородок — Вишенки — Киев; Киев — Ивит — Пироговка — Новгород-Северский — Лесконоги — Гремяч — Каминь — Лесконоги — Смяч — Новгород-Северский — Киев*) (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 1). Результатом этих полевых археологических исследований стало открытие неизвестного ранее района раннеолитической культуры с отдельными пунктами эпилеолитических находок по реке Смячке (Смячка I-XVII), открытие эпилеолитической культуры у сел Кудлаевка и Лушники над Десной в пределах Глуховского округа и т. д. В целом Кабинет антропологии пополнился в 1925 году 58 коллекциями из 15 пунктов (ИР НБУВ. Ф. X. Д. 18639). В течение года М.Я. Рудинский обрабатывал новые археологические коллекции, результатом чего стала публикация статей в редактируемом им «Короткому звіттовленні Всеукраїнського археологічного комітету» (Рудинський, 1926; Рудинський, 1926-6).

В 1926 г. Михаил Яковлевич по поручению Кабинета антропологии продолжил исследования археологических памятников Киевщины (*Киев — Трахтемиров — Зарубинцы — Ромашки — Трахтемиров — Зарубинцы — Киев; Киев: Флоровская гора, окрестности Кирилловского монастыря, Сырец, Куреневка, Лукьяновка, Протасов Яр; Киев — Слободка — Дарница — Киев*), Кременеччины (*Новгород-Северский — Кременчуг — Городище — Кременчуг — Потоки — Омельник — Большая Мануйловка — Хутор Троицкие — Кременчуг — Полтава — Белая Гора — Полтава — Киев*), Черниговщины (*Киев — Новгород-Северский — Мамекин — Лесконоги — Новгород-Северский; Киев — Вишенка — Великий Витовець — Дарница — Киев; Киев — Староселье — Межигирья*), Подолья (*Киев — Каменец — Китайгород — Древляны — Каменец — Кадиевцы — Фридришцы — Кадиевцы — Каменец — Смотрич — Чемеровцы — Ивахновцы — Сирватинцы — Грицкив — Смотрич*) (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 1). На протяжении 1926 года состоялось 7 экскурсий (разведок), Кабинет получил 17 коллекций из 32 пунктов (ИР НБУВ. Ф. X. Д. 18639). После соответствующей обработки, материалы исследований были введены в научный оборот на страницах академических изданий (Рудинський, 1926-а; Рудинський, 1927, Рудинський, 1927-а, Рудинський, 1927-б). С 1926 года в Кабинете активную исследовательскую работу начинает Мария Мушкет. Еще во время учебы на этнологическом отделе Археологического института в 1923 году она была практиканткой Музея антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437 г. Л. 6). Увеличение количества сотрудников позитивно отразилось на качестве работы Музея.

Особой интенсивности полевые археологические работы достигают в 1927 году, когда исследователи Кабинета антропологии провели шесть экскурсий-разведок на Подолье (*Киев — Каменец — Студеница — Патринцы — Бакота — Старая Ушица — Лоевцы — Калюс — Ярышев — Могилев — Озаринцы — Борщевцы — Могилев — Броница — Могилев — Киев*), Полтавщине (*Киев — Прилука — Журавка — Прилука — Киев*), Черниговщине (*Киев — Новгород-Северский — Лесконоги — Мамекин — Новгород-Северский — Киев*), Харьковщине (*Киев — Харьков — Валуйки — Купянская Сортировочная — Харьков — Киев*), Киевщине (*Киев — Тетерев — Повара — Ханив — Иванков — Сухачи*), Днепропетровщине (*Киев — Днепропетровское — Кичкас — Днепропетровское — Киев; Киев — Днепропетровское — Волосское — Ненасытец — Волосское — Днепропетровское — Киев*) (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 2). Результатом полевых работ Кабинета антропологии в 1927 г. стало открытие пяти новых палеолитических памятников — Врублевцы, Студеница, Бакота, Калюс на Подолье и Журавки на Полтавщине, открытие нового района кампиниевской культуры на Западном Подолье, выявление неизвестных ранее памятников позднего неолита на днепровских порогах, открытие новых эпилеолитических стоянок на северной Киевщине. Собрание Кабинета пополнилось многочисленными коллекциями и отдельными уникальными вещами. Всего поступило 56 коллекций из 25 пунктов (ИР НБУВ. Ф. X. Д. 18639). В первом номере печатного органа Кабинета антропологии ежегодника «Антропология» появились первые итоги и результаты исследований 1927 года под авторством М.Я. Рудинского, М.С. Мушкет и А.М. Вороного (Мушкет, 1928; Рудинський, 1928; Вороний, 1928; Рудинський, 1928; Рудинський, 1928-а).

Дальнейшие археологические исследования Кабинета антропологии были логическим продолжением раскопок предыдущих лет. В полевом сезоне 1928 г. сотрудники научного центра продолжали изучение доисторических памятников Подолья (*Киев — Каменец — Черче — Большие Вирмяны — Баллин — Кривчик — Дунаевцы — Минкивцы — Кужелева — Бучая — Загоряны — Соколец — Губарев — Старая*

Ушица — Колиновка — Бокота — Старая Ушица — Зеленые Куриловцы — Старая Ушица — Колачкивцы — Каменец — Киев) (Рудинський, 1929а; Рудинський, 1929б), Полтавщины (Киев — Прилука — Журавка — Прилука — Киев) (Рудинський, 1929), Кременеччины (Киев — Кременчуг — Старый Орлик — Кабаловые Хутора — Мишуриин Рог — Келеберда — Дериевка — Кременчуг — Киев) (Рудинський, 1929-в). Новой страницей в исследованиях местонахождений каменного века стали разведки М. С. Мушкет на Волини по маршруту: Киев — Малин — Гутка Логановская — Поповичи — Рудня Чоповець — Бучки — Устиновка — Фортунатовка — Киев (Мушкет, 1929). В течение 1928 года Кабинет антропологии пополнился 69 коллекциями из 31 пунктов (ИР НБУВ. Ф. Х. Д. 18639).

Полевые исследования 1929 г. были не многочисленными, но имели значительные результаты. Основное место в этом полевом сезоне заняла так называемая Сеймская экспедиция (Киев — Конотоп — Шаповаловка — Конотоп — Глухов — Дробивка — Марьяновка — Ворожба — Глушец — Волинцево — Клепалы — Путивль — Конотоп — Алтыновка — Заболотова — Духанивка — Нечаевка — Киев), проводимая совместно Кабинетом антропологии, Глуховским, Конотопским и Сосницким музеями. Научным руководителем экспедиции был М.Я. Рудинский. В результате разведочных работ был обнаружен новый памятник бронзовой эпохи возле села Марьяновка на Глуховщине (Рудинський, 1930-а), обозначены районы распространения неолитических и энеолитических культур в долине р. Сейм, отмечены на карте городища с керамикой роменского типа и проведено шурфование могильника с трупосожжением возле с. Каминь на Конотопщине. Материалы, полученные Сеймской экспедицией, были распределены между Конотопским и Глуховским музеями (Звіт про роботу... 1930). В 1929 году были продолжены систематические поиски памятников каменного века на территории Подолья (Киев — Могилев — Озаринцы — Борщевцы — Могилев — Киев) и Полтавщины (Киев — Прилука — Журавка — Прилука — Киев), результаты которых продолжали публиковаться в очередном номере ежегодника «Антропология» (Рудинський, 1930; Рудинський, 1930-б).

В 1930 году Музей возобновил исследования Мезинской палеолитической стоянки (Береговая, 1960: 144). Кроме того сотрудники Кабинета провели разведки на Подолье (Киев — Могилев, Ямполь — Буша — Ямполь — Могилев — Каменец — Колачкивцы — Студеница — Каменец — Киев), Полтавщине (Киев — Прилука — Журавка — Варва — Прилука — Киев), Черниговщине (Киев — Пироговка — Мезин — Кудлаевка — Мезин, Киев; Киев — Терещенковская — Мезин — Киев). В рамках расширения научных связей в области антропологии и доистории Кабинет организовал поездку на Кавказ (Киев — Железноводск — Армавир — Краснодар — Новороссийск — Сухум — Киев), в частности в научный центр «Обезьяний питомник» в Сухуми (Історія Академії... 1998: 224–225).

В сентябре 1931 года М.Я. Рудинский, по поручению Кабинета антропологии, вновь проводит разведки на Каменеччине (Киев — Каменец — Кадиевцы — Каменец — Китайгород — Луковцы — Нефедовцы — Колачкивцы — Каменец — Жванец — Брага — Малиновке — Сокол — Устя — Баговица — Китайгород — Каменец — Колачкивцы — Рогозное — Студеница — Каменец — Киев; Киев — Деражня — Меджибож — Ставница — Летичев — Рудка — Новоконстантинов — Деражня). В течение 1931–1932 года Кабинет антропологии проводил исследования Посеймья и Подесенья (Киев — Алтыновка — Заболотова — Алтыновка — Бужанка — Погорелово — Вишенки — Оболонь — Алтыновка; Киев — Мезин — Пироговка — Юхновка — Горбов — Горки — Дехтяривка — Кудлаевка — Мезин — Радичев — Розлеты — Погорелово — Мезин — Лесконоги — Мезин — Новгород–Северский — Лесконоги — Пушкарки — Боровичи — Лесконоги — Новгород–Северский) (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 3). Полевой сезон 1932 года ознаменовался открытием новой палеолитической стоянки в с. Пушкарки (ИР НБУВ. Ф. Х. № 2885. Л. 1). В 1933 г. М.Я. Рудинский продолжил работу с новооткрытым памятником, особенно акцентируя внимание на исследовании кремневого инвентаря (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 26 а. Л. 35).

Научно-исследовательская деятельность Кабинета антропологии была прервана событиями 1934 г. — учреждение растворилось в новообразованном Институте истории материальной культуры, а М.Я. Рудинский был обвинен в антисоветской деятельности и выслан на Север (Граб, Супруненко, 1992: 97–98).

В течение 1921–1934 гг. Музей (Кабинет) антропологии и этнологии проводил и собственно музейную работу. Сотрудники Музея определяли ее как систематизацию, каталогизацию, монтировку экспонатов, консервацию, выставочную работу и другое (Бюлетень Кабінету, 1925: 7). В 1920-х гг., археологические материалы при научной обработке закреплялись на планшеты с указанием инвентарного (по полевой описи), порядкового номеров и шифра памятника, в таком состоянии планшеты сохранялись, и в случае необходимости экспонировались в музее (Черненко, 2007: 52). Придерживаясь вышеуказанной методики, Кабинет антропологии, вместе с тем, не ставил перед собой задачу создать музей

в общепринятом понимании. Археологические коллекции, поступившие в Кабинет, по мнению сотрудников учреждения, находились там временно, до их научной обработки. После этого часть коллекций планировалось передать в соответствующие действующие музеи. Кабинет создавал тематические выставочные коллекции, в частности, «породы, используемые в производстве каменного века», «природное раскалывание кремня под влиянием естественных причин», «развитие мастерства обработки камня», «типичный ассортимент каменной индустрии определенных периодов и определенных культур», «сравнительные материалы к изучению украинской доистории». Из-за отсутствия подходящего помещения эти коллекции не были развернуты, но между тем были доступны для ознакомления (Кабинет антропологии... 1928). Коллекции Кабинета антропологии, по мнению их составителей, должны были показывать: на что именно должен обращать внимание палеоэтнолог в своих студиях, где эти занятия проводить и как их проводить; как надо изучать отдельные доисторические объекты; как их нужно экспонировать. Принцип экспозиции мелких кремневых изделий на стекле, который широко использовался в Кабинете антропологии, позаимствовали Всеукраинский исторический музей им. Т. Шевченко, Государственный Белорусский музей в Минске, Кременчугский, Изюмский и другие украинские музеи (ИР НБУВ. Ф. Х. Д. 18639).

В течение всего времени своего существования Кабинет антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка проводил систематическую обработку материалов Мезинской коллекции с целью подготовки полноценной публикации коллекции. Еще в ноябре 1924 г. в записке в Научный комитет Народного Комиссариата образования УССР об издании периодического органа Кабинета антропологии и этнологии, руководитель учреждения А. З. Носов указывал на активную подготовку ряда научных изданий, среди которых и работа «Мезинське палеолітичне селище» (Історія Академії... 1998: 57). Осуществить публикацию Мезинской коллекции удалось в 1931 г., к сожалению, только в виде небольшого путеводителя по выставке, посвященной десятилетию ВУАН (Мизин, 1931). Сведения о действовавшей выставке, посвященной Мезинскому палеолитическому комплексу, содержит и путеводитель по г. Киеву 1930 года издания (Київ, 1930). Материалы Мезинской палеолитической стоянки, которые экспонировались Кабинетом антропологии, частично сохранились в фондах Национального музея истории Украины и поныне.

Еще одним направлением деятельности Кабинета антропологии в области археологии была подготовка научных кадров для самостоятельной исследовательской работы, в частности, полевых исследований. С этой целью, по инициативе кружка молодежи, куда вошли сотрудники некоторых научных учреждений г. Киева и преподавателей киевских школ, с согласия Кабинета Антропологии им. Ф.К. Вовка, при Кабинете образовался специальный кружок Антропологии и Доистории.

В состав этого кружка вошли Н.В. Романенко, О.И. Воробиева, Л.Е. Кистяковский, К.П. Старжевский, М.С. Мушкет, Н.И. Брояковская, Г.И. Власенко, А.М. Вороний, М.П. Ткач, В.Х. Шевченко и О.В. Якубский (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437 г. Л. 32). Организовался кружок в декабре 1927 г.; первое его собрание состоялось в помещении Кабинета антропологии 28 декабря. Кружок был создан с целью ознакомить его членов с научными данными о человеке и его прошлом в свете антропологии, доистории и геологии. Среди археологических навыков, которые должны были приобрести участники практикума в результате занятий — распознавание различных фаз палеолита и неолита, классификация различных групп материалов Кабинета, описание и измерение этих материалов, подготовка к самостоятельным разведкам и рекогносцировкам. Для достижения указанной цели в качестве системы обучения взята была аналитико-синтетическая, а характер работ избран преимущественно практический. По указаниям руководителей — по антропологии А.З. Носова и по доистории М.Я. Рудинского — проводились практические упражнения на антропологическом и археологическом материале Кабинета. Параллельно изучались отдельные книги и литературные источники. Ученические работы зачитывались, как рефераты на заседаниях кружка. За все время функционирования практикума заслушаны были такие рефераты в области археологии: Н.И. Брояковская «Шелльская и ашельская культуры», «Геология палеолитической эпохи и шелльская флора и фауна», «О следах каменного века на северном побережье Невской губы по В. Землякову»; М.С. Мушкет «Мустье»; В.Х. Шевченко «Ориньяк»; М.П. Ткач «Солютре», «Техника орнаментации керамических изделий Мезинских неолитических стоянки по Л. Чикаленко»; К.П. Старжевский «Новооткрытая стоянка палеолита в Крыму»; Л. Е. Кистяковский «Мадлен», «Искусство палеолита»; А.И. Воробиева «Мезолит». Проводились также систематические практические занятия с руководителем, предусматривающие изучение культур палеолитической индустрии человека. Кроме того, каждый член кружка посещал Кабинет антропологии 2–3 часа в неделю для индивидуальной обработки археологического материала. Согласно плановой работе кружка, членами практикума летом 1928 года

были проведены такие самостоятельные работы в области археологии: В.Х. Шевченко проведена археологическая разведка палеолитической стоянки около с. Селища Каневского района Шевченковщины; М.С. Мушкет провела разведки в Малинском и Чаповецком районах на Коростенщине, Л.Е. Кистяковский принимал участие в исследовательской работе археологической экспедиции Укрнауки на Днепрострое с 21 июля по 23 октября 1928 г.; К.П. Старжевский — провел разведки около р. Почайны в окрестностях Киева; А. И. Воробиева участвовала в качестве лаборантки в разведках на Подолье (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437в. Л. 26–27 об.). В конце 1929 г. практическое изучение палеолитических и неолитических материалов Кабинета начала Н.А. Береговая (Звіт про роботу, 1930: 231). Собранные практикантами во время разведок-экскурсий материалы обрабатывались в Кабинете антропологии.

Большинство участников кружка-практикума в 1930-х гг. подверглись преследованиям, их дальнейший творческий путь в области доисторических исследований прервался. Среди тех, кому удалось пережить те беспокойные времена и продолжить археологические исследования в области изучения памятников каменного века, стоит отметить Н. А. Береговую, которая известна, как автор-составитель справочника палеолитических местонахождений СССР (Береговая, 1960).

Таким образом, образованный 29 марта 1921 Музей (Кабинет) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка на протяжении своего существования проводил активную научно-исследовательскую и музейную деятельность в области археологии. В частности сотрудники Кабинета М.Я. Рудинский и М.С. Мушкет провели многочисленные разведки на территории Киевщины, Полтавщины, Подолья, Волини, Кременчучины, возобновили раскопки палеолитической стоянки Мезин. М.Я. Рудинским была открыта палеолитическая стоянка Пушкари, смячкинская культурная раннеолитическая группа и ряд других памятников каменного века. Археологические материалы, полученные в результате полевых работ, вводились в научный оборот на страницах академических изданий, в частности в ежегоднике Кабинета «Антропология». В рамках музейной деятельности Кабинет антропологии подготовил коллекции материалов каменного века к экспонированию. Сотрудники учреждения планомерно проводили систематизацию, каталогизацию и монтаж артефактов, подготовили публикацию Мезинского палеолитического комплекса. Активную работу проводил Кабинет антропологии в области подготовки квалифицированных кадров археологов-«каменщиков». Некоторые из участников кружка-практикума в дальнейшем стали уважаемыми специалистами в области археологии, продолжили традиции «палео-этнологической научной школы» Федора Кондратьевича Вовка.

Литература

- Береговая Н.А. 1960. Палеолитические местонахождения СССР // Материалы и исследования по археологии по СССР. № 81. М.-Л.
- Борисенко В.К. 2002. Нариси з історії Української етнології 1920–1930-х рр. Київ.
- Бюлетень Кабінету Антропології та Етнології ім. Хв. Вовка. 1925. Ч. I. Київ.
- Волков Ф. 1915. Антропология и ее университетское преподавание (К пересмотру университетского устава) // Ежегодник Русского Антропологического Общества при Императорском Петроградском Университете. Пг. С. 100.
- Грив В.І., Супруненко О.Б. 1992. Доля М.Я. Рудинського // Археологія. № 4. С. 91–100.
- Звіт про роботу Кабінету антропології ім. Ф. Вовка за 1929 рік // Антропология. Річник Кабінету Антропології ім. Ф. Вовка. 1929. Вип. III. К. С. 229–230.
- Історія Академії наук України. 1918–1923. Документи та матеріали. 1993. Київ.
- Історія Академії наук України. 1924–1928. Документи та матеріали. 1998. Київ.
- Історія Академії наук України. 1929–1933. Документи та матеріали. 1998. Київ.
- Кабінет антропології ім. Ф. Вовка. 1928 // Антропология. Річник Кабінету. 1927. Вип. I. Київ. С. 188.
- Київ. Провідник. 1930. Київ.
- Мізин. Вип. I. Визначніші серії кістяних виробів Мізинської палеолітичної стації в оствіленні Федора Вовка. 1931. Київ.
- Мушкет М.С. 1928. Передісторичні розшуки в північній Київщині // Антропология. Річник Кабінету. 1927. Вип. I. Київ. С. 109–117.
- Мушкет М.С. 1929. Коротке справоздання за передісторичні розшуки року 1928 // Антропология. Річник Кабінету. 1928. Вип. II. Київ. С. 241–249.
- Пахарєва О.С. 2009. Французько-російське наукове співробітництво в галузі антропології у другій половині XIX — на початку XX ст.: Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ.
- Платонова Н.И. 2008. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д.и.н. СПб.

- Рудинський М.Я. 1926. Знахідки в околицях Трахтемирова // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за археологічні дослідження року 1925. Київ, 1926. С. 100–102.
- Рудинський М.Я. 1926-а. Матеріали до вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскла: Станція в урочищі Біла Гора під Полтавою. Київ.
- Рудинський М.Я. 1926-б. Передісторичні розшуки на Північно-Східній Чернігівщині // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за археологічні дослідження року 1925. Київ. С. 13–32.
- Рудинський М.Я. 1927. Дослідження на Кам'яничині // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 123–143.
- Рудинський М.Я. 1927-а. Дослідження на Полтавщині: Клімівка. Розшуки на Кременчуччині // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 144–153
- Рудинський М.Я. 1927-б. Смячка // Коротке звітання Всеукраїнського Археологічного Комітету за 1926 рік. Київ. С. 118–122.
- Рудинський М.Я. 1928. До питання про культури «мезолітичної» доби на Україні // Антропологія. Річник Кабінету. 1927. Вип. I. Київ. С. 73–94.
- Рудинський М.Я. 1928-а. Пам'ятки Лоханського острова // Антропологія. Річник Кабінету. 1927. Вип. I. Київ. С. 143–166.
- Рудинський М.Я. 1929. Дослідження в Журавці // Антропологія. Річник Кабінету. 1928. Вип. II. К. С. 140–151.
- Рудинський М.Я. 1929а. Коротке повідомлення про наслідки подорожі на Поділля в році 1928 // Антропологія. Річник Кабінету. 1928. Вип. II. Київ. С. 294.
- Рудинський М.Я. 1929б. Матеріали до вивчення передісторії Поділля // Антропологія. Річник Кабінету. 1928. Вип. II. Київ. С. 152–191.
- Рудинський М.Я. 1929в. Старо-Орлицький скарб неолітичної доби // Антропологія. Річник Кабінету. 1928. Вип. II. Київ. С. 261–268.
- Рудинський М.Я. 1930. Журавка: Справоздання за розкопки р. 1929 // Антропологія. Річник Кабінету Антропології ім. Ф. Вовка. 1929. Вип. III. Київ. С. 98–122.
- Рудинський М.Я. 1930а. Мар'янівська станція: (З матеріалів експедиції понад Сеймом) // Антропологія. Річник Кабінету Антропології ім. Ф. Вовка. 1929. Вип. III. Київ. С. 179–190.
- Рудинський М.Я. 1930б. Попівгородський вияв культури мальованої кераміки: З повідомлення про наслідки дослідного сезону р. 1929 // Антропологія. Річник Кабінету Антропології ім. Ф. Вовка. 1929. Вип. III. Київ. С. 223–259.
- Рудинський М.Я., Вороний А.М. 1928. З приводу знахідки в м. Журавці на Прилуччині // Антропологія. Річник Кабінету. 1927. Вип. I. Київ. С. 65–72.
- Скрипник Г.А. 1989. Етнографічні музеї України. Становлення і розвиток. Київ.
- Таран О.Г. 1999. Науково-теоретична діяльність Кабінету Антропології та Етнології ім. Хв. Вовка при ВУАН // *Vita antiqua*. №2. Київ. С.247–250.
- Таран О. Г. 2003. Наукова спадщина Федора Вовка в галузі антропології: спадкоємність традицій та сучасне бачення: Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ.
- Черненко О.Є. 2007. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896–1948 рр.) // Скарбниці української культури: Збірник наукових праць. Вип. 9 (Спецвип. 1). Чернігів.
- Черновол І.В. 2009. Виставка книжкового зібрання Федора Кіндратовича Вовка // Археологія. № 4. С.115–118.
- Черновол І.В. 2009. Федір Вовк і його книжкове зібрання. Київ.

ABSTRACT

*Anna Pudovkina*¹

F.K. Vovk Museum (Cabinet) of Anthropology and Ethnology (1921–1933): Research and museum activity in the field of archeology

The article is devoted to research and museum activities of the F.K. Vovk Museum (Cabinet) of Anthropology and Ethnology. The basic principles of organization of the institution and its structural transformations are considered. The information is provided on archaeological work carried out by the museum staff. Emphasized are discoveries of new Stone Age monuments on the territory of Ukraine made by M. Ya. Rudinsky and M.S. Mushket. The achievements of the Cabinet of Anthropology are examined in the creation of displays and exhibitions of archaeological material. The basics of educational activities of the Museum of Archaeology are outlined, in particular the basics of organizing a «kruzhok»-workshop, which operated under the Cabinet of Anthropology.

¹ PhD student at Taras Shevchenko National University of Kyiv; Department of Archeology and Museum Studies; Kyiv, Ukraine

Одесская школа археологии: основные этапы развития (конец XVIII — начало XXI вв.)

С.Б. Охотников

Одесский археологический музей НАНУ. Украина, г. Одесса

В истории формирования науки о древностях юга Украины особое место занимает Одесса — не только крупный административный центр, но и интеллектуальная «столица» этого края. Практически с первых же лет своего существования наш город привлекал людей, живо интересующихся далеким прошлым причерноморских степей. Они находили следы пребывания здесь древних людей, их поселения, могилы, отдельные вещи. Постепенное накопление таких сведений привело к убеждению о необходимости не только сохранять их, но и изучать, исследовать, публиковать.

Первые научные представления о современном юге Украины относятся к XIII веку. С основанием здесь генуэзских колоний появляются и первые попытки составления географических карт этого региона, на которые тогдашние учёные наносили и совсем древние названия, относящиеся к античному периоду. Это было в традициях средневековья, когда сведения древних авторов (греческих и римских) использовались для создания современных (для того времени) трудов. Одно из первых упоминаний нашей территории встречается в итальянском портолане «Compasso de navigare», составленном в Пизе в 1250–1265 гг. и частично дополненным в 1296 г. Там, в частности, указывается нынешний остров Змеиный, на котором, как известно, находилось святилище Ахилла. Тогда, правда, этого не знали, и остров назван Филоксия. Северо-Западный берег Чёрного моря показан на картах П. Весконтте 1318 г., А. Бианко 1436 г., Фра Мауро 1459 г. и многих других. На карте, приложенной к переведенному в 1477 г. «Руководству по географии», античного учёного Клавдия Птолемея, указаны названия многих древних поселений. Они, правда, несколько искажены, но в них легко угадываются хорошо известные археологам реки Асиак (Тилигул), Тирас (Днестр), Борисфен (Днепр), города Офиусса, Никоний, Фиска, деревня Гермонакта (La Ronciere u.a., 1984).

К 1578 г. относится первый опыт «полевой» археологии в Нижнем Поднестровье. Пионером практического изучения археологических памятников стал М. Броневский, польский путешественник, дипломат, посол короля Стефана Батория к крымскому хану. На основании сообщения Страбона в «Географии» (VII, 3, 16) он пытался отыскать в низовьях Тираса «башню Неоптолема» и составил карту, где поместил башню где-то в верховьях Днестровского лимана.

В первой половине XVIII в. интерес к этому региону усиливается, хотя все представления о нашем крае были сугубо кабинетными. Так, в Западной Европе вышло несколько книг с публикациями монет Боспора (Ш.Ф. Вайана, К.Г. де Боза. Ф. Нари), а в 1782 г. издан трёхтомный труд Ж. Данвиля, посвящённый древней географии, в том числе и Северного Причерноморья (Скифии).

Археологические находки, порой сделанные случайно или путём перекупки, начали поступать в высшие слои тогдашнего общества, где модным стало собирать «антики». Одним из толчков, послуживших проявлению постоянного научного интереса к археологии, стало открытие в 1763 г. «Мельгуновского» клада из скифского кургана «Литая могила», неподалёку от Елисаветграда (ныне Кировоград).

Ещё более изменилось отношение к памятникам древности, когда Россия стала постепенно продвигаться к берегам Чёрного моря. В 1774 г. после Кучук-Кайнарджийского мира были присоединены обширные земли Новороссии, а с получением в 1783 г. Крыма, с его богатейшим историческим прошлым, интерес к археологии постоянно возрастал.

Одной из первых научных экспедиций этого времени стало, по поручению Петербургской АН путешествие академика И.Л. Гильденштедта по Крыму в 1773–1775 гг.

В 1791 г. земли между Бугом и Днестром по велению Екатерины II были осмотрены губернатором Екатеринославского края В.В. Каховским. Он отметил здесь развалины древних городов. То же в 1791 г. сделал и А.К. Мейер, офицер Херсонского гренадерского полка.

Многие просвещённые чиновники местной администрации также занялись изучением древностей Новороссии. Вице-губернатор Таврической области К.И. Габлиц оставил описание развалин на Гераклейском полуострове (Херсонес). Главный инспектор шелководства на юге России Ф.К. Маршал фон Биберштейн опубликовал несколько эпиграфических памятников Боспора и пытался локализовать некоторые античные города на Керченском полуострове и Тамани (Тункина, 2002).

Один из первостроителей Одессы военный инженер Ф.П. Деволан в 1792 г. подготовил капитальный труд, состоящий из двух частей: общей «Карты географической, изображающей область Озу или

Едисан...» и приложения из 16 карт с описанием: «Отчёт о географическом и топографическом положении провинции Озу или Едисан, обычно называемым Очаковской степью и служащей пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию». В этом труде приводятся подробные сведения географического, гидрографического, этнографического характера. Им даются рекомендации не только по освоению этих территорий от Днестра до Буга и Западного Крыма, но и осмысление их истории, древнего прошлого, тесно связанного с археологией. У него встречается и одно из первых описаний Ольвии.

Талантливый инженер и прекрасный организатор вошёл в историю как автор планов и руководитель строительства многих городов и крепостей: Фанагории, Кинбурна, Севастополя, Николаева, Одессы, но при сооружении в 1795 г. укрепления (крепости Овидиополя) была обнаружена античная гробница в каменном ящике с двумя амфорами. Возникло предположение, что это — могила римского поэта Овидия, сосланного императором Августом на берега Чёрного моря. О сенсационной находке на Днестре узнали в Петербурге, о ней оповестили и Лондон, и парижские газеты. Сейчас, судя по сохранившемуся рисунку этой гробницы, понятно, что она относится к IV–III вв. до н. э., т. е. на 300–350 лет раньше Овидия (Охотников, 2007: 500–508).

Немало способствовали ознакомлению широких кругов общественности Европы с памятниками северного Понта сочинения академика П.С. Палласа, который обследовал эти территории в 1793–1794 гг. Он высказал предположение о локализации некоторых античных центров, дал сведения о первых раскопках и снабдил свой труд рисунками монет, надгробий, в частности стелы Стратона, сына Протомаха, которую он увидел в Николаеве. Сейчас она хранится в ОАМ. Это, по сути — первый экспонат нашего музея.

Выдающимся исследователем Северного Причерноморья был писатель, путешественник граф Ян Потоцкий (1761–1815 гг.), автор знаменитого и по сей день романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Результатом его неоднократных поездок по нашему краю стали исследования по исторической географии, этногенезу и локализации древних народов на основе анализа письменных источников, в первую очередь, Геродота. Я. Потоцкий написал много книг, посвящённых этим вопросам. Но, как нам кажется, наиболее важными среди них следует назвать «Древнюю историю Херсонской губернии», СПб, 1804; «Археологический атлас Европейской России...», СПб, 1805 и, конечно, «Записка о новом перипле Понта Евксинского...», Вена, 1796. Здесь он во время своего путешествия (ещё в 1784 г.!) первым из учёных обратил внимание на остров Змеиный в Чёрном море и отождествил его с островом Левке — Ахилловым островом античных авторов.

В 1795–1796 гг. М. Гатри, главная надзирательница института благородных девиц в Санкт-Петербурге, путешествовала по Причерноморью и снимала планы, рисунки медалей (монет), надписей и других предметов.

В 1797–1798 гг. Л.В. Ваксель, военный инженер, а впоследствии член-корреспондент Петербургской академии наук, осмотрел памятники Крыма и Побужья и выпустил книгу, где издал несколько античных надписей. Те же памятники видел в Николаеве в 1799 г. и П.И. Сумароков — писатель, а затем — сенатор.

В 1798 г. генерал-лейтенант Инженерного корпуса П.К. Сухтелен посетил Ольвию, где обнаружил несколько монет, которые потом вместе со своей обширной нумизматической коллекцией передал в Петербургскую академию наук (Тункина, 2002).

Среди плеяды выдающихся деятелей археологической науки и древней истории, связанных с Одессой, первым и старейшим является А. Панагиодор-Никовул (1764–1848 гг.).

В 1798 г., т. е. спустя всего лишь четыре года после основания города, он и секретарь консула Неаполя А. Гулельмуччи обратились к тогдашнему губернатору края о помощи «при разрытии и вынудии из земли не малого количества различной монеты и других вещей». Однако разрешения получено не было.

В 1804 г. член-корреспондент Петербургской академии наук (впоследствии академик) Г.К.Е. Келер отправился в Крым, посетив по дороге Николаев. Здесь в помещении Штурманской роты он увидел античные мраморы с барельефами и надписями, которые просто валялись в коридоре. Потрясённый условиями хранения уникальных экспонатов он по возвращении в столицу добился распоряжения Министерства внутренних дел «Об ограждении от разрушения древностей Тавриды». На его основании Э.А. де Ришелье составил соответствующее предписание, в котором речь шла и о запрещении частным лицам собирать и вывозить антикварные вещи. Оно касалось, правда, только государственных земель, находки, обнаруженные на частных землях по-прежнему могли пропасть безвозвратно.

Цели сохранения памятников способствовало и создание первых государственных хранилищ древностей.

Первое такое собрание находилось при Черноморском депо карт в Николаеве, образованном в 1803 году. Инициатором создания этого кабинета древностей был адмирал И.И. Траверсе, главный командир Черноморского флота.

Собрание пополнялось и в последующее время, особенно когда командующим Черноморским флотом стал адмирал А.С. Грейг. Но затем коллекцию древностей переместили в Черноморскую штурманскую роту, там же в Николаеве, где она находилась практически без надзора вплоть до 1840 г. Все эти первые хранилища древностей Причерноморья носили комплексный, «кунсткамерный» характер, где наряду с предметами археологии находились естественнонаучные раритеты. Тем не менее, эти музеи заложили основы собирания и хранения памятников древней истории нашего края, послужили составной частью как, например, николаевское депо карт, для создания настоящих музеев, где изучение классических древностей было поставлено на подлинно научную основу. Первым таким учреждением в провинции России стал городской музей древностей в Одессе (Юргевич, 1889).

Немалую роль в этом принадлежит и одесскому градоначальнику, впоследствии генерал-губернатору, герцогу Арману Эмманюэлю Софи дю Плесси де Ришелье (1766—1822 гг.) или как просто его называют в Одессе — «Дюку». О его судьбе и деяниях на славу России и нашего города написано достаточно, но мало кому известно, что он сыграл важную роль в становлении археологии Одессы Адъютантом «Дюка» с 1805 по 1815 г. (фактически до 1819 г.) был И.А. Стемпковский.

В 1814 г. он вместе с герцогом отправляется в Вену, а затем Париж, где находился при штабе отдельного корпуса русских войск, под командованием графа М.С. Воронцова. Знакомство с этим человеком также сыграло важную роль в судьбе И.А. Стемпковского.

В Париже он прожил несколько лет, где благодаря поддержке Ришелье имел возможность вести научные занятия в Академии надписей и изящной словесности. Здесь он сблизился с известным учёным Д. Рауль-Рошеттом и посвящал большую часть своего времени изучению античных авторов. К тому же времени относятся и его первые печатные труды. В 1821—1822 гг. он снова находился в Париже, где последний раз виделся с герцогом Ришелье. Здесь он представил в Академию надписей ряд своих статей о новых находках в Причерноморье и был избран её иностранным членом-корреспондентом.

Продолжал заниматься он и археологией. Под его наблюдением и при непосредственном участии был раскопан знаменитый курган Куль-Оба.

Но особенно следует отметить записку И.А. Стемпковского, поданную Новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову, «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае».

С этими же положениями автор выступил перед членами Московского общества истории и древностей. Этот документ характеризует И.А. Стемпковского как зрелого учёного, который во многом опередил своё время. Для всей русской и мировой археологии первой половины XIX века это была программа первоочередных мер, которые было необходимо предпринять для успешного развития археологической науки и охраны памятников. Он говорил о необходимости создания музеев, в которых сохранились бы добытые экспонаты, обосновывал необходимость образования на юге России учёного общества, которое смогло бы возложить на себя заботу об охране памятников древностей и их квалифицированные раскопки, печатание отчётов и обобщающих трудов, координацию научной деятельности и т.п.

Просвещённый администратор и меценат граф М.С. Воронцов по достоинству оценил этот документ, и началась работа по претворению его в жизнь.

В апреле 1825 г. он представил царю Александру I доклад с предложением создать музей древностей с целью проведения «систематического и основанного на известных в Европе правилах вскрытия и обозрения курганов, развалин и других мест, где могут быть найдены редкости». В Одесском музее предполагалось хранить памятники из Аккермана, Овидиополя, Одессы, Ольвии, Березани, Тендровской косы, в Керчи — из Крыма и Тамани.

Доклад М.С. Воронцова от 19 (31 по н. ст.) апреля 1825 г. был утверждён императором. В южные области России губернаторам и градоначальникам послано предписание с требованием сообщать в Одессу о местонахождении древностей, наблюдать, чтобы никто не проводил грабительских раскопок, препятствовать присвоению памятников частными лицами, присылать их в местные администрации, уведомив об этом самого М.С. Воронцова. М.С. Воронцов также обратился в Николаев к главному Командиру Черноморского флота и портов адмиралу А.С. Грейгу с предложением об обмене вещами между одесским, керченским и николаевским музеями.

Директором с окладом в 3000 рублей был назначен И.П. Бларамберг. К открытию музея, состоявшемуся 9 (21 по н. ст.) августа 1825 г. он подарил 14 древнеегипетских памятников, 68 бронзовых предметов из Помпеи и Геркуланума, 195 древнеримских монет, 70 древнегреческих монет, 50 томов книг. В пер-

вый год существования музея в него поступили памятники из собрания князя Е.М. Кантакузина, графини Е.К. Воронцовой, графа С.О. Потоцкого, И.А. Стемповского и самого М.С. Воронцова. За счёт городской казны была также куплена ольвийская коллекция И.П. Бларамберга.

Увлечение И.П. Бларамберга археологией началось давно, чему в немалой степени способствовала дружба с известным любителем и знатоком русских древностей П.П. Румянцевым. Иван Павлович начал собирать раритеты, изучать труды древних авторов о Северном Причерноморье, публиковать их. Учёная Европа узнала о находках древностей на берегах Понта. именно благодаря Бларамбергу. В своей книге об Ольвии Бларамберг первым указал место этого города в системе греческой колонизации, был одним из зачинателей изучения керамической эпиграфики. Поступавшие в его коллекцию или увиденные им надписи на камне, тщательно копировал и отсылал в Германию знаменитому учёному А. Беку, который использовал их в своём Своде, где было опубликовано около 140 надписей с севера Понта. Именно по представлению А. Бека И.П. Бларамберг стал членом-корреспондентом Академии наук в Берлине. Затем был избран членом-корреспондентом Азиатского общества в Лондоне, действительным членом Московского общества истории и древностей российских (Охотников, 2010).

Наконец, еще в 1823 г. при строительстве домов на Приморском бульваре в Одессе, были обнаружены остатки древнегреческого поселения и могилы. Отдельные находки на этом месте случались и ранее, но сейчас они были весьма многочисленны. Обнаружены амфоры, расписные сосуды и другой материал. Всё это привлекло внимание археологов, дало толчок к пониманию важности сохранения культурного прошлого нашего края. Как писал И.А. Стемповский П.И. Кёппену: «Вот и Одесса наша становится классической землею. На днях открыли здесь кости человеческие и вместе с ними прекрасную этрусскую вазу с фигурами, которую, к сожалению, разбили, но я собрал черепки и склею их. Это доказывает, что г-н Бларамберг прав в предположении своём о существовании древнего греческого поселения тут, где ныне Одесса».

В 1839 г. по инициативе А.С. Стурдзы, Д.М. Княжевича, А.Я. Фабра, М.М. Кириакова, Н.Н. Мурзакевича было основано Одесское общество истории и древностей. Особую роль здесь играл Н.Н. Мурзакевич, связанный с Обществом в течение 44 лет.

Он вёл громадную работу по выявлению и публикации источников по истории нашего края. Н.Н. Мурзакевич считал необходимым не только занятия чистой наукой, но и её популяризацию. В 1851 г. он печатает первый путеводитель по музею, помещает в «Новороссийском календаре» сведения о новых экспонатах. Наконец, с его помощью в 1843 г. было построено первое здание для музея Общества, а в 1883 г., в год его смерти — второе, — существующее и по сей день.

Президентом Общества был избран Д.М.Княжевич — попечитель Одесского учебного округа. Человек энергичный, опытный организатор, он чрезвычайно заботился о порученном ему деле, искал для учебных заведений Одессы, в первую очередь, Ришельевского лицея, лучших преподавателей и с пониманием отнёсся к инициативе о возрождении в Одессе археологии. Он обратился с официальным ходатайством к министру народного просвещения графу С.С. Уварову об организации общества. 23 апреля (5 мая по н.ст.) 1839 г. в Ришельевском лицее состоялось учредительное собрание. Почётным президентом был избран М.С. Воронцов, который испросил веления на создание специального общества любителей истории и древностей у царя Николая I. Высочайший указ о разрешении обществу вести археологические раскопки на юге России (Полное собрание законов Российской империи — т. XIX—12985) был издан 14 декабря (26 по н.ст.) 1839 г. Обществу выделили ежегодное пособие в сумме 1428 руб. 56 коп., а его покровителем назначен наследник престола, будущий император Александр II. С тех пор все русские цари были покровителями общества.

С первых лет своего существования Общество разработало программу действий. В ней можно выделить три основных направления. Это полевые работы и охрана памятников, сбор и хранение музейных экспонатов, издание научных трудов.

Общество осуществляло раскопки многих памятников по всему Северному Причерноморью, т. е. оно вело исследования на территории современной Республики Молдова, Одесской, Николаевской, Херсонской областей Украины, в Крыму, с 1847 г. это право было распространено на Черноморское побережье Кавказа, где, в частности, были приняты меры по сохранению и реставрации храма в Пицунде.

В 1855 г. Н.Н. Мурзакевич стал просить Одесского военного губернатора Н.И. Крузенштерна о передаче Одесского городского музея в ведение Общества: «Общество, ... имея собственное помещение, с большим удобством может сохранить у себя предметы древностей, принадлежащие г. Одессе».

Однако фактическую передачу осуществили только в 1858 г. Коллекции двух музеев были объединены и стали украшением нашего города. Общество сумело спасти древние раритеты, а в последующие

годы и значительно увеличить их число. Памятники не только лучше сохранялись, но и стали более доступны для их изучения и публикации в изданиях ООИД.

Издания ООИД это ещё одна грань его деятельности, возможно не менее знаменитая, чем создание музея. Первый том знаменитых «Записок Одесского общества истории и древностей» вышел спустя пять лет после его образования в 1844 г. и затем печатался в течение 75 лет. В 33 томах поднимались практически все проблемы, касающиеся археологии юга Украины. В них нашли отражение вопросы истории каменного века, энеолита, бронзы, скифской культуры, особое место занимала античная археология, история славян, казачества, средневековья, статистики, древней географии и многие, многие другие.

Известность Общества и принадлежавшего ему музея не осталась незамеченной и в высоких кругах власти. В 1872 г. Александром II ему было дано право именоваться Императорским «в воздаяние заслуг, оказанных отечественной науке». С тех пор официальное название звучало так: Императорское Одесское общество истории и древностей (ИООИД). Почётными членами Общества становились не только представители дома Романовых, но и император Бразилии Дон Педро II д'Алькантара, воеводы Сербии, Валахии (Охотников, 2010: 44–45).

В первой половине 80-х годов произошло несколько событий, сыгравших этапную роль в истории общества и музея. В 1878 г. известный меценат и городской голова Г.Г. Маразли был избран в действительные члены Общества. Благодаря его заслугам наш город украшает здание Археологического музея, где собрана лучшая на Украине коллекция памятников древней Эллады, наследником которой в полной мере ощущал себя Г.Г. Маразли. В марте 1882 г. он принял решение выделить деньги для постройки специального здания, которое должно было получить название «Одесская городская библиотека Маразли». Но на предполагаемом месте строительства находился музей Одесского общества истории и древностей. ИООИД на своём заседании 18 марта 1882 г. определило: «Желание Г.Г. Маразли принимается с полной признательностью. Общество соглашается уступить городу участок земли...». Здание построили в 1883 г.

В том же 1883 г. избирается и новый вице-президент Общества. Им стал профессор Новороссийского университета В.Н. Юргевич (1818–1898 гг.). Во многом его заслугой явилось проведение в Одессе VI археологического съезда, ставшего одним из важнейших событий научной и культурной жизни не только нашего города, но и всей страны.

15 августа (по старому стилю) 1884 г. в Одессу на открытие съехалось около 400 человек, представлявших 29 организаций — Академию наук, Академию художеств, ряд университетов, Археологическую комиссию, Археографическую комиссию и других. На съезде работало 10 отделений по различным направлениям археологии и этнографии. Заслушано около 100 докладов, которые решено было издать в специальном сборнике трудов. Сборник состоял из 4 томов, вышедших в течение 1886–1889 гг. Первоначально его редактором был Н.П. Кондаков, а затем Ф.И. Успенский.

На съезде произошло ещё одно важное событие, особенно для специалистов по классической археологии. Именно здесь — в Одессе выдающийся учёный-эпиграфист В.В. Латышев огласил свою программу создания Свода греческих и латинских надписей Северного Причерноморья. Основой для этой работы должна была послужить коллекция нашего музея. Таким образом, VI Археологический съезд явился формой общественного признания заслуг учёных города. Его проведение стало важным культурным событием, содействовавшим изучению богатого прошлого нашего края (Охотников, 2010: 48–49).

1884 г. стал этапным и ещё по одной причине, на первый взгляд, казалось-бы частного характера. Но как показал дальнейший ход событий — назначение в этом году на должность приват-доцента Новороссийского университета молодого учёного Э.Р. фон Штерна глубоко повлияло на развитие археологии и музейного дела Одессы.

Э.Р. Штерн по праву считается основателем Одесской школы археологов, строившей свою работу на подлинно научной основе. В 1896 г. не оставляя работу в университете Э.Р. Штерн возглавляет музей Одесского общества истории и древностей, становится его главным хранителем. Э.Р. Штерн был сторонником расширения и коренной перестройки музея. По его инициативе, после многолетних усилий, в 1908 г., наконец, удалось получить от города всё здание для музея, в котором он располагается и поныне.

Э.Р. Штерн вёл интенсивные полевые исследования. Особое значение имеют раскопки древнейшего греческого поселения на о-ве Березань (1900–1909 гг.). Другой, не менее важной заслугой Э.Р. Штерна, были исследования древней Тире, где он провёл три раскопочные кампании — в 1900, 1903 и 1912 гг.

Высокая требовательность к научной обработке и классификации музейных экспонатов, компетентность и всесторонняя эрудиция позволяли Штерну безошибочно отличать древности от самых тонких и искусных подделок. В частности, после его выступления на археологическом съезде в Риге

в 1896 г., была раскрыта, как фальсификация, приобретённая Лувром всемирно известная золотая тиа-ра скифского царя Сайтафарна, которая была изготовлена в Одессе ювелиром Израилем Рахумовским. Впоследствии в ряде работ Штерн разоблачает различные способы подделок античных ваз, надписей на мраморе, ювелирных изделий, существовавших на юге России. Компетентность Э.Р. Штерна в этой области была настолько общепризнана в России и Западной Европе, что его неоднократно называли грозой российских фальсификаторов.

Начало XX в. было весьма плодотворным временем для ИООИД. Наряду с благоустройством музея, которым с такой энергией занимался Э.Р. Штерн, Общество развернуло широкую программу по пополнению его коллекций. В чрезвычайно большой степени этому содействовал избранный вице-президентом в 1899 г. А.Л. Бертье-Делагард.

Он опубликовал более 60 научных трудов, среди которых ряд крупных монографий. В 1890 г. Императорское русское археологическое общество избирает его действительным членом и в 1894 г. присуждает ему Большую серебряную медаль за монографию «Раскопки Херсонеса». С 1892 г. он становится действительным членом Московского нумизматического общества, а с 1894 г. — член-корреспондентом Императорской археологической комиссии.

Однако в 1914 г. началась I-я Мировая война, а в России в 1917 г. произошли две революции. Всё это естественно повлияло на нормальное развитие музея и Общества, хотя издательская деятельность, правда в меньшей степени, но всё ещё продолжалась. Последний — 33-й том ЗООИД вышел в 1919 г. (Охотников, 2010: 50–59).

Между тем, несмотря на практически полный распад ООИД, формально оно ещё продолжало существовать. Секретарь общества А.В. Флоровский (1884–1968 гг.) продолжал созывать немногочисленные заседания, где рассматривали вопрос об обновлении Устава Общества, который бы помог легализовать его в изменившихся условиях смены власти. Но последнее заседание состоялось в мае 1922 года.

Итак, создав выдающееся собрание древних памятников, построив для него специальное здание и выпустив около 1700 печатных листов научной продукции, Общество прекратило свою деятельность, продолжавшуюся 83 года (практически меньше — 80 лет).

Дальнейшее развитие археологии в Одессе связано с археологическим музеем. Находившийся долгие годы под эгидой Общества и пришедший также вследствие исторических катаклизмов в упадок музей, тем не менее, постепенно становится центром по изучению древностей на юге Украины.

В результате всех преобразований губернский комитет профессионального обучения с 1 июля 1923 г. образовал научно-исследовательскую кафедру археологии, которая числилась в Одесском государственном историко-археологическом музее. При ней работали научный совет по защите диссертаций, сотрудники вели археологические раскопки: С.С. Дложевский — в Ольвии, М.Ф. Болтенко — на о. Березани. Они поддерживали контакты с другими учреждениями исторического профиля.

Возрождению былых археологических традиций Одессы способствовало также образование в августе 1923 г. Одесской комиссии краеведения. 22 октября этого же года постановлением общего собрания Всеукраинская Академия наук утвердила Одесскую комиссию краеведения при ВУАН. Её председателем стал директор музея С.С. Дложевский.

Согласно Устава комиссии главными направлениями её работы были популяризация краеведческого движения, сбор материалов, издание трудов. Деятельность комиссии охватывала Херсонскую, Екатеринославскую губернии, Бессарабию, Крым, Кубань. Таким образом, комиссии в известной степени удалось восстановить сферу научного влияния ООИД. Это подчёркивалось и выпуском специальных трудов — «Вестников», вышедших в 1924–1930 гг. в пяти выпусках.

В 1927 г., учитывая выдающееся значение античных коллекций, музею был придан статус всесоюзного.

Экспозиция пополнялась за счёт передачи археологических предметов из других организаций, главным образом музея изящных искусств при бывшем Новороссийском университете. Из него поступили древнегреческая керамика, монеты, надписи и т. д. Но главным источником увеличения коллекций в 20-е годы стали археологические раскопки. Наряду с памятниками, хорошо известными ещё с дореволюционной поры (Ольвия, Березань) начались исследования новых объектов.

Пионером их изучения стал ещё один из ярчайших представителей одесской археологической школы — М.Ф. Болтенко (1888–1959 гг.). Уже в 1921 году он начал раскопки поселения и могильника в с. Усатово, где обнаружил остатки ранее неизвестной культуры, получившей по месту находки название усатовской.

В 1941 г. во время героической обороны Одесский музей сильно пострадал. Экспонаты начали готовить к отправке, но не нашли соответствующей тары, а без неё коллекции погибли бы. В подобных

условиях Эвакуационная комиссия сочла возможным оставить их на месте (за исключением предметов из драгоценных металлов, которые были сданы в банк).

После освобождения Одессы в 1944 г. в течение 10 послевоенных лет музеем проведено 15 археологических экспедиций, разведки. Отметим раскопки трипольских памятников в Александровке, Кирилловке (А.Л. Есипенко), поселений античного периода на о. Березань, Ильинка, Петуховка, Викторовка (М.Ф. Болтенко, М.С. Сеницын).

Важным подтверждением развернувшейся научной деятельности музея стал выход в свет в 1957 г. I тома «Материалов по археологии Северного Причерноморья». В то же время идея возрождения Одесского общества истории и древностей не оставляла многих археологов. В начале 1959 г. инициативная группа в главе с директором музея М.С. Сеницыным приступила к практической его реализации. По всем ведущим археологическим организациям страны были разосланы специальные письма, с приглашением участвовать в работе организационного собрания. Таковое состоялось 15–16 мая 1959 г. на нём было оформлено создание Одесского археологического общества, утверждён его устав, избрано правление во главе с М.С. Сеницыным (Сеницын, 1960: 12–14).

В 1975 г. широко было отмечено 150-летие музея, выпущен специальный том «МАСПа», подведены итоги деятельности музея за прошедшие годы. Особо отмечалось, что археологические раскопки охватили периоды и регионы ранее не исследовавшиеся или изученных недостаточно.

Благодаря раскопкам значительно пополнились фонды музея. В 1970 г. в отдельном зале открылась специальная «Золотая кладовая», где представлены лучшие образцы древней торевтики и уникальные монеты.

Учитывая все эти достижения, руководство музея (И.Т. Черняков) поставило вопрос о переподчинении музея из Министерства культуры в Академию наук. Этот вопрос был решён положительно. В 1971 г. ОАМ стал академическим учреждением (Постановление Совета Министров УССР от 25 мая 1971 г. № 405-р и Постановление Президиума АН УССР от 7 июня 1971 г. № 707).

Значительное развитие археологии в Одессе привело к появлению в 1976 г. специального отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии АН УССР (В.Н. Станко, Т.Л. Самойлова). Его создание было обусловлено широко развернувшимися в это время т.н. новостроечными экспедициями, работавшими в зоне строительства водных каналов, других объектах народного хозяйства.

Важную роль играла также известность музея и его коллекций во всём мире. Так, в 1991 г. состоялась первая международная экспедиция со специалистами из Италии. Она проводила подводные исследования в районе о. Змеиного. В 1995 г. начала работу, которая продолжается и сегодня, совместная украинско-польская экспедиция по раскопкам древнего города Никония. С польской стороны в ней принимают участие преподаватели и студенты Университета им. Н. Коперника (г. Торунь). С 1998 г. по 1997 г. работала совместная экспедиция музея и Ягеллонского университета (г. Краков, Польша), исследовавшая городища у с. Кошары.

Так постепенно налаживалась работа и по экспедициям, и по изданиям. За счёт спонсоров было выпущено несколько сборников статей, монографий.

Состоялось несколько научных конференций — по истории и археологии Нижнего Поднестровья (1991, 1995), 40-летия раскопок Никония (1997 г.), памяти профессора П.О. Карышковского (1991, 1996, 1998, 2001, 2004, 2008 гг.), 170 лет со дня основания ООИД (2009 г.).

Профессор П.О. Карышковский (1921–1988 гг.) начинал свою деятельность в Одесском археологическом музее, но даже после своего перехода в Одесский университет не терял связи с музеем. Выдающийся нумизмат, эпиграфист публиковал множество древних памятников из собраний ОАМ, помогал его сотрудникам словом и делом.

В 1993 г. на историческом факультете ОГУ им. И.И. Мечникова организована кафедра археологии и этнологии (В.Н. Станко, Е.В. Смынтына).

Первое десятилетие нового века ознаменовалось многими этапными событиями, ещё раз подчеркнувшими ведущую роль музея в археологической жизни города. Сотрудники музея выполняют несколько научных тем и государственных программ, в результате которых изданы несколько монографий, возобновился выпуск регулярного альманаха «Материалы по археологии Северного Причерноморья».

Проведено несколько выставок, изданы книги и налажен контакт с Фондом А. Левентиса (Кипр). Этот фонд известен своей поддержкой всех форм культурной деятельности, так или иначе связанных с Кипром. Он работал в таких всемирно известных музеях как Метрополитен (Нью-Йорк, США), Лувр (Париж, Франция), Британский (Лондон, Великобритания). Подобная спонсорская помощь

была оказана и нашему музею. В результате в античных отделах полностью переоборудованы витрины, сделана экспозиция европейского уровня.

Не менее значительным событием стало проведение музеем в 2006 г. международной выставки в г. Краков (Польша), участие в выставках в Италии и Канаде.

Экспозиционная деятельность музея выразилась не только в организации и участии в выставках, но и создании новых экспозиций за его пределами. В 2008 г. на острове Змеином ОАМ (С.Б. Охотников) открыт историко-археологический музей, основную часть которого составили предметы, обнаруженные при раскопках на самом острове.

В том же 2008 г. в самом центре Одессы — на Приморском бульваре проведены охранно-реставрационные работы на поселении V–III вв. до н. э. (Е.Ф. Редина). Раскопки были законсервированы и помещены под крышу. Подобный археологический «музей под открытым небом» сооружён впервые не только в нашем городе, но и во всей Украине.

Накопленные за почти двухсотлетнюю историю музея материалы бережно сохраняются, изучаются. Они являются отдельным, особым явлением среди многих коллекционных собраний не только нашей страны, но и Европы.

Это еще раз было подчеркнуто присвоением его коллекциям статуса «Национального достояния» (Распоряжение Кабинета Министров Украины от 22.X.2008 г. № 1345-р).

Музей, отмечаящий в 2010 г. 185-летие со дня основания, не только продолжает традиции, заложенные ещё в XIX в., но и поднимает их на новый современный научный уровень, а координация ученых — различных организаций превратила Одессу в крупнейший центр археологии на юге нашей страны.

Литература

- Охотников С.Б.* 2007. Ф.П.Де-Волан и античные памятники Северного Причерноморья // Человек в истории и культуре. Одесса-Терновка. С. 500–508.
- Охотников С.Б.* 2010. Археология в Одессе. Одесса.
- Синицын М.С.* 1960. Развитие археологии в Одессе // ЗОАО Т. I (34). С.7–14.
- Тункина И.В.* 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в). СПб.
- Юревич В.Н.* 1889. Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей, 1839–1889. Одесса.
- La Ronciere M., du Jordin M.M., unter Mitarbeit von Azard M.M., Raynaud-Nguen und Vannereu M.A.* 1984. Portulane. Seekarten vom 13. bis zum 17. Jahrhundert. München.

Вклад А.С. Федоровского в развитие археологии

В.В. Скирда

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина. Украина, г. Харьков

Александр Семенович Федоровский (1885–1939) — харьковский ученый, который сделал весомый вклад в развитие различных областей знаний. Его деятельность была связана с историей (Федоровский, 1915; Федоровский, Барвинский, 1918: 226–260), краеведением (Шпітерс, 1925: 169–170), охраной памятников (Наукова... 1929: 261; Дубровский, 1930: 13, 58), музееведением (Федоровский, 1923), палеонтологией (Наукова, 1928: 171–172). Однако делом всей его жизни стали геология и археология (Захарченко, 1940; ГАХО. Ф.Р–2792. Оп. 4. Д. 277 Л. 4–5).

К большому сожалению, к изучению научного наследия А.С. Федоровского исследователи стали обращаться только в 90-х гг. прошлого столетия (Латуха, 1991; Скирда, 1995; Скирда 1996; Маньковська, 1996; Скирда, 2002). Такое положение было вызвано тем, что ученый в 1934 г. стал жертвой сталинских репрессий (ГАХО. Ф.Р–2792. Оп. 4. Д. 277 Л. 9–14).

Археология заинтересовала А.С. Федоровского еще в студенческие годы. Будучи студентом 1-го курса Харьковского университета, он в 1904 г. выступил на заседании ХИФО с докладом о неолитических стоянках в районе г. Чугуева, которые были ним самостоятельно исследованы (НА ИА НАНУ. Ф. 3. Д. 53. Л.1; ЦГАВОУ. Ф. 166. Оп. 12. Д. 7966. Л. 3). В 1906 г. А.С. Федоровский совместно с П.П. Ефименко были удостоены премии им. А.А. Потебни за составление библиографии по археологии и этнографии Харьковщины (Отчет, 1907: 136–137). В преддверии XIV АС студент А.С. Федоровский набирается опыта под руководством Д.Я. Самоквасова, принимая участие в раскопках северянских курганов на Черниговщине (Маньковська, 1996: 59) На выставке этого съезда были представлены предметы с неолитических стоянок, собранные молодым исследователем возле сел Кочеток и Малиновка на Харьковщине (Католог, 1908: 2–4; Рудинський, 1927: 266).

В 1911 г., уже будучи смотрителем геологического кабинета Харьковского университета, А.С. Федоровский провел свои первые раскопки, в ходе которых им было исследовано 11 катакомб на Верхнесалтовском могильнике. Среди этих захоронений впервые была обнаружена катакомба, в которой вместе с двумя покойниками была захоронена лошадь. В отличие от предыдущих исследователей памятника, он первым отметил, что не смотря на большое количество материалов данного могильника, сходных с материалами катакомбных могильников Северного Кавказа, их нельзя считать полностью тождественными. А.С. Федоровский выражал сомнение и относительно принадлежности Верхнесалтовского могильника хазарам. Проанализировав керамику данного археологического комплекса, ученый выделил 4 ее вида (салтовская, присущая погребениям со скорченными костяками X–XI вв., позднекочевническая и украинская XVII–XVIII вв.) (Федоровский, 1912; Федоровский, 1914). В это же время А.С. Федоровский работал над созданием основательного труда по каменному веку Украины, которая, к сожалению, осталась не изданной (НА ИА НАНУ. Ф. А. Д. В/4257; Ф.7. Д.25).

Изучая геологию Кубанской области в 1912 г., А.С. Федоровский обращал внимание и на археологические памятники этого региона. В частности, он отмечал наличие в долине рек Большой и Малый Зеленчук значительное количество курганных групп, четырех могильников с захоронениями в каменных ящиках и остатков византийского монастыря (Федоровский, 1913)

В 1914 г. А.С. Федоровский на средства физико-математического факультета был командирован в Брюссель для изучения палеонтологической коллекции Музея естественной истории. Параллельно исследователь изучал и археологические материалы каменного века данного музея и Сен-Жерменского музея в Париже (Федоровский, 1914).

С целью ознакомления студентов с методикой проведения раскопок и пополнения археологической коллекции университетского музея в 1916 г. А.С. Федоровским было раскопано 4 кургана возле г. Волчанска. В них были обнаружены погребения, отнесенные исследователем к бронзовому веку (Федоровский, 1916; НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 13). В последствии к результатам этих раскопок проявлял интерес финский ученый А.М. Тальгрэн (НА ИА НАНУ. ВУАК. Ф. 40. Д. 485. Л. 40). Имеются сведения, что в этом же году ученый проводил исследование возле города Новочеркаска (Лунин, 1962: 12).

В 1918 г. увидела свет работа А.С. Федоровского «Доисторическое прошлое Харьковской губернии» (Федоровский, 1918). Она носила скорее не научный, а научно-популярный характер и в то время вполне могла быть использована в качестве короткого вводного курса в археологию. Ученый давал в ней

характеристику древним эпохам (с палеолита до позднего средневековья) и всем типам археологических памятников, приводя примеры характерных материалов на территории Харьковщины. Брошюра содержала большое количество фотографий и рисунков артефактов. В виду востребованности данной работы, она была переиздана под другим названием с незначительными изменениями в 1921 г. (Федоровский, 1921).

Значительный вклад в развитие археологии А.С. Федоровским был сделан во время работы его на должности директора Археологического музея, который с 1919 г. существовал в качестве структурного подразделения Харьковского университета (Шмит, 1919: 80). С этого времени и до 1936 г. ученый оставался его неизменным руководителем. Уже с 1919 г. по инициативе А.С. Федоровского в стенах музея стал проводиться научный археологический семинар, что способствовало подготовке в Харькове молодых кадров археологов, что способствовало превращению музея в центр сосредоточения археологических сил региона (Из деятельности... 1922: 151; Зайцев, Латышева, 1992: 105; Скирда, 1996). В 20-е гг. XX в. специалисты в области музейного дела считали Археологический музей в Харькове одним из лучших профильных музеев в СССР, а работа его директора ставилась в пример другим руководителям (Дубровский, 1929: 16, 28). В последние годы традиция проведения научного семинара получила свое продолжение в виде проведения семинара им. А.С. Федоровского в МАЭСУ при Харьковском университете.

О существовании древних разработок меди в Донецком бассейне было известно еще со второй половины XIX в. (Открытие, 1865). Однако длительное время данный вопрос не находил своего развития в научной литературе. Этот пробел попытался заполнить А.С. Федоровский. В 1921 г. ученым была опубликована работа, в которой на основании имеющихся данных о древних разработках меди и находках изделий изготовленных из этого металла и бронзы, была предпринята первая попытка охарактеризовать хозяйственную деятельность населения Донецкого региона во II тыс. до н.е. Проанализировав имеющиеся на тот период времени данные, исследователь пришел к выводу о том, что древние разработки меди связаны с носителями катакомбной культуры (Федоровский, 1921а). Работу в этом направлении ученый продолжал и в дальнейшем (Археологическая... 1928).

В начале 20-х годов А.С. Федоровский вел активную разведочную и раскопчную работу, привлекая к ней участников музейного семинара. В основном эта деятельность велась на территории Харьковщины. В это время ученым были исследованы дюны близ станции Основа на речках Уды и Лопань, где были собраны материалы периодов мезолита, неолита, бронзового и железного веков, а также произведена разведка на Донецком городище. Также были произведены раскопки «погребений со скорченными костяками» в Змиеве, скифских курганов возле пос. Липовая Роща и катакомбных захоронений в Верхнем Салтове (Археологический... 1922; Научная... 1922: 393; Федоровский, 1923-а: 190). В 1921 г. А.С. Федоровский обратился к исследованию памятников черняховской культуры, когда в Богодуховском районе было случайно открыто погребение ее носителей. В 1922 г. керамика данной культуры была обнаружена исследователем в районе самого г. Богодухова (Федоровский, 1926: 47). Затем на протяжении 1926–1931 гг. путем разведок А.С. Федоровским был обнаружен ряд памятников черняховской культуры в Змиевском районе на берегах Северского Донца и его притока р. Гомольши и в верховьях р. Мжи на территории Валковского района (Луцкевич, 1948: 169–170). Кроме того, ученым на территории Харьковского района в 1926 г. был открыт могильник «полей погребальных урн» (Федоровский, 1926а: 91). Данные работы уже в 1927 г. позволили А.С. Федоровскому отметить факт распространения «культуры полей погребений» помимо Волыни и Киевщины, на Полтавщине и Харьковщине, что по мнению современных исследователей, является первым концептуальным положением о развитии черняховской культуры в днепро-донецком междуречье (Федоровский, 1927: 71; Любичев, 2000: 26). В 1922–23 гг. исследователем были проведены значительные археологические работы в районе г. Изюма. Он исследовал Цареборисовское городище относящееся по современной археологической периодизации к казацкому этапу, позднечетвертичные погребения и открыл ряд стоянок неолитического периода (Федоровский, 1923; Сибилев, 1926: 4). Важно отметить, что А.С. Федоровский в период после XII Археологического съезда и до начала 30-х гг. XX в. оставался фактически единственным исследователем как памятников каменного века (Спицин, 1927: 258) так и древностей Изюмщины в целом (Ден-ко, 1927: 221). Практические знания приобретенные во время изучения памятников каменного, позволили харьковскому ученому сделать ряд критических замечаний в рецензии на работу известного археолога Ю.В. Готье «Развитие техники и первобытные времена» (Федоровский, 1923а). Ученый проводил исследования и за пределами Харьковской области. Занимаясь подготовкой статьи о половецких каменных бабах (НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 10) А.С. Федоровский отправился в Асканию-Нова, где параллельно произвел раскопки кургана, содержащего позднее татарское погребение с конем (Научная, 1922: 393). Эти раскопки, вероятно, вы-

звали неподдельный интерес ученого к золотоордынскому периоду нашей истории, что вылилось в написание А.С. Федоровским статьи о малоизученных статуэтках монгольских онгонов данного периода, находящихся в коллекции Харьковского археологического музея еще со времен XII Археологического съезда (Федоровский, 1922). Он разрабатывал данную тематику и в дальнейшем, собирая данные и производя раскопки памятников золотоордынского периода (НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 8–24; Дубровський, 1930: 60). Со своими достижениями он неоднократно выступал на научных конференциях (Федоровський, 1928; Ряппо, 1928: 29,37,40; Хроніка... 1928: 326, 328; Археологіческая... 1928).

На протяжении 1924–1925 гг. внимание А.С. Федоровского привлекли материалы Мартыновского клада. Ученый попытался найти аналогии вещам из этого клада среди находок VI–VII ст. не только на территории Украины, а и в Швеции, Палестине и на Кипре (НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 1–6).

Планомерные работы по археологическому изучению Харьковщины проводимые А.С. Федоровским и его учениками (Федоровський, 1926: 45–48; Федоровський, 1926а: 91–92) в итоге вылились в создание ученым одной из наиболее важных его работ в области археологии «Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних», которая увидела свет в 1927 г. (Федоровський, 1927). В основу этой работы было положено более раннее издание 1923 г. (Федоровський, 1923). Работа начиналась с характеристики основных археологических эпох и народов, известных по письменным источникам, которые он связывал с определенными археологическими памятниками (Федоровський, 1927: 7–33). Вторым разделом были приведены и проанализированы различные категории археологических памятников (Федоровський, 1927: 34–96). Остальные три раздела включали в себя программы для регистрации и описания археологических памятников, инструкции для сбора подъемного материала и технические указания по проведению раскопок, разведок и ведению полевой документации (Федоровський, 1927: 97–130). Важным достоинством работы является наличие большого количества иллюстративного материала, представленного рисунками и фотографиями вещей различных эпох, а также планов археологических памятников. Свидетельством важности данной работы для развития археологии в Украине в этот период времени является тот факт, что ее рукопись изучали члены ВУАК М.Я. Рудинский и П.П. Куринной (НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 36. Л. 3).

Проводились А.С. Федоровским работы и непосредственно на территории г. Харькова. В результате исследований, проведенных ученым (летом 1928 г.) во время прокладки трамвайной линии на пл. Р. Люксембург, им были выявлены остатки могильника VIII–X вв. с погребениями в деревянных колодах (скорее всего салтовской культуры — В.С.), а также остатки культурных слоев XII и XVII–XVIII вв. (Федоровський, 1928а; НА ИА НАНУ. Ф. 3. Д. 54).

В 1927 г. А.С. Федоровский принимал активное участие в экспедиции под руководством Д.И. Яворницкого в зоне, подлежавшей затоплению в ходе строительства Днепрогэса (Козловська, 1930: 12; НА ИА НАНУ. ВУАК. Д. 116/44). В этом же году ученый публикует работу по истории Ольвии и ее раскопок (Федоровський, 1927а).

Учитывая, что главная работа Секции научно-исследовательской кафедры географии и антропологии в Харькове, в состав которой входил А.С. Федоровский, была направлена на изучение городищ Харьковщины, ученый решил сосредоточить свое внимание на городищах славян (Археологіческая, 1928). В связи с этим в 1926–1930 гг. он исследовал Донецкое городище. Раскопки были проведены как непосредственно на самом городище, так и на прилегающих к нему селище и могильнике. В культурном слое городища и селища, датированном ученым XI–XII вв., было выявлено большое количество (типично славянских) артефактов, а также материалы позволяющие говорить о присутствии на памятнике половцев. Из наиболее интересных комплексов, следует отметить находку двух гончарных горнов и небольшой мастерской по изготовлению изделий из оленьего рога. На могильнике было раскопано 15 погребений. Однако А.С. Федоровским были опубликованы только поселенческие материалы (Федоровський, 1930, Федоровський, 1930а, Наукова, 1930: 204; Хроніка, 1930: 374, 378). Что касается планов раскопок городища, селища и могильника, а также материалов с последнего, то они остались неопубликованными (НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 12). Вероятно, в связи с раскопками данного памятника интерес А.С. Федоровского был обращен на проблему технологии изготовления шиферных пряслиц, происходящих из района Овруча (Федоровський, 1926а: 91; НА ИА НАНУ. Ф. 7. Д. 11).

В 1930 г. А.С. Федоровский публикует свою работу «Майдани Харківщини та майданові теорії» (Федоровський, 1930б). Автором работы были использованы сведения о более чем 200 майданах Харьковщины, рассмотрена этимология слова «майдан», а также теории различных исследователей о происхождении данного вида памятников, однако своего мнения по данному вопросу ученый не высказывал. Это была последняя работа харьковского ученого, увидевшая свет. Достоверно известно, что

А.С. Федоровский руководил в 1933–1934 гг. работой по подготовке к печати сборника «Вопросы ремесла периода феодализма на Украине» (НА ИА НАНУ. ВУАК. Д. 437. Л. 36), а также готовил работу о взаимоотношении славян и кочевников в период средневековья (НА ИА НАНУ. ВУАК. Д. 459. Л. 31; Д. 537. Л. 3, 6). Скорее всего данные работы не были опубликованы в связи с увольнением ученого в феврале месяце 1934 г. из университета как представителя буржуазной методологии, который протаскивал ее в археологические работы Института материальной культуры, где он являлся помощником директора института, а также способствовал созданию в этом учреждении «контрреволюционного гнезда» (ГАХО. Ф.Р–2792. Оп. 4. Д. 277. Л. 9). Одной из причин повлекших это увольнение, вероятно, была и научная командировка А.С. Федоровского в Германию и Великобританию в 1929 г. (ГАХО. Ф.Р–2792. Оп. 4. Д. 277 Л. 1; Хроніка... 1928а: 257). После увольнения А.С. Федоровский неоднократно предпринимал попытки к восстановлению его в должности профессора Харьковского университета, но безуспешно. Единственное, что удалось ученому, устроится на работу на кафедру геологии в Харьковский пединститут (ГАХО. Ф.Р–2792. Оп. 4. Д. 277 Л. 10–15).

Подводя итог, следует отметить, что А.С. Федоровский внес значительный вклад в развитие отечественной археологии в целом и особенно в ее развитие на Харьковщине. Ученый занимался исследованием памятников различных эпох, начиная с палеолита и заканчивая золотоордынским периодом. Особенно следует отметить его работы по обобщению материалов полученных во время исследования памятников Харьковщины и методике проведения археологических исследований.

Литература

- Археологическая Секция Научно-исследовательской кафедры географии и антропологии в Харькове. 1928. // Человек. № 1. С. 102.
- Археологический семинар при Харьковском Археологическом музее. 1922. // Наука на Украине. № 2. С. 151.
- Ден-ко В. 1927. Изюмський музей та його стародавності // Червоний шлях. № 9–10. С. 221–224.
- Дубровський В. 1930. Исторично-культурні заповідники та пам'ятки України. Харків.
- Дубровський В.В. 1929. Музеї на Україні. Харків.
- Зайцев Б.П., Латышева В.А. 1992. Археологический музей Харьковского университета // Вестник ХГУ. № 362. История. Вып. 25. С. 103–110.
- Захарченко Г.М. 1940. Професор О.С. Федоровський. (Некролог) // Наукові записки Харківського Державного пединституту. Т. 4. С. 1–5.
- Каталог выставки XIV АС в г. Чернигове. 1908. Чернигов.
- Козловська В. 1930. Археологічні дослідження на території Дніпрельстану // Хроніка археології та мистецтва. К. Ч. 1. С. 11–20.
- Латуха Т.И. 1991. Формирование археологической научной школы на Украине. А.С. Федоровский (1885–1939) // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Полтава. Ч. 2. С. 24–26.
- Лукин В.Б. 1962. Археологическое изучение Подонья-Приазовья в дореволюционные и довоенные годы // Археологические раскопки на Дону. Ростов. С. 5–21.
- Луцькевич І. 1948. Матеріали до карти поширення культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. Т. 2. С. 158–172.
- Любичев М.В. 2000. Черняховская культура днепро-донецкой лесостепи: история исследований и основные проблемы изучения. Харьков.
- Маньковська Р.В. 1996. О. Федоровський та його вклад в пам'яткоохоронну та музейну справу // Історія України: маловідомі імена, події, факти. К. С. 57–69.
- Наукова хроніка. 1928. // Червоний шлях. № 8. С. 169–173.
- Наукова хроніка. 1929. // Червоний шлях. № 5–6. С. 259–262.
- Наукова хроніка. 1930. // Червоний шлях. № 3. С. 202–204.
- Научная жизнь на Украине. 1922 // Наука на Украине. № 4. С. 361–405.
- Открытие медной руды с древнейшими разработками в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. 1865. // Горный журнал. Кн. 11. С. 315–317.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1906 год. 1907. // Записки Императорского Харьковского университета. Кн. 3–4. С. 1–139.
- Рудинський М.Я. 1927. Кварцитові вироби в інвентарі пізньонеолітичних стайцій України // Юбілейний збірник на пошану акад. Д.І. Багалія. К. С. 263–285.
- Ряпто Я. 1928. Річний з'їзд Всеукраїнської наукової асоціації Сходознавства // Східний світ. №2. С. 27–34.
- Сибилев Н.В. 1926. Древности Изюмщины. Изюм. Вып. 2.

- Скирда В.В. 1995. Роль О.С. Федоровського у вивченні і популяризації найдавнішої історії Харківщини // Тези Всеукраїнської краєзнавчої конференції. Харків. С. 55–57.
- Скирда В.В. 1996. Харківський археологічний музей під керівництвом О.С. Федоровського // Другі Сумцовські читання. Харків. С. 9–11.
- Скирда В.В. 2002. Исследования А.С. Федоровского в области археологии // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.). Тирасполь. С. 397–400.
- Спицин А.А. 1927 Південно-руський неоліт // Юбілейний збірник на пошану акад. Д.І. Багалія. К. С. 251–262.
- Федоровский А. 1912. Верхне-Салтовский камерный могильник VIII-X в. Харьков.
- Федоровский А. 1914. Отчет о заграничной командировке летом 1914 г. Харьков.
- Федоровский А. 1915. К истории города Харькова. Харьков.
- Федоровский А.С. 1913. Археологические заметки о Кубанской области // ИАК. Вып. 47. С. 155–158.
- Федоровский А.С. 1914. Дневник раскопок Верхнее-Салтовского могильника. Харьков.
- Федоровский А.С. 1916. Археологические раскопки в окрестностях г. Волчанска. Волчанск.
- Федоровский А.С. 1918. Доисторическое прошлое Харьковской губернии. Харьков.
- Федоровский А.С. 1921. Доисторические древности в бассейне р. Донца // Известия Лисичанского музея. Т. 1. Вып. 4. С. 34–44.
- Федоровский А.С. 1921. Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне // Воронежский историко-археологический вестник. Вып. 2. С. 18–30.
- Федоровский А.С. 1922. Две бронзовые статуэтки Харьковского археологического музея // Наука на Украине. № 4. С. 286–297.
- Федоровский А.С. 1928а. Археологические раскопки в г. Харькове // Коммунист. Июль. № 1. С. 3.
- Федоровский А.С. Барвинский В.А. 1918. История края // Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния. Харьков. С. 226–260.
- Федоровський А.С. 1923. Ізюмська археологічна експедиція // Червоний шлях. № 3. С. 261–263.
- Федоровський О. 1923 а. Краєзнавча робота в Харкові і на Слобожанщині // Червоний шлях. №3. С. 186–194.
- Федоровський О. 1923а. Рец.: Проф. Ю.В. Готьє. Развитие техники и первобытные времена. Изд-во «Русский книжник». М. 1923. 58 стр., 14 рис. // Червоний шлях. № 8. С. 321–322.
- Федоровський О. 1926. Харківський археологічний музей та його науково-дослідча праця // Наука на Україні: Бюллетень Укрнауки. С. 44–48.
- Федоровський О. 1926а. Відчит Харківського археологічного музею (за час з 1/X — 1925 по 1/X — 1926 року) // Наука на Україні: Бюллетень Укрнауки. С. 90–94.
- Федоровський О. 1927. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків.
- Федоровський О. 1927а. Про історію Ольбії та її раскопок // Бюллетень Харківського наукового таворитства. № 1. С. 9.
- Федоровський О. 1928. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні // Східний світ. № 2. С. 288–289.
- Федоровський О. 1930. Археологічні розкопки в околицях Харкова // Хроніка археології та мистецтва. Київ. Ч. 1. С. 5–10.
- Федоровський О. 1930а. Розкопи Донецького городища в околицях Харкова // Україна. Кн. 1–2 (39). С. 227–231.
- Федоровський О. 1930б. Майдани Харківщини та майданові теорії // Записки ВУАК. Т. 1. С. 61–87.
- Федоровський О.С. 1923. Ізюмський музей // Червоний шлях. № 1. С. 247–250
- Хроніка: Діяльність Всеукраїнської наукової асоціації Сходознавства. 1928а // Східний світ. № 5. С. 257–258.
- Хроніка: II Всеукраїнський Сходознавчий з'їзд: Попередній звіт. 1930. // Східний світ. № 1–2 (10–11). С. 369–379.
- Хроніка: Робота ВУНАС. 1928. // Східний світ. № 3–4. С. 323–330.
- Шмит Ф.И. 1919. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков.
- Шпітерс Г. 1925. На історичному з'їзді // Червоний шлях. № 1–2. С. 145–191.

На службе археологической науке (П.С. Уварова и XII Археологический съезд в г. Харькове)

И.Н. Скирда

Харьковское училище культуры. Украина, г. Харьков

*За представительницу знаний,
За умный женский идеал,
За гордость нашего собрания,
Мы поднимаем сей бокал.
Пусть в век веков научный свет
Уваровых нас собирает,
Пусть много, очень много лет
Графиня нас объединяет...*

Мощным толчком для развития археологии на Харьковщине стал XII АС (1902 г.), инициатором проведения которого являлось МАО во главе с председателем графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой. Следует отметить, что до сегодняшнего дня роль графини П.С. Уваровой в проведении Археологического съезда в г. Харькове изучена весьма поверхностно. Попытка определить роль графини П.С. Уваровой была предпринята харьковскими исследователями Т.О. Сосновской (Сосновська, 1998: 1–4; Сосновська, 2004: 130–132), Б.П. Зайцевым и А.Ф. Парамоновым (ysadba.rider.com.ua/almanah/03/3.doc) и др.. Но следует отметить, что данные статьи, в основном, были написаны на основании Трудов XII АС и периодических изданий того времени, в то время как архивные материалы, как правило, оставались «за кадром».

Цель нашего исследования — показать вклад П.С. Уваровой в дело организации и проведения XII АС в Харькове, опираясь преимущественно на архивные материалы — фонды Государственного архива Харьковской области, Центрального Государственного исторического архива Украины г. Киева, Отдела письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы, Центрального исторического архива Москвы.

В мае 1885 г. МАО избрало П.С. Уварову своим председателем. Интересны воспоминания самой графини по этому поводу: «Думается, что члены Общества не давали себе полного отчета о том, что они могли ожидать от меня, но, боясь ответственности за бездеятельность Общества, после кипучей и многосторонней работы мужа, и не находя между собой человека свободного и работоспособного, как он, они решили, что я знакома как с техникой подготовки съездов и выставок, так и с провинциальными учеными и любителями, и что я довольно молода и предприимчива, чтобы работать по проложенной мужем тропе и что, наконец, если я окажусь неспособной, то всегда легче для них и покойнее свалить всю вину на слабую неспособную женщину» (Уварова, 2005: 159).

Исследовательница Н.Б. Стрижова в своей статье «П.С. Уварова и ее воспоминания «Былое. Давно прошедшие счастливые дни»» отмечает, что свою должность графиня «поняла как долг перед памятью мужа, перед теми, кто состоял в МАО, и приняла весь груз повседневных забот» (Стрижова, 2005: 18–19). При П.С. Уваровой был внесен ряд новаций: теперь съезды собирались не только в центрах, известных своими историческими памятниками, а и в регионах. Одним из таких стал XII АС в г. Харькове. Его проведению графиня уделила много внимания и энергии. В преддверии съезда в Харькове прошло несколько заседаний Московского предварительного комитета, на которых были определены основные направления в проведении археологических изысканий на территории Харьковской губернии. В своих воспоминаниях П.С. Уварова отмечала: «Харьков, как город, не представляет особого интереса, ни как здания, ни как личности, и потому весь интерес съезда обусловился университетом и тем профессорами, которые заинтересовались им...» (Уварова, 2005: 213). Здесь же графиня указывает на еще одну особенность Харьковского съезда: «Крайне благоприятная особенность Съезда выразилась в том энергичном и сочувственном отношении к его делу, которое проявилось в настоящем, первом за всю практику Съездов в чисто русских городах, случае Харьковское Городское общественное управление... Доброжелательное отношение к Съезду всех членов общественного и Городского управления, равно как и всего университетского персонала, не ослабело ни за все время подготовительных работ к Съезду, так и к деятельности самого Съезда, что и дало возможность Предварительному Комитету не только обследовать Харьковскую губернию, но и предпринять систематическое обследование Курской, Воронежской,

Черниговской, Полтавской, Екатеринославской губерний и даже части области Войска Донского и северной части Таврической губернии» (Уварова, 2005: 213–214).

Успешному проведению XII АС предшествовала кропотливая подготовительная работа. Первым шагом на пути к подготовке съезда в Харькове, стала организация ХПК, в отдельных заседаниях которого графиня П. С. Уварова принимала непосредственное участие. Впервые она посетила город Харьков в апреле 1900 г. Это событие было освещено в местных средствах массовой информации (ЮК, 1900, 15 марта; ЮК, 1900, 26 апр.; ХГВ, 1900, 29 апр.), в протоколах заседаний ХПК (Протоколы, 1902: 39–44), а так же нашло отражение в личных заметках П. С. Уваровой: «26 Апреля в 8 часов вечера, в Актовом зале Университета состоялось заседание Предварительного Комитета... и Филологического общества в присутствии губернатора и остальных властей. Народу собралось много. Багaley изложил программу действий, живую, увлекательную, но — может быть — слишком обширную. Я чувствовала себя весь день плохо, сильный кашель мешал мне говорить... Интерес к Съезду имеется; многие собираются работать; что-то Бог даст?!.. Собирались и потом несколько раз; выработаны... программы по собиранию сведений; предложены и намечены экскурсии и раскопки. Предложено открыть Предварительные комитеты в Новочеркасске и Екатеринодаре...» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 435. Л. 4–6).

Следующий визит в Харьков П. С. Уварова нанесла в сентябре–ноябре 1901 г. Это событие также не осталось без внимания местной прессы (ХГВ, 1901, 23 сент.; ХГВ, 1901, 10 нояб., ЮК, 1901, 10 нояб.). В ходе этого визита пришлось решать не только научные, но и ряд организационных вопросов. Графиня П. С. Уварова по этому поводу в своих заметках оставила следующую запись: «20 Сентября в 12 часов дня выехала из Москвы и на другой день... была в Харькове...; весь день был посвящен беготне по землям и аудиториям Университета с целью подыскать удобные помещения под заседания Съезда и Выставку. Осмотрели также с ректором Лагенмарком новооткрытое общежитие для студентов, где думаем поместить часть Членов Археологического Съезда... Аудитории университетские довольно малы и тесны, но делать нечего. К ним привлечены и две Библиотечные залы в новом здании Библиотеки рядом с университетской церковью» (ОПИ ГИМ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 435. Л. 11). 10 ноября 1901 г. состоялось 16 заседание ХПК под почетным председательством П. С. Уваровой, на котором графиня выразила надежду на то, что комитету придет на помощь Харьковский университет, Харьковское городское общественное управление, губернское земство и губернское управление: первые — в устройстве выставок, а последние — в печатании каталога выставок; графиня обещала содействие и помощь комитету со стороны МАО, которое кроме материальной помощи, брало на себя обязательство издать работы Б. С. Познанского «О малороссийской одежде» и Левицкого «О древностях Путивля» (Протоколы, 1902: 265). Подводя итог своему визиту в г. Харьков графиня писала: «В этом году деятели харьковские раскачались и работали усердно и удачно» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 435. Л. 11). Но не все шло так быстро и гладко, как планировала графиня. В это время очень сильно волновал вопрос об организации выставки при съезде. Этому вопросу даже было посвящено специальное заседание комиссии по организации выставок, которое состоялось 11 ноября 1901 г. (Протоколы, 1902: 348) П. С. Уварова приняла самое деятельное участие в ее работе. В своих записях графиня нарекала на деятельность харьковских ученых: «проф. Н. Ф. Сумцов и А. Н. Крымов хлопочут об Этнографической выставке при Съезде с расчетом, что выставка эта послужит основанием будущего Этнографического Музея при Харьковском Университете, но вместе с тем и не смотря на то, что на составление коллекции израсходовано 2000 руб. полученных от Комитета, когда дело дошло до вопроса о составлении каталога для выставки — то никто за нее не хочет принятьсь... В том же положении находится и устройство Выставки Первобытных древностей. Занимались раскопками Гродоцов, Багaley, Трефильев, Мельник, Покровский и Данилевич, но никто из них не может или не хочет заняться Выставкой... Егор Кузьмич Редин, единственный человек, всецело преданный делу...» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 435. Л. 11). Необходимо отметить, что благодаря усердиям харьковских ученых, а возможно и такой критике П. С. Уваровой, выставка при Съезде была организована на самом высоком уровне, о чем свидетельствовали многочисленные положительные отзывы как самих членов съезда, так и рядовых харьковчан, посетивших ее (Скирда, 2002: 46–55).

В июне 1902 года П. С. Уварова снова в Харькове (ЮК., 1902, 18 июня). Под ее председательством проходит последнее 24 заседание ХПК, которое состоялось 13 июня и расставило все точки над «i» в деле организации и проведения XII АС, были оговорены вопросы об организации экскурсий во время работы съезда (Протоколы, 1902: 449; ЮК, 1902, 18 июня).

В период между посещениями г. Харькова П. С. Уварова вела активную деловую переписку с организаторами и участниками съезда — Д. И. Багалеем, Ф. Н. Сумцовым, В. А. Городцовым, Е. К. Рединым и многими другими (ДАХО. Ф. 3. Оп. 283. Д. 68; Ф. 45. Оп. 1. Д. 2497; Ф. 304. Оп. 1. Д. 463; ЦГИА Украины

в Киеве. Ф. 2054. Оп. 1, 2. Ф. 2017. Оп. 1; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 632). Изучение архивных материалов дает представление о том, сколько вопросов одновременно Прасковья Сергеевна должна была держать под своим контролем, сколько трудов и усилий приложила в для организации и проведения XII АС.

Несомненно, что одним из главных направлений в деле организации и проведении съезда в Харькове была организация археологических раскопок. Их вели В.А. Городцов, В.Е. Данилевич, Е.Н. Мельник, А.М. Покровский, Д.И. Багалеи, В.А. Бабенко. Необходимо отметить, что именно благодаря настоятельным убеждениям П.С. Уваровой, В.А. Городцов сосредоточил свое внимание на изучении археологических памятников в Изюмском уезде Харьковской губернии. Материалы, полученные в ходе раскопок курганных захоронений, позволили ученому выделить 3 новых археологических культуры периода энеолита-бронзы (ямную, катакомбную и срубную) (Городцов, 1905: 174–225). Сама графиня также принимала участие в раскопках. Ею было исследовано 2 катакомбы на вновь открытом Верхнесалтовском могильнике (Покровский, 1905: 479–491; Скирда, 2000: 119). Незадолго до открытия съезда в июне 1902 г. П.С.Уварова и приват-доцент Харьковского университета В.Е. Данилевич осмотрели Донецкое городище и провели небольшие разведочные работы на прилегающем к нему селище. Во время работы съезда П.С. Уварова принимала участие в раскопках в ходе экскурсий на Донецкое городище и в имении П.И. Харитоненка близ с. Ницахи (Известия... 1902: 61, 205)

Важным вопросом, без которого, проведение XII АС было бы фактически невозможным, был вопрос о финансировании. Его разрешением также занималась П.С. Уварова. Эта проблема нашла частичное отражение в средства массовой информации (ЮК, 1900, 18 дек.; ЮК, 1901, 8 нояб.). В Центральном историческом архиве Москвы находится «Отчет в израсходовании сумм, ассигнованных Харьковскому Предварительному комитету Императорским Московским археологическим обществом» (ЦГИМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 283), по материалом которого можно составить представление о том каким образом велось финансирование съезда в Харькове.

Еще один непростой, на тот период времени вопрос, который пришлось решать графине П.С. Уваровой — это вопрос, связанный с участием в работе съезда галицких ученых. Пытаясь решить эту проблему графиня фактически оказалась «под двойным огнем»: с одной стороны ее обвиняли в «либеральничании, враждебном интересам русских» (письмо из архива Уваровых, подпись под которым не разборчива, предположительно одного из галицких москвофилов) (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 632, Л. 481), а с другой — позиция Научного общества им. Т. Шевченко, которое заявило о том, что его члены могут поехать на съезд только при условии официального приглашения на имя Научного общества. Такое приглашение было отправлено на имя одного из членов общества К. Студинского. 12 июля этот вопрос был вынесен на специальное общее заседание всех секций Научного общества им. Шевченка. Его члены поддержали своего Председателя в том что «не личить їхати на з'їзд», если приглашение не поступило на имя Научного Общества (ЦГИА Украины во Львове. Ф. 309. Оп.1 Д. 42. Л. 43–44). Сам же К. Студинский в своем письме к П.С.Уваровой, оправдывая свое отсутствие на съезде писал следующее: «должен заметить, что мы читали § 29 правил съезда, в котором сказано, что на съезде можно будет предлагать рефераты на всех славянских наречиях, но печальный опыт предыдущего съезда в Киеве, не дал нам уверенности, что и на этот раз рефераты на нашем родном языке не будут допущены». В результате, галицкие ученые на съезд так и не прибыли, а конфликт получил достаточно громкий резонанс в средствах массовой информации (КС, 1902: 36–39). По мнению исследовательницы О. Сапеляк, такая позиция Научного Общества им. Т. Шевченко была вызвана тем, что речь шла не о предоставлении отдельных научных работ или достижений, а о презентации Общества, т. е. признании украинской научной институции, а тем самым и украинской науки в целом (Сапеляк, 2000: 190–191).

Во время проведения XII АС графиню П.С. Уварову было избрано его Председателем. На открытии съезда графиня выступила с отчетом о деятельности Московского предварительного комитета по подготовке съезда в Харькове (Известия, 1902: 18–21). Из отчета видно насколько масштабными были работы, проведенные к XII АС. В поле его исследований попали Харьковская, Курская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская, часть Таврической губерний и областей Донской и Кубанской, были собраны предметы старины, характеризующие историческое прошлое «Старой Малороссии, Слободской Украины, Запорожья и их наследников: Новороссии, Войска Донского и Кубанского», организованы экспедиции для изучения церковных и этнографических древностей. Исследователи-археологи занимались изучением различных памятников, среди которых особое внимание уделялось погребениям средневековых кочевников, была составлена археологическая карта Харьковской губернии.

27 августа, в день закрытия XII АС П.С. Уварова подвела итоги работы съезда: «XII Археологический съезд может считаться вполне удавшимся. Он положил начало исследованию «Половецкой степи», совмест-

ная работа Московского Археологического Общества и Харьковского предварительного комитета привлекла новых работников по археологии; благодаря Съезду положено начало археологическому и этнографическому музеям при Харьковском университете». (Известия, 1902: 233)

Письмо П.С. Уваровой от 31 августа 1902 г. в ХИФО свидетельствовало о том, что не смотря на все переживания графини, XII АС оправдал все ее ожидания и даже превзошел их: *«Императорское Московское Археологическое Общество под живым впечатлением только, что закончившихся блестящих трудов и занятий XII Археологического съезда, поставляет себе в особо приятный долг высказать... всю свою глубокую благодарность за то истинно просвещенное содействие научным целям и задачам Съезда,... благодаря чему результаты занятий съезда уже теперь не могут не назваться блестящими и плодотворными в научном отношении»* (ЦГИА Украины в Киеве. Ф. 2017, Оп. 1, Д. 372; ЮК, 1902, 5 сент.).

Казалось, что на этом можно было бы поставить точку в вопросе проведения и подготовки XII АС, но после окончания его работы П.С. Уваровой пришлось решать еще ряд важнейших задач: издание Трудов съезда (Труды, 1905), поддержка харьковских ученых в деле создания этнографического музея в Харькове и выделение средств на постройку здания Университетского музея (ОПИ ГИМ Ф.17. Оп. 1. Д. 632. Л.88, 89, 430), разрешение вопроса о покровительстве кобзарям и лирникам (по этому поводу графиня вела переписку с министром внутренних дел В.К. Плеве) (ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 632. Л. 76, 80) и др.. Но особенно тяжелым оказался вопрос о дальнейшей судьбе церковных древностей. В семейном архиве Уваровых, хранящийся в ОПИ ГИМ, имеется интересное дело под названием «По интригам Н.В. Покровского и Харьковского духовенства против Музея Харьковского университета». Суть конфликта заключалась в том, что архиепископ Харьковский и Ахтырский Флавий, по наущению Н.В. Покровского, решил воспользоваться результатами работы Е.К. Редина и ХПК по организации отдела церковных древностей выставки при XII АС. 28 октября 1902 г. он направил на имя ректора Харьковского университета Н. Куплеваского письмо следующего содержания: *«Мысль об учреждении в г. Харькове Епархиального церковно-археологического Музея близка к осуществлению ... Доводя об этом до сведения Вашего... честь имею просить Вас сделать надлежащее распоряжение о передаче... всех бывших на археологической выставке вещей и предметов»* (ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 632. Л. 17). С такой позицией церковного руководства не согласились члены ХПК, и прежде всего Е.К. Редин, приложивший огромные усилия для сбора церковных древностей. Последний, будучи заведующим Музея древностей и изящных искусств Харьковского университета, хотел сохранить церковные древности для коллекции упомянутого музея. Так как ректор университета поддержал архиепископа Флавия, то Е.К. Редин и его единомышленники по этому вопросу обратились за покровительством к П.С. Уваровой. Графиня незамедлительно взялась отстаивать интересы университетского музея, мотивируя тем, что отдел выставки церковных древностей был создан на средства МАО. Графиня вела длительную переписку с руководством харьковского духовенства, с ректором университета и другими людьми, способными повлиять на разрешение данного вопроса (ОПИ ГИМ. Ф.17. Оп. 1. Д. 632. Л. 20, 31, 42 и др.). К сожалению, полностью решить этот вопрос в пользу университетского музея не удалось, и большинство вещей Е.К. Редин вернул их прежним владельцам. Что же касается Епархиального церковно-археологического Музея в Харькове, он так и не был создан, в силу отсутствия специалистов.

Подводя итог всему выше сказанному, следует отметить весомый вклад графини П.С. Уваровой в дело подготовки и проведения XII АС в Харькове. Ее деятельность способствовала дальнейшему процессу профессионализации и институализации исторической науки в регионе, расширению направлений и тематики научных исследований, аккумуляции научного потенциала не только в центре, но и на периферии, исследованию исторического нарратива. Следует отметить, что исследование истории региона и актуализация региональной истории в целом способствовали пробуждению интереса к национальной истории. Во многом благодаря активной деятельности графини П.С. Уваровой, съезд стал тем коммуникационным центром, который гармонично объединил профессиональный и аматорский дискурс, вовлекая в научную работу новые кадры, популяризируя науку в целом.

Литература

- Городцов В.А. 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. М. Т. 1. С. 174–225.
Еще по поводу участия галицких ученых в археологическом съезде // КС. 1902. Октябрь. С. 36–39.
Зайцев Б.П., Парамонов А.Ф. Графиня П.С. Уварова — председатель XII Археологического съезда // usadba.rider.com.ua/almanah/03/3.doc

- Известия XII Археологического съезда в Харькове, 15–17 августа 1902 г. X., 1902.
- К археологическому съезду в Харькове // ХГВ. 1900. 29 апреля
- К археологическому съезду: О приезде в Харьков графини П.С. Уваровой // ЮК. 1901. 10 ноября
- К предстоящему археологическому съезду // ЮК. 1901. 8 ноября
- К XII археологическому съезду в Харькове // ЮК. 1900. 18 декабря
- Местная хроника // ЮК. 1902. 5 сентября
- О предстоящем в марте приезде в Харьков графини П.С. Уваровой // ЮК. 1900. 15 марта
- О приезде в Харьков 21 сентября графини П.С. Уваровой // ХГВ. 1901. 23 сентября
- Покровский А.М.* 1905. Дневник раскопок // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. Т.1. С.479–491.
- Приезд в Харьков графини П.С. Уваровой // ХГВ. 1901. 10 ноября
- Приезд в Харьков графини П.С. Уваровой // ЮК. 1900. 26 апреля
- Протоколы заседаний Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда 1902 // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. X. Т. 1.
- Сапляк О.* 2000. Етнографічні студії в науковому товаристві ім. Шевченка. Львів.
- Скирда В.В.* 2000. Археологічна наука у Харківському університеті (1805–1920 рр.). Дис... канд. іст. наук. X. (На правах рукопису)
- Скирда І.М.* 2004. Виставка XII Археологічного з'їзду у Харкові: організація та проведення // Південний архів (історичні науки). Херсон. Вип. XIV. С. 46–55
- Сосновська Т.О.* 1998. П.С. Уварова і XII Археологічний з'їзд // Треті Сумцовські читання. X. С. 1–4
- Сосновська Т.О.* 2004. Дослідники Слобожанщини: П.С. Уварові // Культурна спадщина Слобожанщини: Історія та краєзнавство. X. С. 130–132
- Стрижова Н.Б.* 2005. П.С. Уварова и ее воспоминания «Былое. Давно прошедшие счастливые дни»... // Труды ГИМ. М. Вып. 144. С. 10–27.
- Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове в 1902 г. 1905. М.
- Уварова П.С.* 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. М. Вып. 144.

П.С. Уварова как организатор археологических съездов на Украине

А.С. Смирнов

Институт археологии РАН. Россия. г. Москва

В вопросах организации науки роль личности чрезвычайно высока. Характер этой личности неизбежно сказывался на процессе проведения различных мероприятий, в том числе и Русских археологических съездов. Большинство этих съездов проводилось под непосредственным руководством графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, личности яркой, с сильным характером и ясными, непоколебимыми убеждениями.

Начиная с первого непосредственно руководимого ей съезда — Ярославского (1887 г.) графиня со своейственной ей энергией начинает донимать своими письмами Министерство просвещения и Министерство внутренних дел, всячески активизируя их действия по утверждению очередных съездов и попрекая нерасторопностью. Судя по реакции чиновников, претензии П.С. Уваровой не всегда были справедливы. Дело кончилось тем, что власти стали посылать ей бумаги на дом при помощи чинов полиции, которые под расписку вручали документы графине. Эта ситуация характерна для Уваровой — какое-либо мнение или отношение к кому либо, сформировавшееся у графини, изменить было трудно, практически невозможно. Если она считала себя правой — то шла до конца. И это справедливо не только по отношению к ее научно-организационной деятельности, а к ее жизненной позиции в целом (Смирнов, 2009).

В процессе организации съездов П.С. Уваровой приходилось проявлять достаточную дипломатичность в отношениях с имперскими бюрократическими структурами, контролировавшими проведение этих научных форумов. С одной стороны, она стремилась в своих действиях соответствовать существовавшим в империи правилам проведения подобных мероприятий, чтобы не вызывать ненужного раздражения высших чиновников. Притом, что эти правила были весьма бюрократизированы и предполагали скрупулезный контроль за организацией и проведением съездов.

С другой стороны, бюрократические измышления чиновников нередко ставили под угрозу саму возможность проведения съездов, что требовало от графини активного противодействия требованиям, формулировавшимся авторами различных министерских циркуляров. В части различных ограничений, предъявляемым организаторам съездов, особенно усердствовали местные власти, опасавшиеся провиниться перед Санкт-Петербургом. Надо было обладать недюжинным дипломатическим талантом и организаторскими способностями, чтобы удовлетворять этим, нередко взаимоисключающим требованиям. И при этом сохранить научный характер съездов.

Эта задача многие годы лежала на плечах графини П.С. Уваровой. Именно после смерти ее супруга политико-идеологическая составляющая в организации съездов стала проявляться особенно явно. Это явление объясняется не только личностью Прасковьи Сергеевны, но и изменениями идеологической доктрины императорской династии, в царствование Александра III поставившей по главу внутренней политики консолидацию этнического ядра империи — русской народности. По официальной трактовке понятием «русский» обозначались одновременно и великороссы, и малороссы, и белорусы. Они интерпретировались как племена единого русского народа. Попытки создания иных видов национальной идентичности внутри этого единства, придания какому-либо национальному «диалекту» статуса самостоятельного языка приобретали характер покушения на основу государственной национальной системы. Значительная часть российского научного сообщества, в том числе и П.С. Уварова, во многом разделяли подобные идеологические каноны.

На примере проведения археологических съездов в Юго-Западном крае постараемся проанализировать действия их постоянной председательницы. В чем она упорно отстаивала интересы археологической корпорации, а в чем руководствовалась государственными установлениями.

Правительство в Юго-Западном крае в годы первых археологических съездов боролось, главным образом, с польским влиянием. Отзвуки этого противостояния проявилось на III-м археологическом съезде (1874 г.), первом из двух съездов, прошедших в Киеве. В дни работы съезда польская газета «Познанский дневник», напечатала корреспонденцию, в которой утверждалось, что «свершился факт громадной важности для нас, Ваш представитель¹ читал публично лекцию о польской археологии на польском языке...

¹ Речь шла о Зигмунде Дзяловском (1843–1878), депутате III-го АС от Познанского общества любителей науки.

бросая публично вызов всему русскому ученому миру». Корреспондент утверждал, что дискуссия по докладу также происходила на польском языке. Чтобы понять интригу этого события, надо помнить, что употребление польского языка в пределах Западного края¹ считалось правонарушением. На польском языке можно было говорить в Царстве Польском, в центральных губерниях, но не на территории Западного края.

Об этом вопиющем событии было доложено в Третье отделение Его императорского величества канцелярии, что вызвало поток секретной переписки этого ведомства с киевским генерал-губернатором А.М. Дондуковым-Корсаковым. Генерал-губернатор утверждал, что никакой дискуссии на польском языке не было, а «познанская газета старается придать важное политическое значение чтению Дзяловским своего реферата на польском языке, но рассуждения этой газеты, преследующей, конечно, свои цели, очевидно неосновательны» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 17. Л. 22–22об.). Этому событию придавалось столь важное значение, что о нем доложили самому императору Александру II, который ознакомившись с делом, начертал на докладе генерал-губернатора: «Весьма рад, что сведения, сообщенные познанскую газетою, не подтвердились» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 17. Л. 24).

Не исключено, что на съезде были и другие сложности. Недаром киевский генерал-губернатор по окончании съезда доносил в Петербург, что «все происходившее на съезде имело характер чисто научный, а не политический благодаря твердости и такту графа Уварова — председателя съезда» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 17. Л. 26). Стало быть, «твердость и такт» А.С. Уварову все же понадобились.

С 90-х годов XIX в. по распоряжению императора Александра III археологические съезды проходили на западе империи. Причем четыре съезда (с XI по XIV) прошли в Юго-Западном крае или в губерниях с ним граничавших. В 1899 г. XI археологический съезд вновь прошел в Киеве. К моменту его проведения вопрос «деполонизации» Юго-Западного края потерял свою остроту, на первое место вышла проблема активизации украинских национальных устремлений (Миллер, 2000: 153).

Острую дискуссию в Предварительном комитете съезда вызвало обращение львовского «Наукового товариства імени Шевченка». В нем был сформулирован ряд вопросов, главные из которых, понимать ли под термином «русский» только великорусский язык или это понятие включает и украинско-русский (малорусский), а также, возможно ли издание докладов членов общества на украинском языке и применение этого языка в дебатах на съезде. Свое участие в работе съезда львовские ученые ставили в прямую зависимость от разрешения использования украинского языка (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 207–208). Интрига заключалась в том, что согласно «Правилам» съездов, на них разрешалось использование иностранных языков, но запрещалось употребление «диалектов» русского языка, к коим относился и украинский язык.

Помимо этого, особое внимание организаторов съезда к обращениям львовских коллег объяснялось и тем, что Галиция, в представлении российского правительства, являлась проводником и рассадником великопольских идей и украинофильского движения.

Московский Предварительный комитет съезда, заседавший под руководством П.С. Уваровой, на запрос «Наукового товариства імени Шевченка» ответил согласием. Однако на заседании Киевского отделения Предварительного комитета возникла острая дискуссия, является ли «галицко-русский» язык самостоятельным языком. По уверению члена отделения филолога-слависта, профессора и декана историко-филологического факультета Киевского университета св. Владимира Т. д. Флоринского, это не язык, а жаргон. В употреблении его профессор увидел «опасность не только для съезда, но и для будущности» и потому не хотел «допустить подобных чтений в университете, (где должен был проходить съезд. — А.С.) без особого разрешения министра, к которому и постановлено обратиться» (Отчет о заседании... 1901: 32). Члены Киевского отделения Предварительного комитета нашли поддержку своей позиции у попечителя Киевского учебного округа, который направил министру просвещения Н.П. Боголепову отношение о невозможности употребления на съезде «украинско-русского наречия» (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 12. Л. 30).

Обращение членов Киевского отделения ПК первоначально получило поддержку Министерства народного просвещения. В письме с грифом «секретно» Н.П. Боголепов сообщил П.С. Уваровой мнение министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, который утверждал, что «в числе лиц, приглашаемых Комитетом предстоящего в августе текущего года в г. Киеве XI Археологического съезда, находятся не-

¹ Западный край в Российской империи в XIX — начале XX в. это 9 губерний западной части Европейской России: 6 белорусских и литовских (Северо-Западный край) и 3 украинских (Юго-Западный край), присоединенных в конце XVIII в. от Речи Посполитой.

сколько профессоров и учителей, стоящих во главе Галицкой украинофильской партии, изъявивших согласие прибыть из Галиции на съезд, но под условием разрешения им читать во время съезда рефераты и устраивать публичные чтения исключительно на малорусском украинском языке. Принимая во внимание враждебный России характер названной партии, мечтающей об отделении Малороссии и исконно-русских губерний от России, о восстановлении Польши и о самостоятельном, под протекторатом последней, развитии Украины, министр внутренних дел признал допущение упомянутых чтений и рефератов на малороссийском языке нежелательным» (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 274).

Последующие действия П.С. Уваровой делают ей честь. Она не убоилась пойти против мнения всемогущего министра МВД и деятельно выступила в защиту прав галицийских коллег, неоднократно обращаясь с ходатайствами по этому вопросу к министру просвещения (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 368, 370, 371). Графиня, дезавуируя опасения министра внутренних дел, утверждала, что «рассылая приглашения на Археологический съезд, мы не входили ни в какие политические соображения, а выбирали лиц по их ученым заслугам и работам по археологии», что гости будут читать рефераты «не на нашем малорусском наречии, а на своем галицком, которые отличаются от нашего, как отличаются от него языки сербов, хорват и прочих южно-славянских народов», что никаких публичных лекций галичан не будет (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 12. Л. 28–29).

В своих письмах графиня приводила не только логические аргументы, но и использовала доводы чисто политического свойства, часто не гнушаясь высокой патетики. Обращаясь к главе просветительского ведомства, Прасковья Сергеевна указывала «на то фальшивое, щекотливое и в высшей степени неприятное положение, в которое ставятся руководители Киевского съезда недопущением галицкого языка на предстоящем съезде, недопущением, основанном на множестве мелких соображений и опасений, с которым такому могущественному государству, как Россия, пора бы оставить считаться... Неужели теперь, на рубеже 20-го столетия, галицкий язык благодаря своему сходству с малорусским наречием представляет такую опасность, что из-за нее желательно тормозить ученое дело и в месте с ним восстанавливать ближайших соседей-славян. Уже много погрешили мы против славянской народности, и неужели полезно для блага нашего Отечества восстанавливать их против себя, в особенности ввиду все более и более возрастающего единения германской народности» (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 12. Л. 60).

В результате, при содействии «высшей киевской администрации» П.С. Уваровой удалось добиться разрешения на употребление «украинско-русского» языка на заседаниях съезда, но с определенными условиями. Как сообщило в марте 1899 г. Московское археологическое общество в Киевское отделение Предварительного комитета, «по запросу Львовского ученого общества имени Шевченка постановлено: признавая, что украинско-русский (малорусский) язык немногим разнится от общерусского языка и близко сливается с языком украинских губерний империи, не выделять его как особый язык в группу других славянских языков и допустить чтение рефератов на этом языке в обыкновенных заседаниях съезда, наравне с докладами на русском языке. Что же касается до напечатания докладов, то таковые могут быть допущены лишь в чисто русской передаче на страницах «Трудов» съезда» (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 207).

Однако перед самым открытием съезда П.С. Уварова получила от министра просвещения письмо с более жесткой формулировкой относительно использования «галицкого языка». Н.П. Боголепов сообщил: «По соглашению с министром внутренних дел я признаю возможным употребление галицкого языка в частных заседаниях XI Археологического съезда, с тем, чтобы заседания эти не были публичными и чтобы доступ к ним был открыт примерно 25 членам, под личную ответственность администрации и председателя съезда» (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 369).

В тоже время поведение графини в полемике об участии галицийских ученых не было однозначным. П.С. Уварова, активно отстаивая права галичан в языковом вопросе, посчитала необходимым согласовывать с Министерством просвещения темы докладов галицких ученых (РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 12. Л. 55). Подобная двойственная позиция председательницы будет характерна для нее и далее. Конфиденциальные контакты не только с просветительским ведомством, но и с Министерством внутренних дел не воспринимались П.С. Уваровой как нарушение традиций «чисто научной» деятельности съездов.

Несмотря на формальное разрешение, противодействие употреблению «галицко-русского» языка на съезде продолжилось уже на личном уровне. Профессор Т. Д. Флоринский, возмущенный соглашательской, по его мнению, политикой властей сложил с себя полномочия депутата (Известия XI АС. 1899: 339). Подобное отношение, вкуче с введенными ограничениями, привело к отказу галицких ученых от участия в работе съезда (Отчет о состоянии... 1901: 3). Свое мнение о сложившейся ситуации члены «Наукового товариства імені Шевченка» выразили весьма резко, охарактеризовав соответствующие пун-

кты «Правил» съезда как «хитру клявзулю, що допускає на з'їзд принципiально не всі словянські мови», что есть «недостойна iграшка» (Лiтературно-науковий вiстник. 1899: 197).

Все эти противоречия устроителям съезда не удалось скрыть от общества. Как отмечали присутствовавшие журналисты, «в Предварительном комитете, который заседал в Киеве перед открытием съезда, возгорелась ожесточенная борьба, которая быстро из залы закрытых заседаний перешла на страницы прессы, придавала ученому делу резкую политическую окраску, подняла со дна провинциальной жизни много илу и грязи... Конечно, эта борьба и ее результаты не могли не отразиться на судьбе съезда. Все время в воздухе чувствовалось что-то тяжелое и душливное. Многие уклонились от участия в заседаниях съезда совсем, другие участвовали только формально, сдерживаемые весьма естественным чувством брезгливости — перед высоко поднятыми головами «победителей». Порядочные элементы были охвачены общим чувством неловкости, «победители» во всем были сильны — кроме науки, работа плохо спорилась...» (РГАЛИ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 31. Л. 43, 46–47).

Проблемы с львовскими учеными продолжились и при подготовке XII Археологического съезда 1902 г. в Харькове. «Наукове товариство iмени Шевченка» вновь обратилось к Московскому археологическому обществу с вопросом об употреблении на съезде украинского языка (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 41. Л. 179). В данном случае власти явно пошли на уступки, и в «Правилах» съезда (п. 29) значилось, что помимо русского, французского и немецкого языков, заседания можно назначать «и на всех славянских наречиях» (Двенадцатый археологический съезд... 1902: 10). Другими словами, правительство разрешило использовать украинский язык, который официально считался «наречием» русского. На съезде впервые были сделаны доклады на украинском языке, что являлось условием присутствия многих делегатов Юго-Западного края (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 635. Л. 390).

П.С. Уварова, прекрасно представляя антагонизм между высшей властью империи и галицийскими оппозиционерами, предприняла ряд превентивных действий, дабы избежать при проведении съезда возможных осложнений. В начале 1902 г. графиня обратилась к министру внутренних дел Д.С. Сипягину с «покорнейшей просьбой не отказать в разъяснении, возможно ли со стороны Московского археологического общества пригласить на Харьковский съезд из Галиции местных ученых, дозволен ли им будет въезд в Россию и нет ли между ними лиц, присутствие каковых в России было бы признано Министерством внутренних дел неудобным и нежелательным» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 114. Л. 7).

Несколькими месяцами позже, когда организаторам съезда стал известен состав делегации львовских ученых, Прасковья Сергеевна посчитала необходимым согласовать его с высшим полицейским начальством. Обращаясь к товарищу министра и начальнику полиции в апреле 1902 г. графиня перечислила делегатов, выдвинутых от «Товарищества имени Шевченка»: «профессор Грушевский, Студинский, Колесса, Верхратский, др. Франко, др. Щурат и Гнатюк», и просила «не оставить общество без указаний», кто из этих ученых может быть приглашен на Харьковский съезд (РА НА ИИМК. Ф.4. Оп. 1. Д. 41. Л. 180).

В поступившем от главы полицейского департамента ответе, отмеченном грифом «секретно», указывалось, «что приглашение профессоров Франко, Грушевскаго, Колесса и Гнатюка... представляется, ввиду имеющихся о них неблагоприятных сведений, весьма нежелательным; к участию же на съезде остальных лиц... препятствий со стороны Министерства внутренних дел не встречается» (РА НА ИИМК. Ф.4. Оп. 1. Д. 41. Л. 189). П.С. Уварова, учтя требования МВД, послала приглашение на съезд лишь тем ученым, которые не входили в список упомянутых в письме нежелательных делегатов — Студинскому, Верхратскому и Щурату. Причем графиня послала персональные приглашения, что лишало львовских представителей статуса делегатов от «Наукового товариства iмени Шевченка». Справедливо посчитав это дискриминацией, галичане отказались от участия в съезде. Информация о том, что организаторы съезда не выслали приглашения для ряда зарубежных ученых, в том числе из Галиции, просочилась в прессу, и это стало предметом обсуждения (К археологическому съезду... 1902: 36–39; К XII археологическому съезду... 1902: 133).

Из всего приведенного выше видно, что, хотя П.С. Уварова и отстаивала, как и на предыдущем киевском съезде, права галицийских ученых на употребление украинского языка, но ее корпоративный патриотизм явно имел достаточно определенные границы, и графиня не считала зазорным согласовывать с полицейским ведомством империи состав участников съезда. В результате список приглашенных формировался в зависимости от их политических убеждений и мнения об их благонадежности высшей администрации империи.

В начале XX века Россия вступила в эпоху социальных потрясений и революций, что не могло не отразиться в деятельности съездов. Вновь возникший вопрос об условиях участия галицких ученых

устроители XIII съезда в Екатеринославе (1905 г.) решили отклонить, используя как предлог внутривнутриполитическую ситуацию в стране. По заявлению П.С. Уваровой, «императорское Московское археологическое общество решило не приглашать на съезд иностранных ученых вообще, а галичан, в частности, ввиду тех особо грустных и постыдных для России обстоятельств данного года, делавших присутствие иностранцев нежелательным» (К XII археологическому съезду... 1902: 245–246).

Конечно, можно принять точку зрения МАО, посчитавшего невозможным приглашать иностранных гостей в кипящую беспорядками страну. Это выглядит вполне логичным и оправданным. Но нельзя забывать ряд последовательных отказов со стороны Предварительных комитетов предыдущих съездов на запрос о возможности употребления «галицко-русского» языка на предыдущих съездах, о конфиденциальных сношениях графини с полицейским ведомством. Поэтому трудно отрешиться от мысли, что революционные выступления оказались очень «к месту», избавив организаторов съезда от необходимости обсуждать эту застарелую проблему и формулировать новые аргументы «против» присутствия львовских коллег.

Официальной трактовкой причин не приглашения галичан возмущались многие участники съезда, недовольные тем, что «в заседаниях его не будут участвовать представители научных сил родственной нам Галиции и Буковины». Они обратились к руководству съезда с письмом, в котором высказывали свое сомнение в том, что приглашение заграничных ученых сделано «ввиду якобы грустного положения дел в России». Авторы письма выражали недовольство тем, «что галичане на Киевском археологическом съезде были поставлены в такие условия, при которых читать доклады не смогли, так как они были написаны на украинском языке. А на Харьковский и нынешний Екатеринославский съезд... и совсем не были приглашены, а также, принимая во внимание всем известное исключительно бесправное положение, в котором находятся язык и литература украинские в России, — по необходимости приходится признать, что вышеозначенное решение Комитета является результатом известной системы и продиктовано в действительности или политической нетерпимостью, или недостойной науки угодливостью и предупредительностью перед властью и силой, которые не перестают преследовать все украинское». Письмо заканчивалось словами: «Мы, подписавшие настоящее заявление, горячо протестуем против принятого Комитетом съезда решения в отношении научных деятелей Галиции, как оскорбительного для нас и нашего народа». Это митинговое по стилю письмо, явно свидетельствующее о распространении в среде участников съезда оппозиционных настроений, подписало 187 человек (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 165–166).

Такое количество подписавшихся позволяет высказать предположение, что среди них далеко не все были официальными представителями на съезде. Но то, что подобную позицию разделяли и многие делегаты съезда, говорит второе письмо от «нижеподписавшихся участников съезда», направленное руководителям съезда. Повторяя претензии, высказанные в первом обращении, авторы письма требовали: «1) выразить от имени съезда глубокое сожаление по поводу отсутствия зарубежных ученых, 2) выразить крайнее удивление Предварительному комитету съезда, что не были приняты все меры к тому, чтобы... присутствовали все ученые, посвятившие свои силы изучению истории казачества и Украины вообще, 3) послать от имени съезда телеграмму ученым историкам Галичины и Буковины, выразив приветствие съезда... и крайнее сожаление по поводу их отсутствия и 4) принять меры, чтобы на будущих археологических съездах такие печальные инциденты более не повторялись и чтобы интересы свободной науки не нарушались больше какими бы то ни было чуждыми ей влияниями и соображениями». Это письмо подписало 35 делегатов, среди которых были такие известные ученые, как А.Я. Ефименко и Д.И. Эварницкий (РА НА ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 167–168).

Возмущение не ограничилось подачей писем. Некоторые делегаты выразили свое неприятие действий устроителей съезда на страницах широкой печати (Сторожев. 1905: 265–268).

Понятно, что П.С. Уварова, болезненно относившаяся к любым посягательствам на ее права и попыткам оказать какое-либо давление, со свойственной ей твердостью характера не пошла на поводу этих требований и сумела провести съезд без серьезных видимых эксцессов. Позднее графиня сообщала министру просвещения, что съезд, «несмотря на все страхи, которые он внушал благодаря распространяемым тревожным известиям, состоялся в предложенное время в г. Екатеринославе... был как всегда оживлен, занимался чисто научными предметами, не был отвлечен от своих прямых занятий никакими современными вопросами, далекими от вопросов науки и оставил, несомненно, след в русской археологической науке» (РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 35. Л. 1). Но многие ученые, в том числе Д.И. Багалей, игнорировали торжественный ужин в честь закрытия съезда, заслужив упрек П.С. Уваровой «в глупости или трусости» (Уварова. 2005: 223, 228).

На заседаниях Предварительного комитета XIV съезда, который прошел в Чернигове в 1908 г., продолжались трения по национальной проблематике. Депутат Черниговского музея А.П. Шолохин пред-

ложил ввести в число отделений съезда десятый отдел — «Украинские древности», вызвав оживленные прения. Его предложение было отклонено большинством в 45 голосов, против — 18 (Протоколы заседаний... 1911: 5). «П.М. Добровольский, А.А. Муханов и А.В. Верзилов, развивая мысль о привлечении галицких ученых к делу подготовки XIV Археологического съезда, выразили пожелание, чтобы во Львове был учрежден также Предварительный комитет съезда и чтобы к работам для XIV съезда было привлечено Научное общество имени Шевченко» (Протоколы заседаний... 1911: 8). Это также не нашло поддержки среди членов комитета.

Несмотря на известную либерализацию правил проведения съездов и легализацию дискуссии о национальных языках, большинство предложений в этой области, идущих в разрез с духом государственной национальной политикой, разбивалось о позицию членов Предварительных комитетов. П.С. Уварова, стараясь с одной стороны, не отступать от занятой ею на предыдущих съездах позиции, продолжала вести дискуссию с просветительским ведомством о понятии малорусского и галицийского наречий. С другой стороны, не желая открыто противоречить позиции многих членов Предварительного комитета, занимавших антиукраинскую позицию, она постаралась переложить решение этого вопроса на Министерство народного просвещения, требуя от него однозначного решения по вопросу употребления украинского языка во время работы съездов. Но эта хитрость не удалась. Чиновники Министерства справедливо заключили, что «гр. Уварова, как видно, хочет избегнуть «украинофильских» демонстраций при помощи «украинского языка» на съезде в Чернигове, что, конечно, по нынешним временам весьма вероятно, но не желает самого общества этих почтенных лиц и предлагает Министерству народного просвещения, не изменяя самого параграфа, «предначертать Совету съезда некоторые правила для руководства и т. д., т. е. взять на себя то толкование параграфа 29-го, которое по праву принадлежит самому Совету съезда» (РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 35. Л. 55 об). В лучших традициях бюрократической системы чиновники переложили всю ответственность на руководителей съезда, точнее — на саму П.С. Уварову.

Как и ранее, переписка Министерства народного просвещения с МАО по наиболее болезненным вопросам организации XIV съезда велась под грифом «секретно» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 635. Л. 269). Очевидно, учитывая общественное напряжение в империи, правительство стремилось скрыть свою позицию и действия в отношении наиболее острых проблем внутренней политики.

Черниговский съезд проходил в нервной обстановке. Как свидетельствовали его участники, он «имел характер какой-то торопливости: закончился он (12 августа) на три дня ранее, чем предполагалось (15 числа), хотя представленных рефератов достало бы и на значительно больший срок... Некоторые члены съезда начали разъезжаться уже с 7 августа, и к концу съезда остались лишь очень немногие председатели отделений». При этом некоторые отделения съезда не функционировали вовсе (Горталов, 1908: 463, 470).

На съезде наиболее ярко проявилось личное отношение ученых к внутрироссийским национальным проблемам. Некоторые из украинских представителей отказались участвовать в работе съезда. Один из них, М.М. Коцюбинский, в письме своему коллеге В.М. Гнатюку назвал этот съезд черносотенным, «свинским» апологетом «грязного национализма» и заклеил украинских ученых, согласившихся принять в нем участие (Коцюбинский, 1965: 249).

Не остались в стороне и великорусские националисты. На съезде произошел весьма «нежелательный инцидент», созданный «депутатом киевских националистов», известным «ученым» Савенко», ... жаловавшимся, что раскопки киевского храма Спаса-на-Берестове «производятся «инородцем» (Чаговец, 1908: 2–3).¹

Все перипетии дискуссий по национальной проблеме, происходившие при подготовке съезда, достаточно полно отражались в местной прессе (Черниговское Слово. 1908. № 504: 1–2, 2–3), что говорит о внимании общества к подобным вопросам. Это также свидетельствует о том, что проправительственная позиция руководства съездов и политизация этой научной структуры становились все более явными для широких кругов, где съезды все более и более воспринимались как проводники государственной национальной политики в западных губерниях.

Особое внимание проведению съезда уделили газеты националистической направленности, первой из которых была «Киевлянин», основанная бывшим профессором Киевского университета В.Я. Шульгиным и пропагандировавшая «великоросские» начала.

¹ Старообрядческая церковь Спаса на Берестове в 1908 г. была передана в ведение Киево-Печерской лавры, которая начала ремонт храма. В связи с этим были произведены раскопки молодым краковским ученым Й.Г. Пеленским, который в дальнейшем прославил себя исследованием памятников Галича.

Более умеренные позиции занимала газета «Киевская мысль». Но и на ее страницах утверждалось, что «все относящееся к украинскому вопросу, поскольку он связан с черниговщиной, обойдено будет молчанием за отсутствием референтов-докладчиков, которые, хотя и заявили о своих рефератах, но к съезду не приехали, естественно опасаясь столь естественного в наше время проявления «контр-психоза»... И думается, что даже вопрос, поставленный Иловайским, останется для него по-прежнему открытым. Этот господин предложил съезду решить задачу: «Определить, хотя приблизительно, древность малорусского языка и его отношение к великорусскому, а следовательно — и взаимное отношение двух русских народностей... Есть ли малорусский язык только наречие или самостоятельный славянский язык? Какие древнейшие его памятники? Очевидно, старый мудрец только недавно прослышал, что есть на свете украинский «вопрос», давно разрешенный и даже официально признанный, ибо Академия наук решила поставленный Иловайским вопрос в совершенно определенном смысле...¹ И все-таки очень жаль, что за отсутствием представителей украинской учености проф. Иловайский не удовлетворит своей запоздалой пытливости и все еще будет недоумевать, что се есть малорусский... язык или наречие и где памятники его?» (Киевская мысль. 1908: 3).

В результате подобных дискуссий, как писала газета «Черниговское слово», «украинские археологи решили в ближайшем будущем устроить свой — украинский — археологический съезд, в котором будут прочитаны доклады: об украинских древностях, по украинской археологии, по истории и этнографии» (Черниговское Слово. 1908. № 506: 1–2). Но эта идея осталась неосуществленной.

Черниговский съезд был последним, прошедшим на юге России. Дальнейшие съезды предполагалось осуществить на севере империи. Одной из причин этого решения, если не главной, стала острота национальных противоречий на последних археологических форумах, проходивших на Украине. Как писали газеты, «ввиду бойкота со стороны украинофилов, съезды надолго отодвигаются в Великороссию, в район ученых сил Петербурга и Москвы» (Киевлянин. 1908: 3).

Прасковья Сергеевна Уварова придерживалась непоколебимых позиций в отношении правил проведения руководимых ей съездов. То, что она считала своей прерогативой — права МАО на руководство съездами, места их проведения, правила чтения рефератов, перечень разрешенных к использованию языков и т.п., за это графиня билась яростно, и это не преувеличение, и в большинстве случаев оказывалась победительницей. В этих вопросах она не боялась противоречить не только своим коллегам из состава Предварительных комитетов, часто занимавших крайне консервативные позиции, но и высшим администраторам империи. Благодаря ее усилиям украинский язык стал одним из официальных языков археологических съездов.

Но при этом следует помнить, что личное отношение П.С. Уваровой к львовским ученым было далеко не благожелательным. В частных письмах графиня высказывалась о них весьма нелицеприятно. Обращаясь к профессору Харьковского университета Н.Ф. Сумцову, она утверждала, что галичане настроены «враждебно ко всему русскому», они «коверкают и перевирают родной язык для того, чтобы скрыть его родство с языком русским». П.С. Уварова была убеждена, что львовские археологи «собираются приехать в Россию только для беспорядков и пропаганды». По ее мнению, галицкие ученые бойкотировали съезды исключительно из-за научного характера этих форумов, что исключало для них возможность пропаганды национальных лозунгов (ЦГИАУ. Ф. 2052. Оп. 1. Д. 221. Л. 1).

Подобное различие в позициях П.С. Уваровой как председательницы съездов и как личности встречалось и ранее. Официально отстаивая права польских ученых при проведении IX Виленского съезда (1893 г.), графиня конфиденциально сообщала великому князю Сергею Александровичу, что для того чтобы привлечь их к содействию «необходимо побаловать их намеком на самостоятельность, дать им возможность играть роль и сидеть в первом ряду» (ГАВО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 191. Л. 5 об.).

Учитывая подобные настроения П.С. Уваровой, становится понятным ее поведение в тех случаях, когда она видела угрозу существующим порядкам, в первую очередь участие в работе съездов возможных «противоправительственных» личностей, что шло в разрез с ее монархическими убеждениями. Графиня не стеснялась прибегать к приватным отношениям с высшей имперской властью с целью противодействия подобным поползновениям. Скрытая от посторонних переписка графини с МВД и министерством просвещения, которая нередко велась с грифом «секретно» и по инициативе П.С. Уваровой, яркое тому свидетельство.

¹ Имеется в виду официальное признание Академией наук в 1905 г. самостоятельного украинского языка.

Литература

- Горталов Н.К.* 1908. Доклад о деятельности XIV Археологического съезда в г. Чернигове 1–12 августа 1908 г. // Известия Общества археологии, истории, этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXIV. Вып. 5. Казань.
- Двенадцатый археологический съезд в Харькове в 1902 г. 1902. М.
- Известия XI Археологического съезда в Киеве. 1899// Вестник Европы. Т. VI. СПб.
- К XII археологическому съезду в Харькове. 1902 // Киевская старина. Т. LXXVIII.
- К археологическому съезду в Харькове. 1902 // Киевская старина. Т. LXXVIII.
- Киевлянин. 1908. 16 авг. № 226.
- Киевская мысль. 1908. 3 авг., № 213.
- Коцюбинский М.М.* 1965. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. М.
- Літературно-науковий вістник. 1899. Видає наукове товариство імени Шевченка у Львові. Річник II. Т. VII. У Львові.
- Миллер А.И.* 2000. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб.
- Отчет о заседании Киевского отделения Предварительного Комитета XI съезда. Прил. к протоколу № 533 распорядительного заседания МАО от 19 мая 1899 г. 1901. // Древности. Труды МАО. Т. XIX. Вып. I. М.
- Отчет о состоянии и деятельности МАО с 17 февраля 1899 г. по 17 февраля 1900 г., читанный в годичном заседании Общества 12 марта 1899 г. секретарем Общества В.К. Трутовским. 1901. // Древности. Труды МАО. Т. XIX. Вып. I. М.
- Протоколы заседаний Московского Предварительного комитета XIV Археологического съезда. 1911 // Труды XIV АС в Чернигове. Т. III. М.
- Смирнов А.С.* 2009. Дело о покушении на графиню Уварову // РА. № 3.
- Сторожев В.* 1905. Печальное недоразумение: Письмо в редакцию // Русская мысль. Кн. IX.
- Уварова П.С.* 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.
- Чаговец В.* 1908. Черниговские юбилейные дни. III. // Киевлянин. 5 авг., № 215.
- Черниговское Слово. 1908. 1 авг. № 504.
- Черниговское Слово. 1908. 3 авг. № 506.

Личные фонды ученых-археологов в научном архиве института археологии НАН Украины

Г.А. Станицына

Институт археологии НАНУ, Украина, г. Киев

В Научном архиве Института археологии АН НАНУ среди других фондов хранятся 50 личных фондов ученых-археологов, являющихся ценным источником информации для многих поколений ученых. Эти фонды представляют интерес не только для специалистов по археологии, но и для исследователей смежных наук, так как в некоторых из них содержится большой фактический материал по антропологии, архитектуре, этнографии, истории, музееведению и филологии.

1. **Фонд Вовка (Волкова) Федора Кондратьевича** (1847–1918 гг.). Фондообразователь ученый с мировым именем, лауреат многих международных премий, кавалер высшей награды Франции — Ордена Почетного легиона, доктор естественных наук, доцент кафедры географии и антропологии Петроградского университета, антрополог, этнограф, историк, музеевед и археолог. В 1875 и 1876 гг. принимал участие в раскопках в Киевской и Волынской губерниях; в 1907 г. открыл палеолитическую Мезинскую стоянку в Черниговской области; работал в этнографических, географических и археологических экспедициях в Европе. В фонде хранится большое количество фактического материала по антропологии и этнографии, в частности, собрано много материала по свадебным и другим обрядам. Имеются материалы по археологии. Большой интерес представляет эпистолярное наследие ученого, составляющее более 5 тысяч писем от отечественных и зарубежных авторов. В фонде хранятся материалы за 1870–1918 годы, всего 6056 единиц хранения (далее ед. хр.).

2. **Фонд Хвойки Викентия (Частослава) Вячеславовича** (1850–1914 гг.). Фондообразователь чех по происхождению, киевлянин с 1876 г., гражданин Российской империи с 1887 года, археолог, музеевед, один из организаторов Киевского городского музея, его первый заведующий (1897–1902) и заведующий Археологическим отделом этого музея с 1902 по 1914 г.г. Открыл три палеолитические стоянки в Киеве: Кириловскую (1893), на Байковой горе и на реке Лыбедь (1903), а также Искоростеньскую (1911) в Волынской губернии (на территории нынешней Житомирской обл.); был первооткрывателем трипольской, зарубинецкой и черняховской культур (1899–1901); исследовал памятники Киевской Руси: могильники и жилища в Витачеве (1898); жилища и погребения в Старых Безрадицах (1902) в Киевской губернии; ремесленные мастерские на горе Киселёвке в Киеве (1894), языческое капище, княжеские дворцы и ремесленные мастерские (в том числе две ювелирные и одна косторезная) в Киеве в усадьбе М.М. Петровского, т. е. в старой части города, где находилась и Десятинная церковь (1907–1908); оборонительные сооружения и два храма в Белгородке (1909–1914). Фонд содержит 2645 ед. хр. за 1893–1914 гг.

3. **Фонд Гамченко Сергея Спиридоновича** (1859–1934 гг.). Фондообразователь археолог, искусствовед, вице-президент ВУАК, военный служащий (до революции, полковник армии Российской империи). Круг научных интересов — от палеолита до Киевской Руси; проводил раскопки возле г. Житомира (1880-е — 1890-е гг.); около Петербурга во время военной службы (1904–1914); с 1918 г. — в Житомирской обл., в Киеве, на Волыни, а с 1928 г. — на Подолии (села: Белый Камень, Печеры, Марковка, Стена, Буды, Баглак, где обнаружил памятники «полей погребений»); открыл 45 памятников трипольской культуры на Южном Буге; исследовал раннеславянские и древнерусские памятники на Волыни, Подолии, Киевщине, Харьковщине и других местах Украины. Фонд содержит 229 ед. хр. за 1876–1931 гг.

4. **Фонд Левицкого Ивана Федоровича** (1896–1952 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, исследовал палеолитические памятники; проводил раскопки в северо-восточной Волыни, в селах: Колодяжное, Гонцы, Амвросиевка, Богодухов, Кодак и городе Коростень; в 1931–1932 гг. открыл позднепалеолитические стоянки в порожистой части Днепра, в частности, в Осоковой балке, где продолжил раскопки в 1946 г.; проводил археологические исследования в г. Харькове и области, в том числе — Мерещанского поселения (1946–1948); провел раскопки стоянки на торфянике Моства (1948). Фонд содержит 24 ед. хр. за 1925–1952 гг.

5. **Фонд Сибилева Николая Викентьевича** (1873–1943 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, исследовал памятники каменного века на Донеччине по течению Донца, где открыл 350 дюнных стоянок и поселений; исследовал стоянки: Дроновскую, Сычанскую, Каменскую, Пристенскую, Миньевскую и другие; открыл культуры микролитов и макролитов, проследив эволюцию развития орудий труда. Фонд содержит 177 ед. хр. за 1920–1943 гг.

6. Фонд **Смоличева Петра Ивановича** (1891–1947 гг.). Фондообразователь музеевед, краевед и археолог, исследовал археологические памятники от палеолита до Киевской Руси, а также мумифицированные погребения 18–19 вв. н. э. в Седневе; проводил раскопки в Чернигове, Шестовице, Масловой, Кичкасе и зоне затопления Днепрогэса (территории около 100 км вверх по Днепру от г. Запорожья до г. Днепропетровска). Фонд содержит 116 ед. хр. за 1907–1933 гг. Ученый был репрессирован и сослан в 1933 г. В последние годы жизни проводил археологические раскопки в Таджикистане, где, вероятно, тоже есть личный фонд П.И. Смоличева.

7. Фонд **Федоровского Александра Семеновича** (1885–1939 гг.). Фондообразователь археолог, геолог, палеонтолог; магистр, профессор Харьковского университета. Как археолог, исследовал памятники различных эпох; проводил раскопки в Волочанске, Верхнем Салтове, Харьковской обл. и бассейне реки Донец. Фонд содержит 49 ед. хр. за 1916–1930 гг.

8. Фонд **Фещенко Ивана Михайловича** (кон. XIX в. — не ранее 1944 г.). Фондообразователь археолог, исследовал культуру «полей погребений»; проводил разведки и раскопки в порожистой части Днепра от Днепропетровска до Запорожья; в частности с. Привольное. Фонд содержит 14 ед. хр. за 1926–1940 гг.

9. Фонд **Щербаковского Даниила Михайловича** (1877–1927 гг.). Фондообразователь историк, археолог, заместитель председателя ВУАК, педагог, профессор, этнограф, музеевед (заведовал историческим и этнографическим отделами киевского городского музея), искусствовед, в период Первой мировой войны — офицер-артиллерист. Проводил археологические раскопки в Киевской (Чигиринский, Звенигородский, Уманьский уезды) и Херсонской (Александровский, Елисаветградский уезды) губерниях. Участвовал во многих этнографических экспедициях, собрав большой этнографический материал. В фонде широко представлены материалы по церковной тематике, в том числе много рисунков и фотографий: (архитектура, утварь, одежда, иконы). Много материалов по музейному делу и касающихся его педагогической деятельности. Фонд содержит 553 ед. хр. за 1892–1927 гг.

10. Фонд **Куриного Петра Петровича** (1894–1972 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, исследовал трипольскую, белогрудовскую культуры и культуру ямочно-гребенчатой керамики; проводил раскопки в Среднем Поднепровье. Ученый был директором Лаврского музея (с 1924 г.) и «Музейного городка» в Киево-Печерской Лавре (1927–1933), материалы этого периода хранятся в его фонде. Фонд содержит 159 ед. хр. за 1905–1941 гг. Архивные материалы ученого хранятся также в Лондоне в Библиотеке и архиве им. Т. Шевченко, и в Мюнхене у его сына Юрия.

11. Фонд **Гринченко Владимира Автономовича** (1900–1950 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, проводил раскопки по берегам реки Ворсклы (1925); в 1928–1931 гг. работал в Днепрогэсовской новостроечной экспедиции, где исследовал памятники от эпохи неолита до позднего средневековья. Фонд содержит 11 ед. хр. за 1925–1932 гг.

12. Фонд **Магуры Сильвестра Сильвестровича** (1897–1937 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, исследовал памятники трипольской культуры и древне-восточных славян; проводил раскопки в разных районах Украины, много лет руководил Трипольской экспедицией на Киевщине. Фонд содержит 24 ед. хр. за 1921–1935 гг.

13. Фонд **Коршака Кирилла Ефимовича** (1897–1938 гг.). Фондообразователь музеевед, археолог, кандидат исторических наук. Исследовал памятники палеолита, энеолита, эпохи бронзы; памятники трипольской культуры; проводил раскопки в Среднем Поднепровье. Фонд содержит 14 ед. хр. за 1934–1938 гг.

14. Фонд **Добровольского Аркадия Викторовича** (1885–1956 гг.). Фондообразователь краевед, музеевед, археолог, кандидат исторических наук. Исследовал памятники неолита, бронзового века, трипольской культуры и древних славян; проводил раскопки в Поднепровье, Надпорожье, Одесской обл. Фонд содержит 38 ед. хр. за 1927–1954 гг.

15. Фонд **Лаговойской Елены Федоровны** (1899–1958 гг.). Фондообразователь археолог, музеевед, кандидат исторических наук. Исследовала памятники рубежа эпохи меди и бронзы: мегалитическую и усатовскую культуры; позднетрипольские памятники типа Сандрак, а также комаровскую культуру и погребальные памятники неолита, меди и бронзы в Днепровском Надпорожье; проводила раскопки на Волини и в Винницкой обл. Фонд содержит 40 ед. хр. за 1933–1954 гг.

16. Фонд **Петрова Виктора Платоновича** (1894–1969 гг.). Фондообразователь археолог, историк, этнограф, языковед, писатель (Виктор Домонтович), доктор филологических наук; во время Великой Отечественной войны выполнял задания советского командования в тылу врага. Как ученый, исследовал славянские памятники, в частности, подсечное хозяйство, зарубинецкую и черняховскую культуры, славян второй половины I тысячелетия н. э., этногенез славян, славянскую письменность, памятники

Киевской Руси, а также историю, географию, гидронимию, ономастику, краеведение, фольклор, этнографию и мифологию. Принимал участие в археологических экспедициях: Южнокиевской (1934), Райковецкой (1935), Полесской (1936), Трипольской (1937–1938), Лубенской (1939), Плисенской (1940). Проводил раскопки Райковецкого и Городского древнерусского городищ, Лохвицкого, Косаневского и Баевского могильников черняховской культуры, славянского поселения возле с. Стецовка, могильника у с. Корчеватое и других памятников. Фонд содержит 266 ед. хр. за 1900–1969 гг.

17. Фонд **Славина Лазаря Моисеевича** (1906–1971 гг.). Фондообразователь археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР, директор Института археологии АН УССР (1944–1946). Исследователь античной археологии; возглавлял археологические экспедиции: Боспорскую (1933–1936), Ольвийскую (1936–1966, а работал в этой экспедиции с 1926 г.), Буго-Днестровскую (1949–1952). Фонд содержит 167 ед. хр. за 1935–1971 гг.

18. Фонд **Березовца Дмитрия Тарасовича** (1910–1970 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовал памятники черняховской культуры и славян второй половины I тысячелетия н. э. Открыл волынцевскую и пеньковскую культуры; исследовал памятники салтовской культуры. Работал в Сеймско-славянской и Сеймско-Деснянской экспедициях (1949, 1950); а также: в Горностаевской (1951, 1952), Кременчугской, Северо-Донецкой и других экспедициях. Участвовал в 1946 г. в раскопках кургана эпохи бронзы в долине р. Когильник, южнее Кишинева; проводил разведки в верхнем течении р. Южный Буг, а также на городище и в окрестностях древнего Путивля (1947 г.); проводил раскопки раннеславянского поселения и могильника у с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. (1948, 1949); исследовал разновременные памятники в Путивльском р-не и в среднем течении р. Сейм (1949, 1950, 1953). Проводил раскопки Лохвицкого могильника (1955), поселения у с. Пеньковка Кировоградской обл. (1957–1959), средневековых памятников у с. Верхний Салтов Харьковской обл. (1959–1961) и др. Фонд содержит 38 ед. хр. за 1947–1970 гг.

19. Фонд **Кузнецова Николая Васильевича** (1911–1944 гг.). Фондообразователь археолог, музеевед. Аспирант Института археологии АН УССР, тема диссертации «Донецкое ранне-феодалное городище». В фонде собраны материалы по Донецкому городищу (по раскопкам Федоровского в 1929, 1930 г.г.); отчет об археологической экспедиции в г. Лубны Полтавской обл. (1939); зарисовки и описание керамики из раскопок на горе Киселевке в Киеве (1940); выписки по истории волжских болгар, хозар, финских племен VIII — IX в.в. и восточных славян VII — IX в.в. Фонд содержит 30 ед. хр. за 1929–1941 гг.

20. Фонд **Молчановского Феодосия Николаевича** (1899–1938 гг.). Фондообразователь музеевед и археолог, исследователь древнерусской и средневековой археологии; проводил раскопки Райковецкого кургана и могильника на реке Гнилопяти (1926–1927), исследовал Райковецкое городище XI–XIII веков, а также проводил разведки и раскопки в Киеве, Винницкой и Житомирской обл. (1929–1936), исследовал территорию Михайловского Златоверхого собора в Киеве (1937). Фонд содержит 66 ед. хр. за 1920–1937 гг.

21. Фонд **Макаренко Николая Емельяновича** (1877–1938 гг.). Фондообразователь археолог, музеевед и искусствовед. В 1902–1919 гг. проводил археологические раскопки и исследовал древние архитектурные памятники в Новгородской, Полтавской, Катеринославской, Воронежской, Харьковской и Тверской губерниях; в 1925–1929 проводил раскопки в районе сел Халепье и Триполье на Киевщине, в Опишне на Полтавщине, с. Медвежье на Роменщине, г. Звенигорода на Сумщине, и др. В 1930 открыл в Мариуполе большой неолитический могильник. В фонде ученого хранятся материалы о раскопках Спасского собора в г. Чернигове в 1923 г. и записка Н.Е. Макаренко о трагической гибели его сына Ореста во время археологической экспедиции возле г. Прилуки 28 августа 1927 г. Фонд содержит 6 ед. хр. за 1923 и 1927 гг.

Свой домашний архив ученый увез с собой в ссылку, когда был репрессирован.

22. Фонд **Юры Романа Александровича** (1927–1977 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовал древнерусскую и средневековую археологию; проводил раскопки в зонах строительства Кременчугской и Каневской ГЭС, древнерусских городов Воиня, Колодяжина, Переяслава-Хмельницкого (1956–1976). Фонд содержит 66 ед. хр. за 1951–1977 гг.

23. Фонд **Дмитрова Леонида Дмитриевича** (1885–1965 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовал античную, скифо-сарматскую и славянскую археологию; проводил раскопки в Ольвии и на острове Березань (1928–1939), скифских курганов возле Чертомлыка (1935–1936), на Перекопе (1940), в Белгороде-Днестровском (1945–1955), Фонд содержит 392 ед. хр. за 1940–1953 гг.

24. Фонд **Лапина Владимира Васильевича** (1928–1981 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук, музеевед, педагог, преподавал в Киевском государственном университете

им. Т.Г. Шевченко. Исследователь по античной археологии; проводил раскопки в Ольвии (1956–1959), руководил экспедицией на острове Березань (1960–1980), Фонд содержит 60 ед. хр. за 1954–1980 гг.

25. Фонд **Покровской Евгении Федоровны** (1904–1995 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук, художник, известный специалист по скифо-сарматской археологии. Начинала работать в археологии как художник, участвовала в раскопках Немировского, Гавриловского (1938), Шарповского (1938–1939) городищ. Работала в экспедициях: «Большой Киев» (1947–1949); Среднеднепровской правобережной (1955), Кременчугской (1956–1958) и Каневской (1960). Проводила раскопки Хотовского и Ходосовского городищ, курганов возле с. Макеевка и с. Куцевка (1947–1948), а также исследовала курганы возле с. Ивановка Киевской обл. (1949), Жаботинское городище в Черкасской обл. (1950), курганы возле с. Завадовка и Ново-Филипповка Запорожской обл. (1951), Любимовское городище (1952), и др.; Фонд содержит 108 ед. хр. за 1948–1965 гг.

26. Фонд **Даниленко Валентина Николаевича** (1913–1982 гг.). Фондообразователь археолог, доктор исторических наук. Исследовал этнокультурное развитие населения Восточной Европы эпохи палеолита, неолита, бронзы и ранних славян. Проводил археологические раскопки в Надпорожье, на Южном Буге; исследовал Каменную Могилу; руководил Донецкими новостроечными экспедициями. Фонд содержит 219 ед. хр. за 1946–1982 гг.

27. Фонд семьи **Ильинской В. А и Тереножкина А. И.** Фонд содержит 98 ед. хр. за 1936–1981 гг.

Ильинская Варвара Андреевна (1920–1979 гг.) археолог, доктор исторических наук. Исследовала скифскую культуру; проводила археологические раскопки курганов на землях совхоза Аккермень и у с. Ново-Филипповки (1951); на реках Стугне и Молочной (1951, 1952), Псле и Сейме (1966); исследовала Мотронинское городище и курганы около Чигирина (1970), провела раскопки поселения на Тарасовой горе и Субботовском городище (1972); работала в археологических экспедициях: Верхнесульской (1946, 1947), Сеймско-Деснянской (1950), Никопольско-Гавриловской, Средне-Днепровской, Южно-Украинской (1953–1965), Скифской степной, Северо-Рогачикской, Каховской, Скифской среднеднепровской, Херсонской (1966–1973) и др.

Тереножкин Алексей Иванович (1907–1981 гг.) археолог, доктор исторических наук. Проводил археологические раскопки в Средней Азии, в частности в Хорезме; с 1948 г. и до конца жизни работал в Украине. Исследовал Чернолесское городище и курганный могильник, Сторожевую могилу, поселение белогрудовской культуры близ Умани (1949); скифский курган у с. Глевахи, поселения и городища в бассейне р. Тясмин (1950), курганы на землях совхоза Аккермень и у с. Ново-Филипповки Запорожской обл. (1951) и на р. Молочной (1952), проводил разведки в Поросье и на р. Стугне (1953); раскопки скифского кургана в г. Мелитополе (1954), Субботовского городища (1951, 1955, 1971 и 1972), Тясминского городища (1957), Мотронинское городище и курганы возле г. Чигирин (1970); поселение на Тарасовой горе (1972) и др. Работал в экспедициях: Кременчугской первобытно-скифской (1956, 1957); Волынской, Киево-Полесской, Южно-Украинской, Среднеднепровской, Скифской степной, Никопольской, Северо-Рогачикской, Херсонской и др. (1959–1973).

28. Фонд **Новицкого Якова Павловича** (1847–1925 гг.). Фондообразователь этнограф, фольклорист, краевед, историк, археолог. Писал исторические справки, археологические и статистические статьи. Им собрано значительное количество фольклорных материалов, опубликованных в сборниках: «Малоруські народні перекази і оповідання» (1876); «Малоруська і Запорізька старовина в пам'ятках усної народної творчості» (1907); «Малоруські історичні пісні, зібрані в Катеринославщині 1874–1903 рр.» (1908). Фонд содержит 7 ед. хр. за 1884–1925 гг.

29. Фонд **Мезенцевой Галины Георгиевны** (1923–1997 гг.) Фондообразователь археолог, музеевед, доктор исторических наук, профессор Одесского гос. университета (1977–1979), в 1950–1976 гг. преподавала на историческом факультете в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко. Исследовала археологию древней Руси, древних славян, античные города Северного Причерноморья, Каневское поселение полян и древнерусские города — Киев, Родень и другие; принимала участие в экспедициях: Поросской (1946), Ольвийской (1947–1948), «Большой Киев» (1949–1950), Черниговской (1956); руководила экспедициями: Каневской (1957–1964), Белгородской (1965–1975), Белгород-Днестровской (1977–1983). Фонд содержит 15 ед. хр. за 1946–1985 гг.

30. Фонд **Рудинского Михаила Яковлевича** (1887–1958 гг.) Фондообразователь археолог, доктор исторических наук. Проводил исследования на Черниговщине, Полтавщине, Киевщине и Поднестровье; раскопки палеолитических стоянок (Пушкари, Мезин, Журавка); мезолитических и неолитических памятников на Средней Десне; поселения раннего триполья в Озаринцах на Среднем Днестре. Фонд содержит 127 ед. хр. за 1912–1958 гг.

31. Фонд **Артеменко Ивана Ивановича** (1924–1989 гг.) Фондообразователь археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии Наук УССР, директор Института археологии АН УССР (1973–1987). Исследовал неолит, энеолит и бронзовый век Восточной Европы; принимал участие в Приднепровской экспедиции (1956–1965), возглавлял Среднеднепровскую (1968–1980) и Трипольскую (1981–1987) экспедиции. Фонд содержит 97 ед. хр. за 1967–1989 гг.

32. Фонд **Бибикова Сергея Николаевича** (1908–1989 гг.) Фондообразователь археолог, этнограф, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии Наук УССР, директор Института археологии АН УССР (1955–1968). Исследовал проблемы первобытного заселения Восточной Европы, историю и хронологию мезолита Юга СССР, земледельческо-скотоводческих племен IV–II вв. до н. э. Юго-Восточной Европы. Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

33. Фонд **Махно Евгении Владимировны** (1913–1992 гг.) Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовала раннеславянские памятники, зарубинецкую и черняховскую культуры; руководила 40 археологическими экспедициями в Житомирской, Киевской, Сумской, Полтавской, Черкасской и Херсонской областях. Фонд содержит 168 ед. хр. за 1938–1992 гг.

34. Фонд **Вязьмитиной Марии Ивановны** (1896–1993 гг.) Фондообразователь искусствовед, археолог, кандидат филологических наук и кандидат исторических наук. Исследовала позднескифские городища и могильники на нижнем Днепре, сарматские племена на территории Украины. Работала в Никополь-Гавриловской и Молочанской экспедициях, проводила раскопки в окрестностях с. Жаботин и на Тарасовой горе у с. Завадовка (1950–1953); курганов у с. Ново-Филипповка и совхоза Аккермень (1951, 1952); исследовала городище Золотая Балка и его могильник (1954–1963). Изучала скифское искусство и искусство Востока (Средней Азии и Ближнего Востока). Также проводила археологические раскопки в Средней Азии: городища Айртам (1937 г.) и Новая Ниса (1946–1948 г.) Фонд содержит 197 ед. хр. за 1925–1972 гг.

35. Фонд **Богусевича Владимира Андреевича** (1902–1978 гг.) Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовал древнерусскую археологию, архитектуру, искусство; проводил раскопки в Киеве, Чернигове, Путивле; принимал участие в раскопках Новгорода. Фонд содержит 40 ед. хр. за 1947–1960 гг.

36. Фонд **Блифельда Давида Исаковича** (1908–1966 гг.) Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Исследовал памятники Киевской Руси; проводил раскопки в городах Киеве, Чернигове, Переяславе, Белгороде; исследовал раннефеодальный Шестовицкий могильник в Черниговской обл. Фонд содержит 73 ед. хр. за 1945–1966 гг.

37. Фонд **Шмаглия Николая Михайловича** (1931–1994 гг.) археолог, кандидат исторических наук. Специалист в области энеолита и раннего бронзового века. Проводил археологическое обследование позднетрипольских поселений Волынского Полесья (1956 г.), разведки по берегам Каховского и Днепродзержинского водохранилищ (1957–1960 гг.), в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы (1963 г.), по Нижнему Дунаю (1967 г.). Исследовал позднетрипольское поселение у с. Троянова в Житомирской обл. (1956–1958); трипольское поселение у с. Григоровка Киевской обл. (1961 г.). Работал в Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции (1964–1972 гг.) — раскопки курганов у с. Маяки, Ефимовка, Надлиманское, Каменка, Утконосовка, Виноградовка и др. в междуречье Днестра и Дуная (1963–1973); исследовал трипольские поселения Майданецкое и Гребенюков Яр в Черкасской обл. и у с. Коновка Черновицкой обл. (1973–1990). Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

38. Фонд **Шумовского Юрия Федоровича** (1908 г. — после 1997 г.) Фондообразователь священник, краевед, археолог, этнограф, антрополог, профессор университетов Нью-Йорка и Фрайбурга, действительный член УВАН в США, исследователь Западной Африки и директор Французского Института Черной Африки в Судане-Мали. В 1930-е — 1940-е гг. проводил археологические исследования на Волыни, создал первый краеведческий музей в г. Дубно (в Ровенской обл.), в 1939–1941 гг. работал археологом в Ровенском историко-краеведческом музее, в 1941–1944 гг. был его директором. Позже создал первый государственный археологический музей в Мали. Большинство материалов фонда являются ксерокопиями, среди которых большое количество иллюстраций и копий документов. В фонде хранятся несколько томов научного труда под названием «По слідах давноминулого Африки» («По следам прошлого Африки») и многотомная рукопись книги воспоминаний под названием «Зруйноване гніздо, чи історія одної священницької родини на Волині». («Разрушенное гнездо, или история одной семьи священников на Волыни»). Архивные материалы и библиотека ученого были также переданы в Государственный историко-культурный заповедник г. Дубно Волынской обл. (всего 350 кг). Фонд содержит 36 единиц хранения за 1944–1997 гг.

39. Фонд **Клюшинцева Владимира Николаевича** (1947–1998 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук. Работал в Николаевской археологической экспедиции, исследовал курганные могильники и поселения бронзового века. Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

40. Фонд **Кучеры Михаила Петровича** (1922–1999 гг.). Фондообразователь археолог, доктор исторических наук. Исследовал: поселения и городища времен Киевской Руси; оборонительные сооружения, в частности Трояновы и Змиевы валы; начиная с 1953 года, проводил раскопки на Правобережье и Левобережье Днепра, на южном Побужье, Поднестровье, на Волыни и в других местах Украины. Фонд содержит 162 ед. хр. за 1969–1995 гг.

41. Фонд **Кубышева Анатолия Ивановича** (1938–2001 гг.). Фондообразователь археолог, исследовал памятники ранних славян: в 1964–1968 гг. проводил раскопки древнерусского поселения XI–XV веков возле с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого района Киевской области; в 1966–1972 гг. исследовал памятник зарубинецкой культуры — Пироговский могильник. В 1969–1970 гг. работал в Каховской, затем в Херсонской экспедициях. С 1974 по 1992 гг. А.И. Кубишев руководил Херсонской экспедицией, исследовал курганы эпохи энеолита — ранней бронзы возле сел Староселье, Большая Александровка и Василевка; погребения катакомбной культуры; могильник белозерской культуры возле села Чернянка; курганы со срубно-андроновскими погребениями возле села Слиненко; многочисленные скифские курганы южных степей Украины. Фонд в процессе научно-технической обработки.

42. Фонд **Евдокимова Геннадия Леонидовича** (1947–2001 гг.). Фондообразователь археолог, в 1960–1976 гг. участвовал во многих археологических экспедициях: Каневской, Среднеднестровской, Южно-Бугской (Очаковской), Верхнее-Тарасовской и других. В 1977–1995 гг. руководил Краснознаменной экспедицией. Работая в новостроечных экспедициях степной зоны юга Украины, раскопал много разновременных курганов. Фонд в процессе научно-технической обработки.

43. Фонд **Мозолевого Бориса Николаевича** (1936–1992 гг.). Фондообразователь археолог, исследовал скифские курганы, работал во многих археологических экспедициях: Запорожской, Скифской степной, Скифской Лесостепной. С 1969 г. по 1987 г. руководил Орджоникидзеградской экспедицией. Открыл погребение скифского царя с золотой пекторалью в кургане «Толстая могила». Фонд содержит 177 ед. хр.

44. Фонд **Дяченко Василия Дмитриевича** (1924–1996 гг.). Фондообразователь антрополог, сотрудник Института археологии (1974–1990). Работал во многих этнографических и антропологических экспедициях. В период работы в Институте археологии — преимущественно в древнерусских и киевских археологических экспедициях. В фонде собрал богатый фактический материал по антропологии. Фонд содержит 33 ед. хр.

45. Фонд **Шапошниковой Олимпиады Гавриловны** (1923–2001 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук, исследовала энеолит и бронзовый век степной Украины. Принимала участие во многих археологических экспедициях: Никополь-Гавриловской (1951–1952), Днепровской (1957, 1962, 1963); Приазовской (1964–1965); Ингульской (1966–1979), которая с 1980 г. была переименована в Николаевскую новостроечную экспедицию (1980–1988), и руководила ею с 1969 года. Раскопки: исследовала зольник рубежа н. э. у с. Золотая Балка и погребения бронзового века у с. Осокоровка в Нововоронцовском р-не Херсонской обл. (1951–1952); поселение древнеямной культуры в с. Михайловка (1953–1960); руководила Кальмиусским отрядом Приазовской экспедиции где исследовала памятники энеолита-бронзы в среднем течении р. Кальмиус и многослойное поселение у с. Раздольное Старобешевского р-на Донецкой обл. (1964–1965) и многие археологические памятники в Николаевской обл. (1966–1988). Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

46. Фонд **Мовши Тамары Григорьевны** (1922–2003 гг.). Фондообразователь археолог, кандидат исторических наук, специалист с археологии энеолита-бронзы, исследовала Трипольскую культуру. Руководила Подольской археологической экспедицией Киевского Исторического музея: проводила раскопки и разведки в Хмельницкой области (1960–1974 гг.); работала в Днестровской комплексной новостроечной археологической экспедиции (1976, 1979 гг.) и Трипольской комплексной археологической экспедиции ИА АН УССР (1981–1987 гг.). Проводила раскопки на Среднем Днестре и Южном Буге. Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

47. Фонд **Черненко Евгения Васильевича** (1934–2007 гг.). Фондообразователь археолог, доктор исторических наук. Исследовал памятники эпохи бронзы и раннего железного века. Работал в экспедициях: Никопольской (1961, 1964, 1965), Орджоникидзеградской (1971), Керченской (1961, 1964, 1971, Краснознаменной (1968–1975), Скифской (1986, 1987). Проводил археологические раскопки скифских курганов у с. Кирово Днепропетровской обл. (1961), в окрестностях г. Скадовска Херсонской обл. (1961–

1962) и в г. Никополе (1964, 1965), курганов раннего железного века у пос. Ленино (1964) на Керченском полуострове. Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

48. Фонд **Березанской Софьи Станиславовны** (1924 г.р.). Фондообразователь археолог, доктор исторических наук. Исследовала эпоху бронзы (культуры: Тшинецко-Комаровская (с. Здвижевка Макаровского р-на Киевской обл. в 1964 г.) и поселение сосницкого варианта восточно-тшинецкой культуры близ хутора Пустынки Черниговской обл. в 1964–1967 гг.; многоваликовой керамики (раскопки у с. Яблонька Белоцерковского р-на Киевской обл. в 1970 г.), неолитическое поселение у хутора Гришевка Борзнянского р-на (1969–1971 гг.); поселение срубной культуры «Усово Озеро» в 1975–1977 гг. и поселение срубного времени у с. Рубцы Краснолиманского р-на тогда Сталинской обл. (1956 г.); зольники белоцерковского типа на р. Горыни в 1973 г.; раскопки у с. Адамовка Чигиринского р-на; с. Домонтово Золотоношского р-на (1956–1958 гг.) и в урочище Исковщина Каневского р-на (1961–1962 гг.) Черкасской обл.; разведки: у с. Капитаново Ново-Айдарского р-на Луганской обл., на осушительных системах Северной Украины (р. Иква, Стоход, Борзна и Остер), в зонах Верхнего и Нижнего Белоцерковского водохранилища и на реке Десне (1967–1972 гг. Работала в Средне-Днепровской (1951–1952 гг); Левобережной Сейминской (1953–1954 гг.); Кременчугской первобытно-скифской (1958 г.) и др. археологических экспедициях. Проводила археологические работы в Киевской, Черниговской, Черкасской, Винницкой Луганской и др. областях. Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

49. Фонд **Паршиной Елены Александровны** (1932 г.р.) Фондообразователь археолог, специалист в области античной средневековой археологии, проводила раскопки в Крыму: в Ялте, Ливадии, Симеизе; на горах Ай-Годор и Хачла-Каясы, скале Биюк-Исар (1965–1969 гг.); городища: Херсонес, Эски-Кермен, урочища: Ласпи, Сотера, Учан-Су-Исар; поселок Фрунзенское (Партенит) и др. (1970–1992 гг.) Фонд еще не прошел научно-техническую обработку.

50. Фонд **Некрасовой Анны Николаевны** (1951 г.р.). Фондообразователь археолог, исследовала Черняховскую культуру. Проводила раскопки (совместно с В.Д. Бараном) раннеславянского поселения Рашков (1978 г); раннеславянского поселения III–V вв. н. э. возле с. Теремцы (1979, 1980 г.г.); черняховского поселения у с. Хлопков Барышевского р-на, Киевской обл. (1982–1984); а также исследовала черняховский могильник у поселка Сад Сумской обл. (1983–1984); могильник и поселение черняховской культуры у с. Боромля Сумской обл. (1987–1991 гг.), и проводила охранные раскопки поселения черняховской культуры у пгт. Белополье Сумской обл. Фонд содержит 68 ед. хр.

Литература

Мезенцева Г. 1997. Дослідники археології України. Енциклопедичний словник – довідник. Чернівці.

Татьяна Николаевна Троицкая — основатель новосибирской археологической школы: личность, ученый, педагог

Л.В. Татаурова, П.В. Орлов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН.
Россия, г. Омск*

В истории науки чаще всего принято изучать научные школы, когда их основатели давно покинули сей мир и, отсчитывая юбилейные даты, их последователи и историографы оценивают личность ученого, его научный вклад и жизнеспособность его идей. В данной работе мы предлагаем иной подход, основанный на применении современных видео- фото- средств и цифровых технологий, позволяющий создавать архивы наших современников — корифеев науки, основателей школ и научных направлений, с их же помощью. А также предлагаем способы сохранения полученных архивных материалов и возможности их использования в научных целях.

Начнем с вопроса, что могут содержать в себе такие архивы и чем они отличаются от привычных для нас полок и папок с документами? Если мы говорим о новейших средствах фиксации информации, то в таком архиве она будет разноплановой: это фотоматериалы — включающие фотографии из личных архивов ученых с описаниями людей и событий, которые сняты на фото; фотографии, сделанные другими людьми (например, учениками); вторая составляющая архива — это видеозаписи интервью с ученым. Третьей составляющей архива станут рассказы учеников и последователей, коллег, друзей, родственников. Отличием подобной формы сбора информации будет ее наглядность, подкрепленная аудиозаписями.

Такой архив во многом позволит избежать вольной, или неточной оценки и интерпретации жизни и деятельности ученого, что вероятно при работе в привычных архивах, к которым обращаются, после того как человек уходит из жизни, а чаще по прошествии значительного отрезка времени. Аудиовизуальный архив избавляет исследователя от необходимости по крупицам собирать информацию о сюжетах и персоналиях на фотографиях, особенно если они не подписаны их владельцами; видеoinформация дает возможность увидеть живого человека, услышать его голос, манеру разговора, интонации, мимику и много другого, чего не может показать никакой другой источник.

При подготовке таких архивов предлагаем следующие методические приемы. Видеосъемки проводятся по специально подготовленной программе, включающей две самостоятельные части: первая — это интервью с «объектом изучения», которому задаются вопросы по нескольким направлениям:

- о его родителях, семье, семейных традициях;
- об увлечениях и хобби, любимых блюдах, и пр;
- вопросы о круге общения: учителях, коллегах, о встречах с выдающимися учеными, об экспедициях и общении со студентами и аспирантами;
- вопросы об учениках, об их становлении в науке и роли научного руководителя в этом процессе;
- вопросы о научной деятельности.

Вторая часть видеосъемок включает работу с учениками, коллегами, друзьями и последователями ученого. Интервью берется по приведенной выше схеме, потому что ученики, как правило, тоже являются состоявшимися учеными, и основатели своих школ.

На интервью следует остановиться особо. Видеосъемки наших корифеев надо проводить тем, кто работает с ними в одной области знаний. Например, археолога должен снимать на камеру археолог, потому что и задаваемые вопросы, и получаемые ответы будут в одной области знаний, с понятным научным аппаратом. Такая форма делает общение свободным и откровенным. Журналистский подход в этом случае менее продуктивен, так как задача подобного интервью получить разноплановую информацию, касающуюся семьи, личной жизни, научного пути, и без расчета на какие то сенсационные сюжеты. Наша цель — увидеть в крупнейшем ученом, прежде всего человека!

В работе с фотоархивами тоже можно выделить две части: первая — это оцифровка имеющихся фотоматериалов; вторая — описание сюжета, снятого на фото самим владельцем этих фотографий, или

коллегами, родственниками. Работу по второй части тоже можно снимать на камеру, это информативнее, потому что позволяет зафиксировать эмоции, мимику; или записать на диктофон.

Вся видео и фото информация может быть использована как самостоятельный источник, а так же для создания фильмов. Об аудитории, на которую эти фильмы рассчитаны, речь пойдет ниже, а о технических возможностях создания подобных фильмов мы уже рассказывали (Татаурова, Орлов, 2008: 283–292; 2010: 209–214).

Теперь рассмотрим решение такой важной и актуальной задачи как сохранение и трансфер визуализированного образа исследователя. Прежде чем приступить к обсуждению предлагаемых нами способов решения поставленной задачи, попытаемся ответить на несколько ключевых вопросов: а) на какую аудиторию мы работаем (а именно кем будут востребованы результаты наших исследований и трудов) и б) какими средствами в части инструментально-методического и методологического аппаратов мы располагаем. Ответ на вопрос а) представляется очевидным — для всех, кому это необходимо сегодня, а также тем, кого заинтересует в будущем. Несмотря на кажущуюся необъятность и временную безграничность такого ответа применительно к нашей потенциальной аудитории, даже столь расширенное обобщение позволяет нам сформулировать вполне конкретные требования к конечному продукту исследования. Действительно, посыл «все заинтересованные сегодня и в будущем» фактически жестко ограничивает нас в требованиях к конечному продукту на:

- Его максимальной доступности;
- Предельной языковой понятности;
- Независимости от программных и аппаратных сред, средств и носителей.

О чем идет речь? Попробуем подробнее раскрыть смысл указанных ограничений. Начнем с доступности. Совмещение требований доступности с «шириной» аудитории требует от нас на такие вопросы как: где ваш продукт будет храниться, как желающий сможет узнать, что он хранится именно там, кто будет собственником этого продукта и, как следствие, как будут строиться отношения между собственником и субъектом, желающим данный продукт заполучить (или приобрести). Этот момент рассуждений, на наш взгляд, является самым подходящим для постановки и ответа на вопрос — о каком продукте ведут речь авторы? Ответ прост: мы считаем, что результатом наших исследований должен стать исторический источник, материализованный как аудиовизуальный (или гипермедиа-) архив.

Определившись с продуктом, мы сразу попадаем на хорошо проработанное и структурированное и в теоретическом, и в практическом плане поле деятельности, где не потребуются изобретать нечто доселе неизвестное не только авторам, но и кому-либо еще. Временно абстрагируясь от визуальной составляющей, мы получим известные требования по идеальному банку данных, которое было сформулировано еще в 80-х годах прошлого века Американским научным институтом стандартов совместно с Association for Computer Machinery (АСМ). Идеальный банк данных должен обеспечивать:

1. Адекватное целостное представление определенной части реального мира.
2. Оптимальную избыточность данных за счет интегрированного хранения.
3. Конфиденциальность, разграничение прав доступа и разделение полномочий.
4. Надежность, устойчивость к повреждениям, возможность полного восстановления данных, приемлемые соотношения производительности.
5. Дружелюбный интерфейс и легкость в обучении пользователя.
6. Независимость программ от данных.

Если созданный нами архив аудиовизуальных источников (в дальнейшем, для краткости, будем называть его просто *архивом*), способен удовлетворять требованиям к идеальному банку данных (что вполне достижимо), то он может быть легко интегрирован в любую электронную систему хранения и обработки данных со всеми вытекающими из этого положительными последствиями.

Насколько легко решается вопрос с физической доступностью *архива*, настолько же сложной и неоднозначной оказывается решение проблемы с точки зрения отношений субъектов собственности и потребителей в обобщенном смысле. Для того, чтобы попытаться предложить свои варианты решения названной проблемы позволим себе небольшой экскурс в историю кино и видео применительно к антропологическим исследовательским задачам, благо эта история насчитывает не столь долгий промежуток времени.

С момента своего появления кинокамера начала использоваться (и используется до сих пор) как инструмент исследователя, позволяющий зафиксировать процесс (событие, обряд и т.п.) в динамике, сохранить его и многократно дублировать без первоначальных участников. Корни проблемы, на наш взгляд, изначально состояли (и никуда не исчезали до последних 3–5 лет) в том, что, во-первых, «удовольствие»

от использования такого инструмента весьма дорогое и, во-вторых, требующее немалой квалификации и как режиссера, и как оператора, не говоря уже о сильнейшей зависимости от актерских талантов собственно объекта исследования. Все это приводило к тому, что процесс создания фильма переходил в процесс отношений между заказчиком и исполнителями, а тут и авторские права и права собственности на фильм (а первое время и на все отснятые материалы). Такие отношения длятся более сотни лет, к ним привыкли настолько, что другие варианты часто даже и не рассматриваются. К чему это приводит? Появляются превосходные антропологические фильмы, снятые профессионально с великолепной картинкой, смыслом, сюжетом, но при этом безвозвратно исчезают часы отснятого предварительного материала, как раз и являющегося бесценным источником для будущих исследователей. Заметьте, ни заказчик, ни исполнитель не заинтересованы в том, чтобы эти исходные материалы хранились, а уж о какой-либо доступности и речи быть не может «Я сделал фильм. Он мой». В лучшем случае пожелают кассеты в коробке у того, кто фильм делал, а потом или срочно понадобится кассета новый материал записать, или просто места мало. И все...

К счастью, научно-технический прогресс не стоит на месте. Видеофиксация стала сегодня доступным инструментом современного антрополога, превратившись, в какой-то мере, в рутинный и не слишком дорогостоящий инструмент. Остался лишь небольшой шаг зависящей в львиной своей доле от воли и этических норм исследователя сделать снятый материал доступным или нет. Создать исторический источник способный стать не отражением замысла режиссера и мастерством исполнителей как это в большинстве своем происходит в фильмах, а отображением достоверной реальности зафиксированной объективом камеры.

Завершая рассуждения о проблеме доступности и подходах к ее решению сформулируем несколько требований, которые позволят сделать *архив* доступным:

1) результаты фиксации (видео-, фото-, аудио-) изначально должны восприниматься исследователем как источник и, следовательно, их необходимо описывать, структурировать и каталогизировать так, того требуют архивы;

2) не следует переносить отношения собственности и авторства с производных источника (фильм, книга, статья и проч.) на собственно источник.

И еще на один факт хотелось бы обратить внимание. У подавляющего большинства собеседников при обсуждении проблем доступности источника прямой ассоциацией является «Интернет», а естественным следствием из нее «вседозволенность», плагиат, недобросовестность коллег и проч. Отметим, что ни о чем подобном речи в наших рассуждениях и предложениях нет и быть не может. Термин «источник доступен» означает для нас то, что его можно достаточно легко обнаружить и, при соблюдении условий хранителя, получении исследователем для использования.

Завершая обсуждение вопросов доступности мы предлагаем создавать новые аудиовизуальные исторические источники, размещая их либо в существующих традиционных архивах, либо во вновь создаваемых гипермедиаархивах.

Второй вопрос, заявленный для обсуждения в нашей работе, связан с инструментальным и методическим обеспечением создания *архивов*. Начнем обсуждение с рассмотрения вопроса «понятности» источника. Почему подобный вопрос возникает? На наш взгляд корни проблемы произрастают все в том же «киношном» прошлом: этнографическом кино, визуально-антропологических фильмах и проч. Режиссеры и операторы, работающие в этих направлениях в подавляющем большинстве своем имеют базовую «кинематографическую» подготовку, свой язык образов и символов. Не трудно догадаться, что такой «кастовый» подход к языку документа, каковым является аудиовизуальный источник, никоим образом не совпадает с требованиями стандартизации, каталогизации, индексации и многим другим требованиям предъявляемым к источникам претендующим на объективность отображения реальности. Что делать? Мы предлагаем оставить творчество и субъективизм в производных источника, а собственно *архив* каталогизировать так, как и положено.

Все вышеизложенное сильно смахивает на теоретизирование никоим образом с практически проблемами (а тем более вариантами их решения) не связанное. Как один из вариантов работы с видеоархивами рассмотрим разработанный и апробированный нами на практике алгоритм. При работе с мультимедийными ресурсами, особенно с цифровым видео высокой четкости, неизбежно приходится сталкиваться с рядом проблем, затрудняющих его использование. Эти проблемы хорошо известны:

1. **Размер видеофайлов.** Например, на 1 час видео с цифровой видеокамеры в формате microsoft DV вам потребуется приблизительно 12 Гб на жестком диске ПК.

2. Транспортировка видеофайлов до потребителя. Пропускная способность телекоммуникаций в совокупности с ценой трафика сделают такие файлы золотыми.

3. Неумение исследователей самостоятельно работать с видео в цифре. Например, сделать «нарезки» из серии отснятых материалов легко, но собрать их в единый файл для дальнейшей обработки и использования (например, при подготовке видеолекции) — это действительно сложный и трудоемкий процесс, накладывающий жесткие ограничения на используемые компьютеры и программное обеспечение. Большинство исследователей такими навыками просто не обладают, и, на наш взгляд, пытаться научить их этому нет необходимости.

Дело в том, что видео в части его воспроизведения является материалом благодатным — любой ребенок за несколько минут обучается пользоваться видеоплеером на DVD или ПК. Следовательно, основная проблема — обеспечить достаточно простой поиск, выбор и монтаж нужных нам фрагментов видеоматериалов из *архива*.

Для этого необходимо наличие двух ключевых составляющих:

1) каталогизированной базы видеоматериалов, из которых будет производиться нарезка фрагментов;

2) программного обеспечения, которое позволит обеспечить выборку фрагментов видео и «склеить» из этих фрагментов видеофильм, пригодный для дальнейшего использования.

Рассмотрим практический пример с *архивом* в формате avi, размещенном на ограниченном количестве жестких дисков ПК, объединенных в высокоскоростную сеть доступа.

Услуги, доступные пользователям:

— по желанию заказчика (карта-запрос, автоматически), выбрать нужные фрагменты фильмов и объединить их в один avi-файл;

— перекодировать полученный avi в нужный для заказчика формат;

— записать полученный проект на требуемый тип носителя.

Для реализации услуги используется следующая схема:

Карта запроса загружается на исходный мастер по поиску требуемых файлов и интервалов кадров, которые предстоит вырезать и склеить в единый avi.

Определяются местонахождение объектов и их физическая адресация (например: машина а: диск C:\T1), на указанных машинах запускаются скрипты и выполняется выборка и сшив фрагментов в единый файл в последовательности, определенной пользователем.

По мере готовности файлы сбрасываются по сети на головную машину, где на скриптах происходит их окончательная сшивка.

После завершения сшивки запускается кодировщик (например, Canopus) и устройство записи (задача определяется пользователем). Можно писать на DVD, флэшки или VHS-магнитофон, зависит только от потребностей заявителя.

Алгоритм способен работать в двух режимах: «Wizard» (полностью автоматизированный цикл) и ручном (оператор управляет ключевыми шагами).

Сразу оговоримся, готового и лицензированного пакета у нас нет. Все это (и многое другое) было сделано «для себя» и требует доводки и совершенствования. Если кого-то заинтересуют результаты наших исследований — мы всегда открыты для взаимовыгодного сотрудничества.

В заключении, в качестве примера такой работы, переведенного в «бумажный вариант» мы предлагаем материалы из создаваемого нами архива профессора, доктора исторических наук Татьяны Николаевны Троицкой, который мы начали делать в 2009 году.

На сегодня архив состоит из видеозаписей бесед с Т. Н. Троицкой (общая продолжительность около 300 минут), видеозаписи бесед с ее учениками: академиком РАН В.И. Молодина (ок. 160 мин.); доктором исторических наук А.В. Матвеевым (ок. 200 мин.); доктором исторических наук В.А. Захом (ок. 90 мин.); кандидатом исторических наук, зав. кафедрой НГПУ Л. И. Дремовой (ок. 30 мин.); кандидатом исторических наук А.А. Воробьевым-Исаевым, директором средней школы в с. Каргасок Томской области (ок. 60 мин.). Видеосъемки с конференции, посвященной 85-летию юбилею Т.Н. Троицкой, где выступали ее ученики и она сама с научным докладом (ок. 90 мин.). В архив вошли оцифрованные фотоматериалы (около 500 единиц).

Основой этой публикации стал материал о Т.Н. Троицкой — педагоге, воспитавшей целую когорту археологов.

Татьяна Николаевна Троицкая рассказала сама — о своих родителях, учебе и пути в науку, а так же о своих учениках.

Запись рассказа Т.Н. Троицкой

«Я родилась в 1925 году, в Тбилиси, где работали мои родители. Потом я росла в Ереване, и незадолго перед войной мы уехали с Кавказа в Орел. Оба мои родители, ботаники. Папа профессор, доктор наук, заведовал кафедрой ботаники.

Фактически в археологию в историю меня привел мой отец. У меня отец, когда я была маленькая, пытался выяснить, куда идут мои интересы, и он мне подсовывал разные книги, рассказывал мне об Атлантиде, об острове Пасхи. Он хотя ботаник, но был широкого кругозора и много знал. Когда папа выяснил, что у меня гуманитарное, историческое направление, стал таскать мне книги. Я уже в 8 классе совершенно определенно знала, что я буду археологом. У нас выпускали классный письменный журнал, и я там писала про себя, что «...археолог среди знойных песков, погруженный в привычную думу, ищет памятник прошлых веков...». У меня было такое представление об археологии. Больше всего я любила математику, но математикой я заниматься не собиралась. У меня были такие настроения быть либо историком археологом, либо математиком. Археологом или физиком-ядерщиком, археологом или астрономом. Меня к математике тянуло. Во время войны, когда пришлось выступать в госпиталях, я даже считала, что буду чтецом декламатором или археологом.

Вторая моя специальность менялась часто, а вот археология оставалась очень прочно. Но, к сожалению, во время войны, куда был эвакуирован Орловский пединститут, в котором работали мои родители, там не было исторического факультета и я поступила на естественно-географический. Прочилась полтора года, училась отлично, но через полтора года я больше не выдержала и ушла работать, а потом во время реэвакуации узнала, что в Липецке был Московский пединститут имени Ленина, и я поступила туда на заочное отделение. Первый курс кончила заочно, а потом переехала в Москву. Но там я прочилась семестр с хвостиком. У меня в начале месяца украли карточки, сумочку со всеми деньгами карточками и документами. А как раз сессия была. Мне студенты скинулись по талончикам пять граммов жира, и я в течение почти месяца, работая в исторической библиотеке, могла купить порцию редьки с этими пятью граммами масла. Но до этого в эвакуации бруцеллез схватила. Тут у меня все обострилось, и я полностью слегла. Отец мой к этому времени переехал в Крым, где в Симферополе заведовал кафедрой ботаники. И мне очень нравилось в Московском пединституте, у нас были замечательные преподаватели, но я совершенно слегла. Приехал мой отец погрузил меня в вагон и выгрузил меня в Симферополе, и дальше я стала учиться в Симферополе. В Симферополь после войны в 1945 году приехала археологическая экспедиция Музея изобразительных искусств имени Пушкина и Института материальной культуры во главе с Шульцем. Папа познакомил меня с Шульцем. Шульц меня сразу пригласил в экспедицию, и я пошла туда на Неаполь Скифский и на всю жизнь до сих пор осталась со скифами. После окончания, меня оставили в институте вести практические занятия по древнему миру, вот тогда я уже поняла, что я в первую очередь педагог. И я вот про себя могу сказать да я археолог, но я вот чувствую себя, прежде всего, педагогом. Это мое основное главное призвание.

Фактически моим учителем в институте был Павел Николаевич Шульц. Очень интересный человек. Когда у нас открылся Крымский филиал академии наук и сектор истории, во главе которого стоял Шульц, он туда меня взял старшим лаборантом. Я оставалась немножечко в пединституте — одну группу практических вела, а так работала у него лаборантом. Потом поступила в аспирантуру. Павел Николаевич, еще когда я студенткой была, мне сказал, что надо взять погребения скифов и я собирала материал, на Неаполе Скифском принимала участие, в раскопках мавзолея Неаполя Скифского. Это многое мне дало. Поступив в аспирантуру, я думала, что буду заниматься скифами, но по каким то ведомственным соображениям Павлу Николаевичу моему надо было наладить связь с Рыбаковым. И он засунул в аспирантуру к Рыбакову. И я была полтора года аспиранткой Рыбакова. Рыбаков мне дал тему «Славяне в Крыму». И я начала над ними работать. Через год я выяснила, что славян в Крыму было столько же, сколько негров на севере. А ему нужно было, чтобы я выдала славян в Крыму. Ну и я ушла снова к Павлу Николаевичу к своей теме со студенческих лет — погребения скифов в Крыму и хотя у меня год потерялся, даже больше — на славянскую тематику, я вовремя защитила диссертацию фактически за два года. Главный оппонент у меня был Артамонов, который тогда был директором Эрмитажа. После защиты я была направлена в Уфу, где я немножко поработала, но там не было педагогической деятельности, без которой я не могла жить. Потом у меня муж кончил аспирантуру по сельскому хозяйству и устроился в Новосибирск в институт животноводства. И я туда переехала.

В Новосибирске я устроилась в пединститут на половину ставки, потом через полтора года на ставку перевели, и я вела древний мир и археологию. Сразу я связалась с краеведческим музеем. Краеведческий музей — это второе мое место, я там не работала, но с ним я связана была и связана до сих пор очень тесно.

В пединституте археологию сочли моим хобби, сказали: экспедиция — у вас же отпуск. Езжайте. Но Краеведческий музей выделил некоторые средства, и в первую экспедицию я поехала, не имея представления о том, как копают землянки. В своей жизни я копала каменные поселения, каменные помещения, каменные стены.

И сначала очень тяжело было, археологов здесь не было. Фактически я сюда приехала в 56 году и больше десяти лет я была единственным археологом в области. Приходилось вариться в собственном соку. Вот в первую экспедицию я поехала, я даже не представляла, чем копать. Я считала, что раскопки ведутся киркой. Я бегала по городу, искала кирки, а их не было. Пришлось ехать с лопатами, но когда в поле мы начали копать земляной курган, я поняла: как бы дурачки я выглядела с этими кирками.

Мне сначала было трудно вживаться, но когда я попала в Красный Яр и стала раскапывать такие замечательные памятники — в это трудно поверить, но на какой то момент я настолько вошла в жизнь ирменского населения, что буквально почувствовала топот их ног. Вот с тех пор я поняла, а это было на третье лето после Крыма: я поняла, что я сибирский археолог, и мне нужна Сибирь.

В первую экспедицию со мной поехали случайные студенты, и я поняла, что студентов в экспедицию надо готовить. Самый первый ученик у меня был Дрёмов. Затем у меня был очень хороший ученик — Слава Молодин. Он пришел и сразу на первом курсе сказал, что интересуется археологией. Я ему показала коллекции, он загорелся и так и остался у меня в археологии. Он был очень активным человеком, и его хотели утащить на комсомольскую работу. А я стала комсомольцам доказывать, что для Молодина лучший вид комсомольской работы — это лаборант на общественных началах. Потом для Молодина мне удалось получить полставки в деканате для написания объявлений.

У меня был очень хороший ученик — Женя Сидоров — это редкий человек. Он у меня взялся за археологический кружок. Всем раздавали доклады, которые каждый обязательно делал — это как школа была.

Еще вот из хороших учеников у меня был Матвеев. Рано получил Открытый лист, вел раскопки, защитил кандидатскую. Очень скромный, очень талантливый, очень хорош в археологическом коллективе.

Был у меня своеобразный ученик Зах. Нашелся он у меня в школе — я приехала в Ордынку прочитать лекцию и там меня познакомили с мальчиком, который все свободное время бегаёт по обрывам и собирает какие то камешки — вот такой стихийный интерес к археологии. Я с ним познакомилась, договорилась, что он будет в пединститут поступать. Учился он сложно, он своеобразный человек. Фактически для меня было два Заха: один Зах на раскопках — дисциплинированный, умный, толковый, хватающий все на лету и с удовольствием занимающийся археологией. В разведке — собачий нюх на памятники, особенно на неолит. Рано получил Открытый лист. На первом курсе я ему уже доверила самостоятельный участок на раскопе. Второй Зах — в институте. Там он был недостаточно дисциплинирован, конфликтовал.

Поскольку я, прежде всего, педагог, я хочу сказать, какие события наставили на это меня в моей жизни.

Первое — это мой отец. Он был хорошим лектором, заведовал кафедрой. Он придерживался такого мнения, что если студенты критикуют преподавателя, то в этом есть зерно истины, даже если критика преувеличена, неправильна. Но к этой критике надо всегда прислушиваться.

Второе. Этому меня научил К.И. Тодорский. Он мне сказал: «Таня, запомните себе навсегда: если у преподавателя возник конфликт со студентом, то в этом виноват преподаватель. Виноват потому, что допустил возможность этого конфликта».

Третье. Снисходительной к знаниям быть нельзя, но надо понимать, что перед тобой человек, и надо войти в его положение.

И еще одно. Это мне никто не говорил. Что трудней дается преподавателю? Самое трудное то, что надо понять, а многие до пенсии считают, что студенты для него, а надо понимать, что ты для студентов».

Как понимает читатель — это лишь малая часть записанного материала, характеризующего жизнь и педагогическую деятельность ученого, и кроме рассказа самой Татьяны Николаевны, мы включили рассказы ее учеников о ней и ее таланте педагога.

Академик В.И. Молодин

Татьяна Николаевна приехала в Новосибирск зрелым ученым, кандидатом исторических наук она прошла школы античной и скифской археологии, поэтому наша (*Новосибирская — прим. авторов*) школа уходит корнями еще и к академику Б.А. Рыбакову, который оказал на нее огромное влияние. Она педагог, и самое любимое дело для нее было преподавание, возня со студентами. Лекции она читала академично, видимо сказалась и та школа, которую она прошла, и семья. Академические лекции она сочетала с очень интересными семинарами, на которых она учила нас самому главному — думать.

Мне повезло, что я был у Троицкой один. Конечно, были ребята, которым нравилось ездить в поле и даже на конференции, но никто в дальнейшем свою судьбу с археологией не связывал, а я связывал, и Татьяна Николаевна возилась со мной. Это было очень полезно, потому что было постоянное общение. Первые доклады — это были ее доклады. Я блистал с ними, но по существу это были — ее. Она переписывала их по несколько раз, меня заставляла, это было тяжело, но очень полезно. Но в конце, уже курсе на пятом я все писал сам.

Доктор наук А.В. Матвеев

Татьяна Николаевна для нас, учеников, больше, чем учитель. Правильно именно: «Бабушка сибирской археологии», как Вы сказали в фильме. Только в Тюмени ее учеников три поколения, а в Новосибирске еще больше. Мы познакомились с Татьяной Николаевной на лекциях по истории древнего мира. С одной стороны, нас подкупала ее демократичность и доступность, с ней можно было говорить обо всем, она не возводила стену между собой и студентами. Но при всей доступности это человек, до которого надо было дотягиваться изо всех сил, благодаря ее багажу знаний, общему уровню культуры. Иногда она обнаруживала такое знание поэзии или музыки, что ты чувствовал себя неполноценным. Она эти знания не афишировала, не кидалась ими, но ориентиры ставила, и ты понимал, что ты до этих высот еще не дорос.

Татьяна Николаевна умела научить и профессиональному ремеслу, причем научить очень надежно и просто. Каким образом? Давая человеку задания, давая проявить самостоятельность, давая один на один столкнуться с раскопом. А потом, это все обсуждая и проверяя, приводила примеры методических разработок, получалось, что это (обучение) было как «проверка боем», и это все запоминалось и усваивалось очень быстро.

И я скажу, что студенты Татьяны Николаевны были подготовлены очень здорово в плане полевого ремесла. И еще о чем стоит сказать — одного ремесла мало, и Татьяна Николаевна умела людей подтолкнуть, чтобы рождались новые идеи. Видимо, как настоящий учитель и профессионал «от Бога», где-то жестом, взглядом, она давала понять, что хорошо, что не очень. Она могла сказать человеку: «Что-то я у тебя новых идей не вижу», и это заставляло человека так же тянуться. Татьяна Николаевна являлась в те годы идеалом ученого — археолога, за которым студенты тянулись, стремились. Она всегда говорила, что, прежде всего, она педагог, а не ученый. И как-то эта фраза всегда казалась нам спорной, потому что мы слушали ее доклады, читали ее статьи, книги, и казалось, что Татьяна Николаевна принижает себя этим заявлением, и не верили, что она прежде воспитатель, а не ученый. Она создала в нас, учениках, преданность науке и это было очень ощутимо для нас, потому, что мы науку любили беззаветно, но она противопоставляла науку и воспитание и нам казалось это странным. Но потом мы поняли, что ее роль как воспитателя оказалась более важной, чем ее собственные научные разработки. Ведь из этого кружка [археологический кружок при Новосибирском педагогическом институте, который основала Т.Н. Троицкая — *авт.*] вышло много профессионалов и очень хороших людей: известных учителей, педагогов, но, прежде всего — археологов. Пединститут, это не университет, и к археологам там относились скептически. И в этой ситуации Татьяна Николаевна — доцент кафедры — не заведующая, не декан, сумела создать такую прекрасную школу, каких не имели ни завкафедрой, ни декан, а рядовой преподаватель — смогла, и в этом ее уникальность.

Кандидат наук А.А Воробьев-Исаев

Сейчас я работаю в школе в Томской области и в течение уже четырех лет вывожу детей на археологические раскопки. Кроме этого, у нас в школе археология существует как отдельный предмет: с 5 по 8 класс летом дети едут в экспедицию.

Использованные архивные материалы хранятся в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского.

Литература

- Татаурова Л.В., Орлов П.В.* 2008. О чем не снимают кино... // *Аудиовизуальная антропология: Теория и практика. Сборник статей IV Московского Международного фестиваля и конференции визуальной антропологии «Камера — посредник».* — М. С. 283–292.
- Татаурова Л.В., Орлов П.В.* 2010. «Повести о сибирских ученых». Как сделать этот проект общероссийским // *Международная научно-практическая конференция (в рамках 5-го Московского международного фестиваля визуальной антропологии «КАМЕРА— ПОСРЕДНИК».)* М. С. 198–214.

Исследования интерьера трипольских построек (конец XIX — начало XX вв.)

Д.К. Черновол

Институт археологии НАН Украины. Украина, г. Киев

По ходу открытия и исследования В.В. Хвойкой памятников трипольской культуры в конце XIX в., им отмечалось, что среди строительных остатков наземных сооружений находится ряд глинобитных конструкций, относящихся к внутреннему убранству древних построек. Впоследствии, уже после работ многих археологов выяснилось, что они являются деталями интерьера хозяйственно-бытового и сакрального предназначения. Однако в среде исследователей возникла дискуссия по поводу интерпретации обнаруженных наземных построек, получивших терминологическое определение «площадка». Вопрос о предназначении выявленных объектов интерьера рассматривался, согласно концепции, которой придерживался тот или иной автор исследований. Целенаправленное исследование элементов интерьера начинается только в последней четверти XX в. В дальнейшем изучение этих объектов позволило определить предназначение обнаруженных построек, сделать типологический анализ сооружений, а также произвести социальные и демографические реконструкции древнего общества.

Наземные постройки (площадки) В.В. Хвойка считал погребальными сооружениями и местами для отправления определенных обрядов. В процессе археологических исследований на раскопанных им глинобитных сооружениях был обнаружен ряд конструктивных элементов, которые не относились ни к завалам остатков стен, ни к деталям пола. Это были возвышения квадратной или округлой в плане формы или же их фрагменты, иногда окрашенные в красный, желтый, белый цвета, а также бортики (карнизы) изготовленные из глины. В.В. Хвойка не делает попыток их интерпретации, а также не указывает на место их размещения в сооружении. Он ограничивается лишь описанием и дает названия, которые приблизительно отвечают их форме и внешнему виду. В.В. Хвойка пользуется терминами: пьедесталы, глиняные столпы, уступы на которых была расставлена посуда, глиняные карнизы с вмонтированными в них камнями (Хвойка, 1901). Эти названия на долгое время устанавливаются в среде исследователей трипольской культуры.

Открытую культуру, В.В. Хвойка, разделил на два периода «А» и «В». Он отметил, что обнаруженные им конструкции в постройках характерны лишь периоду «В» (Хвойка, 1901). Тем самым, отнеся наличие указанных конструктивных деталей к характеристике определенного этапа развития культуры. Подобный подход к изучению вопроса имеет место и на современном этапе развития исследования трипольской культуры (Цвек, 1976; Заяц, 1990; Черновол, 2006).

В отличие от него, В.А. Городцов, осматривая раскопанные В.В. Хвойкой площадки возле с. Юшки, будучи участником XI археологического съезда, увидел в обнаруженных конструкциях детали интерьера хозяйственно-бытового предназначения (Городцов, 1900). В результате чего пришел к совершенно противоположным выводам по поводу интерпретации исследуемых построек.

Владея информацией об интерьере на современном этапе исследований можно предположить, что описанные В.В. Хвойкой окрашенные в красную краску пьедесталы являются жертвенниками. Уступы с расставленной посудой могут быть подиумами или же припечным возвышением, где обычно расставляется посуда. Карнизы с вмонтированными камнями являются корытцами с установленными в них зернотерками. Однако, необходимо уточнить, что соответствующая интерпретация проведена благодаря обнаруженным конструкциям на площадках томашовской локальной группы. Эта группа, находящаяся в Буго-Днепровском междуречье, является на сегодняшний день наиболее изученной. Информация же о памятниках Среднего Поднепровья сегодня требует уточнений и соответственно определенного критического анализа.

Одновременно с исследованиями В.В. Хвойки на рубеже XIX-XX вв., археологические исследования проводились на трипольских памятниках Буго-Днепровского междуречья под руководством Н.Ф. Беляшевского, А.А. Спицына, В.Н. Доманицкого.

Тщательно изучив обнаруженные площадки, они пришли к выводу, что они являются остатками жилых построек, возникших, по их мнению, в результате преднамеренного обжига (Беляшевский, 1900). Интерпретация обнаруженных конструкций и объектов на площадках как печи и открытые очаги явилась для них основным доказательством того, что перед ними жилые постройки. Тем не менее описания обнаруженных объектов крайне не четки. Из всего изложенного можно догадаться, что для печных конструкций характерны многослойное залегание обмазки, наличие вблизи фрагментов карнизов

и залегания в отдельных случаях рядом с конструкцией ошлакованной обмазки. Однако все элементы интерьера выглядят как многослойные конструкции из нескольких пластов глины. Следуя вышеизложенному описанию объекта, в жилище могло оказаться не одна, а несколько печей. Например, в жилище № 5 поселения Колодистое было обнаружено 8 печей (Спицын, 1904: 108). Однако на исследованных площадках были обнаружены аналогичные объекты, а также следы ошлакования, которые не были выделены как остатки печей. Исследователи не делали предположений, что площадка могла возникнуть в результате бытового пожара или преднамеренного сожжения. Несмотря на убедительность своих предположений по поводу интерпретации обнаруженных построек, авторы не дали четких критериев для определения выявленных объектов.

Кроме печей А.А. Спицыным, Н.Ф. Беляшевским и В.Н. Доманицким были обнаружены и другие конструктивные элементы интерьера. К таким деталям интерьера относятся многочисленные карнизы и так называемые окружки или округлые возвышения. Они воздержались, от каких либо интерпретаций ограничившись внешним описанием этих объектов.

В некоторых случаях при описании деталей интерьера А.А. Спицын подчеркивал, что они не были связаны с глинобитным полом, а были нанесены на грунт и как бы пронизывали вышеупомянутый пол насквозь. Сейчас известно, что раскапываемое поселение Колодистое относится к небелевской локальной группе. Жилые постройки этой группы отличаются тем, что подавляющее большинство из них на первом этаже очень сильно насыщены элементами интерьера в виде прямоугольных и округлых в плане возвышений. Возможно, что в вышеупомянутом случае исследователем указывалось на детали интерьера находящиеся на первом этаже.

Собственно говоря, авторы вплотную подошли к вопросу двухэтажности трипольских построек, но ограничились лишь описанием обнаруженных объектов. Так А.А. Спицын при описании площадки высказывает мнение, *«Соблазнительно думать, что это куски карнизов и обмазки, упавшие с потолка или стен какого-либо деревянного сооружения»* (Спицын 1904: 116). Тем не менее, далее он отрицает свое предположение и относит обнаруженные им детали к разрушенным элементам печей.

Кроме того, описывая находящиеся в постройке ямы, он указывает, что они обложены по стенкам обмазкой. Не производя при этом критического анализа, как в таком случае на обмазке снизу находятся отпечатки от плах, на которые выложен горизонтально находящийся пол жилища.

Приблизительные замечания возникают и у В.А. Городцова при осмотре трипольских площадок во время XI Археологического съезда в Киеве. Он указывает: *«пол лежал не горизонтально, а местами гнулся и провисивался в низ, последнее явление могло случиться лишь при условии присутствия под полом ям, что подтверждается и характером перемешанной как бы насыпной почвы, идущей ниже глиняных площадок, и нахождением под последними цельных глиняных сосудов.»* (Городцов, 1900: 346).

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. археологи вплотную подошли к вопросу двухэтажности трипольских построек. Представление В.В. Хвойки по этому вопросу базировались на основе анализа строительных остатков (Хвойка, 1901: 69). А.А. Спицын и В. А. Городцов не поднимали вопросов касающихся этой проблемы, тем не менее, их замечания косвенно подтверждали наличие в трипольской культуре двухэтажных построек.

Казалось бы, вопрос о предназначении трипольских площадок благодаря уровню его изученности в начале XX в. должен был быть разрешенным, однако этого не произошло.

Исследователи по-прежнему были разделены на два лагеря, они придерживались своего мнения согласно той или иной концепции. Тем не менее, сторонники взглядов на трипольскую площадку как на погребальный комплекс на следующем витке исследований в 1920-х гг. уже не столь радикальны. Они уже не исключают возможности существования наземных жилых трипольских построек (площадок).

В.Е. Козловская, исследуя трипольские наземные постройки на поселении вблизи с. Сушковки категорически отбрасывает версию, что раскопанные объекты являются жилыми сооружениями. Она указывает на то, что ей не удалось обнаружить никаких деталей интерьера хозяйственно-бытового предназначения (печей). Только округлые в плане пьедесталы, которые были окрашены в красный цвет и орнаментированы прочерченными линиями в виде кругов (Козловская, 1926: 51). В.Е. Козловской при проведении археологических раскопок в 1916 году на этом поселении были обнаружены глиняные модели трипольских жилищ открытого типа. Ранее аналогичные находки были сделаны М. Гимнером в 1912 г. на трипольском поселении около с. Попудня. На этих моделях древними мастерами были изображены элементы интерьера, такие, как печи, подиум, порожек, корытце, алтарь. В.Е. Козловская не находит ничего общего с изображением на модели и исследованной ею постройкой. Тем не менее, она не считает, что обнаруженная глиняная модель является отражением жилого наземного трипольского дома.

На современном этапе развития известно, что поселение около с. Сушковки, раскопанное В.Е. Козловской, относится к томашовской локальной группе. Интерьер в постройках этой группы в подавляющем большинстве соответствует его изображению на глиняных моделях жилищ (Черновол, 2008: 168). Орнаментированные пьедесталы являются не чем иным, как жертвенниками, которые находятся почти в каждом жилище томашовской группы. В.Е. Козловская считала, что детали интерьера на модели и в раскопанной жилой трипольской постройке должны максимально совпадать. При этом она не провела критического анализа. Ведь от элементов интерьера, которые на протяжении тысячелетий находились в земле, могли остаться лишь отдельные фрагменты в виде компактных наслоений обмазки (Корвин-Пиотровский, 2006).

К середине 1920-х гг. в результате многочисленных полевых исследований и публикаций в области трипольской культуры был накоплен определенный материал. Это позволило П.П. Куринному сделать первую попытку классификации и типологии обнаруженных наземных и углубленных объектов (Куринной, 1926). Автор придерживался концепции, выдвинутой В.В. Хвойкой, однако, как и В.Е. Козловская, не был столь категоричен в своих суждениях.

П.П. Куринной в своей работе проанализировал и дал характеристику строительного материала (глины), из которого были изготовлены жилища и элементы интерьера. Для данной характеристики им было предложен список из 10 позиций (Там же: 70). Он был составлен по результатам анализа публикаций и отчетов предшественников. В вопросе изучения интерьера характеристика состава глины является крайне важной. Поскольку в большинстве случаев от объектов остаются лишь отдельные фрагменты, выделить которые иногда из общего завала глины возможно лишь по ее составу. К примеру, в 10-ой позиции он акцентирует внимание на специальной обмазке для пьедесталов. И хотя в предыдущих 9-ти позициях нет и слова об обмазке, касающейся внутреннего убранства построек, тем не менее, автор взял правильное направление в исследовании вопроса. Далее П.П. Куринной предлагает 8 типов объектов, из которых первые 3 являются углубленными, а с 4 по 8 — наземными сооружениями (площадками). К жилым объектам, следуя концепции В.В. Хвойки, без сомнения, были отнесены все углубленные объекты, а также 7-ой тип, являющийся площадкой. Все остальные наземные объекты были отнесены к погребальным памятникам. Кроме того, в данной работе П.П. Куринной выделяет отдельные сооружения неопределенного типа и предназначения (Там же: 92).

Одним из критериев выделения наземной постройки жилого типа было наличие на ней определенных элементов интерьера. Авторами раскопок они были проинтерпретированы как остатки печей и других объектов хозяйственно-бытового предназначения, таких как карнизы, жернова, круги, ямки, ямы, стены, входы, потолки, окна. В определении данного типа построек П.П. Куринной пользовался публикациями А.А. Спицына, Н.Ф. Беляшевского, В.Н. Доманицкого, М.К. Якимовича.

Опираясь на предложенные критерии выделения наземных жилых построек, П.П. Куринной высказал сомнения по поводу выводов, предложенных В.В. Хвойкой. Вследствие чего площадки, раскопанные В.В. Хвойкой в Халепье VI, Довжок XXII, XXIII, XXIV, Таборище XXV-XXVI так же были отнесены к жилым объектам 7-ого типа.

П.П. Куринной пытается произвести определенный критический анализ обнаруженных объектов и дает более широкое понимание термина карниз. В его представлении за названием карниз прячутся такие понятия как уступы — «ступенчатое устройство пола», перепонки — «подвешенные фрагменты обмазки к деревянным конструкциям», конечности — «угловые окончания обмазки», окружи — «обмазка круговидных углублений в полу» (Куринной, 1926).

Кроме жилых построек он указывает на наличие определенных деталей интерьера и на других площадках. В выделенном им типе 5 — «коллективные похоронные объекты» в постройках находились квадратные или округлые пьедесталы, окрашенные в красный цвет.

Используя элементы интерьера в проведенном им типологическом анализе, П.П. Куринной фактически согласился с выводами, сделанными предшественниками, не предложив своих вариантов. Правда, с исследованиями, проведенными В.В. Хвойкой в отдельном случае, позволил себе с ним не согласиться. П.П. Куринной не предложил собственных вариантов интерпретации выявленных объектов на площадках, кроме как попытался наполнить смыслом термин карниз.

Не исключено, что наиболее вероятной причиной таких результатов было отсутствие единой системы фиксации раскопанных объектов. Вследствие чего ему приходилось в большинстве случаев лишь соглашаться с результатами уже опубликованных работ. Например, известно, что М. К. Якимовичем в Старой Буде, Н.Ф. Беляшевским и В.Н. Доманицким в Тальном, В.Е. Козловской в Сушковке, а в дальнейшем и самим П.П. Куринным в Томашовке были раскопаны памятники томашовской локальной группы. Однако указанные авторы пришли к совершенно противоположным выводам. Н.Ф. Беляшев-

ский и В.Н. Доманицкий нашли на исследованных ими постройках печи и другие элементы интерьера, подтверждающие, что это жилые постройки. В.Е. Козловская и П.П. Куринной, наоборот, придерживались мнения, что это памятники погребального обряда и кроме орнаментированных пьедесталов (жертвенников) на них ничего нет. Тем не менее, если бы у этих исследователей была единая система фиксации объекта, они бы увидели, что раскопанные ими объекты идентичны и, возможно, пришли бы к совершенно другим выводам. Фактически, из-за этой проблемы критический анализ объектов, раскопанных в конце XIX и начале XX вв., и на сегодняшний день практически невозможен.

Ситуация кардинально меняется в 1934 г. с началом работ совместной трипольской экспедиции ИА АН УССР и ИИМК АН СССР на поселении Коломыйщина I. Авторы археологических исследований этого памятника предложили новую методику фиксации обнаруженных объектов. Раньше археологи наносили в лучшем случае лишь контуры объекта, иногда отдельные конструктивные элементы (рис. 1). Теперь же после расчистки на чертеж наносилось все без исключения — обнаруженные строительные детали, керамика и т. п. Фиксация материала происходила с четкой привязкой к исследуемому объекту в масштабе 1:10 см или 1:20 см. Для этого ими была разработана целая система условных обозначений, позволяющая максимально передать исследуемый объект. Вследствие чего для фиксации строительных глиняных остатков предлагалось до шести условных обозначений (рис. 2). Высокая точность фиксации достигалась за счет рамки размером 1×1 м., разбитой на ячейки указанной выше величины. Данная методика впоследствии была описана Т.С. Пасек (Пасек, 1949: 240). В результате предложенная методика фиксации трипольских объектов в последующие годы становится обязательной для всех исследователей трипольской культуры без исключения. На примере работ, проведенных М. Л. Макаревичем на поселении Белый Камень в 1928 г. (Макаревич, 1940: 455) и в дальнейшем на поселении Сабатиновка II (Макаревич, 1948) можно проследить эти изменения (рис. 3). Несмотря на то, что авторы исследований постоянно меняли систему условных обозначений, принцип передачи фиксируемого объекта оставался прежним. В дальнейшем это позволило произвести критический анализ раскопанных построек по мере накопления искомой информации.

В определении обнаруженных элементов интерьера участники экспедиции под руководством Т.С. Пасек на поселении Коломыйщина I придерживались в описании объектов взглядов и критериев, предложенных А.А. Спицыным. Сама Т.С. Пасек, как и А.А. Спицын, а вслед за нею другие участники экспедиции считали, что концентрация ошлакованной глины является остатками печных конструкций (Пасек, 1940: 45). Возвышения из слоев обмазки без растительной примеси и шлака считали открытыми очагами. Обнаруженные возле конструкций карнизы — сопутствующим элементом печной конструкции. Однако в отличие от прежних исследователей, Е.Ю. Кричевский на основании анализа археологического материала предложил реконструкцию печи (Кричевский, 1940: 492). Аналогичную конструкцию печи было обнаружено во время работы «Трипольской экспедиции» под руководством В. А. Круца в 2001 году, площадка № 31 на поселении Тальянки (Круц, 2001).

Выводы Т.С. Пасек и Е.Ю. Кричевского мало чем отличаются от взглядов на жилище, предложенных в начале века А.А. Спицыным и Н. Ф. Беляшевским. Трипольская постройка снова рассматривалась,

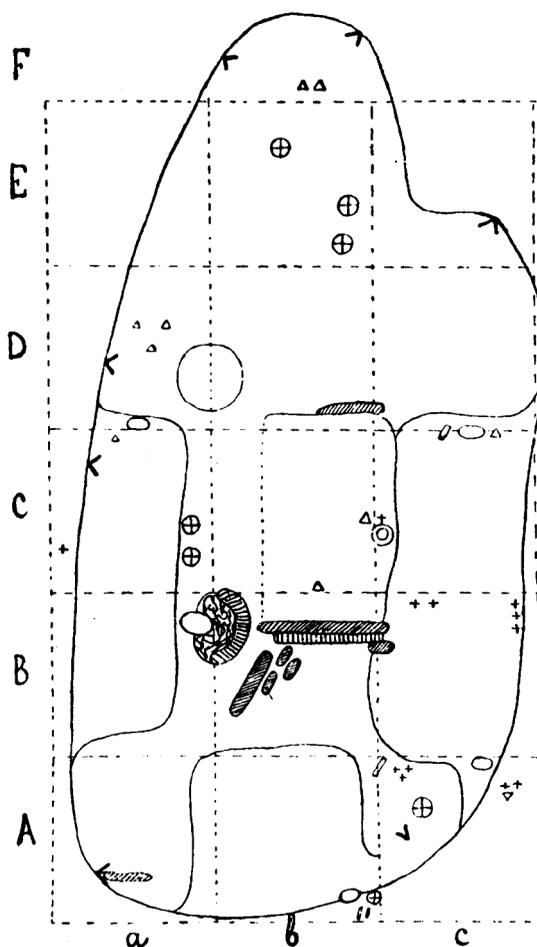

Рис. 1. Чертеж А.А. Спицына, В.Н. Доманицкого 1899–1900 гг. Поселение Колодыстое

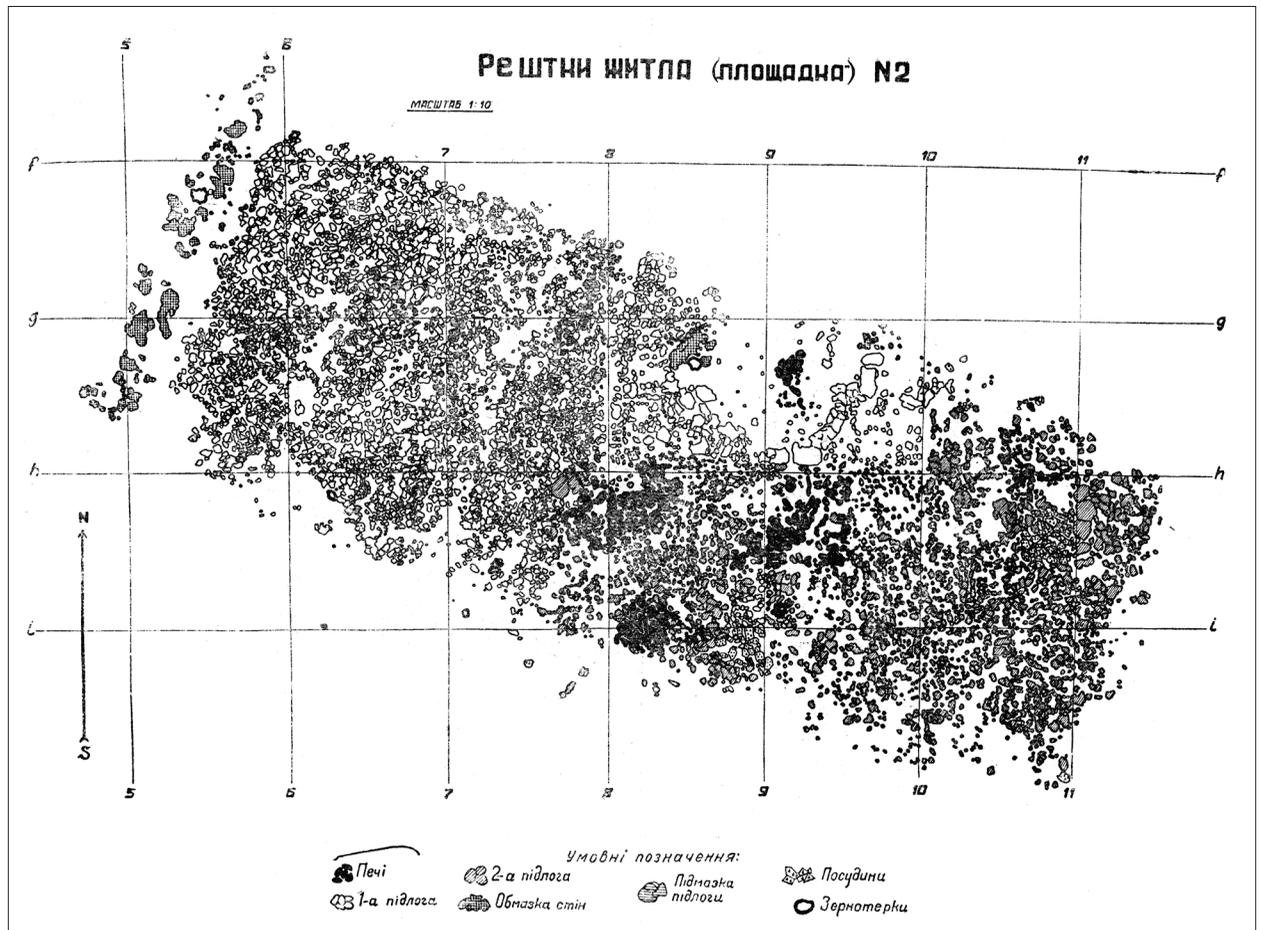
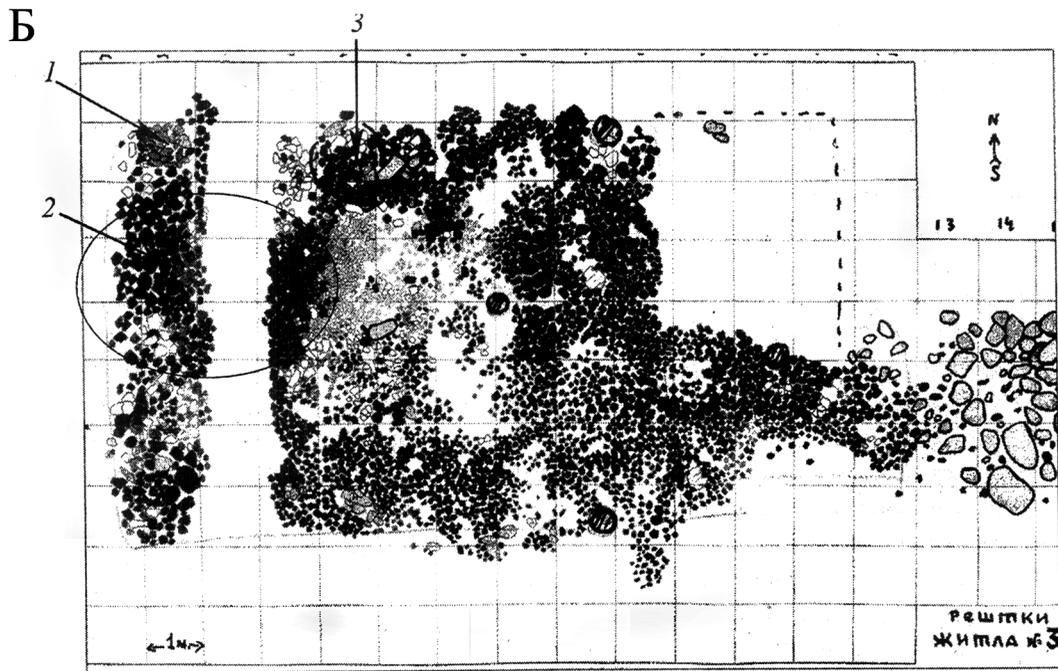
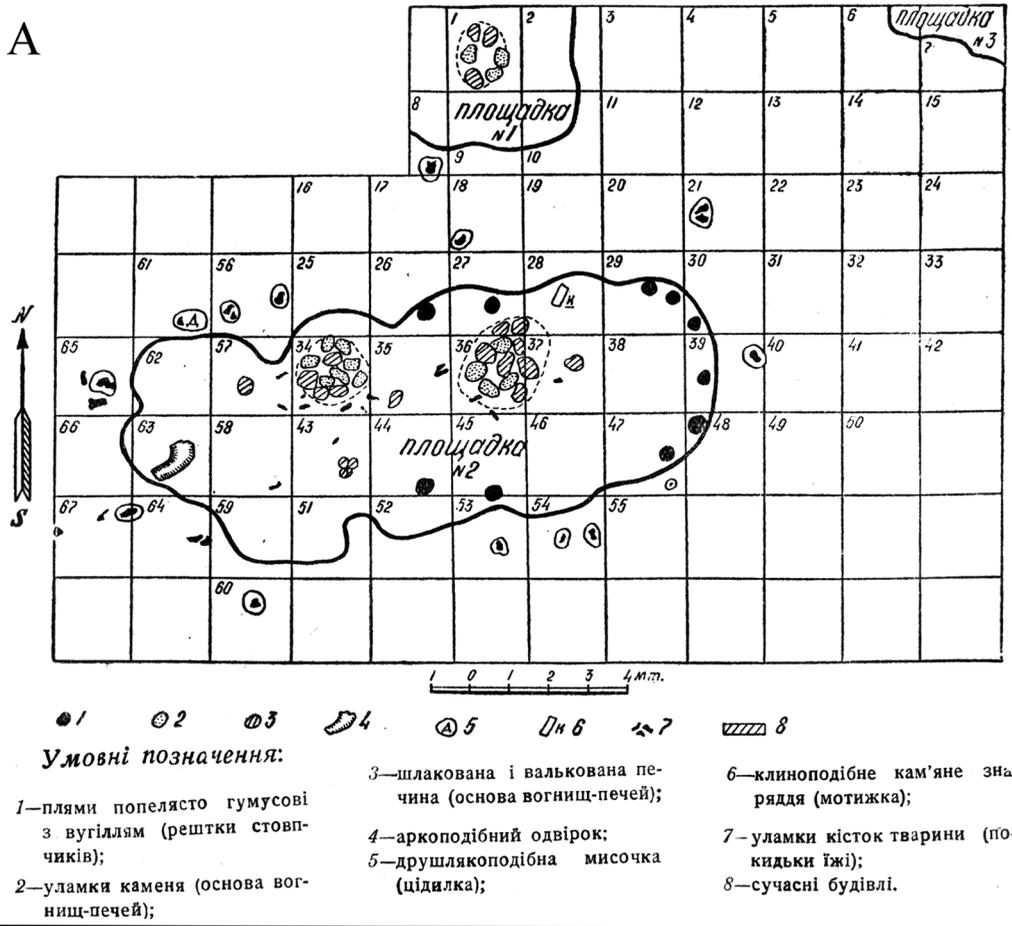

Рис. 2. Чертеж Т.С. Пассек 1934 г. поселение Коломийщина I

как многоочажный жилой дом. Однако теперь трипольское жилище начало рассматриваться еще и как многокамерная жилая конструкция с отдельными входными и хозяйственными помещениями. В связи с этим, Т.С. Пассек выдвинула предположение о социальной реконструкции древнего общества. Она сравнивает многоочажные дома трипольской культуры с многоочажными родовыми домами американских индейцев, в которых возле отдельных очагов размещались отдельные парные семьи (Морган, 1934). Данная точка зрения надолго укоренилась во взглядах исследователей трипольской культуры.

В процессе археологических исследований при раскопках трипольского поселения Владимировка Т.С. Пассек обнаружила постройки, отличающиеся от ранее исследованных сооружений на поселении Коломийщина I. Эти постройки по размещению элементов интерьера были близки глиняным моделям открытого типа, ранее обнаруженным М. Гимнером и В.Е. Козловской. Т.С. Пассек была предпринята попытка провести параллель между раскопанными объектами и существующими моделями жилищ (Пассек, 1938). Таким образом, глиняная модель жилища выступила определенным источником информации. На ней было отражено деление жилища на камеры — жилое и входное помещения. В месте входа в жилое помещение размещался порог, справа от входа в жилой камере — купольная печь, за печью — припечное возвышение, напротив входа — крестообразный жертвенник. Аналогичные жертвенники были выявлены только в жилищах владимировской группы. Напротив печи, вдоль длинной стороны жилой камеры на возвышении была расставлена посуда. Благодаря проведенному сравнению ряд выявленных элементов интерьера на площадках были атрибутированы. Однако, Т.С. Пассек было отмечено, что если на поселении возле с. Владимировка на площадках встречаются соответствующие детали интерьера, то на поселении Коломийщина I они отсутствуют. В отдельных случаях Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевский высказывали предположение, что тот или иной выявленный ими карниз мог служить порогом, возвышением для посуды или корытцем для зернотерки как на моделях открытого типа (Кричевский, 1940: 240; 491).

Площадка № 3 поселення Сабатинівка II.
креслення площадки: 1) крісло-троник, 2) підвищення в торці площадки, 3) плч

Рис. 3. А — Чертеж М.Л. Макаревича, 1928 г. (поселение Белый камень).
В — Чертеж М.Л. Макаревича, 1948 г. (поселение Сабатиновка II)

Т.С. Пассек в постройках трипольской культуры видела многоочажные, многокамерные сооружения для большесемейных коллективов. На моделях же была отражена двухкамерная постройка и одна печь. В связи с этим она пришла к выводу, что модели отражают малый односемейный жилой дом. Однако, используя этот источник информации, была допущена ошибка, на которую указано ранее. Интерьер изображенный на моделях открытого типа из Попудни и Сушковки имел определенное сходство только с интерьером жилищ томашовской локальной группы. Поэтому корректно проводить сравнения между моделями и постройками в пределах памятников томашовской группы. Иначе использовать модель как источник можно лишь косвенно, не смотря на то, что владимировская и томашовская группа памятников принадлежит к единой генетической ветви. Для соответствующих выводов было не достаточно накопленного материала в виде раскопанных площадок.

В результате проведенных раскопок, Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевским были предложены разные варианты типологического анализа построек трипольской культуры, базирующиеся на разных методологических подходах.

Т.С. Пассек построила свою типологию на размерах жилищ, разделив их на три группы (Пассек, 1940: 20). Следуя этому принципу в малых жилищах было по одной печи, в средних и крупных постройках соответственно количество печей возрастало. В самых больших постройках их количество доходило до пяти печей. Понятно, что крупное жилище после сожжения имело больше ошлакованных участков, которые исследователи принимали за печные конструкции.

Кроме типологического анализа жилых построек она выделила площадки хозяйственного предназначения. По мнению Т.С. Пассек, таковой являлась площадка № 7 поселения Коломийщина I (Пассек, 1940: 18). В основу ее предположений легло отсутствие на этой площадке печи. Возможно, что Т.С. Пассек был выбран не совсем верный критерий для определения данной категории постройки, и ошибочные представления о конструкции печи. Однако в данном случае для выделения данного типа постройки был произведен критический анализ элементов интерьера на площадке.

Кроме того, Т.С. Пассек высказала предположение о существовании на поселениях трипольской культуры построек общественного предназначения. Это предположение возникло у нее после обнаружения на поселении вблизи с. Владимировки, модели открытого типа без изображения на ней элементов интерьера. Хотя вопрос о существовании соответствующих построек остается спорным, тем не менее, в данном случае это предположение базировалось на основе критического анализа моделей открытого типа без элементов интерьера. Т.С. Пассек, считала, что модель с изображенными на ней элементами интерьера отражает реально существующую постройку. В таком случае, по ее предположению, модели без интерьера соответствует аналогичное сооружение на поселении (Пассек, 1938: 246). И поскольку в модели отсутствуют детали интерьера хозяйственно-бытового предназначения, то и предполагаемая существующая постройка должна иметь иное соответствующее предназначение. Однако данные утверждения были слабо аргументированы, поскольку эта модель могла являться отдельным типом или вариантом этой категории материала.

Согласно анализа элементов интерьера и предложенной типологии жилых построек Е.Ю. Кричевским и Т.С. Пассек были впервые сделаны графические реконструкции трипольских жилищ. Вначале Е.Ю. Кричевским была предложена схематическая передача конструкции трипольских жилищ (Кричевский, 1940: 239). На схеме были отражены предполагаемые контуры постройки, деление ее на камеры, размещение в ней обнаруженных элементов интерьера. В последующих работах ими была предложена иная реконструкция, где обнаруженные объекты изображались в полном объеме, за счет чего полностью передавался внутренний облик дома и его убранства (Пассек, Кричевский, 1946: 21). На сегодняшний день исследователи трипольских памятников успешно пользуются как одной, так и другой предложенной системой реконструкции исследованных построек.

Кроме типологии Т.С. Пассек, Е.Ю. Кричевским был также предложен свой вариант типологического анализа трипольских построек. Он проанализировал жилища, в исследовании которых принимал непосредственное участие, а также результаты исследований своих предшественников. За критерий оценки им были взяты строительные останки обнаруженных построек и частично элементы интерьера.

В результате у него получилось два варианта типологии, обе были опубликованы в 1940 г. В первом варианте Е.Ю. Кричевский предлагает пять типов трипольских построек (Кричевский, 1940-а: 559). Во втором варианте вначале предлагается три типа построек, затем появляется четвертый тип, соответствующий пятому типу постройки первого варианта (Кричевский, 1940-б: 33). Второй вариант типологии выглядит более упрощенным, хотя фактически является повторением первого. Несмотря на то, что Е.Ю. Кричевский пытался упростить свою работу, она осталась довольно запутанной. Видимо, в связи

с этим в последующие годы исследователи, занимавшиеся вопросами трипольского домостроительства, не пользовались результатами его исследований.

В первом варианте своей типологии Е.Ю. Кричевский поднял вопрос обустройства печных и очажных конструкций, размещения и обустройства входов. В отличие от предыдущих исследователей, в данном случае им непосредственно были затронуты вопросы, касающиеся конструкции и обустройства интерьера в жилище.

Рассматривая печные конструкции, Е.Ю. Кричевский акцентирует внимание, что для их распознавания в жилище важно наличие пода. Вследствие чего концентрация ошлакованной обмазки становится второстепенным признаком (Кричевский, 1940: 571). Ошлакованные фрагменты обмазки были отнесены им к верхней части печи. Далее он отмечает, что данных для реконструкции таковой у археологов крайне мало. Подовая часть печи, по его мнению, выглядит как возвышение, состоящее из нескольких пластов глины. Таким образом, к категории печей им были отнесены все возвышения, находящиеся в постройке. Форма подовой части печи, по его мнению, могла быть прямоугольной, квадратной, округлой или овальной. В одном и том же жилище могли присутствовать все типы печей. Округлые орнаментированные пьедесталы, упоминаемые В.Е. Козловской, Е.Ю. Кричевский отнес к открытым очагам. Он не исключал того, что они могли быть и жертвенниками или же одновременно и тем, и другим. Предлагая данную интерпретацию жертвенников, он абсолютно не пользовался выводами Т.С. Пассек, сделанными в 1938 г. Размеры печей, по его мнению, колебались в связи с их функциональным применением. Большие печи, возможно, использовались для изготовления керамики, печи малых размеров — для приготовления пищи, выпечки хлеба. Обнаруженные в постройке карнизы Е.Ю. Кричевский в большинстве случаев относил к конструкции печи.

Рассматривая место входа в постройку, он провел сравнение с глиняной моделью жилища. Следуя его предположению, перед жилой камерой должно было находиться входное помещение. В этом помещении должна была отсутствовать печь, а между камерами должен был находиться порожек. Однако порожек, по его мнению, был обнаружен в единственном случае — площадка № 2 поселения Коломийщина I. Другие варианты, определяющие место входа в жилище, были взяты им из отчетов предшественников. Информация о таких объектах крайне ограничена, к тому же требует определенного критического анализа. Интересно, что, несмотря на большое количество раскопанных на тот момент построек томашовской группы, где указанный порожек является обязательной деталью интерьера, в отчетах о нем ни разу не упоминается. Например, М. Л. Макаревич место входа в жилище на поселении Белый Камень определил по оставшемуся глиняному фрагменту косяка дверного проема (Макаревич, 1940: 456). Аналогичные находки крайне редки, среди всего массива раскопанных построек на сегодняшний день известно всего четыре случая.

Е.Ю. Кричевский и Т.С. Пассек, занимаясь проблемами трипольского домостроительства, столкнулись с той же проблемой, с которой в свое время столкнулся П.П. Куриной. Она заключалась в том, что методика фиксации объектов до них не была отработана. Поэтому площадки, которые были раскопаны предыдущими исследователями, на практике не подлежали критическому анализу. К примеру, на сегодняшний день известно, что постройки томашовской группы по элементам интерьера являются однотипными постройками. Тем не менее, Е.Ю. Кричевский, следуя предложенной им типологии, распределяет постройки этой группы к трем разным типам (Кричевский, 1940-б). Одной из причин такого решения была плохая фиксация объектов, соответственно: плохая фиксация не позволяла произвести необходимый критический анализ.

Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевский не были оригинальны относительно интерпретации обнаруженных элементов интерьера. За основу ими были взяты выводы, сделанные еще А.А. Спицыным. Нужно сказать, что, предложив новую методику фиксации объектов, они лишь положили начало углубленному изучению трипольских площадок и деталей их интерьера. Для изучения археологического объекта это крайне важно, поскольку, если к археологическому материалу в процессе его исследования есть возможность вернуться, то сам объект в ходе раскопок разрушается безвозвратно. Насколько качественно зафиксирован объект, настолько у исследователя есть возможность вернуться к нему в процессе дальнейшего изучения. Соответствующая информационная база, благодаря трудам Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевского, только начала формироваться. В конце XIX — начале XX вв. разработка вопросов, связанных с реконструкцией интерьера, находилась еще на начальной стадии. Определенный сдвиг наметился лишь в 1930–40-х гг., но и в этот период изучение интерьера занимало второстепенное место. В предложенных тогда типологиях жилищ интерьер не занял ключевого места. Кроме того, не все выявленные детали получили свое определение. Нельзя сказать, что сегодня получены ответы на все вопросы, но, благодаря многолетней работе, их все-таки стало меньше.

Литература

- Беляшевский Н.Ф.* 1900. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодыстого Звенигородского уезда Киевской губернии // АЛЮР. Киев. Т. II. С. 148–155.
- Городицов В.А.* 1900. Назначение глиняных площадок в доисторической культуре трипольского типа // АИЗ. М. №11 — 12. С. 345–352.
- Заяц И.И.* 1990. Интерьер жилищ трипольского поселения Клишев // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Киев. С. 69–73.
- Козловська В.Е.* 1926. Точки Трипільської культури біля с. Сушківки на Гуманщині // Трипільська культура на Україні в І. Київ. С. 43–66.
- Корвин-Пиотровский А.Г.* 2006. К проблеме изучения трипольского домостроительства. // Технології і проблеми культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту. Вишнівець. С. 65–69.
- Кордиш Н.Л.* 1940. Звіт про розкопки житла (площадки) № 9 (розкопки 1936 р) // Трипільська культура. Киев. С. 285–305.
- Кричевський Є.Ю.* 1940. Звіти про розкопки (площадок) №№ 13, 23, 5 і 14. Звіт про розкопки житла (площадки) № 13 (розкопки 1937 р). // Трипільська культура. Київ. С. 179–284.
- Кричевський Є.Ю.* 1940-а. Розкопки на Коломійщині і проблема трипільських площадок. // Трипільська культура. Київ. С. 479–592.
- Кричевський Є.Ю.* 1940-б. Трипольские площадки. По раскопкам последних лет // СА. — Т. VI. С. 20–46.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н.* 2001. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г. Киев.
- Курінний П.П.* 1926. Монументальні пам'ятки трипільської культури // Трипільська культура на Україні в І. Київ. С. 67–96.
- Макаревич М.Л.* Археологічні дослідження в с. Білий Камінь // Трипільська культура. — Київ. 1940. С. 453–475.
- Макаревич М.Л.* 1948/1 Отчет Средне-Бугской экспедиции на поселении Сабатиновка II // НА ІА НАНУ. Київ.
- Морган Л.Г.* 1934. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л.
- Пассек Т.С.* 1938. Трипольские модели жилища // ВДИ. М. № 4. С. 235–246.
- Пассек Т.С.* 1940. Трипільське поселення Коломійщина // Звіти про розкопки жител (площадок) № 1, 2, 4, 11. Київ. С. 43–177.
- Пассек Т.С.* 1940. Трипільське поселення Коломійщина // Трипільська культура. Київ. С. 9–37.
- Пассек Т.С. Кричевський Е.Ю.* 1946. Трипольские поселение Коломийщина // КСИИМК. — № XII. М. С. 14–22.
- Пассек Т.С.* 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА. М. № 10 — 245 с.
- Спицын А.А.* 1904. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодыстаго Киевской губернии // Известия ИАК. № 12. СПб. С. 87–126.
- Хвойка В.В.* 1901. Каменный век среднего Поднепровья // Труды XI АС в Киеве 1899. М. Т. 1. С. 736–812.
- Цвек Е.В.* 1976. Домостроительство и планировка трипольских поселений (по материалам раскопок в с. Шкаровка) // Энеолит и бронзовый век в Украине. Киев. С. 46–69.
- Черновол Д.К.* 2009. Интерьер трипольского жилища по материалам поселения Тальянки // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки. Киев. С. 168–191.
- Черновол Д.К.* 2006. Порівняльна характеристика споруд небелівської групи та томашівської групи трипільської культури // Тези доп. Між нар. Науково-практичної конф. «Технології і проблеми культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту». Вишнівець. С. 51–53.

Книжные собрания выдающихся ученых как источник по истории археологии: по материалам личной библиотеки ф. К. Вовка (Волкова)

И.В. Черновол

Научная библиотека ИА НАНУ. Украина, г. Киев

Частные библиотеки, являясь памятником истории и культуры времени их формирования, представляют собой своеобразный, очень важный исторический источник. Изучение состава книжного собрания, его происхождения, а также различного рода маргиналий, позволяет исследователю составить более конкретное представление о взглядах владельца этого собрания и их эволюции. Кроме того, исследователь получает в свое распоряжение богатейший материал о культурной жизни в тот или иной исторический период, о наблюдаемых в ней взаимодействиях и взаимовлияниях.

До недавнего времени происходило умышленное распыление национализированных библиотек, принадлежавших ранее различным учреждениям и частным лицам — представителям интеллектуальной элиты Украины. Сегодня назрела необходимость в обобщении огромного количества фактического материала по истории формирования и составу частных книжных коллекций, выяснения их роли в формировании фондов общественных и государственных библиотек. Сейчас вновь стало возможным говорить о том, что владельческие коллекции — памятники культуры, отражающие личность владельцев, их знания, вкусы, духовные и практические потребности, характер работы с книгой, пути ее приобретения и использования и, наконец, потребность дарить, завещать или передавать.

Книжные коллекции, переданные владельцами на нужды общества в виде пожертвований, позволили в XIX в. открыть общественные библиотеки. Владельческие коллекции стали, по сути, первоначальным книжным ядром библиотек Украины и России, в частности, библиотек академических структур, фонды которых начали формироваться в первые десятилетия XX века.

Опубликованные работы по данной теме представлены различными видами научных исследований: очерками, статьями, монографиями, печатными каталогами, диссертационными работами. Отдельные аспекты теоретических проблем исследования историко-культурных фондов библиотек рассматривали: Л. А. Дубровина (Дубровина, Муха, 1998), М. С. Слободяник (Дубровина, Слободяник, 1989), Г. И. Ковальчук (Ковальчук, 2004), Л. В. Муха (Муха, 1997). Научно-практическим проблемам исследования частных книжных коллекций, истории их возникновения, их реконструкции посвящены работы С. О. Булатовой (Булатова, 2006), Н. Р. Миронец (Миронец, 2004), Л. М. Дениско (Дениско, 2009), И. О. Римарович (Римарович, 2001). Опубликован ряд исследований Р. И. Кириченко по истории функционирования франкоязычной книги в Украине (Кириченко, 2003), (Кириченко, 2007).

Однако до сих пор книжные собрания выдающихся ученых и общественных деятелей не рассматривались через призму их научной деятельности. В данной статье приведена характеристика личной библиотеки ученого в контексте его археологической деятельности, что дает возможность представить библиотеку в качестве источника для изучения истории развития археологической науки.

В соответствии с поставленной целью обозначены следующие задачи:

- проследить историю формирования библиотеки, пути ее комплектования в разные периоды жизни и деятельности Ф. Вовка на базе источниковедческого и историко-книговедческого анализа;
- установить связи между характером книжного собрания и научными интересами владельца, определить специфические интересы владельца, которые обусловили состав и содержание библиотеки;
- провести библиографическую реконструкцию, определить тематический, хронологический, языковой, видовой анализ книжного собрания;
- дать характеристику личных книжных собраний в качестве источниковедческой базы исследований в области специальных исторических, книговедческих дисциплин и междисциплинарных исследований;
- выявить и систематизировать такие источники, как экслибрисы, суперэклибрисы, штампы, ярлыки, дарственные надписи, владельческие записи, разнообразные пометы на полях);
- дать характеристику книжного собрания в качестве источниковедческой базы для исследования в области истории археологии

При обработке книжного собрания были применены хронологический, типологический, сравнительный метод исторического познания, метод классификации и систематизации исторических источников и библиографического материала.

В последние годы все более очевидной становится необходимость использования междисциплинарных подходов для осмысления такого сложного явления, как личная библиотека. Преимущественно изучается источниковедческая база, исследуются архивные материалы; личные книжные собрания рассматриваются с позиции библиотековедческой, книговедческой. В то же время возможен анализ этого источника в контексте изучения определенной научной деятельности того или иного ученого.

Как нам представляется, книжное собрание может служить источником для изучения таких направлений деятельности ученого:

- деятельности археологических товариществ, учреждений;
- организации археологических съездов;
- деятельности научных обществ;
- полевой археологической деятельности;
- преподавательской деятельности;
- формирования и развития научных школ
- развития методических и методологических принципов;
- формирования научных концепций.

Нередко исследователи, специально занимающиеся историко-биографическими изысканиями, не придают серьезного значения материалам, касающимся частных книжных собраний. Подобное сочетание нескольких аспектов характеристики в совокупности с исследованием традиционных исторических источников может дать интересные результаты за счет взаимного дополнения информации, а иногда открыть и новые факты, не зафиксированные в вышеперечисленных источниках.

В качестве объекта исследования была избрана личная библиотека Федора Кондратьевича Вовка (Волкова), которая хранится в фондах Научной библиотеки Института археологии НАН Украины (ИА НАНУ). Изучая наследие ученого, как специалиста в области археологии, а также смежных с ней наук — этнографии и антропологии, можно дать оценку его личной библиотеки, анализируя ее в качестве источника изучению истории археологической науки.

Федор Кондратьевич Вовк (Волков) (1847–1918 гг.) — был выдающимся ученым, специалистом в области этнографии, антропологии, археологии, общественным деятелем, доктором Сорбонны, действительным членом многих научных обществ. Свою библиотеку он начал формировать ещё в Париже в конце XIX в. и продолжал это в Санкт-Петербурге до 1918 г. Она насчитывала множество отечественных и зарубежных книг, отечественной и зарубежной периодики, энциклопедических и справочных изданий, отдельных оттисков. После смерти Ф. К. Вовка богатое собрание книг, рукописей, документов, археологические и этнографические коллекции согласно его завещанию (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Д. 429) перешли во владение Украинской Академии наук. А именно — «Музея (Кабинета) Антропологии и Этнологии имени профессора Хв. Вовка», специально организованного в 1921 г. в структуре Всеукраинской Академии наук (Історія, 1993: 300) для хранения и изучения научного наследия ученого. В процессе реорганизации академических структур, на основе Музея Антропологии и Этнологии, Всеукраинского Археологического комитета и ряда других организаций был создан Институт археологии. В процессе объединения структур объединены были и их книжные собрания, после чего библиотека Ф. Вовка растворилась среди множества книг.

С целью выделения из фонда библиотеки изданий, которые в прошлом принадлежали к книжному собранию Ф. Вовка, и присвоения им статуса отдельной коллекции, в 2008 г. в Научной библиотеке ИА НАНУ началось специальное исследование. Сейчас на наличие в фонде книг из собрания ученого уже исследован фонд отечественных изданий, продолжается анализ фондов зарубежных изданий, отечественной и зарубежной периодики. Кроме того, проведены исследования по истории создания библиотеки ИА НАНУ (Колесникова, 2008), истории поступления в Украину книжно-рукописных материалов Ф. Вовка (Черновол, 2009), изучается их судьба, также был установлен ряд владельцев (фондодержателей) данного книжного собрания. Надо заметить, что объединение информации, содержащейся в архивных документах, в целостный массив со сведениями, полученными в результате исследования книжных собраний, может дать интересные, порой неожиданные результаты.

В ходе исследования были обнаружены заметки Е. Дзбановского, содержащие краткую справку о библиотеке ученого. Он характеризует библиотеку Ф. Вовка так: *«Перважну кількість книжок зібрав він*

Рис. 1. Экслибрис Ф.К. Вовка (Волкова)

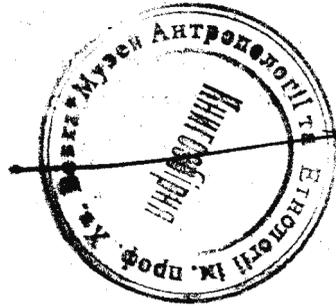

Рис. 2. Оттиск печати Музея Антропологии и Этнографии им. проф. Хв. Вовка

у Парижі і тому в його бібліотеці було багато іноземних видань, комплектів іноземних журналів і рідкісних монографій. Чимало книжок придбав Хв. Вовк у Петербурзі, тому в його бібліотеці представлена також добре російська етнографічна, антропологічна і археологічна література. Українські видання Хв. Вовк збирав всюди — і за кордоном, і в Росії. <...> Загальна кількість книжок бібліотеки Хв. Вовка дорівнювалася 3804 тт. З них журналів і серійних видань — 2215 кн. од., відділу антропології — 420, археології — 280, етнографії — 615, історії України — 90, varia — 284.” (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Д. 430а. Л. 1–3).

Таким образом, были получены предварительные данные о тематической и количественной характеристике книжного собрания. Стало понятно, на какие подразделения фонда стоит обратить особое внимание. Кроме того, в документе шла речь и о некоторых отличительных признаках библиотеки Ф. Вовка: «Книжки Хв. Вовка мають на собі прикмети його власної праці: підкреслення, риски /дві/ на полях, іноді короткі позначення змісту на полях. Книжок з такими позначками є близько 300 з загальної кількості книжок, що залишилися...». (НА ИА НАНУ. Ф. 1. Д. 430а. Л. 5).

Кроме того, работники библиотеки и читатели неоднократно обращали внимание на различные пометки, автографы, наклейки, экслибрисы, которыми пестрят книги, в особенности, изданные до 1917 года. Среди них — экслибрис Ф. Вовка, его автографы, дарственные надписи в его адрес и т. п.

Таким образом, был обозначен ряд признаков, по которым коллекция могла быть выявлена в фонде, а именно: экслибрис, автограф владельца, дарственная надпись от автора или редактора книги, владельческий знак на корешке книги "Х. В." или "Т. V.", пометки на полях книги.

Экслибрис ученого — представляет собой небольшой печатный листочек бумаги размером 5,5 x 5,8 см с типографским оттиском рисунка. Сюжет его несложный — в круге изображена голова волка в очках, который склонился над раскрытой книгой, словно читает ее. Вверху надпись “Ex libris”, а внизу — имя владельца на латыни “Th. Vovk” (рис. 1).

Все вышеперечисленные признаки являются материалом для реконструкции книжного собрания Ф. Вовка. Кроме того, книги собрания хранят на своих страницах штамп фиолетового цвета, который по центру имеет надпись «Книгозбірня», а по кругу — «Музей Антропології та Етнології ім. проф. Хв. Вовка» (рис. 2), поскольку после переезда библиотеки ученого в Киев именно это учреждение стало первым обладателем данного книжного собрания.

Поиск книжного собрания осуществлялся путем последовательного просмотра отделов фонда. Таким образом, в фонде отечественных изданий обнаружено 312 книг XIX — начала XX века, принадлежность которых к книжному собранию ученого не вызывает сомнения.

Вычлененный книжный массив был проанализирован в ходе научно-библиографической обработки. В данном случае библиографическая реконструкция и книговедческий анализ были необходимы, поскольку рассмотрение книжного собрания в контексте археологической деятельности опирается на данные книговедческого анализа и реконструкции, и тесно с ними связано. В состав собрания входили: книги, отдельные оттиски, даже статьи из газет, оправленные в переплет. Среди собрания были монографии, сборники научных трудов, справочные издания, словари, учебные пособия. Книжное собрание, помимо прочих, содержит и собственные работы Ф. Вовка, вышедшие в свет при жизни автора под собственной фамилией (Волк или Волков), псевдонимами (в данном случае — Кондратович) или криптонимами, а также работы, которые ученый редактировал или переводил.

В выявленной части книжного собрания преобладает литература, которая, несомненно, указывает на причастность владельца к научной среде. Основную часть фонда представляют издания по этнографии, антропологии, истории и археологии, указывая на предмет научного интереса Ф. Вовка. Большая часть книг издана на русском языке. Большинство изданий книжного собрания Ф. Вовка печаталось в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Львове. Состав библиотеки указывает на научный, исследовательский интерес ученого, его деятельность как редактора множества изданий, публиковавших материалы по археологии, антропологии, этнографии, истории.

Собирая свою библиотеку, Ф. Вовк не обошел вниманием исследования В. Антоновича, Д. Анучина, А. Спицына, М. Драгоманова, В. Ляскоронского, Г. Вейса, Л. Нидерле, Г. Обермайера. Также в состав его собрания вошли такие основательные, фундаментальные работы, как многотомные издания: «Этнографическое обозрение», «Труды этнографическо-статистической комиссии в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом» под редакцией П. Чубинского, «Сборник Отделения Русского Языка и словесности Императорской Академии наук», «Труды Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества», «Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии», «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894» и многие другие. Характер книжного собрания Ф. Вовка является непосредственным отражением личности ученого, воссозданием жизненного и творческого пути ее владельца, источником характеристики его как личности и ученого, его исследовательской культуры, информационным ресурсом к изучению развития истории археологии.

Проводя библиографическую реконструкцию библиотеки, мы воспроизводим «библиотечный образ эпохи», рассматривая ее как исторический источник. Важным методом реконструкции личных библиотек являются исследования истории их происхождения на базе следующих источников: владельческих знаков — экслибрисов, супеэклибрисов, штампов, дарственных надписей, автографов, помет на полях, которые являются ценным материалом для реконструкции исторической судьбы книжного собрания Ф. Вовка. Книги содержат дарственные надписи на форзацах или титульных листах, постраничные записи, свидетельствующие о личных контактах владельца с учеными разных стран мира, с которыми Ф. Вовк имел возможность работать или был знаком. Благодаря научным контактам библиотека ученого пополнялась: он не только покупал книги, но и получал их в подарок; авторскими экземплярами мог обмениваться с коллегами.

Выделенная часть книжного собрания отличается разнообразием автографов, принадлежащих многим деятелям русской науки и культуры. Е. Дзбановский пишет: „Є 406 книжок з присвятами Хв. Вовку різних західньо-європ., америк. та вітчизняних авторів. З вітчизняних авторів назвемо: Анучин Д., Ковалевський М., Шахматов О., Третьяков Д., Багалій Д., Хвойко В., Ляскоронський В., Івановський О., Біляшівський М., Ефименко П., Данилевич В., Новицький О., Макаренко М., Шероцький К., Криштафович Н., Бяльницький-Буруля Ф., Яцута К., Арсеньев В., Федоровський А. і багато інші.

З іноземних авторів відзначимо: Huernes M., Dechelette I., Deniker J., Manowrier L., Niedrle L., Mateigka, Montelius, Mortillet A., Sebillot P., Leite de Vasconcellos, Chervin Giroux L., de Baye, Andree R., Stolyhwo, Fiala F., Tylor, Lehman-Nitsche, Loth, Laville A., Rivet, Poniatowski, Talko-Hryniewicz J., Török, Coutil L., Mochi A. і багато інші.” (2: 5–6).

В вычлененной части книжного собрания содержатся имена многих автографодателей. Собранная в сохранившихся автографах информация свидетельствует о широких научных контактах Ф. Вовка с украинскими и российскими учеными, писателями, общественными деятелями и может стать объектом не только историко-книговедческих и культурологических исследований. Кроме того, она является ценным источником для многоплановых междисциплинарных исследований указанного периода, археологических исследований, а также исследований, связанных с историей археологии.

Именно потому работа с дошедшими до нас комплексами книг или отдельными книгами из того или иного собрания дает важнейшие результаты. Поскольку в XVIII — начале XX вв. владельцы библиотек часто надписывали книги, оставляли пометы на полях страниц и даже пространные записи на форзацах, книжное собрание нередко приобретает отчасти свойства архива. Научная ценность этих необычных рукописных материалов бесспорна. Их выявление, публикация и изучение позволяют вводить в научный обиход интереснейшие сведения по истории отечественной науки и культуры.

Среди книг собрания Ф. Вовка встречаются маргиналии — рукописные пометки владельца библиотеки в тексте, на полях страниц, на чистых листах книги. Содержание пометок связано с

реакцией владельца на прочитанный текст, с уточнением ссылочных данных, высказывается собственное мнение по вопросу, который касается содержания книги. Рассмотрим это на примере нескольких изданий.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования [Текст]. Т. 4. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны / сост. П. П. Чубинский; под наблюдением Н. И. Костомарова. — С.-Петербург : Типография В. Киришбаума, 1877. — 704 с., прилож. 45 с.

Книга изобилует разными по характеру пометками, сделанными рукой Ф. Вовка, чуть ли не на каждой странице. На страницах 1 и 9 — сноски, на страницах 17 и 365 — заметки на полях, на страницах 500 и 520 — стихотворные тексты. Следовательно, владелец усовершенствовал текст в соответствии со своими суждениями, идеями, мыслями. Такие надписи, пометки и рукописные тексты, сделанные рукой самого владельца книги, делают это издание уникальным.

Таким образом, библиографическая реконструкция личной библиотеки дает материал для использования ее в качестве информационного ресурса при изучении истории археологии. Теперь рассмотрим ее в контексте археологической деятельности ученого, а также в качестве информационного ресурса к изучению истории археологической науки.

Отечественная археология конца XIX — начала XX вв. — а это время наиболее продуктивной научной деятельности Ф. Вовка и формирования его библиотеки — выходит на новые рубежи исследовательского поиска, возрастает ее значимость и престиж в мировой науке, проявляются проблемные ситуации. Усиливается роль Императорской Археологической Комиссии в деле полевых археологических исследований, активизируется издательская деятельность.

Продолжают свою работу разнообразные Общества. Их работа была формой объединения усилий ученых разных специальностей, которая существенно влияла на общее состояние археологии в стране. Это нашло отражение и в книжном собрании Ф. Вовка. Здесь имеются книги, изданные Императорской Академией наук, Юго-Западным Отделом Императорского Русского Географического Общества, Императорской Археологической Комиссией, Императорским Московским Археологическим Обществом. Среди них «Отчет о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделению» за несколько лет, «Древности. Труды Императорского Археологического Общества», «Статьи по славяноведению», отдельные сборники «Полного собрания русских летописей» и другие. Примером является *Отчет о деятельности Императорской Академии Наук по физико-математическому и историко-филологическому отделению за 1910 год: составленный Непременным Секретарем Академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1910 года. / Императорская Академия Наук. — С.-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1910. — 304 с., + 4 с. (отчет)*. Книга хранит на себе автограф Ф. Вовка.

О деятельности научных сообществ и участии Ф. Вовка в их работе свидетельствуют ряд книг, изданных, к примеру, Археологической комиссией Научного Товарищества имени Шевченко или непосредственно НТШ во Львове (10 экземпляров). Среди них и книга самого владельца библиотеки.

Вовк Ф. Антропометричні досліді українського населення, Галичини, Буковини й Угорщини — Львів: 3 друкарні Наукового Товариства імені Шевченка, 1908. — 39 с. : табл. О принадлежности книги к личной библиотеке ученого свидетельствует наличие экслибриса.

Широко известным является факт подготовки и участия Ф. Вовка в Археологических съездах, отчасти, в Киевском и Черниговском. Подтверждение этому находим и в его библиотеке — периодические издания пестрят подобной информацией. Об участии Ф. Вовка в организации и подготовке Археологических съездов свидетельствует и наличие таких книг:

Труды Черниговского Предварительного Комитета по устройству XIV-го Археологического съезда в г. Чернигове. — Чернигов, 1908. — 180 с.

Каталог выставки XIV археологического съезда в г. Чернигов / под ред. Л. М. Добровольского. — Чернигов, 1908. (2 экземпляра).

Оба экземпляра «Каталога выставки» хранят на себе автограф Ф. Вовка, имеют рукописные пометы в тексте. Естественно предположить, что ученый работал с обеими книгами, и обе были ему нужны. Путем постраничного осмотра выявлено, что одна из них — более полный вариант: в пяти главах из семи количество страниц больше, кроме того, есть три дополнения к главам.

Гл. I: 48 с., Гл. II: 160 с., Гл. III: 48 с., Гл. IV: 48 с., Гл. V: 48 с., Гл. VI: 16 с., Гл. VII: 42 с., Гл. VIII: 9 с.

Гл. I: 54 с.; Гл. II: 168 с.; Гл. III: 64 с.; Гл. IV: 50 с.; Гл. V: 48 с.; Гл. VI: 18 с.; Гл. VII: 42 с.; Гл. VIII: 9 с. + 4 с. дополн. + 7 с. дополн. + 3 с. дополн.

Таким образом, установлено, что второй вариант книги более полный, доработанный. Возможно, один из вариантов являлся сигнальным экземпляром, с которым Ф. Вовк работал, как один из редакторов.

Один из показателей развития археологии в стране — возрастание ее роли в университетском образовании. Педагогическая деятельность Ф. Вовка началась еще в Париже. После переезда в Санкт-Петербург он читал лекции по анатомической антропологии, доисторической археологии и этнографии в Санкт-Петербургском университете. Его лекции отличались «... помимо насыщенности содержания, удивительной систематичностью и выдержанной классификацией, благодаря чему они легко усваивались», вспоминал его ученик С. И. Руденко (Руденко, 2003: 365). Ученый тщательно готовился к ним, используя для этого свою огромную библиотеку, содержащую труды многих ученых мирового масштаба, привлекая студентов к самостоятельной научной работе. Кроме того, в его библиотеке наличествуют издания его учеников: С. И. Руденко, С. А. Теплоухова, П. П. Ефименко, А. З. Носова, Д. А. Золотарева, И. Раковского и других, а также сборник студенческих работ *Труды студенческих научных кружков физико-математического факультета С.-Петербургского Университета: сборник научных трудов, Вып. IV–V/ «Межкружковая Организация» при С.-Петербургском Университете. — С.-Петербург: Типография К. Маттисена, 1913. — 163 с.*

Именно в рамках университетов складываются научные школы, которые сыграли важную роль в развитии археологии. Исследуя маргиналии на книгах из личной библиотеки ученого, можем увидеть ряд дарственных надписей от учеников, которые свидетельствуют об их принадлежности к научной школе Ф. Вовка и являются подтверждением очень теплого, дружеского к нему отношения. Например:

Руденко, С. И. *Чувашиские надгробные памятники: из первого тома «Материалов по этнографии России» / С. И. Руденко. — С.-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг. Звенигородская, № 11, 1910. — 8 с. : ил.*

Есть автограф: Руденко С. И.

Пометки автора: дарственная надпись на титульном листе: «Дорогому Федору Кондратьевичу Волкову от горячо любящего С. Руденко. 19/II 910 г.»

Раковский, Иван. *Astacus Dybowski: відбитка із справозданя українсько-російської гімназії в Коломиї / І. Раковский. — Коломия: З друкарні М. Білоуса, 1903. — 40 с.*

Есть автограф: Раковский І.

Экслибрис: экслибрис Ф. Вовка

Пометки автора: дарственная надпись на титульном листе: «Поважному добродієві Хведорові Вовкові на спомин. Раковский. Коломия. 6.X.903».

Золотарев, Д. А. *Антропологическое исследование великоруссов Осташковского и Ржевского уездов Тверской губ. [Текст]: отд. оттиск из Ежегодника Р. Антропологического Общ. при СПб. Университете / Д. А. Золотарев. — С.-Петербург: [б. и.], 1912. — 66 с. : ил., табл. (рис. 3).*

Экслибрис: экслибрис Ф. Вовка

Пометки автора: дарственная надпись на титульном листе: «Дорогому Федору Кондратьевичу от ученика, сентябрь 1912 г.»

Примечания о происхождении экземпляра: штамп фиолетового цвета, по центру надпись «Книгозбірня», по кругу надпись «Музей Антропології та Етнології ім. проф. Хв. Вовка»

Носов, А. З. *К антропологии сербов Королевства [Текст]: отд. оттиск из IV т. Ежегодника Русского Антропологического Общества при СПб. Университете / А. З. Носов. — С.-Петербург: Типография А. Г. Розена — Театральная пл., 2, 1913. — С. 123 — 150. (рис. 4).*

Экслибрис: экслибрис Ф. Вовка

Пометки автора: дарственная надпись на титульном листе: «Дорогому й високошановному вчителю від автора. СПб., 1913 р.»

Примечания о происхождении экземпляра: штамп фиолетового цвета, по центру надпись «Книгозбірня», по кругу надпись "Музей Антропології та Етнології ім. проф. Хв. Вовка».

Кроме того, анализируя дарственные надписи на книгах из личной библиотеки ученого, можно получить новую информацию. Это могут быть дополнительные данные о личности ученых, уточнения к биографиям. К примеру, в библиотеке ученого хранится пять книг с надписями от Э. Пекарского. Все они очень лаконичны, что может свидетельствовать о сдержанном характере дарителя, не любящего выставлять напоказ свои чувства, эмоции. А на книге, подаренной И. Колобовым, можно прочитать

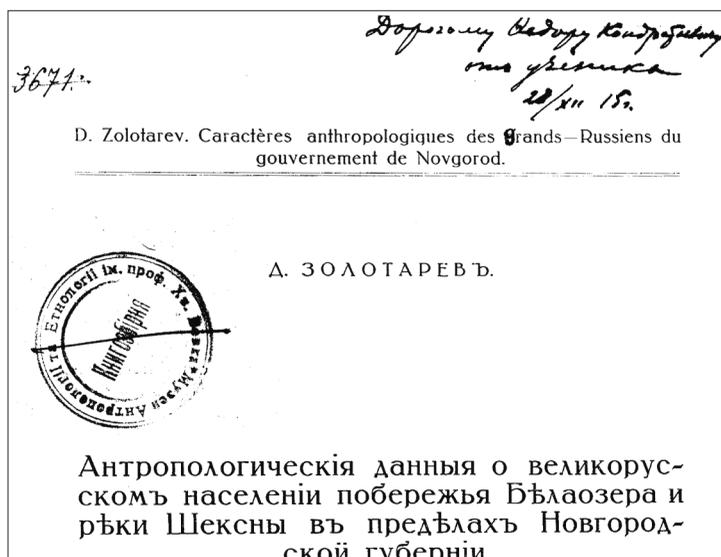

Рис. 3. Оттиск статьи Д.А. Золотарева с дарственной надписью Ф.К. Вовку (Волкову)

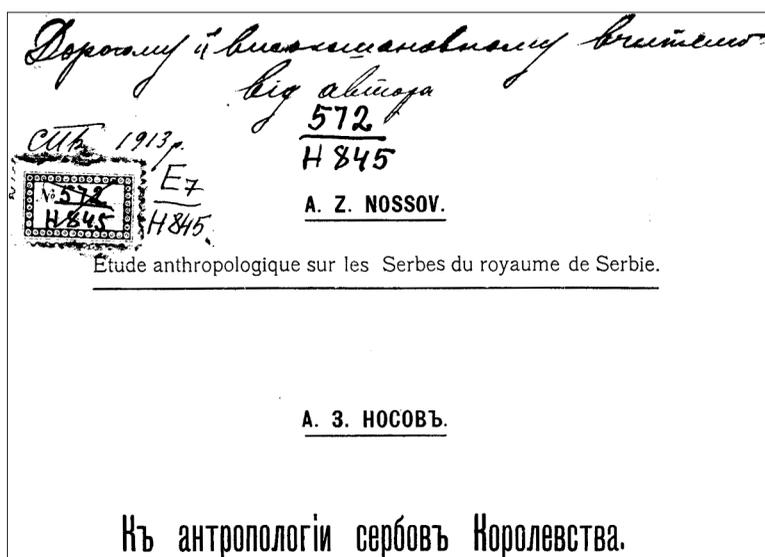

Рис. 4. Оттиск статьи А.З. Носова с дарственной надписью Ф.К. Вовку (Волкову)

целое стихотворение — посвящение Ф. Вовку. Очевидно, дарителя переполняли эмоции, он находился под впечатлением, видимо, пережитых совместно с Ф. Вовком событий, которые и вдохновили его на стихосложение.

Колобов И.В. Русская свадьба Ополонецкой губ., Пудожского уезда, Корбозерской волости: оттиск из «Живой Старины» за 1915 г. / И.В. Колобов. — Петроград : Типография В.Д. Смирнова, Екатерининский кан., № 45, 1915. — 70 с.

Есть автограф: Колобов И. В.

Экслибрис: экслибрис Ф. Вовка

Пометки автора: на странице 70 дарственная надпись

«Посвящается Федору Кондратьевичу Волкову

“На память в двадцатый бушующий век

Благородные строчки стихами пишу

Благодарность великую вам приношу

Вы как доброй и светлой души человек

камъ. И есть обычай, если кто ѣздилъ сватался, а не женился, то на масляной берутъ мужики борону, повяртываютъ верхъ зубьями и прямо на зубья сажаютъ свата, а не жениха, и везуть его по деревнямъ, потряхивая борону, и 3 раза провезуть; смѣху много, да кромѣ того, кого везуть на боронѣ, долженъ откупиться—дать на вино, а то будутъ возить долго. И тѣмъ свадебный обрядъ и обычай кончается.

Ив. Колобовъ.

Посвящается
Федору Кондратьевичу Волкову

На память въ двадцатый будущаго года
Благородный строгий стихотворецъ
Благодаряствъ великому вамъ прикому
Вы какъ доброй и святой души человекъ
Вдохновили меня ваши силы и трудъ
Вы какъ солнца лучи, средь весенняго дня
Осветили блуждающій путь для меня
Провели между твердыхъ сверкающихъ грудъ
То словами поэта я песню пою
Примите на память тетрадку мою

19¹/₁₁ 16

— 70 —

И Колобовъ

113
1321

Рис. 5. Последняя страница статьи Ив. Колобова с автографом стихотворения, посвященного Ф.К. Вовку (Волкову)

Вдохновили меня ваши силы и труд
Вы как солнца лучи, средь весеннего дня
Осветили блуждающий путь для меня
Провели между твердых сверкающих груд
То словами поэта я песню пою
Примите на память тетрадку мою.
1.11.1916 И. Колобов». (рис. 5).

Огромная заслуга Ф. Вовка в том, что, выступая в зарубежной прессе, он знакомил мировое научное сообщество с достижениями отечественной археологии. Многочисленные рецензии, резюме, обзоры новых исследований в этой области сделали и имя самого Ф. Вовка известным в широких научных кругах. Оценка и популяризация новых изданий и исследований по отечественной археологии — открытый

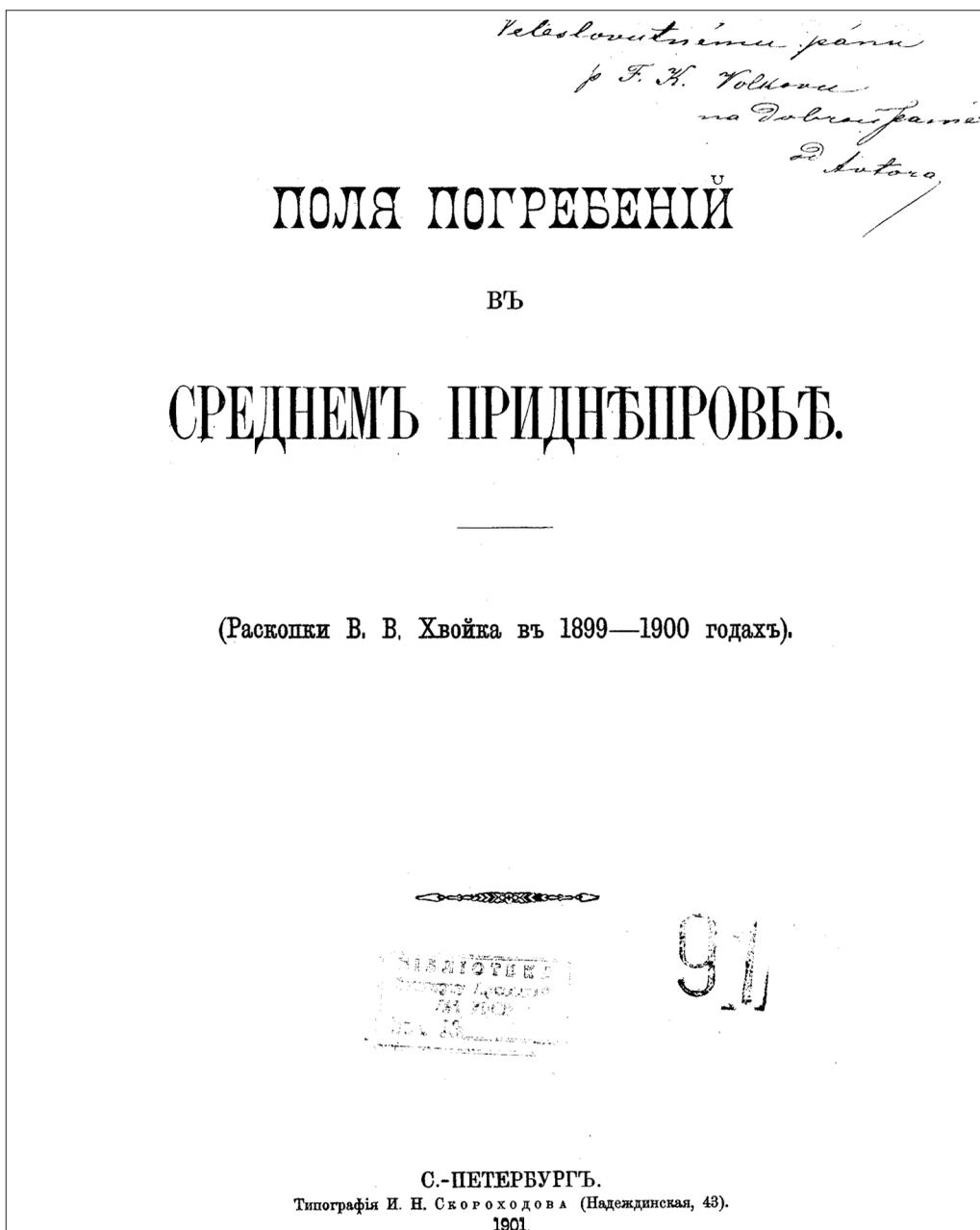

Рис. 6. Титульная страница книги В. В. Хвойки с дарственной надписью Ф. К. Вовку (Волкову)

В. В. Хвойки, В. Б. Антоновича, Н. Ф. Беляшевского, перевод с чешского на русский язык книги известного ученого Л. Нидерле "Человечество в доисторические времена" — получили высокую оценку и большой резонанс в научной среде. В частности большое внимание Ф. Вовк уделял открытиям В. Хвойки, публикуя во Франции материалы о его археологических исследованиях в Украине, выступая с докладами и экспонируя серию фотоснимков его находок. В библиотеке Ф. Вовка хранится отдельный оттиск статьи, подаренный ему автором, с дарственной надписью, свидетельствующей о добром отношении дарящего к ученому. Наличие таких книг также свидетельствует об интересе владельца библиотеки к полевым исследованиям, проводящимся в то время на территории Украины.

Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Приднѣпровьѣ (Раскопки В. В. Хвойка в 1899—1900 годах) / В. В. Хвойка. — С.-Петербург : Типография И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43), 1901. — 19 с. : рис.

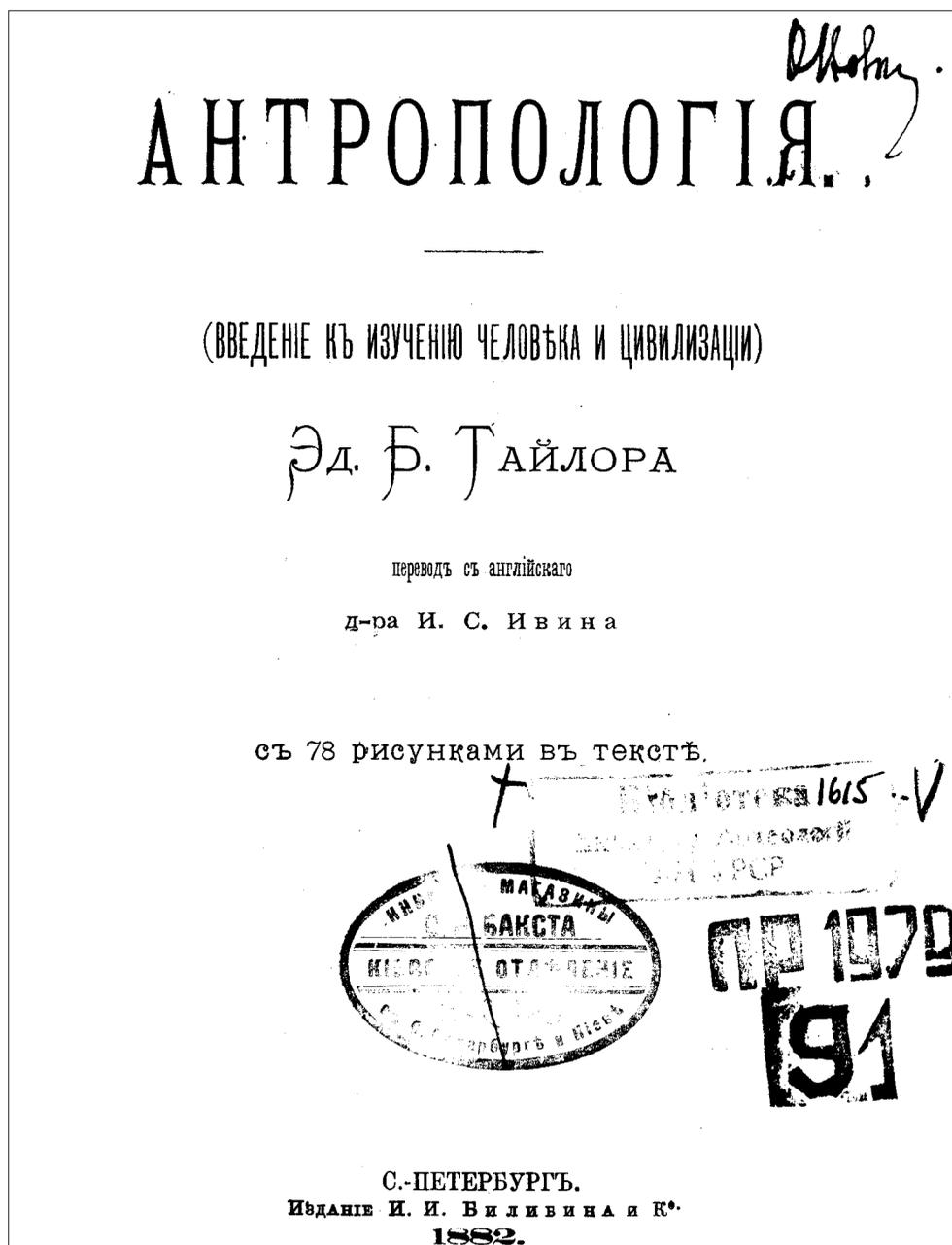

Рис. 7. Титульная страница книги Э.Б. Тайлора с автографом Ф.К. Вовка (Волкова)

Есть автограф: Хвойка В. В.

Пометки автора: дарственная надпись на титульном листе: "Veleslovutneti rani p. F.K. Volkovu na dobruu pamet od Autora". (рис. 6).

В публикациях С. И. Руденко и О. Е. Франко упоминается о редактировании Ф. Вовком книги Мориса Гернеса "Первобытная культура" и внесении в нее дополнений относительно археологии России (Руденко, 2003: 363), (Франко, 2001: 119). Книга была издана в 1914 г. в трех отдельных частях. Есть она и в фонде нашей библиотеки. Один из экземпляров книги имеет косвенные признаки принадлежности к собранию Ф. Вовка.

Таким образом, анализ книжного собрания Ф. Вовка, осуществленный на основе фонда отечественных изданий научной библиотеки ИА НАНУ, помогает осветить научные интересы ученого, его мировоззрение. Реконструкция части книжного собрания позволяет четко разделить книжное наследие по направлениям профессиональной деятельности ученого, ярко доказывает своеобразие и значимость этой

библиотеки в историко-культурном и научном наследии. Изучение личной библиотеки дает возможность проникнуть в мир интересов ученого и его увлечений, привлечь внимание к культурным формам и институтам, в которых проходит формирование научных интересов и осуществляется процесс научного творчества. Личная библиотека Ф. Вовка хранит разноплановую информацию об истории науки, развитии ее отдельных отраслей, содержит информацию о тематике научных исследований того времени.

Следовательно, личная библиотека Ф. Вовка может служить информационным ресурсом для изучения истории археологии, а также дополнительным источником изучения развития археологического знания. Пометки, записи, содержащиеся на страницах книг из личной библиотеки ученого, имеют отчасти свойства архива. Научная ценность таких рукописных материалов, безусловно, высока. В совокупности с традиционными исследованиями это может дать интересные результаты за счет взаимного дополнения информации, а иногда открыть и новые факты, не зафиксированные в других источниках. Нет более точного индикатора, отражающего скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека и общества, чем личная библиотека.

Литература

- Булатова С.О. 2006. Книжкове зібрання роду польських магнатів Яблоновських у фондах Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Київ. — 332 с.
- Дениско Л.М. 2009. Бібліотека та архів Олексія Захаровича Попільницького. — Київ. — 476 с.
- Дубровина Л.А. 1989. Историко-культурные фонды библиотек как объект междисциплинарных исследований / Л. А. Дубровина, М. С. Слободяник // Роль библиотек в развитии общества: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. Киев, 10 — 13 окт., 1989. — Вып. 1. — Киев. — С. 33–43.
- Дубровина Л. А. 1998. Исторические коллекции книг и библиотечных собраний и совершенствование их организации и хранения / Л. А. Дубровина, Л. В. Муха // Прогрессивные библиотечные технологии: организация и управление. Киев. — С. 127–133.
- Історія Академії наук України 1918–1923. Документи і матеріали. 1993. Київ. — 576 с.
- Кириченко Р. С. 2003. Українські вчені кінця XIX — початку XX ст. бібліотекарі, бібліофіли, творці і хранителі історії України: до проблеми вивчення розпорощених бібліотек В. Антоновича. Ф. Вовка, І. Лучицького // Наукові праці НБУВ.- Вип. 11.- Київ.- С. 331–359.
- Кириченко Р. С. 2007. Французька книга у бібліотеках подвижників української науки і культури кінця XIX — початку XX ст. (до проблеми вивчення розпорощених книгозбірень В.Антоновича, Хв.Вовка в фондах Національної бібліотеки України імені В.І.Вернадського) / Р. С. Кириченко // Рукописна та книжкова спадщина України. — Київ. — Вип. 12. — С. 191–202.
- Ковальчук Г. І. 2004. Книжкові пам'ятки (рідкісні та цінні книжки) в бібліотечних фондах / Г. І. Ковальчук. — Київ. — 644 с.
- Колеснікова В. 2008. Бібліотека Інституту археології / В.А. Колеснікова, Н.Р. Михайлова, І.В. Черновол, Н.В. Науменко // Археологія. — Київ. — № 4. — С. 104–111.
- Миронець Н.Р. 2004. Книжково-рукописне зібрання барона Ф. Р. Штейнгеля: формування, зміст, доля: Дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук. Київ. — 186 с.
- Муха Л.В. 1997. Бібліотечні колекції та зібрання: походження, історія, реконструкція / Л. В. Муха. Київ. — 52 с.
- Римарович, І. О. 2001. Родові книгозбірні Правобережної України XVIII ст. у фондах Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського: історія та бібліографічна реконструкція: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. Наук. — Київ. — 17с.
- Руденко С.И. 2003. Памяти Федора Кондратьевича Волкова (к пятидесятилетию со дня смерти) // Археологические вести. — Вып. 10. — СПб. — С. 361–366.
- Франко О. О. 2001. Федір Вовк — вчений і громадський діяч / Оксана Омелянівна Франко. — Київ. — 378 с.
- Черновол І. 2009. Виставка книжкового зібрання Федора Кіндратовича Вовка // Археологія. — Київ. — № 4. — С. 114–116.

Географические предпосылки русской археологии: первые «описания курского наместничества»¹

С.П. Щавелёв

Курский государственный медицинский университет. Россия, г. Курск

«География по отношению к человеку — не что иное, как История в пространстве; точно так же, как История является Географией во времени».

Э. Реклю.

Человек и Земля.

Важным этапом становления русской науки об исторических древностях стали, по удачному определению А.А. Формозова, «учёные экспедиции Академии наук», предпринимавшиеся на протяжении XVIII столетия, да и позднее во исполнение просвещённых заветов Петра Великого. В том числе — его приказа о сборе разных редкостей для Кунсткамеры и записи всяких сведений о памятниках старины. Историко-археологические данные мыслились тогда как часть географического описания страны, условие познания её вновь и окончательно обживаемых русскими южных и северо-восточных окраин.

Предпосылки такому взлёту историко-географической мысли обнаруживаются ещё в XVII в. Имеется в виду прежде всего так называемая «Книга — большой чертёж». Это текстовое описание (легенда) старейших планов местности в пределах Московского государства подытоживало накопленный к началу Нового времени русскими людьми картографический опыт (Кусов, 1989: 75–77). Составили его в 1627 г. служилые специалисты Разрядного приказа. Одним из ведущих авторов Большого чертежа считается курянин Афанасий Иванович Мезенцев. В начале XVII в. он служил в родном городе подьячим и по поручению здешнего воеводы начинал межевание и топографическую съёмку Курска, восстанавливаемого тогда как пограничный центр укрепленного района. Затем способный чертежник и рисовальщик был командирован в Москву, в картографический отдел Разряда. После тамошней выучки Мезенцев опять служит на периферии — в родном Курске, Белгороде, Орле. И, наконец, звёздный час его карьеры — снова работа в Разряде, на сей раз — над тем самым Большим чертежом. Тот представлял собой уточнённую Мезенцевым со товарищи копию некоей старинной карты времён Бориса Годунова, вконец обветшавшей и устаревшей по своему содержанию ко времени правления Михаила Романова. Кроме того, Мезенцевым было изготовлено продолжение новой генеральной карты применительно к расширяемым тогда южным границам Российского государства — чертёж «от царствующего града Москвы Резанским и Северским и Польским городом», что примерно соответствует нынешним Орловской, Курской, Белгородской и Воронежской областям.

Курское происхождение главного автора Большого чертежа способствовало подробности и реалистичности отражения в нём реалий южнорусской географии начала XVII в. Картографирование тогда преследовало сугубо практические цели. На мезенцевских планах, помимо населённых пунктов, дорог, рек и т.п. общегеографических объектов, особо выделялись заслонённые крепостями рубежи, сильные и слабые стороны русской обороны против периодических вторжений крымских татар, торные пути-сакмы и речные переправы их воинственной конницы. Сам общегосударственный чертёж XVII в. до наших дней не сохранился, но текст-легенда к нему в течение этого и последующих столетий неоднократно переиздавался, использовался в прикладных, образовательных и научных целях.

Исследователи картографического творчества Мезенцева с оттенком удивления отмечают, что в свой «Большой чертёж» он включил целый ряд земель, которые на тот момент выходили за границы Московского государства (Кусов, 2007: 42). В числе этих земель — принадлежащие к так называемой Слободской Украине, прямо смыкавшейся с курской родиной способного чертёжника. Эти земли описаны им как исконно русские, на юге — по личным впечатлениям и земляческим памяткам. Так география подтверждала археологию и опережала ход отечественной истории.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 09-01–72107 а/Ц «Историко-статистические и топографические описания Курского наместничества XVIII века».

Интересующие современных специалистов — географа, статистика, историка и археолога сведения из данной «росписи полю» относятся, во-первых, к архаичной и во многом утраченной впоследствии топонимике; а во-вторых, к упоминаниям самих по себе городищ, курганов, ровов и некоторых других искусственных земляных сооружений, не все из которых, в свою очередь, дожили до времени составления специальных археологических карт в XIX–XX вв. Вот, например, одна из типичных для «чертежу» ориентировок (по Курскому краю): «А на Семи татаровя перелази(ли) Семь реку ниже Курска 40 верст, под Городенским городищем, и на том татарском перевозе ныне деревни Рыльского уезду, а сторожа от татар на Городенском городище стоит из Курска» (Книга... 1950: 102). Это сообщение документа послужило ключевым источником для решения вопроса о месте и времени восстановления Курска как российского города после татарско-литовского периода истории Днепровского Левобережья.

Кроме сохранившихся до сих пор и обследованных в своё время учёными археологических памятников (многие «курганья» и почти все городища; вроде тех, что «выше Миргородка на Псле городоше Старое ..., а выше Старого на Псле городище Новое, от Старого верст с 7, а выше Нового городища 10 верст городище Гадское, Галичья тож»), Большой чертёж сохранил сведения и об утраченных уже ко времени своего составления особенностях местного рельефа, связанных с древней историей края («А промеж речки Кура и речки Обмети сверху Колодезя Механи Валки», от Курска 12 верст, промеж лесов исстари бывал ров, а ныне по Валкам надолбы по вестем татарским, как идут на Русь; ... а выше города Курска у посаду от острогу от старова рву ... Княжой лес. А под Соколею дубровою Соколей курган, от города 15 верст, а город видить...» с его вершины).

С двумя из отмеченных Большим чертежом городищ и почти в то же время оказался связан эпизод, весьма показательный для предыстории интересующего нас жанра региональных «описаний». Хроникальные «Записки» Знаменского монастыря, что в самом центре Курска, упоминают, в частности, такой случай: «В 1650 г. игумен его Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от г. Курска в 15 верстах, близ р. Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курского воеводы князя Ивана Михайловича Волконского, снят был план и послан к Государю Царю и Великому князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского величества, на постройку церкви Знамения Божьей матери в Курске, курскими разного звания людьми, с оных палат ломан был кирпич и дикий камень» (Памятная книжка..., 1860: 48).

Так замечательный памятник славяно-русской археологии — Ратское городище верстах в 20 от Курска (Енуков, 1990; Шавелёв, 2000) послужило полигоном для столкновения двух тенденций духовной жизни русского общества в начале Нового времени: традиционного обскурантизма, равнодушия к вешественной истории своей земли, замешанных на духовной аллергии православной религии и церкви ко всему языческому, с одной стороны; а с другой — новорожденного, незрелого просвещения, бескорыстного интереса ко всему необычному в окружающем мире, включая материальные остатки прошлого. Налицо устойчивый интерес представителей центральной власти к историческим древностям, причём уже не только драгоценным. Перед нами едва ли не первое известное историкам применительно к Европейской России специально археологический чертёж; документ, прямо посвящённый памятнику старины, а не кладу или крепости.

Откуда «подул историко-археологический ветер» при московском царском дворе, рассудить нелегко. Алексею Михайловичу Романову на момент запроса о Ратских развалинах минул 21 год. Решающее влияние на ход государственных дел оказывает тогда его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Патриарх Московский и всея Руси Никон начинает реформу богослужения. До приезда сюда хорвата Юрия Крижанича, воспитанного иезуитами в Риме для миссионерства на Востоке славянского мира, остается ещё несколько лет. Об интересе образованных западноевропейцев к античным развалинам и прочим памятникам истории московские царедворцы могли узнать понаслышке, в ходе дипломатических визитов и поездок по торговым делам в чужие страны. Эпоха Возрождения, научная революция начала Нового времени в Западной Европе не слишком явно, но в известной степени отразились на представлениях верхушки русского общества. Может быть, имелись и некие внутренние импульсы к зарождению историко-археологических интересов на русской почве. Обстоятельства как достаточно традиционные — летописно-книжного характера, домостроевского одобрения «добрых старых времен», славных предков; так и особенно актуальные на тот момент — соображения престижа, манифестации легитимности новой династии московских государей.

При всей разнопрофильной информативности Большого чертежа и меньших по формату географических документов того же времени, они не ставили перед собой задачи специально выделять из местности памятники истории и культуры. «XVII век ещё спокойно смотрел на разграбление тысяч курганов

и уничтожение городищ для добычи селитры. Проблему регистрации и охраны археологических памятников поднял только XVIII век» (Формозов, 1961: 24).

При Петре I и его непосредственных преемниках во главе России создаются условия, появляется своего рода идеология для познания исторического прошлого России, разных её краёв. Хотя на первом плане у инициаторов систематического описания страны стояли задачи физической и социально-экономической географии, интересы классической науки не были ими забыты. В.Н. Татищев, руководивший с 1737 г. составлением генеральной ландкарты России, в инструкциях геодезистам требовал указывать происхождение названий, и вехи прошлых судеб того или иного населённого пункта или целого «предела» (Татищев, 1950 а). В составленной им подробной анкете, призванной собрать с мест сведения для «сочинения истории и географии Российской», на первом плане находились археология и этнография (Татищев, 1950 б).

В аналогичной инструкции М.В. Ломоносова из 13 вопросных пунктов по крайней мере три носят интересующий нас историко-археологический оттенок: «1. Город чем огражден: каменною стеною или деревянною, или земляным валом и рвом. 2. Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные... 9. В городах, буде есть летописцы, присылать с оных копии для сочинения истории российской» (Гнучева, 1946: 73). О том, что такого рода правительственные циркуляры не остались втуне, свидетельствуют курские материалы. Чертежи курской крепости XVII–XVIII вв. активно используются ныне для реконструкции изначальной топографии исторического центра Курска, так называемый «Курский летописец» — при изложении истории края в позднем Средневековье — начале Нового времени.

Академия наук в 1778 г. расширила ломоносовский вопросник до 35 пунктов, а военно-учебное заведение, особенно заинтересованное геодезией и картографией, — Шляхетский корпус изложил в принципе ту же анкету еще подробнее. За 1760-е — 1790-е гг. с похожими целями комплексное обследование территории страны в интересах науки и административной практики путем анкет проводили Вольное экономическое общество; различные правительственные комиссии — о коммерции и о городах, некоторые другие; сам Сенат и прочие инстанции (Бакмейстер, 1772). Казна искала новых источников налогов; правительство — эффективных мер поощрения промышленности, сельского хозяйства и торговли; учёные — фактов для анализа и обобщения. Составители последовавших затем комплексных описаний отдельных регионов России (включая Курское наместничество) ориентировались на структуру упомянутых академических и правительственных анкет.

По схожей программе, с прибавлениями по естественнонаучной части, поработала в Курске академическая экспедиция из Петербурга в Херсон. Ею руководил Василий Фёдорович Зуев (1752–1794) — замечательный представитель первого поколения российских учёных, любимый ученик знаменитого географа на российской службе П.-С. Палласа. Эта поездка была предпринята ради осмотра и описания вновь присоединённых к империи земель между Бугом и Днестром, однако её участники собирали материалы по всему маршруту своего движения. В августе 1781 г. небольшой отряд академистов вступил на Курскую землю. Как и по всему остальному пути, Зуев и ассистировавший ему студент-переводчик (с восточных языков) Кирьяк главное внимание обращали здесь на флору и фауну, структуру почв и особенности рельефа местности, прочие геолого-биологические предметы. Так, при въезде в Курск они сделали остановку для того, чтобы облазить действовавшие каменоломни и набрать там «отменных и неизвестных окаменелостей».

Вместе с тем, путешественники не оставляли своим вниманием памятники древней и новой истории. Так, Зуев дал подробное описание Коренной пустыни вместе с действовавшей при ней всероссийской — одноименной ярмаркой. «Пустынь сия когда построена, — отмечает учёный путешественник, — достоверных известий нет; а что народ изустно говорит, то весьма недостоверно; однако я здесь упомяну» (Зуев, 1787: 144). И добросовестно пересказывает фольклорный сюжет, точь-в-точь совпадающий с печатными версиями последующих курских бытописателей, церковных и светских, о случайной находке «звероловом из Рыльска» иконы Богородицы у корня дерева на берегу Тускари и всех перипетиях её превращения в местную святыню, чудотворную реликвию.

Едучи от Коренной к губернскому центру по левому, низкому берегу р. Тускари, зуевцы не заметили расположенных на противоположном, возвышенном и поросшим лесом берегу городищ — Переверзевских, Мешковского, Шуклинского. Зато они не пропустили «множества курганов, которые наипаче с западной стороны стороны, где вышло чистое поле, стоят будто кучками. Из них, — добавляет Зуев, — которые я видел, все были рыты могилаками» (Зуев, 1787: 154). Это сообщение особенно важно для современных археологов, поскольку дальнейшая городская застройка поглотила все без исключения курганные группы вокруг бывшего славянского центра, затем летописного города Руси.

Также примечательно упоминание «перекопа, который сделан от реки Кура чрез мыс к реке Тускарь и тем отделяет монастырь и присутственные места, состоящие будто в крепости» (Кусов, 1787: 151). Это, конечно, последний, ещё не засыпанный в ту пору ров Курского кремля — важнейший элемент его первоначальной топографии, которая в свою очередь служит ключом к реконструкции генезиса данного летописного центра.

При всех талантах и здоровом авантюризме таких научных работников, как В.Ф. Зуев, просторы Российской империи не под силу описать одиночкам. В 1770-е — 1790-е гг. в стране осуществляется общегосударственная программа топографической съёмки и экономического изучения отдельных регионов. Её подготовила серия упоминавшихся выше анкет. Хотя генеральное межевание России декларировалось несколькими правительственными указами ещё с середины XVIII века, а Екатерина II издала на сей счёт специальный манифест (1765 г.), реальные шаги в губерниях предпринимались с 1776 по 1797 гг. (в соответствии с инструкцией от 25 мая 1766 г. и подробным «Наставлением землемерам» от июня того же года).

Губернским и уездным землемерам поручалось выполнение чертежей и карт своей территории (планы частных владений-дач в масштабе 100 сажен на дюйм; уездные атласы масштаба 1 верста в дюйме; губернские карты масштаба 7–8 вёрст в дюйме). Кроме того, им же предписывалось составлять словесные описания соответствующих местностей — «примечания к планам», путём «разведывания от обывателей». Без сбора подобной информации буксовала стра-тегическая реформа екатерининского времени — «Учреждение о губерниях» 1775 г. «Определение территориальных границ губерний и уездов и состава их населения должно быть непосредственно исходить из данных межевания, а осуществление экономических и фискальных задач ... губернскими властями ..., ставило особенно настойчиво в порядок дня вторую [литературную — С.Щ.] сторону работы землемеров» (Рубинштейн, 1955: 50).

Среди прочих пунктов общего образца топографического описания в 1783 г. Правительствующий Сенат первым означил вопрос: «Когда каждый город начало своё получил». Краткая история населённого пункта стала обязательной преамбулой всех сочинений данного жанра. Землемерам неоднократно (в 1771, 1778 гг.) напоминалось о необходимости «включать в экономические журналы свои замечания о древних курганах и развалинах, о пещерах и опустевших заводах, о начатых и неоконченных каналах и о других подобных предметах, заслуживающих внимания, с изъяснением о всех строениях, когда они начаты, сколь давно в обветшание пришли и от чего» (Глаголев, 1839: 83). И кое-какие исторические сведения топографы насобирали. По Курской губернии ими оказался отмечен «городок» с валом и рвом в Путивле; в связи с чем они же составили подборку летописных известий об этом городе с 1146 по 1159 гг. А вскоре в фокус топографического внимания снова попала Коренная пустынь и церкви при ней (Глаголев, 1841: 187–192).

В одних «Топографических описаниях» историко-археологическое введение оказалось формально-конспективно и даже фантастично, а в других — обстоятельно и поисково-достоверно для своего времени (Севастьянова, 1988; 1990). Применительно к Курску мы имеем, пожалуй, нечто среднее между этими двумя крайностями. Зато именно Курское наместничество оказалось описано три раза подряд разными авторами и с несколько разных методических позиций, что создает уникальную возможность для источниковедческого анализа и историографического сравнения этих памятников географической мысли XVIII столетия.

С 1781 г. геодезическую съёмку здесь вёл Иван Федорович Башилов — по воинскому званию поручик, а по должности губернский землемер. Сначала он готовил исходные материалы для генерального плана самого Курска, выполненного центральной «Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы» и утверждённого Екатериной II 26 февраля 1782 г. Затем Башилов осуществил надзор за перестройкой и достройкой города по этому плану. Такие же работы производились им по уездным городам, начиная с Белгорода.

В 1783 г. на места поступила очередная анкета по практико-административной и учёной частям — «запросные пункты от Кабинета её Императорского Величества» (Екатерины II). Собственно, было три варианта данного опросника — для губерний «вообще»; для городов; для уездов. В первом варианте историческая тематика отсутствовала вовсе, что довольно логично ввиду новизны этих административно-территориальных единиц. Во втором несколькими пунктами документа выражался историко-археологический интерес заказчика:

«8. Кем, когда и на какой случай построен [город — С.Щ.] и какими людьми первоначально заселён?

9. Под чьим владением был управляем и каким переменам был подвержен?

10. Какие есть в нём достопримечательности: здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казенные дома для судебных мест и для жилья властей...» (Рубинштейн, 1955: 62).

В анкете № 3 наше внимание привлекает пункт 18, предлагавший изложить «обычаи жителей» и, между прочим, «не обносятся ли между ними какие предания, относящиеся к древним происшествиям, событиям» и «нет ли каких урочищ, кои знамениты по каким ни есть историческим происшествиям».

Кто-то из курян, скорее всего — ретивых чиновников генерал-губернаторской канцелярии, добросовестно ответил в меру своих знаний сначала на первый вариант упомянутой анкеты и получилось «Топографическое Курской губернии описание» за 1784 г. В этом, ценном для своего времени экономико-статистическом документе археолога привлечёт разве что упоминание судьбы здешних укреплений: «Прежде был укреплен и город Курск превеликим рвом и валом, по которому был палисад и оборонительные деревянные башни, но ныне от древности палисада и башен совсем нет..., ров же по Высочайше конфирмованному Е.[ё] И.[мператорским] В.[еличеством] 1782 г. о построении города плану зарыт...» (ЦРВИА. Ф. ВУА. Д. 18800. Ч. 1. Л. 9.).

На следующий, 1785 г. возник ещё один документ того же рода, но более пространный и подробный: «Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочиненное ... Иваном Башиловым» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 2–36; Д. 188802, 18803 — атласы Курской губернии.). Другая рукопись этого же автора за тот же 1785 г. называется: «Описание топографическое Курского наместничества с планами городов и картами уездов» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. № 6288. Не исключено, что этот документ всего лишь позднейшая копия отмеченного предыдущей ссылкой).

Древней историей и археологией этот поручик интересовался мало. Заслуживает внимания разве что его комментарий к уже знакомому читателю эпизоду, когда в 1650 г. на «Ратьском городище» были «найжены в землю вросшие каменные палаты». Начитавшийся летописей да Н.М. Карамзина, Башилов остроумно, но голословно предположил, будто «там жил первый князь Изяслав Мстиславич, которому отец в 1125 г. дал в удел город Курск».

Ещё одно «Описание Курского наместничества» «из древних и новых о нём известий вкратце» собрал Сергей Иванович Ларионов — «того наместничества верхней расправы [т. е. старший] прокурор». Свой опус он умудрился отпечатать в 1786 г. в Москве, в «вольной типографии Пономарёва» и посвятить не кому-нибудь, а «его превосходительству, действительному статскому советнику, правителю Курского наместничества Афанасию Николаевичу Zubову».

Кстати сказать, хотя топографические описания были составлены в конце XVIII — начале XIX в. для большинства регионов страны, напечатаны оказались далеко не все из них. Для Курска же книжка Ларионова — вообще «первая ласточка» тиражирования краеведческого сочинения. В этой — печатной форме его основное достоинство. В целом ряде мест основного раздела своей работы — «Современное состояние города Курска и округи его» — прокурор без зазрения совести и каких-либо отсылок или благодарностей пересказывает почти дословно рукописное описание Башилова. В частности, плагиатирован пассаж о засыпке старого рва при расширении Красной площади губернского центра. Социально-экономическая статистика у Ларионова несколько отличается от башиловской потому, что составлялась чуть позднее. Сведения же об уездах у прокурора гораздо схематичнее — видно, что из губернского центра он выбирался редко.

Зато историком Ларионов оказался куда лучшим. Начальная часть его описания — «Сведение [так, в единственном числе — С.Щ.] о городе Курске с самого начала и о всех в нём знаменитых происшествиях до сих пор случившихся» — занимает целых 33 страницы. На них весьма удачно для своего времени скомпилированы почти все доступные тогда образованному читателю письменные источники местной истории. Здесь и выборки из летописей («в пересказе тайного советника [В.Н.] Татищева»), из «Жития Феодосия Печерского», «Древней Российской виблиофики» Н.И. Новикова и князя М.М. Щербатова, прочих отечественных историографов того времени; «Судебника» Ивана Грозного; писцовых по отдельным уездам и «строельных города Курска книг». Как видно, перед нами первое источниковедчески фундированное сочинение по местной историографии.

Особенно любопытна попытка исторической географии у С.И. Ларионова. По поводу упоминавшихся в курских сюжетах летописи Воргольском и Липовечском княжествах он предполагает и не без резона: «Ныне находится в Орловском наместничестве в Елецкой округе село Ворголь, а Липецк был город в Харьковской провинции, теперь же уничтожен; то княжения сии полагать можно бывшими в них по близости места» (Ларионов, 1786: 4).

Именно к сочинению С.И. Ларионова, скорее всего, восходят некоторые из малообоснованных версий истории Курска, вот уже два века кочующих из одного историко-краеведческого издания в другое. А именно, голословная привязка строительства Первокурска к 980-м гг., когда киевский князь Владимир Святославич «стал ставить города по Десне и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне» в за-

шиту своей столицы от набегов печенегов; некритическое, вслед за поздней редакцией соответствующего жития отнесение к 1032 г. побега Феодосия из Курска в Киев; наконец, сюжет монастырского фольклора об иконе Знамения Божьей матери, чей возраст более чем в два раза завышается нынешними представителями Русской православной церкви; и целый ряд других историко-краеведческих сюжетов.

Как бы там ни было с фантастическими догадками по поводу древней истории города и края, но свод упоминаний Курска и Курского княжества в письменных источниках, обнаруженный С.И. Ларионовым, вполне подкреплял его вывод о том, что «знатность древности» этого города «не уступает и многим городам Российской империи». Чтение его книги, первой в своем жанре, при всех лакунах и баснословности отдельных моментов изложения, должно было вдохновлять курских любителей старины на новые разыскания о ней.

Завершающий этап генерального межевания России пришёлся на 80-е — 90-е гг. XVIII в., когда в соответствии с постановлением правительства 1783 г. «О составлении генеральных атласов по отмежеванным губерниям» таковые были изготовлены и сведены в общий «российский атлас, из 44 карт состоящий...» за 1792 г. В Курске межевание началось в 1782 г. (трудами И.Ф. Башилова), а завершено в 1797 (его преемниками по губернской межевой канцелярии и межевым конторам уездов). Всего по Курскому краю оказалось составлено тогда 6 атласов и столько же текстовых «Описаний» к ним. По остальным губерниям карт генерального межевания насчитывалось всего одна две.

На поощрении картографических работ в Курске могло сказаться одно из пристрастий первого здесь гражданского губернатора (в 1796—1798 гг.), сенатора Степана Даниловича Бурнашева (?—1824). Он в своё время (1783—1787 гг.) успешно выполнил дипломатическую миссию при дворе грузинского царя Ираклия II, когда кроме решения военно-политических вопросов, ему пришлось составить образцовое историко-географическое описание и карты Закавказья, часть которых впоследствии опубликовала первая курская типография.

Кроме штатных чертёжников из самого Курска, над картами генерального межевания здесь потрудились командированные из столицы специалисты — геодезист Иван Хрущёв (середина ХУШ в.), адъютант Федор Чёрный (в 1788 г.) и, наверное, другие их коллеги из Академии наук (Цветков, 1953: 93).

С конца XVIII в. картографирование и военно-статистическое изучение губерний и областей России последовательно повёл ещё и Генеральный штаб, в котором с 1797 г. действовало специальное Депо карт. Его офицеры-геодезисты и тыловики-квартирмейстеры командировались на места и результатом их экспедиций стали особо точные (масштабом 100 сажен в английском дюйме) карты местностей. Ими в особенности любили затем, вплоть до наших дней пользоваться археологи при собственных полевых разведках и соответствующих чертежах найденных памятников.

Кроме собственно военно-технических, офицерам-картографам рекомендовалось учитывать прочие характеристики тех местностей, что они чертили и описывали в полевых журналах. Эти прочие аспекты выходили разные — в зависимости от кругозора и способностей того или иного геодезиста в погонах. В целом ряде случаев, кроме (говоря современным языком) экологии, социологии и экономики, в поле зрения офицеров попадала история. Например, будущий модный писатель А.Ф. Вельтман, окончив корпус колонновожатых, несколько лет прослужил по распределению в Бесарабии по военно-межевой части. Кроме внутрислужебных отчетов, он подготовил и в 1828 г. опубликовал работу «Начертание древней истории Бесарабии» (земли с богатейшим археологическим прошлым). Другим частям Российской земли в ту пору ещё не повезло встретить историка в офицерских погонах.

В 1850 г. Генеральный штаб опубликовал в своей книжной серии «Военно-статистическое обозрение Российской империи» том «Курская губерния». Его по личным «рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составляли: Генерального штаба подполковник Дуброво и капитан Рельи». Историческая часть тут по-военному лапидарна: справка о летописных реалиях и (особенно примечательная по своей историографической новизне) о заселении края с XVI в. разными потоками колонистов занимает неполных три страницы и призвана ориентировать войска по отношению к разным категориям местных жителей. Современному археологу небесполезна топографически точная информация о путях сообщения в Курском Посеймье. Известно, что дороги в ряде случаев отличаются удивительным, порой многовековым постоянством своего маршрута (что прослежено раскопками по расположению улиц древних и современных Новгорода, Киева, Москвы и других старых русских городов).

Поступившие из провинции историко-краеведческие сведения с самого начала развития археологического знания учитывались столичными специалистами. В 1809—1810 гг. уже специально археологическое путешествие по России совершила очередная экспедиция Академии наук — под руководством её почётного члена К.М. Бороздина (1781—1848) и при участии художника Д.И. Иванова, археографа А.И. Ермолаева.

Среди 15 посещённых ими городов Северной, Центральной и Южной России оказался и Курск (Поленов, 1871: 72–73). Ничего достойного описания из памятников древней истории они здесь не обнаружили.

Экскурсионно-описательный подход к древностям российской провинции продержался по крайней мере до середины XIX века. Значимость развалин старинных крепостей, языческих курганников, гражданских и церковных «летописцов» и т.п. исторических древностей уже вполне осознавалась образованными представителями губернского общества. Однако что и, главное, как, для чего изучать, собирать по исторической, археологической, археологической частям, оставалось им не слишком ясным. Провинция, конечно, никак не могла обогнать столицы, тем более в общеакадемических вопросах. Публикации об исторических достопримечательностях и там, и тут относились тогда скорее к литературе, публицистике, нежели к науке в современном смысле этого слова.

К тому же, нельзя сбрасывать с историографического счёта политического фактора. Ощутимым стимулом к историко-археологическим разысканиям послужил один из идеологических лейтмотивов царствования Николая I — показная забота высшей власти о памятниках отечественной старины, безусловного превосходства России перед Западом. А бюрократы всех рангов всегда держат нос по ветру «высочайшей» воли. Нам сегодня нет особой нужды вникать в мотивы, по которым хоть какие-то сведения о постоянно разрушаемых природой и человеком археологических объектах, исторических источниках, потенциально этнографических экспонатах оказались вовремя собраны, сохранены для науки и культуры.

Так, курский губернатор М.Н. Муравьев в 1830-е гг. толково распорядился двумя краеведческими инициативами кого-то из своих подчинённых. Во-первых, он препроводил в МВД рисунок надгробного камня князя Василия Георгиевича, найденного на «городке» в Путивле, где этот сын Юрия Долгорукого правил последние годы своей жизни (1191–1203). Описание места находки и её самой, вкупе с очерком полулегендарной истории тамошнего монастыря — Путивльского мужского, публикуется в «Журнале МВД» (Ч. XXII. 1836. № 10. С. 52.). Среди прочего в статье упоминается снивелированный уже к началу XIX в. вал окольного града Путивльского городища. Последнее верно оценивается как «древнейшее укрепление Путивля, с него граждане в 1146 г. отражали союзников Изяслава Киевского и в 1159 г. Изяслава Давидовича. ... ; супруга храброго князя Северского, когда он отправился в степи половецкие, часто встречала восход солнечный и ждала возврата милого...»

Заодно анонимный автор статьи, чьё мнение освящалось авторитетом печатного органа самого влиятельного в империи министерства, сетует на утрату ещё 8 подобных камней — надгробий древнерусского времени — «невежество жителей и беспечность начальства допустили разобрать их в фундаменты домов, лишив историю быть может весьма любопытных материалов». Надо сказать, что археологическая корреспонденция из Курска на страницах этого почтенного полицейского журнала далеко не единственная (Формозов, 1995).

Дольше всего — до начала XX в. союз географии с историей и археологией продержался в деятельности Императорского Русского Географического общества. В программе его печатных трудов постоянно выделялся пункт «География историческая и история географии». Подразумевались «географические описания стран в разные эпохи их существования», а также исследования «местностей, чем-либо замечательных в историческом отношении». В энциклопедических изданиях этого Общества — «Россия. Полное географическое описание Отечества», «Живописная Россия», «Городские поселения в Российской империи» и т.п. фолиантах отложился минимум информации по истории и археологии отдельных губерний, включая Курскую. Тот минимум, который оказался достижим на основании фундаментального для своего времени свода Н.М. Карамзина (выборки из него сюжетов по отдельным городам и княжествам) и поверхностного осмотра некоторых городищ, курганов и прочих археологических памятников столичными путешественниками и первыми краеведами в провинции.

Итак, первые географические сочинения в нашей стране запечатлели немало ценного в «уходящей натуре» древних памятников российской старины. Не случайно именно география послужила своеобразным «трамплином» для того, чтобы история и археология добрались бы из столичной Академии, Московского университета до провинциальной глубинки. Сочетание фундаментального и прикладного аспектов, естественнонаучной и гуманитарной сторон отличает именно географическую науку и связанную с ней топографическую, геодезическую практику. На стартовом для отечественной науки этапе историко-археологические знания, тем более регионального происхождения, проще и убедительнее всего было «встроить» в географическое описание только что сформировавшегося в своих широких пределах Отечества. Тем самым был подготовлен очередной, гораздо более результативный, серьёзный этап изучения отечественных древностей, на котором отдельные отрасли гуманитарного познания малопомалу самоопределились.

Литература

- Акты XVII—XVIII вв., извлечённые А.Н. Зерцаловым. 1897. М.
- Гнучева В.Ф. 1946. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.—Л.
- Бакмейстер Л. 1772. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Вып. 1. Ч. 3. СПб.
- Глаголев А. 1839. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые ... при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб.
- Глаголев А. 1841. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1841.
- Енуков В.В. 1991. Ратское городище // Археология и история юго-востока Руси.
- Путешественные записки Василия Зуева от С.—Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. 1787. СПб.
- Книга Большому чертежу. 1950. М.—Л., 1950.
- Кусов В.С. 1989. Картографическое искусство Русского государства. М.
- Кусов В.С. 2007. Московское государство XVI — начала XVII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М.
- Ларионов С. 1786. Описание Курского наместничества... М.
- Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск.
- Поленов Д.В. 1871. Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с г.г. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 г.г. // Труды I Археологического съезда. Т. I. СПб.
- Рубинштейн Н.Л. 1953. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М.
- Севастьянова А.А. 1988; 1990. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Вып. 1—2. Ярославль.
- Татищев В.Н. 1950 а. Напоминание на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // В его кн.: Избр. труды по географии России. М.
- Татищев В.Н. 1950 б. Предложения о сочинении истории и географии Российской. 1737 г. // Там же.
- Формозов А.А. 1061. Очерки по истории русской археологии. М.
- Формозов А.А. 1995. Археологии на страницах «Журнала МВД» 1830—1860-х гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.
- Цветков М.А. 1953. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. Сб. 31. М.
- Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII—XIV вв. 2000. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь третья. Курск.
- Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Вып. 1. Ярославль, 1988; Вып. 2. Ярославль, 1990.

РАЗДЕЛ IV.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Радомышльские верхнепалеолитические стоянки: распространенные стереотипы восприятия памятников

О.Н. Кононенко

Институт археологии НАНУ. Украина, г. Киев

Введение

Уже более полувека прошло с момента открытия верхнепалеолитических Радомышльских стоянок, и на протяжении всего этого времени интерес к ним не угасал. Однако большие обобщающие работы, посвященные этим памятникам, так и не появились. В результате, часто информация о стоянках, основанная на данных, опубликованных десятки лет назад, образовала ряд стереотипных представлений, переходящих из одной публикации в другую. Тщательное изучение коллекций, архивных источников, а также новые полевые наблюдения, проведенные автором этой статьи в ходе работы над кандидатской диссертацией, посвященной Радомышльским стоянкам, позволяют откорректировать такие взгляды, способствуя лучшему пониманию специфики Радомышльских стоянок на фоне верхнего палеолита региона. В статье рассматриваются вопросы количества стоянок, их топографии, датировки пункта Радомышль I и интерпретации структуры этого поселения.

Размещение и количество пунктов

Радомышльские стоянки были открыты в середине 50-х годов XX века в Украинском Полесье на окраине г. Радомышль Житомирской обл. и исследовались экспедицией Института археологии АН УССР под руководством д.и.н. Ивана Гавриловича Шовкопляса. В процессе исследования было выявлено четыре пункта (Радомышль I–IV). Раскопки проводились на пунктах I, II, IV. По данным исследователя, обнаруженные им местонахождения были приурочены к четырем отдельным возвышениям, расположенным на склоне правого берега древней балки, впадающей в долину р. Тетерев (Шовкопляс, 1964: 90–91).

Внимательное изучение топографического плана местности, где находятся памятники, показало, что в действительности стоянки располагаются на краю водораздельного плато, образованного моренными отложениями, перекрытыми дерново-среднеподзолистыми песчано-легкосуглинистыми

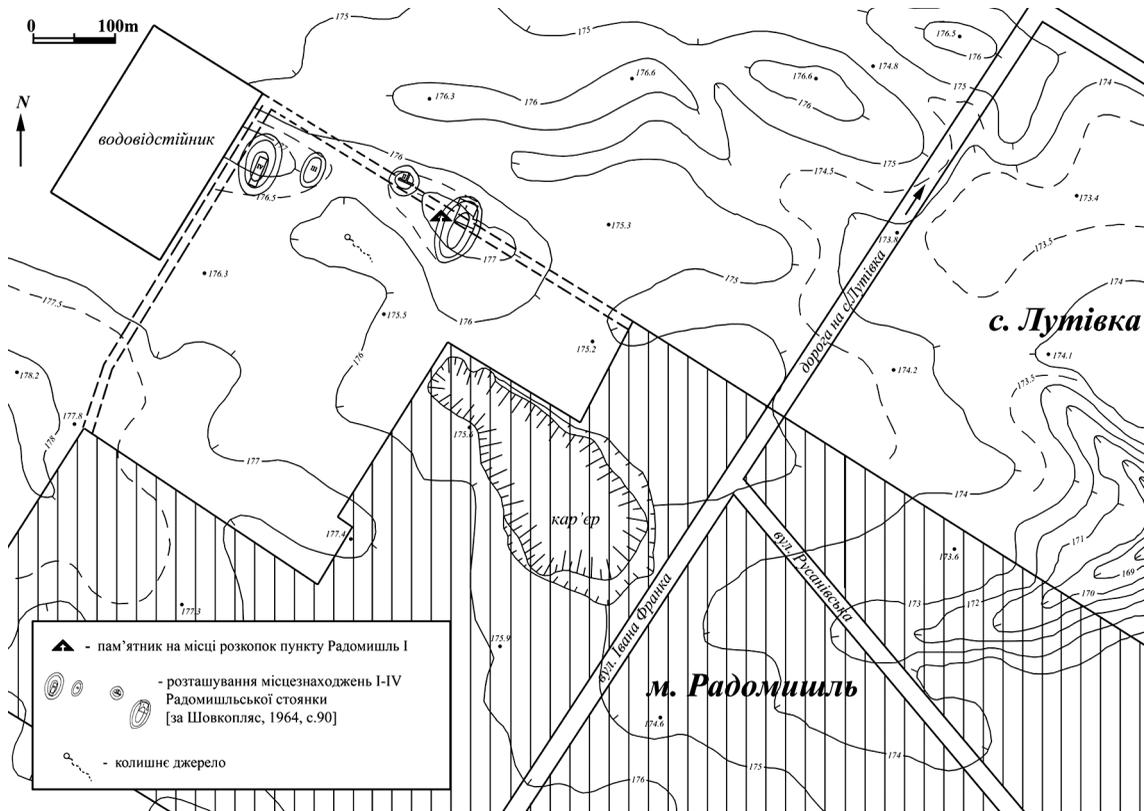

Рис. 1. Топографический план местности и расположение местонахождений Радомышль I–IV (по И.Г. Шовкоплясу)

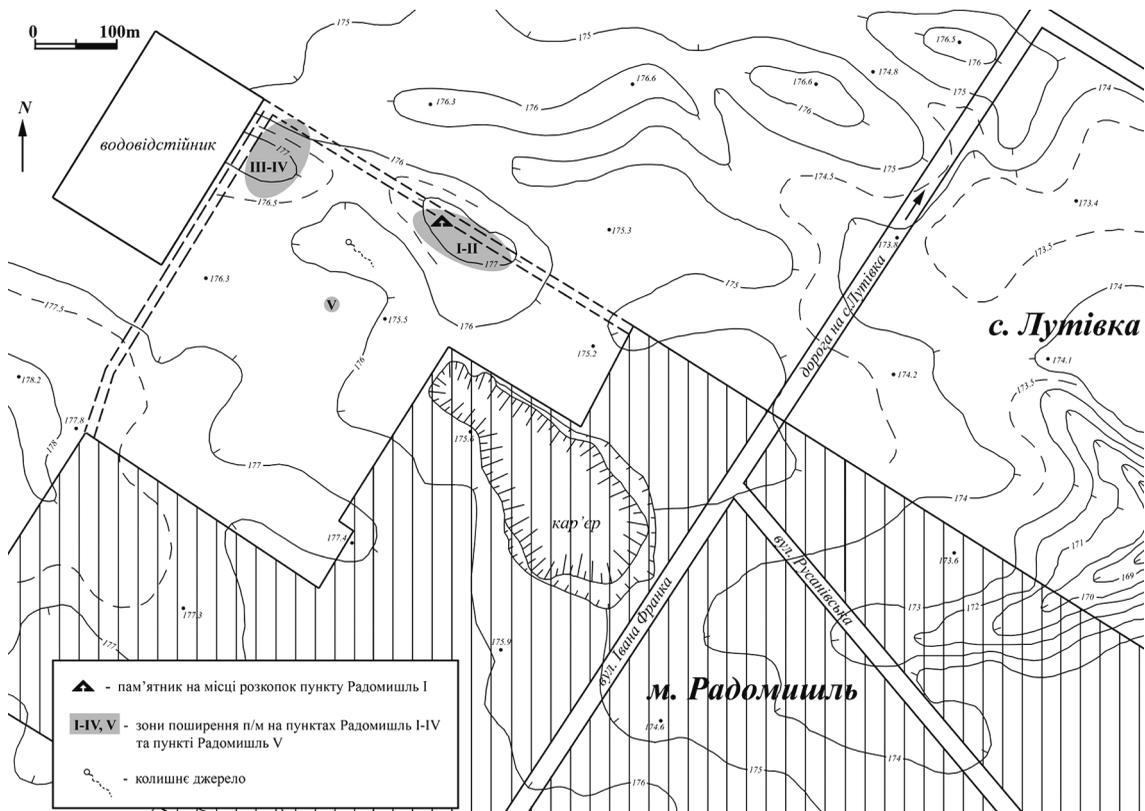

Рис. 2. Места сбора материала на пунктах Радомышль I–V

Рис. 3. Группа палеолитических памятников в районе г. Радомишль:
А — Радомишль I–V, В — Лутувка IV

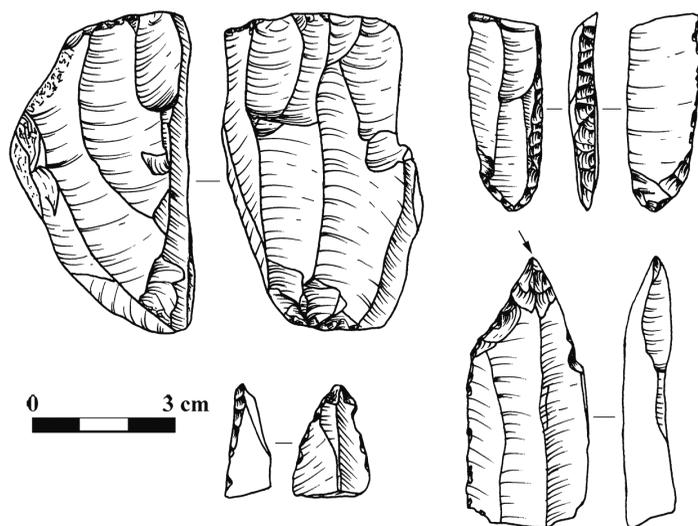

Рис. 4. Кремневые изделия стоянки Лутувка IV

почвами¹. Участок, на котором были обнаружены пункты I–IV, является одной из высших точек в окрестности. Именно здесь проходит водораздел двух рек: Тетерева и его левого притока — Лутивочки. Местность имеет вид вытянутого с севера на юг мыса, образованного на севере — одним из отвершков обводненной балки, впадающей в долину р. Лутивочка, с востока — отвершком балки, впадающей в р. Тетерев на территории с. Лутивка, а с юга и юго-запада — едва заметным отвершком балки, впадающей в долину р. Тетерев на северной окраине г. Радомишль. По словам местных жителей, на дне последнего до недавнего времени был источник (рис. 2, 3).

Сопоставление топографического плана местности и опубликованной план-схемы местонахождений I–IV Радомишльской стоянки (Шовкопляс, 1964: 90) демонстрирует, что пункты, исследованные в 1950–1960-х гг., в действительности связаны только с двумя повышениями удлиненной формы, одно из которых находится у основания ранее упомянутого мыса, а второе — ближе к его концу (рис. 1).

¹ Определение грунтов приведено исходя из «Картограми сільськогосподарських типів земель Радомишльського району Малинського виробничого управління Житомирської області. Складена ґрунтознавчою партією Київського ордена Леніна Державного університету ім. Т.Г. Шевченка за матеріалами обслідування ґрунтів 1959 року. Київ, 1963 р.»

В ходе полномасштабных поисковых работ, проведенных нами в этом районе в 2007 г., удалось проследить три зоны распространения палеолитических кремневых изделий. Первая соответствует возвышению с пунктами I и II, а вторая — возвышению с пунктами III и IV И.Г. Шовкопляса. Помимо этого несколько южнее от уже известных местонахождений, на склоне правого борта балочки, расположенной западнее пунктов I и II, была собрана коллекция верхнепалеолитических кремней. Этот пункт получил название Радомышль V (рис. 2).

Итак, на северной окраине города Радомышль находится группа палеолитических памятников, состоящая из отдельных пунктов, количество которых может варьировать от трех до пяти. Следует отметить, что на некотором удалении от города есть и другие верхнепалеолитические стоянки. В частности, исследованиями автора в 2007 г. был открыт новый пункт, расположенный на 3,3 км восточнее пункта Радомышль I на территории с. Лутивка Радомышльского р-на. Собранные здесь материалы по своим технико-типологическим характеристикам подобны находкам Радомышля I (рис. 3, 4).

Таким образом, подробный анализ материалов свидетельствует о том, что возле г. Радомышль известно несколько верхнепалеолитических пунктов. Несмотря на это, в публикациях почти всегда речь идет как бы об одной «Радомышльской стоянке». Традиция употребления такого названия была заложена самим автором исследования — И.Г. Шовкоплясом. Результаты раскопок в Радомышле он подробно рассмотрел в трех статьях. Две из них были посвящены только одному пункту — Радомышлю I, и имели форму кратких сообщений (Шовкоплас, 1964; 1965). Еще в одной статье материалы того же пункта привлекались несколько с иной целью, а именно, для характеристики хозяйственно-бытовых комплексов в верхнем палеолите (Шовкоплас, 1971). Таким образом, из всех обнаруженных в окрестностях города Радомышль пунктов, были опубликованы только данные относительно пункта I. Соответственно, употребляя в своих работах словосочетание «стоянка Радомышль» И.Г. Шовкоплас имел в виду только пункт Радомышль I.

Сосредоточение автора раскопок только на пункте Радомышль I объясняется тем, что это местонахождение имело лучшую сохранность и именно здесь были зафиксированы скопления костей мамонтов, интерпретированные исследователем как «жилища». И.Г. Шовкоплас считал пункт полностью исследованным (Шовкоплас, 1964: 91). Однако результаты нашей разведки 2007 г. показали, что пункт I не был раскопан полностью. Об этом свидетельствует как значительное количество находок, собранных на поверхности далеко за пределами раскопанной площади, так и материалы, полученные при шурфовке. В пределах местонахождения были заложены 6 шурфов общей площадью 19 м². В каждом из них на глубине 0,4–1 м от поверхности встречались кремневые изделия, идентичные коллекции Радомышля I. Массовый подъемный материал встречался также в районе пунктов III и IV, значительная часть площади которых сейчас разрушена.

Датирование

Еще одним распространенным стереотипом является слишком раннее в пределах верхнего палеолита датирование Радомышльских стоянок и представление о «переходном» характере их кремневого инвентаря.

Автор раскопок И.Г. Шовкоплас отнес индустрию стоянки Радомышль I к начальной поре верхнего палеолита, определив ее как ориньяк-солютре. Другого определения для этого периода, в археологии 1960-х гг. просто не было, ведь в то время о вариативности в верхнем палеолите речь еще не шла. Считать памятник переходной от среднего к верхнему палеолиту автора раскопок побудило также наличие в коллекции пункта I обломков «дисковидных нуклеусов» и среднепалеолитических орудий (скребел). Ошибочность этой точки зрения доказали В.И. Усик и Ю.Е. Демиденко, которые собрали из обломков «дисковидных нуклеусов» целые заготовки для торцово-клиновидных ядрищ (Демиденко, 1987: 43–44; Усик, 2001: 167–179; Усик: 2002: 10–19). Что же касается таких орудий, как скребла, то они представлены в абсолютно разновременных коллекциях — от раннего палеолита до эпохи бронзы включительно. Техничко-типологический анализ резцов стоянки Радомышль I также демонстрирует отсутствие ранних форм. На наш взгляд, чрезвычайно малое количество кареноидных резцов (0,4% от их общего количества) не позволяет относить стоянку к кругу ориньякских памятников на основании именно этой категории орудий (Кононенко, 2010: 49–50). Итак, по данным археологии, реальных доказательств того, что Радомышль I является наиболее ранней верхнепалеолитической стоянкой территории Украины, пока не существует.

На сегодняшний день мы имеем две абсолютные даты для одного из четырех пунктов стоянки — Радомышль I. Одна из них приводится в ряде публикаций (Аникович, 1991: 23; Аникович, 1998: 45; Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007: 191). Другая, полученная в Киевской радиоуглеродной лаборатории — ранее не публиковалась. Обе даты почти идентичны: первая — 19.000 ± 300 (OxA 697) была сделана

по образцу зуба мамонта, а вторая — 19.600 ± 350 (Ки-6210) — по образцу костного угля, который, по мнению Н.Н. Ковалюха, из-за сильного загрязнения мог дать более молодой возраст. При этом следует отметить, что независимо от того, доверяют исследователи этим определениям, или нет, на их основании нельзя датировать индустрию других пунктов.

Интерпретация скопления костей

Распространенным стереотипом, на который автор статьи хотела бы обратить внимание, является интерпретация скопления костей мамонта стоянки Радомысль I как остатков верхнепалеолитических жилищ.

В 50–70-е годы XX в. тема палеолитических жилищ была достаточно популярной среди ученых (Черныш, 1960; Рогачев, 1964; Пидопличко, 1969; Сергин, 1974 и др.). И.Г. Шовкопляс также активно работал над этой проблематикой. Он был сторонником гипотезы оседлого образа жизни в верхнем палеолите и, соответственно, существования долговременных поселений. Полевые исследования, значительное внимание, уделяемое структуре поселений, полноценная на то время фиксация находок, привели И.Г. Шовкопляса к мысли о существовании на верхнепалеолитических поселениях так называемых «хозяйственно-бытовых комплексов» (ХБК) (Шовкопляс, 1972: 13–15). По его мнению, в начале верхнего палеолита отдельные семьи жили в небольших жилищах, но вели общее хозяйство (Радомысль) (Шовкопляс, 1971: 17–18; 1972: 14–16; 1977: 119). Со временем, отдельные семьи начинают вести обособленное хозяйство, но все ХБК находятся в территориальной близости, вплотную друг к другу (Мезин) (Шовкопляс, 1965–6: 93–95; 1971: 19–21). В конце же верхнего палеолита — каждая отдельная семья живет и ведет хозяйство обособленно, хозяйственно-бытовые комплексы размещаются на расстоянии, изолированно — как отдельные подворья (Добраничевка) (Шовкопляс, 1971: 18–19; 1977: 119).

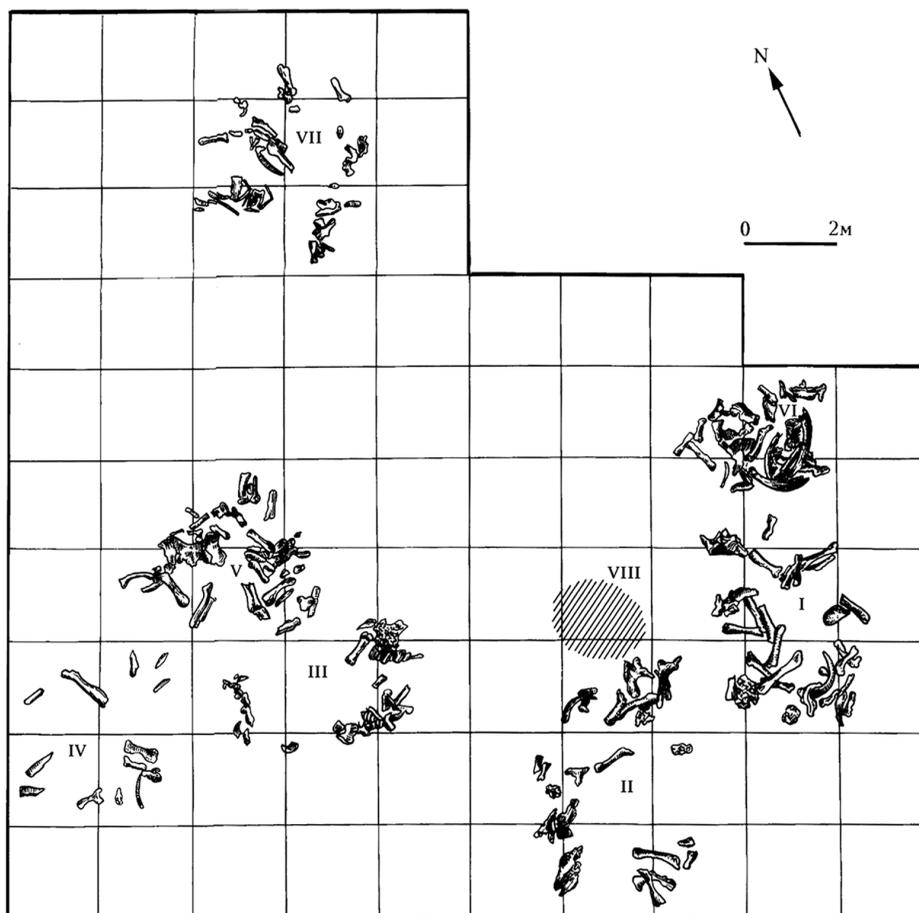

Рис. 5. Общий план раскопов 1957 и 1959 гг. стоянки Радомысль I (по Шовкопляс, 1964: 91): I–V, VII — скопление костей, VI — «яма-хранилище», VIII — место обработки кремня.

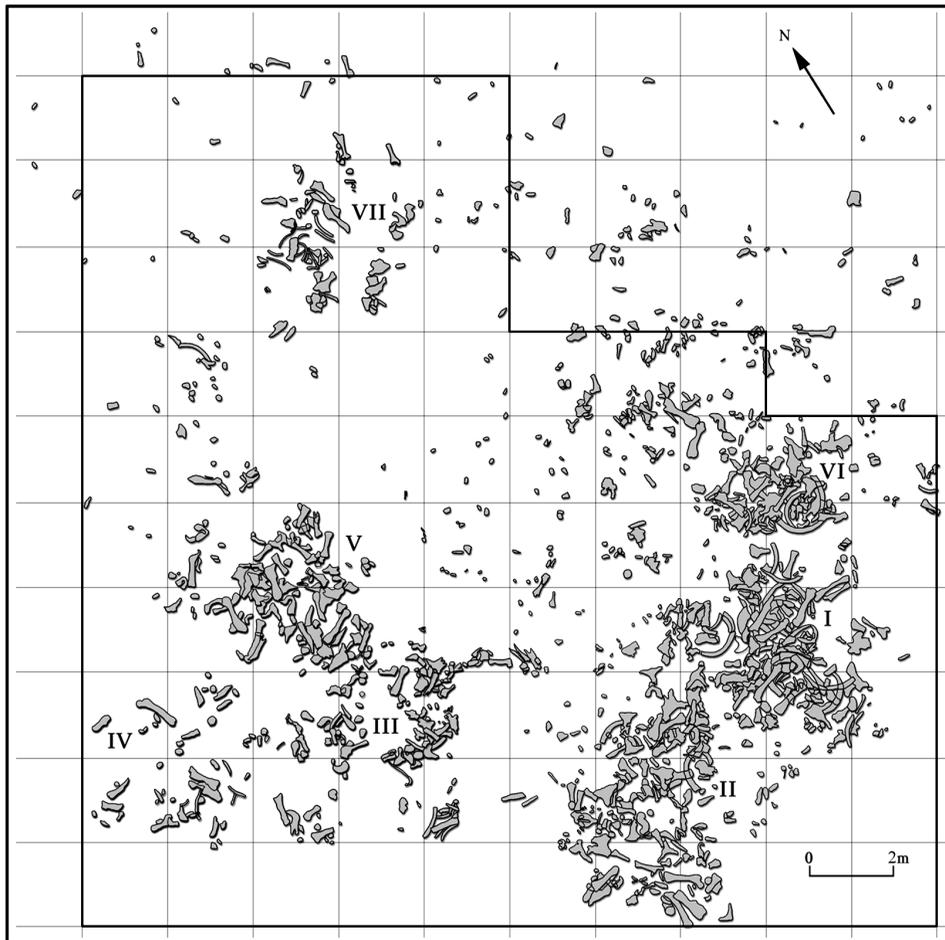

Рис. 6. Воссозданный общий план размещения фаунистических остатков стоянки Радомышль I: I–VII — нумерация скоплений костей мамонта, по И.Г. Шовкоплясу.

Итак, Радомышльская стоянка, по мнению И.Г. Шовкопляса, характеризует устройство первобытной общины начальной поры верхнего палеолита, когда хозяйственная и производственная деятельность и быт ее жителей, уже разделенных на отдельные семьи, полностью или в значительной мере имели еще групповой (общинный) характер. Жители живут в отдельных небольших жилищах, но имеют общие хозяйственные объекты — производственный центр, очаг и яму-хранилище. Эти взгляды ученый проиллюстрировал описанием структуры поселения, на котором он выделил «остатки шести небольших наземных, округлых и подовальных жилищ, места которых были обозначены скоплениями костей мамонтов» (Шовкопляс, 1971: 17) и опубликованным им планом костных остатков (Шовкопляс, 1964: 91) (рис. 5).

В середине 2000-х годов автором статьи, в сотрудничестве с археозоологом С. Пеаном (Франция) и палеонтологом Н.Л. Корниец (Украина) был полностью восстановлен план распространения костных остатков стоянки Радомышль I (рис. 6) и проведен их детальный археозоологический анализ. По количественной характеристике и расположению различных категорий костей мамонтов можно сделать вывод, что образование их скоплений является результатом, в основном, сбора трупов животных и/или сбора уже сухого костного материала. Об этом свидетельствует ничтожная доля осевой части скелета (позвоночник и ребра) и отсутствие дистальных частей конечностей — мелких костей стопы. Сортировка анатомических элементов в пределах отдельных скоплений прослеживается, но она не имеет характерных строительных признаков, зафиксированных на известных эпиграветских памятниках, таких, как Межиричи, Мезин, Добраничевка и др. Костные скопления поселения Радомышль I имели хозяйственное назначение и могут восприниматься как места накопления костного материала частично отсортированного для дальнейшей утилизации. (Péan, Kononenko, 2004; Кононенко, Пеан, 2005: 78–86; Кононенко, Корниец, Пеан, 2006: 240–254).

Выводы

Таким образом, анализ археологических и палеонтологических материалов, архивных и библиографических данных, а также результаты проведенных нами поисковых работ, позволяют пересмотреть ряд стереотипных представлений, связанных с исследованием Радомышльских стоянок. В частности:

1) пункты I–IV занимают два возвышенных участка мыса края водораздельного плато, образованного отвершками трех балок, две из которых впадают в долину р. Тетерев, а третья — в долину р. Лути-вочка, которая является левым притоком Тетерева;

2) словосочетание «стоянка Радомышль» в публикациях И.Г. Шовкопляса касается только пункта Радомышль I;

3) характер кремневого инвентаря и радиоуглеродные даты, полученные пока лишь для пункта Радомышль I, не подтверждают отнесение последнего к началу верхнего палеолита;

4) скопление костей мамонта пункта Радомышль I являются не остатками «жилищ», а местами накопления костного материала частично отсортированного для дальнейшей утилизации.

Благодарности. Пользуясь случаем, автор считает своим приятным долгом сердечно поблагодарить своих коллег — археологов, палеонтологов и геологов из Украины, России и Франции: Нинель Корниец, Стефана Пеана, Ларису Кулаковскую, Виталия Усика, Дмитрия Нужного, Наталью Герасименко, Валентину Беляеву за помощь, доброжелательные замечания и ценные консультации.

Литература

- Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб.
- Аникович М.В. 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С. 35–67.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.
- Демиденко Ю.Э. 1987. Некоторые вопросы классификации каменной индустрии и хронологии Радомышльской позднепалеолитического поселения // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов. Киев. С. 43–44.
- Кононенко О.М. 2010. Різці верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I: технологія, типологія, статистика // Матеріали па археології Беларусі. Вып. 18. Мінськ. С. 45–55.
- Кононенко О.М., Пеан С. 2005. Археозоологічна характеристика фауністичного комплексу верхньопалеолітичного поселення Радомишль I // Кам'яна доба України. Вип. 7. Київ. С. 78–86.
- Кононенко О.М., Корнієць Н.Л., Пеан С. 2006. Характеристика скупчень кісток мамонта верхньопалеолітичної стоянки Радомишль I // Європейський середній палеоліт. Київ. С. 240–254.
- Пидопличко И.Г. 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. К.
- Рогачев А.Н. 1964. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. М.
- Сергин В.Я. 1974. Палеолитические жилища Европейской части СССР. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.
- Усик В.И. 2001. К вопросу о «гигантолитах», топорах и формах мустьерских нуклеусов в позднепалеолитических комплексах. (По материалам ремонтажа коллекций комплекса 2 Королеве 2 и стоянки Радомышль) // Vita antiqua. № 3–4. Київ. С. 167–179.
- Усик В.И. 2002. Технологічні аспекти виготовлення клиноподібних нуклеусів у пізньому палеоліті // Археологія. № 2. Київ. С. 10–19.
- Черныш А.П. 1960. К вопросу о мустьерских жилищах // КСИА. № 10. С. 3–10.
- Шовкопляс И.Г. 1964. Палеолітична стоянка Радомишль (Попереднє повідомлення) // Археологія. Т. XVI. Київ. С. 89–102.
- Шовкопляс И.Г. 1965а. Радомышльская стоянка — памятник начальной поры позднего палеолита // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М. С. 104–116.
- Шовкопляс И.Г. 1965–б. Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Київ.
- Шовкопляс И.Г. 1971. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // Археологія. № 3. Київ. С. 13–21.
- Шовкопляс И.Г. 1972. Хозяйственно-бытовые комплексы позднего палеолита // Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970–1971 років на території України). Одеса. С. 12–17.
- Шовкопляс И.Г. 1977. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение // БКИЧП, № 47. М. С. 115–120.
- Péan S., Kononenko O. 2004. Features of the mammoth bone deposit from the Upper Palaeolithic site Radomyshl' I (Ukraine) // EAA X-th Annual Meeting. Lyon.
- Soffer O. 1985. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando.

Триполье-Кукутень в контексте понятия «археологическая культура»

Н.Б. Бурдо

Институт археологии Национальной академии наук. Украина, г. Киев

Для того, чтобы археологические культуры как научное понятие могли успешно выполнять свои функции в качестве специфического исторического источника, необходимо, кроме всего, знать логико-методологические требования, предъявляемые к научным терминам и понятиям: их природу, развитие, соотношение их объема и содержания, а также логические правила их определения. К сожалению, большинство определений археологической культуры и их историко-социологического содержания и не учитывают в должной мере эти неременные требования.
Ю.Н. Захарук, 1979: 259

Термин «культура» для обозначения областей распространения одинаковых археологических памятников появился в немецкой литературе в конце XIX в. В тот же период в скандинавских изданиях отдавалось предпочтение термину «цивилизация» (Монгайт, 1973: 36, 94). Термин «трипольская культура» был впервые употреблен В.В. Хвойкой в отношении неолитических древностей, первые итоги исследования которых были доложены в 1899 г. на XI Археологическом съезде в Киеве. Термин «трипольская культура» наравне с названием «неолитическая культура» вскользь упоминается автором и присутствует в публикации доклада в 1901 г. (Хвойка, 1901). Первая дефиниция термина «археологическая культура» принадлежит Г. Чайлду. (Childe, 1929: V–VII) В советской археологии дискуссия по поводу определения сущности археологической культуры вспыхивала неоднократно.

Понятие «археологическая культура» в советской историографии

Термин «археологическая культура» был унаследован советской археологией от российских предшественников. В 1930-е годы — в эпоху становления советской археологии понятие «археологическая культура» использовалось преимущественно на эмпирическом уровне для обозначения определенной совокупности территориально и хронологически сходных археологических находок и объектов, а также выступало иллюстрацией для схем социально-экономического развития конкретных групп древнего населения. «Археологическая культура» была универсальным средством систематизации археологических источников в практических исследованиях советских археологов.

Создание социально-исторических реконструкций на основе археологических источников вызвало необходимость выработки четких принципов их интерпретации, в том числе и осмысления содержания такого фундаментального понятия, как «археологическая культура». В 50–60-е гг. XX в. появились работы, в которых не только предлагались определения термина «археологическая культура» как фундаментального понятия эмпирического уровня исследования, но и затрагивалась проблема соотношения археологической культуры и определенных социальных групп, этноса, а также рассматривались археологические материалы, выступающие в роли этнических признаков. Впрочем, реконструктивный аспект вначале отсутствует в дефинициях. Под археологической культурой понималась *«совокупность археологических памятников, отличающихся общностью, относящихся к определенному времени и объединенных общей территорией»* (Фосс, 1952: 6–7). В целом соответствие археологической культуры этническим структурам первобытного общества (племенам) предполагали А.А. Формозов (1959: 15) и А.Я. Брюсов (1952). Дискуссия по содержанию понятия «археологическая культура» продолжалась в 1970–1980-е и 1990-е гг. Специальные работы этой проблеме посвятили многие исследователи, в том числе А.Л. Монгайт (1970), В.М. Массон (1987), Ю.Н. Захарук (1979), И.С. Каменецкий (1970), В.Ф. Генинг (1985, 1992),

Л.С. Клейн. Эпиграф к статье последнего: «*Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предмете*» (Клейн, 1970: 37), как нельзя лучше выражает общую ситуацию, сложившуюся в советской археологии по отношению к определению одного из базовых ее понятий. Чаще всего дискутировалось именно историческое содержание понятия «археологическая культура». Справедливо подчеркивается, что этот аспект проблемы требует специального исследования (Захарук, 1964: 13). Однако и вопросы прикладного уровня, в том числе такие важные, как характер и принципы выделения археологических культур, остаются слабо разработанными и дискуссионными, в том числе и в отношении культуры Триполье-Кукутень.

Анализ концепций археологической культуры в отношении Триполье-Кукутень¹

Находки у с. Кукутень были сделаны раньше, чем в окрестностях Триполья. Эпонимный памятник оказался стратифицированным, этим определялась возможность установления четкой хронологии кукутенских памятников. Исследования стратифицированного памятника Извоар привело к выделению культуры Прекукутень, поскольку слои соответствующего типа залегают ниже слоев с материалами культуры Кукутень. Масштабные раскопки многослойного памятника Кукутень-Городище, давшего название культуре, происходили в 1909–1910 гг. под руководством Г. Шмидта. Они позволили выделить два этапа А и В, а в дальнейшем привели к мысли о существовании «*большого культурного комплекса с расписной керамикой Ариушт-Кукутень-Триполье*» (Petrescu-Dimbovita, Valeanu, 2004: 23).

В румынской историографии изучению локальной структуры культуры Кукутень практически не придавалось значения, хотя существование определенных региональных групп разных периодов развития отмечается исследователями, но не формализовано каким либо образом (например: Mantu, 1998).

Первые раскопки поселений в окрестностях местечка Триполье В.В. Хвойка провел в 1896 г. В целом, на разных памятниках им было раскопано тем или иным образом около 500 объектов — площадок. Стратифицированные памятники не были обнаружены. Однако В.В. Хвойка обратил внимание на разницу в материальной культуре расположенных в непосредственной близости пунктов и находки были им сгруппированы по культурам А и В, составлявшими вместе трипольскую культуру (Хвойка, 1901).

В.В. Хвойка пришел к выводу, что «*пропорциональность, утонченность форм и смелое художественное исполнение украшений, зафиксированное на посуде культуры А, абсолютно отсутствуют в культуре В, характеризующейся более примитивным орнаментом*», а также отсутствие в памятниках последней медных находок и сверленных каменных предметов, дают основание считать культуру В менее развитой и, соответственно, более древней² (Хвойка, 1901: 806). Примечательно, что, повторяя приведенную выше аргументацию в своей последней работе, В.В. Хвойка, как будто сомневаясь в построении хронологии на основе лишь типологического метода, отмечает, что «*было бы ошибкой основываться только на этих наблюдениях и делать выводы о разном времени двух указанных культур. Трипольская культура, охватившая почти половину европейского материка, хотя и имела один и тот же характер, но благодаря длительному существованию и природным условиям местности, занятой ею, создала множество центров, которые имели свои излюбленные мотивы и свои формы*» (Хвойка, 1913: 17). Таким образом, В.В. Хвойка предугадал разнообразие и культурную многоплановость открытого им феномена первобытной истории. Безвременная кончина не позволила ему развить взгляды и концепции, подсказанные ему богатым опытом и интуицией.

Содержание понятия «трипольская культура» не всегда было одинаково. Анализ работ позволяет судить о его применении. Для первого этапа исследования Триполья характерно рассмотрение В.В. Хвойкой и его современниками Ф.К. Волковым (Вовк, 1905), Э.Р. Штерном (Штерн, 1906) трипольской культуры как неотъемлемой части европейских неолитических культур с расписной керамикой. А.А. Спицин писал о восточных корнях носителей трипольской культуры, сравнивая находки В.В. Хвойки с материалами Анау (Спицын, 1904).

В 20-е годы XX в. В. М. Шербаковский писал: «*мальована неолітична кераміка розповсюджена на великій площаді від Києва на Півночі до південних грань Фесалії на Півдні, і від с. Вереміївка Золотоносько-*

¹ В современной историографии культуры Прекукутень, Триполье и Кукутень объединяются в общность (культурный комплекс) Триполье-Кукутень (Кукутень-Триполье)

² В дальнейшем выяснилось, что хронологические построения В.В. Хвойки, основанные исключительно на типологическом методе и эволюционизме, оказались ошибочными. В действительности памятники «культуры А» были более ранними, чем «культуры В» (Пассек, 1961: 20)

го повіту на сході до самого Адріатичного моря на заході», ее «спорадичні знахідки трапляються далеко за окресленими межами у Кападокії, Сузах, Анау» (Щербаківський, 1923: 4).

В 30-е годы XX в. О. Кандыба, развивая эту идею, четко сформулировал положение про культуру расписной керамики как «одне з яскравих явищ європейського неоліту» и культуру, которая «була одним з форпостів могутньої цивілізації Близького Сходу». Исследователь останавливается на характеристике всех «групп» «европейской культуры расписной керамики», подчеркивая, что «молдовська (Прикарпатська Молдова на території Румунії) кераміка найтісніше пов'язана з українською, яка розповсюджена в Подніпров'ї, у Східній Галичині, Бессарабії та на Буковині», подчеркивая тем самым связь между культурами, имеющими теперь название Кукутень и Триполье, рассматриваемые как отдельные региональные группы культуры расписной керамики (Кандыба, 2004: 9–13, 126).

Открытие в середине 20-х годов XX в. комплексы в Усатово и Большой Куяльник под Одессой М.Ф. Болтенко отнес к усатовской культуре (Болтенко, 1926). Однако в оставшейся неопубликованной статье Т.С. Пассек и Б.А. Латынина¹, относящейся к тому же времени, эти объекты были включены в трипольскую культуру.

Вскоре целый ряд исследователей поставил под сомнение принадлежность к Триполю также памятников городского и софиевского типа. Примечательно, что памятники аналогичного типа в Румынии никогда не относили к культуре Кукутень. Однако большинство авторов придерживалось концепции структуры Триполя, обоснованной Т.С. Пассек (Passek, 1935).

Мнение о наличии в трипольской культуре локальных вариантов впервые четко сформулировал А.А. Формозов, предложивший каждую локальную группу рассматривать как «племенную культуру», а трипольскую культуру в целом относить к «этнокультурной области». Как пример такой области, приводилось именно Триполье.

Идеи А.А. Формозова получили поддержку среди специалистов по трипольской проблематике, преимущественно, украинской школы. Именно киевские археологи с конца 60-х гг. XX в. начали разработку проблемы локально-хронологического членения трипольской культуры. А.А. Формозов полагал, что достаточно часто за культурами стоят не отдельные древние племена, а их объединения, группы родственных племен, первобытные народности (Формозов, 1959: 23–24). Понимание того, что феномен Триполя связан с древними племенами, нашло отражение в названии монографии Т.С. Пассек 1961 г. Однако наличие локальных вариантов Т.С. Пассек допускала только для позднейшего этапа Триполя, относящегося к раннему бронзовому веку (Пассек, 1961).

Ю.Н. Захарук, обобщая выводы предшественников, предложил понимание археологической культуры в общем плане как «группы одновременных памятников, объединенных общей территорией и характерными чертами», отмечая, что «характер и принципы выделения археологических культур остаются недостаточно разработанными». Это замечание остается справедливым и спустя полвека. Ю.Н. Захарук обосновывает свое видение таких принципов, отмечая необходимость изучения конкретных «групп памятников» отдельных культур.

Исследователь предложил общую схему, отображающую структуру Триполя с учетом известных на тот момент памятников в разных регионах, считая, что «реальное сопоставление отдельных типов разновременных комплексов однокультурных памятников определенного района характеризует ту форму взаимосвязей, которые обычно называют генетическими». Ю.Н. Захарук на материалах трипольской культуры полагает возможным «установить существование генетических связей между разнотипными памятниками определенной территории». Выявление же всей совокупности «типов памятников» определенной археологической культуры и даст возможность подойти к изучению ее структуры. Под структурой археологической культуры подразумевается «система разнотипных памятников археологической культуры в их хронологическом и территориальном взаимоотношениях» (Захарук, 1964: 38–39).

Идеи Ю.Н. Захарука оказались весьма плодотворными для трипольеведов. Начиная с 70-х годов XX в. исследование шло в русле выделения локально-хронологических групп (типов) Триполья-Кукутень. Под последним термином могло пониматься как культурная общность, так и культура.

Среди трипольеведов конкретный тезис о наличии в Триполье «целого ряда локальных племенных групп» была впервые четко сформулирована Т.Г. Мовшей (Мовша, 1971:167). Используя подход, предложенный Ю.Н. Захаруком, исследовательница выстраивает в пределах определенных регионов трипольской культуры цепочки из последовательно существовавших памятников (типы памятников),

¹Латынин Б.А., Пассек Т.С. Опыт классификации керамики «Трипольской культуры» Восточной Европы: Предварительный очерк. — НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 586.

объединяя их в локальные группы. Фактически все дальнейшие разработки темы локальных вариантов, принадлежащие разным авторам, строились именно на таких принципах. Т.Г. Мовша посвятила этой проблематике десятилетия и несколько специальных работ, главным образом тезисного характера, неоднократно высказывая мнение о необходимости выделения в общности Триполье-Кукутень нескольких культур, которые в ее более ранних работах фигурировали как локально-хронологические группы. Уже в ранних работах Т.Г. Мовши, относящихся к эмпирическому уровню, предложен, хотя и исключительно декларативно переход к уровню исторической реконструкции. Исследовательница неоднократно предлагает соотнесение типологической структуры трипольской культуры с этносоциологическими реконструкциями, такими как «культурно-этническая область», «племенная группа», «этническая группа», «историческая общность» (Мовша, 1975:69–71).

Идея разделения Триполья-Кукутень на несколько «родственных культур со специфическими культурными традициями» и сосуществования на одной территории «памятников различных генетических линий» отстаивается в работах Т.Г. Мовши с конца 80 — в 90-х гг. XX в. (Мовша, 1989: 146–147). В работе, посвященной антропоморфной пластике исследовательница настаивает на том, что «за пластикой стоит этногенез и этническая история населения трипольско-кукутеньской общности, история отдельных племен» (Мовша, 1993: 38–41).

С начала 90-х гг. XX в. (Цвек, 1991: 98–99) отстаивает идею существования особой «восточнотрипольской культуры» (ВТК), входящей в «Кукутено-Трипольскую мегаобщность» Е.В. Цвек (Цвек, 2003: 175). В более ранних работах исследовательницы речь шла о «восточнотрипольском ареале» (Цвек, 1987).

Очевидно как антипод «восточнотрипольской культуры» в последние годы появляется в изданиях, причем, как правило, без всякого обоснования термина, «западнотрипольская культура». По мнению С.Н. Рыжова, особенности керамического комплекса и других черт материальной культуры памятников с расписной керамикой начиная с финала этапа Триполья В I дают «основания обозначить на Правобережной Украине и в Северной Молдавии западнотрипольской культуры» (Рижов, 2007: 448)

Названия для культур в системе культурного комплекса Триполье-Кукутень с использованием обозначений сторон света представляются неудачными, поскольку приводит к путанице, так как локально-хронологические группы «западнотрипольской культуры» локализируются в междуречье Южного Буга и Среднем Поднепровье, то есть в восточной части ареала культурного комплекса.

В тоже время со времени появления в конце 40-х гг. XX в. гипотезы В.Н. Даниленко о восточном и западном субстратных компонентах формирования трипольских памятников наличие определенных пространственно-хронологических ареалов, районов или «генетических линий развития» Триполья-Кукутень, не вызывает сомнения у специалистов. Развивая эту гипотезу в последующих монографиях, исследователь отмечает «Своеобразии культуры, отмечаемое для восточного и западного районов ранне-трипольской области, сохраняется и в последующие времена» (Даниленко, 1974:18–19).

Синтез выработанных многими трипольоведами структурных подразделений Триполья-Кукутень позволил предложить упорядоченную структуру для эмпирического уровня исследования (Бурдо, 2006), на основе которой может быть разработана этнокультурная модель (Бурдо, Видейко, 2006).

Современное состояние проблемы создания структуры культурного комплекса Триполье-Кукутень

Приведенный выше весьма сжатый анализ лишь некоторых работ, посвященных структуре культурного комплекса Триполье-Кукутень, позволяет сделать несколько выводов.

На эмпирическом уровне четкие критерии отбора признаков для изучения структуры трипольской культуры (культурной общности) не были выработаны.

При очевидной многочисленности попыток структурного деления Триполья-Кукутень поражает разноречивой терминологии и практически полное отсутствие дефиниций вводимых в исследования понятий и терминов уже на уровне эмпирическом. Как равнозначные (иногда даже в одной фразе) употребляются термины «культура» и «культурная общность», «группа», «тип», «вариант» и т. п. Такая ситуация препятствует созданию согласованных структурных схем.

В схемах структуры Триполья-Кукутень, предложенных разными авторами, отсутствуют четкие представления об иерархических уровнях исследования, эмпирический и реконструктивный уровни смешаны.

На эмпирическом уровне многими исследователями уверенно фиксируется наличие в культурном комплексе Триполье-Кукутень определенных группировок, отличающихся конкретными чертами ма-

териальной культуры. Однако в названиях, определении иерархической структуры, границ и сущности этих группировок наблюдается большой разноряд.

Упорядочивание существующих обширных разработок по проблеме изучения структуры культурного комплекса Триполье-Кукутень может быть осуществлено при условии использования четких дефиниций в системе определенной концепции понятия «археологическая культура».

В нашем понимании культура — фундаментальное понятие археологической систематики, которое используется на источниковедческом уровне организации материалов и предшествует исторической интерпретации. Определение АК должно опираться на археологические материалы. При культурологическом подходе АК выступает не как искусственное классификационное образование, а как отражение объективной реальности и определяется В.М. Массоном как *«реально существующая совокупность связанных между собой артефактов, ограниченных в пространстве и времени»*. Исследователь считает трехчленную систему *локальный вариант — культура — культурная общность* достаточно удобной в использовании. (Массон, 1987: 10–11)

Учитывая, что в дефиниции В.М. Массона присутствуют как пространственные, так и временные характеристики, представляется целесообразным вместо «локального варианта» использовать термин «локально-хронологическая группа». Кроме того, для эмпирического уровня исследования более удачным и как бы «нейтральным», чем «культурная общность» может быть термин «культурный комплекс». Представляется, что именно из таких групп складывалась культура, а в некоторых случаях, возможно, они входили непосредственно в культурный комплекс.

Анализ многочисленных мнений по выделению структурных подразделений в культурном комплексе Триполье-Кукутень, в том числе и двух самостоятельных культур, входящих в культурную общность, показывает, что между большинством предложенных схем нет различий по существу. Разница в основном вызвана терминологической путаницей. Это вполне естественно, так как принцип выделения структурных подразделений у всех авторов общий, предложенный Ю.Н. Захаруком. В соответствии с ним памятники с близкими по признакам (однотипными) комплексами занимают определенные хронологические позиции. В идеале может быть прослежен непрерывный процесс изменения типов памятников в конкретном районе. Типы памятников могут быть объединены в локально-хронологические группы, а локально-хронологические группы в культуры, входящие в культурный комплекс.

Главным критерием для выделения двух культур (или крупных подразделений) в культурной общности Триполье-Кукутень у всех исследователей выступает техника орнаментации одной из групп керамического комплекса («столовой посуды») — углубленная или расписная. Все подчеркивают определенную условность такого критерия, принятую для удобства создания генеральной схемы.

К трипольскому комплексу Ариушт-Кукутень-Триполье относится также культура Прекукутень, а в советской и постсоветской историографии культурно-хронологическими типами этой общности считаются Усатово — Фолтешть, Городиштя, которые не включаются в культурный комплекс Кукутень-Триполье румынскими археологами, а также могильники софиевского типа, памятники Волыни и погребения степной зоны Буго-Днепровского междуречья, отличающиеся ярким своеобразием и имеющие лишь отдельные трипольские черты (Дергачев, 2004). Единичные памятники культурного комплекса Ариушт-Кукутень-Триполье представлены в юго-восточной Трансильвании и на левобережье Днестра. Основной их массив занимает обширные территории лесостепной зоны от Карпат до Днестра.

Начальный этап Триполья-Кукутень известен под названием Прекукутень-Триполье А (5400 — 4600 cal. b.c.). Формирование новой культуры связано с территорией Прикарпатской Молдовы и юго-востоком Трансильвании, где выявлены немногочисленные памятники фазы Прекукутень I. Поселения следующей фазы Прекукутень II — Триполье А локализуются на большей территории, включающей Прикарпатскую Молдову от р. Быстрица до правобережья среднего течения Днестра. Самое восточное поселение Прекукутень III — Триполье А известно в междуречье Южного Буга и Днестра. Одной из ярких характерных черт керамического комплекса Прекукутень — Триполье А выступает посуда, украшенная орнаментацией, сочетающей углубленный узор с прокраской, которая наносилась после обжига изделий и поэтому плохо сохраняется. Памятники Прекукутень — Триполье А (трипольско-прекукутенская культура) в целом на всей территории характеризуются достаточно однородной материальной культурой, проявляющей своеобразие на соответствующих хронологических срезах. Можно констатировать, что углубленная орнаментация является характерной чертой культуры Прекукутень, генезис которой связан с территорией Прикарпатской Молдовы, то есть западной части трипольско-кукутенской ойкумены, а распространение памятников такого типа в восточные области, в буго-днепровское междуречье, происходит на фазе Прекукутень III — Триполье А.

Регион культууроге́неза культуры Кукутень совпадает с районом формирования культуры Прекукутень. Древнейшие памятники фазы Кукутень А 1–2 известны в Прикарпатской Молдове до р. Серет. Прекукутенские памятники были главной генетической подосновой формирования Кукутени. Однако характерной чертой керамического комплекса этой новой культуры является посуда, украшенная расписным узором, закрепленным обжигом, не известная в трипольско-прекукутенской культуре. Традиция такой расписной керамики связывается румынскими исследователями с культурными импульсами из Трансильвании и Подунавья. Начиная с фазы Кукутень А 3 — Триполье В I расписная керамика характерна и для памятников в бассейне Прута, Днестра, то есть в западной части трипольско-кукутенского ареала, а также спорадически встречается в керамических комплексах поселений на Южном Буге, где считается «импортной». Поскольку расписная керамика типична для кукутенской керамической традиции, то новую культуру логично назвать трипольско-кукутенской.

С появлением трипольско-кукутенской культуры керамические прекукутенские традиции остаются преваляющими для памятников некоторых районов, в особенности на левобережье Днестра и на Южном Буге, то есть преимущественно на восток от Днестра. Таким образом, две культуры трипольско-прекукутенская и трипольско-кукутенская, связанные генетически, образуют культурный комплекс Триполье-Кукутень в границах лесостепной зоны от Карпат до левобережья Днепра. Румынские археологи включают в него также памятники типа Ариушт в Трансильвании.

С момента появления трипольско-кукутенской культуры (Кукутень А — Триполье В I, 4600–4400 cal. b.c.) фиксируется формирование группировок памятников со специфическими чертами (типов памятников) и локально-хронологических групп в обеих культурах.

Сложение конкретных локально-хронологических группировок отражает сложные культурно-исторические процессы периода энеолита, свидетельствует о взаимодействии и культурных контактов носителей культурного комплекса Триполье-Кукутень как между собой, та и с культурными комплексами обширного Карпато-Балкано-Дунайского региона.

Этап Кукутень А-В — Триполье В I-В II (4400–4100 cal. b.c.) характеризуется локализацией локально-хронологических групп трипольско-кукутенской культуры преимущественно западнее Днестра, появлением восточнее, в среднем течении Южного Буга, памятников с «синкретической» керамической традицией (Гусев, 1995), но преимущественно трипольско-прекукутенских. Буго-Днепровское междуречье и Среднее Поднепровье стали территорией распространения трипольско-прекукутенской культуры.

Значительную часть керамического комплекса памятников трипольско-прекукутенской культуры (в некоторых случаях до 30 %) составляет посуда, изготовленная под влиянием керамических традиций энеолитических культур Карпатского бассейна.

На этапе Кукутень В — Триполье В II (4100–3800 cal. b.c.) наблюдается перегруппировка носителей обеих культур, проявившаяся в появлении новых локально-хронологических групп, в том числе и с «синкретическими» комплексами, смене их локализации. Территория трипольско-кукутенской культуры расширяется, в том числе и в восточном направлении за счет уменьшения территории трипольско-прекукутенской культуры до региона Среднего Поднепровья.

На этапе Кукутень В — Триполье С I (3800–3300/3200 cal. b.c.) локально-хронологические группы трипольско-кукутенской культуры, главным образом генетически связанные с группами предыдущего этапа, зафиксированы в новых районах, в том числе на юге Среднего Поднепровья. В северной части Среднего Поднепровья завершается существование трипольско-прекукутенской культуры.

Этап Триполье С II (3300/3200 — около 2650 cal. b.c.) характеризуется дезинтеграцией трипольско-кукутенской культуры. На территории значительного большинства ее локально-хронологических групп возникают новые культуры РБВ I, включающие в качестве генетического компонента отдельные черты трипольско-кукутенской культуры. Отдельные анклавы трипольско-кукутенской культуры в этот период сохраняются на севере Республики Молдова, в междуречье Южного Буга и Днепра. Именно эти локально-хронологические группы трипольско-кукутенской культуры завершают существование культурного комплекса Кукутень-Триполье.

Литература

- Болтенко М.Ф. 1926. Кераміка з Усатова // ТКУ. Вип. 1. Київ. С. 8–30.
 Брюсов А.Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 262 с.
 Бурдо Н.Б. 2006. К проблеме выделения культур в общности Триполье-Кукутень // Технології і проблеми культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту. Тези доп. Міжнародної науково-практичної конференції. Вишнівець. С. 41–46.

- Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. 2006. Этнокультурная модель Триполья-Кукутень // Технології і проблеми культурної адаптації населення південно-східної Європи в епоху енеоліту. Тез. доп. Міжнародної науково-практичної конференції. Вишнівець. С. 46–48.
- Вовк Ф.К. 1905. Вироби передмікенського типу в неолітичних становищах на Україні: Відчит на міжнар. археологічному конгресі 1900 р. у Парижі // Матер. до українсько-руської етнології. Т. 6. Львів. С. 1–27.
- Генинг В.Ф. 1985. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций. Киев. С. 50–74.
- Генинг В.Ф. 1992. Концепція культури в археологічному знанні (з історії питання) // Археологія. №1. Київ. С. 4–16.
- Гусев С.О. 1995. Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н. е. Вінниця. 304 с.
- Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Киев. 176 с.
- Дергачов В.О. 2004. Пізній період трипільської культури // ЕТЦ. Т. I. С. 111–113.
- Захарук Ю.М. 1964. Проблеми археологічної культури // Археологія. — Т. XVII. — Київ. С. 12–42.
- Захарук Ю.Н. 1979. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология — поиски и находки. Киев. С. 256–259.
- Кандиба О. 2004. Шипинці. Мистецтво та знаряддя неолітичного селища. Чернівці. 208 с.
- Каменецкий И.С. 1970. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. № 2. С. 18–36.
- Клейн Л.С. 1970. Проблема определения археологической культуры // СА. № 2. С. 37–51.
- Массон В.М. 1987. Вивчення культурного процесу за археологічними матеріалами // Археологія. № 57. — Київ. С. 9–18.
- Мовша Т.Г. Середній етап трипільської культури // Археологія Української РСР. — К.: Наук. думка, 1971. Т. 1. С. 165–177.
- Мовша Т.Г. 1975. Две паралельные линии в развитии трипольской этнокультурной области (этапы VI–CI) // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. Ч. 1. Киев. С. 69–71.
- Мовша Т.Г. Культуры трипольско-кукутенской общности // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. доп. XX Респ. конф., Одеса, жовт. 1989 р. — К.: Наук. думка, 1989. С. 146–147.
- Мовша Т. 1993. Пластика трипільсько-кукутенських спільнот (аспект культурогенезу) // «Трипільська культура України» (до 100-річчя відкриття). — Тез. доп. і повідом. міжн. наук. конф. Львів. С. 38–39.
- Монгайт А.Л. 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М. 355 с.
- Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА № 84. М. 228 с.
- Рижов С.М. 2007. Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільноти Кукутень-Трипільля на території України // О. Ольжич. Археологія. — Київ. С. 437–477.
- Спицын А.А. 1904. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого в Киевской губ. // ИАК. Вып. 12. СПб.
- Формозов А.А. 1959. Этнокультурные области территории Европейской части СССР в каменном веке. М. 126 с.
- Фосс М.Е. 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА № 29. М. 280 с.
- Хвойка В. 1901. Каменный век Среднего Приднепровья // Тр. XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году. Т. 1. М. С. 730–812.
- Хвойка В. 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. — Киев. 103 с.
- Цвек Е.В. 1987. Трипольская культура междуречья Южною Буга и Днестра: (средний этап): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев. 17 с.
- Цвек Е.В. 1991. Формирование восточнотрипольской культуры // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тези доп. Київ. С. 95–97.
- Цвек Е.В. 2003. Некоторые аспекты взаимодействия энеолитических обществ Триполья и Степи // Трипільська поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. — Київ. С. 175–182.
- Штерн Э.Р. 1906. Доисторическая греческая культура на юге России // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. Т. 1. М. С. 9–95.
- Щербаківський В.М. 1923. Мальована неолітична кераміка на Полтавщині // Наук. зб. Українського ун-ту у Празі. Прага. С. 1–27.
- Childe V.G. The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
- Mantu C.M. 1998. Cultura Cucuteni. Evolutie, cronologie, legaturi. Piatra-Neamt. 324. p.
- Passek T. 1935. La ceramique tripolienne // ИГАИМК. Вып. 122. М., Л. 165 с.
- Petrescu-Dimbovitza M., Valeanu M.-C. 2004. Cucuteni-Cetatuie. Monografie arheologica // Bibkiotheca mtmoriae antiquitatis. N XIV. Piatra-Neamt. 786 с.

Синкретические памятники Триполья: проблемы интерпретации

Э.В. Овчинников

Институт археологии НАНУ. Украина. г. Киев

В единой структуре культурно-исторической общности Кукутень-Триполье на достаточно долгом хронологическом промежутке (этапы ВІІ, СІ) сосуществуют «восточнотрипольская культура» (ВТК) (Цвек, 1985; 1999; 2006), обоснованность выделения которой, с учетом ее своеобразного пути развития, не вызывает сомнения у большинства ученых, и ряд «западнотрипольских» локальных групп, объединяемых до недавнего времени лишь пространственным понятием «ареал». Наиболее ярким признаком, отличающим комплексы материалов этих ветвей кукутень-трипольской общности, являются способы орнаментации керамической посуды. Для «восточного» Триполья это углубленно-желобчатая орнаментация с прокраской после обжига, для «западного» — монохромный рисунок по оранжевому ангобу, нанесенный перед обжигом изделия. И если выделение «восточнотрипольской культуры» согласовывается с ранее высказанными мнениями ученых (Думитреску, 1963; Даниленко, 1974), то к выделению «западнотрипольской культуры» вплотную подвели сравнительно недавние работы по отдельным локальным вариантам ЗТК (Рижов, 1999; 2007; Ткачук, 2002; Овчинников, 2007).

На наш взгляд, последовательная работа над структурой «Западного Триполья» в рамках выработанной понятийной колонки — памятник, тип памятников, локально-хронологический вариант, археологическая культура (АК), требующей разработки всех аспектов материальной культуры (не ограничиваясь лишь исследованием морфолого-стилистических особенностей посуды), позволит выявить глубинную суть процессов становления и существования «западнотрипольского» общества. Понятие «ЗТК» на сегодня является, в первую очередь, инструментом для понимания взаимоотношений «восточной» и «западной» групп трипольского населения. Дальнейшая судьба ЗТК — либо разделение на отдельные АК (по Т.Г. Мовше), либо укрупнение за счет расширения пространственных и временных рамок («кукутено-трипольская» культура по Н.Б. Бурдо), — задача будущих исследований.

Очень недолгое время на отдельных памятниках представители ВТК и ЗТК сосуществуют, а затем, в конце среднего и на позднем этапе Триполья, уже «чистые» «западнотрипольские» племена занимают обширные территории, оттесняя «восточных» трипольцев в Среднее Поднепровье. И если основные периоды существования этих объединений Триполья уже достаточно хорошо изучены, то характер их сосуществования в начале появления ЗТК пока еще не выяснен.

Именно с этой целью было продолжено изучение поселения Владиславчик, в материалах из которого присутствуют как «западные», так и «восточные» черты. Памятник расположен на юго-восточной окраине села Владиславчик Монастырищенского р-на Черкасской обл. Открыто поселение было П.К. Дончуком в конце 1960-х гг, а в 1974 г. здесь провела разведку Елена Васильевна Цвек (1974: 9–10.). На основании полученных материалов исследовательница предварительно отнесла памятник к поселениям типа Мирополья буго-днепровского варианта СТК (1-я пол. этапа В ІІ, 4000–3900 BCcal).

Новые находки были выявлены в 2003 г. в результате землеройных работ на территории села, а возможности для проведения стационарных раскопок появились уже в 2005 году благодаря всесторонней помощи Монастырищенской районной администрации (председатель И.П. Лежух) и участию в раскопках членов молодежного клуба «Альтернатива» (руководитель С.И. Ходаковский).

Поселение Владиславчик занимает площадь около 100 га на левом берегу р. Свинарки, на мысообразном его выступе, ограниченном рекою и ее притоком. планировка, судя по выходам подъемного материала, является традиционной для Триполья — наземные постройки образовывали улицы в виде концентрических колец, опоясывающих поселок и оставляющих свободное незастроенное пространство в его центре. Во Владиславчике дома располагались на сравнительно большом расстоянии друг от друга (16–20 м).

Раскопки проводились на юго-восточной окраине памятника, на пологом береговом склоне р. Свинарки (угол наклона — 5–6°). Здесь были открыты и полностью исследованы остатки наземной постройки-«площадки» (рис. 1).

Объект представлял собой массив обожженных строительных материалов («обмазка»), плоско лежащий в грунте на глубине от 15–20 см и ниже, мощностью до 10–20 см. Форма массива в плане вытянута и, хотя представляется аморфной, с рваными краями и лакунами, первоначально имела вид прямоугольника (13×6 м). На это указывают лучше сохранившиеся остатки его торцевых участков.

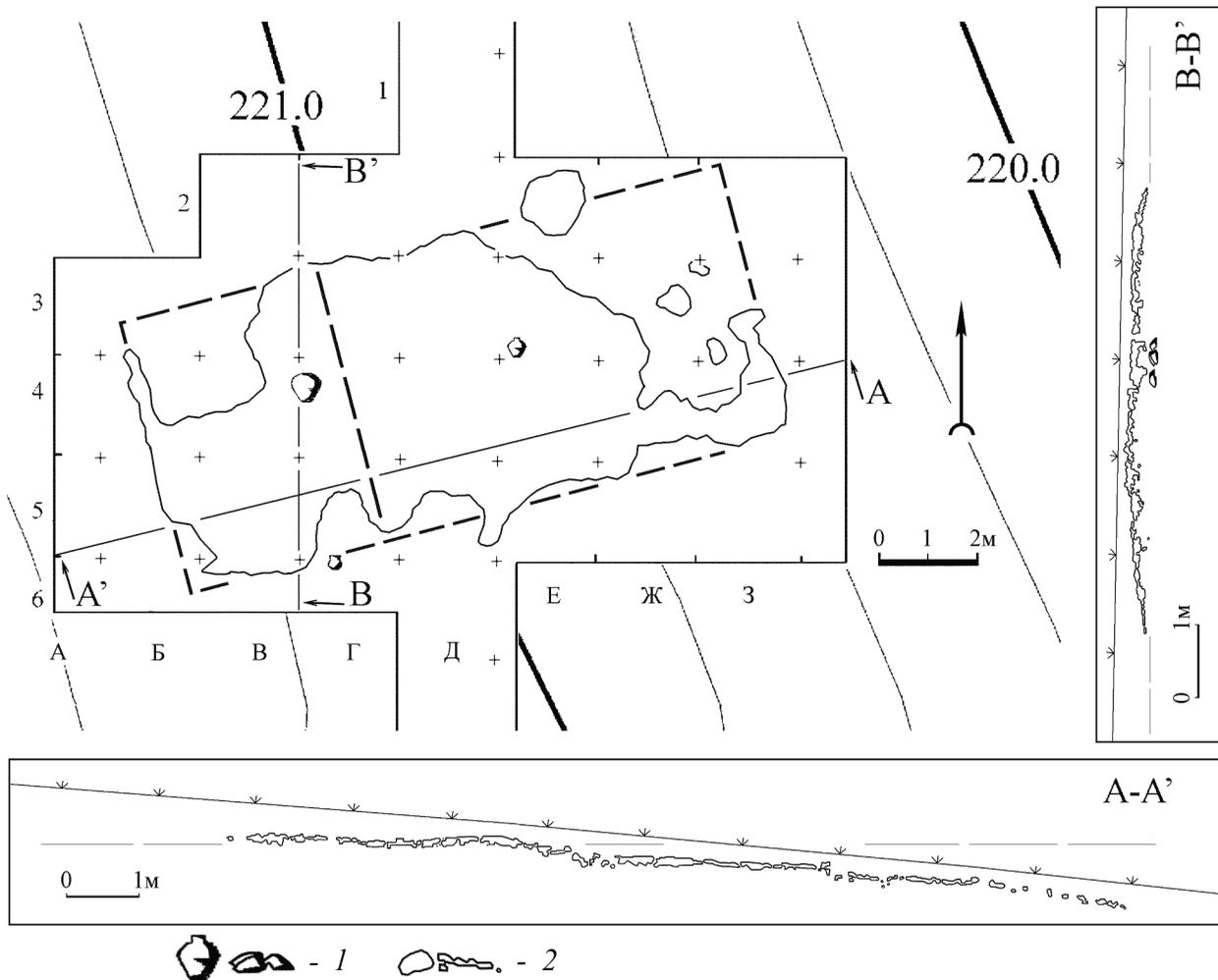

Рис. 1. Владиславчик, «площадка» №1, план-схема. Условные обозначения:
1 — сосуды и развалы под «площадкой»; 2 — строительные материалы («обмазка»)

Сориентирована постройка по длинной оси запад-восток с небольшим отклонением на северо-восток, т. е. перпендикулярно течению реки. Возникающее неудобство, вызванное уклоном берега в сторону реки, было исправлено строителями. Для нивелировки пола помещений будущего дома, строительная площадка была предварительно террасирована — участок более высокий был углублен, а грунт отсюда использован для подсыпки более низкой части. Прделанные работы повлияли на сохранность остатков постройки впоследствии. Уже после оставления и разрушения дома, в процессе археологизации, западная углубленная часть практически не пострадала, тогда как восточный и, частично, центральный участки объекта были серьезно повреждены, а где-то и полностью уничтожены распашкой.

Массив строительных материалов — т. н. «площадка», в подавляющем своем большинстве представляет собой остатки глинобитно-деревянного основания дома (т. н. «платформа»), в меньшей степени — нижние основания стен и перегородок, и единичными экз. — элементы крыши. Детали интерьера помещений обнаружены не были.

Отметим, что на объекте отсутствовали какие-либо признаки падения «платформы» с большой высоты в виде скоплений типа «гребней», а также следы сильного пожара — ошлакованные участки, хорошо известные на томашовских «площадках» (Круц и др. 2001; 2005). Обжиг глинобитного настила шел сверху вниз. На это указывает растяжка цвета материалов — от ярко-красного (или бело-кремового, в зависимости от участка объекта) вверх до почти черного вниз. Соответственно изменяется крепость и плотность фрагментов.

Остатки «платформы» представлены фрагментами двух слоев обожженных глинистых растворов. Нижний первоначально настилался на деревянные плахи, уложенные поперек длинной оси постройки,

а верхний его перекрывал. Слои «платформы» растрескались на «плитки» разного размера, от приблизительно 20×25 см до мелких крошек. Прослеживается два варианта наслоений, соответствующих, видимо, двум отдельным помещениям постройки. Благодаря тщательному анализу образцов, включая их изучение методами естественных наук (Овчинников, Шевченко, 2006), можно реконструировать некоторые моменты строительства.

В 1-м варианте укладки «платформы», использованном для приблизительно на 2/3 площади, нижний слой сам состоял из трех прослоек, которые спеклись в один некрепкий монолит (первоначальная толщина 10–15 см), впоследствии расслоившийся. Последнее обусловлено не только относительно невысокой температурой обжига, но и особенностями строительной технологии. Вниз укладывался раствор на основе ожелезненной глины (суглинок?) с минимальной примесью половецкой в полужидком тестообразном состоянии. Сверху равномерно распределялся слой мелкой сухой глиняной крошки. А уже затем заливался более жидкий раствор из аналогичной ожелезненной глины, который в процессе высушивания трамбовался и тщательно выравнивался.

«Плитки» верхнего однородного плотного слоя толщиной 5–6 см, также из ожелезненной глины без примесей, сверху выровнены небрежно, снизу ровные вследствие укладки на хорошо высушенную (обожженную?) поверхность нижнего слоя «платформы».

2-й вариант «платформы» (1/3 площади) также представлен двумя слоями, однако с другими характеристиками. Нижний слой однородный, из ожелезненной глины с небольшим содержанием половецкой, имеет снизу четкие отпечатки плах. Толщина слоя различна — от 3,5 до 6–7 см, и зависит от неровностей деревянного настила, а также от толщины прослойки припаянных крошек верхнего слоя.

Верхний слой наиболее интересен. Его толщина 9–10,5 см, а состоит он приблизительно на 4/5 из прослойки высушенных крошек «красной» ожелезненной глины, залитой сверху жидким раствором «белой» каолиновой глины. Его поверхность также трамбовалась и небрежно выравнивалась.

В «платформе» западной части объекта выделяется лакуна подквадратной формы в плане, со сторонами 2×2 м, сориентированными соответственно стенам постройки. Ее назначение не ясно, хотя размеры отвечают параметрам подов печей томашовских «площадок». Отсутствие сводов в таких случаях, а изредка и самих подов с участком «платформы», объясняют сложными и трудоемкими ритуалами, связанными с культом оставления дома (Круц и др., 2001: 73).

Помимо настила из плах под «платформой», элементы деревянного каркаса зафиксированы на глинобитных остатках торцевых стен и внутренней перегородки. Брус был уложен в основание западной стены, а каркас стен составляли стоящие на ребре друг над другом горизонтально направленные плахи. Обмазывались стены раствором с небольшой примесью половецкой.

Фрагменты обмазки крыши содержат большее количество растительной примеси. В конструкцию крыши входили прутья диаметром ок. 0,8 см, расположенные почти вплоты на расстоянии 2–3 мм. Легкая конструкция опиралась, судя по отпечаткам, на более крепкую основу из горбыля.

После разборки «площадки» в слое подсыпанного грунта были найдены два археологически целых сосуда, крупные части еще одного и несколько отдельных фрагментов керамики. Целыми в вертикальном положении были установлены грушевидный сосуд и кубок, оба с монохромной росписью по ангобированной поверхности (рис. 2, 5, 6). Если грушевидный сосуд находился приблизительно по центру большого восточного помещения постройки, то кубок найден по линии предполагаемой южной стены западного помещения. В этой же части «площадки», ближе к центру и также в слое подсыпки, найдены большая часть корпуса и дно с придонными стенками (ок. 1/2 целой формы) от грушевидного сосуда с углубленным орнаментом (рис. 3, 7). Очевидным представляется осмысленное помещение сосудов, во всяком случае, целых форм и развала, непосредственно перед возведением дома в подготовленную подсыпку террасы в качестве строительных жертв.

Керамика разделена на четыре группы по комплексу технологических признаков (см. табл. 1). Отметим, что среди них именно технологию сырьевых специалисты считают определяющей весь процесс изготовления посуды (Сайко, 1984: 135; Бобринский, 1978: 97–98).

I группа («столовая расписная»). Характерной ее чертой является широкое использование хорошо отмученных глин. По различиям в подборе вяжущей основы и отошачивающих наполнителей выделяются две подгруппы.

1-я подгруппа: ожелезненные глины с естественным содержанием отошачивателя в виде пылевидного песка (размер песчинок 0,3–0,1 мм и меньше). Искусственными примесями, не влияющими серьезно на технологию изготовления, могут быть единичные зерна злаков, крошки шамота, гематита, известняка.

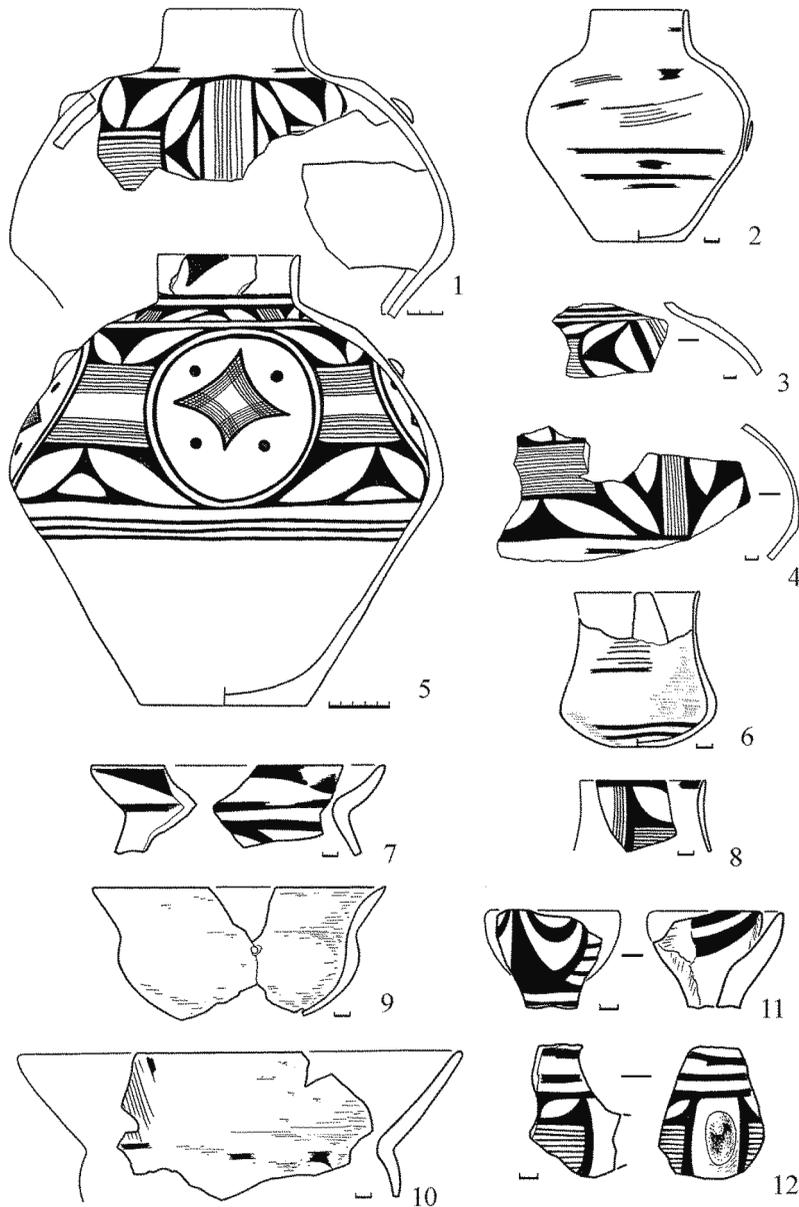

Рис. 2. Владиславчик, керамика, I группа.

2-я подгруппа: каолиновые глины, где отошителем служат зерна кварца, дресвы, крупный песок, иногда примесь железистых глин в виде прослоек или, очень редко, шамота. Отошение путем добавления в тесто более тощих железистых глин, наряду с песком, становится впоследствии основным технологическим приемом для томашовской керамики.

Поверхность сформированных сосудов проходила специальную поэтапную обработку, включающую ангобирование, нанесение орнамента, лощение. Ангоб-обмазка, преимущественно оранжево-желтый, но иногда и белого цвета, наносился на внешнюю поверхность сосудов, а у мисок и на внутреннюю. По ангобу наносилась монохромная роспись темно-красной краской. Как отдельный вариант 2-й подгруппы мы рассматриваем и бело-глиняные сосуды, украшенные углубленно-желобчатым орнаментом.

Обжиг, в основном высокотемпературный и равномерный, проходил всегда в окислительной среде. В результате чего изделия приобрели яркие цвета, в зависимости от подгруппы — кирпично-оранжевый и близких оттенков от палевого до красного (1-я подгруппа), или белый и его оттенки светло-серый, кремневый и т.п. (2-я подгруппа). Черепок, как правило, хорошего качества, крепкий, плотный

Набор форм ограничен (рис. 2). Орнаменты представлены чаще всего «лицевой» схемой, которая присутствует на грушевидных сосудах, кубках, «биноклях». Элементы меандра прослеживаются на сфероконическом сосуде. На венчиках сосудов, за исключением кубков, изображались треугольники, каплевидные мотивы, фестоны. Дополнительными элементами являются вертикальные ленты, заполненные тонкими линиями, «черные круги».

II группа («кухонная»). Применяются, как правило, гончарные массы из ожелезненных глин, однако присутствует и один «бело-глиняный» сосуд. Измельченная раковина в качестве отощителя (традиционный прием в этой группе) используется лишь для 22% изделий. Часть керамики выполнена из массы, характерной для следующей III группы, — гумусированная глина с естественным содержанием мелких крошек кальцита. Еще один вариант отощения теста — примесь крупнозернистого песка.

Обжиг, в основном равномерный, происходил в восстановительном режиме, вследствие чего черепок на сломе приобретает серый цвет разных оттенков. Характерным приемом обработки сосудов является выравнивание поверхности с помощью зубчатого инструмента, в результате чего она покрывается т.н. «расчесами». Помимо функционального назначения, «расчесы» играли роль и эстетическую, выступая в качестве декоративного приема, иногда единственного. Отметим, что во Владиславчике присутствуют «кухонные» сосуды без «расчесов», с заглаженной поверхностью.

Форма известна лишь одна — горшки, декорированные по краю и под шейкой венчика прочерченными линиями, отпечатками зубчатого штампа, в т.ч. на раковине, различного рода углублениями, «жемчужинами» (рис. 3, 10, 11).

III группа («серо-лощенная»). Сырьем для изделий служат гидро-слюдистые и гумусированные («черные») глины с естественным содержанием органики, мелкого песка, вкраплений известняка, округлых зерен гематита («красавика»). Случайной примесью можно считать отдельные зерна злаков. Сосуды отличаются высокими технико-технологическими показателями. Черепки хорошо сохраняются, крепкие, плотные, тяжелые. Внешняя поверхность тщательно заглажена, лощенная, хотя изредка встречается и шероховатая.

Обжиг проходил при достаточно высокой температуре, в восстановительной среде. Образцы, подвергшиеся окислительному обжигу, видимо в повторном обжиге (в пожаре?), и имеющие с внешней стороны цвет светлых оттенков от светло-коричневого до буро-кирпичного, на сломе сохраняют первоначальную окраску — темно-бурю до черного.

Представлены несколько форм (рис. 3, 8, 9). Орнаментация в виде рядов углублений применяется очень редко. Лишь на плечиках одной кратеровидной миски с S-образным профилем присутствует ряд наколов с остатками инкрустации белой пастой.

IV группа («столовая» с углублено-желобчатым орнаментом). Техничко-технологические параметры изделий близки керамике III группы. Тесто крупнозернистое, с естественной примесью слюды, гематита. Искусственными примесями являются песок, «красноглиняный» шамот, дробленый кварц. Низкотемпературный обжиг проходил, вероятно, в восстановительной среде, хотя многие изделия имеют признаки окислительного обжига. Последнее, скорее, следует объяснять повторным обжигом.

Формы сосудов традиционны для «восточнотрипольских» коллекций: кратеры, грушевидные (т.н. «зерновики»), крышки (рис. 3, 1–7). Поверхность сосудов покрывалась углубленной орнаментацией и ангобом-обмазкой, углубления инкрустировались белой пастой. Желобчато-углубленные линии компоновались в спиралевидные ленты, между которыми иногда встречаются пальцевые углубления, отрезки коротких линий. Края венчиков у некоторых форм обрамлены насечками, наколами.

Статуэтка, найденная при раскопках постройки, представляет собой фрагмент антропоморфной фигурки — часть левого бедра и ягодицы. Налеп с насечками в области лона (кисть руки? фрагмент зооморфного изображения?) позволяет отнести скульптурку к разряду условно-реалистических сидячих женских изображений (по Т.Г. Мовше).

Орудия из камня представлены фрагментами гранитных зернотерок, курантом и четырьмя кремневыми изделиями.

По нашему мнению, полученная на поселении Владиславчик информация дает возможность говорить о синкретизме памятника, т.е. о наличии здесь материалов из двух больших ареалов / культур Триполья. Традиции домостроительства имеют прямые аналогии в памятниках ВТК, для построек которой не типично возведение чердачных (межэтажных?) перекрытий. В свое время Е.В. Цвек убедительно показала это на материалах Шкаровка, обосновывая и в дальнейшем безосновательность применения общих тезисов концепции двухрусности ко всем наземным постройкам Триполья, в частности, к памятникам среднего этапа в Буго-Днепровском междуречье (Цвек, 1976; 1985, 2003). Заслуживает внимания

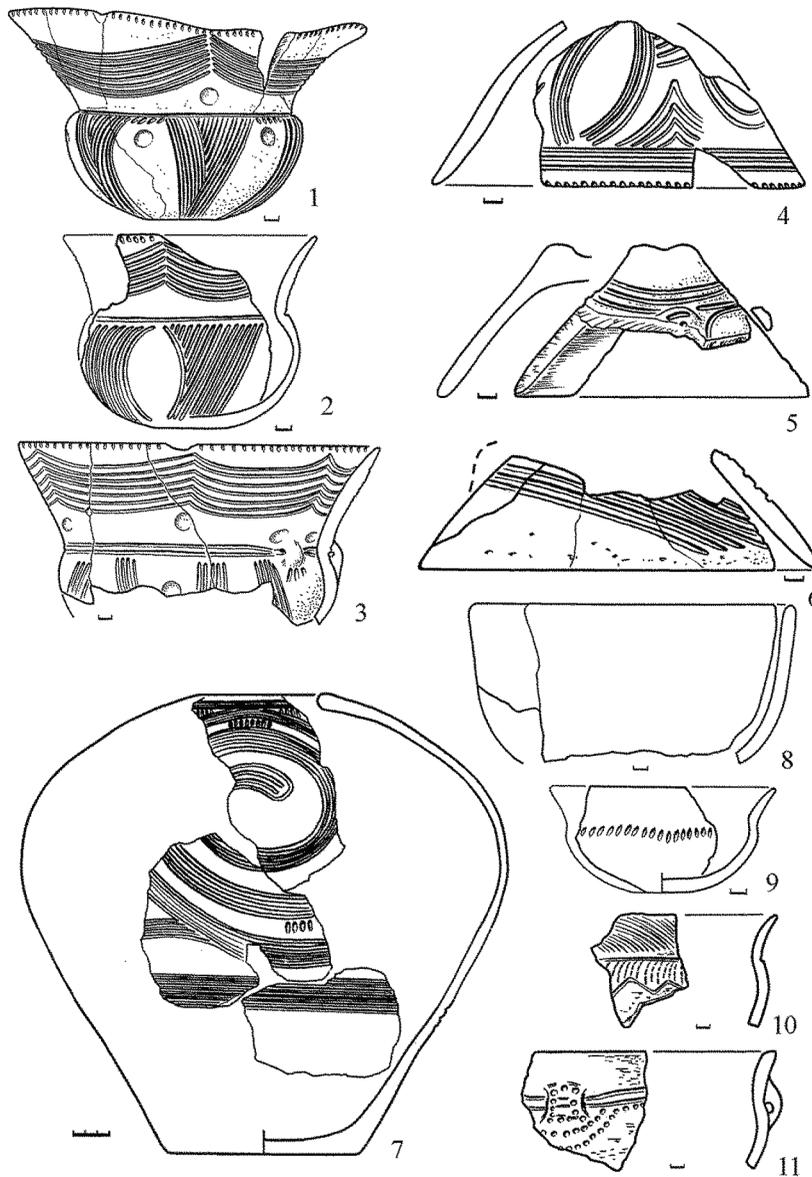

Рис. 3. Владиславчик, керамика, IV группа — 1–7, III группа — 8, 9, II группа — 10, 11.

высказанное С.А. Гусевым мнение о возможных причинах появления двухъярусных построек, а именно — ограниченность жилищно-хозяйственного пространства на поселениях, связанная с демографической напряженностью (Гусев, 1995: 83–85). Если подобные процессы могли проходить в отдельных регионах Триполья, то для «восточнотрипольских» поселений это не характерно. В аналогичных условиях идет впоследствии становление каневской группы ЗТК, занимающей свободные территории Нижнего Поросья, — «площадки» хут. Незаможник близки «восточнотрипольским» (Овчинников, 2002).

Как показывает анализ керамического материала, в коллекции присутствуют несколько технологий. Причем, если устойчивость навыков в виде двух технологических подгрупп четко прослеживается в расписной посуде, то границы между другими группами выглядят достаточно размытыми, в первую очередь, в области технологии сырья. В более поздних этапах можно наблюдать смешивание, иногда исчезновение, отдельных гончарных приемов. Наиболее заметны эти процессы в материалах коломищинского (ВТК), владимировско-томашовского вариантов (ЗТК). Во Владиславчике это перетекание приемов наблюдается между II, III и IV группами, и особенно в разнообразии керамических масс «кухонной» керамики.

Аналогичные изменения отмечает Е.В. Цвек в Мирополье, одном из последних памятников ВТК в Буго-Днепровском междуречье, объясняя их ассимиляционными процессами, происходящими

Таблица 1. Владиславчик, керамика

годы и объекты исследований	I группа						II группа	III группа			IV группа				
	миски		кратеры	сфероконические	грушевидные	биноклевидные	кубки мал./больш.	горшки	миски		горшки	кубки мал./больш.	кратеры	грушевидные	крышки
	срезано-коническ.	зооморфные							кратеровидные	полусферические					
2003, п.м.			6	6	7		2 / —		1	1		— / 1	2		2
	21 (75%)						—	3 (10,7%)			4 (14,3%)				
2005, «площадка» №1	1	1	15	9	3	8	4 / —	23		7	1		5	4	2
	41 (49,4%)						23 (27,7%)	8 (9,6%)			11 (13,3%)				

в «восточнотрипольском» обществе. Те же явления фиксируют при анализе керамических комплексов и специалисты в области гончарных технологий (Сайко, 1984; Гей, 1986; Ковнурко, Скакун, Старкова, 2005). Среди различных причин главнейшей считается нарушение замкнутости трипольских общин и постоянное смешивание населения (Гей, 1986: 23).

В то же время, памятники с подобными комплексами не являются в Триполье обычным явлением, а существуют обычно в контактных или пограничных зонах, зачастую очень непродолжительное время. На поселении Клищев в Побужье именно в результате такого симбиоза появляется новая технология сырья расписной посуды — керамика с дресвой, отмечает С.А. Гусев (1995: 250), ставшая, видимо, впоследствии определяющей в гончарном производстве владимировско-томашовского варианта ЗТК. В Вильшане I происходит подобное смешение «томашовской» и «каневской» «западных» технологий, не получившее продолжения — другие памятники такого типа пока неизвестны.

Пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует общее совместное пребывание во Владиславчике представителей ВТК и ЗТК подбор посуды для закладки «строительных жертв» — двух расписных «западнотрипольских» сосудов и одного «восточнотрипольского» развала. Случаи подобной обрядности известны в Триполье (Формозов, 1984; Цвек, 1993: 82–83), а ритуалы такого рода рассматривают как отображение идеи обратимости, возрождения (Бибиков, 1953: 197–198; Мунчаев, 1982: 137; Березанская, 1982: 164–166).

Аналогии в материалах и соотношение между группами керамики сближают поселение Владиславчик с памятниками типа Гарбузина. По нашему мнению, следует рассматривать Владиславчик и подобные ему, как синкретический промежуточный тип памятников, отражающих момент контакта и пересмотра ареала обитания между представителями «восточного» и «западного» Триполья.

Литература

- Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
 Бибиков С.Н. 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА; № 38.
 Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
 Гей И.А. 1986. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты // КСИА. № 185. С. 22–26.
 Гусев С.О. 1995. Трипольська культура Середнього Побужжя рубежу IV-III тис. до н.е. Вінниця.
 Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Киев.

- Ковнурко Г.М., Скакун Н.Н., Старкова Е.Г. 2005. Петрографический анализ керамического материала трипольского поселения Бодаки // Археологические исследования трипольского поселения Бодаки в 2005 г. Киев—СПб. С. 97—108.
- Круц В.А., Корвин-Пиотровский А.Г., Рыжов С.Н. 2001. Трипольское поселение-гигант Тальянки. Исследования 2001 г. Киев.
- Круц В.А. и др. 2005. Исследование поселений-гигантов трипольской культуры в 2004—2005 гг. Киев.
- Мунчаев Р.М. 1982. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. М. С. 93—164.
- Овчинников Е.В. 2002. До питання про трипільське житлобудівництво (за результатами розкопок поселень хутір Незаможник і Зелена Діброва) // ЗНТШ. Львів. Т. 244. С. 115—139.
- Овчинников Э.В., Шевченко Н.А. 2006а. К вопросу о технологии сырья в керамическом производстве Триполья (по материалам поселения Владиславчик) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. СПб. С. 49—53.
- Рижов С.М. 1999. Кераміка поселень трипільської культури Буго-Дніпровського межріччя як історичне джерело: Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ.
- Рижов С.М. 2007. Сучасний стан вивчення культурно-історичної спільності Кукутень-Трипільля на території України // О. Ольжич. Археологія. Київ. С. 437—477
- Сайко Э.В. 1984. Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // Studia Praehistorica. София. №7. С. 131—152.
- Ткачук Т.М. 2002. Фази розвитку і відносна хронологія шипинецької групи археологічних пам'яток // ЗНТШ. Львів. Т. 244. С. 89—114.
- Формозов А.А. 1984. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи позднего металла // СА. № 4.
- Цвек Е.В. 1974. Отчёт о работе Поросского отряда Правобережной первобытной экспедиции за 1974 г. // Науковий архів Інституту археології НАН України. Фонд експ. №1974/19.
- Цвек Е.В. 1976. Домостроительство и планировка трипольских поселений: По материалам раскопок в с. Шкаровка // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. С. 46—57.
- Цвек Е.В. 2003. Некоторые аспекты домостроительства у племен восточнотрипольской культуры // Петербургская трассологическая школа в изучении древних культур Евразии. СПб. С. 159—176.
- Цвек О.В. 1985. Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності // Археологія. Вип. 51. С. 31—45.
- Цвек О.В. 1993. Релігійні уявлення населення Трипільля // Археологія. №3. С. 74—90.
- Цвек О.В. 1999. Структура східнотрипільської культури // Археологія. №3. С. 28—40.
- Цвек О.В. 2006. Поселення східнотрипільської культури (короткий нарис). Київ.
- Dumitrescu VI. 1963. Oreginea si evolutia culturii Cucuteni-Tripolie // SCIV(A). Т. XIV. №1. P. 51—74; № 2. P. 285—305.

Открытие В.В. Хвойкой зарубинецкой культуры и проблема бастарнов

М.Г. Гусаков

Институт археологии РАН. Россия, г. Москва

В конце XIX в. (1898 г.) археолог В.В. Хвойка раскопал под Киевом, в окрестностях сел Зарубинцы и Черняхово необычные погребения. Характер погребального обряда сразу вызвал волну бурных споров (см.: Максимов, 1978). Дискуссия фокусировалась вокруг вопроса, относятся найденные древности к раннеславянским или нет? Наряду с этим ключевым вопросом, дискутировалась хронология этих древностей и обсуждалась проблема, где искать новые памятники подобного типа. В спор включились немецкие историки и археологи: П. Райнике, Г. Коссинна, К. Такенберг. Они с любопытством встретили первые публикации и единодушно объявили, что обнаруженные в Поднепровье погребения оставлены германскими племенами — готами (Kossinna, 1902; Reinecke, 1906). Столпы русской археологии, А.А. Спицын, Ю.В. Готье и В.А. Городцов, не смогли найти в то время, достаточно «веских и объективных» аргументов, чтобы парировать выводы немецких ученых. Чтобы сгладить остроту проблемы, Спицын объявил, что эти памятники относятся к эпохе «полей погребальных урн». В.А. Городцов отнес их к «славяно-германской семье». Ю.В. Готье писал, что «вопрос открыт, и в нём много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле» (Максимов, 1978). Так было написано у многих авторов. В науке надолго утвердилась точка зрения, что у русских ученых старшего поколения не было своего мнения на работы немецких археологов, однако на деле это далеко не так.

При написании историографического обзора мне в руки попался вып. 12 журнала «Известия Императорской Археологической комиссии» за 1904 г. В нем помещена статья А.А. Спицына: «Памятники латенской культуры в России». И вот на странице 85 этого издания мы читаем: «...Нет никакого сомнения, что памятники латенской культуры в юго-западном крае в действительности гораздо многочисленнее. Открытие их восполняет пробел, ощущавшийся до сей поры в местных древностях, так как было неизвестно, что следует положить в этих древностях между поздней скифо-сарматской культурой и могильниками позднеримской поры, открытыми г. Хвойкою. Теперь на этот вопрос получен определенный ответ. Едва ли возможно колебаться в решении другого вопроса: откуда именно на Днепр и Днестр явилась латенская культура? Все имеющиеся данные говорят за Вислу или среднюю Германию. В Венгрии эта культура развита, по-видимому, лишь в западной части. Так как Латен не имеет никаких корней в южно-русских древностях, совершенно отличных от него и более богатых, то ясно, что он занесен в данную местность населением, пришедшим откуда-то с культурой средней Европы. Таким племенем естественнее всего признавать бастарнов...» (Спицын, 1904). Как говорится, одна эта фраза меняет все дело.

После II Мировой войны, с появлением новых материалов, споры вокруг происхождения и этнической принадлежности зарубинецкой культуры (далее: ЗК) возобновились с утроенной силой. Пожар дискуссии горел долго — без малого 40 лет, пока, наконец, не ушел в небытие вместе с самими участниками этого спора. Справедливости ради надо сказать, что параллельно и независимо от ситуации в СССР, аналогичная борьба за «происхождение славян» шла в Польше, ставшей после I Мировой войны независимым государством. Польские ученые во главе с Ю. Костшевским вели непримиримую борьбу с немецкой школой Г. Коссинны. Они создали достаточно стройную концепцию происхождения «венедской» культуры славян на территории между Одрой и Вислой. Эта гипотеза вошла в историографию под названием — «висло-одерская прародина славян». Идею Костшевского деятельно поддержал известный польский славист Т. Лер-Сплавинский. Эта концепция продержалась до начала 1980-х гг. Однако совершенно неожиданно для многих исследователей, из Польши прозвучал голос К. Годловского, который объявил, вслед за П.Н. Третьяковым и И. Вернером, что истоки славянства надо искать в Верхнем Поднепровье, и основа этого поиска — именно ЗК (Godlowski, 1979).

Надо сказать, что гипотеза о «славянстве» ЗК к тому времени была не нова. Археологи, работавшие на Украине и в Белоруссии — В.Д. Баран, М.Ю. Брайчевский, И.И. Винокур, Е.В. Максимов, Э.А. Сыманович и др. — исповедовали именно «славянскую» теорию ее происхождения. Собранные ими аргументы вылились в идею автохтонного происхождения ЗК и последующего движения её носителей

из Полесья и Среднего Поднепровья на север — в Верхнее Поднепровье, в начале I в. н. э.¹ Далее, уже в III–V вв. н. э., на базе позднезарубинецких поселенцев возникла киевская культура (Терпиловский, 2004). Особняком по отношению к двум названным гипотезам стояла гипотеза происхождения ЗК, выдвинутая В.В. Седовым. Он объявил, что зарубинецкие памятники принадлежали балтам (Седов, 1970). Так или иначе, гипотезе о славянском происхождении зарубинцев не хватало обоснований.

Главный камень преткновения заключался в том, что исторически славяне стали известны не ранее V–VI вв. н. э. Разница между эпохой «зарубинцев» и достоверных славян письменных источников составляет четыре-пять столетий. В результате долгих дискуссий и обсуждений, в конце концов, стали все чаще вспоминать версию, что «зарубинцы» могли быть «бастарнами». Эту версию особенно долго и упорно пропагандировали ленинградские археологи.

Успехи исследований ЗК за 70 лет очевидны, однако проблемы остались все те же: хронология и этническая принадлежность. Не думаю, что выскажу тут новую мысль, но для меня очевидно: назрел новый этап изучения этих проблем и, соответственно, пересмотра старых воззрений. Меня до сих пор удивляет, что, при удивительно дотошном и пристальном внимании исследователей к вещевому материалу, никто до сих пор не попытался детально проанализировать сам погребальный обряд (я говорю о его археологическом воплощении) и сравнить типы погребений ЗК с соседними (западными) культурами.

Недавно я закончил плановую тему по погребальному обряду на территории Калининградской области (бывшей Восточной Пруссии) в эпоху Гальштата и Латена. В связи с этим, мне пришлось вновь вернуться к материалам не только могильников Восточной Пруссии, но и её соседей (имеются в виду могильники Германии, Польши, Чехии и Словакии и, конечно, Украины, Белоруссии и Молдавии). В настоящей работе я использовал 34 могильника с общим числом погребений 4371 единиц (рис. 1–8; табл. 1–2). Несмотря на то, что для всех европейских культур указанного типа (включая ЗК) характерен довольно однообразный погребальный обряд, включающий ямные и урновые погребения с остатками кремации, в могильниках встречаются комплексы, характеристика которых вызывает много сомнений.

Речь идет о так называемых «разрушенных погребениях», вроде бы, имеющих все черты известных или «канонических» погребений. Но при этом у них не хватает ряда существенных элементов. Разрушенных погребений достаточно много; они присутствуют в каждом могильнике Центральной Европы. Причем «разрушения» явно произошли не в период «повального увлечения добычей из земли антиквариата» (в конце XIX — начале XX вв.), а в те самые времена, когда погребения совершались. Для сравнения я воспользовался своими старыми наблюдениями по материалам ЗК и культуры Поянешти-Лукашевка. В этих культурах тоже много погребений, которые носят следы разрушений. Аналогичная картина фиксировалась многими археологами не только в ЗК, но и в других культурах (Никитина, 1995). Заметим, что «нарушение» погребений с трупосожжением не вызывало больших затруднений у древних, так как залегали они не глубоко, обставлялись камнями и были хорошо видны на поверхности. Однако и погребения с трупоположением черняховской культуры, опущенные в глубокие ямы, бывали «ограблены» так же, как и лежащие у самой поверхности (Никитина, 1988).

Археологи воспринимали и продолжают воспринимать подобные «нарушения погребений», как акты «древнего грабежа», причиной которого были дорогие вещи, положенные в могилы. Но сегодня я склонен думать, что мы слишком высоко оцениваем значимость древних погребальных вещей. Это в наши дни они ценятся высоко, но так ли было в древности?

Есть ещё одна группа «погребений», подлежащих рассмотрению с этой точки зрения. Я специально ставлю тут кавычки, потому что, строго говоря, кенотафы погребениями не являются. Тем не менее, мы вкладываем в это понятие исключительно «погребальный смысл». Там всё, вроде бы, как в настоящем погребении, нет только костей покойника. Мы называем это «символическим погребением». Надо сказать, что в рассматриваемых нами могильниках кенотафов много — иногда эта цифра доходит до 13% от общего числа (Табл. 1–2). Встает вопрос: может быть, кенотафы были когда-то погребениями, но при переселении из них убрали сосуд с прахом и унесли его на новое место? Вот этой проблеме «движения кремированных останков» со своими соплеменниками, и была посвящена моя недавняя работа. Для выяснения хронологии погребений из могильника Покровское я сравнил его материалы, по всем выделенным мною типам погребальных сооружений, с материалами из синхронных и асинхронных могильников из соседних земель (Гусаков, 2005; Табл. 1). Я взял материалы грунтовых (бескурганых) могильников — из Германии, Польши, Чехии, Белоруссии, Украины и Молдавии, относящиеся к эпохам

¹ В качестве возможных причин исхода части «зарубинцев» на север, высказывалась идея продвижения в степи в I в.н. э. сарматских племен, а также рассматривалась идея экономического кризиса.

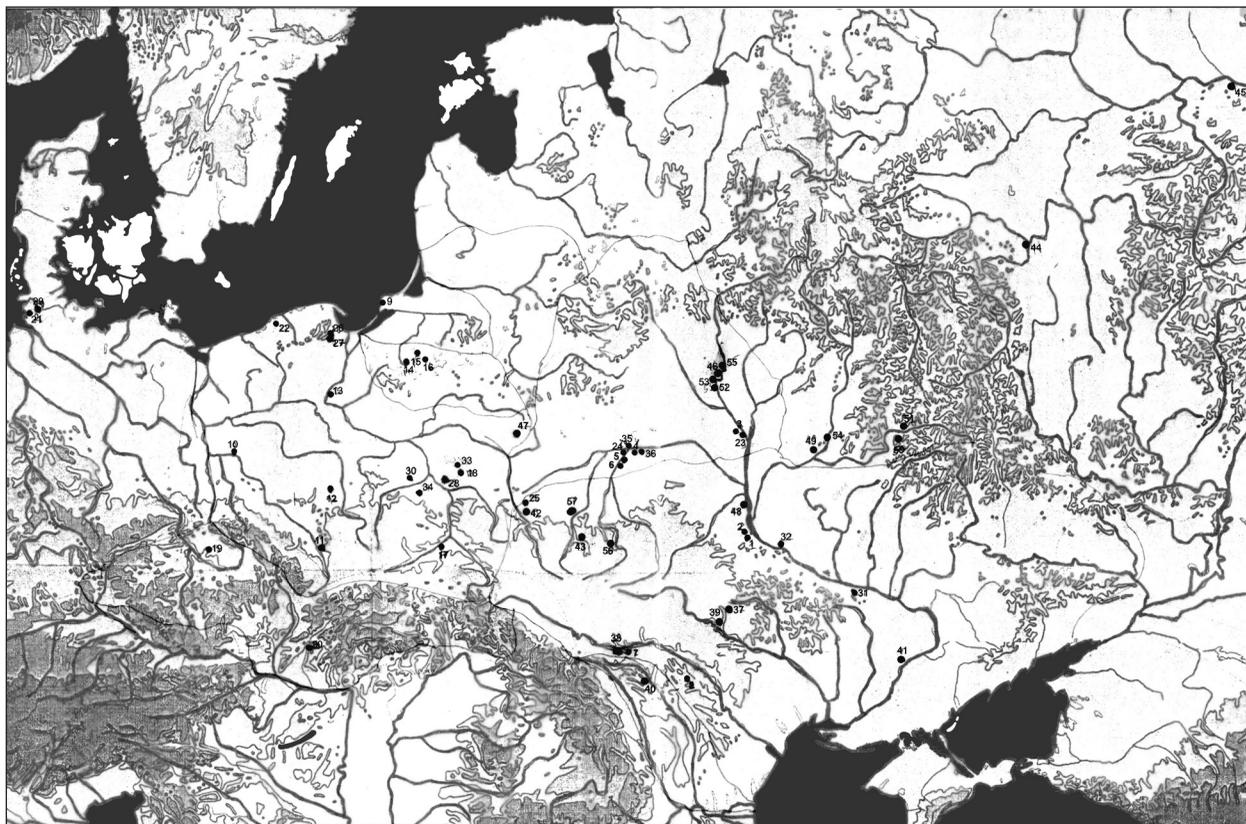

Рис. 1. Карта. Памятники Гальштата, Латена и Римского времени, используемые в работе.

Могильники Гальштата и Латена: 1 — Пирогов; 2 — Корчеватое; 3 — Чаплин; 4 — Воронино; 5 — Велемичи 1, 2; 6 — Отвержичи; 7 — Долиняны; 8 — Лукашевка; 9 — Покровское; 10 — Сважинцы; 11 — Черновонцы; 12 — Пивоницы; 13 — Подвеськ (Хелмино); 14 — Вориттен; 15 — Пустник; 16 — Воплаукен; 17 — Кнапы; 18 — Лукув; 19 — Красна Вес; 20 — Мала Бела; 21 — Ааренсхоф; 22 — Доброво; 23 — Горошков; 24 — Дубой; 25 — Головно 2; 26 — Раты; 27 — Заворы; 28 — Сульбина; 29 — Ахтрupp; 30 — Ново Место; 31 — Субботов; 32 — Зарубинцы; 33 — Радванкув; 34 — Малые Ленгоницы; 35 — Ремель; 36 — Семурадцы.

Могильники Римского времени и эпохи Великого переселения народов: 37 — Рахны; 38 — Оселивка; 39 — Касаново; 40 — Малаешты; 41 — Овчарня (Гавриловка); 42 — Брест-Тришин; 43 — Дитиничи; 44 — Шатрищинский; 45 — Безводнинский; 46 — Абидня; 47 — Гриневици; 48 — Казаровичи; 49 — Киреевка; 50 — Княжий; 51 — Лебязий; 52 — Нижняя Тошица; 53 — Новый Быхов; 54 — Смяч; 55 — Тайманово; 56 — Ленгоницы; 57 — Черск

Гальштата и Латена (Рис. 1). Всего было использовано 34 могильника (4371 погребений), в хронологическом диапазоне от 1300–1100 гг. до н. э. по рубеж н. э. Как видно из Табл. 1–2, памятники разделились на несколько неравных групп, как по хронологическому, так и по обрядовому признаку.

1 группа. В нижней части таблицы оказались памятники лужицкой культуры (далее ЛК), относящиеся к позднему этапу эпохи бронзы (могильники Черновонсы и Сквациницы, 1300–800 гг. д.н. э.). Обращает на себя внимание один факт: перед нами грунтовые могильники, где практически нет погребений в каменных ящиках. Зато представлены погребения в ямах — урновые, безурновые и кенотафы. Есть одно погребение в каменном ящике. Интересно отметить, что в синхронных курганных погребениях каменные ящики присутствуют и даже являются доминирующей формой в погребальной практике.

2 группа. Могильники Гальштата (11 могильников — 2158 погр., в диапазоне 800–400 гг. д.н. э.) представлены всеми выделенными типами погребений: от каменных ящиков до кенотафов. Прежде всего, достаточно широко представлены погребения в каменных ящиках, как целых, так и разрушенных — 1038 погр. Это, практически, половина всех комплексов, если учесть, что погребений неопределенного типа в этой группе только 108. Подклёшевых погребений в ямах — 168 погр.; урновых в ямах — 580 погр.; безурновых в ямах — 200 погр.; кенотафов — 64 погр. Из этого перечня типов ясно, что погребальный обряд строился на основе конструкции с каменными ящиками. Из 2158 погр. урны имелись: в каменных ящиках — 831 погр.;

Таблица 1.
Распределение по странам могильников, погребения которых использованы в работе.

Культура	Памятник	Хронология	ящик — прах	ящик — прах — сосуд	ящик — урна	ящик — пол — урна	ящик — борт — урна	ящик — ограда — урна	ящик — клеш — урна	ящик — прах	ящик — прах — сосуд	яма — урна	яма — прах — урна — сосуд	яма — прах — сосуд	яма — сосуд (кенотаф)	яма — черепки	разрушено	Итого
ПШК	Мал. Ленгоницы	50–0–50																45
ПШК	Ново Място	50–0–50										2						27
ОК	Подвек	150–0	1	4	2							126	17	180	18		29	505
ПК	Доброво	350–200		2	21							61		37	6			127
ЛК	Пивоницы	500–300		5	2												1	8
ПКК	Радванкув	500–300				14						6	1	9			11	41
ПКК	Сульбины	500–300	1	1	11							3		7				29
ЛК	Воля Кисельная	500–400											9				6	15
ПК	Раты	600–350		18	5	9								32		4	5	73
ПК	Заворы	600–400		4	8	7						2		2				23
ЛК	Мала Бела	600–400			14													80
ЛК	Мала Бела	800–400		3	4	3	3							3	25	22	2	96
ЛК	Кнапы	800–350										220	3	10	1			234
ЛК	Черновонсы	1100–800															5	36
ЛК	Скважиницы	1300–1100					1					1	4	5	8	5	2	26
	Польша		2	14	58	22	19					421	20	251	290	69	9	1365
КПЛ	Лукашевка	200–0										18		2				20
КПЛ	Долиняны	200–0										4		1	19	10		34
	Молдавия											22		1	21	10		54
ЗК	Корчеватое	200–0										64		11	25	10		110
ЗК	Пирогово	200–0										74		5	184	3		266
	Украина											138		16	209	13		376
ЗК	Воронино	200–0										3		2	46	3		54

в клёшевых — 150 погр.; урны в ямах — 525 погр. Всего урновых погребений получается 1506 погребений против 200 безурновых. При этом наблюдается восьмикратное превосходство погребений в каменных ящиках.

3 группа. Переходная группа между Гальштатом и Латеном, которую можно определить, как 1-ю фазу Латена. Хронологический диапазон — 500–200 гг. до н. э. Сюда вошло 8 могильников — всего 402 погр. (из них 40 погр. разрушенных). В этой группе представлены, так же, как и в ранней, погребения в каменных ящиках, однако их общее число сильно снижается. В Гальштатское время во 2 группе погребений в каменных ящиках оказалось совершено 1051 (из 2129 погр.), причем я выключил из рассуждений неясные/разрушенные погребения. В «переходную эпоху» (ранний Латен) наблюдается куда более редкое использование данного обряда — 95 погр. из 402 погр. Далее: во 2-й группе (Гальштат) ямные погребения составляют 1018 из 2129 ед., тогда, как в 3-ей группе — 282 из 402 погр. Так же снижается здесь и количество подклёшевых погребений — 24 из 193 погр. Таким образом, налицо уменьшение погребений в ящиках и под клёшем, зато наблюдается явный прирост погребений в грунтовых ямах. И что любопытно: урновые погребения значительно превалируют над безурновыми: 235 погр. против 167 погр.

Относительно двух могильников — Горошков и Доброво — я должен заметить, что они вполне могут составлять отдельную группу. К сожалению, эта группа невелика — всего 220 погр. (Табл. 1–2). В данном случае мне представляется, что здесь надо было бы увеличить количество наблюдений, хотя с точки зрения статистики, и этого числа вполне достаточно. Но пока я их отнес к 3-ей группе и не стану комментировать их отдельно.

4 группа. Вся группа состоит из памятников ЗК и памятников культуры Поянешти-Лукашевка (далее КПЛ). Здесь представлено 10 памятников, они содержат 1637 погребений. Главная черта этих могильников заключается в том, что здесь практически отсутствуют погребения в каменном ящике. Их всего 5 — в могильнике Подвеск (Хелмино); отсюда же происходят 2 погр. с клешем. 1630 погребений сделаны в грунтовых ямах, в них устроены урновые погребения — 352 погр., тогда как погребений безурновых — 1157 погребений. Кенотафов 92 погребения. Эта группа может быть названа периферийной т.к. состоит целиком из памятников, расположенных за пределами Вислы. В качестве контраста я взял один могильник оксывской культуры — могильник Подвеск. Он достаточно большой (505 погр.), поэтому достаточно представительен и вполне может быть использован в качестве сравнительного материала. Отмечу главное: как уже говорилось выше, в этом могильнике имеются погребения в каменных ящиках. Это пять комплексов, где ящик, как таковой, почти отсутствует, его контуры едва читаются. Скорее всего, это слабая имитация каменной ограды, посему мы вправе считать, что их тоже, фактически, нет, так же, как и в памятниках ЗК и КПЛ. Но зато в этом могильнике имеется значительный процент погребений в урнах (126 против 308 безурновых), тогда, как в зарубинецких могильниках их много меньше — 187 против 827 погр. Любопытно и то, что в Чаплинском могильнике ЗК, расположенном в Верхнем Поднепровье, имеется всего 4 урновых погр. против 273 погр.

В качестве предположения можно высказать мысль, что в эпоху Латена в фазах С3–С2 (200–100 гг. до н. э.) практически полностью меняется процедура устройства погребения, каменный ящик исчезает не только в периферийных районах, но и в местах его прошлого бытования — на севере Польши. К сожалению, у меня нет данных о германских погребальных комплексах этого периода, и я не имею возможности здесь их сравнить. Однако, сама по себе, эта мысль о переходе к более простым действиям при устройстве погребений вполне подтверждается материалом из могильников пшеворской культуры, которые я использовал в работе — эту группу можно подключить к вышеописанной, а можно выделить ее, как самостоятельную. Я говорю о двух могильниках: Малые Ленгоницы (45 погр.) и Ново Место (27 погр.) хронология которых 50 г. до н. э. — 0–50 г. н. э. В обоих могильниках отсутствуют погребения с каменными ящиками; нет там и клёшевых погребений. В обоих могильниках есть урновые погребения — 10 против 45 безурновых, что статистически вполне согласуется с общей картиной, типичной для конца Латена.

Закljučая обзор погребального обряда в Латене, можно утверждать, что с III в. до н. э. до рубежа эр происходит смена погребальных сооружений, и процедура устройства погребения значительно упрощается: она сводится к рытью ямы, куда ссыпаются собранные после сожжения кости покойного и собираются остатки погребального инвентаря. Остатки кремации часто не очищаются, а ссыпаются в могильную яму вместе с остатками золы и древесных углей, что типично для оксывской культуры. В конце Латенской эпохи в ряде культур (например, рипдорфе, пшеворской, оксывской) появляются погребения с оружием, как правило, нарочито сломанным и обрядово «обезвреженным». Однако это наблюдается не везде: полностью отсутствуют погребения с оружием в ЗК и ПЛК. Можно предположить, что в пределах этих культур существовал запрет на размещение оружия и орудий труда в погребении. И, тем

не менее, в эпоху Латена мы фиксируем полную нивелировку в самом обряде погребения, и такая нивелировка продолжится в последующую эпоху — в римское время. Но это другая тема.

Итак, в итоге работы, мы выделили несколько типов, вариантов, видов захоронений в качестве «оболочки» для урны или просто праха (Рис. 2—8). В качестве таковых выступают:

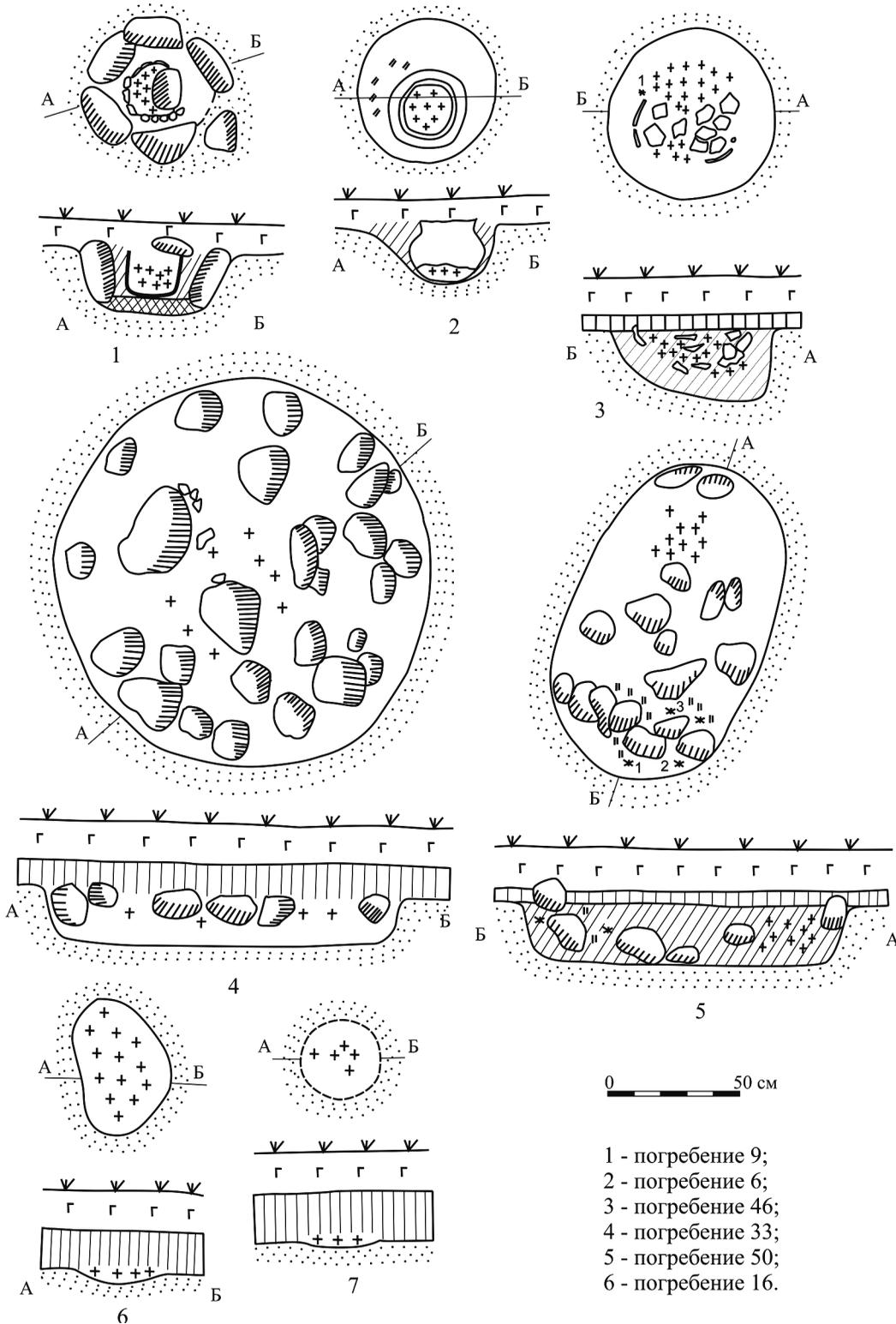

Рис. 2. Типы погребений могильника Покровское

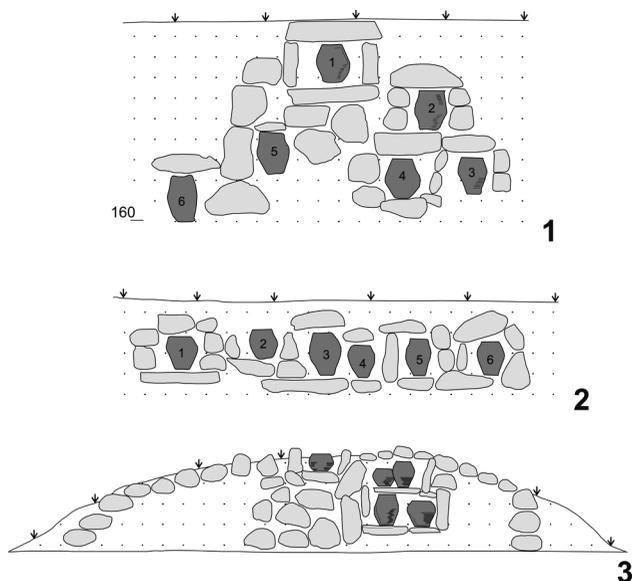

Рис. 3 — Типы погребений поморской культуры. А) в несколько этажей; Б) в яме; В) в кургане

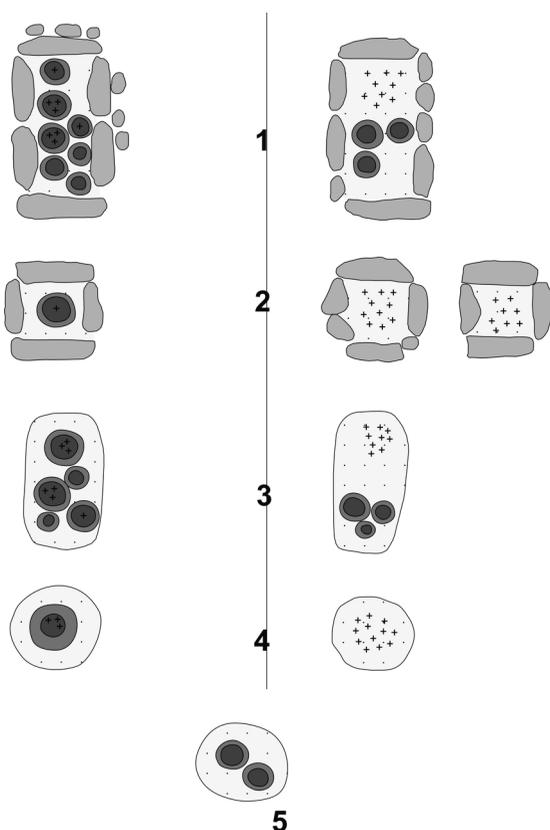

Рис. 4. Левый ряд (сверху вниз) погребения с урнами: 1 — каменный ящик с несколькими урнами; 2 — ящик с одной урной; 3 — ямное с несколькими урнами; 4 — ямное с урной. Правый ряд (сверху вниз) погребения без урн: 1 — ящик с прахом на полу и сосудами-приставками, 2 — ящик с прахом на полу; 3 — ямное с прахом на полу и сосудами-приставками, 4 — ямное с прахом. 5 — кенотаф

Каменный ящик из плит или валунов, представляющий собой камеру подквадратной формы. Чаще всего это место для групповых погребений, в нём стоят несколько сосудов, от одного до десятка. Причем, часть сосудов могут содержать кости праха нескольких человек, а часть — пустые. В каменном ящике может стоять урна с прахом, либо кости лежат кучкой на полу, а сосуд (сосуды) стоит пустой. Вариантов много.

Клешевое погребение — урна и погребальный инвентарь в грунтовой яме под большим горшком — клешем (колпак). Часто в качестве клеша воспринимают позицию, когда сосуд-урна покрыт простой миской. Но это не клёш, а обычная практика закрытия крышкой, часто специально для этого сделанной. Сосуд-клеш — специфическая форма, большой сосуд, покрывающий несколько форм с вещами. Под клешем может стоять урна (урны) с прахом или кости лежат просто на полу.

Урновое погребение — в обычной яме стоит урна, рядом могут находиться сосуды-приставки и инвентарь. Возможен вариант, когда в яме рядом с урной с прахом, лежат кости (прах) на полу, и рядом стоят сосуды-приставки.

Безурновое погребение — яма, где лежат отдельной кучкой кости праха и сосуды с вещами, или просто кости праха и больше ничего.

Кенотафы — в яме только сосуды и вещи, праха нет. Или все раздельно, сосуды стоят отдельно от вещей.

Разрушенные погребения — погребения (остатки погребения), в которых содержится только часть того, что названо выше.

Внутри каждой выделенной группы есть свои варианты.

Здесь необходимо заметить следующее:

Первое: в погребении (ящике, яме, клеше) существует одновременно две позиции. Кости праха могут быть положены в урну, ларец, шкатулку, мешок (последние три до нас не доходят) или просто положены в виде кучки на пол — каменного ящика, ямы, под клеш.

Второе: помимо целых и неповрежденных вспашкой, современными грабителями и т. д. погребений, имеются

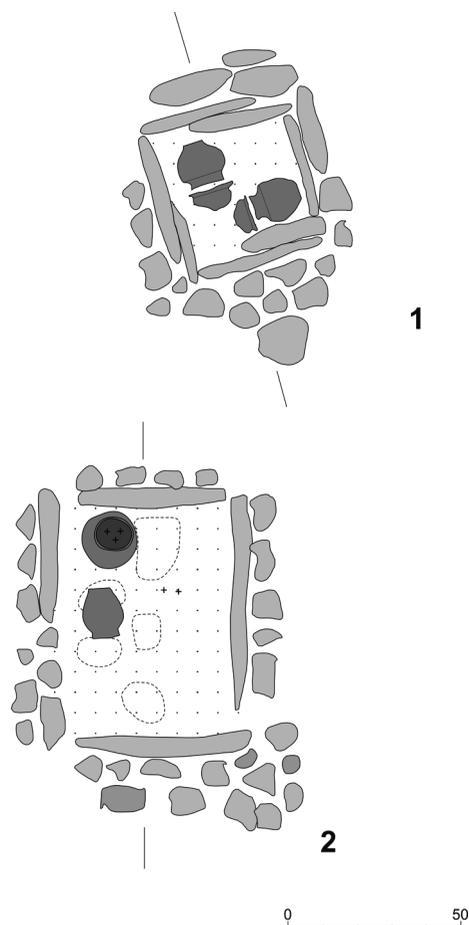

Рис. 5. Каменные ящики с элементами нарушения (начальный этап). Точками указаны «пустые места» где стояли урны

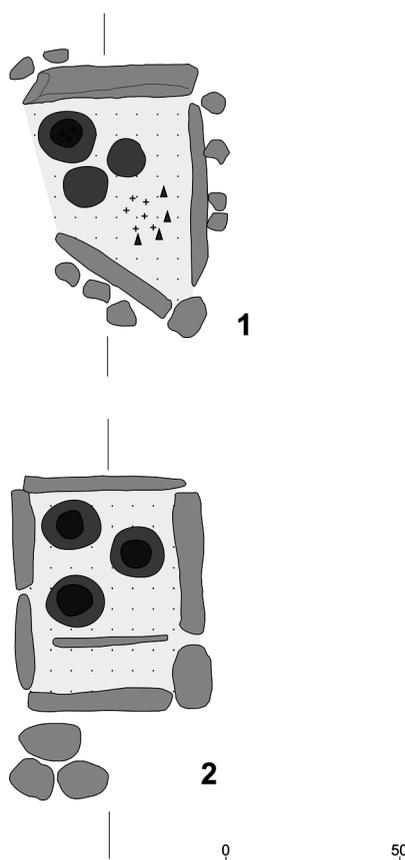

Рис. 6. Каменные ящики, с элементами разрушений:
1 — без стены и урны, часть праха ссыпаны на пол.
2 — урны без остатков праха

и такие, которые были повреждены ещё в древности. Подобных погребений достаточно в каждом раскопанном могильнике, как у нас, на территории бывшего СССР, так и в Польше, и в Германии.

Третье: есть погребения, в которых стоящие урны полностью заполнены кальцинированными костями, почти под край венчика, и тут же присутствуют погребения, в которых найдено 2–3 косточки.

Четвертое: есть погребения, где кости покойного тщательно отмыты, а есть случаи, когда кости перемешаны с костровой золой и древесным углем.

Пятое: есть погребения, где вещевой инвентарь включает полный спектр, от оружия до мелких украшений, но обнаружены и такие погребения, где только две косточки и один черепок.

Шестое: есть погребения, где стоят целые сосуды (сосуд) и прах, а в других — только черепки и прах.

Таким образом, внутри довольно стройного и простого обряда с кремацией, наблюдается достаточно много вариантов и видов устройства погребений, и не всегда они отражают хронологические различия. Можно предположить, что эти различия нередко связаны с полом и возрастом погребенных. На каждом могильнике своя оригинальная ситуация.

У меня есть рабочая версия, почему получается так, что в пределах довольно жесткого распорядка обрядовых действий существуют такие «разночтения». Я не склонен думать, что это «территориальные» различия. Нет, эти явления присущи всем погребальным комплексам, как на Эльбе, так и на Одре, Висле и Днепре.

Мне представляется, что мы имеем дело с населением, основным занятием которого является подсечное земледелие (Петров, 1968). Подсека — это не только способ добычи съестных припасов, но и «идеология» земледельца, обрабатывающего поля при помощи огня. Первобытная идеология находила свое отражение в религиозных обрядах и традициях. Главную роль в обрядовой жизни этих людей,

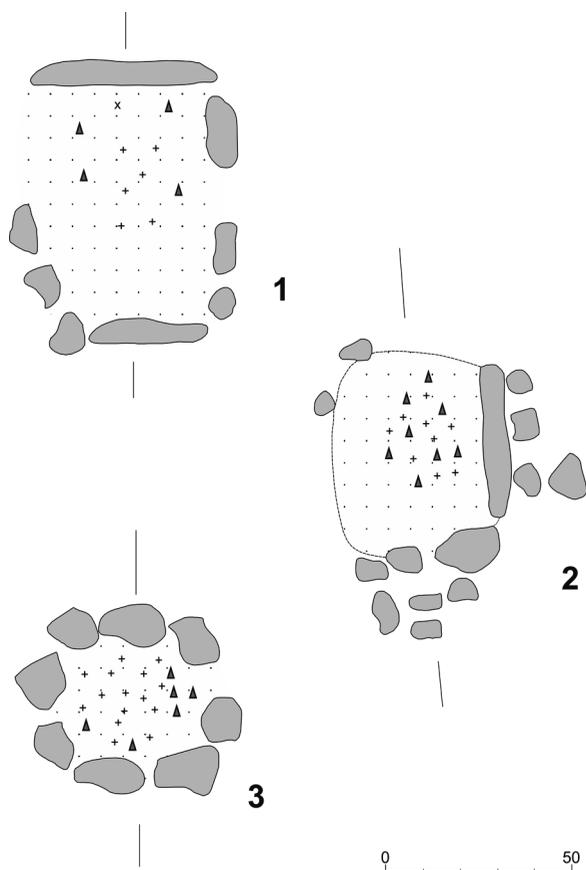

Рис. 7. Разрушенные каменные ящики (1,2,3), содержащие только остатки праха, сосудов нет

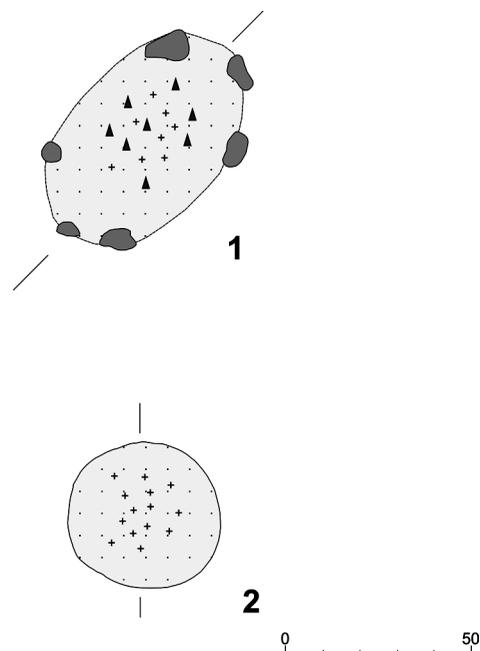

Рис. 8. Бывшее погребение в каменном ящике, разрушенное полностью: 1 — несколько камней; 2 — нет камней

на мой взгляд, играл огонь. Я не стану классифицировать эту идею и определять её место в огромном разнообразии верований. Это работа этнографов и историков. Для меня важно определить направление «поиска». Вся Северная и Восточная Европа, за исключением южных районов, лежала в пределах лесной зоны. Леса подвергались постоянной расчистке под сельскохозяйственные нужды; римская и греческая агрикультура пришли сюда поздно, только в средневековье (Там же).

Подсека — это постоянная смена мест обитания. Смена мест порождает «подвижный образ жизни». «Всё свое ношу с собой», — так гласит римская поговорка. И покойников тоже, тем более, они представлены в виде праха, компактной массы, собранной в сосуд или мешок. Подвижные родовые/семейные группы, переходя на новые места, приносили сюда же своих «патронов» — прах своих старших родственников и предков. Это не что иное, как обряд почитания или культ предков. Конечно, часть костного материала оставалась на первых кладбищах, но другая часть могла распределяться среди родственников, как «мощи» предков. Мне представляется, что именно так возник культ святых мощей.

Приведу высказывание известного историка античности Г.С. Кнабе: «На ранних стадиях исторического развития ограниченные, этнически относительно однородные коллективы обычно воспринимают противостоящие им иные коллективы и все вообще лежащие за пределами освоенной ими территории географическое пространство как нечто неизведанное и потому опасное, как угрозу своему существованию и целостности, как царство враждебных сил. Естественной защитной реакцией древнего человека были обереги, реликвии и религиозные обряды». В древности также был широко распространен обычай *anomponei* (от др. греческого *apotropaïos* — отвращающий беду, талисман, в основе корень *trophaeum* — трофей, памятник победы, знак; *trepo* — кормить). Обычай этот связан с использованием предмета, наделяемого магической силой. Этот предмет защищал от действия злых сил, часто таким предметом были кости умерших предков (Кнабе, 1985).

Нам известно, что кости умершего предка становились реликвиями с древнейших времен. Для этого погребения не зарывались изначально в землю, а обставлялись камнями в виде ящика. Кости праха помещались в урны и ставились среди поля в ящики, которые устраивались в священных рощах. Другими

словами «покойники» не погребались в землю, а «закладывались» (Зеленин, 1994). Вполне возможно, что разрушенные погребения были именно связаны с такой ситуацией, когда перед уходом в другие земли родственники забирали своего похороненного предка, родственника (или некую часть его праха). Это всего лишь рабочая версия. Обычай брать с собой прах земли тоже отсюда.

В археологической литературе давно принято считать, что ряд культур эпохи РЖВ, особенно Латена, испытали на себе кельтское влияние. Например, культуры Поянешти-Лукашевка и ЗК. Но при внимательном анализе данного материала, якобы «кельтского» в них немного. Ну, разве что, керамика, которая — не вся, а только часть — имеет специфический чернолощенный облик. Из погребального инвентаря выделяются фибулы: ранне- и среднелатенских схем, сделанные, скорее всего, на месте, в подражание «модным» моделям. Еще можно назвать браслеты и пронизки. Их могли изготовить бродячие мастера — вот, пожалуй, и весь «кельтский элемент» в данных культурах.

На самом деле, все т.н. «латенизированные» культуры (и восточноевропейские в том числе), как и сами кельты, претерпели долгую эволюцию и прошли через межплеменное смешение. Чернолощенная посуда и многие элементы погребального обряда РЖВ вышли из Гальштатской эпохи. В качестве полигона, где смешивались разные компоненты западных и восточных культур, была Лужицкая культура с её хронологическими вариантами и локальными группами. Теперь спрашивается: о каком кельтском влиянии на востоке от Карпат может идти речь в эпоху Латена? Если археологические культуры на территории южной Польши ещё могли испытывать кельтское влияние, то культуры восточнее Вислы — нет. Мы всегда должны помнить, что:

Кельты давно знакомы с гончарным кругом, в то время, как ЗК и КПЛ не знали его; чтобы сделать посуду в восстановительной среде (чернолощеную) они должны были иметь гончарные горны, но их не найдено. Максимум, что они могли сделать, это «обварить» свою посуду в мучнистом растворе (Бобринский, 1978).

Браслеты, фибулы — явно местные, и их удивительно мало! Фибулы с треугольным щитком встречаются не только на Балканах. Такие фибулы были в Крыму и южной Германии — в Неаполе-Скифском, но они мало похожи на зарубинецкие. Поянештские фибулы обычные, латенские, широко распространенных типов.

Знаменитые вазы — столь популярные в эпоху Латена... На самом деле, все образцы вышли из культуры Террамар и Альпийского Гальштата. Но кто из археологов когда-либо проверял их на степень сходства?

Надо сказать, что М.Б. Шукин и его единомышленники проделали огромную работу по поиску и выявлению не только памятников, но и самих археологических предметов, которые давали бы прямые соответствия кельтским образцам. Но если кельты достаточно хорошо известны, то знаем ли мы, кто такие бастарны?

Первый вопрос, который напрашивается сам собой: что же означает термин «бастарны», «бастарнеи» и т. д. Практически все единодушно видят в «бастарнах» племена германского корня. В работе В.П. Будановой нет четкого объяснения этому слову и его этимологии: «**Бастарны** (бастерны, бастарнеи) — этническое определение этих племен остается спорным. Одни исследователи считают бастарнов сармато-фракийскими племенами, или кельтизированными иллирийцами, другие — германцами. В письменных источниках — греческих и потом римских — они известны с III — II вв. до н. э. (Шукин, 1994). Древние авторы, начиная с I в. н. э., причисляли бастарнов к германским племенам. Размещались бастарны по течению р. Прут вплоть до дельты Дуная (Страбон, Тацит, Плутарх, Птолемей, Аппиан, ... Иордан)» (Буданова, 1991: 44). На мой взгляд, наиболее информированным из античных авторов был Страбон. Посмотрим однако, что он говорит по этому поводу:

Страбон пишет: «4... *Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — языги или роксоланы или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно. Нелегко решить, обитают ли они вплоть до океана, по всей длине побережья, или какая-либо часть страны необитаема из-за холода или по другой причине, или даже другая народность, сменившая германцев, живет между морем и областью восточных германцев. То же самое неведение господствует у нас и относительно прочих, непосредственно следующих за ними северных народностей. Действительно, я не знаю ни бастарнов, ни савроматов, ни вообще народностей, обитающих над Понтом; не знаю даже, как далеко они отстоят от Атлантического моря и граничат ли их области с ним*» (Страбон, 1994, кн. VII, гл. 2. С. 269). В этом пассаже прозвучала идея о кочующих народах. Древним было известно, что языги и роксоланы — кочевники. Но причем здесь бастарны? Да притом, что в переводе с греческого, «бастарне» — означает «паланкин для женщин», или «кибитку с крышей из шкур». Следовательно, бастарны — кочевники. Какие кочевники? Они знали — скифов, сарматов или савроматов, роксолан и т. д. Вот к этим «кочевникам» присоединяются теперь и бастарны.

В современной науке часто обсуждают движение бастарнов. Мы знаем их конечный пункт, но не знаем, откуда они вышли. Неясно где их прародина, место и время их формирования накануне исхода. Немецкие историки и археологи дружно считают бастарнов германцами, но это утверждение носит сомнительный характер.

У Страбона о бастарнах сказано достаточно, чтобы понять, что он не может дать им четкой этнической характеристики: он говорит о них удивительно уклончиво. Перед нами встает проблема: кто же мог оказаться на рубеже III—II вв. до н. э. в устье Дуная?

Ответ не так сложен. С V—III вв. до н. э. в юго-восточной Европе развернулось значительное по масштабам движение кельтских племен от верховьев Дуная и Рейна на Балканы и до Греции. Второй, не менее известный в письменной исторической традиции миграционный процесс в Европе был зафиксирован под датами II—I вв. до н. э. Это было движение кимбров и тевтонов. Они начали с побережья Северного моря и совершая многочисленные повороты в Центральной Европе докатились до Рима, где и были разбиты Гаем Марием в предгорьях Альп.

Варварский мир занимал в ту пору всю Центральную и Северную Европу, от Нижнего Рейна до Карпат. В этом ареале налицо много культур, но все они — культуры полей погребений. Обряд погребения — сожжение; кости помещены в урны — лощеные или храповатые, или и то и другое вместе. Детали: много мисок, X-образные ручки, большие вазы, налепы в виде пупа или полумесяца. И еще очень важная деталь, все культуры Европы — «фибульные»: после контакта с кельтами они поменяли стиль одежды.

Культуры, уходящие корнями в эпоху бронзы:

а) Ясторфская (правобережье Эльбы); в основе — Лужицкая культура с её локальными вариантами (биллендорфской и горицкой). Начало культуры, возможно, относится к VI в. до н. э. Обобщающей работы нет. Хромает и хронология, сделанная Г. Швантесом.

б) Поморская культура, имеющая лужицкую подоснову, а также культура домковых и лицевых урн. Главная дискуссия идет о том, являются ли поморская культура и подклешевая чем-то единым или это две разные культуры? Т. Малиновский считал: они едины.

в) Из поморской культуры во II в. до н. э. выделяются две новых: оксывская и пшеворская. В погребениях появляется оружие.

г) Культура Поянешти — Лукашевка, локализуемая между Днестром и Прутом.

д) Зарубинецкая культура — охватывает бассейн Припяти, Среднее (Киевское) Поднепровье и Верхнее Поднепровье.

Нам известно: первое письменное упоминание о германцах относится к середине I в. до н. э. Оно принадлежит Юлию Цезарю (Цезарь, 1948), увидевшему германцев на северном Рейне, в земле белгов. Реально германцы перестают вызывать сомнения только в I веке н. э. (Плиний и Тацит). Археологическое воплощение германцев — ясторфская культура и её поздние варианты — зеедорф и рипдорф. Область их распространения — бассейн Одры и бассейн Эльбы. К востоку от Ясторфа располагаются археологические культуры вислянского бассейна. В низовьях Вислы, от среднего течения и до устья (впадения в Балтику) это поморская культура. Ее хронология — VI—IV вв. до н. э. Восточнее поморской культуры, на территории Восточной Пруссии в тот же период появляется культура западно-балтийских курганов — КЗБК. Лужицкая культура, датируемая VIII—VI вв. до н. э., доживает на юге, в верховьях Вислы, до образования подклешевой культуры, которая появляется в IV в. н. э. Итак, начало Латена представлено на Висле тремя формированиями:

1. север, низовья Вислы — поморская культура;
2. юг, верховья Вислы — подклешевая культура;
3. северо-восток, за Вислой — КЗБК (культура западно-балтийских курганов).

Все эти три археологические культуры, по своей материальной составляющей, почти идентичны друг другу. Только в погребальном обряде КЗБК много меньше вещей. Все три культуры имеют одинаковый погребальный обряд: урновые и безурновые погребения, в каменных ящиках (склепы), или в «домковых» урнах, с небольшим количеством погребального инвентаря. Носители всех трех культур хоронят умерших в грунтовых могильниках и в курганах, где имеется по одному или несколько погребений. Все три культуры практикуют комплексное хозяйство: земледелие — подсека, скотоводство, охота/рыболовство. Поселения открытого типа — селища. Есть городища, но редко.

Стоит отметить, что ясторфская культура (германская) — по всем параметрам идентична выше названным.

Далее, в середине латенской эпохи (III—II вв. до н. э.) происходит трансформация старых культур в новые. На севере возникает оксывская культура (на месте поморской); на юге — пшеворская культура

(на месте подклешевой); на северо-востоке — КЗБК продолжает своё существование дальше. Все три культурных формирования доживают до рубежа эр. И это нормально: на месте старых культур формируются новые.

Археологические культуры на востоке, за Вислой и Днестром, с VIII по I вв. до н. э. сохраняют, в целом, неизменный вид. Это так называемые «лесные», «городищенские» культуры верховьев Днепра, Волги и Оки. Они совершенно не похожи на культуры висленского бассейна. Самое главное: в них отсутствует погребальный обряд, аналогичный западным культурам. Археологически погребения не известны. До сих пор идут споры, кто оставил эти культуры: балты или финны? Следовательно, нет смысла искать там предков «бастарнов» или родственные им культуры.

В конечном счете, мы можем предполагать, что культуры, локализуемые в бассейнах Вислы — Западного Буга — Днестра, могут быть не только германскими, но и славянскими (точнее протославянскими). Как ни странно, именно этим последним до сих пор нет места на исторической карте? Многие немецкие и польские археологи считают, что поморская и подклешевая культуры — не германские. Но тогда чьи же они?

Пространство между Вислой и Днепром целиком соответствуют славяно-балтской гидронимии (по В.Н. Топорову и О.Н. Трубачеву). В принципе, протославян имеет смысл искать на территории со славянскими и балтскими гидронимами. Выходит так, что у них должен быть погребальный обряд, идентичный ясторфскому, где остатки кремации складываются в урну или просто в яму. Такими археологическими культурами могли быть только культуры поморская, подклешевая (последняя, по Седову, славянский субстрат), КЗБК и западная часть милоградской культуры (балтский субстрат).

В заключении отмечу, что тема, представленная мною здесь, огромная и естественно, что мне не удалось её отразить в требуемом объеме. Многое пришлось оставить за «кадром». Я, прежде всего, стремился передать часть своих наблюдений, которые возникли у меня в период работы над темой, с польским и немецким материалом. Не спорю, многие выводы, к которым я пришел, для меня самого неожиданны и непривычны. По-видимому, необходимо время, чтобы они «улеглись».

Источники и литература

- Страбон. 1994. География. М.
- Тацит К. 1969. Анналы. Малые произведения. Т. 1–2. Л.
- Цезарь Г.Ю. 1948. Записки Ю. Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., Л.
- Буданова В.П. 1991. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М.
- Гусаков М.Г. 2005. К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без неё // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. М. С. 31–32.
- Гусаков М.Г. 2008. Погребения на городищах лесной полосы железного века. Милоградские и Юхновские погребальные комплексы. // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства — истории и перспективы. Тезисы докладов. Брянск. С. 44–46.
- Кнабе Г.С. 1985. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М. С. 108–166.
- Колосовская Ю.К. 1988. Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае в V–I вв. до н. э. // История Европы. Древняя Европа. Т. 1. М. С. 504–512.
- Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ, ДТ–19, М. 1964.
- Максимов Е.В. 1978. Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Петров В.П. 1968. Подсечное земледелие. Киев.
- Седов В.В. 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. №163.
- Спицын А.А. 1904. Памятники латенской культуры в России. // Известия императорской Археологической комиссии». Вып. 12. СПб.
- Третьяков П.Н. 1966. Финны-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л.
- Терпиловский Р.В. 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. // Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
- Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Godowski K. 1979. Z badan nad zagadnieniem rozprestrzenienia slowian w V-VII w.n.e. Krakow.
- Kossinna G. 1902. Die indogermanische Frage archeologisch beantwortet. // Zeitschrift fur Ethnologie 34. S. 161–222.
- Reinecke P. 1906. Aus der russischen archäologischen Literatur. // Meiner Zeitschrift, I, Mainz.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России. Киев.
- АН СССР — Академия наук СССР.
- АНХМУ — Архив Национального Художественного музея Украины.
- АО — Археологические открытия.
- АП НАНУ — Архив Президиума НАНУ (Архів Президії НАН України).
- АПО — Археологические памятники Оренбуржья.
- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
- АС — Археологический съезд.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- АЭБ — Археология и этнография Башкирии.
- ВАУ — Вопросы археологии Урала.
- ВОГУ — Вісник Одеського університету ім. І. І. Мечнікова. Одесса.
- ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства. Одесса.
- ВУАК — Всеукраинский археологический комитет. Киев.
- ВУАН — Всеукраинская Академия наук. Киев.
- ВУА — Военно—учетный архив.
- ГААРК — Государственный архив Автономной республики Крым.
- ГАВО — Государственный архив Владимирской области, Владимир.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ГАК — Государственный архив г. Киева. Киев.
- ГАОО — Государственный архив Одесской области. Одесса.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, М.
- ГАХО — Государственный архив Харьковской области. Харьков.
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ДОКМ — Донецкий областной краеведческий музей.
- ЕТЦ — Енциклопедія трипільської цивілізації, Київ.
- ЗНТШ — Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів.
- ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ИААЭ — Институт археологии, антропологии и этнографии АН СССР. Л.
- ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
- ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии, СПб.
- ИА НБУВ — Інститут архівознавства Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Київ.
- ИА РАН — Институт Археологии Российской Академии наук. М.
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР. Л. М.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
- ИР НБУВ — Інститут рукописей Національної бібліотеки України імені В. Вернадського. Киев.
- КАИ — Киевский Археологический институт. Киев.
- КИНО — Киевский институт народного образования. Киев.
- КС — Киевская старина. Киев.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- ЛОИА — Ленинградское Отделение Института Археологии АН СССР. Л.
- МАО — Московское Императорское Археологическое общество. М.

- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭСУ — Музей археологии и этнографии Слободской Украины. Киев.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
МОГАИМК — Московское отделение ГАИМК. М.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА НМУ — Научный архив национального музея истории Украины. Киев.
НА ОАМ НАНУ — Научный архив Одесского археологического музея Национальной академии наук Украины. Одесса.
НБУВ — Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского. Киев.
ОАМ — Одесский археологический музей.
ООИД — Одесское общество истории и древностей.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. М.
РА — Российская археология. М.
РА НА ИИМК — Рукописный архив Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
РАНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. М.
РГИА — Российский государственный исторический архив. СПб.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
РПГТКУ — Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара (Тальянки, 1990 г.). Київ.
СА — Советская археология. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. М.—Л.
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТКУ — Трипільська культура на Україні. Українська академія наук. Всеукраїнська археологічна комісія. Київ.
Тр. ОГУ — Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Одесса.
УІЖ — Український історичний журнал. Київ.
ХГВ — Харьковские губернские ведомости. Харьков.
ХИФО — Харьковское историко-филологическое общество. Харьков.
ХПК — Харьковский Предварительный комитет по созыву XII Археологического съезда. Харьков.
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области. Нижний Новгород.
ЦГАВОВУУ — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
ЦГАМЛИ — Центральный государственный архив-музей литературы и искусства.
ЦГАОО — Центральный Государственный архив общественных организаций.
ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив. М.
ЦГИМ — Центральный исторический архив г. Москвы. М.
ЦГИАК — Центральный государственный исторический архив г. Киева. Киев.
ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив Украины, Киев.
ЦРГВИА — Центральный Российский государственный военно-исторический архив. М.
ЮК — Южный край.
ЮУАЭ — Южно-Уральская археологическая экспедиция.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
SCIV(A) — Studii și cercetări de istorie veche (și arheologie). București.

Содержание

Резолюция Международной научной конференции «История археологии: личности и школы: к 160-летию В.В. Хвойки» (5–8 октября 2010 года).....	5
От редактора (Н.И. Платонова).....	7

Раздел I. В.В. Хвойка: наследие известное и неизвестное

В.А. Колесникова (<i>Украина, Киев</i>) Викентий Вячеславович Хвойка (1850–1914).....	9
В.А. Колесникова (<i>Украина, Киев</i>) «Ваши труды и хлопоты не будут забыты...» (культурно-просветительская деятельность В.В. Хвойки).....	13
М.Ю. Видейко (<i>Украина, Киев</i>) Полевые дневники Викентия Хвойки: история открытий археологических памятников и источник для исследований.....	25
Т.Н. Радиевская, Н.Н. Беленко (<i>Украина, Киев</i>) Первый археологический опыт Викентия Хвойки.....	32

Раздел II. Археологическая историография: проблемы, концепции, парадигмы...

И.Л. Тихонов (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) «Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии).....	41
И. В. Тункина (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине.....	55
Л.С. Клейн (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Научные школы в российской археологии.....	65
Н. И. Платонова, М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX вв.).....	70
С.В. Палиенко (<i>Украина, Киев</i>) Историко-культурное деление позднего палеолита Восточной Европы: основные тенденции в развитии археологического познания и критерии культурной атрибуции памятников (к постановке проблемы).....	99
Я. П. Гершкович (<i>Украина, Киев</i>) Международная школа квазиархеологии: ее прошлое и предсказуемое будущее.....	105
О.М. Мельникова (<i>Россия, Ижевск</i>) Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога.....	112
Е. Н. Михайленко (<i>Украина, Киев</i>) Термин «профессиональный археолог»: уровень квалификации и ответственности.....	115

Раздел III. История археологии: источники, факты, личности

Т. В. Брязкало (<i>Україна, Київ</i>) Пам'яті Івана Григоровича Підоплічка — зоолога, палеонтолога, археолога.....	121
А.М. Буровский (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>), Е.В. Детлова (<i>Россия, Красноярск</i>) Конфликт профессиональных культур (к истории взаимоотношений В.А. Городцова и Г. Мергарта).....	127
И.Н. Гавриленко (<i>Украина, Полтава</i>) Участие Владимира Вернадского в исследованиях палеолитической стоянки Гонцы.....	134
М. В. Гречишкина (<i>Украина, Харьков</i>) А. И. Тереножкин — малоизвестные факты научной биографии (1930–1935 гг.).....	141
Г.И. Дроздова (<i>Россия, Казань</i>) Архив профессора А.Х. Халикова.....	145
Е.А. Елесина (<i>Украина, Черкассы</i>) Среднее Поднепровье в археологических исследованиях А.А. Бобринского (по материалам раскопок конца 1870–1910-х гг.).....	150
Е.Ю. Захарова (<i>Россия, Воронеж</i>) Становление воронежской археологии: роль Н.Е. Макаренко.....	156
Н.В. Иванова (<i>Россия, Нижний Новгород</i>) Переписка В.Т. Илларионова как источник по истории отечественной археологии 1920–1940-х гг.	162

Д.В. Киосак (<i>Украина, Одесса</i>) Синтетические археологические карты Северо-Западного Причерноморья: этапы развития и современное состояние	170
В.А. Колесникова (<i>Украина, Киев</i>) История становления археологических структур Украинской Академии наук	176
А. Н. Колесниченко (<i>Украина, Одесса</i>) М. Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М. Ф. Болтенко	181
А.В. Корохина (<i>Украина, Киев</i>) История исследования бондарихинской культуры в историографии эпохи поздней бронзы	187
С.В. Кузьминых (<i>Россия, Москва</i>), А.Н. Усачук (<i>Украина, Донецк</i>) «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е.Макаренко А.М. Тальгрелу)	195
С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко (<i>Украина, Киев</i>) Вклад С.С. Гамченко в изучение памятников тшинецкого культурного круга	217
С. Н. Ляшко (<i>Украина, Киев</i>) Особенности автобиографий 1920–1930-х гг. (на примере автобиографий исследователей украинского археологического наследия из фондов Института рукописи НБУВ)	231
Н.Л. Моргунова, А.А. Евгенийев (<i>Россия, Оренбург</i>) Роль Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К.Ф. Смирнова в разработке проблем бронзового века степной зоны Евразии	236
А.Е. Музычко (<i>Украина, Одесса</i>) Взаимодействие одесской и киевской школ археологов в XIX — начале XX вв.	244
А. С. Пудовкина (<i>Украина, Киев</i>) Музей (кабинет) антропологии и этнологии им. Ф.К. Вовка (1921–1933 гг.): научно-исследовательская и музейная деятельность в области археологии	248
С.Б. Охотников (<i>Украина, Одесса</i>) Одесская школа археологии: основные этапы развития (конец XVIII — начало XXI вв.)	255
В.В. Скирда (<i>Украина, Харьков</i>) Вклад А.С. Федоровского в развитие археологии.....	263
И.Н. Скирда (<i>Украина, Харьков</i>) На службе археологической науке: П.С. Уварова и XII Археологический съезд в г. Харькове	268
А.С. Смирнов (<i>Россия, Москва</i>) П.С. Уварова как организатор Археологических съездов на Украине.....	273
Г.А. Станицына (<i>Украина, Киев</i>) Личные фонды ученых-археологов в научном архиве Института археологии НАН Украины	281
Л.В. Татаурова, П.В. Орлов (<i>Россия, Омск</i>) Татьяна Николаевна Троицкая — основатель новосибирской археологической школы: личность, ученый, педагог	288
Д. К. Черновол (<i>Украина, Киев</i>) Исследования интерьера трипольских построек в конце XIX — начале XX вв.	296
И. В. Черновол (<i>Украина, Киев</i>) Книжные собрания выдающихся ученых как источник по истории археологии: по материалам личной библиотеки Ф.К. Вовка (Волкова)	305
С.П. Щавелёв (<i>Россия, Курск</i>) Географические предпосылки русской археологии: первые «Описания Курского наместничества»	316

Раздел IV. Археологические памятники: проблемы интерпретации

О.Н. Кононенко (<i>Украина, Киев</i>) Радомышльские верхнепалеолитические стоянки: распространенные стереотипы восприятия памятников	324
Н.Б. Бурдо (<i>Украина, Киев</i>) Триполье-Кукутень в контексте понятия «археологическая культура»	331
Э.В. Овчинников (<i>Украина, Киев</i>) Синкретические памятники Триполья: проблемы интерпретации	338
М.Г. Гусаков (<i>Россия, Москва</i>) Открытие В.В. Хвойкой зарубинецкой культуры и проблема бастарнов	346
Список сокращений	360

История археологии: личности и школы

Материалы Международной научной конференции
к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки
Киев (5–8.10.2010)

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Л.А. Философова*

Подписано в печать 23.11.2011. Формат 60x84 ¹/₈
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5
Тираж 300 экз. Заказ № 2477

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235–15–86
e-mail: nestor_historia@list.ru; www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01–23